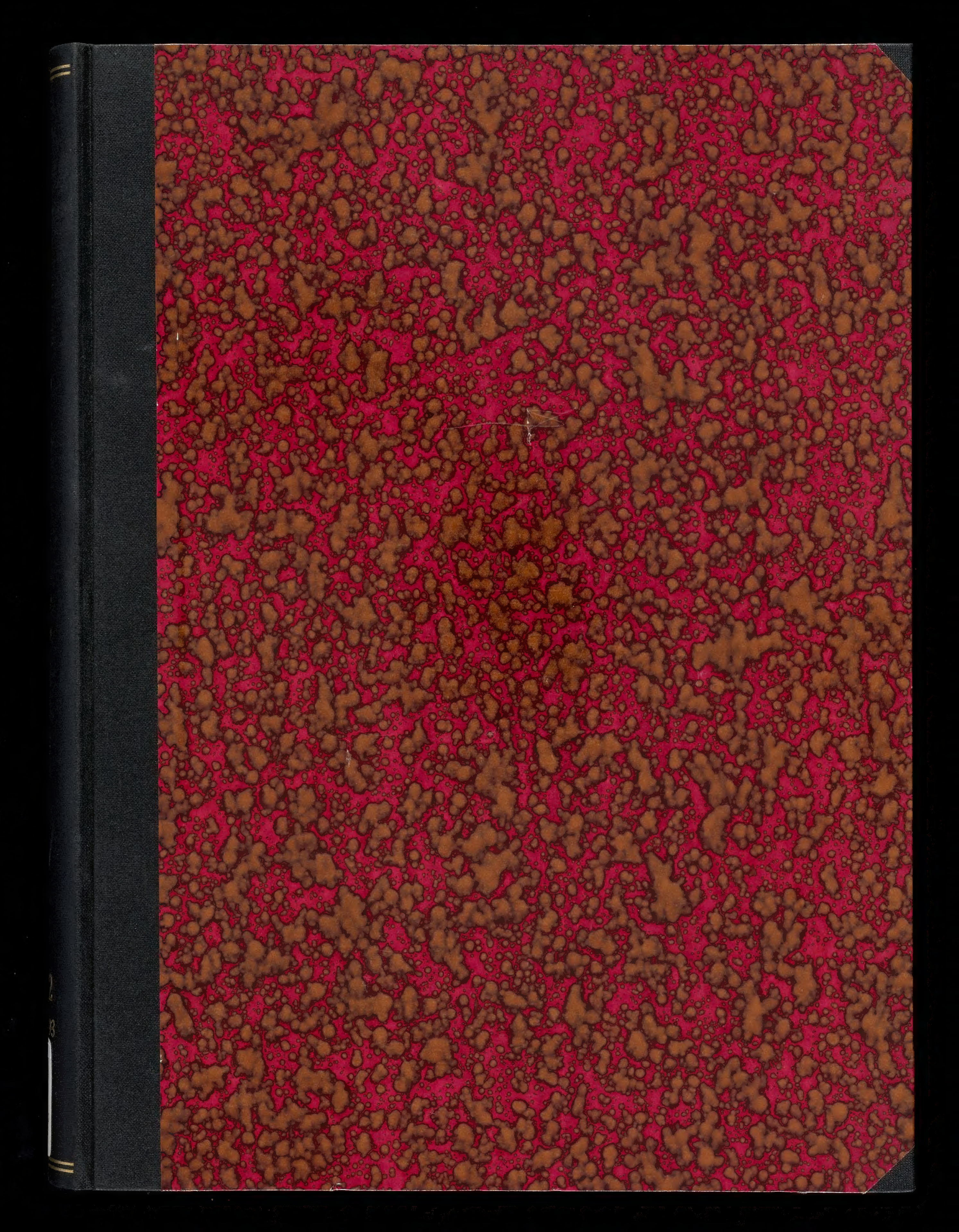

9-12

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie" publiés par la Commission Impériale Archéologique, livraison 9-e. Antiquités de la Russie méridionale.

Sommaire.

Inscriptions grecques et latines découvertes dans la Russie méridionale de 1889 à 1891, avec commentaires par V. Latycheff.

1) **Inscriptions de Chersonèse.** I. Inscriptions en vieux grec: a) texte d'un serment civil des habitants de Chersonèse, b) décrets, c) acte d'acquisition pour achat de terres, d) inscriptions votives, e) inscriptions funéraires, f) divers fragments. II. Inscriptions latines. III. Inscriptions grecques de l'ère byzantine. Supplément: Inscriptions gréco-latines.

2) **Inscriptions du Bosphore.**

3) **Inscriptions de Tyras.**

4) **Inscriptions de Tanaïs.**

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

ГРЕЧЕСКІЯ И ЛАТИНСКІЯ НАДПИСИ

НАЙДЕННЫЯ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ

ВЪ 1889—1891 ГОДАХЪ.

СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ

В. В. ЛАТЫШЕВА.

СЪ 1 ОТД. ТАБЛИЦЕЙ И 11 ПОЛИТИПАЖАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1892.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Раскопки, производимыя съ 1888 года К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ по порученію Императорской Археологической Коммиссіи въ мѣстности древняго Херсониса Таврическаго и Византійскаго Херсона, ежегодно увѣнчиваются болѣе или менѣе важными археологическими открытіями, въ ряду которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ древне-греческія, латинскія и византійскія надписи, по немногу расширяющія наши свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ быта обитателей этого города въ разныя времена. Пять обломковъ надписей, найденныхъ въ 1888 г., были уже изданы мною по лестному порученію Коммиссіи въ приложеніи къ ея отчету за 1882 — 88 годы [1]). Въ настоящей статьѣ я, также по порученію Коммиссіи, намѣренъ представить посильный разборъ надписей, найденныхъ въ послѣдніе три года. Средствами для ознакомленія съ текстами служили мнѣ фотографическіе снимки и эстампажи, которые были посылаемы г. Косцюшко-Валюжиничемъ въ Археологическую Коммиссію и оттуда препровождались ко мнѣ, а время и мѣсто находки каждаго камня и внѣшній видъ его я узнавалъ изъ отчетовъ и донесеній г. Косцюшко, копіи которыхъ также были присылаемы ко мнѣ, благодаря любезности В. Г. Тизенгаузена и И. А. Суслова [2]). Надписи будутъ расположены не по времени ихъ открытія, а въ систематическомъ порядкѣ по ихъ содержанію, языку, на которомъ онѣ написаны, и эпохамъ, къ которымъ относятся.

I. НАДПИСИ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКІЯ.

a. Текстъ гражданской присяги Херсонисцевъ.

1. Первое мѣсто между всѣми вновь найденными надписями и второе между всѣми до сихъ поръ извѣстными эпиграфическими памятниками Херсониса по своей важности занимаетъ надпись, содержаніе которой обозначено въ заглавіи. Она вырѣзана на большой мраморной

---

[1]) Inscriptiones Graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonesi Tauricae per annos 1881—1888 repertae. Petropoli 1890.

[2]) Нѣкоторыя относящіяся сюда свѣдѣнія имѣются еще въ брошюрѣ К. К. Косцюшко-Валюжинича «Археологическія раскопки въ Херсонесѣ» (сообщеніе, читанное въ Севастопольскомъ морскомъ собраніи 8 и 9 апрѣля 1891 г.). Отд. оттискъ изъ «Крымскаго Вѣстника», №№ 91 и 92, 1891 г.

плитѣ, украшенной вверху фронтономъ; книзу плита постепенно расширяется и утолщается. Она найдена разбитою на двѣ части немного ниже средины; оба куска совершенно сходятся, такъ что отъ разбитія, къ счастью, пропала только одна строка. Нижняя часть найдена въ октябрѣ 1890 г., а верхняя — 4 марта 1891 г. въ мѣстности Херсониса (къ западу отъ новаго собора св. Владиміра) въ одномъ изъ вновь раскопанныхъ христіанскихъ храмовъ византійской эпохи, гдѣ она была употреблена въ качествѣ матеріала для настилки пола. По сообщенію А. В. Орѣшникова[1]) размѣры плиты слѣдующіе: вышина съ фронтономъ 139 сантиметровъ, ширина вверху подъ фронтономъ 38 сантим., внизу 42 сантим., толщина 11—13 сантиметровъ. Буквы надписи, вышиною отъ 1 до $1^1/_2$ сантим. (о меньше другихъ буквъ), вырѣзаны очень тщательно и красиво и въ верхней части превосходно сохранились, въ нижней же мѣстами попорчены, особенно по краямъ плиты. Характеръ письма довольно близко напоминаетъ ольвійскій декретъ въ честь Протогена, но нѣкоторыя буквы имѣютъ болѣе древнія формы. Для установленія текста у меня были подъ руками: 1) рукописная копія, любезно присланная мнѣ графомъ А. А. Бобринскимъ, 2) два превосходныхъ эстампажа и 3) отличная фотографія, по которой и сдѣлано facsimile на прилагаемой таблицѣ.

Возстановленіе несохранившихся частей текста въ нижней части не представляетъ никакихъ затрудненій; сомнительно только возстановленіе несохранившейся строки въ мѣстѣ разбитія, да не удалось подобрать вполнѣ подходящаго глагола въ концѣ предпослѣдней строки и возстановить конецъ послѣдней, гдѣ было окончаніе заклятія. Къ нижеслѣдующей транскрипціи текста мы сочли нелишнимъ присоединить точный русскій переводъ en regard.

Ὀμνύω Δία, Γᾶν, Ἅλιον, Παρθένον,
[θ]εοὺς Ὀλυμπίους καὶ Ὀλυμπίας
[κ]αὶ ἥρωας ὅσοι πόλιν καὶ χώραν
καὶ τείχη ἔχοντι τὰ Χερσονασι-
τᾶν· ὁμονοησῶ ὑπὲρ σωτηρίας
καὶ ἐλευθερίας πόλεος καὶ πολι-
τᾶν καὶ οὐ προδωσῶ Χερσόνασον
οὐδὲ Κερκινῖτιν οὐδὲ Καλον λιμέ-
να οὐδὲ τἆλλα τείχη οὐδὲ τὰς ἄλ-
λας χώρας ἂν Χερσονασῖται νέμον-
ται ἢ ἐνέμοντο οὐθενὶ οὐθὲν οὔτε Ἕλ-
λανι οὔτε βαρβάρωι, ἀλλὰ διαφυλα-
ξῶ τῶι δάμωι τῶι Χερσονασιτᾶν, οὐ-
δὲ καταλυσῶ τὰν δαμοκρατίαν οὐ-
δὲ τῶι προδιδόντι καὶ καταλύοντι ἐ-
πιτρεψῶ οὐδὲ συγκρυψῶ, ἀλλὰ ἐ-
ξαγγελῶ τοῖς δαμιοργοῖς τοῖς κα-
τὰ πόλιν· καὶ πολέμιος ἐσσοῦμαι τῶ[ι]

Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и богинями Олимпійскими и героями, кои владѣютъ городомъ и землею и укрѣпленіями Херсонаситовъ: я буду единомысленъ относительно благосостоянія и свободы города и гражданъ и не предамъ [ни] Херсонаса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани, ни прочихъ укрѣпленій, ни прочихъ земель, коими Херсонаситы владѣютъ или владѣли, ничего никому — ни Еллину, ни варвару, но буду охранять для народа Херсонаситовъ; и не нарушу демократіи и желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вмѣстѣ [съ нимъ], но заявлю городскимъ даміургамъ; и врагомъ буду злоумышляющему и предающему и склоняющему къ отпаденію Херсонасъ или Керкинитиду или Прекрасную гавань или укрѣпленія и область Херсонаситовъ; и буду служить дамі-

[1]) Въ письмѣ отъ 1 мая 1891 г. Оттуда-же заимствовано указаніе, что плита служила матеріаломъ для пола въ христіанскомъ храмѣ.

ἐπιβουλεύοντι καὶ προδιδόντι ἢ ἀφιστάντι Χερσόνασον ἢ Κερκινῖτιν ἢ Καλὸν λιμένα ἢ τὰ τείχη καὶ χώραν τὰν Χερσονασιτᾶν· καὶ δαμιοργησῶ καὶ βουλευσῶ τὰ ἄριστα καὶ δικαιότατα πολει καὶ πολίταις καὶ τὸν ΣΑΣΤΗΡΑ τῶι δάμωι διαφυλαξῶ καὶ οὐκ ἐχφερομυθησῶ τῶν ἀπορρήτων οὐθὲν οὔτε ποτὶ Ἕλλανα οὔτε ποτὶ βα[ρ]βαρον, ὃ μέλλει τὰμ πόλιν βλάπτειν· οὐδὲ δωρεὰν δωσῶ οὐδὲ δεξοῦμαι ἐπὶ βλάβαι πολεος καὶ πολιτᾶν· οὐδὲ ἐπιβουλευσῶ ἄδικον πρᾶγμα οὐθενὶ οὐθὲν τῶμ πολιτᾶν τῶμ μὴ ἀφεστακότων, οὐδὲ τῶι ἐπιβουλεύο[ντι τοιοῦτον πρᾶγμα οὐθὲν ἐπιτρεψῶ οὐθε]νί, ἀλλ’ ἐξαγγελ[ῶ] καὶ κρινῶ ψά[φωι] κατὰ τοὺς νόμους· οὐδὲ συνωμο[σί]αν συνομοῦμαι οὔτε κατὰ τοῦ κοιν[οῦ] τοῦ Χερσονασιτᾶν οὔτε κατὰ τῶμ [πο]λιτᾶν οὐδενός, ὃς μὴ ἀποδέδεικτ[αι π]ολέμιος τῶι δάμωι· εἰ δέ τινι συν[ώμο]σα καὶ εἴ τινι καταλέλαμμαι ὅρ[κωι ἐ]π’ εὐχαῖ, δι[α]λυ[σ]αμένωι μὲν ἄ[μειν]ον εἴη καὶ ἐμοὶ καὶ τοῖς ἐμοῖς, ἐμμ[έν]οντι δὲ τὰ ἐναντία· καὶ εἴ τινά κ[α σ]υνωμοσίαν αἴσ[θ]ωμαι ἐοῦσαν [ἢ γιγ]νομέναν, ἐ[ξ]αγγελῶ τοῖς δαμ[ιοργ]οῖς· οὐδὲ σῖτον ἀπὸ τοῦ πεδίου ἀ[παγ]ώγιμον ἀποδωσοῦμαι οὐδὲ ἐξ[α]ξῶ ἄλλαι ἀπὸ τοῦ πεδίου, ἀλλ’ [εἰς Χ]ερσόνασον. Ζεῦ καὶ Γᾶ καὶ Ἅλιε [καὶ] Παρθένε καὶ θεοὶ Ὀλύμπιοι, ἐμμένο[ν]τι μέμ μοι εὖ εἴη ἐν τούτοις καὶ αὐ[τῶι] καὶ γένει καὶ τοῖς ἐμοῖς, μὴ ἐμμέν[ον]τι δὲ κακῶς καὶ αὐτῶι καὶ γένει καὶ [τοῖς] ἐμοῖς, καὶ μήτε γᾶ μοι μήτε θά[λασ]σα καρπὸν φέροι μήτε γυν[αῖκες . . . .]νοιεν μήτε . . . .

ургомъ и членомъ совѣта какъ можно лучше и справедливѣе для города и гражданъ; и . . . . . народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тайнаго ни Еллину, ни варвару, что̀ можетъ повредить городу; и дара не дамъ и не приму ко вреду города и гражданъ; и не замыслю никакого неправеднаго дѣянія противъ кого-либо изъ гражданъ не отпавшихъ и никому замышляющему [никакого подобнаго дѣянія не дозволю], но заявлю и при судѣ подамъ голосъ по законамъ; и въ заговоръ не вступлю ни противъ общины Херсонаситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, кто не объявленъ врагомъ народу; если же я съ кѣмъ-либо вступилъ въ заговоръ и если связанъ какою-либо клятвою по обѣту, то нарушившему да будетъ лучше и мнѣ и моимъ[1]), а пребывающему — обратное; и если я узна́ю какой-либо заговоръ существующій или составляющійся, то заявлю даміургамъ; и хлѣба вывознаго съ равнины не буду продавать и вывозить въ другое мѣсто съ равнины, но [только] въ Херсонасъ. Зевсъ и Земля и Солнце и Дѣва и боги Олимпійскіе, пребывающему мнѣ въ этомъ[2]) да будетъ благо и самому и роду и моимъ, а не пребывающему — зло и самому и роду и моимъ, и да не приноситъ мнѣ плода ни земля, ни море, ни женщины да не . . . . .

[1]) Здѣсь, какъ и въ стр. 53, мѣстоименіе вѣроятно стоитъ въ среднемъ родѣ (τὰ ἐμά) и обозначаетъ имущество.

[2]) Т. е. соблюдающему эту клятву во всѣхъ ея пунктахъ.

Изъ текста сразу видно громадное значеніе этого документа не только для пополненія нашихъ свѣдѣній о древнемъ Херсонисѣ, но и для греческихъ государственныхъ древностей вообще. Для правильной оцѣнки этого значенія и сообщаемыхъ документомъ свѣдѣній прежде всего, конечно, нужно знать, къ какому времени онъ относится. Къ сожалѣнію въ содержаніи документа нѣтъ рѣшительно никакихъ прямыхъ данныхъ для пріуроченія его къ опредѣленному времени. Приходится ограничиться тѣми выводами, которые можно извлечь изъ наблюденій надъ характеромъ письма и особенностями языка и орѳографіи документа. Выше было уже замѣчено, что характеромъ письма нашъ документъ напоминаетъ извѣстный Ольвійскій декретъ въ честь Протогена, но нѣкоторыя буквы имѣютъ болѣе древнія формы (именно Γ, Μ, Ξ, Π, Σ и Ω). Протогеновскій декретъ, какъ намъ удалось показать, надѣемся, съ достаточною вѣроятностью[1]), относится ко 2-й половинѣ III в. до Р. Хр.; стало быть Херсонисскую присягу можно будетъ съ такою-же вѣроятностью пріурочить приблизительно къ 1-й половинѣ того-же вѣка или даже къ концу IV-го (хотя послѣднее, сознаемся, нѣсколько рискованно). И дѣйствительно, формы буквъ присяги близко подходятъ къ типу письма этихъ временъ въ другихъ греческихъ городахъ. Орѳографія надписи также свидѣтельствуетъ въ пользу такого опредѣленія времени: въ ней нѣтъ ни одной особенности, которая бы обусловливалась позднѣйшимъ произношеніемъ дифтонговъ или отдѣльныхъ гласныхъ звуковъ; приписная іота вездѣ стоитъ на мѣстѣ за исключеніемъ одного сомнительнаго случая: въ концѣ строки 18-й она, быть можетъ, пропущена по недостатку мѣста. Далѣе мы замѣчаемъ въ надписи существованіе ассимиляціи конечнаго ν въ μ передъ губными и носовыми, — явленіе, свойственное преимущественно надписямъ V—III вѣковъ до Р. Хр., хотя встрѣчающееся и позднѣе[2]). Аспирація κ передъ φ (ἐχφερομυθησῶ въ стр. 26) въ аттическихъ надписяхъ наблюдается только въ V и IV вв., а послѣ 292 г. форма ἐχ не встрѣчается[3]). Формы οὐθείς и μηθείς вм. οὐδείς и μηδείς, постоянно встрѣчающіяся въ нашей надписи, по наблюденіямъ Мейстерганса[4]) входятъ въ употребленіе въ Аттикѣ съ 378 г., становятся господствующими около 330 г. до Р. Хр. и продолжаютъ существовать до временъ римскихъ императоровъ. Съ другой стороны въ надписи нѣтъ уже случаевъ написанія простаго ο вмѣсто «нечистаго» дифтонга ου, каковое явленіе было господствующимъ въ орѳографіи надписей какъ изъ Аттики, такъ и изъ другихъ городовъ, въ первой половинѣ IV в., а затѣмъ встрѣчалось все рѣже и рѣже и къ концу этого вѣка исчезло почти совершенно[5]). Такимъ образомъ всѣ внѣшніе признаки говорятъ въ пользу предложеннаго опредѣленія времени нашего документа.

Съ перваго-же взгляда очевидно, что этотъ документъ представляетъ собою текстъ клятвы или присяги. Клятва, какъ гарантія вѣрности извѣстнаго обѣщанія, утвержденія или отрицанія,

---

[1]) См. наши «Изслѣдованія объ исторіи и госуд. строѣ г. Ольвіи» (Спб. 1887), стр. 66 сл. и замѣтку «Къ исторіи города Ольвіи» въ Журн. М. Н. Пр., февраль 1890 г., отд. класс. филол. стр. 68 сл.

[2]) Max Hecht въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи «Orthographisch-dialektische Forschungen auf Grund att. Inschriften» (Königsb. 1885), стр. 35, относитъ «Blütezeit» этого явленія въ Аттикѣ ко времени между 430 и 350 годами. Ср. Meisterhans, Gramm. der att. Inschr.[2] (1888), стр. 85 сл.

[3]) Meisterhans ук. соч., стр. 82.

[4]) Тамъ-же, стр. 216.

[5]) Впрочемъ къ Аттикѣ оно встрѣчается до 270 годовъ, ср. Мейстерганса стр. 5 и 21.

имѣла чрезвычайно широкое распространеніе у древнихъ народовъ, въ томъ числѣ и у грековъ, какъ въ частной жизни, такъ и въ государственной и общественной. Аѳинскій ораторъ Ликургъ въ своей извѣстной рѣчи противъ Леократа (§ 79) называетъ клятву «τὸ συνέχον τὴν δημοκρατίαν» и, выясняя ея значеніе, говоритъ, что клятвопреступникъ не можетъ скрыться отъ боговъ и избѣжать ихъ возмездія, но если не самъ онъ, то по крайней мѣрѣ дѣти и весь родъ клятвопреступника подвергаются великимъ несчастіямъ. Въ числѣ актовъ государственной жизни вступленіе въ ряды полноправныхъ гражданъ молодыхъ людей по достиженіи ими гражданскаго совершеннолѣтія повсюду въ еллинскомъ мірѣ считалось такимъ, при которомъ необходимо было требовать отъ этихъ новыхъ гражданъ клятвеннаго обѣщанія повиноваться отечественнымъ законамъ и единодушно пещись о благѣ и преуспѣваніи отечества. Ксенофонтъ[1]) говоритъ о повсемѣстности этого обычая въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія или отрицанія: «καὶ πανταχοῦ ἐν τῇ Ἑλλάδι νόμος κεῖται τοὺς πολίτας ὀμνύναι ὁμονοήσειν, καὶ πανταχοῦ ὀμνύουσι τὸν ὅρκον τοῦτον». Извѣстно, что въ Аѳинахъ такую присягу давали всѣ молодые граждане по достиженіи гражданскаго совершеннолѣтія, послѣ записи въ общинную книгу дима, къ которому каждый юноша принадлежалъ по рожденію[2]).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вновь найденный въ Херсонисѣ документъ содержитъ текстъ такой-же общегражданской присяги, а не клятвы высшаго государственнаго сановника[3]). Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ содержанію текста, то замѣтимъ, что во всѣхъ пунктахъ его подтверждается клятвою именно то, что входитъ въ кругъ обязанностей всякаго благомыслящаго гражданина, а не отдѣльнаго какого-нибудь магистрата: пещись единодушно о благосостояніи и свободѣ города и гражданъ, не измѣнять отечеству и не предавать въ руки враговъ ни одного изъ его владѣній, не нарушать существующей формы государственнаго устройства и не дозволять другимъ измѣны или нарушенія формы правленія, но своевременно доводить о подобныхъ замыслахъ до свѣдѣнія государственной власти; въ случаѣ выбора въ число даміурговъ или членовъ совѣта исполнять эти должности какъ можно лучше и справедливѣе; никому не выдавать государственныхъ тайнъ во вредъ городу, не брать и не давать съ подобною цѣлью взятокъ, не злоумышлять противъ отдѣльныхъ честныхъ гражданъ и не давать другимъ злоумышлять, но доводить о злоумышленникахъ до свѣдѣнія государственной власти и судить ихъ по законамъ; не вступать въ заговоры противъ отечества или отдѣльныхъ честныхъ согражданъ, а о существующихъ заговорахъ доводить до свѣдѣнія даміурговъ, наконецъ не нарушать существующихъ правилъ о хлѣбной торговлѣ.

Это краткое резюме содержанія присяги, мнѣ кажется, совершенно ясно показываетъ, что въ ней вездѣ идетъ рѣчь объ общегражданскихъ обязанностяхъ, а не о спеціальныхъ обязанностяхъ отдѣльныхъ государственныхъ властей; если въ ней и упоминается объ исполненіи должностей даміурговъ, членовъ совѣта и судей, то лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ —

---

[1]) Восп. о Сокр. IV, 4, 16.

[2]) Содержаніе клятвы приводитъ Ликургъ въ р. *пр. Леокр.* § 76. Текстъ присяги сохранился у І. Стов. *Floril.* XLVII, 48 и въ нѣсколько иной редакціи у Полид. VIII, 105. Переводъ первой редакціи см. въ нашемъ «Очеркѣ греч. древностей», I^2, стр. 202.

[3]) Такое предположеніе высказалъ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ въ письмѣ къ предсѣдателю Таврической ученой арх. коммиссіи, напечатанномъ въ № 13 «Извѣстій» коммиссіи, стр. 82.

съ точки зрѣнія обязанности каждаго гражданина исполнять какъ можно лучше и честнѣе каждую государственную должность, къ которой онъ можетъ быть призванъ. Цѣль записи на камнѣ такого текста присяги совершенно ясна: это былъ оффиціальный текстъ присяги, по которому ее прочитывали присягавшіе, подобно тому какъ мы присягаемъ въ разныхъ случаяхъ по печатнымъ текстамъ. Въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, молодые граждане присягали въ святилищѣ Аглавры[1]); весьма вѣроятно, что и въ Херсонисѣ мѣстомъ приведенія къ присягѣ служило какое-нибудь святилище, въ которомъ и былъ выставленъ для прочтенія присягавшими сохранившійся до насъ текстъ. Вполнѣ возможно, что и въ Аѳинахъ и въ другихъ городахъ существовали подобные-же тексты присяги, вырѣзанные на камняхъ. Что нашъ текстъ сохранился отъ III в. до Р. Хр., а не отъ болѣе древнихъ временъ, это вполнѣ возможно объяснить тѣмъ, что съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ условій жизни, формъ правленія, объема владѣній и т. п. измѣнялись и самые тексты.

Если мы сравнимъ текстъ Херсонисской присяги съ текстомъ Аѳинской, то замѣтимъ, что въ первомъ обязанности честнаго гражданина по отношенію къ отечеству и отдѣльнымъ согражданамъ перечислены гораздо полнѣе и разностороннѣе, нежели во второмъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что Херсонисскій текстъ, если не всецѣло, то въ главнѣйшихъ чертахъ, отражаетъ въ себѣ практическіе (а, конечно, не философско-теоретическіе) взгляды на обязанности гражданина къ государству, съ теченіемъ времени выработавшіеся въ греческихъ политіяхъ и вылившіеся въ опредѣленныя формулы къ III в. до Р. Хр., — и въ этомъ заключается главная цѣна нашего документа и главное значеніе его, какъ интереснаго дополненія къ длинному ряду документальныхъ источниковъ для изученія греческой государственной жизни.

Переходя теперь къ выясненію его значенія въ частности, какъ источника для исторіи и государственнаго устройства Херсониса, мы можемъ замѣтить, что въ немъ заключается нѣсколько интересныхъ дополненій къ нашимъ свѣдѣніямъ по этимъ вопросамъ. Мы видимъ, что въ III в. до Р. Хр. Херсонисъ представлялъ собою свободную и вполнѣ благоустроенную политію съ опредѣленной димократической формой правленія, съ правильно устроенными органами совѣщательной, судебной и исполнительной власти. Владѣнія ея не ограничивались однимъ городомъ съ ближайшими его окрестностями, но простирались на цѣлую область (χώρα), въ составъ которой входили: Κερκινῖτις, Καλὸς λιμήν, ἄλλα τείχη и πεδίον. Объ этихъ мѣстностяхъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Древнѣйшее извѣстіе о городѣ Керкинитидѣ встрѣчаемъ мы у Екатэя Милитскаго въ «описаніи Европы»[2]), а слѣдующее по времени — у отца южно-русской географіи Иродота, который въ одномъ мѣстѣ своего описанія Скиѳіи говоритъ, что рѣка Ипакирь впадаетъ въ море около этого города, оставляя вправо Полѣсье и такъ называемый Ахилловъ Бѣгъ[3]), а въ другомъ — что «отъ рѣки Истра уже начинается собственная (старая) Скиѳія, обращенная къ полудню и вѣтру Ноту до города, называемаго Каркинитидою; отсюда страну, прилегающую къ этому-же морю, гористую и выступающую въ Понтъ, населяетъ племя Тавровъ до такъ называемаго

---

[1]) Плут. *Алкив.* 15; Полид. VIII, 105.

[2]) Стеф. Визант. п. сл. Καρκινῖτις· πόλις Σκυθική· Ἑκαταῖος Εὐρώπῃ. οἱ κατοικοῦντες Καρκινῖται.

[3]) IV, 55: ἔκτος δὲ Ὑπάκυρις ποταμός, ὃς ὁρμᾶται μὲν ἐκ λίμνης, διὰ μέσων δὲ τῶν νομάδων Σκυθέων ῥέων ἐκδιδοῖ κατὰ Καρκινῖτιν πόλιν, ἐς δεξιὴν ἀπέργων τήν τε Ὑλαίην καὶ τον Ἀχιλλήιον δρόμον καλεόμενον.

Скалистаго Полуострова»[1]). Въ периплѣ, извѣстномъ подъ именемъ Скилака, въ стихотворномъ землеописаніи, приписывавшемся Скимну Хіосскому, и у Стравона нѣтъ упоминанія объ этомъ городѣ, хотя послѣдній авторъ неоднократно упоминаетъ о Каркинитскомъ заливѣ (Καρκινίτης κόλπος). Такимъ образомъ слѣдующее по времени послѣ Иродота упоминаніе о Керкинитидѣ, а также и о Прекрасномъ портѣ, оказывается въ знаменитомъ декретѣ Херсонисцевъ въ честь Діофанта Синопскаго, воеводы Миѳридата Евпатора[2]), гдѣ мы читаемъ (стр. 18—21), что во время втораго похода противъ Скиѳовъ «καίπερ τοῦ καιροῦ συγκλείοντος εἰς χειμῶνα, Διό[φα]ντος ἀναλαβὼν τοὺς ἰδίους καὶ τῶν πολιτᾶν τοὺς δυνατωτάτους ὥρμασε μὲν ἐπ' αὐτὰ [τὰ β]ασίλεια τῶν Σκυθᾶν, κωλυθεὶς δὲ διὰ χειμῶνας, ἐπιστρέψας ἐπὶ τὰ παραθαλάσσια Κερκινῖτιν [μὲν] ἐλάβετο καὶ τὰ τείχη, τοὺς δὲ τὸν Καλὸν λιμένα κατοικοῦντας πολιορκεῖν ἐπεβάλετο». Затѣмъ Арріанъ въ своемъ «Периплѣ Понта Евксинскаго», сообщая разстояніе между главными мѣстностями Крыма по направленію съ востока, говоритъ (§ 19 и 20), что отъ Херсониса до Каркинитиды 600 стадій, отъ Каркинитиды до Прекраснаго порта, тоже скиѳскаго, — 700 ст. и отъ Прекраснаго порта до Тамираки — 300 ст. Плиній ставитъ города Navarum и Carcine при томъ-же Каркинитскомъ заливѣ[3]). Помпоній Мела, указывая мѣстоположеніе города Carcine согласно съ Плиніемъ, подъ Прекраснымъ портомъ разумѣетъ «обильный гаванями» заливъ между мысами Бараньимъ лбомъ и Парѳеніемъ, на самомъ дѣлѣ не существующій[4]). Птолемэй называетъ городъ Κάρκινα первымъ въ числѣ «материковыхъ городовъ въ рѣчныхъ долинахъ у рѣки Каркинита» и ставитъ его подъ 59°30′ и 48°45′, а Прекрасный портъ помѣщаетъ подъ 59°30′ и 47°45′ между Кефалонисомъ и Тамиракою, западнѣе устьевъ рѣки Каркинита[5]). Безъименный авторъ «Перипла Понта Евксинскаго», заимствуя разстоянія безъ сомнѣнія у Арріана[6]), говоритъ, что отъ Херсона до Коронитиды или Каркинитиды 600 стадій или 80 миль, а отсюда до скиѳскаго Прекраснаго порта Херсонисской земли (εἰς Καλὸν λιμένα Σκυθικὸν Χερσωνίτιδος) 700 ст. или 93⅓ мили, и что отъ Прекраснаго порта начинается такъ называемый Каркинитскій заливъ, простирающійся до Тамираки и имѣющій въ длину 2250 ст. или 300 миль, а въ ширину 300 ст. или 40 миль. Если къ этимъ извѣстіямъ прибавить нѣсколько несомнѣнно принадлежащихъ городу Керкинитидѣ монетъ, по типамъ сходныхъ съ Херсонисскими и имѣющихъ легенду **KEPKI** или **KEP**[7]), то этимъ будутъ исчерпаны, кажется, всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся отъ древнихъ временъ о Керкинитидѣ.

---

[1]) IV, 99.

[2]) Inscr. Pont. I n° 185.

[3]) Plin. *Nat. h.* IV, 84: Mare subit magno recessu, donec V milium passuum intervallo absit a Maeotide, vasta ambiens spatia multasque gentis. sinus Carcinites appellatur. Flumen Pacyris. oppida Navarum, Carcine... (§ 85) a Carcinite Taurica incipit.

[4]) P. Melae *Chorogr.* (ed. Parthey) II, 1, 3: In Paludem vergentia Satarchae tenent... in Euxinum mare Taurici. super eos sinus portuosus et ideo Calos limen appellatus promunturiis duobus includitur. Alterum Criumetopon vocant... Parthenium alterum. § 4. Quod inter Paludem et sinum est Thaterae nominantur, sinus Carcinites. in eo urbs est Carcine, quam duo flumina Gerrhos et Ypacares uno ostio effluentia adtingunt...

[5]) Ptol. *Geogr.* (ed. C. Mullerus) III, 5, 2 и 13.

[6]) Anon. *Per.* § 57 (Geogr. Gr. min ed. C. Mullerus, v. I, p. 416).

[7]) См. П. О. Бурачкова Общій каталогъ монетъ элл. колоній сѣв. побережья Чернаго моря (Од. 1884), стр. 97 сл.

Что касается до Καλὸς λιμήν'а, то какъ изъ нашей надписи, такъ и изъ декрета въ честь Діофанта видно, что это былъ не только портъ, но и укрѣпленный городокъ, который Діофанту пришлось осаждать. Нѣкоторые ученые думаютъ, что упоминаніе объ этомъ портѣ, кромѣ вышеназванныхъ писателей, было еще у Стравона въ VII, 4, 2. Описавъ въ предыдущемъ § такъ называемое Гнилое озеро, Стравонъ въ началѣ § 2 говоритъ: «Ἐκπλέοντι δ' ἐν ἀριστερᾷ πολίχνη καὶ ἄλλος λιμὴν Χερσονησιτῶν», а затѣмъ прямо переходитъ къ описанію полуострова, на которомъ лежалъ городъ Херсонисъ. Если обратить вниманіе на послѣдній § предыдущей главы, то будетъ очевидно, что въ приведенной фразѣ слѣдуетъ разумѣть выходъ изъ Тамиракскаго или Каркинитскаго залива. Такъ какъ раньше авторъ не упоминалъ ни о какой Херсонисской гавани, то выраженіе καὶ ἄλλος λιμὴν возбуждаетъ сильное сомнѣніе и потому уже Казобонъ предложилъ читать πολίχνη Καλὸς λιμὴν Χερσονησιτῶν, основываясь, по всей вѣроятности[1]), на томъ, что по Безъименному Прекрасный портъ находился именно при началѣ Каркинитскаго залива. Эта конъектура Казобона, при всей ея кажущейся привлекательности, не стала, однако, общепризнанною; правда, нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ и издателей (напр. Кораисъ) и изъ русскихъ изслѣдователей древней географіи сѣвернаго побережья Чернаго моря принимаютъ ее на вѣру или даже полагаютъ, что Καλὸς λιμὴν несомнѣнно находился въ первоначальномъ текстѣ Стравона, но новѣйшіе издатели Крамеръ и Мейнеке отказываютъ ей въ правдоподобіи. Первый удерживаетъ чтеніе рукописей[2]), а второй въ текстѣ отмѣчаетъ данное мѣсто звѣздочкой, какъ испорченное, въ предисловіи же вмѣсто ἄλλος предполагаетъ ἅμα. Позднѣе К. Мюллеръ въ своемъ изданіи Птолемэя предположилъ въ этомъ мѣстѣ Стравона пропускъ, который предложилъ восполнить слѣдующимъ образомъ: ἐκπλέοντι δ' ἐν ἀριστερᾷ πολίχνη [καὶ Καλὸν λιμήν, εἶτα δὲ] ἄλλος λιμὴν Χερσονησιτῶν[3]). Намъ кажется, что это предположеніе о пропускѣ совершенно вѣрно, но что онъ былъ значительнѣе, нежели думаетъ Мюллеръ, и заключалъ въ себѣ болѣе или менѣе подробное описаніе побережья отъ нынѣшняго мыса Тарханъ-кута до Севастопольскаго рейда, который, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разумѣть подъ ἄλλος λιμήν; возможно, что въ пропавшемъ мѣстѣ было упоминаніе и о Прекрасномъ портѣ и о Керкинитидѣ. Кто знакомъ съ состояніемъ Стравоновскаго текста, особенно въ VII книгѣ, тому предположеніе о значительномъ пропускѣ не можетъ показаться невѣроятнымъ. Основанія нашего предположенія мы надѣемся подробнѣе изложить въ особой замѣткѣ.

Во всякомъ случаѣ изъ вышеизложеннаго, надѣемся, ясно, что конъектура Казобона болѣе чѣмъ сомнительна и что ссылаться на Стравона при опредѣленіи мѣстоположенія Прекраснаго порта нельзя. Показанія же другихъ писателей о мѣстоположеніи города Керкинитиды и этого порта весьма разнорѣчивы. Наибольшаго вѣроятія заслуживаетъ, конечно, свидѣтельство Арріана (повторенное съ дополненіями Безъименнымъ), что Керкинитида находилась въ 600 стадіяхъ за Херсонисомъ (если плыть вдоль берега Крыма съ востока), а Прекрасный портъ — въ 700 стадіяхъ отъ нея. Надпись въ честь Діофанта подтверждаетъ это показаніе, свидѣтельствуя, что

---

[1]) Не имѣя, къ сожалѣнію, подъ руками изданія Казобона, я не могу сказать, какъ онъ мотивировалъ свою конъектуру.

[2]) Strabonis Geographica rec. G. Kramer, v. II (Berol. 1847) p. 35. Мотивы, по которымъ Крамеръ отвергаетъ конъектуру Казобона, не могутъ быть признаны достаточными.

[3]) Cl. Ptolemaei Geographia, rec. C. Müllerus, v. I (Paris, ed. Firmin Didot, 1883), p. 415.

это были приморскія мѣстности и находились несомнѣнно въ Крыму. Основываясь на свидѣтельствахъ Арріана и Безъименнаго, новые изслѣдователи неоднократно пытались точно опредѣлить мѣстоположеніе Керкинитиды и Прекраснаго порта, но далеко еще не пришли къ соглашенію. Не говоря объ опредѣленіяхъ завѣдомо невѣрныхъ или не основанныхъ на близкомъ знакомствѣ съ мѣстностью, мы укажемъ только на наиболѣе авторитетныя. Относительно Прекраснаго порта мнѣнія дѣлятся между Акмечетскою бухтою на южномъ берегу Каркинитскаго (или Перекопскаго) залива, не далеко отъ выхода изъ него, и Сары-булатскою косою на той-же сторонѣ залива къ сѣверо-востоку отъ бухты Акмечетской. На Акмечетскую бухту указалъ еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія академикъ Кёлеръ[1]; съ нимъ соглашаются такіе авторитетные знатоки древней географіи сѣвернаго Черноморскаго побережья, какъ покойный Ф. К. Брунъ[2] и В. Н. Юргевичъ[3]; послѣдній указываетъ, что на средневѣковыхъ итальянскихъ картахъ въ этой самой мѣстности находится имя Calolimena. За Сары-булатъ высказался, кромѣ Геля и Тетбу-де-Мариньи, К. Нейманъ[4], приведшій довольно основательныя соображенія въ пользу нахожденія здѣсь Прекраснаго порта, а за нимъ весьма настойчиво указывалъ на эту мѣстность П. О. Бурачковъ[5]. Что касается до Керкинитиды, то Брунъ сначала[6] помѣщалъ ее въ урочищѣ Юртлукѣ, въ 3-хъ верстахъ къ западу отъ Евпаторіи, основываясь на итальянскихъ картахъ XIV и XV столѣтій, на которыхъ мѣстность вблизи нынѣшней Евпаторіи отмѣчена именами Chrichinirі, Chirechiniti, Saline de Crichinirі и т. под., очевидно, исковерканными изъ Cercinitis. Впослѣдствіи, однако, Брунъ присоединился[7] къ мнѣнію П. О. Бурачкова, который помѣстилъ Керкинитиду въ 25 верстахъ къ с.-з. отъ Евпаторіи у Донгузлавскаго озера, на той сторонѣ, которая обращена къ Акмечетской бухтѣ, при Бельаузскомъ трактирѣ близъ селенія Ойбуръ[8]. На эту мѣстность впрочемъ и раньше Бурачкова приблизительно указывали Нейманъ[9] и Десимони[10]. Г. Юргевичъ при комментированіи надписи Діофанта[11] ограничился приведеніемъ этихъ мнѣній, предоставляя читателямъ самимъ избрать изъ нихъ самое правдоподобное, но прибавивъ отъ себя два вопроса, клонившіеся къ тому, чтобы нѣсколько подорвать вѣроятность мнѣнія г. Бурачкова. Послѣдній не остался въ долгу и написалъ большую статью[12],

[1]) H. K. E. Köhler, Mém. sur les îles et la course cons. à Achille dans le Pont Euxin въ Mém. de l'Acad. de St.-Pétersb. v. X, p. 616.

[2]) Опытъ соглашенія противопол. мнѣній о Герод. Скиѳіи, стр. XXIII (Древности Герод. Скиѳіи, изд. Импер. Археол. Комм., Спб. 1872) = Черноморье, т. II (1880), стр. 7.

[3]) Записки Импер. Од. Общ. т. XII, стр. 35.

[4]) K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande (Berl. 1855), стр. 377.

[5]) «О мѣстоположеніи древняго г. Каркинитеса и монетахъ ему принадлежащихъ» въ Зап. Од. Общ. т. IX (1875 г.), стр. 1—133. См. особенно стр. 122 сл.

[6]) Опытъ соглашенія, ук. стр.

[7]) Черноморье, т. II, стр. 7.

[8]) Зап. Од. Общ. т. IX, стр. 122, и т. XII, стр. 233.

[9]) Die Hell. im Skythenl. стр. 378: «zwischen den Tatarendörfern Adschi Baschi und Sultan Ali». По словамъ г. Бурачкова (Зап. Од. Общ. XII, стр. 233) деревни эти находятся «не доходя Дунгузлавскаго озера» со стороны Евпаторіи.

[10]) «Въ примѣчаніяхъ къ гидрографическому средневѣковому атласу Luxoro. Генуа, 1869, при объясненіи слова Crenica» (указаніе В. Н. Юргевича въ Зап. Од. Общ. XII, стр. 32).

[11]) Зап. Од. Общ. XII, стр. 32.

[12]) Тамъ-же, стр. 222—248.

въ которой отстаиваетъ вѣрность своихъ мнѣній при помощи всевозможныхъ доводовъ, изъ коихъ добрая доля является лишнимъ балластомъ. Въ недавнее время совершенно самостоятельно высказался за пріуроченіе Керкинитиды къ Донгузлавскому озеру П. Н. Кречетовъ[1]). Согласіе большинства изслѣдователей заставляетъ считать мѣстонахожденіе Керкинитиды въ этой мѣстности вполнѣ вѣроятнымъ[2]); что же касается до Прекраснаго порта, то мы оставляемъ вопросъ объ его мѣстонахожденіи открытымъ, не будучи лично знакомы съ мѣстностями, къ которымъ онъ пріурочивается, и не желая черезчуръ раздвигать рамки нашего комментарія подробнымъ разсмотрѣніемъ доказательствъ, приводимыхъ изслѣдователями въ пользу того или другаго пріуроченія. По тѣмъ-же причинамъ мы не будемъ касаться вопроса о томъ, тожественна-ли иродотовская Каркинитида, называемая Каркиною у Плинія, Мелы и Птолемэя, съ крымской Керкинитидой, или это были два разные города, и ограничиваемся замѣчаніемъ, что мы рѣшительно присоединяемся къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ эти названія принадлежащими одному и тому-же городу[3]).

Кромѣ Керкинитиды и Прекраснаго порта въ текстѣ присяги упоминаются еще «другія укрѣпленія», принадлежавшія Херсонису (строки 9 и 21). Въ декретѣ въ честь Діофанта также упоминаются τὰ τείχη, которыя тогда принадлежали Скиѳамъ и были взяты Діофантомъ. Въ комментаріи къ этому декрету[4]) В. Н. Юргевичъ, основываясь на томъ, что τὰ τείχη названы между Керкинитидою и Прекраснымъ портомъ, высказалъ предположеніе, что «вѣроятнѣе всего мы должны искать этого замка въ урочищѣ, находящемся въ 13 верстахъ на ЮЗ. отъ Акмечетской бухты, на пути къ мысу, называемому на Черноморской картѣ Манганари (1828—1836 г.) Карамрунъ, и къ Тарханкуту, тамъ, гдѣ на военной картѣ Мухина (1817) показаны два поселенія, принадлежащія одному обществу Костель и Кастель». Нужно замѣтить, однако, что упоминаніе объ укрѣпленіи послѣ Керкинитиды еще не служитъ доказательствомъ его нахожденія за этимъ городомъ: мѣстности эти могли быть названы въ декретѣ и не въ топографическомъ порядкѣ, а въ хронологическомъ — по времени ихъ взятія Діофантомъ, или просто по степени важности. Въ настоящее время изъ текста присяги мы узнаемъ, что такихъ безъименныхъ укрѣпленій было нѣсколько. Построены они были, конечно, для защиты отъ набѣговъ Скиѳовъ и Тавровъ, но гдѣ каждое изъ нихъ находилось, опредѣлить невозможно.

Сравнивая свидѣтельство присяги съ показаніемъ декрета въ честь Діофанта, мы видимъ, что въ III в. до Р. Хр. Керкинитида, Прекрасный портъ и «другія укрѣпленія» принадлежали жителямъ Херсониса, но впослѣдствіи были отняты у нихъ Скиѳами, во владѣніи которыхъ находились и во время войнъ Діофанта въ Крыму, такъ что Діофантъ во вторую кампанію двинулся

---

[1]) Зап. Од. Общ. т. XV (1889 г.), стр. 472 сл.

[2]) На картѣ сѣвернаго побережья Чернаго моря, приложенной ко 2-му тому «Inscriptionum o. s. Ponti Euxini», я поставилъ Керкинитиду близъ Евпаторіи согласно съ прежнимъ мнѣніемъ Бруна и «Картой древнихъ поселеній на югѣ Россіи», составленной проф. Л. Ф. Воеводскимъ къ VI археол. съѣзду въ Одессѣ въ 1884 году.

[3]) Спасскій (Зап. Од. Общ. II, стр. 20 сл., и Археолого-нумизм. сборникъ, стр. 163 сл.), Кёне (Музей Коч. I, стр. 105 сл.), Боннель (Beitr. zur Alterthumsk. Russlands, т. I, стр. 102), Брунъ (Черном. II, стр. 8), Юргевичъ (Зап. Од. Общ. XII, стр. 30), Кречетовъ (ibid. XV, стр. 473) и др. За существованіе двухъ городовъ высказывались: Фридлендеръ (Annali dell' Inst. di corr. arch. XIV, 1845 г., стр. 232 сл.), Нейманъ (Hell. im Skythenl., стр. 375 сл. и 443), Бурачковъ (ук. статьи въ Зап. Од. Общ.), К. Мюллеръ (Cl. Ptolemaei Geogr. v. I, p. 415) и др.

[4]) Зап. Од. Общ. XII, стр. 32.

противъ нихъ, взялъ Керкинитиду и «стѣны» и приступилъ къ осадѣ Прекраснаго порта, отъ котораго былъ отвлеченъ приближеніемъ Палака съ соединенными полчищами Скиѳовъ и Ревксиналовъ; взялъ ли онъ Прекрасный портъ послѣ «прекрасной и достопамятной на всѣ времена» побѣды надъ этими полчищами, въ надписи прямо не говорится, хотя это и нужно считать вполнѣ вѣроятнымъ при блестящемъ успѣхѣ, которымъ сопровождалась вторая кампанія. Какъ бы то ни было, во времена Арріана онъ снова находился во власти Скиѳовъ[1]). Сопоставленіе свидѣтельствъ надписей прекрасно подтверждаетъ слова Стравона (VII, 4, 3), что Херсонисъ первоначально былъ независимъ, но потомъ, будучи одолѣваемъ варварами, былъ вынужденъ взять себѣ въ покровители Миѳридата Евпатора.

Если въ III в. и Керкинитида и Прекрасный портъ были подвластны Херсонису, то, значитъ, область (χώρα) этого города простиралась почти на всю западную часть Крыма. Въ нее входила между прочимъ упоминаемая въ стр. 47 и 49 равнина (πεδίον), на которой находились хлѣбныя поля Херсонисцевъ. Безъ сомнѣнія эта-же самая равнина упоминается въ херсонисской надписи въ честь Агасикла, сына Кти[сіева], относящейся, по всей вѣроятности, также къ III вѣку[2]): изъ нея видно, что на равнинѣ находились также виноградники, которые размежевалъ Агасиклъ. Эти упоминанія о равнинѣ невольно приводятъ на память слѣдующее описаніе Крымской равнины у Стравона (VII, 4, 6): «Въ Херсонисѣ, за исключеніемъ горной области на морскомъ берегу до Ѳеодосіи, вся остальная часть представляетъ равнину съ хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлѣбомъ: земля, вспаханная какъ попало любымъ пахаремъ, даетъ урожай самъ тридцать. Жители давали въ дань Миѳридату 180000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ серебра вмѣстѣ съ азіатскими мѣстечками возлѣ Синдики, и въ прежнія времена отсюда вывозился хлѣбъ къ Еллинамъ, подобно тому, какъ соленая рыба изъ Мэотиды»[3]). При такомъ богатствѣ Крымской равнины хлѣбомъ нѣсколько страннымъ кажется тотъ фактъ, что Херсонисскіе граждане должны были клятвенно обязываться не продавать и не вывозить своего хлѣба никуда, кромѣ Херсониса: приходится заключить, что собираемаго на равнинѣ хлѣба было едва достаточно для прокормленія города. Это было, очевидно, явленіе постоянное, а не временное, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ не было бы внесено въ присягу; стало быть, его нельзя объяснять временными причинами, напр. неурожаями. Приходится думать, что Херсонису принадлежала лишь небольшая часть Крымской равнины (вѣроятно вдоль западнаго берега), которая удовлетворяла лишь потребностямъ самого города въ хлѣбѣ, а для экспорта его не оставалось. Возможно, впрочемъ, и другое предположеніе — что городское управленіе Херсониса въ видахъ увеличенія доходовъ города установило, чтобы Херсонисъ былъ единственнымъ хлѣбнымъ рынкомъ для своихъ гражданъ, и воспретило вывозъ хлѣба чрезъ другіе торговые пункты. Какъ бы то ни

---

[1]) Arr. Per. § 30: ... ἀπὸ Κερκινίτιδος ἐς Καλὸν λιμένα, Σκυθικὸν καὶ τοῦτον, ἄλλοι [στάδιοι] ἑπτακόσιοι. Мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, полагающихъ, что прил. Σκυθικὸς обозначаетъ только мѣстонахожденіе Прекраснаго порта въ Скиѳіи, ни на чемъ не основано.

[2]) Inscr. P. I, n. 195.

[3]) О торговомъ значеніи Чернаго моря и въ частности Крыма въ древности ср. L. Preller, Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der alten Welt (въ Ausgew. Aufsätze, стр. 441 сл.); G. Perrot въ Revue historique, т. IV (1877 г.), стр. 1 — 73; Ѳ. Г. Мищенко, Торговыя сношенія Аѳинской республики съ царями Боспора (въ Кіевскихъ Унив. Изв. 1878 г.); Латышевъ, Изслѣд. объ ист. и госуд. устр. Ольвіи, введеніе, стр. 3 сл.

было, мы встрѣчаемся здѣсь съ такимъ-же явленіемъ заботливости о хлѣбной торговлѣ и строгаго ея регулированія, какое намъ извѣстно, напр., въ Аттикѣ.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ текстѣ присяги относительно государственнаго устройства Херсониса, мы должны напомнить, что встрѣчающіяся въ херсонисскихъ надписяхъ данныя о конституціи этого города были собраны и по возможности объяснены нами уже въ 1884 г. въ статьѣ «Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго»[1]). Новый документъ представляетъ лишь немногія дополненія къ матеріаламъ, собраннымъ въ этой статьѣ. Мы высказали тамъ предположеніе, что въ Херсонисѣ, повидимому, съ самаго его основанія установился демократическій образъ правленія; и дѣйствительно мы видимъ въ присягѣ, что демократія представляетъ собою вполнѣ установившуюся форму правленія. Относительно неизвѣстнаго до сихъ поръ состава совѣта мы получаемъ свѣдѣніе, что въ члены его могъ быть избираемъ всякій полноправный гражданинъ, такъ какъ всякій заранѣе клянется βουλεύειν τὰ ἄριστα καὶ δικαιότατα τῇ πόλει (строка 23).

Упоминаніе о должности даміурговъ уже встрѣчалось въ херсонисскихъ надписяхъ[2]), но безъ всякихъ указаній на должностныя функціи этихъ магистратовъ, такъ что я въ вышеуказанной статьѣ, сопоставивъ имѣющіяся свѣдѣнія объ этой должности въ другихъ греческихъ (преимущественно дорическихъ) городахъ и констатировавъ вѣроятность ея заимствованія Херсонисцами изъ Мегаръ[3]), принужденъ былъ ограничиться указаніемъ, что должность даміурговъ должна была имѣть политическій характеръ, а не религіозный, какъ думалъ В. Н. Юргевичъ[4]). Нашъ новый документъ вполнѣ подтверждаетъ высказанное мною мнѣніе: мы видимъ, что даміурги были верховные магистраты, обязанные пещись о демократіи и преслѣдовать лицъ, стремящихся къ ея ниспроверженію, и вообще государственныхъ измѣнниковъ и заговорщиковъ (стр. 17 и 46). Должность эта была коллегіальная, но изъ сколькихъ лицъ состояла коллегія, остается неизвѣстнымъ; въ должность даміурга, какъ въ совѣтъ, имѣлъ право быть избраннымъ всякій полноправный гражданинъ (стр. 22).

Изъ стр. 35 мы получаемъ свѣдѣніе, что въ Херсонисѣ существовалъ народный судъ, въ которомъ голоса подавались «камешками по законамъ» и въ члены котораго также могъ быть избранъ всякій гражданинъ. Всѣ эти данныя, случайно встрѣчающіяся въ текстѣ присяги, ведутъ насъ къ заключенію о существованіи въ Херсонисѣ въ III в. до Р. Хр. вполнѣ благоустроенной демократіи.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ Херсонисцевъ новый документъ сообщаетъ намъ, что въ ряду почитавшихся у нихъ божествъ на первомъ планѣ оффиціально ставился Зевсъ, затѣмъ Земля, Солнце и Дѣва, а за нею уже слѣдовали прочіе Олимпійскіе боги и богини и мѣстные герои, считавшіеся покровителями города, области и укрѣпленій Херсониса. Извѣстно, что въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Еллиновъ было очень много разнообразія въ частностяхъ, что относительно каж-

[1]) Журн. М. Нар. Просв., іюнь 1884, отд. класс. фил. Французскій переводъ въ Bulletin de corr. hellén. т. IX, стр. 265—300 (1885 г.).

[2]) Inscr. P. I, nn° 196 и 199.

[3]) О даміургахъ въ Мегарахъ ср. M. Thamm, De re publica ac magistratibus Megarensium (diss. Hal. 1885), стр. 17.

[4]) Зап. Од. Общ. т. XIII, стр. 5.

даго божества, его положенія среди другихъ, значенія и дѣятельности, способовъ почитанія и пр. въ разныхъ мѣстахъ существовали разные взгляды[1]). Земля и Солнце въ историческія времена не имѣли особенно выдающагося значенія среди еллинскихъ божествъ, хотя и пользовались особеннымъ почетомъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городахъ, какъ напр. Земля — въ Аѳинахъ, Дельфахъ, Додонѣ, Патрахъ, Эгахъ и др.[2]), а Солнце — больше всего на о. Родосѣ, затѣмъ въ Коринѳѣ, во многихъ другихъ пелопоннисскихъ городахъ, на о. Критѣ и въ разныхъ малоазіатскихъ городахъ[3]). Какія причины повліяли на возведеніе Земли и Солнца въ Херсонисѣ на степень важнѣйшихъ божествъ, опредѣлить, конечно, очень трудно. Возможно, что культъ Солнца перенесенъ еще изъ Мегаръ въ Ираклію Понтійскую, а оттуда въ Херсонисъ, на причисленіе же Земли къ важнѣйшимъ божествамъ оказали нѣкоторое вліяніе сосѣдніе Скиѳы, у которыхъ по словамъ Иродота (IV, 59) Земля, признававшаяся супругою Зевса, вмѣстѣ съ нимъ почиталась больше всѣхъ другихъ божествъ кромѣ Естіи, занимавшей первое мѣсто. — Культъ Дѣвы (Παρθένος) въ Херсонисѣ извѣстенъ изъ Стравона и другихъ писателей. Богиня эта — несомнѣнно мѣстная. Еще Иродотъ, описывая обычаи Тавровъ, говорилъ (IV, 103), что они приносятъ въ жертву Дѣвѣ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и всѣхъ Еллиновъ, кого захватятъ въ открытомъ морѣ. Стравонъ (VII, 4, 2) также называетъ Херсонисскую Дѣву «нѣкіимъ особымъ божествомъ» (δαίμων τις). Но вообще Еллины отождествляли въ своемъ представленіи эту богиню съ Артемидою подъ именемъ Таврической или Ταυροπόλος[4]). Въ Херсонисѣ, впрочемъ, эта богиня, повидимому, всегда называлась просто Дѣвою, а не Артемидою. По словамъ Стравона (въ ук. м.) въ городѣ находилось ея святилище съ храмомъ и статуею (ξόανον); именемъ богини былъ названъ и мысъ Παρθένιον въ 100 стадіяхъ передъ городомъ[5]). Изъ декрета въ честь Діофанта мы узнали, что Дѣва считалась постоянною покровительницею Херсонисцевъ (ἁ διὰ παντὸς Χερσονασιτᾶν προστατοῦσα Παρθένος), что алтарь ея находился на городскомъ акрополѣ рядомъ съ алтаремъ Херсониса (обоготвореніе города) и что въ честь ея совершался праздникъ Παρθένεια съ торжественной процессіей (πομπή), во время которой дѣлались провозглашенія о наградахъ, дарованныхъ заслуженнымъ лицамъ.

Въ заключеніе остается отмѣтить, что дорическій діалектъ, на которомъ изложенъ текстъ присяги, не представляетъ такихъ словъ и формъ, которыя не были бы уже извѣстны изъ авторовъ или надписей[6]), за исключеніемъ новаго слова ὁ σαστήρ, значеніе котораго не поддается опредѣленію.

---

[1]) См. объ этомъ нашъ «Очеркъ греч. древностей», ч. II, стр. 4 сл.

[2]) Ср. Drexler въ Roscher's Ausf. Lexikon d. Griech. und Röm. Mythol. I, 2, ст. 1573 сл. (п. сл. Gaia).

[3]) Ср. Rapp, ibid. ст. 2024 (п. сл. Helios).

[4]) Объ этомъ отождествленіи и о характерѣ культа Артемиды Таврической ср. Preller, Griech. Mythol. I,[3] стр. 251; Stoll въ Roscher's Lexicon d. Mythol. II, ст. 304 (п. сл. Iphigeneia). Ср. также замѣчанія В. Н. Юргевича въ Зап. Од. Общ. XII, стр. 37.

[5]) Это мѣсто Стравона разсмотрѣно нами въ особой замѣткѣ въ Журн. М. Н. Пр., апр. 1892 г.

[6]) Рѣдкій глаголъ ἐκφερομυθεῖν, по любезному сообщенію академика А. К. Нàука, встрѣчается у слѣдующихъ писателей: Aeneas Tact. c. 22, 5; Cornut. c. 30, p. 61, 13 Lang; Suidas v. ὦτα κατεαγότων; Gregor. Pal. Prosopopoeia ed. Alb. Jahn, p. II; Psellus ed. Boisson., p. 154.

б. Декреты.

2. Кусокъ мраморной плиты, обломанный со всѣхъ сторонъ кромѣ правой, гдѣ сохранился край; вышина обломка (по эстампажу) 0,48 м., шир. 0,26. Надпись была вырѣзана мелкими (выс. 0,007 м.) буквами, съ небольшими промежутками между строками, и въ настоящее время представляется сильно попорченною, особенно въ верхней части, такъ что разбирается и на фотографіи и на эстампажѣ съ большимъ трудомъ.

Камень найденъ лѣтомъ 1890 года Д. В. Айналовымъ въ стѣнѣ одного изъ херсонисскихъ жилыхъ помѣщеній, открытыхъ при раскопкахъ одесскаго общества ист. и древностей. Для установленія текста я пользовался фотографическимъ снимкомъ и двумя эстампажами.

(См. епиграфическій текстъ на стр. 15.)

Мы видимъ, что на обломкѣ сохранилась часть весьма значительнаго документа. Къ крайнему сожалѣнію, верхнія строки такъ сильно истерты, что при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи фотографическаго снимка и эстампажей даже при помощи увеличительнаго стекла въ стр. 1—11 удалось разобрать лишь по нѣскольку буквъ. Лучше сохранилась надпись съ стр. 12, но по прочтеніи ея оказалось, что она не представляетъ связнаго текста и что съ лѣвой стороны отбита значительная часть камня. Первоначальная ширина строкъ опредѣляется приблизительно по стр. 38, возстановляющейся съ большою вѣроятностью; изъ нея оказывается, что на сохранившемся обломкѣ мы имѣемъ лишь около половины первоначальнаго текста, и такимъ образомъ не удивительно, что возстановленіе его въ цѣлости оказывается невозможнымъ. Вотъ что сохранилось на камнѣ, начиная съ стр. 14-й:

. . . . τὰ]ν ἐλευθερί[α]ν· [ἀ]νακομισθείς τε πάλιν [ε]ἰς τὰν πό-
[λιν, ὑπὸ τῶν πολιτᾶν κακῶς πασχόντ]ων ὑπὸ τοῦ τυράννου καὶ καταλύειν θελό[ν]των [αἱρε-
θεὶς ἁγεμὼν? . . . . παρα]χρῆμα μὲν θάρσεος ἐνέπλησε τοὺς πολε[ίτ]ας, [α]ὐ[τός
τε . . . .]ς τοὺς κινδύνους τοῦ δάμου συνκαθο[πλ]ι[σαμένου
. . . .]ς χωρὶς αἵματος τὰν πόλιν ἄπταιστον διέ[θετο
. . . . τᾶς ἐμφυλί?]ου ταραχᾶς καὶ φονου διὰ τὰν ὀργὰν τῶν ὄχλων . . .
. . . . ἀνα]κοι[ν]οῦντας· διὸ καὶ χειροτονηθεὶς παραχρῆ[μα
ὑπὸ τῶν πολειτᾶν? ἐπιμελητὴς πασᾶν τᾶν κ]οινᾶν ποθόδων πλείσταν ἐπιμ[έλε]ιαν ἐποι[ή-
σατο . . . . τᾶς περὶ τ]ὰν χώραν ἀσφαλείας [. . . . . . κατ]ασκευ[ὰν . .
. . . .] κ[α]τ[α]ρτισμ[ὸν] καὶ τειχέων ἐπισκευ[άν]· ἔτι δὲ πο[λέ-
μου ἐπιστάντος τᾶι πολει, τῶν ἐπιτηδείων δοκ?]ιμασίαν ποι(η)σάμενος σίτωι τε θλειβομ[ένων
τῶν πολιτᾶν τὰς . . . . χρεί]ας διὰ τῶν ἰδιοξένων παρασχόμενος ἐν χαλε[ποῖς
. . . . καιροῖς καὶ προσ]δοκίαν ἔχουσι πολεμικῶν κινδύνων τᾶς μ[εγίσ-
τας . . . . αἴτιος ἐγ]ένετο τοῖ[ς] πολείταις εὐ[ψ]υχίας οὔτε χρημά[των
δαπάνας οὐδεμιᾶς φειδομενος? οὔτε σώ]ματος οὔτε ψυχᾶς εἰς φροντίδα καὶ μ . . . . .
. . . . τοῦ μ]εγίστου Αὐτοκράτορος καὶ τᾶς συνκλ[ή]το[υ
. . . . παρὰ] τοῦ δήμου τοῦ Ῥωμαίων καὶ ταῖς ἰδί[αις
δαπάναις πορευθεὶς εἰς Ῥώμαν ἀνεκτάσατο? τὰν] πάτριον Χ[ε]ρσονασίταις ἐλευθερία[ν.

. . . .
. . . .
ΛΙΙΙΜΙ...Σ . . . .
Λ . ΗΝΜΕΥΝΙΙΣΕ . . . .
ΝΔΑΜΟΝΔΙ . . . .
ΣΥ . . . . ΞΝΑΣΚΙΝΔΥ . . . .
ΣΑ . . ΙΙΠΙΞΙΑΝΤΟΣ . . . .
ΑΤΕ . ΟΠΙΙΙΝΚΑΥΣ . . . .
. ΡΑΜΙΙ . . . . . ΙC . . . .
Π . . . . ΕΣΚΥΚΑ . . . .
Μ : ΑΝΓΡΑΞ . . . . ΚΑΙΣΥΝΤΥΧΩΝΗ
ΗΘΕΙΣΜΗΙ . . . ΘΕΝ . . . . ΕΜΑΝΙΑ
ΑΠΕΙΝ . . . . Ν . . ΝΟΜΟΤΑΤ
ΙΛΑΒΕΣΘΑ ΣΠΟΛΙΟΣΑΑΛ . ΚΥΔΙΑΠΕΛΟ
ΙΩΝΓΓΙΑ ΩΤΩΝΕΥΜΕΝΗΚΑΤΑΣΚΕΥΑΞΑΙΣ
ΝΞΛΕΥΘΕΡΙΑΝΑΝΑΚΟΜΙΣΘΕΙΣΤΕΠΑΛΙΝ . ΙΣΤΑΝΠΟ
ΩΝΥΠΟΤΟΥΤΥΡΑΝΝΟΥΚΑΙΚΑΤΑΛΥΕΙΝΘΕΛΟ ΩΝΤ
ΑΧΡΗΜΑΜΕΝΘΑΡΣΕΟΣΕΝΕΠΛΗΣΕΤΟΥΣΠΟΛΕ..ΑΣ ΛΥ
ΣΤΟΥΣΚΙΝΔΥΝΟΥΣΤΟΥΔΑΜΟΥΣΥΝΚΑΘΟΓΑΙ
ΣΧΩΡΙΣΑΙΜΑΤΟΣΤΑΝΠΟΛΙΝΑΠΤΑΙΣΤΟΝΔΙΕΟ
ΟΥΤΑΡΑΧΑΣΚΑΙΦΟΝΟΥΔΙΑΤΑΝΟΡΓΑΝΤΩΝΟΧΛΩΝ
ΚΟΙΝΟΥΝΤΑΣΔΙΟΚΑΙΧΕΙΡΟΤΟΝΗΘΕΙΣΠΑΡΑΧΡΗ
ΟΙΝΑΝΠΟΘΟΔΩΝΠΛΕΙΣΤΑΝΕΠΙΜ ΤΙΑΝΕΠΟΙ
ΑΝΧΩΡΑΝΑΣΦΑΛΕΙΑΣΠΙΟΕΝΘΑΣΕΝ ΑΣΚΕΥΑΜ
ΚΑΤΑΡΤΙΣΜ ΝΚΑΙΤΕΙΧΕΩΝΕΠΙΣΚΕΥΑ ΗΕΤΙΔΕΠΟ
ΙΙ Ι ΙΜΑΣΙΑΝΠΟΙΑΣΑΜΕΝΟΣΣΙΤΩΙΤΕΘΛΕΙΒΟΜ
ΑΣΔΙΑΤΩΝΙΔΙΟΞΕΝΩΝΠΑΡΑΣΧΟΜΕΝΟΣΕΝΧΑΛΕΠ
ΔΟΚΙΑΝΕΧΟΥΣΙΠΟΛΕΜΙΚΩΝΚΙΝΔΥΝΩΝΤΑΣΜΓ
ΤΕΝΕΤΟΤΟΙ . ΠΟΛΕΙΤΑΙΣΕΥΤΥΧΙΑΣΟΥΤΕΧΡΗΜΑΤ
ΟΜΑΤΟΣΟΥΤΕΨΥΧΑΣΕΙΣΦΡΟΝΤΙΔΑΚΑΙΜΤ
ΕΓΙΣΤΟΥΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣΚΑΙΤΑΣΣΥΝΚΛΙ ΤΟ
ΛΡΑΤΟΥΔΗΜΟΥΤΟΥΡΩΜΑΙΩΝΚΑΙΤΑΙΣΙΔΙ
ΠΑΤΡΙΟΝΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΙΣΕΛΕΥΘΕΡΙΑ
ΙΝΥΠΟΤΩΝΝΕΩΓΕΡΙΞΑΝΤΩΝΤΥΡΑΝΝΟΝΑ
ΣΠΟΛΙΟΣΜΕΤΑΣΤΡΑΤΙΑΣΙΚΑΝΑΣΕΠΙΛ
ΙΤΟΝΔΑΜΟΝΓΕΝΝΑΙΟΤΑΤΙΑΠΡΑΚΤΟ
ΕΩΝΑΥΤΟΥΚΑΙΘΥΓΑΤΡΟΣΚΑΤΕΧΟΜΕΝ
ΙΦΥΣΙΚΑΝΣΥΜΠΑΘΙΑΝΑΝΑΝΚΑΞΟ
ΜΦΕΡΟΝΤΑΟΠΩΣΟΥΝΚΑΙΟΔΑΜΟΣ
ΔΟΧΘΑΙΤΑΙΒΟΥΛΑΙΚΑΙΤΩΙΔΑΜ . ΙΣΤ
ΙΟΣΧΡΥΣΕΩΙΣΤΕΦΑΝΩΙΚΑΙΙΚΟΝΙ
ΚΙΑΤΙΑΣΑΝΑΣΤΑΣΑΙΔΕΑΥΤΟΥΙ
ΤΑΝΓΕΝΕΣΘΑ ΣΤΑ
ΤΦΥΣΕ Ο
ΤΟΙΩ ΑΣ

Ἰδὼν δὲ τὰν πόλιν κακῶς πάσχουσαν? πάλ]ιν ὑπὸ τῶν νεωτεριξάντων τύραννον ἀ[να-
καλεσάντων . . . . τᾶ]ς πόλιος μετὰ στρατιᾶς ἱκανᾶς ἐπιλ[έκτου
. . . . ταῖ περ]ὶ τὸν δᾶμον γενναιότατι ἄπρακτο[ν ἐποί-
ησεν ἀπελθεῖν . . . . τῶν υἱ]έων αὐτοῦ καὶ θυγατρὸς κατεχομέ[νων
. . . . κα]ὶ φυσικὰν συμπαθίαν ἀνανκά[σθη . . . . .
. . . . τὰ ταῖ πόλει συμ]φέροντα. Ὅπως οὖν καὶ ὁ δᾶμος [φαίνηται
τοῖς εὐεργέταις ἀξίας χάριτας ἀποδιδούς, δε]δόχθαι ταῖ βουλαῖ καὶ τῶι δάμ[ω]ι στ[εφανῶ-
σαι ἐπὶ τοῖς προγεγραμμένοις τὸν δεῖνα . . . . . . ν]ος χρυσέωι στεφάνωι καὶ ἰκόνι [χαλκέαι
ἀρετᾶς ἕνεκα τᾶς περὶ . . . . τᾶς δαμοκρ]ατίας· ἀναστᾶσαι δὲ αὐτοῦ [τὰν ἰκόνα
ἐν ταῖ ἀκροπόλει παρὰ . . . ., τὰν δ' ἐπιμέλει]αν γενέσθα[ι τᾶ]ς τ'ἀ[ναστάσε-
ος τᾶς ἰκόνος καὶ τᾶς ἀναγορεύσεος τοῦ στεφάνου . . . . τᾶς] φύσεος . . . .
. . . .

Надпись представляетъ собою декретъ въ честь какого-то гражданина, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось (оно было упомянуто въ стр. 39) и котораго совѣтъ и народъ херсонисскій постановилъ наградить золотымъ вѣнцомъ и мѣдною статуею за важныя услуги, оказанныя имъ родному городу. Въ подробномъ перечисленіи этихъ услугъ содержатся упоминанія о совершенно новыхъ для насъ фактахъ херсонисской исторіи, и если бы оно сохранилось цѣликомъ, то нашъ декретъ по интересу своего содержанія, пожалуй, смѣло могъ бы соперничать съ знаменитымъ декретомъ въ честь Діофанта Синопскаго. Но въ настоящемъ видѣ содержаніе декрета лишь раздражаетъ любопытство, мало его удовлетворяя, такъ какъ въ сохранившихся частяхъ его строкъ даже связь мыслей не всегда можетъ быть угадана съ полною вѣроятностью, не говоря уже о невозможности полнаго возстановленія текста.

Попробуемъ прослѣдить это содержаніе. До стр. 14-й говорилось о дѣятельности чествуемаго гражданина гдѣ-то внѣ роднаго города. Возвратившись туда, онъ, повидимому, засталъ согражданъ страждущими отъ тиранна и желающими его низвергнуть и, можетъ быть, былъ выбранъ ими въ предводители для дѣйствій противъ тиранна; онъ «немедленно наполнилъ [сердца] согражданъ отвагою» и, несмотря на грозившія опасности (?), вмѣстѣ съ вооружившимся народомъ «безъ [пролитія] крови сдѣлалъ городъ счастливымъ»; смыслъ слѣдующей фразы, въ которой говорится о междоусобномъ (?) смятеніи, убійствѣ и гнѣвѣ черни, не поддается возстановленію. Далѣе чествуемый гражданинъ былъ избранъ согражданами въ попечители общественныхъ доходовъ и въ томъ званіи обратилъ все свое вниманіе на обезопашеніе области роднаго города, для каковой цѣли, между прочимъ, позаботился о ремонтѣ городскихъ (?) стѣнъ; въ виду предстоявшей войны съ кѣмъ-то изъ сосѣдей (?) онъ произвелъ ревизію продовольственныхъ средствъ города (?) и, замѣтивъ, что сограждане терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ, онъ чрезъ своихъ купаковъ (ἰδιόξενοι) оказалъ имъ нужную помощь въ тяжкія и угрожавшія военными опасностями времена, чѣмъ весьма возвысилъ упавшій духъ согражданъ, «не щадя ни затраты денежныхъ средствъ, ни тѣла, ни души». Далѣе (стр. 29—31) слѣдуетъ весьма интересный эпизодъ изъ его дѣятельности съ упоминаніемъ Римскаго императора, сената и народа Римскаго и исконной (πάτριος) свободы Херсонаситовъ; къ крайнему сожалѣнію, смыслъ этого эпизода не удалось возстановить; можно только предполагать, что чествуемый гражданинъ на собственный счетъ ѣздилъ въ Римъ и тамъ хлопоталъ о предоставленіи Херсонису правъ «свободнаго города»,

каковыми онъ дѣйствительно обладалъ во времена римскихъ императоровъ, какъ доказываютъ сохранившіяся монеты его съ надписью ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ[1]). Между тѣмъ въ Херсонисѣ приверженцы изгнаннаго тиранна (обозначенные обычнымъ для противниковъ существующаго образа правленія терминомъ — οἱ νεωτερίξαντες), повидимому, снова призвали его, и онъ двинулся противъ города «съ довольно многочисленнымъ избраннымъ войскомъ», но нашъ гражданинъ, заслуги котораго чествуются декретомъ, дѣйствуя противъ него «съ благороднымъ рвеніемъ къ народу», заставилъ удалиться ни съ чѣмъ. Такъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ понимать общій смыслъ строкъ 32—34; упоминаемое въ текстѣ «довольно многочисленное избранное войско», кажется, принадлежало тиранну, а не дѣйствовавшему противъ него гражданину, такъ какъ силы, дѣйствовавшія подъ начальствомъ послѣдняго, навѣрное состояли исключительно изъ гражданской милиціи и были бы названы просто πολῖται. Далѣе упоминается о чьихъ-то сыновьяхъ и дочери, находившихся во власти противниковъ (?), и объ «естественной къ нимъ привязанности», побудившей отца къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ. Нельзя рѣшить навѣрное, разумѣются-ли тутъ дѣти тиранна, захваченные горожанами, или дѣти чествуемаго настоящимъ декретомъ предводителя горожанъ, захваченные тиранномъ; но кажется, что первое вѣроятнѣе, такъ какъ захватъ дѣтей предводителя горожанъ, принудившій его войдти въ какой нибудь компромиссъ съ тиранномъ, едва ли могъ бы быть упомянутъ въ числѣ его особыхъ заслугъ, да еще на видномъ, заключительномъ мѣстѣ, тогда какъ захватъ дѣтей тиранна, принудившій послѣдняго вступить въ переговоры съ горожанами и способствовавшій такимъ образомъ избавленію города отъ грозившей со стороны тиранна опасности, дѣйствительно могъ быть зачтенъ предводителю горожанъ въ особую заслугу. Документъ оканчивается постановленіемъ совѣта и народа о награжденіи доблестнаго гражданина за вышеприсанныя заслуги золотымъ вѣнцомъ и мѣдною (?) статуею съ обычными указаніями, гдѣ должна быть поставлена эта статуя, кто долженъ имѣть попеченіе объ ея постановкѣ и провозглашеніи о наградѣ и пр.

Изъ этого изложенія содержанія документа видно, какъ онъ былъ бы интересенъ для насъ, если бы сохранился въ цѣлости или хоть настолько, чтобы возможно было болѣе увѣренное возстановленіе несохранившихся частей. Фактъ существованія тиранна въ Херсонисѣ въ первыя времена Римской имперіи является совершенною новостью. Вопросъ о времени подчиненія Херсониса римской власти и полученія имъ правъ «свободнаго города» занималъ всѣхъ изслѣдователей херсонисской исторіи и въ частности нумизматики, но для отвѣта на этотъ вопросъ не было прочныхъ данныхъ. По словамъ Стравона (VII, 4, 3) Херсонисъ со временъ Миѳридата Евпатора вплоть до его времени, т. е. до 20-хъ годовъ по Р. Хр., былъ подчиненъ владыкамъ Воспора. Вѣрность этого свидѣтельства казалась очень подозрительною потому, что по разсчету Бека, основанному на извѣстной надписи времени императора Зинона, якобы найденной въ Херсонисѣ[2]), городъ велъ свое лѣтосчисленіе съ 36 года до Р. Хр., къ которому и пріурочивалось дарованіе ему свободы М. Антоніемъ. Мнѣніе Бека по настоящее время общепринято въ наукѣ[3]); но

---

[1]) См. Бурачкова Кат. стр. 118 сл. и табл. XVI. Ср. Plin. N. hist. IV, 85: Heraclea Chersonesus libertate a Romanis donatum.

[2]) C. I. Gr. IV, n° 8621. Опредѣленіе херсонисской эры см. тамъ-же, т. II, стр. 90.

[3]) Не говоря о прежнихъ изслѣдователяхъ, этого мнѣнія придерживается и Т. Моммзенъ въ «Римской исторіи», т. V, стр. 282 (р. пер. Невѣдомскаго).

нѣсколько лѣтъ тому назадъ В. Н. Юргевичъ[1]) представилъ вѣскіе доводы противъ происхожденія упомянутой надписи изъ Херсониса: по его мнѣнію она несомнѣнно тожественна съ надписью, которую французъ Кузинери видѣлъ и списалъ въ одной мечети г. Өессалоники раньше 1793 г., въ которомъ академикъ Палласъ, путешествовавшій по Крыму, видѣлъ ее у друга своего Габлица, и такимъ образомъ происходитъ не изъ Херсониса, а изъ Өессалоники. Если же это такъ, то у насъ не остается никакого основанія пріурочивать херсонисскую эру къ 36-му году и не довѣрять свидѣтельству Стравона. Стало быть можно думать, что Херсонисъ сталъ въ прямое подчиненіе Риму и затѣмъ получилъ отъ него права «свободнаго города» послѣ 20-хъ годовъ по Р. Хр., но когда именно — навѣрное неизвѣстно, и нашъ новый документъ, подтверждая, что рѣчь о свободѣ Херсонисцевъ шла при одномъ изъ первыхъ римскихъ императоровъ, не даетъ въ этомъ отношеніи точныхъ указаній, высказывать же мало обоснованныя предположенія мы считаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что находка столь интересныхъ документовъ при производимыхъ въ настоящее время раскопкахъ даетъ намъ право надѣяться и на другія подобныя находки, которыя, быть можетъ, прольютъ нѣсколько лучей свѣта на темныя области исторія и быта Херсонисцевъ.

3. Обломокъ мраморной плиты выш. (по эстампажу) 0,13 м., шир. 0,08 м.; первоначальные края нигдѣ не сохранились. Буквы вышиною около 0,01 м. довольно ясно читаются на эстампажѣ. Обломокъ найденъ весною 1891 г. при перекопкѣ площади вокругъ строящагося храма.

	. . . δεδόχθαι
ΙΙΣ…	ταῖ βουλαῖ κα]ὶ [τ]ῶ[ι δάμωι ἐπαινῆσθαι μὲν
ΣΚΑ…Ε…	ἐπὶ τούτοι]ς Κα[λλ]έ[αν? . . . . , δόμεν
ΠΡΟΞΕΝΙ…	δὲ αὐτῶι] προξεν[ίαν, πολιτείαν, ἔσπλουν τε
ΟΥΝΑΣΥ…	καὶ ἔκπλ]ουν ἀσυ[λεὶ καὶ ἀσπονδεὶ αὐτῶι καὶ
ΡΙΙΜΑΣΙΤΑ	γένει καὶ χ]ρ[ή]μασι· τὰ [δὲ ἐψηφισμένα ἀνα-
…ΣΥΜΝΑΜ	γράψαι τοὺ]ς συμ(μ)νά[μονας στάλαι λευκο-
ΛΙΘΕΜΕΝΕΙΣ	λίθωι κα]ὶ θέμεν εἰς [τὸ ἐπισαμότατον τᾶς πό-
ΟΔΕ.ΕΝΟΜ	λιος τόπον· τ]ὸ δὲ [γ]ενόμ[ενον ἀνάλωμα δομεν
ΣΤΩΝΙΕΡ	τοὺς ταμία]ς τῶν ἱε[ρῶν. Ταῦτ' ἔδοξε βουλαῖ
ΙΜΗΝΟ…	καὶ δάμω]ι μηνὸ[ς τοῦ δεῖνος . . .

Отрывокъ обычнаго декрета о проксеніи, относящагося, судя по характеру письма, скорѣе всего ко II в. до Р. Хр. Магистраты, носившіе названіе *συμμνάμονες* и *ταμίαι τῶν ἱερῶν*, встрѣ-

---

[1]) Зап. Од. общ. т. XIV (1886), стр. 779 сл. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что Вѣнскій ученый Кубичекъ (J. Wilh. Kubitschek), которому я сообщилъ копію надписи Зинона и мнѣніе В. Н. Юргевича объ ея происхожденіи, въ прибавленіи къ своей спеціальной статьѣ «Jahrzählung und Jahranfang im römischen Makedonien (Wiener Studien 1890 г., стр. 120—124), сомнѣвается въ вѣрности указанія Кузинери 1) потому, что въ өессалоникской мечети Эски-Джума, въ подвалѣ которой Кузинери будто-бы нашелъ эту надпись, по сообщенію нѣмецкаго консула въ Өессалоникѣ г. Мордтмана (извѣстнаго эпиграфиста) вовсе нѣтъ никакихъ подваловъ, 2) потому, что датировка надписи (ЄΤΟΥϹ⁝ ΦΙΒ⁝ ЄΝΙΝΔSΙΔ) не можетъ быть соглашена ни съ одной изъ двухъ македонскихъ эръ.

чались уже въ декретѣ въ честь Діофанта и о должностныхъ ихъ функціяхъ говорилось въ моей статьѣ «Эпиграфич. данныя о госуд. устройствѣ Херсониса». Предложенныя возстановленія текста заимствованы изъ изданныхъ уже обломковъ херсонисскихъ декретовъ о проксеніи; въ стр. 5-й слѣдовало бы ожидать обычнаго выраженія τὸ δὲ ψάφισμα τοῦτο, но буква Α послѣ Τ такъ явственно видна на эстампажѣ, что я не рѣшился игнорировать ее и поставилъ partic. perfecti вмѣсто существительнаго.

4. Небольшой (выш. по эстампажу 0,07 м., наиб. шир. 0,08) осколокъ мраморной плиты, обломанный со всѣхъ сторонъ; буквы вышиною около 0,01 м. сохранились довольно хорошо. Найденъ лѣтомъ 1891 года.

ΤΑΝΠΙΛΟ	. . . τὰν π . . .
ΤΑΝΠΕΡΙΤΟ	. . τὰν περὶ το[. . . . . Ταῦτ' ἔδοξε
ΜΩΒΑΣΙΛΕ	βουλᾶ καὶ δά]μῳ βασιλε[ύοντος τοῦ δεῖνος
ΛΩΝΙΟΥ Τ	τοῦ Ἀπολ]λωνίου τ . . .
ΙΟΤ	

Отрывокъ декрета неизвѣстнаго содержанія.

в. Актъ о продажѣ земель.

5. Обломокъ мраморной плиты съ надписями съ обѣихъ сторонъ (ὀπισθόγραφος), вышиною по эстампажу 0,27 м., наиб. шир. 0,155. У плиты сохранился одинъ край, именно правый для той стороны, которая намъ кажется переднею; нижняя сторона плиты на фотографіи представляется обломанною, но послѣднія строки обѣихъ сторонъ, повидимому, были и первоначально послѣдними, такъ какъ ниже ихъ замѣтно пустое пространство. Буквы на передней сторонѣ нѣсколько крупнѣе[1]), нежели на задней, гдѣ онѣ очень мелки и сильно попорчены, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не удалось разобрать ихъ ни на эстампажахъ, ни на прекрасныхъ фотографическихъ снимкахъ, которые у меня были подъ руками.

Обломокъ найденъ лѣтомъ 1890 года близъ новаго собора на поверхности земли сыномъ надсмотрщика.

(См. епиграфическій текстъ на стр. 20).

Эти тексты мы читаемъ слѣдующимъ образомъ[2]):

А. Передняя сторона.

1	. . ς ΧΗΔΠ. Κεφαλὰ Π . . .	(1115; 5 . . .)
	. . . . ας ooooΥ. Κεφαλὰ ᛈoooo	(4050; 90000)
	. . . . ς oooϽΧ. Πρύτανις ᛈoΧ . .	(36100; 61000 . . .)
	. . . . Π. Ἡρόστρατος Ἀριστολ[ο-	(5)

---

[1]) Поэтому и число строкъ здѣсь на 4 меньше, нежели на задней сторонѣ.

[2]) Числа, поставленныя справа, указываютъ значеніе числовыхъ знаковъ. Объясненіе ихъ см. ниже.

Б. Задняя сторона.

ΠΛ.ΛΙΣΤΟ ΑΡ
ΔΠΑ+ΑΙΣΤΟΔΩΡΟ
ΤΟΥΡΑΤΗΣΟΗΠΗΡΟΣΤ
ΟΞΧΗΡΟΣΤΡΑΤΟΣΨΔΠΚΕ+Α
ΙΡΑΚΛΕΙΔΑΣΠΠΕΡΙΤΟΜΟΝΥ
ΡΙΑΝΤΟ ΟΥΣΕΚΑΤΩΡΥΓ
ΛΕΥΕΙΝΓΚΑΘΕΝΑΠΡΟ
\ Ν ΩΝΟΣΔΟΗΝΙΚΑΝ
ΠΧΔCCΠΡΟΜΑΟΙΩΝΔΙΟ
ΛΔΑΟΟΨΠΑΣΙΧΑΡΗΣΑΔΟΟ
ΥΚΕ+ΑΛΑΕΔΟΟΟΠΑCCΑΠΟΤ
ΟΟΟΟΑΞΩΡΩΙΤΩΙΙΘΙΝ ΙΔ
ΩΝΤΟΣΟΥΚΕΧΟΝΙΕΣΡΟΟ
\ΡΟΜ.ΞΕΧΕΙΟΑΕΥΚΩ
Ε+ΑΛΑΕΚΑΤΩΡΥΓΩΝΤΩΛ
ΑΥΤΑΝΤΑΝΠΡΑΣΙΝΤΑ
ΠΙΜΕΛΗΤΑΙΑΙΡΕΘΕΝΤΕ
ΝΕΥΜΗΝΙΟΣΦΙΛΙΣΤΙΟ
ΞΠΙΒΑΣΙΛΕΟΣΑΠΟΛΛ
ΤΕΛΑΜΩΝΑΙΣΧΙΝΑ
ΑΧΩΡΑΚΑΙΟΤΙΑΠΟΣΤ
ΛΝΑΥΤΑΝΧΩΡΑΝΑΠΕ/
ΔΩΡΟΣΑΓΗΜΟΝΟΣΜ
ΠΡΑΣΙΝΕΠΡΙΑΤΟ

vac.

А. Передняя сторона.

ΣΧΗΔΠΚΕ+ΑΛΛΠΙ
ΑΣΟΟΟΟΥΚΕ+ΑΛΑΡΟΟΟΟ
ΣΟΟΟΟΧΠΡΥΤΑΝΙΣΡΟΧΚ
ΠΗΡΟΣΤΡΑΤΟΣΑΡΙΣΤΟΛ
ΣΟΗΔΠΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΣΑΚ
CCΤΟΙΔΕΕΠΡΙΑΝΤΟΑΠΟΤΟ
ΕΝΑΛΥΣΙΣΤΡΑΤΟΣΕΙ
ΥΞΑΝΘΟΣΘΕΟΚΥΔΕΟ
ΟΜΑΘΙΔΑΥΜΝΟΣΣΚΥΘ
ΥΘΑΘΕΟΚΛΗΣΘΕΘΓΕΝ
ΝΔΑΑΥΤΟΚΛΗΣΑΥΤ
ΝΠΑΣΙΩΝΟΣΙΚΑΣΗΡΑ
ΡΘΕΝΙΟΣΑΡΙΣΤΟΓΕΝ
ΙΚΑΣΙΤΙΜΟΣΝΙΚΑ
ΝΙΚΑΣΙΤΙΜΟΣΝΙΚΑ
ΑΚΙΣΡΙΝΙΑΒΑΚΙΣΡ
ΩΡΩΝΔΑΞΑΝΘΟΣ
ΞΑΝΘΟΣΘΕΟΚΥΔΕ
ΠΙΤΘΙΟΣΝΙΚΑΣΙ
ΣΝΙΚΑΝΟΡΟΣ

vac.

χου . . . .]ς ОНΔ. Ἀρτεμίδωρος Ἀκ- (10110)
. . . . CC. Τοίδε ἐπρίαντο ἀπὸ το[ῦ (. . . 2)
. . . . καθ’ἕ]να· Λυσίστρατος Ἐ . .
. . . . . , ὁ δεῖνα . . . . ο]υ, Ξάνθος Θεοκύδεο[ς,
. . . . , ὁ δεῖνα Πρ]ομαθίδα, Ὕμνος Σκύθ[α,
. . . . , ὁ δεῖνα Σκ]ύθα, Θεοκλῆς Θεογέν[ε-
ος, ... ω]νδα, Αὐτοκλῆς Αὐτ[ο-
κλέος? . . . . ω]ν Πασίωνος, Ἴκας Ἡρα-
κλειδα, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος, Πα]ρθένιος Ἀριστογέν[ε-
ος, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος, Ν]ικασίτιμος Νικα-
[σιτίμου? . . . .,] Νικασίτιμος Νικα-
[σιτίμου? . . . ., Β]άκις Ῥινία, Βάκις Ῥ[ι-
νια, ... ὁ δεῖνα Δω]ρώνδα, Ξάνθος
[τοῦ δεῖνος, ...] Ξάνθος Θεοκύδε-
[ος, ...] Πίτθιος Νικασι-
[τίμου, ... ο]ς Νικάνορος.

Б. Задняя сторона.

. . . .
. Γ. [Ἀφα]ιστό[δ]ωρος . . . . (. . . 5)
. ΔΠ . Ἀφαιστοδωρο[ς . . . . Ἀρι- (. . 15)
σ]το[κ]ράτ[η]ς ƆⱵΓ. Ἡροστ[ρατος . . . .] (5105)
ος Χ. Ἡρόστρατος ΨΔΓ. Κεφα[λὰ . . . . (1000; 65)
Ἡ]ρακλείδας Γ· περίτομον [. . . . . . . Τοίδε ἐπ]- (5)
ρίαντο [τ]οὺς ἑκατώρυγ[ας . . . .
ξυ]λεύειν Γ· καθ' ἕνα· Προ[μαθίων τοῦ δεῖνος ... ὁ δεῖνα
Ξέ?]νωνος ΔοⱵ· Νικάνω[ρ τοῦ δεῖνος . . . .] (100100)
[⊡]ΧΔCC· Προμαθίων Διο[νυσίου ... ὁ δεῖνα Πασι?]- (51012)
άδα οƆΨ· Πασιχάρης Ἀδοο[υ? . . . . (6050)
ο]Υ· κεφαλὰ ΕΔοο[⊙]ΓΛCC· Ἀπὸ τ[οῦ . . . .
⊙οο αζωρωι τῶι κοιν[ῶ]ι δ . . . .
ωντος οὐκ ἔχον[τ]ες Ρ⊙ο . . . . (70000. . .)
. ΡοΓ . . . ἔχει . . . .
[Κ]εφαλὰ ἑκατωρύγων τῶ[μ πεπραμένων κατ']
αὐτὰν τὰν πρᾶσιν, τὰ[ν ἐποίησαν κατὰ τὸ ψάφισμα?
ἐ]πιμεληταὶ αἱρεθέντ[ες ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος],
Νευμήνιος Φιλιστίο[υ, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
ἐπὶ βασιλέος Ἀπολλ[ωνιου? . . . .
Τ]ελαμὼν Αἰσχίνα . . . .
ἁ χώρα καὶ ὅτι ἀποστ . . . .
τὰ]ν αὐτὰν χώραν [ἀ]πελ[. . . . . ὁ]-
δ]ωρος Ἀγήμονος . . . .
τὰν] πρᾶσιν ἐπρίατο . . .

По характеру письма этотъ документъ не позднѣе III в. до Р. Хр. Для ближайшаго опредѣленія его времени неожиданное подспорье оказывается въ извѣстномъ большомъ спискѣ дельфійскихъ проксеновъ[1]), въ которомъ подъ годомъ архонта Діодора (195/4 до Р. Хр.) записанъ въ числѣ проксеновъ Ὕμνος Σκύθα Χερσονασίτας. Рѣдкость обоихъ личныхъ именъ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что этотъ Ὕμνος тожественъ съ записаннымъ въ А стр. 9 нашего документа; стало быть онъ относится къ концу III или началу II в. до Р. Хр. Неоднократно повторяющееся слово πρᾶσις показываетъ, что въ документѣ идетъ рѣчь о продажѣ и именно земельныхъ участковъ, какъ видно изъ Б, стр. 6 и 15, гдѣ упоминаются ἑκατώρυγες, т. е. по всей вѣроятности[2]) овраги или лощины, въ которыхъ производилась рубка дровъ (ξυ]-

---

[1]) Wescher et Foucart, Inscriptions recueillies à Delphes n° 18 = Dittenberger, Sylloge inscr. Gr. n° 198. Годы дельфійскихъ архонтовъ, записанныхъ въ этомъ документѣ, опредѣлилъ A. Mommsen, Philologus XXIV, p. 129.

[2]) Извѣстно прилаг. κατῶρυξ, ὁ, ἡ — defossus (род. -χος или -γος; послѣдняя форма встрѣчается въ nom. plur. у Филона, De sept. mir. 2, p. 8) и существ. ἡ κατῶρυξ, χος — fossa, fovea (Соф. *Антиг.* 774,

λεύειν Б, стр. 7), и стр. 20 и 21, гдѣ упоминается ἁ χώρα. Продажа эта была произведена оффиціально, чрезъ особыхъ попечителей (ἐπιμεληταί: Б, стр. 17), избранныхъ гражданами, повидимому, въ числѣ трехъ, и актъ о продажѣ записанъ на камнѣ также оффиціально, съ обозначеніемъ городскаго епонима, которымъ въ Херсонисѣ былъ «царь», какъ это уже раньше было извѣстно изъ нѣсколькихъ декретовъ[1]). Отсюда мы имѣемъ право заключить, что продаваемые земельные участки составляли раньше собственность государства и затѣмъ были распроданы въ собственность отдѣльнымъ гражданамъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, которыя, конечно, останутся для насъ навсегда неизвѣстными.

Переходя къ разсмотрѣнію частностей документа, прежде всего приходится замѣтить, что многое въ немъ, къ сожалѣнію, остается для насъ неяснымъ вслѣдствіе того, что не сохранилось начало документа и въ дошедшемъ до насъ обломкѣ недостаетъ почти половины строкъ. Повидимому онъ составленъ такъ, что послѣ обозначенія рода продаваемыхъ земельныхъ участковъ (напр. Б, стр. 5—6: [τοίδε ἐπ]ρίαντο τοὺς ἑκατώρυγας) слѣдовало перечисленіе купившихъ ихъ лицъ по одиночкѣ (καθ'ἕνα, см. А, 7 и Б, 7) съ обозначеніемъ уплаченной каждымъ лицомъ суммы, а затѣмъ подводились итоги (κεφαλά) суммъ, полученныхъ за всѣ участки каждаго рода. Есть однако и исключеніе изъ такого порядка составленія документа, именно въ строкахъ 7—20 передней стороны названы почему-то только имена лицъ, явившихся покупщиками, безъ показанія уплаченныхъ ими суммъ. Почему нѣкоторыя изъ этихъ лицъ (напр. Ξάνθος Θεοκύδεος, Βάκις Ῥινία и, можетъ быть, Νικασίτιμος Νικασιτίμου) записаны по два раза, а также почему имена покупщиковъ въ однихъ случаяхъ ставятся съ отчествами, а въ другихъ безъ отчества, — это остается для насъ неизвѣстнымъ.

Что касается до употребляемыхъ въ документѣ знаковъ для обозначенія чиселъ, то всякому, кто знакомъ съ употреблявшимися у грековъ системами обозначенія чиселъ, сразу очевидно, что въ надписи примѣнена древнѣйшая система обозначенія, а не позднѣйшая буквенная (перешедшая и въ славянскія книги), равно какъ очевидно и то, что система эта значительно отличается отъ наиболѣе извѣстной намъ аттической, хотя и основана на одномъ съ нею принципѣ. Въ 1885 г. при изданіи трехъ халкидонскихъ надписей, сообщенныхъ мнѣ г. Пападопуломъ Керамевсомъ[2]), мнѣ удалось опредѣлить халкидонскую систему обозначенія чиселъ, въ которой встрѣчаются такіе-же знаки, какъ и въ разсматриваемой теперь херсонисской надписи. Это сходство системъ не покажется удивительнымъ, если мы припомнимъ, что Херсонисъ былъ колоніею Иракліи Понтійской, колонизованной, подобно Халкидону, изъ Мегаръ, и что, стало быть, халкидонская и херсонисская системы могли развиться изъ одной и той-же системы мегарской.

Евр. *Гек.* 1002, Страв. р. 694); форма ὁ ἑκατῶρυξ, γος должна быть признана мѣстною, діалектическою. Считать Ε за числовой знакъ (читая въ стр. 6 τοὺς ε' κατώρυγας и въ стр. 15 κεφαλὰ ε' κατωρύγων) не позволяетъ то обстоятельство, что числа обозначены въ надписи по древнѣйшей системѣ (см. ниже) и что въ указ. мѣстахъ слѣдовало бы поэтому ожидать знака Γ.

[1]) Ср. нашу ст. «Эпиграф. данныя о госуд. устр. Херсониса», стр. 56 сл.

[2]) Журн. М. Н. Просв., іюнь 1885 г., отд. кл. фил., стр. 308. Извѣстный нѣмецкій ученый Бехтель, перепечатавшій первую изъ изданныхъ мною надписей въ Sammlung der griech. Dialekt-Inschriften herausg. von Collitz und Bechtel, т. III, вып. 1, стр. 57 n⁰ 3052*a*, призналъ мое объясненіе числовыхъ знаковъ за «несомнѣнно удачное» (sicher geglückt).

Примѣненіе халкидонской системы къ объясненію числовыхъ знаковъ, встрѣчающихся въ нашей надписи, дѣйствительно дало нѣкоторые результаты, но вполнѣ достовѣрными ихъ нельзя еще назвать 1) потому, что въ нашемъ документѣ встрѣчается нѣсколько такихъ знаковъ, которыхъ нѣтъ въ халкидонскихъ надписяхъ, 2) нѣкоторые изъ встрѣчающихся знаковъ не могли быть опредѣлены съ полной точностью.

Въ халкидонскихъ надписяхъ встрѣчаются слѣдующіе числовые знаки: M = 10000 (драхмъ), ⊠ = 5000, X = 1000, H = 100, Ψ = 10, Π = 5, C = 1, T = $\frac{1}{2}$ драхмы или 3 обола, I = 1 оболъ. Сравнивая эти знаки съ херсонисскими, мы найдемъ, что въ числѣ послѣднихъ не встрѣчаются M, ⊠I, H и I, но за то имѣется между ними нѣсколько такихъ, которыхъ нѣтъ въ халкидонской системѣ, именно ⊏ или Ϝ, o, Ↄ, ⊢ и Ψ или Y (послѣдняго знака съ точностью опредѣлить не удалось). Изъ знаковъ общихъ обѣимъ системамъ могутъ имѣть одно и тоже значеніе X, Γ и C; знакъ Ψ (или Y) въ Херсонисѣ не могъ служить для обозначенія 10, такъ какъ почти навѣрное можно сказать, что такое значеніе имѣлъ знакъ Δ, часто встрѣчающійся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Γ; а такъ какъ Ψ въ одномъ случаѣ поставленъ прямо предъ Δ, то можно думать, что онъ обозначалъ собою число 50; для обозначенія сотни служилъ, повидимому, знакъ ⊢, представляющій, быть можетъ, сокращенное начертаніе знака H. Далѣе, изъ обозначенія oooↃX (Б, стр. 3), при условіи X = 1000, можно вывести, что O = 10000, а Ↄ = 5000; въ такомъ случаѣ ⊏ будетъ 50000, а Δo — можетъ быть = 100000. Такимъ образомъ мы получимъ слѣдующія значенія, удовлетворяющія почти всѣмъ встрѣчающимся въ надписи сочетаніямъ знаковъ:

Δo = 100000?	⊢ = 100.
⊏ = 50000.	Ψ (или Y?) = 50.
o = 10000.	Δ = 10.
Ↄ = 5000.	Γ = 5.
X = 1000.	C = 1.

При помощи подысканныхъ значеній нельзя прочитать только очень плохо сохранившееся сочетаніе знаковъ въ Б, стр. 11. Счетъ въ надписяхъ ведется, по всей вѣроятности, на драхмы.

Въ числѣ личныхъ именъ, записанныхъ въ документѣ, есть нѣсколько такихъ, которыя отсутствуютъ въ извѣстномъ «Словарѣ греч. собств. именъ» Папе-Бензелера (напр. Ἴκας, Νικασίτιμος, Ῥινίας, Δωρώνδας, Πίτθιος); но такъ какъ этотъ словарь въ настоящее время очень уже не полонъ, то и нельзя сказать, что эти имена нигдѣ еще не встрѣчались.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ I томѣ «Сборника надписей сѣв. поб. Чернаго моря» подъ № 226 нами изданъ небольшой обломокъ съ надписью совершенно подобнаго содержанія, нынѣ хранящійся въ музеѣ Одесскаго общества исторіи и древностей. Какъ по характеру письма, такъ и по содержанію онъ на столько сходенъ съ вышеразсмотрѣннымъ документомъ, что его можно считать обломкомъ того-же самаго камня; но навѣрное рѣшить этотъ вопросъ можно только при сличеніи самихъ камней — по ихъ толщинѣ и величинѣ буквъ; соединить обломки по содержанію строкъ намъ не удалось. Сравненіе съ новымъ документомъ позволяетъ сдѣлать нѣсколько поправокъ къ нашему прежнему чтенію одесскаго обломка, такъ что я считаю нелишнимъ повторить здѣсь его транскрипцію въ исправленномъ видѣ:

Сторона *a*:

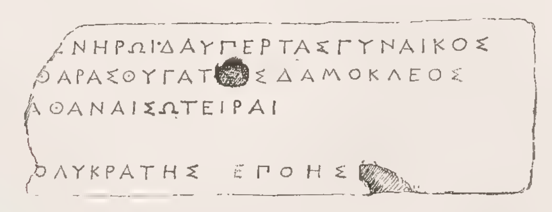
. . . Σωσ?]ίνικος ↄΧ . . .
. . . ου ↄΧ . . . Γ· Ἀφαιστό[δωρος . . .
. . . Ἀφαισ]τόδωρος Χ.[ΔΓ· Ἀφαιστόδωρος . . .
. . . Ἀφα]ιστόδωρος ΧΔ· Κ[εφαλά? . . .
. . . Ἀγ[ν[σ]ίστρατος ΥΔΓ . . .
. . . Ἡρακ]λειδας Ἀπ . . .
. . . Ποθος. Τοί[δε ἐπριαντο? . . .
. . . ο τὰς χ . . .
. . . Διο]νύσ[ιος . . .

Сторона *b*:

. . . Ἀ]πολλ[ώνιος? . . .
. . . ΥΔΓ· Προ[μαθίων? . . .
. . . ος ↄΧ[ℙ?]ΔΓ . . .
. . . δα [ℙ]ΧΓ . . .
. . . οοΥ . . .

г. Надписи посвятительныя.

6. Мраморный пьедесталъ вышиною 1′, шир. 2′8″, толщ. 2′6″, сильно поврежденный и, повидимому, приспособленный потомъ для иныхъ цѣлей, такъ какъ по срединѣ надписи продѣлано круглое отверстіе[1]). Лѣвый уголъ передней стороны отбитъ; на смежной сторонѣ вырѣзаны таинственные знаки (см. рисунокъ). Найденъ весною 1891 г. при перекопкѣ площади вокругъ строящагося храма. Надпись вырѣзана очень тщательно красивыми буквами IV в. до Р. Хр. (выш. 0,02 м.), ясно читающимися на эстампажѣ, по которому она и издается.

[. . . ω]ν Ἡρώιδα ὑπὲρ τᾶς γυναικὸς
. . θάρας θυγατ[ρὸ]ς Δαμοκλέος
Ἀθανᾶι Σωτείραι.
[Π]ολυκράτης ἐπόησ[ε].

Итакъ, мы узнаемъ изъ надписи, что на пьедесталѣ стояла какая-то статуя, посвященная ....ономъ, сыномъ Ирода, за жену свою ..ѳару, дочь Дамокла, Аѳинѣ-Спасительницѣ и изваянная художникомъ Поликратомъ.

Такимъ образомъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о религіозной жизни Херсонисцевъ надпись прибавляетъ свидѣтельство о существованіи въ Херсонисѣ въ IV в. культа Аѳины-Спасительницы. Но особенный интересъ придаетъ надписи имя художника Поликрата, какъ творца статуи,

---

[1]) Изъ донесенія г. Косцюшко-Валюжинича въ Археол. Коммиссію.

нѣкогда стоявшей на этомъ пьедесталѣ. Возможно, конечно, что это имя носилъ какой нибудь безвѣстный херсонисскій ваятель; но возможно также, что статуя была куплена и въ другомъ городѣ, напр. въ Аѳинахъ [1]), и что изваявшій ее художникъ тожественъ съ тѣмъ Поликратомъ, котораго Плиній старшій называетъ среди длиннаго ряда ваятелей, отличавшихся особеннымъ искусствомъ въ изображеніи атлетовъ, воиновъ, охотниковъ и жертвоприносителей [2]). Этому-же Поликрату обыкновенно приписываютъ статую извѣстнаго аѳинскаго полководца Тимоѳея, сына Конона, пьедесталъ которой нѣкогда найденъ былъ въ Римѣ на виллѣ Маттэи [3]), и время жизни самого художника относятъ къ IV в. до Р. Хр. Такъ какъ и наша надпись по характеру письма скорѣе всего можетъ быть отнесена къ этому вѣку, то это совпаденіе даетъ лишній шансъ въ пользу предположенія о тожествѣ художника, имя котораго на ней подписано, съ Поликратомъ Аѳинскимъ. Еще одинъ доводъ можетъ дать написаніе ἐπόησε (безъ ι), которое чаще встрѣчается въ надписяхъ аттическихъ художниковъ, нежели другихъ, и при томъ преимущественно въ IV в. до Р. Хр. [4]).

7. Надпись на мраморной плитѣ, найденной Д. В. Айналовымъ лѣтомъ 1890 г. въ стѣнѣ базилики, раскопанной въ 1853 г. графомъ А. С. Уваровымъ. «Найденный въ базиликѣ мраморъ представляетъ большую, совершенно цѣлую плиту въ 4′4″ длины, 2′ ширины и 6″ толщины, составляющую уголъ верхней облицовки языческаго храма [?]. Рѣзной карнизъ сверху сильно поврежденъ, но хорошо сохранился орнаментъ художественной работы, изображающій голову бородатаго козла и бараній черепъ, соединенные между собою свѣшивающейся гирляндой изъ плюща съ круглыми шишками и съ розеткой сверху; отъ бараньяго черепа гирлянда продолжается вправо до ребра плиты; надъ гирляндой помѣщается вторая, очень красивая, розетка, а внизу начало надписи въ двѣ строки, окончаніе которой, а также и орнамента, должно было находиться на второй такой-же плитѣ» [5]). Надпись вырѣзана весьма тщательными и красивыми буквами (выш. 0,025 м.), которыя, судя по эстампажу, до сихъ поръ прекрасно сохранились.

ΠΑΣΙΑΔΑΣΑΡΤΕΜΙ ΒΑΣΙΛΕΥΩΝΙΕΡΕΥΣΕ	Πασιάδας Ἀρτεμι[δώρου] βασιλεύων ἱερεὺς ἐ[πεσκεύαξεν?]

Надпись, повидимому, гласила о возобновленіи или ремонтѣ святилища, храма или алтаря гражданиномъ Пасіадомъ, сыномъ Артемидора, занимавшимъ должность «царя» и въ тоже время

---

[1]) Такъ и въ Ольвіи были найдены остатки пьедестала съ именемъ знаменитаго Праксителя. См. Inscr. P. I, n° 145 (ср. Loewy, Inschr. griech. Bildhauer, стр. 383 n° 76*a*). Художника Кифисодота, подпись котораго стоитъ на найденномъ въ Херсонисѣ пьедесталѣ статуи Аристона с. Аттина (Inscr. P. I, n° 199), Лёви (въ ук. сб. стр. 238, къ n° 337) также считаетъ не мѣстнымъ уроженцемъ, а аѳиняниномъ.

[2]) Plin. N. hist. XXXIV, 91: athletas autem et armatos et venatores sacrificantisque [fecere]... Polycrates.

[3]) Издалъ послѣ многихъ другихъ издателей Леви, Inschr. gr. Bildh. n° 482: Τιμόθεος Ἀθην[αῖος] | Πολυκρ[άτης ἐποίει]. Ср. объ этой надписи H. Brunn, Geschichte der griech. Künstler, т. I, стр. 399; J. Overbeck, Die antiken Schriftquellen zur Gesch. d. bild. Künste bei den Griechen, стр. 261.

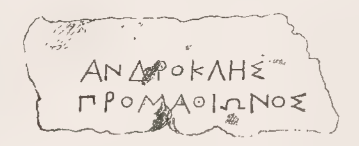
[4]) Ср. статистику употребленія формъ съ ι и безъ нея у Лёви въ ук. сб., стр. XIV.

[5]) Описаніе, помѣщенное въ кавычкахъ, заимствовано изъ донесенія г. Косцюшко-Валюжинича въ Импер. Археолог. Коммиссію. О раскопкахъ графа Уварова см. «Извлеченіе изъ всеподд. отчета объ археол. разысканіяхъ въ 1853 г.» (Спб. 1855), стр. 158 сл., и «Пропилеи», т. IV, стр. 527 сл.

жреца. Судя по мотивамъ украшеній плиты, святилище должно было принадлежать Діонису. Надпись, по характеру письма, можетъ быть отнесена приблизительно къ 1-й половинѣ III в. до Р. Хр. Изъ надписи на архитравѣ, найденномъ въ той-же базиликѣ графомъ Уваровымъ[1]), видно, что во II или III в. по Р. Хр., по всей вѣроятности, на томъ-же мѣстѣ существовало святилище Афродиты. Поэтому приходится думать, что или древнѣйшій храмъ Діониса со временемъ разрушился и на его мѣстѣ впослѣдствіи было построено святилище Афродиты, или что одинъ изъ этихъ двухъ камней взятъ для постройки базилики изъ другого святилища.

д. Надписи надгробныя.

8. Обломокъ плиты выш. 0,18 м., шир. около 0,30 (по эстампажу), повидимому безъ всякихъ украшеній. Найденъ лѣтомъ 1891 г.; точное мѣсто находки намъ не извѣстно. Тщательно вырѣзанная по линейкамъ надпись сохранилась хорошо (выш. буквъ 0,015 — 0,025) и ясно читается на эстампажѣ.

Ἀνδροκλῆς
Προμαθίωνος.

По типамъ буквъ надпись смѣло можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр.

9. Мраморная плитка, повидимому цѣльная, по краямъ немного попорченная, выш. по эст. 0,075 м., шир. 0,09. На ней тщательно вырѣзана буквами IV вѣка до Р. Хр. (выш. 0,013) надпись, хорошо сохранившаяся до сихъ поръ. Плитка найдена въ землѣ насыпи херсонисскаго некрополя въ 1891 году. Издается по эстампажу.

ΒΟΙΣΚΟΣ
ΝΕΟΜΗΝΙ
ΟΥ

Βοίσκος | Νεομηνί|ου.

Надпись, очевидно, надгробная; но по незначительной величинѣ плитки не возможно думать, чтобы она могла служить самостоятельнымъ надгробнымъ памятникомъ; поэтому остается предположить, что плитка была прикрѣплена внутри гробницы или склепа къ саркофагу или урнѣ съ прахомъ покойника. Аналогичнымъ примѣромъ является № 11 — надпись на боковой сторонѣ гробика, служившаго хранилищемъ жженныхъ костей.

10. Вполнѣ сохранившаяся мраморная плита, книзу расширяющаяся, выш. 20 вершковъ, шир. вверху $8^1/_2$ в., внизу 11 в., толщ. 2 в. Въ верхней части плиты, подъ архитравомъ, въ углубленіи изображена горельефомъ женщина въ длинной верхней и нижней одеждѣ, стоящая

---

[1]) Надпись послѣ гр. Уварова и Стефани издана мною въ Inscr. P. I, n° 203.

en face, поднявъ правую руку къ плечу, а лѣвою поддерживая локоть правой; вышина фигуры 7 вершковъ; вправо отъ женщины (для зрителя) стоитъ въ такой-же позѣ дѣвочка (выш. 4 в.), а между ними изображенъ полукруглый предметъ въ родѣ жертвенника. Головы женщины и дѣвочки отбиты, по мнѣнію г. Косцюшко-Валюжинича умышленно, такъ какъ все остальное сохранилось превосходно. Нижній конецъ плиты по бокамъ стесанъ для лучшаго укрѣпленія въ землѣ или въ постаментѣ. Свободное пространство между горельефомъ и нижнимъ концомъ занято стихотворною епитафіею въ 18 строкъ, изъ коихъ двѣ первыя вырѣзаны болѣе крупными буквами, нежели остальныя (выш. буквъ 1-й строки — отъ 2 до 2,2 сантим., 2-й — около 2 с., а остальныхъ — отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ сантим.). Надпись кое-гдѣ изгладилась, но вообще порядочно еще разбирается на эстампажѣ и на фотографическомъ снимкѣ, которыми я пользовался для ея прочтенія. Плита найдена въ христіанскомъ храмѣ, открытомъ лѣтомъ 1890 г. при раскопкѣ на островкѣ въ Казачьей бухтѣ[1]); она лежала лицевой стороной внизъ на полу одного изъ многихъ помѣщеній при храмѣ[2]).

ΟΙΝΑΝΘΗ ΓΛΑΥΚΙΟΥ
ΑΒΑΛЄΤΟΙΜΟΥϹΑΧΑΡЄΙϹΠΑΚΑΜΜΟΡЄΝΥΜΦΗ
ΟΙΝΑΝΘΗΠΑΔΩΝЄΠΙΓΟΥΝΑϹΙϹЄΙΟΤϹΘЄΝΤΩΝ
ΦΩΝΗϹΑΙΛΟΧΙΗϹΤЄΚΑΛΟΝΝΟΜΟΝЄΙΛЄΙΘΥΗϹ
ΜΗΤΡΙΤЄΗΚΑΙΠΑΤΡΙΚЄΚΑΡΜЄΝΑΔΩΡΑΠΟΛЄΠΗ
ΝΥΝΝЄϹΥΜЄΝΚΡΥЄΡΑΙЄΙΝЄΠΙΨΑΜΑΘΟΙϹΙΝΜΥЄΙϹ
ΚΩΚΠΟΥΚЄΛΑΔΟΝΤΟΠΑΝΑΔΡΟϹΟΝΟΥΔЄϹЄΓЄΙΡЄΙ
ΑЄΝΑЄϹΚЄΛΑΔΗΜΑΥΙΛΗϹΟΚΟϹΩΤЄϹЄΜΗΤΗΡ
ΟΡΝΙϹΟΚΩϹΓЄΓΟΜΚЄΙΥΔΕΛΙΘΟϹΟΥΔЄΝΑΚΟΥЄΙϹ
ΑΛΑΜΜЄΛΑΝΔЄΙΝΗϹЄΠЄΡΙΡΟЄϹΩΚЄΑΝΟΙΟ
ЄΙΛЄΥΝΤΑΙΨΥΧΑΙΔЄΚΑΤΑΚΘΟΝΙΦΝΑΜΒΑΝΤΩΝ
ΖΜЄΡΔΑΛϹΟΝΒΡΟΜЄΟΥϹΙϹΙΔЄΘΡΟΟΘΟΥΧΤΤΟΚΗΩΝ
ϹΥΠΟϹΙΟϹΝЄΝΟΗΚΑϹЄΠЄΙΠΙЄϹΑϹΤΥΓΛΛΗΟΗϹ
ΤΙϹΜΑΚΑΡΩΝΝΟΜΟϹΟΥΤΟϹΙΜΑΝϹΡЄϹΗЄΝΥΚΩΡΧΙΙ
ΟΥΧΙΚΑΚΑΙΘΝΗϹΚΟΥϹΙΠΡΟΜΟΙΡΙЄϹΘΥΧΙΤΟΚΗΩΝ
ΟΥΤΙΔΑΝΩΝΛΛΛЄΙΤΙ.ΑΡΙΠΡЄΠЄϹЄΙΔϹЄΧΟΥϹΑ
ΗΓЄΝΟϹΗΡΑΤΟΔЄϹΟΛΟΝЄΤΗΤΥΜΟΝΑΝΔΡΑϹΙΠΥΘΩ
ΧΡΥϹЄΟΝΟΤΤΙΓЄΝЄΘΛΟΝЄϹΑΙΔΑΠΡΩΤΟΝΟΔЄΥϹΙΝ

Текстъ епитафіи оказывается вырѣзаннымъ такъ небрежно и съ такими грубыми ошибками, а кромѣ того и самое произведеніе безвѣстнаго доморощеннаго поэта представляетъ собою такой

[1]) Объ этихъ раскопкахъ см. статью К. К. Косцюшко-Валюжинича «Важное археологическое открытіе въ Крыму» въ Изв. Таврич. Уч. Арх. Коммиссіи № 13 (1891 г.), стр. 55—61.

[2]) Это указаніе положенія плиты при ея открытіи, взятое изъ донесенія г. Косцюшко въ Археол. Коммиссію, должно считаться вполнѣ достовѣрнымъ. Поэтому врядъ ли можно согласиться съ предположеніемъ, высказаннымъ В. Н. Юргевичемъ въ 257 засѣданіи Од. Общества ист. и древн., 8 февраля 1891 г. (см. печатный протоколъ этого засѣданія стр. 2), что «по всей вѣроятности камень привезенъ въ новый Херсонисъ гораздо позже, какъ баластъ, на какомъ либо іонійскомъ или карійскомъ кораблѣ и перенесенъ затѣмъ на загородную дачу Херсонитянъ около упомянутой бухты».

оригинальный наборъ громкихъ и «жалкихъ» словъ, что возстановленіе его представляется очень затруднительнымъ, не смотря на довольно хорошую сохранность всей надписи. Этотъ трудъ въ значительной степени облегчилъ намъ почтенный профессоръ Θ. Е. Коршъ, любезно сообщившій намъ, по нашей просьбѣ, замѣчанія къ тексту епитафіи, сдѣланныя имъ въ засѣданіи Одесскаго Общества исторіи и древностей 8 февраля 1891 года[1]).

Принимая въ текстъ нѣкоторыя изъ конъектуръ проф. Корша (которыя будутъ указаны ниже), мы получаемъ слѣдующее возстановленіе:

Οἰνάνθη Γλαυκίου.
Ἄβαλέ τοι Μοῦσα[ι σὰ] χαρείσια, κάμμορε νύμφη
Οἰνάνθη, πα(ί)δων ἐπὶ γούνασι σεῖο τεθέντων,
φωνῆσαι λοχίης τε καλὸν νόμον Εἰλειθυ(ί)ης,
μητρὶ τεῇ καὶ πατρὶ κε[χ]αρμένα δῶρα πό[σ]ει τ[ε].
νῦν [δ]ὲ σὺ μὲν κρυεραῖ[σ]ιν ἐπὶ ψαμάθοισιν [ἀ]ύεις
Κωκυτοῦ κελάδοντο[ς] ἀνὰ δρόσον, οὐδέ σ᾽ἐγείρει
ἀεναὲς κελάδημα [φ]ίλης ὀ[π]ός, ᾧτέ σε μήτηρ
ὄρνις ὅκως γεγό[ν]κε, [σ]ὺ δὲ λίθος οὐδὲν ἀκούεις,
ἀλ(λ)ὰ μελανδεῖν[αι σ]ὲ περὶ ῥόες Ὠκεανοῖο
εἰλεῦνται, ψυχαὶ δὲ κατα[χ]θονίων ἀ[λι]βάντων
ζμερδαλέον βρομέουσι, σ[ὺ] δὲ θρόο[ν] οὐχὶ τοκήων,
οὐ πόσιος νενόηκας, ἐπεὶ πίες, ἇ, στύγα Λήθης.
Τις μακάρων νομος οὗτος [ἀν]ά[μ]ερ[ο]ς; ἠέ νυ κῶρ[αι]
οὐχὶ κακαὶ θνήσκουσι προμοίρ[ω]ς, οὐχὶ τοκήων
οὐτιδανῶν, [ἀ]λλ᾽ εἴ τι[ς] ἀριπρεπὲς εἶδο[ς] ἔχουσα
ἢ γένος; ἦ ῥα τοδ᾽ ἐσθλὸν ἐτήτυμον ἀνδράσι Πυθώ,
χρύσεον ὅττι γένεθλον ἐς Ἀίδα πρῶτον ὁδεύ[ε]ιν;

Для первыхъ 4-хъ стиховъ приняты конъектуры Θ. Е. Корша, объясняющаго смыслъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «пріятнѣе было-бы участіе поэзіи въ твоей судьбѣ по поводу твоихъ харисій и родовъ, чѣмъ по случаю твоей кончины; но какое семейное торжество слѣдуетъ разумѣть подъ τὰ χαρῖσια, — остается неизвѣстнымъ». Удлиненіе ι въ χαρῖσια и затѣмъ изображеніе ея посредствомъ ει не должно казаться удивительнымъ въ поздней надписи; ср. въ ст. 10 μελανδείνης = μελανδῖνης, а также δὲ λίθος ст. 9 и περὶ ῥόες ст. 10. Въ концѣ ст. 6 ἀύεις также принадлежитъ Θ. Е. Коршу; мы предполагали [ὁδε]ύεις. Къ ст. 8—9 г. Коршъ предлагаетъ сравнить Kaibel, Epigr. 241, 7: Μήτηρ δ᾽ἡ δύστηνος ὀδύρεται οἷά τις ἀκταῖς Ἀλκυονὶς γοεροῖς δάκρυσι μυρομένα. Въ ст. 10—11 г. Коршъ читаетъ ἀλ[λ]ὰ μελανδείνης [σ]ὲ περὶ ῥόος Ὠκεανοῖο εἰλε[ῖ]ται, но мы предпочли удержать свое чтеніе, какъ ближе подходящее къ сохранившимся на камнѣ начертаніямъ; въ частности форма plur. εἰλεῦνται совершенно ясно видна на фотографіи и эстампажѣ. Правда, при нашемъ чтеніи приходится принять, что въ сл. ΜЄΛΑΝΔЄΙΝΗ конечная η = αι, но такое написаніе въ поздней надписи совершенно возможно. Отъ сущ. ῥοῦς формы по

[1]) См. протоколъ этого засѣданія, указанный въ предыдущемъ примѣчаніи.

3 склоненію встрѣчаются у нѣкоторыхъ писателей[1]). Предлогъ περὶ относится къ εἰλεῦνται, образуя т. наз. τμῆσις. Въ ст. 12 г. Коршъ считаетъ возможнымъ допустить и θρόος (согласно съ начертаніемъ на камнѣ) въ качествѣ дорическаго accus. plur. Въ ст. 13 очевидно στύγα имѣетъ значеніе нариц. имени = ὕδωρ. Въ ст. 14 возстановленіе [ἀν]ά[μ]ερ[ο]ς принадлежитъ г. Коршу. Ст. 16—18 г. Коршъ предлагаетъ возстановить такъ: [ἀ]λλ' εἴ[τ']ἄ[ρ] ἀριπρεπὲς εἶδος ἔχουσα[ι] ἢ γένος; ἦ ῥα τόδ' ε[ἶπε]ν ἐτήτυμον ἀνδράσι Πυθὼ|χρύσεον ὀ[ψι]γένεθλον κτλ. Въ εσθλον (вм. εἶπεν) онъ видитъ вліяніе слоговъ -εθλον въ слѣдующемъ стихѣ (ср. 7 и 8), для ἦ ῥα и ἐτήτυμον предлагаетъ сравнить Kaibel, Epigr. 242, 4 и 273, 18, ὀψιγένεθλον сравниваетъ съ πρωτογένεθλος и для πρῶτον предполагаетъ значеніе «преждевременно, слишкомъ рано», сравнивая Ом. Од. ω, 28: Ἦ τ' ἄρα καὶ σοὶ πρῶτα παραστήσεσθαι ἔμελλε Μοῖρ' ὀλοή. Стараясь держаться по возможности ближе къ начертаніямъ, вырѣзаннымъ на камнѣ, мы рѣшились оставить въ текстѣ эти стихи въ томъ видѣ, какъ сами ихъ прочитали, хотя и отдаемъ полную справедливость остроумнымъ догадкамъ достоуважаемаго профессора. Ἀλλ' εἴ τις въ ст. 16 мы принимаемъ въ томъ значеніи, въ какомъ это соединеніе неоднократно встрѣчается у Софокла[2]). Въ ст. 17 ἦ ῥα можетъ быть не вопросительной частицей, какъ понимаетъ г. Коршъ, а формой гл. ἠμί[3]) съ частицей ῥα, а ἐσθλόν могло быть сказано въ ироническомъ смыслѣ; наконецъ въ послѣднемъ стихѣ ὅττι, поставленное вмѣсто ὅτι, мы понимаемъ въ смыслѣ ὅτι δὴ или ὁτιοῦν. Но во всякомъ случаѣ, объяснивъ наше пониманіе этихъ стиховъ, мы предоставляемъ читателю полную свободу выбора между нимъ и объясненіемъ г. Корша.

Какъ по характеру письма, такъ и по нѣкоторымъ особенностямъ правописанія (ει вм. ῑ, быть можетъ η вм. αι) надпись должна быть отнесена къ позднимъ римскимъ временамъ, не ранѣе II в. по Р. Хр. Въ тѣ времена замысловатыя поэтическія слова, по всей вѣроятности, были уже «мертвыми» для херсонисскаго рѣзчика, и этимъ обстоятельствомъ легко можетъ быть объяснена масса ошибокъ, надѣланныхъ имъ при вырѣзываніи на камнѣ непонятной ему епитафіи съ неразборчивой, быть можетъ, рукописи, представлявшей, къ тому-же, пеструю смѣсь іоническихъ и дорическихъ формъ[4]).

Въ заключеніе предлагаемъ посильный переводъ оригинальной епитафіи: «Лучше бы музы прославили твои харисіи, злосчастная молодая жена Иаиноа, когда были-бы положены дѣти на твои колѣни, и [воспѣли] прекрасный законъ помогающей въ родахъ Илиѳіи, радостные дары твоей матери, отцу и супругу. Нынѣ же ты взываешь на хладныхъ пескахъ, вдоль теченія [?] шумящаго Кокита, и не будитъ тебя непрестанный [досл. вѣчнотекущій] звукъ милаго голоса, которымъ мать оплакала тебя, подобно птицѣ, ты же, камень, ничего не слышишь, но тебя окружаютъ черноpучинные потоки Океана, а души сошедшихъ подъ

---

1) См. Stephani Thesaurus linguae Graecae s. v.

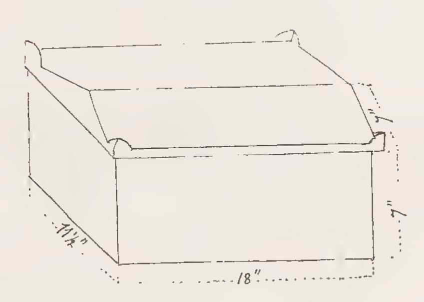
2) Oed. Col. 734: πρὸς πόλιν δ' ἐπίσταμαι| σθένουσαν ἥκων, εἴ τιν' Ἑλλάδος, μέγα. Ibid. 1664: ἀνὴρ γὰρ οὐ στενακτὸς οὐδὲ σὺν νόσοις | ἀλγεινὸς ἐξεπέμπετ', ἀλλ' εἴ τις βροτῶν | θαυμαστός. Ai. 488: ἐλευθέρου μὲν ἐξέφυν πατρός, εἴπερ τινὸς σθένοντος ἐν πλούτῳ. Trach. 8: νυμφείων ὄκνον | ἄλγιστον ἔσχον, εἴ τις Αἰτωλὶς γυνή. Ср. еще Евр. Андр. 6: νῦν δ', εἴ τις ἄλλος, δυστυχεστάτη γυνη.

3) Ср. Ом. Ил. 3,355: ἠ ῥα, καὶ ἀμπεπαλὼν προίει δολιχόσκιον ἔγχος. 6, 390: ἦ ῥα γυνὴ ταμίη и пр.

4) Относительно нерѣдко встрѣчающагося въ епиграфическихъ памятникахъ написанія ΖΜ вм. ΣΜ (ст. 12), согласно произношенію, ср. Meisterhans, Gr. d. Att. Inschr.[2] стр. 68; Blass, Ueber die Musspr. des Griech.[2], стр. 76.

землю усопшихъ страшно шумятъ; ты же не разумѣешь вопля ни родителей, ни супруга, ибо испила — увы! — воды Леты. Что это за жестокій законъ блаженныхъ? развѣ преждевременно умираютъ дѣвы не дурныя, не [происходящія отъ] родителей ничтожныхъ, но обладающая наиболѣе выдающейся красотой или [благороднымъ] происхожденіемъ? Значитъ, не даромъ сказала мужамъ Пиѳія это хорошее [изреченіе], — что всякое золотое [т. е. прекрасное] потомство первымъ нисходитъ въ Аидъ?»

11. Въ октябрѣ 1891 г. при раскопкахъ въ мѣстности древняго херсонисскаго некрополя была открыта, между прочимъ, нерасхищенная катакомба, въ которой оказалось 5 человѣческихъ остововъ, 5 глиняныхъ урнъ, наполненныхъ жжеными костями и закрытыхъ глиняными-же пробками, и разныя другія вещи. На одной превосходно обожженной, какъ бы полированной, урнѣ оказались нацарапанными имена ΑΠΕΛΛΑ и ʽΑΡΚ.... CШ, а внутри ея — стеклянный флакончикъ, бронзовая пряжка и кусочки листоваго золота; въ другой урнѣ съ именемъ ΑΛΚΙΝΕΙΟΥ — стеклянный флакончикъ и кусочки листоваго золота. «Противъ входа въ катакомбу, нѣсколько лѣвѣе, было прорублено въ скалѣ четыреугольное углубленіе, въ которое былъ вставленъ гробикъ изъ песчаника, слѣдующей формы и размѣровъ:

Обращенныя по входу сторона гробика и ребро крышки покрыты греческой, сильно поврежденной отъ сырости, надписью. По бокамъ и снизу онъ укрѣпленъ, въ неправильно изсѣченномъ углубленіи, каменными клиньями. На крышкѣ стояли 3 глиняныя лампочки, двѣ по угламъ и одна посрединѣ; на послѣдней находится рельефное изображеніе пегаса.

По снятіи крышки, гробикъ оказался наполненнымъ до краевъ жжеными костями. Сверху лежали 2 стеклянныхъ длинногорлыхъ флакончика, а между костями: золотая брошка, 2 подвѣски изъ горнаго хрусталя, 9 золотыхъ бляшекъ, кусочки тонкаго листоваго золота, сломанная костяная ручка и 5 бусъ изъ массы»[1]).

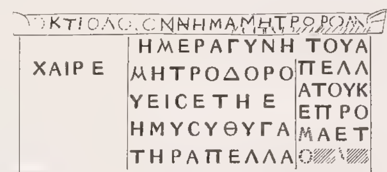
Надписи на ребрѣ крышки и на боковой сторонѣ гробика вырѣзаны довольно крупными буквами, но, какъ уже замѣтилъ г. Косцюшко, сильно пострадали отъ сырости, такъ что разбираются на эстампажѣ съ большимъ трудомъ. Поверхность боковой стороны раздѣлена продольными чертами на три части, въ первой изъ которыхъ вырѣзано одно только слово, а главная надпись начинается во второмъ отдѣленіи и продолжается въ третьемъ.

(См. епиграфическій текстъ на стр. 31.)

На ребрѣ крышки можно разобрать только: .... μνῆμα Μητρο[δώρου?].... Текстъ на боковой сторонѣ читается такъ: Χαῖρε. Ἡμέρα γυνὴ | Μητροδ[ώ]ρο]υ εἰς ἔτη ε' | ἥμυσυ, θυγάτηρ

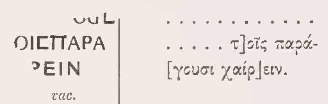
[1]) Описаніе гробика заимствовано (съ сокращеніями) изъ донесенія г. Косцюшко-Валюжинича въ Археологическую Коммиссію.

Ἀπελλᾶ|τοῦ Ἀπελλ|ᾶ τοῦκ|ὲ Προμα[θίωνος?]. Въ русскомъ переводѣ это значитъ: «Прощай. Имера жена Митродора на пять лѣтъ съ половиною, дочь Апеллы сына Апеллы, называвшагося также Прома[θіономъ?]».

Надпись относится къ позднимъ римскимъ временамъ. Имя Ἡμέρα уже извѣстно, какъ прозваніе Артемиды, какъ другое имя богини Зари (Ἠώς) и какъ личное женское (см. словарь Папе-Бензелера). Мужское имя Ἀπελλᾶς уже встрѣчалось въ Херсонисѣ (см. Inscr. P. I, n° 217). Извѣстно также и правописаніе ἥμυσυ вмѣсто ἥμισυ, объясняемое ассимиляціей гласныхъ [3]). Выраженіе «εἰς ἔτη ε' ἥμυσυ» обозначаетъ, по всей вѣроятности, что кости Имеры должны были храниться въ гробикѣ $5^1/_2$ лѣтъ, по истеченіи которыхъ могли быть вынуты и гробикъ могъ быть употребленъ для костей другого покойника.

12. Обломокъ праваго нижняго угла мраморной плиты, выш. 0,055 м., наиб. шир. 0,15. Буквы вышиною 0,027 м. вырѣзаны тщательно и прекрасно видны на эстампажѣ. Обломокъ найденъ весною 1891 г. при перекопкѣ площади вокругъ строящагося храма.

Конечная фраза надгробія довольно позднихъ римскихъ временъ. Формула «τοῖς παράγουσι χαίρειν» («мимоидущимъ привѣтъ») встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ изрѣдка на Воспорѣ [2]).

e. Обломки разнороднаго содержанія.

13. Небольшой обломокъ, повидимому отъ пьедестала (выш. по эстамп. 0,15 м., наиб. шир. 0,19); снизу, кажется, сохранился первоначальный край. Крупныя и тщательно вырѣзанныя буквы надписи (выш. въ 1 и 2 стр. около 0,038, въ 3-й стр. около 0,028) легко разбираются на эстампажѣ. Этотъ обломокъ и слѣдующій найдены весною 1891 г. при перекопкѣ площади вокругъ строящагося храма.

---

[1]) Meisterhans, Gr. der Att. Inschr.[2] стр. 22, § 13, 5.
[2]) См. Inscr. P. II, nn° 378 и add. 367.

ΙΟΣΒΕL	. . . ος Βε . . .
/ΘΕΡΙΑΝ	τὰν ἐλευ]θερίαν . . .
ʼΑΙΕΥΕΡ	. . . κ]αὶ εὐερ[γέτης . . .

Почти навѣрное можно сказать, что обломокъ происходитъ отъ пьедестала статуи какого-то «благодѣтеля», въ числѣ заслугъ котораго одна имѣла какое-то отношеніе къ «свободѣ» города. По характеру письма памятникъ можетъ быть отнесенъ ко 2 в. по Р. Хр.

14. Небольшой обломокъ (выш. 0,13 м., шир. 0,15) также, повидимому, отъ пьедестала; сверху сохранился край съ частью карниза. Буквы надписи вышиною отъ 0,025 до 0,03 м. вырѣзаны тщательно и очень явственно выступаютъ на эстампажѣ.

ΙЄΒΩΝΙΑΝ	. . . Τρ]εβωνιαν[όν . . .
ΝΚΑΙΑΥΤϹ	. . . ν καὶ αὐτο . . .
ΔΟΝΡ	. . . δον . . .

И этотъ обломокъ, по всей вѣроятности, происходитъ отъ пьедестала статуи какого нибудь заслуженнаго дѣятеля приблизительно тѣхъ-же временъ, какъ и предыдущій.

15. Треугольный обломокъ мраморной плиты выш. (по эстампажу) 0,20 м., шир. внизу 0,12. Буквы надписи вырѣзаны очень тщательно и прекрасно сохранились, какъ можно судить по эстампажу и фотографическому снимку; вышина ихъ — около 0,017 за исключеніемъ ο и Ω, которыя значительно меньше. Обломокъ найденъ весною 1890 года.

ΣΤ	. . . στ . . .
ΙΙΟΣ	. . . λιος . . .
ΣΠΑΡ	. . . σπαρ . . .
ΟΣΕΥ	. . . ος Εὐ . . .
ΠΟΛΕΩΣ	. . . τῆς] πόλεως . . .
ΑΒΑΣΙΛΙΣ	. . . α, Βασιλίσ[κος . . .
ΙΣΤΩΝΟΣΥΙ	. . . Ἀρ]ίστωνος υ . . .
ΝΟΣΤ·ΦΛΑΟΥΙΟΣ	. . . ω]νος· Τ(ίτος) Φλάουιος . . .
ΟΣΔΙΟΙΕΝΟΥΣ	. . . ος Διο(γ)ένους . . .
ΕΛΓΕΝΗΣΛ	. . . Θ]ε[α]γένης . . .
ΛΣ.	. . . .

На камнѣ былъ, повидимому, списокъ личныхъ именъ съ отчествами. Имя «Титъ Флавій», записанное въ стр. 8, заставляетъ заключить, что надпись относится ко времени не ранѣе царствованія Веспасіана.

16. Обломокъ мраморной плиты, наиб. выш. 0,15 м., наиб. шир. 0,17. Слѣва сохранился первоначальный край, снизу подъ послѣдней строкой пустое пространство. Тщательно вырѣзанныя буквы (выш. 0,015 — 0,018 м.) довольно ясно читаются на эстампажѣ. Обломокъ найденъ лѣтомъ 1891 г.

ΙΖΖ	. . . .
Τ·ΦΛΑΙ	Τ(ίτος) Φλά[βιος . . .
ΑΡΙΣΤΩΙ	Ἀρίστω[ν . . .
ΚΑΙΟΓΡΑΜΙ	καὶ ὁ γραμ[ματεύς . . .
vac.	

Остатокъ списка какихъ-то должностныхъ лицъ съ ихъ секретаремъ, относящійся приблизительно къ концу I или началу II в. по Р. Хр.

17. Кусочекъ мраморной плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, наиб. выш. и шир. 0,12 м. Буквы были вырѣзаны довольно тщательно и красиво (выш. около 0,02 м.), но, судя по эстампажу, довольно сильно поистерлись. Найденъ лѣтомъ 1891 г.

ΙΑ	[ὁ δεῖνα . . .]ια,
ΙΣΑ	[ὁ δεῖνα . . .]σ[α],
ΟΡΜΙΩΝ	[ὁ δεῖνα Φο]ρμίων[ος],
ΟΑΙΟ	[ὁ δεῖνα . . . θ]αιο[υ].

Повидимому — обломокъ списка, подобнаго предыдущему и также относящагося къ римскимъ временамъ.

18. Обломокъ мраморной плиты выш. 0,16 м., шир. 0,14; слѣва сохранился первоначальный край. Надпись сильно попорчена, такъ что разбирается на эстампажѣ съ большимъ трудомъ. Обломокъ найденъ лѣтомъ 1890 года Д. В. Айналовымъ въ одномъ изъ жилыхъ помѣщеній, открытыхъ при раскопкахъ Одесскаго общества.

Π. . . . .
ΙΟΝ. . . . Ι . . . .
. . . . Ο. . . ΜΕΣΥΙΙ
. ΚΑΙΟΥΟ. . ΠΡΟΕΣΤ
ΠΟΤΑΙΑΣΟΝΟΥΜΕΝ
ΠΡΟΔΕΙΚΝΥΜΑ. ΟΤ
ΔΙΩΚΕΙΝΑΠΟΤΑΣΒ
ΣΕΙΚΑΙΛΟΓΩΝ. . . Η
ΜΟΥΣΡΑΔΙΩΣΥΠ
. . . ΤΟ

На обломкѣ можно разобрать лишь нѣсколько отдѣльныхъ словъ, по которымъ нельзя сдѣлать заключенія объ его содержаніи. Стр. 4: προεστ[ώς. . ., стр. 6: προδείκνυμα[ι]. . ., стр. 7: διώκειν ἀπὸ τᾶς β. . ., стр. 8: . . . σει καὶ λόγων. . ., стр. 9: . . . μους ῥαδίως ὑπ[ὲρ. . .

19. Осколокъ мраморной плиты, обломанный со всѣхъ сторонъ, наиб. выш. 0,07 м., шир. 0,10. Красивыя буквы римскихъ временъ, выш. около 0,015 м., совершенно отчетливо выступаютъ на эстампажѣ. Найденъ весною 1891 г. тамъ-же, гдѣ №№ 13 и 14.

ꟼΥΝΤΕΚ
ΝΔΕΙΑΣ
ΚΑΝΤ–

Итакъ мы видимъ, что на обломкѣ не сохранилось цѣликомъ ни одного слова, а потому о содержанiи его, конечно, нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

20. Обломокъ отъ лѣваго нижняго угла мраморной плиты, выш. 0,19 м., наиб. шир. 0,16. Плита была окружена немного выпуклой рамкой, болѣе широкой внизу, чѣмъ сбоку. Отъ надписи, вырѣзанной мелкими (вышиной около 0,008 м.), но довольно глубокими и потому хорошо сохранившимися буквами римскихъ временъ, осталось только начало двухъ послѣднихъ строкъ, по которымъ нельзя опредѣлить ея содержанія. Обломокъ найденъ весною 1891 г. на площади вокругъ строящагося храма.

21. Кусочекъ мраморной плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, выш. 0,08 м., шир. 0,10. Буквы 1-й строки выш. 0,02, 2-й около 0,028, вырѣзаны довольно тщательно и явственно видны на эстампажѣ. Найденъ лѣтомъ 1890 г.

ΥΧΗ	[Ἀγαθῇ τ]ύχῃ.
ΟΣΚ	. . . . . .]ος κ . . .
Λ –	. . . .

Обломокъ относится къ довольно позднимъ римскимъ временамъ. Содержаніе его опредѣлить невозможно.

22. Маленькій обломокъ мраморной плиты съ сохранившимся верхнимъ краемъ. Буквы позднихъ римскихъ временъ легко разбираются на эстампажѣ.

ΝΑϹΙΑΡΧ	. . . γυμ]νασιάρχ[ης . . .
Λ ΙΙ	. . . .

О гимнасіархіи въ Херсонисѣ ср. нашу ст. «Эпигр. данныя о госуд. устр. Херсониса», стр. 75.

23. «Обломокъ карниза съ бордюромъ, украшеннымъ глубокой рѣзьбой» (К.-В.). Буквы римскихъ временъ, вышиною около 0,05 м., вырѣзаны очень тщательно и правильно; по формѣ онѣ похожи на современныя печатныя буквы. Судя по величинѣ буквъ и по тому, что вся надпись, очевидно, состояла изъ одной длинной строки, можно думать, что она была вырѣзана на карнизѣ какого-нибудь храма или общественнаго зданія и содержала въ себѣ посвященіе. Весьма жаль, что отъ нея сохранились лишь ничтожные остатки, не дающіе возможности судить объ ея содержаніи. Обломокъ найденъ весною 1891 г. при перекопкѣ площади вокругъ строящагося храма.

а	б	в	г	д
ΙΩΊ	ΑΙΤΑ	ΝΤ	ΞΑΝ	ΑΙ

Намъ присланы эстампажи еще нѣсколькихъ обломковъ греческихъ надписей; но такъ какъ они содержатъ лишь по одной, по двѣ или по три буквы, иногда неполныхъ, то мы не считаемъ ихъ заслуживающими изданія.

II. ЛАТИНСКІЯ НАДПИСИ.

Шесть памятниковъ латинской епиграфики, найденныхъ раньше въ Херсонисѣ[1]), уже несомнѣнно доказали фактъ постояннаго пребыванія Римлянъ и стоянки римскихъ военныхъ командъ въ этомъ городѣ, хотя время начала и продолжительность его занятія римскимъ гарнизономъ еще неизвѣстны съ точностью. Въ новыхъ раскопкахъ найдены еще три латинскія надписи, къ сожалѣнію очень плохо сохранившіяся.

24. Кусокъ плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, выш. 0,25 м., шир. 0,34 м. Огромныя (выш. 0,10 м.) буквы надписи вырѣзаны тщательно и глубоко и ясно видны на эстампажѣ. Подъ 2-ю строкой сохранилось пустое пространство. Найденъ лѣтомъ 1891 г.

ΛΙΚ	. . . .
VOAVGV_	. . *di]vo Augu[sto* . . .

Надпись была помѣщена на какомъ-то памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь одного изъ римскихъ императоровъ.

25. Кусокъ плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, наиб. выш. 0,125 м., шир. 0,14 м. Надпись вырѣзана мелкими буквами (выш. 0,01) и сильно пострадала отъ времени. Обломокъ найденъ весною 1891 г. на площади близь новаго храма.

_CLLKN[illegible]	. . . .
\VIVSA . . IOB[illegible]	. . . *Octa?]vius* . . . .
[illegible]VILIVSIONGV	. . . . *Vilius* [*L*]*ongu*[*s?*]
vac.?	

О содержаніи надписи нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

26. Обломокъ мраморной плитки выш. по эст. 0,11 м., шир. 0,10; ни одинъ изъ первоначальныхъ краевъ, повидимому, не сохранился. Буквы выш. 0,12 вырѣзаны глубоко по линейкамъ и очень ясно читаются на эстампажѣ. Обломокъ найденъ въ 1891 г. въ насыпи некрополя.

U
.IIRIIDII_
S ΛVRII
RITII N

Возстановить надпись по сохранившимся остаткамъ невозможно.

---

[1]) Inscr. P. I nn° 222, 223, 237, 239, 240; Зап. И. Р. Арх. Общ. н. с. т. IV, стр. 140, n° 222[1].

III. ГРЕЧЕСКІЯ НАДПИСИ ВИЗАНТІЙСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

27. Часть мраморнаго карниза, длиною въ 1,01 м., отъ дѣйствія огня разломившаяся на 3 куска, съ надписью, вырѣзанной толстыми и глубокими буквами неровной величины (отъ 0,025 до 0,045 м.), ясно видными на эстампажѣ за исключеніемъ отбитыхъ частей буквъ 9—12. Вся надпись, повидимому, состояла изъ одной строки; начало и конецъ ея, вѣроятно, находились на другихъ подобныхъ-же камняхъ. Найденъ весною 1891 г. при перекопкѣ площади вокругъ строящагося храма.

ΘΚΟΠΡΙΑϹ...ΤΩΝΠΕΝΗΤΑΝΚΩΜΗΤΙΒΑϹ

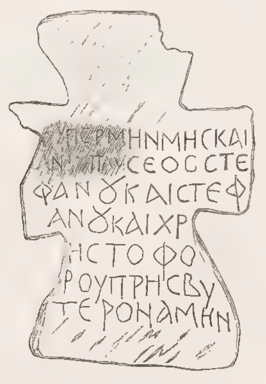
Несмотря на то, что сохранившаяся часть надписи читается вполнѣ ясно, намъ не удалось уловить ея смысла. Въ концѣ ея стоятъ, повидимому, слова χώμητι βασ[ιλικῷ], изъ коихъ первое неправильно написано съ ω вмѣсто ο.

28. Кусокъ плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, выш. 0,035 м., шир. 0,18. Сохранившіяся буквы неравной величины (выш. 0,017—0,022 м.) врѣзаны глубоко и прекрасно читаются на эстампажѣ. Обломокъ найденъ лѣтомъ 1891 г.

ϹΑΗΛΥΠΕR . . . Μιχ]αὴλ ὑπὲρ . . .

Обломокъ, повидимому, происходитъ отъ записи о посвященіи какого-нибудь предмета въ храмъ, сдѣланномъ нѣкіимъ Михаиломъ за кого-либо изъ его близкихъ.

29. Каменный четырехконечный крестъ, почти вполнѣ сохранившійся, выш. 0,40 м., шир. 0,245. Надпись сохранилась цѣликомъ, лишь нѣкоторыя буквы болѣе или менѣе попорчены. Крестъ найденъ въ катакомбѣ, открытой лѣтомъ 1890 г.

Ὑπ[ὲ]ρ μ[νή]μης καὶ
[ἀ]ν[α]παύσε(ω)ς Στε-
φάνȣ καὶ Στεφ-
άνȣ καὶ Χρ-
(ι)στοφό-
ρου πρ(ε)σβυ-
τέρ(ω)ν. Ἀμήν.

«О памяти и упокоеніи пресвитеровъ Стефана, Стефана и Христофора. Аминь».

Время надписи опредѣлить трудно, но мнѣ кажется, что она скорѣе всего можетъ быть отнесена приблизительно къ VI — VII в. по Р. Хр. Употребленіе буквы Η въ одномъ случаѣ для выраженія звука ι (Χριστοφόρου), въ другомъ — для ε (πρεσβυτέρων) свидѣтельствуетъ, что надпись относится къ такой эпохѣ, когда произношеніе $\eta = \iota$ не вполнѣ еще установилось. Слѣды такого произношенія попадаются уже въ первые вѣка по Р. Хр., но преобладающую силу оно стало получать, кажется не раньше V в. по Р. Хр.[1]). Что касается до смѣшенія ο и ω, то оно нерѣдко встрѣчается съ первыхъ вѣковъ христіанства, такъ что при опредѣленіи времени византійскихъ надписей не можетъ имѣть значенія[2]).

30. Обломокъ плиты выш. 0,10 м., шир. 0,17, найденный лѣтомъ 1890 г. На немъ сохранились двѣ строки небрежно вырѣзанной надписи, повидимому надгробной.

ΑΓΑΘΙΑ	Ἀγαθία[ς Θεο-
C ◌PȢ *vac.*	δώ?]ρȣ.

31. Кусокъ плиты, со всѣхъ сторонъ обломанный, выш. 0,205 м., наиб. шир. 0,23, съ частью креста и пятью буквами выш. около 0,035, сохранившимися на эстампажѣ очень хорошо. Найденъ лѣтомъ 1891 г.

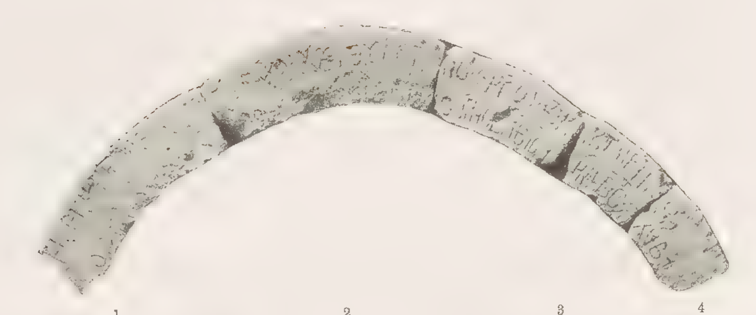

32. Пять кусковъ известковаго камня, составлявшихъ, повидимому, арку входной двери катакомбы (или храма?). На нихъ вырѣзана надпись, къ сожалѣнію, читающаяся съ большимъ трудомъ какъ вслѣдствіе плохой сохранности, такъ и вслѣдствіе присутствія въ ней связныхъ буквъ и условныхъ сокращеній. Мы представляемъ здѣсь рисунокъ арки, снятый съ фотографіи, и затѣмъ транскрипцію надписи, при составленіи которой мы кромѣ фотографіи пользовались хорошо удавшимся эстампажемъ, при чемъ считаемъ нужнымъ добавить, что фотографія надписи по предложенію Археологической Коммиссіи была разсмотрѣна, кромѣ насъ, находящимся въ настоящее время въ Петербургѣ извѣстнымъ грееческимъ ученымъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ, по мнѣнію котораго надпись неполна, такъ какъ между сохранившимися кусками 2-мъ и 3-мъ долженъ быть находиться еще одинъ кусокъ, нынѣ пропавшій. Нѣкоторыми чтеніями г. Пападопуло-Керамевса мы воспользовались при возстановленіи надписи.

---

[1]) Въ воспорской христіанской надписи 491 г. по Р. Хр. η несомнѣнно обозначаетъ собою звукъ ε. См. «Матеріалы по археологіи Россіи, издав. Имп. Археол. коммиссіею» № 6 (Керченская христ. катакомба 491 г., изсл. Ю. А. Кулаковскаго) стр. 16 и нашу рецензію въ *Журн. М. Н. Пр.* декабрь 1891 г., стр. 399.

[2]) Ср. Blass,Ausspr.[2] стр. 29 сл., § 11.

1 2 3 4 5

Кεκ(ο)ίμητ(αι) [ὁ] ἐν μα[καρίᾳ τῇ] μνήμ[η] καὶ δο̃(λος) τ(οῦ) Θ(εο)ῦ Πέτρο[ς . . . . .[ηος ἱερω(μόν)αχ(ος) κ[α]ὶ κληρικὸς

ὁ καὶ (?) [εὐεργέτ]ης [τῆς ἁγία]ς ἐκλ[ησίας . . . . .] μη(νὶ) Νωεβρίω εἰς τ(ὴν) . . . ἠνδ(ικτιῶνος) β', ἔτ(ους) ,ςχϙβ'.

Начало 2-й строки предположительно возстановлено г. Пападопуло-Керамевсомъ, который, однакожъ, замѣчаетъ: «La lecture de ce passage est presque impossible; il me paraît probable qu'on y pourra lire un jour un nom d'église ou de ville». По русски возстановленныя части надписи значатъ слѣдующее:

«Упокоился во блаженной памяти и рабъ Божій Петръ, ... іеромонахъ и клирикъ и благодѣтель святой церкви . . . . . мѣсяца ноября въ день . . . инд. 2, года 6692».

Обозначенный въ надписи годъ отъ сотворенія міра соотвѣтствуетъ 1183 по Р. Хр.[1]) Такимъ образомъ надпись является весьма интереснымъ документальнымъ свидѣтельствомъ о существованіи Херсона въ концѣ XII вѣка.

---

[1]) Для полученія даты отъ Р. Хр. надо изъ 6692 вычесть 5509 (а не 5508), такъ какъ годы отъ сотворенія міра считались съ сентября мѣсяца, а въ надписи обозначенъ ноябрь.

Знаки на боковой сторонѣ камня съ надписью № 6.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Когда предыдущее собраніе вновь найденныхъ Херсонисскихъ надписей было уже отправлено въ типографію, мы получили отъ К. К. Косцюшко-Валюжинича фотографическій снимокъ большой греко-латинской надписи, найденной при его раскопкахъ въ ноябрѣ 1891 года, а затѣмъ и эстампажъ ея изъ Археол. Коммиссіи. Въ виду интереса содержанія вновь найденнаго документа, считая неудобнымъ откладывать его изданіе на продолжительное время и въ тоже время не желая задерживать печатаніе предыдущаго собранія, мы рѣшили присоединить къ нему текстъ новой надписи лишь съ самыми необходимыми замѣчаніями, такъ какъ болѣе полная его обработка потребовала бы довольно значительнаго времени.

По словамъ г. Косцюшко-Валюжинича обломокъ тонкой мраморной плиты, на которомъ вырѣзана надпись, имѣетъ въ настоящее время размѣры $1 \times 1\frac{1}{2}$ арш. и разбитъ на три куска, которыми была закрыта византійская гробница (№ 68) въ открытомъ имъ обширномъ херсонисскомъ некрополѣ. Оба излома настолько тонки, что отъ нихъ совершенно не пострадали буквы надписи, и первый почти даже не замѣтенъ на фотографіи. Начинаясь слѣва посрединѣ строки 18-ой, онъ идетъ наискось до буквы Φ въ строкѣ 22-й, затѣмъ пересѣкаетъ въ этой строкѣ слова φιλανθρωπίας τοὺς ἐπὶ и затѣмъ идетъ между этой строкой и слѣдующей до праваго края; второй изломъ идетъ поперекъ плиты, нѣсколько наискось, отъ начала строки 28-й къ концу 34-й. Первоначальный край сохранился съ правой стороны отъ строки 10 до 35. Всѣ буквы надписи представляются на фотографіи и на эстампажѣ чрезвычайно отчетливыми и превосходно сохранившимися, такъ что можно думать, что плита была употреблена для покрытія гробницы недолго спустя послѣ вырѣзки, когда буквы еще не успѣли попортиться отъ вліянія атмосферныхъ явленій или механическихъ причинъ. Вотъ сохранившійся текстъ:

ΟΥ/
ΟΙϹΕΥΔ/
[rasura] ΕΥΤΥ
ϹΥΝΗϹΚΑΙΤΗϹΚΟϹ
ΩΠΡΕΙΜΙΑΝΩΧΕΙΛΙΑΡΧΗ
ΟΠΩϹΜΗΠΡΟΦΑϹΕΙΤΟΥΤΩΝΕΤ/
ΤΟΚΡΑΤΟΡΙΚΗϹΑΝΤΙΓΡΑΦΗϹΚΑΙΤΗϹΤΩ
ΕΘΗΝΑΙΔΗΜΟϹΙΑΟΠΩϹΠΑϹΙΝΦΑΝΕΡΑΙΕΙ
ΑΜΜΑΤΩΝΚΑΙΕΚΤΟΥΤΩΝΙϹΤΕΟΤΙΟΥΔΕΝΝΕΩΤΕΡΙϹΘΗϹΕΙ/
ΨΗΦΙϹΜΑΠΡΟϹΜΕΑΠΕϹΤΕΙΛΑΤΕΟΥΤΟΑΝΤΙΓΡΑΦΟΝΥΠΟΤΑΓΗΝΑΙΕΚΕ
ΕΙΛΙΩΠΡΕΙΜΙΑΝΩΧΕΙΛΙΑΡΧΗΚΑΙΟΥΑΛΕΡΙΩΜΑΞΙΜΩ>Ρ ΚΑΙΝΥΝΔΕ
ΑΓΡΑΜΜΑΤΑΟΜΟΙΩϹΠΡΟΤΕΘΗΝΑΙΦΡΟΝΤΙϹΑΤΕ·ΕΡΡΩϹΘΑΙΥΜΑϹΕΥΧΟΜΑΙ

ΟΙϹΚΑΙΥΠΟΜΝΗΜΑϹΙΝΠΙϹΤΕΥΟΝΤΕϹΥΠΑΤΙΚΩΝΚΑΙΑΠΟΦΑϹΕϹΙΝΧΕΙ
ΝΤΟΥΤΕΛΟΥϹΤΟΥΠΟΡΝΙΚΟΥΠΟΛΛΗΝΑΜΕΡΙΜΝΙΑΝΕΘΑΡΡΟΥΜΕΝΕΧΕΙΝ
ΛΕΙΤΙΚΗϹΕΠΙΤΕΙΜΙΑϹΕΧΟΜΕΝΩΝΚΑΙΗΤΩΝΒΑϹΙΛΕΥΟΝΤΩΝΕΚΥΡΩϹΕΝ
ΚΑΙΗΤΩΝΑΠΟΦΗΝΑΜΕΝΩΝΗϹΦΑΛΙϹΑΤΟΓΝΩΜΗΜΕΤΑΤΟΥΜΗΔΕΝΕΠΙΚΟΙ
ΙΤΑΗΜΕΤΕΡΑΔΙΚΑΙΑΕΠΕΙΔΕΠΑΡΑΚΕΙΝΕΙΝΤΑΟΥΤΩϹΑϹΦΑΛΩϹΟΡΙϹΘΕΝΤΑΟΙΝΥΝ
ΕΦΟΙϹΚΩΛΥΟΝΤΑΙΑΔΙΚΩϹΚΑΙΒΙΑΙΩϹΤΙΝΑΠΡΑΤΤΟΝΤΕϹΑΛΛΑΚΑΙΔΙΕΝ
ΝΑΞΙΩϹΙΝΦΑΝΕΡΑΝϹΟΙΠΟΙΗϹΑΙΕΠΙϹΕΠΕΠΟΙΗΜΕΘΑΤΟΝΕΥΕΡΓΕΤΗΝ
ΗΜΕΙΝΤΗΝΑϹΦΑΛΕΙΑΝΤΗΝΤΩΝΔΕΔΩΡΗΜΕΝΩΝΚΑΙΤΩΝΚΕΚΡΙΜΕΝΩΝ
ΑΕΥΠΕΡΘΕϹΙΝΔΕΤΗϹΜΗΝΥϹΕΩϹΤΩΝΒΙΑΖΟΜΕΝΩΝΗΜΑϹΟΥΔΕΜΙ
ΞϹΘΑΙΚΑΤΑΡΧΑϹΥΠΟΤΗϹϹΗϹΦΙΛΑΝΘΡΩΠΙΑϹΤΟΥϹΕΠΙΤΟΙϹΚΑΙΝΟΙϹ
ΕΡΙΤΟΥΠΡΑΓΜΑΤΟϹΤΟΥΤΟΥΑΡΧΗΘΕΝΕΠΙΖΗΤΗΕΙϹΓΕΝΟΜΕΝΗΚΑΙΘϹ..
ΟϹΤΟΥϹΒΑϹΙΛΕΑϹΗΜΩΝΔΕΗϹΙΝΦΑΝΕΡΑΝϹΟΙΠΕΠΟΙΗΚΑΜΕΝΚΑΙΤΗΝ
ΕΡΟΝΤΩΝΗΜΕΙΝΓΡΑΜΜΑΤΩΝΠΡΟΕΤΑΞΑΜΕΝΚΑΙΤΑΥΠΟΜΝΗΜΑΤΑΤΑ
ΝΤΗΝΤΟΥΧΕΙΛΙΑΡΧΟΥΕΠΕΙΔΗΚΑΙΤΑΞΙΝΤΑΥΤΗΝΕΛΑΒΕΝΑΠΟΤΩΝΔΩΡΙϹΑ
ΝΠΕΡΙΤΟΥΤΟΥΑΠΟΦΗΝΑϹΘΑΙΚΕΛΕΥϹΘΕΝΤΑΧΕΙΛΙΑΡΧΟΝΠΕΡΙΟΡΙϹΘΕΝ
ΚΗΔΕΜΟΝΑϹΕΓΕΝΟΜΕΝΟΝΦΥΛΑΞΕΙΝΜΕΝΤΑΜΕΤΑΤΟϹΑΥΤΗϹΚΑΙϹΚΕΨΕΩϹ
ΑΙΕΠΙΤΟΠΟΙϹΤΟΙϹΕΙϹΤΟΥΤΟΤΟΤΕΛΟϹΑΝΗΚΟΥϹΙΝΕΥΛΟΓΙϹΤΩϹΔΕΠΡΟϹΗϹΕϹΘΑΙ
ΔΕΗϹΙΝΗϹΟΥΔΕΝΑΝΑΓΚΑΙΟΤΕΡΟΝΑΝΘΡΩΠΟΙϹΚΑΙΒΙΟΥϹΩΦΡΟΝΟϹΓΝΩΡΙΖΟΥϹΙ
ΕΥΧΟΜΕΝΟΙϹΦΥΛΑϹϹΕϹΘΑΙϹΕΜΝΟΤΗΤΑ· · ΤΙΝΑΕΠΕϹΤΕΙΛΑΤΕΙΔΙΩΠΡΕΙΜΙ
ΛΟΥϹΥΠΟΤΑΓΗΝΑΙΕΚΕΛΕΥϹΑΠΡΟΝΟΩΝΜΗΤΕΥΜΑϹΠΑΡΑΤΑΔΕΔΟΓΜΕΝΑΕΝΟΧΛΙ
ΕΤΟΥΝΤΑϹΥΠΕΡΒΑΙΝΕΙΝΤΟΝΠΕΡΙΓΕΓΡΑΜΜΕΝΟΝΟΡΟΝ·

AGENTIVM · INVEXILLATIONECHERSONESSITANA·DICAPITVLO · LENOCINIQVODSV
PLVMSENTENTIAE · ARRI · ALCIBIADIS · TVNC · TRIB·PRAEPOSITI · EIVSDEM · VEXILL
VS·TAMINTENTIONEM·EIVSQVAMMANIFESTE DETERMINATAM PARTEMAD·IVS·P
ET · QVONIAM · IDEM · ALCIBIADESVIDERI · NONPOPOTEST · SVRTEMPVSVFNTV
RANDAEVECTICALISQVANTITATIS · SPONTE · SVSCEPISSE · CVMSENTENTIAM · SVB · IN
PRIDEM · ET · DIXERIT · ETPROPOSVERITETOMNIBVSANNISEISCOPARIAVERIT · DVBIVMN
QVANITIATEMETCIRCADISCIPVLINAB · RATIONEETOBSERVAREETOBTIN
EXEMPLVMAPERTAMANVSCRIPTVMVNDEDEPLANORECTELEGIPOSSITIVXTA
POSITVMESSECVRA E EQVIDSCRISPSERIMATILIO · PRIMIANOTR
RIOCOMMILITONVMQVODADMEEIDEMTRIBVNVSPROPTERCAPITVLVM LEI
ECVNDVMFORMAMSENTENTIAEARRIALCIBIADISTVNCTRIB · DICTAEOM
VSDISCIPVLINAMVELCVMINIVRIAAVTCONTVMELIAPAGANORVMCOMMIT
E · E · QVIDADDECRETVMCHERSONESSITANORVMRESCRIPSERIMC
ESSVBICIPRAECEPIETRVRSVMADMONEOCAVEATISNESVBOBTENTVH
MIAMPRIDEMPLACITAMACCVSTVDITAMCVMDISPENDIOVESTRAEEXSIST
HQVIETENTVELINNOVAREQVIDTEMPTENT ·
·ΕΠΙΑΡΧΟΝΤΩΝ ·ΤΩΝΠΕΡΙ · Μ · ΑΥΡ · ΒΑϹΙΛΕΙΔΙΑΝΟΝΑΛΕΞΑΝΔΡΟΝ
ΦΛ· ΑΡΙϹΤΩΝ· ΚΑΙ·ΟΥΑΛΕΡΙΟϹ · ΓΕΡΜΑΝΟϹ·

Несмотря на всю тщательность вырѣзки документа, въ немъ оказалось нѣсколько очевидныхъ погрѣшностей рѣзчика, въ особенности въ латинскомъ текстѣ. Такъ, въ стр. 23 вырѣзано Ε вм. Ϲ (ΕΠΙΖΗΤΗΕΙϹ), въ стр. 31-й Δ вм. Λ (ΑΤΕΙΔΙΩ), въ стр. 37 повторенъ слогъ PO въ сл. POPOTEST и вырѣзано R вм. B (SVR) и F вм. E (VFNTV), въ стр. 38-й C вм. G (VECTICALIS), въ стр. 40-й QVΛNITIΛTEM вм. QVANTITATEM, въ стр. 42-й вставлено лишнее S (SCRISPSERIM); кромѣ того въ латинскомъ текстѣ часто встрѣчается Λ вм. A.

Вырѣзанные на камнѣ тексты самимъ рѣзчикомъ раздѣлены на 6 частей, въ двухъ случаяхъ посредствомъ пустыхъ промежутковъ между строками, а въ остальныхъ — посредствомъ такихъ-же промежутковъ между буквами (въ стр. 31, 42 и 46); кромѣ того, въ трехъ случаяхъ для обозначенія конца документовъ употребленъ особый значекъ ϾϾ. И дѣйствительно, раздѣленныя такимъ образомъ части представляютъ отдѣльные (хотя и относящіеся къ одному и тому-же дѣлу) документы, которые мы въ транскрипціи обозначимъ по порядку римскими цифрами.

I.

. . . συ . . .
. . . οις ευδ . . .
. . . . εὐτυχ . . . .
. . . σωφρο?]σύνης καὶ κοσ[μιότητος? . . .
. . . Ἀτειλί]ῳ Πρειμιανῷ χειλιάρχῃ κ . . . .
. . . . .ὅπως μὴ προφάσει τούτων ετ . . . .
. . . . τῆς Αὐ]τοκρατορικῆς ἀντιγραφῆς καὶ τῆς τῶ[ν. . . . .
. . . . ἀνασταθ]ῆναι δημοσίᾳ, ὅπως πᾶσιν φανεραὶ εἶ[εν . . . .
. . . . γρα]μμάτων καὶ ἐκ τούτων ἴστε ὅτι οὐδὲν νεωτερισθήσε[ται . . . .
. . . . περὶ ὧν ψ]ήφισμα πρὸς μὲ ἀπεστείλατε, οὗ τὸ ἀντίγραφον ὑποταγῆναι ἐκ[έ-
λευσα . . . . Ἀτ]ειλίῳ Πρειμιανῷ χειλιάρχῃ καὶ Οὐαλερίῳ Μαξίμῳ ⳩· καὶ νῦν δὲ
[. . . . . .ταῦτα τ]ὰ γράμματα ὁμοίως προτεθῆναι φροντίσατε. Ἐρρῶσθαι ὑμᾶς εὔχομαι.

II.

. . . . οις καὶ ὑπομνήμασιν πιστεύοντες ὑπατικῶν καὶ ἀποφάσεσιν χει
[λιαρχῶν . . . .]ν τοῦ τέλους τοῦ πορνικοῦ πολλὴν ἀμεριμνιαν ἐθαρροῦμεν ἔχειν
[. . . . . τῆς πο]λειτικῆς ἐπιτειμίας ἐχομένων καὶ ἡ τῶν βασιλευόντων ἐκύρωσεν
. . . . καὶ ἡ τῶν ἀποφηναμένων ἠσφαλίσατο γνώμη μετὰ τοῦ μηδὲν ἐπικοι-
. . . . ι τὰ ἡμέτερα δίκαια· ἐπεὶ δὲ παρακεινεῖν τὰ οὕτως ἀσφαλῶς ὁρισθέντα οἱ νῦν
. . . . ἐφ' οἷς κωλύονται ἀδίκως καὶ βιαίως τινὰ πράττοντες, ἀλλὰ καὶ δι' ἐν-
. . . . .τὴ]ν ἀξίωσιν φανεράν σοι ποιῆσαι ἐπι σὲ πεποιήμεθα τὸν εὐεργέτην
. . . . ἡμεῖν τὴν ἀσφάλειαν τὴν τῶν δεδωρημένων καὶ τῶν κεκριμένων
. . . . α[ς]· ὑπέρθεσιν δὲ τῆς μηνύσεως τῶν βιαζομένων ἡμᾶς οὐδεμι-
[αν. . . . . εσθαι κατ'ἀρχὰς ὑπὸ τῆς σῆς φιλανθρωπίας τοὺς ἐπὶ τοῖς καινοῖς
[. . . . . π]ερὶ τοῦ πράγματος τούτου ἀρχῆθεν ἐπιζήτη(σ)ις γενομένη καὶ θε . .
. . . . .ος τοὺς βασιλέας ἡμῶν δέησιν φανεράν σοι πεποιήκαμεν καὶ τὴν
[. . . . . καὶ ἀντίγραφον τῶν συμφ]ερόντων ἡμεῖν γραμμάτων προετάξαμεν καὶ τὰ ὑπομνήματα τὰ

[τῶν ὑπατικῶν . . . . . καὶ τὴν ἀπόφασι]ν τὴν τοῦ χειλιάρχου, ἐπειδὴ καὶ τάξιν ταύτην ἔλαβεν ἀπὸ τῶν δωρησα-
[μένων . . . . γνώμη]ν περὶ τούτου ἀποφήνασθαι κελευσθέντα χειλίαρχον περιορισθεν-
[τ. . . . .] κηδεμόνα σε γενόμενον φυλαξειν μὲν τὰ μετὰ τοσαύτης καὶ σκέψεως
. . . . αι ἐπὶ τόποις τοῖς εἰς τοῦτο τὸ τέλος ἀνήκουσιν, εὐλογιστως δὲ προσήσεσθαι
. . . . δέησιν, ἧς οὐδὲν ἀναγκαιότερον ἀνθρώποις καὶ βίου σώφρονος γνωρίζουσι
[. . . . . . . καὶ ἠθῶν] εὐχομένοις φυλάσσεσθαι σεμνότητα.

III.

Τίνα ἐπέστειλα Ἀτειλίῳ Πρειμι-
[ανῷ χειλιάρχῃ περὶ . . ., ἐν τοῖς . . . . . ἐδήλωσα], οὓς ὑποταγῆναι ἐκέλευσα προνοῶν μήτε ὑμᾶς παρὰ τὰ δεδογμένα ἐνοχλ(ε)ῖ-
[σθαι . . . . μήτε τοὺς . . . . .]ετοῦντας ὑπερβαίνειν τὸν περιγεγραμμένον ὅρον.

IV.

. . . .*agentium in vexillatione Chersonessitana dicapitulo: lenocini quod su-*
[. . . . .*exem]plum sententiae Arri Alcibiadis tunc trib(uni) praepositi eiusdem vexill[a-*
[tionis . . . .]us tam intentionem eius quam manifeste determinatam partem ad ius p. .
. . . . *et quoniam idem Alcibiades videri non <po>potest su(b) tempus v(e)ntu[...*
. . . . *randae vectigalis quantitatis sponte suscepisse, cum sententiam su[b] i . .*
. . . . *pridem et dixerit et proposuerit et omnibus annis eis co . . . . averit, dubium n[on*
est,. . . . .eandem? vectigalis] quan(tita)tem et circa disciplina(e) ratione et observare et obtin[ere
. . . . . *eius sententiae?] exemplum aperta manu scriptum unde de plano recte legi possit iuxta*
[. . . . . pro]positum esse cura.

V.

E(xemplum) e(pistulae). Quid scripserim Atilio Primiano tr[ib.
. . . .*]rio commilitonum, quod ad me <e>idem tribunus propter capitulum le[no-*
cini?. . . . . .s]ecundum formam sententiae Arri Alcibiadis tunc trib(uni) dictae om. .
. . . .*advers]us disciplinam vel cum iniuria aut contumelia paganorum commit . . .*

VI.

E(xemplum) e(pistulae). Quid ad decretum Chersonessitanorum rescripserim c . .
. . . .*es subici praecepi et rursum admoneo: caveatis, ne sub obtentu huius*
. . . .*iam pridem placitam ac cust(o)ditam cum dispendio vestrae exsist . . .*
. . . . *i]nquietent vel innovare quid temptent.*
[. . . . . ἀνεστάθη?] ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Μ(άρκον) Αὐρ(ήλιον) Βασιλειδιανὸν Ἀλέξανδρον.
[Ἐπρέσβευον?. . . . .] Φλ(άουιος) Ἀρίστων καὶ Οὐαλέριος Γερμανός.

Уже при первомъ взглядѣ на фотографію или даже на эпиграфическую копію документа очевидно, что лѣвая сторона камня отбита. Изъ содержанія нѣкоторыхъ строкъ, смыслъ которыхъ представляется болѣе яснымъ (напр. стр. 32), видно, что вслѣдствіе разбитія камня пропала значительная часть текста, по меньшей мѣрѣ столь-же широкая, какъ и сохранившаяся. Поэтому возстановленіе текста несохранившейся части представляется если не невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ весьма затруднительнымъ и требующимъ обширныхъ предварительныхъ изысканій, для которыхъ понадобилось бы много времени. Поэтому я предпочелъ въ настоящее время ограничиться лишь вполнѣ очевидными дополненіями и указаніемъ содержанія текста, по скольку о немъ можно судить по сохранившейся части.

Вырѣзанные на камнѣ документы представляютъ собою переписку Херсонисцевъ съ римскимъ правителемъ по дѣлу о нарушеніи существовавшихъ въ Херсонисѣ постановленій касательно πορνικὸν τέλος, т. е. пошлины съ домовъ терпимости. Кто именно изъ римскихъ правителей переписывался съ Херсонисцами по этому поводу, сразу рѣшить нельзя, такъ какъ въ документахъ нѣтъ на это никакихъ указаній. Можно было бы подумать, принимая во вниманіе многіе сохранившіеся на камняхъ примѣры оффиціальной переписки римскихъ императоровъ съ входившими въ составъ Римской имперіи греческими городами, — что и здѣсь мы имѣемъ передъ собою рескрипты одного изъ римскихъ императоровъ. Но 1) намъ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы захолустный, лежавшій, можно сказать, на краю свѣта городокъ, какимъ былъ Херсонисъ по отношенію къ Риму, рѣшился безпокоить императора по такому поводу, какъ нарушенія постановленій о πορνικὸν τέλος; 2) если-бы жалоба была принесена императору, то онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы свои распоряженія чрезъ правителя Нижней Мезіи, въ составъ которой входилъ Херсонисъ[1]), а не прямо чрезъ командовавшаго въ Херсонисѣ трибуна; наконецъ 3) въ док. I стр. 7 есть упоминаніе о какомъ-то «императорскомъ» рескриптѣ, который конечно былъ бы названъ «нашимъ» (или «нашего отца» и т. п.), если-бы этотъ документъ представлялъ собою письмо императора. На основаніи этихъ соображеній мы предпочитаемъ думать, что докк. I и III—VI представляютъ собою письма правителя Нижней Мезіи, а не императора.

Док. I содержитъ въ себѣ, очевидно, письмо этого правителя къ херсонисскому народу (или, точнѣе, къ властямъ, совѣту и народу, какъ обыкновенно адресуются такія письма). Къ сожалѣнію, отъ него сохранились столь ничтожные остатки, что можно понять только заключительныя распоряженія правителя: въ стр. 7—8 предлагается выставить въ публичномъ мѣстѣ во всеобщее свѣдѣніе копію императорскаго рескрипта и какого-то другого документа, безъ сомнѣнія имѣвшихъ отношеніе къ настоящему дѣлу; далѣе (стр. 9—11) говорится, что изъ настоящаго письма Херсонисцы узнаютъ, что не будетъ сдѣлано никакихъ нововведеній въ томъ дѣлѣ, по поводу котораго они послали къ нему декретъ, копію котораго правитель приказалъ трибунамъ Атилію Примиану и Валерію Максиму помѣстить на камнѣ подъ своимъ письмомъ; наконецъ заключительная строка (12) содержитъ въ себѣ предложеніе Херсонисцамъ озаботиться вырѣзкою на камнѣ настоящаго письма впереди другихъ документовъ и обычное пожеланіе добраго здоровья.

Док. II содержитъ въ себѣ копію декрета Херсонисцевъ, упомянутаго въ письмѣ правителя и изложеннаго также въ видѣ письма къ нему. Въ немъ содержится подробное изложеніе обсто-

---

[1]) Ср. надпись о безпошлинности, дарованной жителямъ г. Тиры, Inscr. P. I, nº 3.

ятельствъ, подавшихъ поводъ къ жалобѣ, но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе потери значительной части текста, обо многихъ подробностяхъ приходится только догадываться. Повидимому общій смыслъ жалобы былъ таковъ: полагаясь на указы консуляровъ (правителей провинціи) и рѣшенія трибуновъ касательно установленій о πορνικὸν τέλος, Херсонисцы считали возможнымъ беззаботно относиться (къ частнымъ случаямъ нарушенія этихъ установленій?), тѣмъ болѣе, что они были согласны съ мнѣніями и рѣшеніями ихъ собственныхъ магистратовъ (?); но когда нынѣшніе римскіе воины [1]) стали открыто нарушать столь прочныя узаконенія и позволять себѣ несправедливые и насильственные поступки, — они рѣшили заявить объ этомъ правителю, какъ своему благодѣтелю, и просить о подтвержденіи дарованныхъ имъ льготъ и рѣшеній его предшественниковъ, объясняя при этомъ (стр. 22—24), почему они не сочли возможнымъ откладывать далѣе своего заявленія. Далѣе они упоминаютъ (съ стр. 25), что къ своей жалобѣ приложили копію какого-то «полезнаго для нихъ» письма и указы проконсуловъ и трибуновъ, и выражаютъ надежду, что правитель охранитъ «съ такою осмотрительностью» дарованныя имъ права «въ мѣстахъ, подлежащихъ этой пошлинѣ», и благосклонно приметъ ихъ просьбу, «нужнѣе которой нѣтъ ничего для людей, понимающихъ все значеніе (?) цѣломудренной жизни и желающихъ охранять чистоту нравовъ».

Въ док. III содержится второе краткое письмо правителя къ Херсонисцамъ, въ которомъ говорится, что свое распоряженіе по поводу ихъ жалобы онъ изложилъ въ письмахъ (?) къ трибуну Атилію Приміану, которыя и предложилъ присоединить къ предыдущимъ документамъ, заботясь о томъ, чтобы ни Херсонисцы не терпѣли непріятностей вопреки существующимъ установленіямъ, ни лица, подавшія поводъ къ жалобѣ, не переступали «очерченныхъ» предѣловъ.

Далѣе слѣдуютъ три распоряженія, обращенныя правителемъ непосредственно къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ расположеннаго въ Херсонисѣ римскаго военнаго отряда (vexillatio), и потому изложенныя на латинскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію и въ нихъ можно уловить только общій смыслъ, возстановить же вполнѣ ихъ содержаніе врядъ-ли кому-нибудь удастся. Док. IV содержитъ въ себѣ общій указъ правителя, которымъ предлагается начальнику херсонисскаго отряда въ вопросѣ о количествѣ пошлинъ съ домовъ терпимости придерживаться рѣшенія бывшаго трибуна Аррія Алкивіада и позаботиться о томъ, чтобы экземпляръ этого рѣшенія, четко написанный, былъ выставленъ во всеобщее свѣдѣніе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его можно было бы читать правильно. Въ док. V заключается краткое письмо правителя къ трибуну Атилію Приміану съ подтвержденіемъ необходимости слѣдовать рѣшенію Аррія Алкивіада и, повидимому, съ угрозами тѣмъ, кто будетъ нарушать дисциплину или причинять обиды и безчестіе мѣстнымъ жителямъ (pagani) въ дѣлахъ, къ которымъ относится данная переписка. Наконецъ въ письмѣ подъ № VI, неизвѣстно кому адресованномъ (можетъ быть всему отряду), правитель, повидимому, вкратцѣ объявляетъ содержаніе своего отвѣта на жалобу Херсонисцевъ, вторично напоминаетъ адресатамъ, чтобы они остерегались нарушать существующія установленія, и грозитъ наказаніемъ тѣмъ, кто будетъ безпокоить (Херсонисцевъ?) или пытаться вводить какія-либо новшества въ существующія установленія.

---

[1]) Судя по содержанію док. IV—VI, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Херсонисцы жаловались именно на римскихъ солдатъ, какъ на нарушителей существовавшихъ у нихъ установленій о πορνικὸν τέλος.

Послѣднія двѣ строки, написанныя по гречески, не входятъ въ составъ вышеизложенныхъ документовъ. Въ первой изъ нихъ (50-й) былъ обозначенъ, вѣроятно, годъ вырѣзки документовъ на камнѣ и опубликованіе ихъ во всеобщее свѣдѣніе именемъ мѣстнаго архонта епонима «съ товарищи»[1], а въ стр. 51-й, быть можетъ, были поименованы лица, участвовавшія въ посольствѣ къ правителю.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе вновь найденныхъ документовъ, которые, повторяемъ, были бы весьма интересны въ ряду источниковъ для исторіи Херсониса, если-бы сохранились въ болѣе полномъ видѣ. Впрочемъ и сохранившіеся отрывки даютъ намъ весьма важное свѣдѣніе о томъ, что Херсонисъ въ ту эпоху, къ которой относятся документы, находился въ прямомъ подчиненіи Риму, входя, по всей вѣроятности, въ составъ провинціи Нижней Мезіи, и былъ занятъ римской военной командой подъ начальствомъ трибуна. Прежде найденные въ Херсонисѣ памятники латинской епиграфики (указанные выше на стр. 35) уже заставляли подозрѣвать этотъ фактъ, но въ настоящее время онъ сталъ извѣстенъ съ полной достовѣрностью. Затѣмъ наша надпись даетъ весьма интересное подтвержденіе давно уже высказанному нами[2]) предположенію о томъ, что въ римскія времена въ числѣ верховныхъ магистратовъ Херсониса были архонты, къ которымъ перешла епонимія, прежде принадлежавшая «царямъ».

Для рѣшенія вопроса о времени, къ которому относятся наши документы, важное значеніе имѣетъ записанное въ стр. 50 имя херсонисскаго архонта-епонима, данное ему, безъ сомнѣнія, въ честь императора М. Аврелія. Если предположить, что М. Аврелій Василидіанъ родился въ первые годы царствованія этого императора и былъ архонтомъ лѣтъ 30 отъ роду (раньше едва-ли могъ онъ быть избранъ въ столь важную должность), то придется отнести документы самое раннее къ послѣднему десятилѣтію II в. по Р. Хр., но конечно они могутъ быть поставлены и на нѣсколько лѣтъ или даже десятковъ лѣтъ позже. Впрочемъ, если припомнить, что именно императоръ Септимій Северъ (193 — 211 по Р. Хр.) вообще благоволилъ къ придунайскимъ странамъ и городамъ и награждалъ ихъ разными привилегіями[3]), то отнесеніе документовъ ко времени его царствованія представится весьма вѣроятнымъ. Въ подтвержденіе этого предположенія не лишнимъ будетъ указать и на то обстоятельство, что заключительная фраза письма правителя (стр. 12) «ἐρρῶσθαι ὑμᾶς εὔχομαι» весьма близко напоминаетъ ту, которую пропреторъ Г. Овиній Тертуллъ въ 201 г. поставилъ въ заключеніи своего письма къ властямъ, совѣту и народу г. Тиры[4]). Было бы, конечно, слишкомъ смѣло на основаніи одной этой фразы утверждать, что наши письма также принадлежатъ Тертуллу, но противъ возможности такого предположенія врядъ-ли кто станетъ спорить. Характеръ греческаго письма нашихъ документовъ вполнѣ подходитъ къ указанному времени.

Этимъ мы и закончимъ наши краткія предварительныя замѣчанія ко вновь найденнымъ документамъ, надѣясь со временемъ, при случаѣ, вернуться къ нимъ и дать болѣе подробное ихъ разъясненіе.

---

[1]) Ср. Inscr. P. I n° 3.

[2]) Эпиграф. данныя о госуд. устр. Херсониса Тавр. въ *Журн. М. Н. Пр.* за іюнь 1884 г., отд. класс. фил.

[3]) Ср. H. Schiller, Gesch. d. Röm. Kaiserzeit I, 2, стр. 732 и наши «Изслѣд. объ ист. и госуд. строѣ Ольвіи», стр. 195 сл.

[4]) Inscr. P. I, n° 3: Ἐρρῶσθαι ὑμᾶς καὶ εὐτυχεῖν πολλοῖς ἔτεσιν εὔχομαι.

ВОСПОРСКІЯ НАДПИСИ,

найденныя въ 1889—91 годахъ.

Принадлежащее Императорской Археологической Коммиссіи богатое собраніе Воспорскихъ епиграфическихъ памятниковъ въ 1889—91 гг. обогатилось нѣсколькими надгробіями, частію пріобрѣтенными г. предсѣдателемъ Коммиссіи, графомъ А. А. Бобринскимъ, и директоромъ Керченскаго музея Ѳ. И. Гроссомъ въ Керчи у торговца древностями Ермолая Запорожскаго и другихъ лицъ, частію найденными въ окрестностяхъ Керчи при раскопкахъ, произведенныхъ проф. Ю. А. Кулаковскимъ въ 1889 и графомъ А. А. Бобринскимъ въ 1891 г.

Разсмотрѣвъ полученные изъ Коммиссіи прекрасные фотографическіе снимки вновь найденныхъ надгробныхъ памятниковъ, я нашелъ, что тѣ изъ нихъ, которые пріобрѣтены гр. Бобринскимъ у Е. Запорожскаго, были мнѣ извѣстны еще въ то время, когда находились у прежняго владѣльца, и изданы въ концѣ II-го тома моего полнаго собранія надписей сѣв. побережья Чернаго моря (addenda nova, p. 311) и во 2-мъ собраніи «дополненій и поправокъ» къ этимъ надписямъ, напечатанномъ въ V томѣ «Записокъ Имп. Р. Арх. Общества» въ 1891 г., частію по эстампажамъ, полученнымъ отъ А. В. Орѣшникова, частію по собственноручнымъ копіямъ графа А. А. Бобринскаго, съ величайшею любезностью присланнымъ мнѣ въ маѣ 1891 года изъ Керчи. При сличеніи фотографическихъ снимковъ съ этими изданіями оказалось, что копіи нѣкоторыхъ надписей вполнѣ вѣрны и описанія внѣшняго вида камней достаточно подробны, въ нѣкоторыхъ же копіяхъ нашлись болѣе или менѣе значительныя неточности въ чтеніи или изображеніи формъ буквъ и самое описаніе внѣшняго вида камней оказалось слишкомъ краткимъ и неполнымъ. Такія надписи считаю нужнымъ повторить здѣсь, обозначая въ скобкахъ тѣ №№, подъ которыми онѣ изданы въ указанномъ собраніи «дополненій и поправокъ».

1 (67[1]). Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ «дикаря», выш. 0,89 м., шир. 0,42, толщ. 0,12. Въ самой верхней части его узкій выпуклый карнизъ, подъ нимъ изваянъ фронтонъ съ акротеріями и тремя розетками, поддерживаемый пилястрами, между которыми въ углубленіи изображены горельефомъ женщина въ длинномъ хитонѣ и иматіи и справа отъ нея (для зрителя) двое мужчинъ въ иматіяхъ, подающіе правыя руки другъ другу. Рельефъ занимаетъ почти половину всей высоты плиты, за исключеніемъ срѣзанной по краямъ нижней части, предназначенной для втыканія въ землю или въ постаментъ. На верхнемъ карнизѣ вырѣзана первая строка надписи,

а подъ рельефомъ остальныя шесть. По характеру письма надпись относится къ римскимъ временамъ; вырѣзана она довольно небрежно, но сохранилась недурно (выс. буквъ 0,015).

Θεόδωρο[ς . . . .]ς
καὶ Μητρόδωρος Θεοδώρου
πατὴρ καὶ Μᾶ μήτηρ Θεοθώρου,
χαιρετε.
Οἱ μὲν ἐμὲ κτε[ί]ναντες ὁμοίως ἀντιτύχοι|σαν,
Ζεῦ ξένιε, οἱ δ[ὲ] γον[ε]ῖς | θέντες ὄναιντο βίου.

Необходимѣйшія объясненія и переводъ надписи даны уже при первомъ ея изданіи. Къ сказанному тамъ необходимо прибавить, что двустишіе представляетъ собою подражаніе епитафіи, приписываемой знаменитому Симониду Кеосскому и сохранившейся въ Anthol. Pal. VII, 516 [1]). Она читается такъ:

Οἱ μὲν ἐμὲ κτείναντες ὁμοίων ἀντιτύχοιεν,
Ζεῦ ξένι', οἱ δ'ὑπὸ γᾶν θέντες ὄναιντο βίου

Первый стихъ, какъ видимъ, представляетъ дословное повтореніе Симонидовскаго съ двумя лишь отличіями, которыя скорѣе всего можно объяснить какъ lapsus memoriae безвѣстнаго под-

[1]) Bergk, Poetae lyr. Gr. I⁴, Sim. n° 128 = Anthol. lyr.³ p. 299, n° 128; Th. Preger, Inscript. Graecae metricae ex script. praeter anthol. collectae (Lips. 1891), p. 203 n° 255.

ражателя, поставившаго нарѣчіе вмѣсто genet. прилагательнаго и употребительную въ его время глагольную форму; измѣненіе же во 2-мъ стихѣ сдѣлано, очевидно, нарочно, чтобы внести въ него упоминаніе о родителяхъ покойнаго Θеодора, хотя для этого и пришлось пожертвовать ясностью выраженія, такъ какъ глаголъ τιθέναι самъ по себѣ не значитъ «класть въ могилу». Кромѣ того, такъ какъ памятникъ поставленъ уже послѣ смерти родителей Θеодора, то пожеланіе имъ «наслаждаться жизнью» является несвоевременнымъ.

2 (67[3]). Плита изъ «дикаря», сверху обломанная немного выше надписи, а снизу — немного ниже ея. Сохранившаяся часть имѣетъ 0,55 м. шир. и 0,17 м. толщины. Надпись вырѣзана по линейкамъ крупными (выш. 0,03) буквами римскихъ временъ, совершенно отчетливо читающимися на фотографіи; послѣдняя строка вырѣзана безъ линеекъ и болѣе крупными буквами, чѣмъ предыдущія.

ΘΕΟΤΙΜΑΓΥΝΗΙ	Θεοτίμα γυνὴι
ΒΑΧΧΙΟΥΚΑΙΥΕΙΕ	Βαχχίου καὶ ὑειὲ
ΜΟΙΡ[illegible]ΠΠΕ ΧΑΙΡΕΤΕ	Μοίριππε, χαίρετε.
ΦΙΛΩ ΤΑΥΕΜΥΡΜΗΚΟΣ	Φιλῶτα ὑὲ Μύρμηκος
ΚΑΙΖΩΡΠΥΡΕΤΡΟΦΙΜΕ	καὶ Ζώ<ρ>πυρε τρόφιμε,
ΧΑΙΡΕ Τ Ε	χαίρετε.

Въ стр. 5-й ошибочно вырѣзанная буква Ρ, повидимому, была слегка изглажена самимъ рѣзчикомъ, но всетаки еще ясно замѣтна.

Орѳографическія особенности надписи были отмѣчены уже при первомъ ея изданіи.

3 (68[1]). Надгробная плита изъ «дикаря» съ отбитымъ лѣвымъ верхнимъ угломъ, выс. 1,19 м., шир. 0,565, толщ. 0,19. Сверху украшена рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками (слѣва акротерій и розетка не сохранились), а подъ нимъ въ углубленіи между пилястрами изображены горельефомъ: посрединѣ женщина, сидящая въ задумчивой позѣ въ креслѣ съ точеными ножками, а по обѣимъ сторонамъ ея стоящія мужскія фигуры. Подъ горельефомъ — вполнѣ сохранившаяся и хорошо читающаяся надпись римскихъ временъ, вырѣзанная тщательно и красиво (выс. буквъ 0,03).

ΛΕΥΚΙΕ ΚΑΙΓΥ[illegible]ΝΗΜΗΤΡΟ	Λεύκιε καὶ γυνὴ Μητρο-
ΦΙΛΑΚΑΙ ΥΙΕ ΜΑΡΚΕ	φίλα καὶ υἱὲ Μάρκε,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

4 (68[2]). Надгробіе изъ «мягкаго полудикаря», сверху украшенное простымъ карнизомъ и книзу постепенно расширяющееся; нижняя половина обломана; вышина сохранившейся части — 0,57, шир. 0,51, толщ. 0,13. Надпись очень глубоко врѣзана и прекрасно сохранилась (выс. буквъ 0,025).

ΝΑΝΑ:ΝΙΚΟΜΑΧΟΥΓΥ	Νάνα Νικομάχου γυ-
ΝΗ:ΤΑΤΥΣ:ΑΤΤΕΩ	νή. Τάτυς Ἄττεω.
ΑΝΝΗ ΤΑΤΥΟ ΣΓΥΝΗ[illegible]	Ἄννη Τάτυος γυνή.

По характеру письма надпись несомнѣнно принадлежитъ IV-му в. до Р. Хр. Интересною особенностью ея является употребленіе двоеточій для раздѣленія словъ, до сихъ поръ, кажется,

не встрѣчавшееся въ древнѣйшихъ Воспорскихъ надписяхъ. Объ именахъ, встрѣчающихся въ надписи, см. замѣчанія въ 1-мъ изданіи.

5 (124). Надгробная плита изъ «дикаря» безъ всякихъ украшеній, выш. 0,54 м., шир. 0,46, толщ. 0,135. Надпись врѣзана по линейкамъ крупными (выш. 0,04) и красивыми буквами IV в. до Р. Хр., прекрасно читающимися на фотографіи, за исключеніемъ двухъ О въ 1-й строкѣ, попорченныхъ какъ будто нарочно.

Α Π Α Τ Ο Υ Ρ Ι Ο Ξ	Ἀπατοῦριος
Α Γ Λ Ω Ν Ο Ξ	Ἀγλῶνος.

Имя Ἀγλῶν, сокращенное изъ Ἀγλάων, встрѣчается напр. въ Inscr. Gr. ant. n° 451.

6 (140[1]). Плита изъ «дикаря», снизу обломанная и имѣющая нынѣ 0,35 м. выш. и толщ. при 0,15 толщ. Сверху украшена хорошо сохранившимся рельефнымъ фронтономъ, надъ которымъ, по сторонамъ средняго акротерія, изваяны 2 розетки, а въ самомъ треугольникѣ фронтона — круглый щитъ. Подъ фронтономъ вырѣзана мелкими (выс. 0,015), но тщательно отдѣланными буквами римскихъ временъ, вполнѣ сохранившаяся надпись, а ниже ея находился горельефъ, нынѣ отбитый.

ΓΑΤΤΙΩΝ∘ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΟΥ	Γαττίων Ἀριστοκράτου
ΣΤ▒ΙΡΑΡΧΑ ∙∙ ΧΑΙΡΕ	σ[π]ιράρχα, χαῖρε.

Ср. замѣчанія къ 1-му изданію надписи.

7 (184[1]). Эта надпись подробно описана и разсмотрѣна нами въ указанномъ собраніи «дополненій и поправокъ»; но здѣсь мы считаемъ нелишнимъ дать ея копію facsimile, такъ какъ разсмотрѣніе фотографическаго снимка еще болѣе убѣдило насъ, что надпись — архаическая, не позднѣе V в. до Р. Хр. Къ данному въ 1-мъ изданіи описанію вида и величины камня слѣдуетъ добавить, что на немъ нѣтъ ни карниза, ни какихъ-либо другихъ украшеній.

8 (211[1]). Обломокъ плиты изъ «дикаря» съ сохранившимся съ правой стороны первоначальнымъ краемъ (размѣры обломка не показаны). На обломкѣ сохранились концы 2-хъ строкъ надписи, вырѣзанной крупными и отчетливо видными на фотографіи буквами IV в. до Р. Хр.

ΝΗΣ	. . . . νης
ΟΔΙΚΟ	. . . οδίκο(υ).

Разсмотрѣніе фотогр. снимка вполнѣ убѣдило меня въ вѣрности высказаннаго въ 1-мъ изданіи предположенія, что «въ обломкѣ, несомнѣнно происходящемъ отъ надгробнаго памятника, сохранились окончанія именъ усопшаго и его отца». Принадлежность надписи къ IV в. до Р. Хр. доказывается, кромѣ характера буквъ, еще тѣмъ, что во 2-й стр. диФтонгъ ου въ окончаніи род. падежа изображенъ посредствомъ одного О.

9 (280[2]). Продолговатая плита изъ мягкаго камня (размѣры неизвѣстны). На ней чрезвычайно небрежно выцарапаны слѣдующія буквы, съ трудомъ различающіяся на фотографіи:

ΗΛΙΚΟ
ΙΔΟΧΑΡΗ

10 (303[1]). Высокая плита изъ «дикаря» (выс. 0,9 м., шир. 0,33, толщ. 0,1), вверху украшенная простымъ фронтономъ. Подъ нимъ вырѣзана красивыми буквами IV в. до Р. Хр. (выш. 0,035) вполнѣ сохранившаяся надпись:

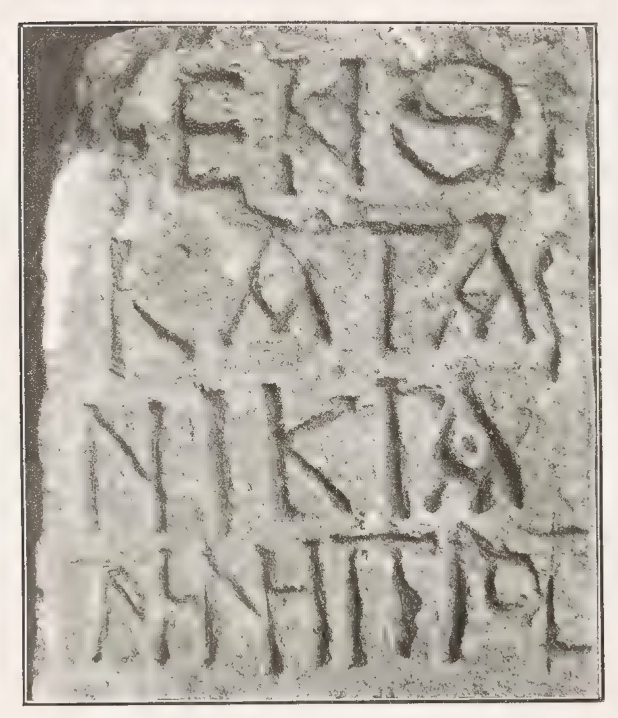
ΑΘΗΝΑΙΣ	Ἀθηναῒς
ΧΙΗ	Χίη.

11 (315[1]). Большой обломокъ плиты изъ «дикаря» (точные размѣры неизвѣстны); первоначальный край сохранился, повидимому, только слѣва отъ зрителя. Въ верхней части обломка вырѣзана крупными (выш. 0,04) буквами IV в. до Р. Хр. слѣдующая надпись, прекрасно читающаяся на фотографіи:

ΑΠΟΛΛΩΝ
ΚΥΛΙΑΝΙΟΣ

Надпись, по всей вѣроятности, надгробная: въ первой строкѣ слѣдуетъ возстановить личное имя Ἀπολλών[ιος], а во второй читается неизвѣстное до сихъ поръ ἐθνικόν или δημοτικόν.

12 (280[1]). Надпись, изданная нами подъ этимъ №, при разсмотрѣніи фотографіи оказалась христіанскимъ надгробнымъ памятникомъ. Она вырѣзана очень крупными и глубокими буквами на четырехугольной плитѣ изъ «дикаря», выш. 0,48 м., шир., 0,28, толщ. 0,12, безъ всякихъ украшеній.

Послѣдняя буква первой строки безъ сомнѣнія есть Α, не вполнѣ вырѣзанное за недостаткомъ мѣста, а знакъ ς въ концѣ 2-й строки обозначаетъ сокращеніе слова. Такимъ образомъ слѣдуетъ читать: Ἔνθα¦κατά(κειται) Νικια|νὴ νήπιος, т. е. «здѣсь лежитъ младенецъ Никіана».

Остальныя надписи, пріобрѣтенныя гр. Бобринскимъ у Запорожскаго, изданы нами въ указанномъ 2-мъ собраніи «дополненій и поправокъ» подъ №№ 83^{1}, 128^{2}, 129^{1} и 228^{1}. Точности ради замѣтимъ, что въ лѣвой части барельефа № 83^{1} дѣйствительно изображенъ всадникъ и что въ № 129^{1} углубленіе для барельефа имѣетъ форму не квадратную, а продолговатую. Кромѣ этихъ камней съ надписями гр. Бобринской пріобрѣлъ у Запорожскаго найденную въ «Царской слободкѣ», на частномъ огородѣ, большую четырехугольную, вполнѣ сохранившуюся плиту безъ всякихъ украшеній (выш. 1,62 м., шир. 0,92, толщ. 0,285), со всѣхъ четырехъ сторонъ густо испещренную загадочными знаками, подобными тѣмъ, которые имѣются на №№ 219 и 232 нашего общаго сборника Воспорскихъ надписей. Къ сожалѣнію, фотографія снята только съ одной широкой стороны плиты и притомъ невполнѣ отчетливо, такъ что снятіе съ нея рисунка не достигло бы цѣли; но во всякомъ случаѣ мы считаемъ нелишнимъ упомянуть здѣсь объ этой плитѣ къ свѣдѣнію археологовъ, могущихъ интересоваться этимъ способомъ письменности.

У Керченскаго жителя Тульмана графъ А. А. Бобринской пріобрѣлъ въ 1891 г. слѣдующія надгробія съ надписями.

13. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ «дикаря», выш. 1,1 м., шир. 0,43, толщ. 0,12. Снизу по бокамъ камень срѣзанъ для укрѣпленія въ постаментѣ, а сверху украшенъ рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и одною розеткою посрединѣ; подъ фронтономъ въ углубленіи съ полукруглымъ сводомъ, поддерживаемымъ пилястрами, изображены двѣ женскія фигуры въ длинныхъ одеждахъ, стоящія лицомъ къ зрителю; фигура вправо отъ зрителя цѣлой головой выше лѣвой. Подъ горельефомъ вырѣзана надпись римскихъ временъ, вполнѣ сохранившаяся, но очень неясно видная на фотографіи, такъ что для дешифровки ея пришлось прибѣгнуть къ помощи увеличительнаго стекла.

ΧΡΥϹΑΘΥΓΑΤΗΡ	Χρύσα θυγάτηρ Χρήστου,
ΧΡΗϹΤΟΥ	τροφίμη δὲ Μα(κ)αρίου,
ΤΡΟΦΙΜΗΔ[illegible]Ε	χαῖ(ρ)ε.
ΜΑΙΚΑΡΙΟΥΧΑΙ[illegible]Є	

14. Надгробіе изъ «дикаря», вполнѣ сохранившееся, но сильно вывѣтрившееся отъ времени, выш. 0,99 м., шир. 0,53, толщ. 0,16. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ одною розеткою посрединѣ; ниже фронтона въ углубленіи изображены горельефомъ: посрединѣ женщина въ длинной одеждѣ, сидящая въ креслѣ въ обычной задумчивой позѣ, справа отъ нея (для зрителя) мужчина въ иматіи до колѣнъ и слѣва за кресломъ дѣвочка въ длинной одеждѣ съ сосудомъ въ рукахъ. Подъ рельефомъ надпись римскихъ временъ, вырѣзанная крупными буквами (выш. 0,03), но сильно попорченная и читающаяся съ большимъ трудомъ [1]).

ΑΓΑΘΩΝΚΑΙΓΥΝΗ	Ἀγάθων καὶ γυνὴ
ΑΠΟΜΩΝΙΑΠΑΤΗΡΚΑΙ	Ἀπολλωνία, πατὴρ καὶ
[illegible]ΙΤΗΡΓΟΡ[illegible]ΙΦΥΤωΝ	[μή]τηρ Γορ[γ]ίου τῶν
ΑΧΑΙΜΕΝΟΥ	Ἀχαιμένου,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χ[α]ίρετε.

Обозначеніе принадлежности лица къ извѣстному роду посредствомъ τῶν съ genet. имени одного изъ предковъ или родоначальника уже встрѣчалось на Воспорѣ: см. Inscr. P. II, nn° 63 и 67. Любопытную аналогію такому обозначенію представляютъ современныя русскія фамиліи (особенно часто встрѣчающіяся въ восточной Россіи) въ формѣ род. падежа множ. числа: *Косыхъ*, *Сухихъ*, *Долгихъ*, *Ѳоминыхъ*, *Савиныхъ*, *Вялыхъ* и т. п.

15. Надгробный памятникъ, повидимому, мраморный, въ формѣ пьедестала шириною приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ раза больше высоты (точные размѣры неизвѣстны), съ карнизомъ сверху. По ширинѣ камня, приблизительно на $\frac{1}{3}$ высоты сверху, вырѣзана слѣдующая однострочная надпись:

---

[1]) Эта надпись издана Х. П. Ящуржинскимъ въ Изв. Тавр. уч. Арх. Комм. № 14 (1891), стр. 100, № 7*b*. У него всѣ буквы показаны хорошо сохранившимися.

ΒΑΤΤΑΣΠΟΛΥΔΟΞΟΥΧΕΡΣΟΝΗΣΙΤΗΣΓΕΝΟΣ

Βάττας Πολυδόξου Χερσονησίτης γένος.

По характеру письма надпись скорѣе всего можетъ быть отнесена къ III в. до Р. Хр. Въ ея композиціи интересна прибавка accusativi limitativi γένος къ ἐθνικόν покойника, прибавка крайне рѣдкая и по крайней мѣрѣ въ епиграфикѣ сѣвернаго побережья Чернаго моря до сихъ поръ не встрѣчавшаяся.

Переводъ: Ваттъ сынъ Полидокса, Херсонисецъ родомъ.

Директоръ Керченскаго музея Ѳ. И. Гроссъ пріобрѣлъ въ 1890 г. покупкою въ Керчи слѣдующій памятникъ:

16. Надгробіе изъ «дикаря», вполнѣ сохранившееся, но разбитое на двѣ части почти по срединѣ (размѣры не обозначены). Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками; подъ фронтономъ въ углубленіи съ полукруглымъ сводомъ, поддерживаемымъ пилястрами, изображены горельефомъ двѣ женщины въ длинныхъ одеждахъ и съ покрытыми головами, изъ коихъ одна сидитъ въ креслѣ съ точеными ножками, а другая стоитъ направо отъ нея, лицомъ къ зрителю; кромѣ того въ лѣвомъ углу за кресломъ маленькая дѣвочка съ сосудомъ въ рукахъ. Подъ рельефомъ надпись римскихъ временъ, двѣ первыя строки которой очень хорошо разбираются на фотографіи, а остальныя, вырѣзанныя буквами вдвое болѣе мелкими, — съ большимъ трудомъ и то только при помощи увеличительнаго стекла.

Χ Ρ Η Σ Τ Η Θ Υ Γ Α Τ Η Ρ
Α Λ Ε Ξ Α Ν Δ Ρ Ο Υ Χ Α Ι Ρ Ε
ΑΔΗΣ
ΜΕΛΛΟΓΑΜΟΝΜΕΚΟΡΗΝΛΠΕ...ΦΙΣΕΒΛΣΚΑΝΟΣ
ΧΡΗΣΤΗΝΚΑΙΓΟΝΤΩΝΔΙΣΥΛΟΚΑΙΓΕΝΕΤΟΥ
ΜΗΤΡΟΣΕΜΗΣΦΟΙΜΕΝΗΣΟΣΝΗΠΙΑΧΟΝΝΕΚΟΜΙΣΣΑΣ
ΕΙΣΦΛΟΓΛΚΛΙΣΠΟΔΙΗΝΕΛ.ΙΔΛΣΕΞΕΧΕΕΝ

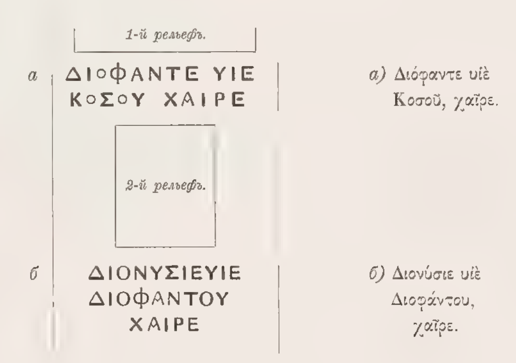
Четыре строки, вырѣзанныя болѣе мелкими буквами, очевидно, содержатъ въ себѣ стихотворную епитафію. Къ сожалѣнію, средина ихъ на столько попорчена, что прочитать стихотвореніе цѣликомъ оказалось невозможнымъ и для возстановленія его пришлось прибѣгнуть къ догадкамъ, въ которыхъ оказалъ мнѣ помощь, съ своею обычною любезностью, глубокоуважаемый академикъ А. К. Наукъ.

Χρήστη, θυγάτηρ
Ἀλεξάνδρου, χαῖρε.
Μελλογαμόν με κόρην [ἀ]πε[νόσ]φισε β(ά)σκανος Ἅδης
Χρήστην καὶ γον[έ]ων [σχ]ίσ[σ' ἄπ]ο καὶ γενέτου
μητρὸς ἐμῆς φ[θ]ιμένης, ὃς νηπίαχόν [μ]ε κομίσσας
εἰς φλογα καὶ σποδίην [ἐ]λ[π]ί[δα]ς ἐξέχεεν.

Переводъ. Христа, дочь Александра, прощай.—Дѣву-невѣсту унесъ меня завистливый Аидъ и оторвалъ отъ родителей и отца моей погибшей матери, который, вынеся меня юную [въ могилу], излилъ надежды въ пламя и пепелъ.

Нижеслѣдующіе четыре камня найдены въ 1890 г. при раскопкахъ проф. Ю. А. Кулаковскаго въ древнемъ некрополѣ на Глинищѣ (предмѣстьѣ Керчи). По любезному сообщенію изслѣдователя первые три (№№ 17—19) были найдены въ одной и той-же гробницѣ, заключавшей въ себѣ деревянный саркофагъ съ гробомъ; первый и третій были употреблены для кладки стѣнъ вмѣстѣ съ простымъ камнемъ изъ мѣстныхъ каменоломенъ, а второй составлялъ средину покрытія склепа вмѣстѣ съ двумя простыми камнями. Склепъ этотъ находится приблизительно въ 30 саженяхъ отъ СВ. угла новаго кладбища на Глинищѣ.

17. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ «дикаря» выш. 2 арш. 3 в., шир. $9^1/_2$ в., толщ. 4 в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ, въ настоящее время попорченнымъ; подъ фронтономъ въ углубленіи изображенъ рельефомъ всадникъ на спокойно стоящей лошади, обращенной вправо отъ зрителя (голова всадника отбита); за нимъ до половины виденъ другой всадникъ нѣсколько меньшей величины. Подъ рельефомъ вырѣзана двухстрочная надпись, ниже ея—другое, меньшее рельефное изображеніе, представляющее мужчину и мальчика, стоящихъ на продолговатомъ возвышеніи въ родѣ пьедестала; ребенокъ въ правой рукѣ, приподнятой и протянутой къ мужчинѣ, держитъ какой-то предметъ (виноградную кисть?). Подъ этимъ рельефомъ вырѣзана вторая надпись. Обѣ онѣ вполнѣ сохранились и ясно читаются на фотографіи; вторая вырѣзана нѣсколько небрежнѣе первой. Внизу плита срѣзана для укрѣпленія въ постаментѣ.

Подъ памятникомъ несомнѣнно были погребены отецъ и сынъ. Въ надписи *а* отчество вѣроятно происходитъ отъ имени Κοσοῦς, тожественнаго съ Κοσσοῦς, уже неоднократно встрѣчавшимся въ Воспорскихъ надписяхъ.

18. Надгробіе изъ «дикаря», сверху обломанное, такъ что отъ рельефа, которымъ оно было украшено, сохранились только нижнія части шести лошадиныхъ ногъ; очевидно, что изображеніе было такое-же, какъ на верхнемъ рельефѣ надгробія, описаннаго подъ № 17. Вышина сохранившейся части 2 арш., шир. 10 в., толщ. $3^1/_2$ в. Непосредственно подъ рельефомъ читается прекрасно сохранившаяся надпись (выш. буквъ 0,04 м.). Внизу плита срѣзана для втыканія въ землю.

ΔΙΟΦΑΝΤΕ ΥΙΕΔΙΟΦΑΝ ΤΟΥΧΑΙΡΕ	Διόφαντε υἱὲ Διοφάν- του, χαῖρε.

19. Сохранившееся въ цѣлости высокое и узкое надгробіе изъ «дикаря», внизу суженное для втыканія въ землю, выш. 3 арш. 7 в., шир. 12 в., толщ. 6 в. Вверху оно было украшено рельефнымъ фронтономъ, подъ которымъ были изваяны двѣ розетки, а подъ ними въ квадратномъ углубленіи — изображеніе молодаго всадника на спокойно стоящемъ конѣ, обращенномъ вправо отъ зрителя, въ сопровожденіи другаго всадника, виднаго только до половины. Подъ рельефомъ была тщательно вырѣзана надпись. Впослѣдствіи фронтонъ, обѣ розетки и вся правая половина нижней части плиты были нарочно стесаны острымъ инструментомъ, вѣроятно для того, чтобы удобнѣе приладить камень при задѣлкѣ въ гробницу. Вслѣдствіе этого отъ фронтона сохранился только лѣвый акротерій, отъ розетокъ—только кружки и отъ надписи только лѣвая половина, читающаяся слѣдующимъ образомъ:

ΔΙΟΝΥ ΔΙΟΝΥ ΧΑ	Διονύ[σιε, υἱὲ] Διονυ[σίου,] χα[ῖρε].

По характеру письма всѣ четыре надписи (№№ 17 — 19) принадлежатъ приблизительно одному и тому-же времени, именно скорѣе всего I-му в. до или по Р. Хр. Сходство именъ, записанныхъ на камняхъ, изображеній на нихъ и находка всѣхъ трехъ камней въ одномъ мѣстѣ невольно вызываетъ предположеніе, что мы имѣемъ предъ собою памятники одной и той-же семьи, генеалогія которой могла быть слѣдующая:

Διόφαντος Κοσσοῦ (17*а*)

Διονύσιος (17*б*) — Διόφαντος (18)

Διονύσιος (19)

Въ Воспорской эпиграфикѣ уже извѣстенъ рядъ памятниковъ, принадлежащихъ одной и той-же семьѣ[1]); въ надписяхъ, открытыхъ г. Кулаковскимъ, мы получаемъ второй такой рядъ.

20. Надгробіе изъ «дикаря», разбитое на двѣ части, выш. 1 арш. 2 в., шир. 9 в., толщ. 3 в. Вверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и пятью розетками (изъ нихъ двѣ — надъ фронтономъ между акротеріями, одна посрединѣ фронтона и двѣ подъ нимъ), подъ которымъ въ углубленіи съ полукруглымъ сводомъ, поддерживаемымъ пилястрами, изображена рельефно сидящая въ креслѣ женщина, обращенная лицомъ влѣво отъ зрителя, и стоящая передъ нею дѣвочка съ сосудомъ въ рукахъ. Обѣ фигуры сильно попорчены. Подъ ними хорошо сохранившаяся надпись римскихъ временъ, вырѣзанная довольно тщательно по линейкамъ (выш. буквъ 0,03 м.). Камень найденъ въ покрытіи одной земляной гробницы неподалеку отъ предыдущаго склепа; рядомъ съ нимъ для той-же цѣли употребленъ былъ и постаментъ его. «Интересно то

[1]) См. Inscr. P. II, стр. 23, къ № 26.

(пишетъ мнѣ Ю. А. Кулаковскій), что краски на этомъ камнѣ превосходно сохранились, и такъ какъ онъ лежалъ ральефомъ внизъ, то при его поднятіи оказался подъ нимъ отличный отпечатокъ также въ краскахъ. Краски были голубая и розовая. Я мечталъ сохранить ихъ, но это оказалось невозможнымъ, такъ что въ этомъ году (1891) я видѣлъ только остатки окраски».

ΑΡΧΕΛΑΙΣΘΥΓΑΤΗΡ	Ἀρχελαὶς θυγάτηρ
ΑΡΧΕΛΑΟΥΓΥΝΗ ΟΥΡΓΙ	Ἀρχελάου, γυνὴ Οὐργί-
ΟΥ ΧΑΙΡΕ	ου, χαῖρε.

Ясно читающееся имя *Οὐργίου* подтверждаетъ вѣрность нашего чтенія Танаидской надписи Inscr. P. II, n° 443, гдѣ въ стр. 18 покойный Стефани читалъ *Οὐργείου*.

Слѣдующіе два памятника найдены въ 1891 г. при раскопкахъ графа А. А. Бобринскаго близъ Керчи.

21. Вполнѣ сохранившаяся, но разбитая пополамъ плита изъ «дикаря» выш. 1,02 м., шир. 0,52, толщ. 0,11, украшенная сверху простымъ рельефнымъ фронтономъ съ двумя акротеріями по краямъ и розеткою въ серединѣ. Подъ фронтономъ вырѣзана очень крупными (выш. 0,04) и тщательно отдѣланными буквами надпись римскихъ временъ (II—III в. по Р. Хр.), довольно отчетливо видная на фотографіи. Камень найденъ «въ гробницѣ подъ курганомъ у кордона пограничной стражи по дорогѣ изъ Керчи въ Еникале».

ΘΥΕΡΓΙΛΙΩΙ	Οὐεργιλίωι
ΑΙΦΝΙΔΙΩΙ	Αἰφνιδίωι
ΙϹΤΟΡΙΑΓΥΝΗ	Ἱστορία γυνὴ
ϹΤΗΛΗΝΤΗΝΔΑ	στήλην τήνδ' ἀ|νέθηκεν· χαίρετε | οἱ παράγοντες.
ΝΕΘΗΚΕΝΧΑΙΡΕΤΕ	
ΟΙΠΑΡΑΓΟΝΤΕϹ	

Въ началѣ 1-й строки ошибочно вырѣзано Θ вмѣсто О, если эта точка не явилась случайно. Стр. 4 — 6 заключаютъ въ себѣ правильный гексаметръ, только съ зіяніемъ послѣ 4-й стопы. Надпись интересна, между прочимъ, тѣмъ, что представляетъ новый примѣръ написанія чрезъ *e* латинскаго родоваго имени Vergilius, которое носилъ знаменитый творецъ Энеиды [1]).

22. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ «дикаря», выш. 1,2, шир. 0,54, толщ. 0,2, украшенное простымъ фронтономъ съ тремя розетками и рельефнымъ изображеніемъ сидящей въ креслѣ женщины, стоящаго передъ нею мужчины въ иматіи до колѣнъ и маленькой дѣвочки съ сосудомъ, стоящей за кресломъ женщины. Подъ рельефомъ находится надпись римскихъ временъ, вырѣзанная крупными (выш. 0,04), но небрежными и въ настоящее время, судя по фотографіи, почти изгладившимися буквами. Камень найденъ въ одной изъ гробницъ, раскопанныхъ гр. Бобринскимъ у дер. Капканы близъ Еникале.

---

[1]) По вопросу о правописаніи этого имени на русскомъ языкѣ есть статья Л. А. Миллера въ отд. класс. фил. январской книги Журнала М. Н. Пр. за 1877 годъ.

ΙΗΝΕΙΜ▨ΝΗΔΙΟΜΗΔΟΥ	. . νειμ[έ]νη Διομήδου
ΚΑΙΠΑΝΕΡΙΙ▨ΔΟΥ	καὶ Πανερ . . . . δου,
ΧΑΙ▨ΓΗ	χαί[ρετε].

Слѣдующіе два камня найдены въ вышеупомятутой деревнѣ Капканы частными лицами и пріобрѣтены гр. Бобринскимъ у находчиковъ.

23. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ «дикарнаго камня», выш. 1,94 м., шир. 0,53, толщ. 0,17. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками, а подъ нимъ находятся одинъ надъ другимъ два рельефа, изъ коихъ верхній представляетъ мужчину, полулежащаго на ложѣ съ высокимъ изголовьемъ, и женщину, сидящую въ креслѣ передъ ложемъ въ задумчивой позѣ, со скамеечкой подъ ногами; передъ ложемъ стоитъ низенькій столикъ на одной ножкѣ, уставленный сосудами; въ правомъ углу изображенія, за ложемъ, виденъ маленькій мальчикъ, а въ лѣвомъ, за кресломъ женщины — дѣвочка съ сосудомъ въ рукахъ. Рельефъ этотъ, судя по фотографіи, очень хорошо сохранился. Нижній рельефъ, немного попорченный, представляетъ женщину, сидящую въ креслѣ въ такой-же позѣ, какъ и на верхнемъ (за кресломъ ея тоже дѣвочка съ сосудомъ), и передъ нею всадника на спокойно стоящемъ конѣ, съ колчаномъ за спиною. Подъ этимъ рельефомъ — надпись позднихъ римскихъ временъ, вырѣзанная по линейкамъ, но очень небрежно (выс. буквъ 0,03).

ΜΙΩΚΛΗΚΑΙΘΥΡΗΡ	Μιωκλῆ καὶ θυ(γάτ)ηρ
ЄΥΓCΝΙΛ	Εὐγ(ε)νί(α),
ΧΑΙΡЄΤЄ	χαίρετε.

ΘΥΡΗΡ вм. ΘΥΓΑΤΗΡ въ 1-й стр., C вм. Є и Λ вм. Α во второй — слѣды небрежности или неумѣлости рѣзчика. Читающіяся въ надписи имена еще не встрѣчались въ Воспорской эпиграфикѣ, данная же форма vocativi именъ на -κλῆς уже извѣстна (*I. Pont.* II, 77: Παρθενοκλῆ).

24. Сохранившееся въ цѣлости надгробіе изъ «дикарнаго камня», выш. 1,07 м., шир. 0,57, толщ. 0,17. Сверху украшено рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и столькими-же розетками; подъ нимъ въ углубленіи изображена рельефомъ женщина, сидящая въ креслѣ въ обычной задумчивой позѣ; передъ нею стоитъ дѣвочка съ сосудомъ въ рукахъ, а за кресломъ виднѣется другая дѣтская фигура; голова первой фигурки попорчена, а второй — совершенно отбита. Подъ рельефомъ вырѣзана крупными (выш. 0,04) буквами римскихъ временъ надпись, въ настоящее время, судя по фотографіи, сильно попорченная.

ΔΑΜΝЄ▨ΟΣΥΝΙΙR
CONШPЄΝΑ
ΧΑΙΡЄ

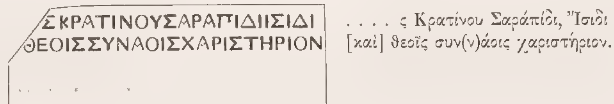
Быть можетъ, на самомъ камнѣ или по эстампажу удалось бы лучше разобрать эту надпись. Въ 1-й стр. не слѣдуетъ-ли читать Μν[ημ]οσύνη? Первыя четыре буквы 2-й строки очень сомнительны.

Надпись на третьемъ камнѣ, пріобрѣтенномъ гр. Бобринскимъ въ Капканахъ, на столько попорчена, что по фотографіи разобрать ее невозможно.

НАДПИСИ ИЗЪ Г. ТИРЫ.

1. Мраморный небольшой пьедесталъ (или плитка?). Та сторона, на которой вырѣзана надпись, имѣетъ 0,085 м. выш. и 0,25 м. ширины, справа обломана, а съ остальныхъ трехъ сторонъ сохранились первоначальные края. Надпись вырѣзана довольно тщательно (выш. буквъ 0,013) и хорошо читается на эстампажѣ. Буквы разставлены тѣсно, промежутокъ между строками чрезвычайно узокъ.

По сообщенію проф. Ѳ. И. Кнауэра, доставившаго въ Императорскую Археологическую Коммиссію эстампажъ этой надписи вмѣстѣ съ отчетомъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1891 г., камень найденъ случайно въ 1889 г. въ Аккерманѣ у самой крѣпости, съ юго-западной стороны отъ нея, въ усадьбѣ плотника Григорія Антонова, на глубинѣ 1 сажени.

ΣΚΡΑΤΙΝΟΥΣΑΡΑΠΙΔΙΙΣΙΔΙ
ΘΕΟΙΣΣΥΝΑΟΙΣΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ

. . . . ς Κρατίνου Σαράπιδι, Ἴσιδι
[καὶ] θεοῖς συν(ν)άοις χαριστήριον.

Итакъ, на камнѣ содержится запись о благодарственномъ приношеніи, посвященномъ какимъ-то ....сомъ, сыномъ Кратина, Сарапиду, Исидѣ и чтимымъ вмѣстѣ съ ними богамъ [1]). Самое приношеніе, по всей вѣроятности, стояло въ храмѣ на этомъ пьедесталѣ. Надпись весьма интересна, какъ первое документальное, не подлежащее никакому сомнѣнію, свидѣтельство о существованіи культа названныхъ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьѣ Евксинскаго Понта приблизительно во II в. до Р. Хр., къ которому можно отнести надпись по характеру письма. Извѣстно, что культъ этихъ боговъ уже рано вышелъ изъ Египта и широко распространился по всѣмъ почти областямъ еллинскаго и римскаго міра [2]), въ томъ числѣ и въ припонтійскихъ. Нѣмецкій ученый Вильгельмъ Дрекслеръ, недавно собравшій всѣ сохранившіяся сви-

---

[1]) Изъ числа этихъ божествъ въ надписяхъ очень часто послѣ Исиды упоминается Арпократъ, рѣже Анувидъ. Возстановить одно изъ этихъ именъ въ началѣ 2-й строки я не рѣшился потому, что въ такомъ случаѣ пришлось бы предположить въ 1-й строкѣ черезчуръ длинное личное имя.

[2]) Ср. спеціальное изслѣдованіе G. Lafaye, Histoire du culte des divinités d'Alexandrie hors de l'Egypte (Paris 1884) и Roscher's Lex. d. griech. u. röm. Mythologie, II ст. 373 — 423, п. сл. Isis, Ausserägyptische Kulte (Roscher). На русскомъ языкѣ есть статейка Н. И. Новосадскаго «Къ вопросу о культѣ Изиды въ Греціи» въ Журн. М. Н. Пр. іюль 1885, отд. класс. фил. стр. 333 — 338.

дѣтельства о культѣ египетскихъ божествъ въ придунайскихъ странахъ [1]), нашелъ слѣды этого культа на сѣверномъ побережьѣ въ названіи Ἰσιακῶν λιμήν, въ личныхъ именахъ (Σαραπίων, Ἰσίδωρος и т. п.), въ изображеніяхъ на монетахъ, терракоттовыхъ статуэткахъ и рѣзныхъ камняхъ, но не имѣлъ еще ни одного свидѣтельства епиграфическаго. Свидѣтельство нашей надписи является, такимъ образомъ, желаннымъ дополненіемъ и подтвержденіемъ собранныхъ имъ данныхъ.

2. Другой камень случайно найденъ весною 1890 г. близъ г. Аккермана. По полученіи извѣстія объ этой находкѣ Императорская Археологическая Коммиссія командировала въ Аккерманъ инспектора Одесской рисовальной школы А. А. Матвѣева для подробнаго изслѣдованія мѣстности, въ которой найденъ камень, и для производства въ ней, въ случаѣ надобности, раскопокъ. Изъ присланныхъ г. Матвѣевымъ въ Коммиссію двухъ подробныхъ отчетовъ заимствуемъ (съ сокращеніями) слѣдующія данныя о мѣстѣ и обстоятельствахъ открытія камня и о внѣшнемъ его видѣ.

«Камень найденъ рабочими при посадкѣ винограда въ плантаціи, принадлежащей аккерманской купчихѣ А. Арнаутовой и расположенной подъ Аккерманомъ въ разстояніи едва одной версты отъ городской окраины, у ведущей изъ Аккермана въ уѣздъ проѣзжей дороги, извѣстной у мѣстныхъ жителей подъ кличкой «Черкесской». Виноградникъ отъ дороги отдѣленъ канавой, мѣстонахожденіе памятника отстоитъ отъ послѣдней шагахъ въ 15-ти. Камень скрытъ въ мягкой почвѣ виноградника, на глубинѣ не болѣе 2 аршинъ отъ поверхности. Какъ въ томъ же виноградникѣ, такъ и по другую сторону «Черкесской дороги», въ противолежащихъ виноградныхъ плантаціяхъ, уже при самомъ поверхностномъ изслѣдованіи, найдены мною остатки сильно вывѣтрившихся человѣческихъ костей и черепки древней горшечной утвари изъ красноватой глины, что наводитъ на мысль о близости стариннаго некрополя.

Найденный камень представляетъ собою обработанный каменотесомъ подъ грубый типъ монумента параллелепипедъ изъ простого, не поддающагося тонкой обработкѣ мѣстнаго известняка, съ расширенной, какъ бы подъ карнизъ или капитель, верхней частью и съ отчасти неровной отъ излома нижней. Высота найденной части параллелепипеда достигаетъ 1 арш. $4\frac{1}{2}$ в., шир. до 14 вершковъ, а толщина около $9\frac{1}{2}$ вершковъ. Камень найденъ былъ въ землѣ опрокинутымъ верхней или карнизной частью внизъ. Надпись, несмотря на вывѣтрившуюся какъ лицевую поверхность, такъ и нѣкоторые штрихи въ очертаніи буквъ (напр. поперечные въ лит. A, хвостики въ лит. S и др.) читается сравнительно не трудно. Она размѣщается въ 9 строкахъ и начертана обычнымъ латинскимъ «монументальнымъ» шрифтомъ, заурядно высѣченнымъ вглубь. Средній размѣръ буквъ почти 2 дюйма. Знаки препинанія отсутствуютъ или, вѣрнѣе сказать, не различаются среди множества дырокъ въ вывѣтрившейся поверхности и пустыхъ мѣстъ отъ выпавшихъ раковинъ [2]). Горизонтали строкъ выдержаны довольно правильно, но интервалы между литеръ не всегда равномѣрны, иногда представляя собою какъ бы перерывъ словъ, очевидно въ зависимости отъ качества камня, мѣстами препятствовавшаго своимъ раковистымъ составомъ начертанію литеръ».

---

[1]) Wilhelm Drexler, Mythologische Beiträge. Heft I: Der Cultus der ägyptischen Gottheiten in den Donauländern, Leipzig, 1890. См. особенно стр. 89 — 97.

[2]) На фотографическихъ снимкахъ во многихъ мѣстахъ ясно различаются листочки, имѣющіе въ этой надписи служебное значеніе — для раздѣленія словъ. *В. Л.*

Нижеслѣдующая копія составлена по двумъ фотографическимъ снимкамъ, присланнымъ г. Матвѣевымъ въ Арх. Коммиссію, при чемъ были приняты во вниманіе и изложенныя въ его отчетѣ замѣчанія относительно степени сохранности отдѣльныхъ буквъ (см. ниже).

1	TEMPORI ❦ BON	*Tempori bon-*
	O ❦ PROSALVTE ❦	*o. Pro salute*
	DOMINORVM	*dominorum*
	Nº N L ❦ SEPTIMI	*n(ostrorum) L. Septimi*
5	SEVERI ❦ PERTE	*Severi Perte-*
	NACIS ∘ ET M ❦	*nacis et M.*
	ΛVREL ∘ ΛNTON	*Aurel(i) Anton-*
	INI ❦ ΛVGG ❦ ET	*ini Aug(ustorum) et*
9	E ❦ SEPTIMI //////	*L. Septimi [Getae*
	////////////// Γ	*Caesaris] et*
		. . . .

Относительно отдѣльныхъ буквъ г. Матвѣевъ замѣчаетъ: «Сильно стертыхъ буквъ намѣчается немного: въ 1-хъ только полторы литеры во 2-й строкѣ (именно послѣ буквы P еще явствуетъ слабое очертаніе слѣдующей литеры, а затѣмъ вывѣтрившееся мѣсто третьей), во 2-хъ неясно обрисовывается послѣдняя литера I въ словѣ Severi въ пятой строкѣ и еще болѣе стершаяся первая литера въ словѣ Pertenacis въ той же 5 строкѣ; въ 3-хъ слабы слѣды послѣдней литеры (S) въ томъ же словѣ въ 6-й стр.; въ 4-хъ исчезла верхушка первой литеры (A) въ словѣ Augg(ustorum) въ 8-й строкѣ; наконецъ въ единственныхъ двухъ литерахъ изъ 10-й строки первая (быть можетъ E) сохранилась только въ верхней части, а вторая (быть можетъ T)—только въ лѣвой половинѣ горизонтальнаго штриха и какъ бы въ верхнемъ исходѣ (начаткѣ) штриха вертикальнаго. Обломъ камня хотя произошелъ немногимъ ниже слѣдующаго за 9-й строкой междустрочія, но такъ невыгодно для дешифровки, что за исключеніемъ двухъ болѣе или менѣе гадательныхъ литеръ 10-я строка совершенно не читается[1]). Но тѣ же литеры въ то же время не могутъ не свидѣтельствовать о быломъ существованіи какъ 10-й строки, такъ и послѣдующей, даже, быть можетъ, и многихъ послѣдующихъ»...

Надпись содержитъ въ себѣ начало посвященія «за здравіе» Императора Л. Септимія Севера и сыновей его М. Аврелія Антонина (Каракаллы) и Л. Септимія Геты. Какому божеству и по какому случаю сдѣлано было посвященіе, изъ сохранившихся строкъ не видно; имя божества и обозначеніе причины посвященія могли находиться въ дальнѣйшихъ строкахъ, пропавшихъ вмѣстѣ съ отбитой нижней частью камня. Можно было бы предположить, что посвященіе сдѣлано обоготворенному «Доброму времени» (Tempori bono), упоминаніе о которомъ стоитъ въ челѣ надписи; но такъ какъ объ обоготвореніи или культѣ Temporis boni въ Римѣ или Римской имперіи по настоящее время не имѣется никакихъ свидѣтельствъ[2]), то гораздо вѣроятнѣе пред-

---

[1]) На фотографіи довольно ясно замѣтно, что конецъ 9-й строки и большая часть десятой (содержавшія слова: Getae Caesaris) были нарочно выскоблены, какъ это сдѣлано было почти на всѣхъ памятникахъ съ именемъ Геты. *В. Л.*

[2]) Не имѣя здѣсь подъ руками всѣхъ нужныхъ пособій по латинской епиграфикѣ, я позволилъ себѣ обратиться съ просьбою о необходимыхъ справкахъ къ многоуважаемому И. В. Помяловскому, который съ своей обычной готовностью сообщилъ свѣдѣнія, легшія въ основаніе сказаннаго въ текстѣ.

полагать, что «Tempori bono» представляетъ собою переводъ формулы Ἀγαθῇ τύχῃ, столь обычной въ греческихъ надписяхъ; форма tempori можетъ быть разсматриваема какъ орѳографическая особенность твор. падежа (вм. tempore), чему примѣры уже встрѣчались [1]).

Оффиціальное обозначеніе Каракаллы съ титуломъ Августа, а Геты съ титуломъ Кесаря свидѣтельствуетъ, что надпись наша относится къ промежутку времени между 198 г. по Р. Хр., въ которомъ Каракалла получилъ этотъ титулъ [2]), и 209-мъ, въ которомъ такой-же титулъ данъ былъ и Гетѣ. Въ этомъ одиннадцатилѣтнемъ промежуткѣ времени намъ извѣстно одно событіе, которое по своимъ послѣдствіямъ было весьма важно для жителей г. Тиры и должно было наполнить ихъ сердца живою признательностью къ Римскому императорскому дому: мы разумѣемъ подтвержденіе безпошлинности въ торговлѣ, данное имъ Северомъ въ 201 г. и засвидѣтельствованное надписью, изданною нами въ *Inscr. P.* I подъ № 3. Мы считаемъ вполнѣ вѣроятнымъ, что вновь найденное посвященіе было сдѣлано гражданами Тиры въ знакъ благодарности именно за эту дарованную имъ льготу.

Помимо своего религіознаго и историческаго значенія, обѣ новыя надписи, изъ коихъ одна найдена въ самомъ Аккерманѣ, а другая—въ ближайшихъ его окрестностяхъ, послужатъ важнымъ аргументомъ въ пользу мнѣнія, что городъ Тира находился именно на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Аккерманъ.

---

[1]) См. Georges, Lexicon d. Lateinischen Wortformen s. v.

[2]) Spart. Sev. 16.

НАДПИСИ ИЗЪ Г. ТАНАИДА.

Генералъ-маiоръ Н. Е. Бранденбургъ, производившiй въ 1891 году, по порученiю Императорской Археологической Коммиссiи, раскопки въ землѣ войска Донскаго, доставилъ, между прочимъ, Коммиссiи фотографическiе снимки съ 2-хъ надписей на каменныхъ плитахъ, найденныхъ въ Недвиговскомъ городищѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находился древнiй г. Танаидъ, и хранящихся нынѣ въ областномъ музеѣ въ Новочеркасскѣ. Размѣры плитъ и время ихъ находки, къ сожалѣнiю, остаются пока неизвѣстными.

1. Сильно попорченная отъ времени плита, сверху украшенная рельефнымъ фронтономъ, а снизу обломанная. Надпись была вырѣзана, повидимому, довольно крупными буквами, которыя, однако, вслѣдствiе порчи лишь съ трудомъ разбираются на фотографiи.

ΓΡΟΓΟΝΩΝΒΑCΙΛ
CΙΛΕΥCΜΕΓΛCΤΙΒΕΡΙΟC Ι
ΡΑCΙΛΕΥC.ΛΥΡΟΜΑΤΗC
ΛΙΓΡΗCΚΟΥΠC..ΔΟCΦΙ
Ι ΝΙΦΙΛΟΙΟΜΙΙΟ.ΕΙCΕΒΗC
CΠΟΙ..ΑΓΙΜΓΛΦΙΙΙΝ

Въ стр. 1 — 5 заключается полный титулъ царя Воспорскаго Савромата I:

[Ὁ ἐκ π]ρογόνων βασι[λέ-
ων βα]σιλεὺς μέγ[α]ς Τιβέριος
[Ἰούλιος β]ασιλεὺς [Σα]υρομάτης
[υἱὸς βασιλέ]ως Ῥησκουπ[ορι]δος φι-
λόκαισαρ κα]ὶ φιλο[ρώ]μ[α]ιο[ς εὐ]σεβὴς
. . . .

Я съ увѣренностью отношу надпись къ Савромату I (94—124 по Р. Хр.) во-первыхъ потому, что записанный въ ней титулъ совершенно тожественъ съ читающимся въ надписи Inscr. P. II, n⁰ 39, несомнѣнно относящейся ко времени этого царя, а во-вторыхъ потому, что Савроматъ II былъ сыномъ Римиталка, а при имени Савромата III (если къ нему относится надпись Inscr. P. II, n⁰ 54) имя отца не ставится. Въ характерѣ письма надписи нѣтъ данныхъ, которыя

бы говорили противъ такого пріуроченія. Содержаніе документа, въ заголовкѣ котораго поставленъ этотъ полный царскій титулъ, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ.

2. Плита съ отломаннымъ нижнимъ лѣвымъ (отъ зрителя) угломъ, сверху или цѣлая, или ровно срѣзанная. Боковые и нижній края плиты нѣсколько возвышены; въ получившемся такимъ образомъ углубленіи, занимающемъ большую часть передней поверхности плиты, помѣщена большая и тщательно отдѣланная рельефная монограмма, а подъ нею на нижней, широкой сторонѣ рамки тѣсными и, повидимому, некрупными буквами вырѣзана греческая надпись въ 7 строкъ, начальныя буквы которыхъ пропали вслѣдствіе отбитія лѣваго угла. Внѣшній видъ плиты и формы буквъ надписи видны на прилагаемомъ снимкѣ съ фотографіи; но такъ какъ на ней надпись вышла неясною, то мы считаемъ нелишнимъ повторить ее обыкновенными епиграфическими буквами.

ΑΓΑΘΗΙ ΤΥΧΗΙ
ΛΕΥΟ ΤΟϹΒΑϹΙΛΕΩϹΤ ΙΟΥΛΙΟΥ
ΤΘΡΟΓΦΙΛΟΚΛΙϹΑΡΟϹΚΑΙΦΙΛΟΡΩ
ΥϹΕΒΟΥϹΧΡΟΝΩΛΙΑΦΘΑΡΕΝΤΑΤ
ΡϹΜΕΛΙΩΝΟΙΚΟ ΟΜ ΙϹΑϹΤΡΥΦΩΝ
ΤΙϹΓΡΕΥΤΗϹ ΑΝΕϹΤΗϹΑΤΟΧΑ
ΕΝΤΩΙ ΞΥΕΤΕΙΛΕΙΟΥ Α

Надпись безъ труда можетъ быть возстановлена слѣдующимъ образомъ (за исключеніемъ одного слова въ концѣ 6-й и нач. 7-й строки, для котораго возстановленіе χα[ριστήριον] возможно, но не вполнѣ достовѣрно):

Ἀγαθῆι τύχηι.
[Βασιλ]εύο[ν]τος βασι(λ)έως Τ(ιβερίου) Ἰουλίου
[Εὐπάτ]ορο[ς] φιλοκ(α)ίσαρος καὶ φιλορω-
[μαίου εὐ]σεβοῦς χρόνῳ (δ)ιαφθ[α]ρέντα τ[ὰ
τείχη? ἐκ θε]μελίων οἰκ[οδ]ομ[ή]σας Τρύφων
[τοῦ δεῖνος πρεσβ]ευτὴς ἀνεστήσατο χα-
. . . . ἐν τῶι .ξυʹ ἔτει, [Δ]είου αʹ.

«Съ добрымъ счастіемъ. Въ царствованіе царя Т(иберія) Юлія Евпатора, друга кесарей и друга римлянъ, благочестиваго, испорченныя временемъ стѣны [?] отъ основаній построивъ, Трифонъ [сынъ *такого-то*] посланникъ возстановилъ.... въ 460 [?] году, *мѣсяца* Дія 1-го *дня*».

Воспорскій царь Тиберій Юлій Евпаторъ, имя котораго поставлено въ заголовкѣ надписи, царствовалъ съ 451 до 467 г. Воспорской эры (155 — 171 по Р. Хр.). Такимъ образомъ обозначенный въ надписи годъ вполнѣ подходитъ ко времени его царствованія; къ сожалѣнію намъ при разсмотрѣніи фотографіи не удалось констатировать, была-ли на камнѣ передъ Ξ еще буква, обозначающая единицы, или годъ обозначенъ только двумя ясно сохранившимися буквами, соотвѣтствующими числу 460.

Надпись входитъ въ довольно длинный уже рядъ документовъ, свидѣтельствующихъ о возстановленіи въ г. Танаидѣ стѣнъ, башенъ и др. построекъ оффиціальными и частными лицами во 2-й половинѣ II и началѣ III в. по Р. Хр.[1]). Древнѣйшимъ изъ нихъ до сихъ поръ былъ документъ Inscr. P. n° 427, датированный 188 годомъ по Р. Хр., а позднѣйшими— nn° 433 и 434, относящіеся къ 236 году. Такимъ образомъ новая надпись по времени становится во главѣ всей серіи. Стѣны города не были вполнѣ возстановлены Трифономъ, такъ какъ одна стѣна или часть ея, какъ видно изъ n° 431, возстановлена позднѣе при царѣ Рискупоридѣ II (212—229 по Р. Хр.). О должности легата (πρεσβευτής), чрезъ котораго цари Воспорскіе управляли Танаидомъ, см. Inscr. P. II, стр. LVI.

Большой интересъ возбуждаетъ находящаяся на камнѣ большая и тщательно исполненная монограмма, значеніе которой, къ сожалѣнію, трудно опредѣлить. Подобныя монограммы или загадочные знаки встрѣчались уже на значительномъ числѣ документовъ Воспорской епиграфикѣ, между прочимъ и на четырехъ Танаидскихъ, именно Inscr. P. II, nn° 423, 431, 433 и 434. Если обратить вниманіе на то, что на двухъ послѣднихъ документахъ, относящихся къ царствованію царя Ининѳимея, знакъ совершенно одинаковъ, то является возможнымъ предположеніе, не служили-ли эти замысловатыя фигуры тамгами или именными знаками царей, подобными тѣмъ, которые доселѣ употребляются у кавказскихъ горцевъ?[2]). Повторяя это предположеніе, уже высказывавшееся другими, мы не считаемъ, однако, возможнымъ настаивать на немъ за неимѣніемъ пока прочныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Отмѣтимъ только, что по любезному сообщенію В. Г. Тизенгаузена знакъ, подобный изображенному на нашемъ камнѣ, встрѣчается на двухъ плитахъ, найденныхъ въ Тамани, на бронзовой пряжкѣ, найденной въ 1891 г. въ Керчи графомъ А. А. Бобринскимъ, и на Керченской уздечкѣ, изданной въ Древн. Босф. Киммерійскаго, табл. XXIX n° 4 (въ нѣсколько измѣненной формѣ).

---

[1]) Извѣстныя до сихъ поръ надписи такого содержанія собраны нами въ Inscr. P. v. II, nn° 427—436.

[2]) Ср. сборникъ тамгъ или фамильныхъ знаковъ западно-кавказскихъ горцевъ, изданный г. Фелицынымъ въ XV томѣ «Записокъ Од. Общ. ист. и древн.»

Казань.

ΟΜΝΥΩ ΔΙΑ ΓΑΝ ΑΛΙΟΝ ΠΑΡΘΕΝΟΝ
ΘΕΟΥΣ ΟΛΥΜΠΙΟΥΣ ΚΑΙ ΟΛΥΜΠΙΑΣ
ΚΑΙ ΗΡΩΑΣ ΟΣΟΙ ΠΟΛΙΝ ΚΑΙ ΧΩΡΑΝ
ΚΑΙ ΤΕΙΧΗ ΕΧΟΝΤΙ ΤΑ ΧΕΡΣΟΝΑΣΙ
ΤΑΝ ΟΜΟΝΟΗΣΩ ΥΠΕΡ ΣΩΤΗΡΙΑΣ
ΚΑΙ ΕΛΕΥΘΕΡΙΑΣ ΠΟΛΕΟΣ ΚΑΙ ΠΟΛΙ
ΤΑΝ ΚΑΙ ΟΥ ΠΡΟΔΩΣΩ ΧΕΡΣΟΝΑΣΟΝ
ΟΥΔΕ ΚΕΡΚΙΝΙΤΙΝ ΟΥΔΕ ΚΑΛΟΝ ΛΙΜΕ
ΝΑ ΟΥΔΕ ΤΑΛΛΑ ΤΕΙΧΗ ΟΥΔΕ ΤΑΣ ΑΛ
ΛΑΣ ΧΩΡΑΣ ΑΝ ΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΙ ΝΕΜΟΝ
ΤΑΙ Η ΕΝΕΜΟΝΤΟ ΟΥΘΕΝΙ ΟΥΘΕΝ ΟΥΤΕ ΕΛ
ΛΑΝΙ ΟΥΤΕ ΒΑΡΒΑΡΩΙ ΑΛΛΑ ΔΙΑΦΥΛΑ
ΞΩ ΤΩΙ ΔΑΜΩΙ ΤΩΙ ΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝ ΟΥ
ΔΕ ΚΑΤΑΛΥΣΩ ΤΑΝ ΔΑΜΟΚΡΑΤΙΑΝ ΟΥ
ΔΕ ΤΩΙ ΠΡΟΔΙΔΟΝΤΙ ΚΑΙ ΚΑΤΑΛΥΟΝΤΙ Ε
ΠΙΤΡΕΨΩ ΟΥΔΕ ΣΥΓΚΡΥΨΩ ΑΛΛΑ Ε
ΞΑΓΓΕΛΩ ΤΟΙΣ ΔΑΜΙΟΡΓΟΙΣ ΤΟΙΣ ΚΑ
ΤΑ ΠΟΛΙΝ ΚΑΙ ΠΟΛΕΜΙΟΣ ΕΣΣΟΥΜΑΙ ΤΩ
ΕΠΙΒΟΥΛΕΥΟΝΤΙ ΚΑΙ ΠΡΟΔΙΔΟΝΤΙ Η ΑΦΙ
ΣΤΑΝΤΙ ΧΕΡΣΟΝΑΣΟΝ Η ΚΕΡΚΙΝΙΤΙΝ Η
ΚΑΛΟΝ ΛΙΜΕΝΑ Η ΤΑ ΤΕΙΧΗ ΚΑΙ ΧΩΡΑΝ
ΤΑΝ ΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝ ΚΑΙ ΔΑΜΙΟΡΓΗΣΩ
ΚΑΙ ΒΟΥΛΕΥΣΩ ΤΑ ΑΡΙΣΤΑ ΚΑΙ ΔΙΚΑΙΟΤΑ
ΤΑ ΠΟΛΕΙ ΚΑΙ ΠΟΛΙΤΑΙΣ ΚΑΙ ΤΟΝ ΣΑΣΤΗ
ΡΑ ΤΩΙ ΔΑΜΩΙ ΔΙΑΦΥΛΑΞΩ ΚΑΙ ΟΥΚ Ε
ΧΦΕΡΟΜΥΘΗΣΩ ΤΩΝ ΑΠΟΡΡΗΤΩΝ ΟΥ
ΘΕΝ ΟΥΤΕ ΠΟΤΙ ΕΛΛΑΝΑ ΟΥΤΕ ΠΟΤΙ ΒΑΡ
ΒΑΡΟΝ Ο ΜΕΛΛΕΙ ΤΑΜ ΠΟΛΙΝ ΒΛΑΠΤΕΙ
ΟΥΔΕ ΔΩΡΕΑΝ ΔΩΣΩ ΟΥΔΕ ΔΕΞΟΥΜΑ
ΕΠΙ ΒΛΑΒΑΙ ΠΟΛΕΟΣ ΚΑΙ ΠΟΛΙΤΑΝ ΟΥΔΕ
ΕΠΙΒΟΥΛΕΥΣΩ ΑΔΙΚΟΝ ΠΡΑΓΜΑ ΟΥΘΕ
ΝΙ ΟΥΘΕΝ ΤΩΜ ΠΟΛΙΤΑΝ ΤΩΜ ΜΗ ΑΦΕ
ΣΤΑΚΟΤΩΝ ΟΥΔΕ ΤΩΙ ΕΠΙΒΟΥΛΕΥΟΝ

ΝΙ ΑΛΛ ΕΙΣΑΓΓΕΛΩ ΚΑΙ ΚΡΙΝΩ ΨΑ
ΚΑΤΑ ΤΟΥΣ ΝΟΜΟΥΣ ΟΥΔΕ ΣΥΝΩΜΟ
ΑΝ ΣΥΝΟΜΟΥΜΑΙ ΟΥΤΕ ΚΑΤΑ ΤΟΥ ΚΟΙΝ
ΤΟΥ ΧΕΡΣΟΝΑΣΙΤΑΝ ΟΥΤΕ ΚΑΤΑ ΤΩΝ
ΛΙΤΑΝ ΟΥΔΕΝΟΣ ΟΣ ΜΗ ΑΠΟΔΕΔΕΙΚΤ
ΠΟΛΕΜΙΟΣ ΤΩΙ ΔΑΜΩΙ ΕΙ ΔΕ ΤΙΝΙ ΣΥΝ
ΣΑ ΚΑΙ ΕΙ ΤΙΝΙ ΤΑ ΛΕΛΑΜΜΑΙ Ο
ΕΥΧΑΙ ΔΙ ΥΣΑΜΕΝΩΙ ΜΕΝΑ
ΟΝ ΕΙΗ ΚΑΙ ΕΜΟΙ ΚΑΙ ΤΟΙΣ ΕΜΟΙΣ ΕΜΜ
ΟΝΤΙ ΔΕ ΤΑ ΕΝ ΚΑΙ ΕΙ ΤΙΝΑ Κ
ΣΥΝΩΜΟΣΙΑΝ Α ΛΕΟΥΣΑΝ
ΝΟΜΕΝΑΙ Ε ΑΙ ΤΟΙΣ ΔΑΜ
ΟΙΣ ΟΥΔΕ ΣΙΤΟΝ ΑΠΟ ΤΟΥ ΠΕΔΙΟΥ Α
ΤΩ ΓΙΜΟΝ ΑΠ ΟΥΜΑΙ ΟΥΔΕ Ε
ΞΩ ΑΛΛ ΑΙ ΑΠΟ ΤΟΥ ΠΕΔΙΟΥ ΑΛΛ
ΧΕΡΣΟΝΑΣΟΝ ΖΕΥ ΚΑΙ ΓΑ ΚΑΙ ΑΛ
ΠΑΡΘΕΝΕ ΚΑΙ ΘΕΟΙ ΟΛΥΜΠΙΟΙ ΕΜΜΕΝ
ΤΙ ΜΕΜ ΜΟΙ ΕΥ ΕΙΗ ΕΝ ΤΟΙΣ ΚΑΙ ΑΥ
ΚΑΙ ΓΕΝΕΙ ΚΑΙ ΤΟΙΣ ΕΜΟΙΣ ΜΗ ΕΜΜΕΝ
ΤΙ ΔΕ ΚΑΚΩΣ ΚΑΙ ΑΥΤΩΙ ΚΑΙ ΓΕΝΕΙ ΚΑ
ΕΜΟΙΣ ΚΑΙ ΜΗΤΕ ΓΑ ΜΗΤΕ
ΣΑ ΚΑΡΠ ΦΕΡΟΙ ΜΗΤΕ
ΝΟ ΛΗΤΕ

лож. Фототип. А. И. Вильборгъ

С. Петербургъ

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie“ publiés par la Commission Impériale Archéologique. Livraison 10e. Nécropoles de Liada et de Tomnikoff au gouvernement de Tamboff. Recherches de Mr V. Iastréboff.

Extrait.

Le cimetière de Liada se trouve près de la ville de Tamboff dans la partie centrale de la Russie de l'Europe auprès des sources de la Tsna, affluent de l'Oka. Il fut découvert par hasard lors de la construction d'un chemin de fer en 1869. Les objets qu'on y déterra furent transmis en partie au musée de l'Ermitage Impérial et au musée historique de Moscou*), en partie achetés par des amateurs.

Cependant la Commission Impériale Archéologique, supposant que la nécropole de Liada n'était pas encore entièrement fouillée, chargea en 1888 Mr Iastréboff d'y produire des fouilles. Les prévisions de la Commission se réalisèrent tout à fait, car Mr Iastréboff découvrit et explora sur les lieux encore 143 tombes dont il eut la chance d'extraire jusqu' à 2000 objets.

La nécropole n'ayant sur toute son étendue aucune espèce de remblai n'offrait point d'indices extérieurs. La profondeur des tombes ne surpassait pas 2 archines. Tous les squelettes étaient couchés sur le dos, les extrémités étendues, les pieds au N., les bras parfois reposant sur la poitrine, mais jamais croisés, la face tournée indifféremment à droite ou à gauche.

Les sépultures les plus riches étaient presque sans exception celles des femmes. Les objets qu'on y découvrit attestent que les femmes s'ornaient la tête d'un mince bandeau métallique composé de petits tubes oblongs aplatis (pl. XI, 7), et portaient au dessous des oreilles des boucles très originales en forme de petits bâtons ornementés, terminés en pointe de flèche et munis dans leur partie supérieure d'une spirale (pl. V, 3 et 5), destinée à etre fixée aux cheveux ou au voile qui couvrait la tête.

Un autre ornement, qui cependant ne se rencontrait que rarement, était une mince lanière entourée d'un fil d'archal très fin dont les femmes enlaçaient leurs nattes (pl. IV, 13), en intro-

---

*) La description de beaucoup d'entre eux a été publiée en 1878 par Mr Aspelin dans ses «Antiquités du nord finno-ougrien», livr. III, p. 181—187.

duisant dans cette torsade de petites baguettes de bois. Le voile qui couvrait la tête était parfois garni de menues lamelles triangulaires (voy. Supplém. pag. 26, fig 3 — 9). Les parures du cou étaient assez variées. Sans parler des colliers en perles multicolores entremélées parfois de pendeloques cruciformes, de coquilles, de dents d'ours et d'os d'animaux, servant d'amulettes (pl. VII et autres), on trouvait encore des colliers composés de diverses plaques garnies de pendeloques en forme de lamelles, de cylindres et de pattes d'oie (voy. pl. I, 5. 7. IV, 7. 8. VIII, 5); de plus — trois espèces de torques: les uns simulant des anneaux tors munis d'une espèce d'anses, les autres des lamelles, soit tout à fait sans ornements, soit frangées d'une quantité de pendeloques cylindriques (voy. pl. IV, XI et XV). L'assortiment de parures de poitrine n'offre pas moins de variétés. Elles consistent en plaques rectangulaires, à jour, de diverses dimensions, garnies dans leur partie inférieure d'une frange de chainettes terminées par des espèces de pattes d'oie (pl. I, IV, XIII etc.). On rencontrait aussi de petites plaques avec des pendeloques en forme de clochettes. Le plus souvent elles s'accrochaient à l'aide de petites anses, parfois aussi à l'aide de petites boucles ou bien elles servaient de boucles elles mêmes. Mais l'ornement de poitrine le plus ordinaire est un anneau muni d'un côté de deux ardillons parallèles (pl. VIII). On trouvait de 4 à 20 de ces boucles artistement groupées sur la poitrine et à la ceinture des défunts (pl. XIV, 8). Aussi un peu au-dessous de la poitrine — de grandes plaques rondes percées au milieu (pl. V), ou bien de grandes boucles rondes et plates avec des ardillons (pl. XV, 6. 8). La plupart des bracelets représentent des anneaux massifs légèrement ornementés et terminés aux deux bouts par des museaux plats (pl. II, 1. 3). Quelques squelettes portaient au poignet des spirales formant jusqu'à 9 spires (pl. IV, 6. 9). Ils n'avaient ordinairement qu'un seul bracelet à chaque main, toutefois on en trouvait jusqu'à 5 et même 6. Les bagues n'étaient pas non plus chose rare dans ces tombeaux. La plupart sont en spirales (pl. II, 14), mais on rencontrait aussi des bagues travaillées à jour avec des pendeloques en forme de pattes d'oie (pl. XIV, 7). Dans ces tombeaux de femmes on trouvait également un ou deux pots de grès au chevet du squelette.

Les sépultures d'hommes étaient beaucoup plus simples. L'article le plus remarquable de la toilette des morts étaient des ceintures richement garnies de plaques très variées (pl. VI), mais qui paraissent avoir dans le dessin un trait caractéristique commun à toutes, c'est une face humaine. Du côté gauche des ceintures pendaient des couteaux. Le trait distinctif des sépultures d'hommes étaient différentes armes disposées comme suit: auprès de la cuisse gauche des pointes de flèches en fer (jusqu'à 15 pièces), auprès de l'épaule droite ou à droite du crâne — des lances, au chevet et aux pieds — des hâches et des cognées, puis des leviers, des harpons et des silex avec des briquets (pl. X). On y trouva encore 7 pièces d'imitations de monnaies arabes et des objets en cuivre massif dont l'usage est parfaitement énigmatique; c'est comme deux petites tasses à facettes unies par leur orifice, munies de petits supports et suspendues à des courroies (pl. IV, 11 et Suppl. pag. 28, fig. 15). En fait d'ornements les tombes d'hommes ne contenaient que des bracelets et des boucles, et encore rarement.

Il y avait aussi dans cette nécropole des tombeaux portant des traces de sépultures mixtes, c. à d. d'hommes et de femmes, et enfin des tombes dans lesquelles, ainsi que le suppose Mr Iastréboff, n'étaient enterrées que certaines parties des cadavres.

On n'y constata que 13 cas d'incinération, soit 9% sur le nombre de toutes les sépultures découvertes. Les objets qu'on y trouva ne portant aucune trace de feu, il est évident que la

crémation s'opérait à quelque distance de la tombe, laquelle ne recevait que les restes des os et les objets ayant appartenu au défunt. Sur le total des corps cinérés il n'y avait que trois squelettes masculins. Ce qui attira aussi l'attention de Mr Iastréboff ce furent quelques objets qui paraissaient n'avoir aucun rapport aux sépultures mêmes, tels que: des pots de grès, des étriers, des haches, des ciseaux, des bracelets et d'autres, en fer, souvent trés détériorés. Ce sont, selon l'opinion de l'investigateur, les traces d'un rite funéraire particulier.

Tous les ornements sont coulés en bronze, quelques-uns enjolivés d'argent, ordinairement de bas aloi. Les boucles d'oreilles et les grandes plaques à ardillons sont fait en argent de meilleure qualité que les bandeaux, les torques, les plaques de ceintures, les clochettes et autres.

Les quelques monnaies arabes exhumées dans le cimetière en question se trouvèrent être des imitations assez grossières de dirhems, tels qu'on en rencontre dans les trésors russes du VIII—XI ss., mais qui d'ailleurs pouvaient aussi durer jusqu'au XIII s., époque où elles furent remplacées par les monnaies de la Horde d'or. Les caractères arabes d'une inscription figurant sur un seau de cuivre provenant de ce même cimetière se rapportent approximativement au XI s. Ce fait joint à l'analogie entre les objets tirés de la nécropole de Liada et ceux des tumuli du gouvernement de Smolensk du X s., de Vladimir des X—XI ss., de St.-Pétersbourg des X—XI ss., porte Mr Iastréboff à attribuer le cimetière de Liada au X—XI ss.

Mr Aspelin, se basant sur les plus anciens documents écrits, considère la peuplade Mordvienne comme les aborigènes de la vallée de la Tsna et met cette peuplade en rapport avec le cimetière de Liada. Mr Iastréboff de son côté trouve cette supposition tout à fait erronnée, de sorte que la question, à savoir quel est le peuple qui nous a légué le dit cimetière, est encore sujette à discussion.

En 1890 fut découvert également au gouvernement de Tamboff sur la Tsna, en aval du susdit cimetière, dans le village de Tomnikoff, propriété du Comte Worontzoff-Dachkoff, un autre cimetière dénonçant la même époque et la même culture que celui de Liada. Les fouilles y mirent à découvert 25 sépultures complètes et un grand nombre d'objets séparés dont quelques-uns ne sont que des variantes de ceux du cimetière de Liada.

Dans son compte rendu sur la nécropole de Tomnikoff Mr Iastréboff parle d'abord du caractère des sépultures, donne ensuite une description de la toilette des morts, hommes et femmes, et consacre enfin une grande part de son travail à démontrer l'analogie qui existe entre les antiquités qu'il étudie avec celles de différentes parties de la Russie et de l'Europe occidentale. Il établit en même temps une ressemblance entre les ornements découverts dans ce cimetière et ceux qu'on voit encore sur les costumes de diverses peuplades de la Russie. L'investigateur puisa pour ce travail des matériaux dans divers ouvrages et surtout dans les collections du musée historique, du musée Dachkoff à Moscou et de celui de l'Ermitage à St.-Pétersbourg, ainsi que dans les riches collections de l'exposition organisée au congrès archéologique de Moscou en 1890. L'appendice de l'ouvrage de Mr Iastréboff contient un journal des fouilles produites dans l'un et l'autre cimetière et l'analyse des bronzes de la nécropole de Liada faite par Mr Sabaneïeff.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 10.

ЛЯДИНСКІЙ И ТОМНИКОВСКІЙ МОГИЛЬНИКИ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

В. Н. ЯСТРЕБОВА.

—

СЪ XV ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ И СЪ 51 ПОЛИТИПАЖЕМЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Комиссіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ЛЯДИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

I.

При проведеніи тамбовско-саратовской желѣзной дороги въ 1869 году, въ 12 верстахъ отъ Тамбова, близь р. Ляды явилась надобность сдѣлать насыпь. Когда рабочіе начали копать землю и песокъ по правую сторону полотна строившейся дороги, имъ стали попадаться кости и разные предметы древности, и по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась

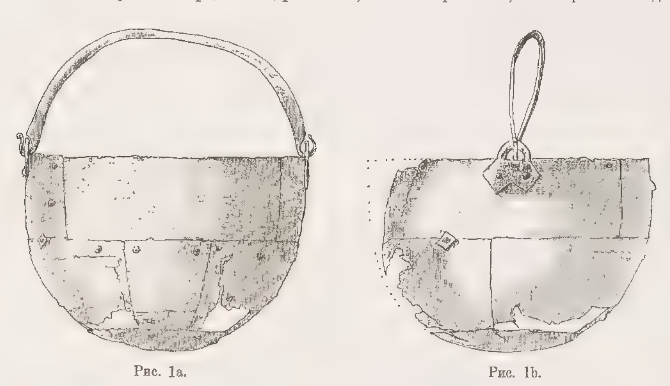

Рис. 1a. Рис. 1b.

впередъ и приближалась къ чертѣ, далѣе которой становилось неудобнымъ брать землю, увеличивалось и количество находокъ. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ потомъ въ Археологическую Коммиссію, нашли тогда большое число желѣзныхъ топоровъ, кирокъ, мотыкъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ, удилъ, стремянъ, глиняныхъ горшковъ; встрѣчались также мѣдные браслеты, серьги, кольца, цѣпочки и другія украшенія, бусы, пряжки, ремни съ металлическимъ наборомъ, мѣдные котлы; наконецъ, въ видѣ единичныхъ экземпляровъ найдены: кремневый наконечникъ стрѣлы, желѣзный колокольчикъ, желѣзный замокъ, сердоликовая печать съ изображеніемъ льва и зебу, блюдечко изъ тонкаго серебрянаго листа, 3 вершка въ діаметрѣ, украшенное снаружи кружками, и нѣсколько штукъ серебряныхъ монетъ, которыя оказались потомъ подражаніями арабскимъ диргемамъ. Попадавшіяся кости рабочіе снова зарывали въ желѣзно-дорожную насыпь, а вещи частію поступили въ Археологическую Коммиссію, а ею были переданы въ Императорскій Эрми-

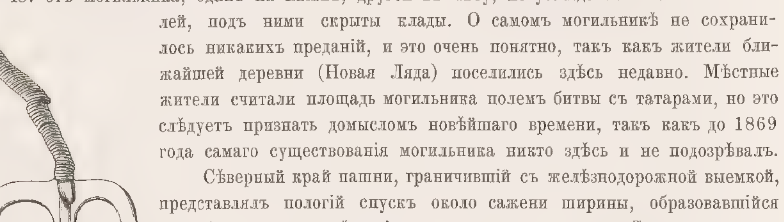
тажъ или пересланы въ Историческій Музей въ Москву, частію же разобраны были частными лицами и потомъ либо пропали безслѣдно, либо изъ вторыхъ рукъ перешли въ Тамбовскій музей [1]).

Значительное время спустя (въ 1888 г.), Импер. Археологическая Коммиссія поручила намъ отыскать оставшуюся въ цѣлости часть могильника и произвести на ней раскопки.

По указанію старожиловъ, мѣсто находокъ 1869 года оказалось тотчасъ за желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ р. Ляду, къ Ю. отъ линіи желѣзной дороги, и представляло собою совершенно ровное поле, которое имѣло уклонъ къ З. и, по словамъ владѣльца земли, купца И. С. Третьякова, не менѣе 70 лѣтъ подвергается постоянной сельско-хозяйственной обработкѣ. Отъ желѣзнодорожной насыпи поле это отдѣлялось выемкой, сдѣланной рабочими при извлеченіи земли для ея сооруженія; среди выемки почему-то оставленъ нетронутымъ клочокъ земли продолговатой формы, имѣвшій неровную поверхность; по словамъ одного мѣстнаго жителя, вблизи отсюда также попадались находки, но мы, по независящимъ обстоятельствамъ, не могли здѣсь произвести раскопку; впрочемъ, по обслѣдованіи этой мѣстности щупомъ, присутствія могилъ здѣсь не обнаружено.

Поле купца Третьякова, заключавшее въ себѣ могильникъ, съ трехъ сторонъ окружено лѣскомъ, состоящимъ изъ березы и сосны. Сосновой порослью успѣла зарости и упомянутая нами выемка. Почва описываемой мѣстности представляетъ мягкій черноземъ съ примѣсью песку, толщиною полъ-аршина, подъ которымъ лежитъ слой цѣльнаго песку, въ $1^1/_2$ аршина толщиной, а еще ниже слѣдуетъ слой вязкой глины. При сильномъ дождѣ и во время таянія снѣговъ здѣсь легко образуются большія водомоины. Въ виду такихъ мѣстныхъ условій, не можемъ рѣшительно отвергать существованія здѣсь въ прежнее время могильныхъ насыпей, которыя впослѣдствіи легко могли исчезнуть, однако, съ другой стороны, не имѣемъ также основаній утверждать, что возвышенія на могилахъ представляли нарочито сооруженные курганы.

На разспросы у мѣстныхъ жителей относительно того, нѣтъ ли въ окрестностяхъ могильника какихъ либо остатковъ древности, напр. валовъ, городищъ, кургановъ и пр., мы получили категорически-отрицательные отвѣты. Намъ указали только два огромные валуна къ Ю. отъ могильника, одинъ на пашнѣ, другой въ лѣсу; по убѣжденію мѣстныхъ жителей, подъ ними скрыты клады. О самомъ могильникѣ не сохранилось никакихъ преданій, и это очень понятно, такъ какъ жители ближайшей деревни (Новая Ляда) поселились здѣсь недавно. Мѣстные жители считали площадь могильника полемъ битвы съ татарами, но это слѣдуетъ признать домысломъ новѣйшаго времени, такъ какъ до 1869 года самаго существованія могильника никто здѣсь и не подозрѣвалъ.

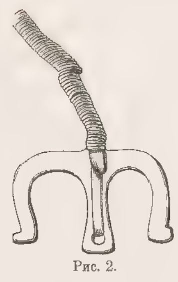

Рис. 2.

Сѣверный край пашни, граничившій съ желѣзнодорожной выемкой, представлялъ пологій спускъ около сажени ширины, образовавшійся отъ обваловъ и перемѣщенія верхнихъ слоевъ почвы. Съ этого-то края мы и начали раскопку могильника. Опредѣлить мѣстоположеніе могилъ не составило труда, благодаря указаніямъ владѣльца земли и одного крестьянина деревни Новой Ляды, который въ 1869 году, будучи маль-

[1]) Нѣкоторыя изъ открытыхъ въ 1869 г. древностей изданы Аспелиномъ въ III выпускѣ его сборника «Les antiquités du Nord finno-ougrien», стр. 181—187.

чикомъ, самъ копался въ могильникѣ и искалъ въ немъ древностей. Узнавши, что находки попадались не глубже 2 аршинъ, мы начали раскопку „на перевалъ", т.-е. послѣдовательно сваливая землю назадъ, на ранѣе обслѣдованное мѣсто. Вскорѣ мы убѣдились въ цѣлесообразности этой системы и потому придерживались ея до конца работы. Весьма немногія могилы углублялись въ верхній слой глины, вообще же онѣ не проникали далѣе предѣловъ упомянутаго выше песчанаго слоя. Послѣ того, какъ въ принятомъ для начальныхъ раскопокъ направленіи могилы стали постепенно рѣдѣть и наконецъ прекратились окончательно, были обслѣдованы посредствомъ щупа прилежащія къ району раскопокъ части пашни и лѣса, причемъ оказались слѣды могилъ въ восточной сторонѣ, гдѣ и была продолжена раскопка до тѣхъ поръ, пока и здѣсь находки совсѣмъ не прекратились.

На основаніи имѣющихся свѣдѣній о раскопкѣ могильника въ 1869 г. и данныхъ, добытыхъ при его раскопкѣ нами, можно придти къ заключенію, что первоначально онъ имѣлъ въ длину около 100 саженъ (отъ ЗЮЗ. къ ВСВ.) и въ ширину до 25 саж. Участокъ, подвергнутый нашему изслѣдованію, составлялъ около четверти всего пространства некрополя и, повидимому, принадлежалъ къ самымъ обильнымъ могилами его частямъ. Въ немъ насчитывается 143 могилы, не включая въ то число отдѣльныхъ находокъ безъ костяковъ, которыя, по нашему мнѣнію, могли также представлять остатки погребеній. Количество же всѣхъ зарегистрованныхъ въ описи вещей достигало цифры въ 2.000 номеровъ.

Предлагая отдѣльно извлеченіе изъ дневника раскопокъ, представляемъ здѣсь систематическое изложеніе результатовъ раскопки, касающихся погребальнаго обряда и условій, при которыхъ находимы были разнаго рода предметы древности; это дастъ намъ нѣкоторую возможность судить о практическомъ употребленіи найденныхъ вещей.

Могилы находимы были на разной глубинѣ, отъ $^1/_2$ аршина до 2 аршинъ, до слоя подпочвенной глины, при чемъ дѣтскія могилы оказывались мельче другихъ: половина ихъ имѣла $^3/_4$ аршина, треть — 1 аршинъ глубины. Могилы не были расположены послѣдовательными ярусами, и нижнія ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ верхнихъ. Относительно формы могильныхъ ямъ невозможно было составить себѣ яснаго понятія: слой песку, въ которомъ находились могилы, такъ былъ изрытъ, перемѣшанъ и загрязненъ, а самый песокъ такъ тонокъ и мягокъ, что нельзя было и думать объ опредѣленіи краевъ могильныхъ ямъ.

При одинаковыхъ условіяхъ относительно глубины, могилы лядинскаго некрополя раздѣляются, по характеру погребенія, на двѣ различныя группы: 1) могилы съ остатками покойниковъ, просто *зарытыхъ* и 2) могилы съ остатками *трупосожженія*.

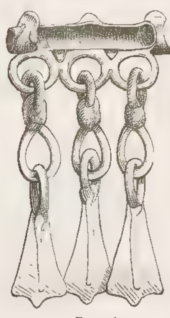
Изъ общаго числа 143, *могилъ перваго разряда* насчитывается 127, включая сюда 12 дѣтскихъ могилъ. По мягкости и сырости почвы, незначительной глубинѣ могилъ и по другимъ причинамъ, кости скелетовъ вообще сохранились очень плохо, особенно въ дѣтскихъ могилахъ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ онѣ до того размокли и разложились, что походили на волокна лубка или на остатки истлѣвшихъ корней, въ другихъ—отъ костей осталась только известковая прослойка. Могилы, въ которыхъ положеніе скелетовъ удалось опредѣлить во всѣхъ подробностяхъ, составляли едва пятую часть общаго ихъ числа; треть остальныхъ составляли такія, въ которыхъ найдены только части скелетовъ: одинъ черепъ, или черепъ и оконечности, или одни ребра, или даже одни зубы; наконецъ, въ остальныхъ кости вынимались мелкими

Рис. 3.

кусками, или костей не оказывалось вовсе, но подъ вещами замѣчался слой праха. При неясности условій погребенія въ могилахъ послѣднихъ двухъ категорій, онѣ могли принадлежать и къ разряду могилъ съ трупосожженіемъ; въ такомъ случаѣ, численное отношеніе между могилами съ простымъ погребеніемъ и могилами съ трупосожженіемъ значительно уравновѣшивается. Вещи находимы были то исключительно при сохранившихся частяхъ скелетовъ, то на протяженіи человѣческаго роста, въ обычномъ для скелетовъ направленіи, но безъ костей, то, наконецъ, безъ яснаго порядка.

При опредѣленіи погребальнаго обряда мы основываемся главнымъ образомъ на могилахъ лучшей сохранности. Всѣ скелеты лежали на спинѣ, съ вытянутыми ногами; преобладающее большинство ихъ имѣло направленіе головой къ Ю., ногами къ С., но бывали единичные случаи положенія скелетовъ по всѣмъ остальнымъ направленіямъ; такихъ случаевъ во всемъ могильникѣ встрѣчено семь, и въ шести изъ нихъ скелеты были очень плохой сохранности. За исключеніемъ двухъ могилъ, въ которыхъ черепа лежали лицомъ вверхъ, во всѣхъ остальныхъ они лежали на вискѣ, нѣсколько чаще—на лѣвомъ; руки обыкновенно оказывались согнутыми, при чемъ кисти ихъ лежали, не скрещиваясь, на груди, иногда близь самой шеи, и нѣсколько рѣже—на краяхъ тазовыхъ костей, но нерѣдко также руки находились въ вытянутомъ по бокамъ туловища положеніи. Во многихъ могилахъ открыты остатки или слѣды лубка, иногда съ березовой корой; чаще всего лубокъ находили отдѣльными кусками подъ черепомъ и подъ тазовыми костями, попадался онъ и подъ другими частями скелетовъ, и сверхъ ихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ его находили подъ всѣмъ скелетомъ и сверхъ него цѣльными длинными полосами, при чемъ, какъ оказывалось, онъ прикрывалъ скелетъ и вдоль, и поперекъ. Однажды въ могилѣ найденъ былъ скелетъ небольшой лошади. Онъ былъ обращенъ черепомъ къ Ю., теменемъ кверху, переднія части лежали выше заднихъ, оконечности были подогнуты подъ туловище; онъ былъ обращенъ головою къ ногамъ мужскаго скелета, найденнаго немного южнѣе.

Вслѣдствіе плохой сохранности костей, мы сочли для себя рискованнымъ по особенностямъ ихъ строенія раздѣлять могилы на мужскія и женскія [1]). Оставался для этого другой критерій, а именно—составъ вещей, найденныхъ въ могилѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, одна часть могилъ отличалась почти постояннымъ присутствіемъ глиняной посуды, вѣнчиковъ, серегъ, ожерельевъ изъ бусъ, раковинъ и металлическихъ привѣсокъ, обиліемъ разныхъ украшеній на рукахъ и на груди, бронзовыхъ пряжекъ, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, присутствіемъ женскихъ косъ; другая часть — постояннымъ присутствіемъ ремней съ металлическими украшеніями и кусковъ кремня, значительнымъ числомъ желѣзныхъ ножей и предметовъ вооруженія, присутствіемъ бронзовыхъ ведеръ, деревянной посуды, желѣзныхъ удилъ, ключей и пряжекъ. Могилы первой категоріи могутъ быть признаны женскими, второй—мужскими. Изъ могилъ, давшихъ для приведенной выше группировки достаточно характерный матеріалъ, къ первой категоріи принадлежитъ 71, а ко второй только 18. Столь разительная неравномѣр-

Рис. 4.

[1]) Собранныя нами при раскопкѣ кости Археологическая Коммиссія препроводила въ антропологическій музей С.-Петербургскаго университета.

ность можетъ отчасти найти себѣ объясненіе въ сравнительной бѣдности мужскихъ могилъ, вслѣдствіе которой часть ихъ не поддалась опредѣленію; такъ напр., въ одной могилѣ, кромѣ ножа, другихъ вещей не оказалось.

. Переходимъ къ частному разсмотрѣнію условій, при которыхъ были находимы разные предметы въ могилахъ женскихъ, мужскихъ и дѣтскихъ.

Женскія могилы.

Предметы украшенія и остатки костюма.

Табл. XI рис. 7. *Вѣнчики*, чаще бронзовые, изрѣдка серебряные, находимы были въ женскихъ могилахъ почти постоянно; они опоясывали голову отъ лба къ затылку и назади застегивались маленькой четыреугольной пряжкой; отдѣльныя части вѣнчика скрѣплялись посредствомъ продѣвавшихся въ нихъ ремешковъ; въ одномъ случаѣ подъ вѣнчикомъ найдена полоска березовой коры, служившая ему подбивкой. Способъ употребленія вѣнчиковъ можно видѣть въ приложеніи, на стр. 6 и 8, рис. 2 и 3; на черепахъ, изображенныхъ тамъ же (рис. 6 и 7), вѣнчики сдвинуты съ обычнаго мѣста.

Табл. IV рис. 13. *Косы* (числомъ семь) темно-русаго цвѣта лежали то подъ спиною, то на груди скелетовъ; почти всѣ оказывались намотанными на палочку и обвиты ремнемъ съ металлическимъ наборомъ (на табл. VIII рис. 14 изображенъ ремень особо).

Табл. IV рис. 3. На одной *косѣ* найдено бронзовое украшеніе въ видѣ небольшого спиральнаго браслета, въ который она была продѣта.

Табл. IV рис. 5. Табл. IX рис. 2. Вѣроятно, къ головному убору привѣшивалось украшеніе въ видѣ длинной *пряди спиралей*, на ремешкахъ, съ звѣздообразными *привѣсками* на концахъ (привѣска изображена особо на табл. VII рис. 27). Однажды найдено оно подъ спиной скелета, вмѣстѣ съ косой (той самой, на которой оказалось украшеніе въ видѣ браслета), въ другихъ случаяхъ —близь головы.

Глиняныя *пряслицы* попадались близь конца косы и близь головы. Можетъ быть, онѣ подвѣшивались къ волосамъ или къ головному убору.

Табл. IV рис. 10. *Украшеніе*, составленное *изъ* крупныхъ *бусинъ*, *раковинъ* cypraea moneta *и колецъ*, при помощи ремешковъ, обвитыхъ бронзовой проволокой. Было найдено на груди скелета.

Табл. V рис. 3 и 5. *Серьги*, или украшенія висковъ, бронзовыя и серебряныя, составляли почти постоянную принадлежность женскихъ могилъ. Обыкновенно находимы были по двѣ, рѣже по одной, близь висковъ; два раза серьги найдены вмѣстѣ съ небольшими кусками кожи, въ которую онѣ были продѣты верхнимъ спиральнымъ концомъ; иногда въ этой спирали замѣчаемы были остатки волосъ. Украшенія эти, которыя условно назвали мы серьгами, вѣроятно, привѣшивались къ головному убору или къ ушамъ при помощи ремней.

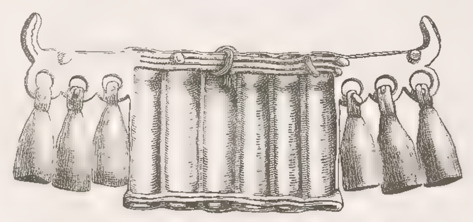

Рис. 5.

Въ дневникѣ раскопокъ они названы *шпильками*, но кажется, ошибочно.

Кольца изъ бронзовой проволоки, величиной нѣсколько больше ручныхъ, и такой же

величины желѣзныя попадались изрѣдка по одному сзади головы или подъ нею. Вѣроятно, служили для привѣшиванія украшеній къ головному убору.

Табл. IX рис. 16. Остатки толстой *ткани съ металлическими украшеніями* пепельнаго цвѣта, хрупкими (вѣроятно, изъ бронзы низкаго качества), находимы были подъ головой. Куски *войлока*—подъ головой и сверхъ головы. Куски ткани и войлока могли принадлежать головному убору, имѣвшихъ видъ современныхъ кичекъ или сорокъ.

Табл. III рис. 7. Табл. XII. *Бусы* постоянно и въ большомъ количествѣ находимы были на груди женскихъ скелетовъ; два раза мелкія бусы представляли тесьму, которая состояла изъ чередовавшихся рядовъ синяго и желтаго цвѣта.

Табл. VII рис. 25. Иногда бусины перемежались *трубочками изъ спирально согнутой мѣдной проволоки.*

Кромѣ бусъ, а частью вмѣстѣ съ ними, для ожерельевъ употреблялись довольно часто *бубенчики* (Табл. VII рис. 16, 18, 21 и 23), рѣже—*раковины* cypraea moneta, для чего послѣднія просверливались поперекъ. Изрѣдка вмѣстѣ съ бусами попадались также просверленные *медвѣжьи зубы* и привѣски въ видѣ птички, изъ *медвѣжьихъ когтей* (Табл. VII рис. 15); послѣднія подвѣшивались при помощи ремешка, продѣтаго въ отверстіе на мѣстѣ глазъ. Зубамъ и когтямъ медвѣдя придавалось, вѣроятно, значеніе амулетовъ.

Табл. VII рис. 4, 5, 6, 7, 9. Табл. IX рис. 7. Бронзовыя и серебряныя украшенія въ видѣ *колокольчиковъ* и *бутылочекъ*, иногда съ привѣсками; обыкновенно наверху ихъ находится трубочка для продѣванія ремешка, посредствомъ котораго они прикрѣплялись, вѣроятно, къ ожерелью или къ какому-либо другому украшенію. Находимы были на груди, иногда (Табл. VII рис. 6 и 9) на нижней ея части.

Табл. III рис. 1—5, 9, 27—29. Табл. VII рис. 8, 14 и 22. Различнаго рода бронзовыя *привѣски* находимы были на груди костяковъ въ могилахъ особенно богатыхъ. Повидимому, большинство изъ нихъ составляло принадлежность ожерелья. Рисунки 2 и 3 на стр. 2 и 3, изображающіе два такихъ предмета съизнанки, даютъ понятіе о способѣ ихъ употребленія.

Къ *нагруднымъ украшеніямъ* относятся также:

Табл. VII рис. 10. Продолговатыя *пластинки съ цилиндрическими привѣсками*, прикрѣплявшіяся къ ремню посредствомъ заклепокъ; встрѣчались въ значительномъ числѣ заразъ.

Табл. III рис. 15, 31, 23. Табл. I рис. 8, гдѣ предметъ представленъ съизнанки. Табл. VIII рис. 6. *Пластинки съ плоскими привѣсками*, составлявшія цѣлыя ожерелья.

Табл. I рис. 5 и 7. Табл. IV рис. 8. Табл. VIII рис. 5. Ожерелья изъ бронзовыхъ *трубочекъ* съ привѣсками, нанизывавшихся на ремешокъ, иногда въ перемежку съ крупными бусинами составляютъ не менѣе предыдущаго обычныя украшенія груди. Рис. 4 на стр. 4 изображаетъ такую трубочку съизнанки и даетъ понятіе объ оригинальномъ приспособленіи для продѣванія ремня.

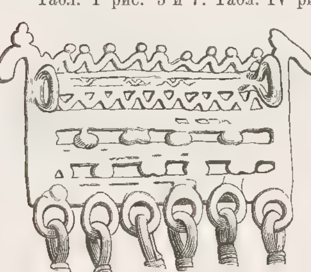

Рис. 6.

Табл. XI рис. 1, 2, 3, 5 и 6. *Шейныя кольца*, обыкновенно бронзовыя, рѣдко желѣзныя и еще рѣже серебряныя, попадались довольно часто, иногда по два и по три при одномъ скелетѣ.

Табл. IV рис. 2 и 12. Табл. XI рис. 4.

Шейныя *гривны* въ видѣ полумѣсяца, бронзовыя и серебряныя, встрѣчались обыкновенно по одному экземпляру заразъ, изрѣдка по два.

Табл. III рис. 32. Особаго типа *шейное украшеніе*, подобіе гривны, встрѣтилось всего одинъ разъ [1]). Рисунокъ 5 въ текстѣ даетъ понятіе, что украшеніе привязывалось при помощи ремешковъ.

Табл. IV рис. 4. Бронзовая *цѣпочка* съ привѣсками—единственный во всемъ могильникѣ экземпляръ—найдена на груди скелета, богатаго разными украшеніями [2]).

Табл. VII рис. 1 и 2. *Цѣпочки* безъ привѣсокъ найдены также на груди.

Табл. I рис. 1, 3, 4. Бронзовыя *ажурныя украшенія* съ привѣсками попадались сравнительно рѣдко, всегда на груди, обыкновенно въ одномъ экземплярѣ и только однажды—въ двухъ. На рис. 6 въ текстѣ, представляющемъ верхнюю часть такого украшенія съизнанки, видны по краямъ петли для продѣванія ремешка.

Табл. I рис. 9, 10, 12 и 13. Табл. IX рис. 6. Украшенія въ видѣ большихъ продолговатыхъ *пластинокъ* съ цилиндрическими привѣсками и съ пряжками для прикрѣпленія встрѣчались не часто, въ большинствѣ случаевъ попарно, по краямъ нижней части груди и живота или по бокамъ скелета.

Табл. I рис. 2 и 11. Круглыя *ажурныя пряжки*, бронзовыя, попадались рѣдко, всегда на животѣ. Вѣроятно, служили для застегиванія пояса.

Табл. V рис. 1, 2, 4, 6 и 7. Круглыя *пряжки съ откидной дверкой* по серединѣ, бронзовыя, изрѣдка серебряныя, находимы были не часто, въ обильныхъ вещами могилахъ,—то на тазовыхъ костяхъ, то на животѣ и только два раза на нижней части груди. Въ отверстіи для дверки приходилось наблюдать остатки тонкой ткани, защемленной дверкой. Ихъ всегда находили язычкомъ вверхъ.

Желѣзныя пряжки общераспространенной формы попадались изрѣдка, на туловищѣ, въ частности—на груди скелета.

Табл. II рис. 1, 2, 3, 6, 12, 15. Табл. IV рис. 6 и 9. Табл. IX рис. 9. Бронзовые *браслеты* находились на запястьяхъ, обыкновенно на обѣихъ рукахъ, но иногда только на одной, чаще на правой. Браслеты спиральные попадались чаще, такъ что случалось находить ихъ по 3—4 на одномъ скелетѣ; браслеты круглые попадались также по 1—4 экземпляра въ одной могилѣ, а однажды ихъ найдено 11 штукъ при одномъ скелетѣ, 5 на одной и 6 на другой рукѣ.

Табл. II рис. 14. Бронзовыя спиральныя *кольца* попадались весьма часто, по одному, по два и по четыре при скелетѣ; въ одномъ случаѣ оказалось ихъ по 4 штуки на каждой рукѣ.

Табл. II рис. 4. Жгутообразныя серебряныя *кольца* встрѣтились только однажды.

Табл. II рис. 5, 11 и 13. Бронзовые *перстни* также принадлежали къ украшеніямъ рѣдкимъ.

Табл. VIII рис. 1—4 и 8. Бронзовыя *кольцеобразныя пряжки* составляютъ постоянную принадлежность женскихъ могилъ; ихъ находили обыкновенно по 1—4, иногда по 5—9, а въ исключительныхъ случаяхъ по 11, по 16 и даже по 20 штукъ при одномъ скелетѣ,

[1]) Въ извлеченіи изъ дневника раскопокъ погребеніе CLXIII, стр. 18.
[2]) Тамъ же, погребеніе CLXVIII стр. 18.

чаще—вдоль туловища, на животѣ и на груди, изрѣдка—близь боковъ скелета, иногда съ остатками ткани или шнура; въ одномъ случаѣ такія пряжки найдены были подъ круглой плоской пряжкой съ откидною дверкой. Повидимому, пряжки разсматриваемаго типа служили для застегиванія одежды, а отчасти и для украшенія ея; при помощи ихъ также прикрѣплялись къ костюму нѣкоторыя украшенія (табл. I рис. 9, 10, 13. Табл. VIII рис. 7).

Табл. VIII рис. 7. Только что указанное *украшеніе* съ пряжкой найдено въ трехъ экземплярахъ, вмѣстѣ съ остатками реберъ плохо сохранившагося скелета. Вѣроятно, они были пришпилены къ бокамъ или къ груди погребенной.

Костяная *пуговица* найдена одинъ разъ, на груди скелета.

Табл. IX рис. 12. Остатки тонкой *ткани* попадались на частяхъ скелета, соотвѣтствующихъ туловищу погребенныхъ. Попадалась также толстая, грубая ткань (табл. IX рис. 14 и 15), чаще всего сверхъ бронзовыхъ браслетовъ и вмѣстѣ съ пряжками, которые, подвергаясь въ землѣ окисленію, тѣмъ самымъ препятствовали ея разложенію; однажды явственно можно было замѣтить остатки рукава. Въ одномъ случаѣ сверхъ ткани замѣчены остатки *кожи*.

Предметы, окружавшіе скелетъ.

Рис. 7 и 8 въ текстѣ. Глиняные *горшки* — обыкновенная принадлежность женскихъ могилъ. Находимы были по одному, а нерѣдко и по два, чаще позади, рѣже по бокамъ

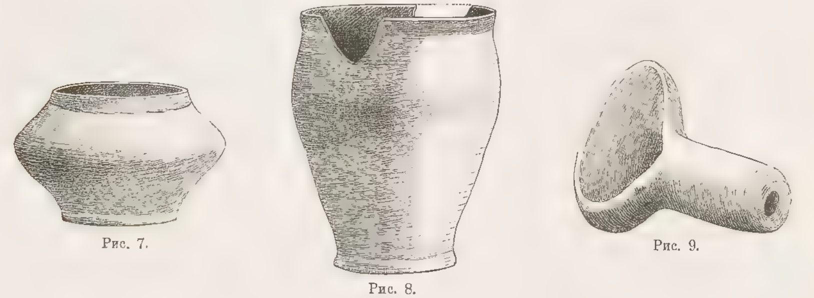

Рис. 7. Рис. 8. Рис. 9.

черепа и въ исключительныхъ случаяхъ у ногъ скелета; внутри одного изъ нихъ найденъ комокъ заржавѣвшаго желѣза, а внутри другого желѣзная круглая бляха.

Рис. 9 въ текстѣ. Глиняныя *ложки* или ковши встрѣчались рѣдко, близь горшковъ; около одной изъ нихъ найдена деревянная, обложенная тонкимъ серебрянымъ листомъ, палочка съ шарикомъ на концѣ, въ родѣ ручекъ у современныхъ деревянныхъ ложекъ.

Кусокъ толстаго *стекла* зеленаго цвѣта, кажется, фрагментъ кружки или чашки, найденъ въ могилѣ съ истлѣвшими костями; въ немъ оказалось небольшое просверленное отверстіе, которое было залѣплено насквозь окисью желѣза. Трудно сказать, какъ и зачѣмъ попалъ въ могилу этотъ черепокъ.

Желѣзные *ножи* встрѣчались нерѣдко, то у самыхъ бедръ, то пониже ихъ, то близь головы. Въ одномъ случаѣ близь остатковъ перержавѣвшаго и раскрошившагося ножа найдена часть костяной ручки къ нему съ узорами (табл. IX рис. 11). Судя по обычному положенію ихъ, ножи привѣшивались къ поясу.

Рис. 10 въ текстѣ. Бронзовый *ключъ* найденъ при истлѣвшемъ скелетѣ.

Табл. X рис. 10 и 17. Желѣзные *топоры* съ вертикальнымъ гнѣздомъ (кирки) и желѣзные кельты (табл. X рис. 19) съ остатками деревянныхъ ручекъ находимы были близь головы, близь рукъ и близь ногъ.

Желѣзные *молотки* (табл. X рис. 7, 15 и 16) и *топоры* съ поперечнымъ гнѣздомъ (табл. X рис. 3 и 12) находимы были рѣдко, близь головы или сбоку скелета.

Куски необожженой *бѣлой глины*, иногда съ гладкой поверхностью, и плитки и куски неправильной формы *олова* находимы были изрѣдка позади головы, иногда совмѣстно. Кромѣ того, одинъ разъ найденъ близь бедра скелета толстый *прутъ мѣди*, согнутый въ видѣ крючка. Можно допустить, что эти предметы положены въ могилы какъ указаніе ремесленныхъ занятій погребенныхъ.

Табл. X рис. 27. Желѣзныя *долота* съ остатками деревянныхъ ручекъ, или вѣрнѣе— пѣшни, найдены два раза, одинъ разъ близь головы, другой разъ при истлѣвшемъ скелетѣ.

Табл. X рис. 5, 29, 30, 31, 32. Желѣзные наконечники *копій* съ остатками древковъ попадались рѣдко, всегда близь головы, въ могилахъ, въ которыхъ не оказывалось горшковъ.

Желѣзный наконечникъ *стрѣлы* найденъ одинъ разъ близь черепа, въ могилѣ, не заключавшей другихъ костей.

Куски *кремня* неправильной формы, очевидно, служившіе для высѣканія огня, попадались рѣдко, одинъ разъ близь праваго бедра; вѣроятно, ихъ клали въ карманъ, или въ мѣшочекъ, привѣшивавшійся къ поясу.

Рис. 10.

Мелкія рѣчныя *раковины*, разсыпавшіяся въ могилѣ, найдены два раза въ видѣ небольшихъ кучекъ: одинъ разъ близь головы, другой разъ близь ногъ.

Наконецъ, при разрушившихся скелетахъ, по одному разу найдено желѣзное *шило* и *оселокъ*.

Мужскія могилы.

Предметы украшенія и остатки костюма.

Табл. III рис. 14, 18, 24. Табл. VI. Табл. VII рис. 20 и 24. Табл. VIII рис. 1_a, 1_b, 9, 10, 12 и 13. Табл. IX рис. 1, 3 и 5. *Ремни*, украшенные бронзовыми, а иногда серебряными узорчатыми *бляшками*, съ кольцами и безъ нихъ, постоянно находились въ мужскихъ могилахъ, всегда на тазовыхъ костяхъ, обыкновенно опоясывая ихъ нѣсколько разъ, и застегивались посредствомъ *пряжекъ*. (Табл. II рис. 10. Табл. III рис. 6, 10—13. Табл. VI рис. 18. Табл. VII рис. 3. Табл. VIII рис. 11. Табл. IX рис. 13); изрѣдка ихъ находили завязанными узломъ. Способъ прикрѣпленія бляшекъ къ ремню виденъ на рис. 11 въ текстѣ, гдѣ представлена одна такая бляшка сызнанки. Ремни, снабженные кольцами, находимы были кольцами внизъ; однажды оказался продернутымъ сквозь кольца узкій ремешокъ, концы котораго привязаны были къ особаго рода бронзовымъ петлямъ (рис. 12 и 13 въ текстѣ) и который служилъ для привязыванія какихъ либо предметовъ: мѣшочка, ножа, дичи и т. п.; такой же надобности, конечно, отвѣчали въ другихъ случаяхъ и кольца сами по себѣ. Встрѣчались ремни, скрѣпленные посредствомъ бронзовыхъ колецъ съ тремя спицами и расходящіеся отъ нихъ въ видѣ лучей (рис. 14 въ текстѣ, Табл. VI рис. 14).

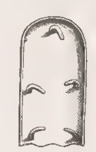

Рис. 11.

Остатки звѣриной *шкуры* съ прямой шерстью попадались или подъ скелетомъ, въ видѣ подстилки, или кругомъ тазовыхъ костей, охваченные ременнымъ поясомъ; обыкновенно куски шкуры оказывались сшитыми изъ отдѣльныхъ полосъ, вершка въ $1^1/_2$ ширины.

Остатки *войлока* встрѣчались чаще подъ бедрами; въ могилахъ съ войлокомъ не оказывалось шкуры.

Бронзовыя *пуговицы* (ср. украшеніе на табл. III рис. 29) попадались два раза: одинъ разъ съ остаткомъ кожи, къ которой пуговица была пришита, близь правой ноги, другой разъ, въ количествѣ 7 штукъ, въ могилѣ плохой сохранности.

Однажды найдена костяная *пуговица*, между ногами скелета.

Бронзовыя кольцеобразныя *пряжки* извѣстнаго уже намъ типа (табл. VIII рис. 1—4 и 8) попадались рѣже и въ меньшемъ числѣ, чѣмъ въ женскихъ могилахъ, на груди и у лѣваго бока.

Табл. VII рис. 26. Костяная *застежка* найдена близь тазовыхъ костей.

Желѣзныя *пряжки* встрѣчались столь же рѣдко, какъ и въ женскихъ могилахъ; вѣроятно, остатками пряжекъ слѣдуетъ считать изрѣдка встрѣчавшіяся перержавѣвшія желѣзныя *кольца*, (однажды у ногъ скелета).

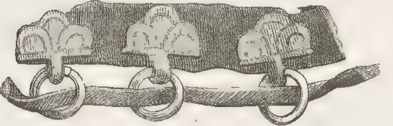

Рис. 12.

Серебряныя и бронзовыя *колечки* находимы были изрѣдка на верхней части скелета, близь черепа и у ногъ.

Бронзовыя звѣздообразныя *привѣски* уже знакомаго намъ типа (табл. VII рис. 14 и 22) и другія, пирамидальной формы съ ушкомъ (табл. IX рис. 4), найдены были однажды.

Кусочки спирально согнутой мѣдной *проволоки* изрѣдка находимы были на груди и у затылка.

Бронзовые *браслеты* обоихъ указанныхъ выше типовъ встрѣчались на запястьяхъ, но значительно рѣже, чѣмъ въ женскихъ могилахъ.

Бронзовыя *шейныя кольца* и *гривны* попадались въ видѣ единичныхъ экземпляровъ.

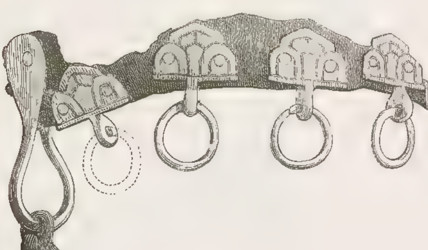

Рис. 13.

Бронзовое спиральное *кольцо* найдено всего въ одномъ экземплярѣ.

Табл. IV рис. 11. Бронзовыя *украшенія* въ видѣ двухъ вазочекъ, сложенныхъ отверстіями, найдены въ двухъ экземплярахъ, оба раза при условіяхъ неопредѣленныхъ, вслѣдствіе плохой сохранности костей.

Табл. III рис. 21. *Украшеніе* изъ худого качества бронзы, грубой работы, въ одномъ, плохо сохранившемся, экземплярѣ, въ положеніи неопредѣленномъ.

Предметы, окружавшіе скелетъ.

Рис. 15 и 16 въ текстѣ. Желѣзные *ножи* въ мужскихъ могилахъ встрѣчались по-

стоянно, обыкновенно пониже лѣваго бедра, изрѣдка у самаго бедра, у лѣваго бока и близъ головы; одинъ разъ длинный ножъ найденъ съ остатками деревянныхъ ножонъ.

Желѣзные *ключи* найдены были два раза, оба раза у правой ноги, пониже бедра.

Часто попадались куски *кремня* въ необдѣланномъ видѣ, по сторонамъ бедръ и ниже.

Табл. X рис. 18, 20—25. Желѣзные наконечники *стрѣлъ* попадались часто по нѣскольку штукъ, иногда по 14—15 заразъ, чаще у лѣваго бедра, рѣже у правой ноги.

Судя по положенію ножей, ключей, кремней и наконечниковъ стрѣлъ, ихъ привѣшивали къ поясу, причемъ для храненія кремня и стрѣлъ служили, вѣроятно, мѣшочки.

Оселки найдены были дважды, близъ ногъ.

Табл. X рис. 5, 11, 29—33. Желѣзные наконечники *копій* и *дротиковъ* съ остатками древковъ попадались часто, обыкновенно направо отъ черепа, у праваго плеча, въ исключительныхъ случаяхъ у ногъ.

Табл. X рис. 27. Желѣзныя *пѣшни* въ видѣ большаго долота, съ остатками деревянной рукоятки попадались чаще, нежели въ женскихъ могилахъ, именно у праваго бока или у ногъ.

Табл. X рис. 9. Желѣзная *пѣшня* остроконечная найдена налѣво отъ черепа.

Табл. X рис. 3 и 12. Желѣзные *топоры* встрѣчались часто, то направо отъ головы и у праваго бока, то у ногъ.

Табл. X рис. 10 и 17. *Топоры* съ продольнымъ гнѣздомъ для рукояти встрѣчались чаще, чѣмъ въ женскихъ могилахъ,—съ правой стороны головы, у праваго плеча и у правой руки, рѣже у ногъ скелета; однажды такой топоръ найденъ около лошадинаго скелета.

Табл. X рис. 7, 15 и 16. Желѣзные *молотки* находимы были тоже чаще, нежели въ женскихъ могилахъ, въ разныхъ мѣстахъ могилъ.

Желѣзная *сабля* (рис. 21 въ текстѣ) найдена въ могилѣ съ неяснымъ положеніемъ костей, сохранившихся лишь въ видѣ мелкихъ кусковъ.

Табл. X рис. 6. Желѣзныя *удила* (фрагментъ) найдены у правой ноги скелета мужчины, погребеннаго съ лошадью. Еще разъ удила найдены на глубинѣ 3-хъ вершковъ отъ поверхности почвы, надъ головой скелета, погребеннаго на глубинѣ 1 аршина.

Бронзовыя *ведра* (лучшій экземпляръ на рис. 17 въ текстѣ, стр. 14) находимы были о бокъ съ черепомъ; подъ однимъ изъ ведеръ замѣчены остатки лубка.

Деревянные *сосуды*, плохо сохранившіеся, находимы были внутри упомянутыхъ ведеръ; одинъ, болѣе другихъ уцѣлѣвшій, экземпляръ представлялъ собою *ковшъ* поперечно-овальной формы, съ плоскою ручкою, остальные также были плоской формы. Кромѣ того, найдена деревянная *ложечка* овальной формы, тоже плохо сохранившаяся.

Табл. II рис. 9. Семь штукъ серебряныхъ *монетъ*, подражаній арабскимъ диргемамъ; найдены всѣ вмѣстѣ, у кисти лѣвой руки скелета (у лѣваго бедра). На каждой изъ нихъ оказалось по парѣ дырочекъ, что показывало, что сначала онѣ были приспособлены для ношенія на ожерельѣ; въ данномъ случаѣ, однако, онѣ положены въ могилу, повидимому, въ качествѣ монеты, а не украшенія.

Рѣчныя *раковины* мелкія, разложившіяся найдены одинъ разъ въ ногахъ скелета.

Дѣтскія могилы.

Относительная численность вещей, равно какъ и количество ихъ типовъ въ дѣтскихъ могилахъ меньше, и они почти всѣ повторяли извѣстные по другимъ могиламъ типы, но при этомъ предметы часто отличались меньшими размѣрами.

Изъ особенностей дѣтскихъ могилъ можно отмѣтить положеніе горшковъ не въ головахъ, какъ во всѣхъ почти остальныхъ могилахъ, а въ ногахъ скелета; впрочемъ, это наблюдалось всего два раза.

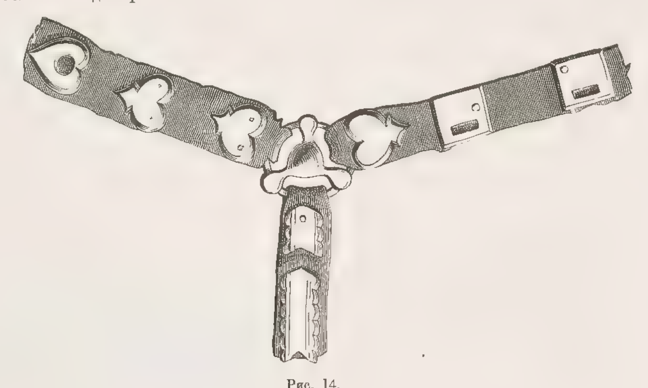

Рис. 14.

Чаще, чѣмъ въ другихъ могилахъ, попадались просверленные *медвѣжьи зубы*.

Въ большомъ числѣ встрѣчались *браслеты*, кольцеобразныя *пряжки* и куски спирально согнутой мѣдной *проволоки* съ привѣсками, попадалось и украшеніе въ видѣ *пряди* изъ спирально согнутыхъ проволокъ.

Рѣже были находимы *ажурныя* четыреугольныя *украшенія* съ привѣсками, попадавшіяся на груди женскихъ скелетовъ. Изрѣдка попадались *бусы*, одинъ разъ найдено нѣсколько штукъ *раковинъ* cypraea moneta. Находимы были бронзовыя *трубочки* съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ; на одной изъ нихъ привѣски имѣли видъ бутылочекъ (рис. 18 въ текстѣ). Попадались привѣски изъ *медвѣжьяго когтя* въ видѣ птички, *серьги*, *кольца*. На груди одного скелета найдены четыре бронзовыя круглыя, плоскія *бляхи* съ петлями; на бокахъ другаго—два украшенія въ видѣ продолговатыхъ *пластинокъ* съ цилиндрическими

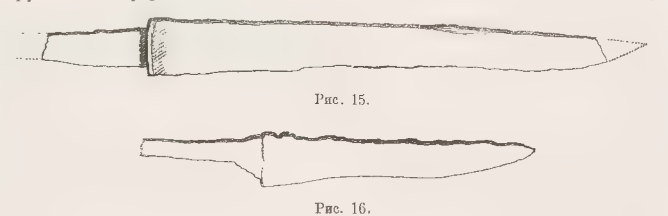

Рис. 15.

Рис. 16.

привѣсками, встрѣчавшіяся и въ могилахъ взрослыхъ женщинъ. Рѣдко попадались остатки *шкуры* и *кожи*. Однажды найдено своеобразное украшеніе, похожее на *уборъ косы* и состоявшее изъ палочки, обкрученной ремнемъ съ металлическимъ наборомъ, но безъ всякихъ слѣдовъ волосъ; повидимому, оно замѣняло собою отсутствующую косу. Одинъ разъ найдена продолговатая *застежка* (табл. VII рис. 17). По одному же разу найдены: бронзовое *шей-*

ное кольцо, бронзовая *пуговица*, ременный *поясъ*, *топоръ* съ продольнымъ гнѣздомъ и топоръ съ гнѣздомъ поперечнымъ, глиняная *пряслица*, кусокъ *кремня*, желѣзный наконечникъ *копья* и перержавѣвшій желѣзный предметъ, вродѣ *стрѣлы*.

Могилы съ остатками трупосожженія.

Прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію могилъ съ ясными чертами трупосожженія, скажемъ здѣсь о такихъ, которыя, по неясности условій погребенія, могутъ считаться неопредѣленными.

Всѣ онѣ отличаются весьма плохой сохранностью, хотя на костяхъ и не замѣчалось слѣдовъ огня. Положеніе костей въ нихъ обычное для могилъ съ простымъ погребеніемъ: къ Ю. головой, къ С. ногами, и только въ одномъ случаѣ обратно. Обыкновенно нѣкоторыхъ частей скелета не оказывалось вовсе, и на мѣстѣ недостававшихъ костей замѣчалось небольшое количество мелкихъ углей. Иногда подъ костями находились куски лубка, а въ одномъ случаѣ остатки скелета оказались накрытыми полосами лубка вдоль и поперекъ, и сверхъ лубка замѣченъ тонкій слой угля.

Но особенно любопытна найденная въ могильникѣ двойная могила. Отъ одного скелета, судя по вещамъ, мужскаго, уцѣлѣли остатки черепа и кости ногъ, лежавшіе въ обычномъ направленіи отъ Ю. къ С., черепомъ на вискѣ; лицомъ къ нему, т. е. на другомъ вискѣ, лежалъ другой черепъ, при которомъ найдена обычная въ женскихъ могилахъ серьга съ уцѣлѣвшимъ на ней кусочкомъ кожи; остальныхъ костей этого скелета не оказалось; въ головахъ обоихъ погребенныхъ замѣчены кусочки угля и жженыхъ костей, а земля въ этой могилѣ была особенно чернаго цвѣта.

Въ другой двойной могилѣ одинъ покойникъ погребенъ выше другаго, при чемъ ихъ раздѣлялъ слой песку въ четверть аршина толщины. Вверху найдены остатки мужского скелета головой къ Ю., внизу—женскаго въ обратномъ положеніи, такъ что черепъ послѣдняго приходился какъ разъ подъ концами ногъ верхняго. Замѣчательно, что у мужского скелета совершенно отсутствовали кости туловища, а отъ женскаго оставался одинъ черепъ, соотвѣтственно тому, какъ и въ вышеразсмотрѣнномъ случаѣ.

Можно указать еще такія могилы, гдѣ замѣчалась двойственность не въ условіяхъ погребенія, а въ комплектѣ найденныхъ въ нихъ вещей. Такъ, въ одномъ случаѣ у скелета недоставало костей туловища, какъ и у двухъ мужскихъ скелетовъ въ описанныхъ выше случаяхъ; подъ нижней частью скелета, особенно подъ бедрами, замѣчены слѣды углей; положеніе вещей было обычное; на костяхъ оказался мѣхъ и ременный поясъ, близь костей топоръ, ножъ, кремень и острога—предметы, свойственные мужскимъ могиламъ, въ промежуткѣ же между конечностями и черепомъ, т. е. тамъ, гдѣ не было костей, —бронзовыя трубочки съ привѣсками, бусина, коса и вѣнчикъ. Въ другомъ случаѣ найденъ только одинъ черепъ, какъ у двухъ женскихъ скелетовъ выше; лежалъ онъ теменемъ къ С., близь него замѣчены угли; въ могилѣ найдены и вещи женскаго убора, какъ-то: шейная гривна, вѣнчикъ на головѣ, спирально согнутая проволока съ бубенчиками, пряслица и подвѣски, а кромѣ того вещи, свойственныя мужскимъ могиламъ, а именно: три ножа, наконечникъ копья, пѣшня, топоръ и ремни. Наконецъ, въ третьей могилѣ, безъ слѣдовъ угля, также не доставало костей туловища; въ ней найдены изъ предметовъ мужскаго погребенія: ножъ, топоръ, наконечникъ копья и сабля (отъ праваго плеча къ бедру), а изъ женскихъ: двѣ бронзовыя пряжки, бусы и серьги особаго вида (табл. IX рис. 10).

Подобная же двойственность въ составѣ вещей замѣчалась и въ нѣкоторыхъ другихъ могилахъ плохой сохранности, причемъ наблюдалось также не разъ, что отъ женскихъ скелетовъ сохранился одинъ черепъ, а отъ мужскихъ, кромѣ того, и кости оконечностей.

Переходимъ теперь къ тѣмъ могиламъ, въ которыхъ *трупосожженіе* оставило болѣе осязательные слѣды. Изъ нихъ мы относимъ 10 къ женскимъ и 3 къ мужскимъ; одна изъ женскихъ—дѣтская; остальныя 3 не опредѣлены, за неясностью и неполнотою признаковъ. Могилы этого разряда можно раздѣлить на двѣ группы: могилы съ полнымъ трупосожженіемъ и могилы съ трупосожженіемъ неполнымъ.

Могилъ съ неполнымъ трупосожженіемъ мы насчитываемъ всего 4, и всѣ онѣ женскія. Въ трехъ изъ нихъ болѣе или менѣе сохранились черепа, на которыхъ не замѣчено было слѣдовъ огня; изъ череповъ два лежали теменемъ на Ю., на лѣвомъ вискѣ, а одинъ—на С., на правомъ вискѣ. Въ одномъ случаѣ остались не обгорѣлыми и нѣкоторыя изъ другихъ костей, какъ-то: кусокъ трубчатой, фаланги пальцевъ рукъ съ надѣтыми на нихъ кольцами, и части предплечія съ браслетами на нихъ. Остальныя кости, значительно перегорѣвшія, лежали въ первыхъ двухъ могилахъ къ С., въ послѣдней къ Ю. отъ черепа, слоемъ четверти въ 2—3 длины и ширины. При этомъ замѣчаемо было весьма малое количество угля и находимы были куски лубка, черепки глиняной посуды, равно какъ и цѣльные экземпляры горшковъ. Въ четвертой могилѣ, наоборотъ, черепъ найденъ обгорѣвшимъ, тогда какъ другія кости не носили на себѣ слѣдовъ огня, хотя, впрочемъ, найдены были въ состояніи весьма плохомъ; остатки черепа найдены въ южномъ концѣ могилы, остальныя кости къ С. отъ нихъ, при этомъ подъ верхней частью скелета земля оказалась особенно черною, какъ бы отъ примѣси сажи, между тѣмъ какъ подъ нижней частью найдены куски не сгорѣвшаго лубка, а сверхъ ея даже замѣчены остатки ткани.

Рис. 17.

Могилъ съ полнымъ трупосожженіемъ насчитывается 12, въ томъ числѣ 6 женскихъ, 3 мужскихъ и 3 не поддавшихся опредѣленію. Обстановка этихъ могилъ представляется въ слѣдующихъ чертахъ. Жженыя кости въ видѣ мелкихъ кусковъ, вмѣстѣ съ пепломъ, но безъ остатковъ угля и дерева, лежали слоемъ отъ $^1/_2$ до 1 вершка толщины и занимали пространство отъ 3 до 6 четвертей отъ С. къ Ю. и 2—$2^1/_2$ четв. отъ В. къ З. Вмѣстѣ съ ними иногда замѣчались черепки глиняной посуды, но лишь одинъ разъ ихъ нашли столько, что можно было сложить горшокъ средней величины; судя по черепкамъ, посуда не отличалась отъ горшковъ, попадавшихся въ могилахъ съ простымъ погребеніемъ, ни матеріаломъ, ни формой, ни техникой; цѣлыхъ экземпляровъ глиняной посуды въ могилахъ съ полнымъ трупосожженіемъ не попадалось. Вмѣстѣ съ костями, сверхъ ихъ, или немного въ сторонѣ отъ нихъ, находимы были разныя вещи, обыкновенно лежавшія безпорядочной кучей, но иногда и въ нѣкоторомъ порядкѣ; такъ, однажды, спиральныя кольца оказались надѣтыми на концы шейной гривны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сверхъ костей или подъ ними замѣ-

чались довольно большіе остатки ткани. Но вообще здѣсь не встрѣчалось такихъ предметовъ, какъ войлокъ, кожа, ткань, ремни, на металлическихъ же вещахъ никакихъ слѣдовъ порчи отъ дѣйствія огня не замѣчалось. Однажды найдены были жженыя кости совсѣмъ безъ вещей.

Въ заключеніе, укажемъ на два случая двойственности въ составѣ найденныхъ вещей, имѣвшіе мѣсто въ обоихъ видахъ могилъ съ трупосожженіемъ, подобно тому, какъ и въ могилахъ, названныхъ нами неопредѣленными.

Въ первомъ случаѣ, съ сохранившимся черепомъ найдены изъ женскихъ вещей: 2 глиняные горшка, спиральный браслетъ, 2 бронзовыя продолговатыя пластинки съ цилиндрическими привѣсками, вѣнчикъ, 2 пряжки, 2 серьги, изъ мужскихъ—желѣзный топоръ и сабля. Во второмъ случаѣ рядомъ съ перегорѣлыми костями найдены вещи женскія: 2 браслета, перстень, спиральное кольцо, четыреугольное ажурное украшеніе съ привѣсками, бронзовая трубочка съ привѣсками, 2 серьги, вѣнчикъ, украшеніе въ видѣ пряди спирально согнутыхъ проволокъ, и кромѣ нихъ мужскія: молотокъ, кусокъ кремня, ножъ, ключъ, 10 наконечниковъ стрѣлъ и сабля.

Принявъ во вниманіе чрезвычайно малое количество или даже полное отсутствіе угля и дерева въ могилахъ съ трупосожженіемъ вообще, а также незначительное количество жженыхъ костей въ могилахъ съ трупосожженіемъ полнымъ, признаемъ возможнымъ заключить, что тѣла покойниковъ сожигались внѣ могилы, послѣ чего остатки сожженія вмѣстѣ съ черепками посуды, которая ставилась на кострѣ, высыпались въ могилу и туда же клали вещи покойника, можетъ быть, завернутыя въ ткань или собранныя въ мѣшокъ. Наряду съ совершеннымъ сожженіемъ труповъ допускалось и неполное, и это обстоятельство намекаетъ на то, что обрядъ трупосожженія въ эпоху существованія могильника не былъ устойчивъ и самостоятеленъ. О томъ свидѣтельствуетъ еще и то обстоятельство, что въ обоихъ видахъ могилъ съ трупосожженіемъ останки покойниковъ полагались обыкновенно отъ С. къ Ю., т. е. такъ, какъ въ могилахъ съ простымъ погребеніемъ, и то, что въ могилахъ съ неполнымъ трупосожженіемъ вещи были находимы на своихъ обычныхъ мѣстахъ.

Что касается комплекта вещей, свойственныхъ могиламъ съ трупосожженіемъ обоихъ видовъ, то въ этомъ отношеніи не замѣчается разницы между ними, почему и перечислимъ ихъ всѣ вмѣстѣ.

Въ могилахъ этихъ находимы были слѣдующіе предметы, знакомые уже намъ по могиламъ съ простымъ погребеніемъ: круглыя плоскія *пряжки* съ дверкой, продолговатыя *пластинки* съ цилиндрическими привѣсками, кольцеобразныя *пряжки, браслеты, кольца, бусы, трубочки* съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, *шейныя кольца* и *гривны, застежки* и *пуговицы,* остатки ременныхъ *поясовъ* съ металлическими *бляхами* и *кольцами* на нихъ, спирально согнутая *проволока, бубенчики, привѣски* въ видѣ колокольчиковъ и пр., *серьги, вѣнчики, горшки, пряслицы, молотки, ножи, ключи, топоры, пѣшни,* наконечники *стрѣлъ* и *копій* и *сабли.*

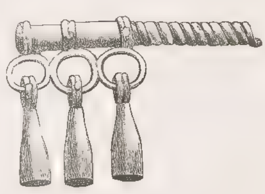

Рис. 18.

Слѣдующія вещи представляли собою особенность разсматриваемой группы могилъ:

Табл. III рис. 17. Ажурная бронзовая *привѣска* съ птичьими клювами на концахъ

Рис. 19 въ текстѣ изображаетъ ея изнанку; на немъ можно видѣть приспособленіе для продѣванія ремешка.

Табл. III рис. 16. Табл. VI рис. 11. Двѣнадцать серебряныхъ *бляшекъ* съ кольцами, служившія украшеніемъ ремня, съ узорами и изображеніями человѣческихъ фигуръ; найдены въ одной могилѣ съ предыдущимъ предметомъ [5]).

Табл. IX рис. 8. Бронзовый *перстень* съ гладкимъ щиткомъ для печати.

Табл. I рис. 6. Варіантъ круглой ажурной *пряжки* съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ.

Табл. X рис. 26. Желѣзная *острога* о двухъ концахъ съ втулкой для древка.

Могилы, которыя мы затруднились отнести къ мужскимъ или къ женскимъ, отличались всѣ бѣдностью содержанія. Можно, впрочемъ, указать нѣсколько несущественныхъ особенностей ихъ, а именно: однажды въ такой могилѣ найдены желѣзные *щипчики*, въ одномъ случаѣ наконечникъ *копья* найденъ поверхъ черепа, одинъ разъ *горшокъ* найденъ въ ногахъ.

Кромѣ могилъ съ болѣе или менѣе опредѣленными условіями погребенія, во время раскопки находимы были въ землѣ нѣкоторые предметы безъ опредѣленнаго порядка, то въ одиночку, то небольшими группами, совсѣмъ безъ костей. О такихъ *находкахъ* считаемъ нужнымъ сказать здѣсь особо.

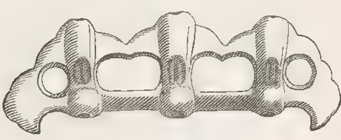

Рис. 19.

Два раза въ теченіе работы вещи выпали съ обваломъ земли, во всѣхъ другихъ случаяхъ онѣ попадались при самой раскопкѣ. Болѣе всего находокъ этого рода сдѣлано при началѣ работъ, пока снималась осыпь на границѣ съ желѣзно-дорожной выемкой, но бывали онѣ и при дальнѣйшемъ ходѣ работъ. Въ общемъ, глубина этихъ находокъ соотвѣтствовала глубинѣ могилъ, однако чаще, нежели послѣднія, имѣли они мѣсто на малой глубинѣ (полъаршина), бывали даже на глубинѣ 3 вершковъ, т. е. на такой, гдѣ могилъ вовсе не попадалось. Въ частности, всегда на малой глубинѣ ($^1|_4$—1 аршина) попадались *стремена*, *удила* (табл. X рис. 1, 2 и 6) и бронзовыя *бляхи* (табл. III рис. 22, 26, 30), при чемъ иногда глубже ихъ находилась могила; съ ними вмѣстѣ находили также желѣзныя *пряжки* (рис. 20 въ текстѣ), по всей вѣроятности также имѣвшія отношеніе къ убору коней, и бронзовыя *ведра*. Однажды удила найдены продѣтыми въ стремена; другой разъ обломокъ удилъ найденъ рядомъ съ кусками ремня, украшеннаго бронзовыми бляшками; наконецъ, однажды на глубинѣ $^1|_4$ аршина найдена желѣзная пѣшня. На такой же малой глубинѣ, какъ выше обозначенная, находили еще *горшки*, два раза вмѣстѣ съ небольшими *браслетами*, одинъ разъ съ звѣздообразной *привѣской;* одинъ разъ глубже горшка найдены остатки дѣтскаго скелета. Желѣзные предметы, по преимуществу тяжелые, какъ-то: *кирки*, *пѣшни* и наконечники *копій* чаще попадались на болѣе значительной глубинѣ, $1^1|_2$—2 аршинъ. Нерѣдко вещи находимы были въ попорченномъ видѣ, даже и такія прочныя, какъ топоры. Остальныя наблюденія надъ подобными находками отличались частнымъ характеромъ и не поддаются обобщенію. Изъ нѣсколькихъ найденныхъ ведеръ одно стояло вверхъ дномъ, съ кускомъ кремня наверху, остальныя дномъ внизъ; внутри ихъ найдены были топоры, а въ одномъ случаѣ четыреугольная *коробочка* изъ бересты; одно

[5]) См. въ извлеченіи изъ дневника раскопокъ погребеніе CXXIX, стр. 14.

изъ ведеръ стояло на кускѣ березовой коры; сверхъ одного изъ найденныхъ горшковъ лежалъ топоръ съ продольнымъ гнѣздомъ; разъ маленькій горшокъ найденъ внутри большого. Въ самомъ началѣ раскопокъ нашли разъ конскій зубъ, однажды подъ вещами наблюдались остатки лубка.

Сопоставивъ всѣ изложенныя наблюденія, мы пришли къ тому выводу, что разсмотрѣнныя находки есть не что иное, какъ остатки погребеній. Въ частности, можно полагать, что удила и стремена, равно какъ и горшки, иногда не сопровождали покойника въ могилу, а зарывались вверху ея или даже были оставляемы на ея поверхности. То же можетъ относиться и къ желѣзной пѣшнѣ, найденной на глубинѣ всего $^1/_4$ аршина: при помощи ея, можетъ быть, копали могилу, послѣ чего оставили на мѣстѣ, какъ это дѣлаютъ и нынѣ нѣкоторые инородцы съ орудіями, которыми выкопана могила [6]). Нѣкоторая, можетъ быть, и значительная часть горшковъ, найденныхъ въ верхнихъ частяхъ могильника, принадлежала дѣтскимъ могиламъ, что можно предполагать, за отсутствіемъ костей, съ одной стороны на томъ основаніи, что съ горшками вмѣстѣ два раза нашли дѣтскіе браслеты, съ другой стороны въ виду того, что дѣтскія могилы вообще, какъ мы видѣли, вырывались мельче другихъ, а кромѣ того скелеты дѣтей легче подвергались порчѣ и уничтоженію и ихъ вообще въ могильникѣ найдено чрезвычайно мало. Отсутствіе костей при находкахъ предметовъ, особенно въ сѣверномъ краѣ и въ верхней части могильника легко можетъ быть объяснено естественными причинами, а именно порчей, которую производила въ немъ проникшая въ почву вода; на это указываетъ, повидимому, то обстоятельство, что тяжелые предметы попадались не рѣдко внизу могильника; кромѣ того, въ нижнихъ же его частяхъ попадались иногда явственные слѣды навоза, служащаго здѣсь удобреніемъ почвы. Нѣкоторую долю такихъ *находокъ*, не рискуя особенно ошибиться, можно, кажется, отнести къ остаткамъ трупосожженія, которые, какъ указано выше, не всегда отличались опредѣленностью. Далѣе, безпорядокъ въ могильникѣ, нарушившій первоначальное положеніе вещей, безъ всякаго сомнѣнія, произведенъ отчасти при случайномъ открытіи могильника въ 1869 году рабочими и мѣстными жителями, искавшими въ немъ цѣнныхъ вещей. Наконецъ, порчу могли производить и звѣри [7]).

Инвентарь предметовъ, отнесенныхъ нами къ разряду отдѣльныхъ *находокъ*, въ общемъ сходенъ съ комплектомъ вещей, которыя найдены въ могилахъ при костякахъ. Мы можемъ назвать лишь небольшое число такихъ предметовъ, которые въ могилахъ не попадались. Вотъ они:

Табл. X рис. 4 и 14. Желѣзные *топоры* съ широкимъ лезвіемъ, двухъ типовъ и всего въ двухъ экземплярахъ.

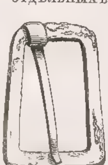

Рис. 20. Рис. 21.

[6]) См. Живая Старина 1891 г. III, стр. 78.

[7]) Нѣкоторые инородцы еще не такъ давно оставляли тѣла покойниковъ на съѣденіе звѣрямъ; иные дѣлаютъ это еще и нынѣ. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Имп. Казанск. Унив. Т. X, вып. 1. 1892 г., стр. 80 и 83.

Табл. X рис. 28. Варіантъ желѣзной *остроги.*

Двѣ небольшія глиняныя плоскія *чашки.*

Желѣзный *скобель* или скребокъ, служившій, вѣроятно, для очистки кожъ отъ мяса и жилъ.

Табл. X рис. 13. Желѣзный *колокольчикъ.*

Табл. II рис. 8. Бронзовый *браслетъ* съ колечками на концахъ.

Серебряная гладкая *оковка* какого-то истлѣвшаго деревяннаго предмета.

Табл. VII рис. 11. Шиферная *пряслица,* или, можетъ быть, буснна.

Табл. III рис. 22, 26 и 30. Бронзовыя *бляхи.*

Табл. VII рис. 19. Бронзовыя *украшенія* ремня съ привѣсками.

Табл. III рис. 8. Бронзовая *печать.*

Предметы древности, извлеченныя нами изъ Лядинскаго могильника, Археологическою Коммиссіей переданы частью въ Императорскій Эрмитажъ и въ Артиллерійскій Музей въ Петербургѣ, частью въ Императорскій Историческій Музей въ Москвѣ.

II.

Разсмотрѣвъ условія погребенія и обстоятельства, при которыхъ находимы были разнаго рода предметы древности въ могильникѣ, займемся обозрѣніемъ древностей со стороны формы и укажемъ болѣе или менѣе сходные типы въ древностяхъ другихъ мѣстностей Россіи и отчасти западной Европы. Такимъ сравнительнымъ путемъ мы придемъ къ опредѣленію мѣста, которое принадлежитъ лядинскимъ древностямъ среди другихъ, ставшихъ ранѣе ихъ извѣстными. Въ своихъ аналогіяхъ, насколько это окажется возможнымъ, мы воспользуемся также матеріаломъ этнографическимъ, т. е. формами, которыя до сихъ поръ бытуютъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Древности, найденныя при случайномъ открытіи могильника въ 1869 году, будутъ разсмотрѣны вмѣстѣ съ тѣми, которыя открыты нами.

Табл. XI рис. 7. Бронзовый *вѣнчикъ,* составленный, при помощи ремешковъ, изъ четыреугольныхъ пластинокъ съ загнутыми концами, украшенныхъ рядами точекъ по бокамъ, и изъ рядовъ плоскихъ трубочекъ, украшенныхъ поперечными насѣчками по концамъ; вѣнчикъ застегивался на затылкѣ пряжкой, но на изображенномъ экземплярѣ не достаетъ концовъ. Попадались серебряные вѣнчики. Похожая пластинка отъ вѣнчика изъ Муромскаго уѣзда изображена у Аспелина [8]). Лифляндскіе варіанты (изъ Ашерадена и др.) отличаются орнаментомъ въ видѣ четыреугольниковъ, концентрическихъ кружковъ и кружковъ съ точкою въ серединѣ [9]). Подобные вѣнчики находимы были также въ Динабургскомъ у. Витебской губ. [10]) и близъ дер. Дымово [11]). Въ указанныхъ трехъ варіантахъ трубочки вѣнчиковъ сдѣланы изъ спирально согнутой проволоки. Вѣнчики замѣчаются на каменныхъ бабахъ [12]). Они и въ настоящее время въ употребленіи у нѣкоторыхъ инородцевъ; такъ, у черемисъ, чувашъ, татаръ и башкиръ употре-

[8]) Les antiquités du Nord finno-ougrien, вып. III, p. 870.

[9]) Kruse, Necrolivonica, Tab. 18 fig. 3–5. Bähr, Die Gräbederd. Liven, Taf. V p 3. Aspelin, назв. сочин., вып. V p. 2147 и 2160.

[10]) Матеріалы по археологіи Россіи. Древности Сѣверо-западнаго края Россіи. Табл. V рис. 2 и 3.

[11]) Древности Моск. Археолог. Общ. XI, вып. 2. Таблица безъ номера.

[12]) Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ I Археол. Съѣзда. Табл. I рис. 5 и 8.

бляется т. н. *хопшу,* представляющая ременную головную повязку, унизанную монетами [13]; мордовки носятъ кумачные вышитые и бисерные налобники [14]; у латышекъ еще въ недавнее время былъ въ употребленіи т. н. *вайникъ,* который дѣлали изъ картона, обшивали матеріей и рядами бусъ, надѣвали на голову невѣсты при вѣнчаніи, а по преданію, въ немъ также и хоронили дѣвушекъ [15]. Орнаментація трубочекъ на лядинскихъ варіантахъ представляетъ собою подражаніе спирально согнутой проволокѣ, поэтому они должны быть признаны позднѣйшею формою подобныхъ украшеній; орнаментація же пластинокъ произошла, вѣроятно, изъ подражанія дорогимъ камнямъ болѣе богатыхъ экземпляровъ; какъ увидимъ ниже, подобный орнаментъ свойственъ и другимъ украшеніямъ могильника и его эпохѣ вообще.

Табл. IV рис. 13. *Коса,* намотанная на палочку и потомъ обвитая ремнемъ, который украшенъ плоскими мѣдными проволоками, перегнутыми поперекъ него. Подобное убранство косъ найдено въ могильникѣ близь с. Муранокъ Сенгилеевск. у. Симбирск. губ., заключавшемъ монеты XIV стол. [16]. У современныхъ черемисокъ и мордовокъ—мокшанокъ волосы также скручиваются вокругъ небольшой палочки для приспособленія особаго головнаго убора, вродѣ башлыка, называемаго *тюрикомъ* [17].

Табл. IV рис. 3. *Коса* съ украшеніемъ въ видѣ бронзоваго спиральнаго браслета. Въ могильникѣ близъ с. Рыбкина, Краснослободскаго у., Пензенской губ. находили косы, навитыя на деревянную палку и сверху обмотанныя мѣдною проволокою [18]. Въ древнихъ могилахъ Курляндской губ. находили косы, убранныя спиральными браслетами [19].

Табл. IV рис. 10. *Украшеніе,* набранное изъ бронзовыхъ колечекъ, сдѣланныхъ изъ согнутой и завязанной узломъ проволоки, изъ крупныхъ бусинъ и раковинъ cypraea moneta, при помощи ремешковъ, обвитыхъ бронзовой проволокой. Похожія украшенія (но безъ бусинъ) найдены въ древнихъ могилахъ Финляндіи и острова Эзеля [20]; эзельскіе варіанты прикрѣплены были къ бокамъ головного убора.

Табл. IV рис. 5. Табл. VII рис. 27 и табл. IX рис. 2. *Украшеніе* въ видѣ пряди проволокъ, обвивающихъ ремешки, съ четырегранными бронзовыми привѣсками, которыя прикрѣплены къ концамъ ихъ при помощи отверстій вверху. Отдаленное сходство съ нимъ можно видѣть въ привѣскахъ на діадемѣ изъ Артюховскаго кургана [21]. Современныя мордовки привѣшиваютъ къ назатыльнику цѣпочки съ тенками (монетами), бусами и раковинами на концахъ, а къ вѣнку, надъ ушами прикрѣпляютъ такъ-называемыя *секини,* т. е. длинныя кисти изъ мишурныхъ нитокъ, убранныя тенками и стеклярусомъ [22]. Въ нарядѣ русскихъ женщинъ Рязанской, Тульской и Тамбовской губерній замѣчаются также пасмы изъ бисера на вискахъ и на затылкѣ [23]. Въ уборѣ сартянокъ съ головнаго убора свѣ-

[13]) Смирновъ, Черемисы, стр. 95.

[14]) Дашковскій Этногр. Музей въ Москвѣ, манекены 13 и 14. Систематич. опис. Дашк. Музея, вып. I, стр. 30.

[15]) Матеріалы по археологіи Россіи. Древности Сѣверо-западнаго края, стр. 57.

[16]) Выставка VIII Арх. Съѣзда. На съѣздѣ читалъ рефератъ о могильникѣ В. Н. Поливановъ.

[17]) Смирновъ, Черемисы, стр. 94 и 95.

[18]) Н. Смирновъ, Мордовское населеніе Пензенской губ. (Пенз. Епарх. Вѣд. 1874 г., № 5, стр. 164).

[19]) Aspelin, Les antiquies etc., вып. V, p. 2179.

[20]) Aspelin, вып. IV, p. 1678 и V, p. 1964.

[21]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. I, рис. 71.

[22]) Дашковскій Этн. Музей, манекенъ 13. Системат. опис. Дашк. муз. I, 32—33, примѣч. 1.

[23]) Дашков. Музей, манекены 134, 135, 140, 141 и 146.

шиваются по вискамъ снурки съ кистями и бусинами на концахъ [24]). Привѣски нашего украшенія, судя по ихъ формѣ и по аналогіи съ указанными современными украшеніями, могли служить или подражаніями кистей, или украшеніями для нихъ.

Табл. VII рис. 12. Табл. IX рис. 10. Бронзовыя *серьги*, состоящія изъ овальнаго колечка, съ шишечкой наверху и съ неподвижно прикрѣпленнымъ внизу стержнемъ, который украшенъ шариками на концахъ или по всему протяженію. Попадались серебряные экземпляры. Серьги схожей формы находили въ Минусинскомъ краѣ [25]), съ подвѣской вмѣсто стержня, и на Кавказѣ: въ Кобанскомъ могильникѣ (съ 3 шариками вдоль стержня) [26]), въ могильникѣ близъ святилища Мохде (Чечня) — со стержнемъ, обвитымъ проволокой и съ дутымъ шарикомъ на концѣ [27]), въ древней могилѣ на хуторѣ Карпенки близъ Натухайской станицы [28]); любопытна серебряная серьга, найденная близъ ст. Раевской [29]) съ шарикомъ, подвѣшеннымъ къ кольцу при помощи ушка. Среди пермскихъ древностей извѣстенъ фрагментъ роскошной серьги, украшенной внизу гроздьемъ винограда [30]). У серебряныхъ серегъ изъ с. Болгаръ стержень обвитъ проволокой [31]). Сходныя съ лядинскими серьгами найдены въ могильникѣ близъ Моршанска, Тамбовской губ. [32]) и въ Рязанской губ. [33]); послѣдняя надѣта на особое, довольно большое кольцо, посредствомъ котораго вдѣвалась въ ухо, или, быть можетъ, прикрѣплялась къ головному убору. Любопытна также серебряная серьга, найденная вмѣстѣ съ монетами Ивана IV и Бориса Годунова близъ дер. Мазловой, Корчевскаго уѣзда, Тверской губ. [34]), со стержнемъ, обвитымъ вверху проволокой и съ бусиной на концѣ его, и сходная серьга огнепоклонника Намджоги [35]). Наконецъ, въ Бѣлоруссіи находили серьги съ надѣтыми на концѣ стержня бусинами (близъ Родзьки, Городокскаго у.) [36]). Изъ сравнительнаго разсмотрѣнія разновидностей серегъ разсматриваемаго типа мы приходимъ къ тому заключенію, что стержень съ шариками, на лядинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ экземплярахъ неподвижный, первоначально имѣлъ значеніе качающейся привѣски, прикрѣпленной къ кольцу серьги при помощи ушка, или спирально согнутой проволоки, воспоминаніемъ о которой остается способъ украшенія стержней серегъ въ варіантахъ изъ Мохде, изъ Болгаръ и изъ дер. Мазловой. Въ большинствѣ варіантовъ изъ другихъ мѣстностей не достаетъ шишечки на кольцѣ серьги. Въ лядинскихъ экземплярахъ она служила, вѣроятно, украшеніемъ, а можетъ быть, и для того, чтобы удерживать серьгу въ вертикальномъ положеніи.

Табл. V рис. 3 и 5. Бронзовыя *серьги*, состоящія изъ стержня, обмотаннаго проволокой, съ верхнимъ тонкимъ концомъ, согнутымъ спиралью подъ прямымъ угломъ и съ расширен-

[24]) Симаковъ, Искусство Средней Азіи, таб. 11, а.

[25]) Изв. Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. VIII, табл. Б., рис. 4. *Клеменцъ*, Древн. Минус. Муз. Табл. X, рис. 12.

[26]) Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова, II, рис. 382.

[27]) Матеріалы по археол. Кавказа, I, табл. III, р. 5.

[28]) Тамъ же, II, фототипія XIII, рис. 18.

[29]) Тамъ же, фототипія XV, р. 14.

[30]) Aspelin, вып. II, рис. 678.

[31]) Труды 2 Арх. Съѣзда, стр. 25. Рисунки къ Трудамъ. 2 Арх. Съѣзда. Табл. V, рис. 1, 7 и 8.

[32]) Историческій Музей въ Москвѣ.

[33]) Aspelin, вып. III, рис. 922.

[34]) Древности Москов. Арх. Общ. XI, вып. I, стр. 41, № 650.

[35]) Тамъ же, стр. 41—42, № 651.

[36]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, рис. 45.

нымъ, многогранной формы нижнимъ концомъ. Попадались и серебряные экземпляры, встрѣчались экземпляры короче представленныхъ на рисункахъ. Разсматриваемый предметъ представляетъ нѣкоторую аналогію съ серьгами предыдущаго типа, но сходныхъ съ нимъ украшеній мы не знаемъ нигдѣ. Шероховатая поверхность его не была приспособлена къ втыканію въ волосы, поэтому не можемъ признать его шпилькой; вѣроятнѣе, что это украшеніе прикрѣплялось верхнимъ спиральнымъ концомъ къ головному убору или къ уху посредствомъ ремешка; нижній конецъ украшенія формой своей походитъ на привѣску, а способъ украшенія стержня можетъ свидѣтельствовать о томъ, что оно служитъ условною замѣною спирально согнутой проволоки, на концѣ которой привѣска свободно раскачивалась.

Табл. IV рис. 2 и 12. Бронзовыя *шейныя гривны* въ видѣ серпа съ отверстіемъ на одномъ концѣ и съ крючкомъ на другомъ (изображенные на таблицѣ экземпляры съ дефектами) и съ полукруглой бронзовой же или (рис. 2) серебряной пластинкой, которая приклепана къ серединѣ серпа и украшена рядами точекъ, городковъ и шишечекъ; къ нижней части гривенъ придѣланы, посредствомъ колечекъ изъ согнутой проволоки, цилиндрическія привѣски, съ насѣчками на нижнемъ концѣ, а иногда и посерединѣ. Экземпляръ, изображенный на рис. 2, былъ починенъ: правый конецъ накладки, вмѣсто выскочившей заклепки, довольно неаккуратно прикрѣпленъ при помощи проволоки. Подобныя гривны находили ранѣе въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губ. и близь Моршанска Тамбовской губ. [37]). Болѣе отдаленные варіанты встрѣчались въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Бѣлоруссіи, а именно въ губерніяхъ Курляндской (съ монетами X—XI ст.) [38]), Лифляндской [39]) и Витебской [40]); съ тѣмъ отличіемъ, что у нихъ концы сводились не назади, а спереди, при чемъ не застегивались, а заходили одинъ за другой; привѣски часто имѣютъ болѣе условную форму треугольниковъ и продолговатыхъ четыреугольниковъ, а иногда бубенчиковъ. Современныя якутки носятъ на груди широкіе металлическіе обручи съ металлическими же привѣсками [41]). Орнаментація нашихъ гривенъ схематически воспроизводитъ ажурныя украшенія на подобіе филиграни, знакомыя намъ по другимъ предметамъ могильника; употребленіе орнаментированныхъ такимъ образомъ накладокъ, которыя иногда отличаются отъ основы металломъ, также будетъ понятнѣе, если предположить, что на болѣе раннихъ экземплярахъ основа просвѣчивала сквозь отверстія накладки, какъ на извѣстныхъ скорлупообразныхъ фибулахъ скандинавскаго типа. Это первоначальное значеніе накладки совершенно утрачено уже въ западно-русскихъ варіантахъ, которые уступаютъ нашимъ и въ прочности, и въ красотѣ. Привѣски лядинскихъ варіантовъ своей формой и орнаментаціей довольно явственно воспроизводятъ кисти и въ этомъ отношеніи имѣютъ преимущество передъ западно-русскими привѣсками.

Табл. XI рис. 4. Бронзовая *шейная гривна* съ сильно расширенной передней частью, съ рубчикомъ и насѣченными городками на послѣдней. Концы отломаны. Изрѣдка попадались экземпляры серебряные. Очень грубый варіантъ съ концами, заходящими одинъ за другой спереди, найденъ въ Динабургскомъ у. Витебской губ. [42]). Шейныя гривны замѣ-

---

37) Историческій Музей въ Москвѣ.

38) Aspelin, вып. V рис. 2062 и 2109.

39) Тамъ же, рис. 2147 и Kruse, Necrolivonica, Tab. 4 fig. N и Tab. 27 fig. 8.

40) Матер. по археологіи Россіи. Древн. Сѣверо-зад. края Т. I. Вып. I. Табл. IV рис. 10, Табл. VIII рис. 2. Сементовскій, Бѣлорус. Древн., рис. 39.

41) Манекенъ 52 Дашков. Этногр. Музея. Систем. опис. музея, I, стр. 122.

42) Древности Сѣверо-западнаго края. Таб. V рис. 5.

чаются на нѣкоторыхъ изъ каменныхъ бабъ [43]). Можно замѣтить еще отдаленное сходство съ нашей гривной въ роскошномъ ажурномъ ожерельѣ изъ кургана „Большая Близница" [44]). Въ разсматриваемомъ вариантѣ имѣемъ болѣе простую и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе условную разновидность только что разсмотрѣннаго типа украшеній.

Табл. XI рис. 2. Бронзовое *шейное кольцо*, одинъ конецъ котораго согнутъ въ видѣ широкой волнообразной петли, а другой представляетъ собою застежку въ видѣ перстня; къ обоимъ концамъ ободъ кольца обвитъ проволокой, что отвѣчало требованіямъ и прочности, и красоты. Шейныя кольца съ застежками описанной формы встрѣчались въ Пермскомъ краѣ [45]), въ Муромскомъ у. Владимірской губ. [46]), въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанской г.) [47]), въ губерніяхъ Могилевской [48]) и Витебской [49]).

Табл. XI рис. 5. Бронзовое *шейное кольцо*, концы котораго загнуты въ видѣ продолговатой петли и крючка и потомъ обмотаны въ нѣсколько оборотовъ вокругъ ободка кольца. Съ такими застежками шейныя кольца найдены въ Курманскомъ могильникѣ [50]) и въ Динабургскомъ у. Витебской губ. [51]).

Таб. XI рис. 3. Бронзовое *шейное кольцо* дѣтское, посерединѣ обвитое проволокой, съ плоскими концами, съ отверстіемъ на одномъ и съ крючкомъ на другомъ. Шейныя кольца, по серединѣ обвитыя проволокой, найдены въ Ананьинскомъ могильникѣ (Елабужскаго у. Вятской губ. [52]) и въ Лифляндской губ. [53]), въ послѣдней, среди древностей, относимыхъ по монетамъ къ X—XI стол.

Табл. XI рис. 1 и 6. Бронзовыя *шейныя кольца*, украшенныя по всей длинѣ ободка или только по концамъ его насѣчкой, въ подражаніе обкрученной проволокѣ; одинъ конецъ загнутъ въ видѣ петли, а другой представляетъ многогранную застежку вродѣ запонки. Похожихъ серебряныхъ шейныхъ колецъ много найдено въ Вятской губерніи [54]), бронзовыя находили въ Муромскомъ у. Владимірской г. [55]) и среди мерянскихъ древностей [56]).

Что касается вообще шейныхъ колецъ, то ихъ находили и въ курганахъ южной Россіи классической эпохи.

Табл. I рис. 1, 3 и 4. Литыя бронзовыя *украшенія*, сдѣланныя на подобіе филиграни; широкій четыреугольный корпусъ ихъ состоитъ изъ чередующихся рядовъ городковъ (верхній рядъ съ шишечками на верхушкахъ) и жгутиковъ или попарно расположенныхъ шариковъ и обрамленъ по краямъ жгутообразными схематическими лошадиными шейками съ обращенными въ разныя стороны головками, къ вершинѣ которыхъ припаяно по три пирамидально расположенныхъ шарика; по нижнему краю корпуса идетъ рядъ неподвижныхъ

---

[43]) Собр. картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ 1 Археол. Съѣз. Таб. I рис. 12 и таб. II рис. 7.
[44]) Гр. Толстой и Кондаковъ. Русскія Древности, вып. I, рис. 81.
[45]) Aspelin, вып. II рис. 670 и 674.
[46]) Коллекція Историческаго Музея въ Москвѣ.
[47]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, Таб. V.
[48]) Сементовскій, Бѣлорус. Древн. рис. 47.
[49]) Древности Сѣверо-зап. края. Табл. VIII рис. 1 и 3.
[50]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV Таб. XI и XII.
[51]) Древности Сѣв.-зап. края. Таб. VIII рис. 10 и 11.
[52]) Aspelin, вып. II рис. 443 и 446.
[53]) Тамъ-же, вып, V, рис. 2028 и 2029.
[54]) Образцы въ Эрмитажѣ и Историческомъ музеѣ.
[55]) Aspelin, вып. III, рис. 866.
[56]) Собр. картъ, плановъ и рисунк. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXXI рис. 67.

колецъ, въ которыя продѣты цѣпочки изъ двухъ, а на одномъ экземплярѣ (находка 1869 г.) изъ 5 колѣнъ съ кольцеобразными концами и стержнемъ, обвитымъ проволокой; къ концамъ цѣпочекъ привѣшены украшенія въ видѣ гусиныхъ и утиныхъ лапокъ. Въ 1869 г. найденъ варіантъ, отличающійся привѣсками въ видѣ круглыхъ бубенчиковъ и отсутствіемъ конскихъ головокъ. Широкое распространеніе въ орнаментикѣ изображеній лошадей графъ А. С. Уваровъ ставилъ въ связь съ древними религіозными вѣрованіями, считая такія изображенія наузами [57]). Прототипъ столь распространеннаго въ Россіи, особенно въ орнаментикѣ на деревѣ, мотива—конькомъ ищутъ въ капителяхъ колоннъ Персеполя. Въ металлическихъ издѣліяхъ онъ является на русской почвѣ еще въ скиѳскихъ древностяхъ. На серебряномъ конскомъ нащечникѣ изъ Краснокутскаго кургана конскія головки представлены съ значительнымъ реализмомъ, причемъ грива и челка переданы поперечными нарѣзками [58]). Также въ реальномъ пошибѣ исполнено бронзовое выпуклое украшеніе изъ Камунты (V—IX ст.) [59]), но оно уже болѣе приближается къ нашимъ по общему рисунку. Варіанты изъ пермскаго края [60]), изъ Болгаръ [61]), изъ Вятской губерніи [62]) и изъ Новоладожскаго уѣзда Петербургской губерніи [63]) (съ монетами IX—XI ст.) отличаются также реализмомъ въ изображеніи конскихъ головокъ, въ зависимости отчего находится и форма самаго предмета; филиграни здѣсь нѣтъ, рисунокъ получался посредствомъ отверстій, оставленныхъ въ предметѣ; нижняя часть его иногда украшалась розетками и концентрическими кружками, которыя, можетъ быть, служили замѣною драгоцѣнныхъ камней, игравшихъ столь видную роль въ украшеніи золотыхъ предметовъ Сибири и Европейской Россіи въ болѣе раннюю эпоху; вдоль всей головы и шеи лошади шло иногда жгутообразное украшеніе—представляющее гриву, въ другихъ случаяхъ онѣ украшались посредствомъ поперечныхъ нарѣзовъ, какъ въ краснокутскомъ экземплярѣ. Любопытное бронзовое украшеніе, поразительное сходство котораго по формѣ и по орнаментаціи съ только что указанными предметами никакъ не можетъ быть объяснено одною случайностью, найдено въ с. Кавединъ, въ южномъ Тиролѣ [64]), но здѣсь двѣ пары конскихъ головокъ, одна надъ другой и привѣски другой формы. Въ Пермскомъ краѣ встрѣчались украшенія, по условности изображенія конскихъ головокъ близко подходящія къ лядинскимъ [65]). Въ Ананьинскомъ могильникѣ (Елабужскаго уѣзда Вятской губерніи) найдено подобное же украшеніе, съ конскими головками на длинныхъ шеяхъ, далеко выступающихъ за края основы [66]), той же особенностью отличаются и нѣкоторые другіе вятскіе варіанты [67]). Украшенія тождественныя съ лядинскими найдены близъ Моршанска Тамбовской губерніи [68]); близкій варіантъ найденъ въ Гнѣздовѣ Смоленскаго уѣзда (съ монетами X вѣка) [69]). Въ рязанскомъ варіантѣ [70]) рисунокъ гораздо больше условенъ,

[57]) Труды I Арх. Съѣзда стр. 701 и 704. Ср. Древности Моск. Арх. Общ. I, стр. 51.
[58]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. II р. 92.
[59]) Тамъ же, III рис. 136. Также Chantre, Recherches antropol. dans le Caucase, III, Pl. V, fig. 7.
[60]) Пермскій Сборникъ. I, р. 23. Aspelin, II р. 677, 693, 695, 697, 698.
[61]) Aspelin, вып. II р. 783 и Атласъ къ Труд. 2 Арх. Съѣзда. Табл. I р. 21.
[62]) Собраніе Н. Г. Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[63]) Изв. Имп. Рус. Арх Общ. X, Табл. II р. 8.
[64]) De Linas, Les origines de l'orfeurerie cloisonnée, II, p. 389.
[65]) Собраніе наслѣдниковъ А. Е. Теплоухова на выставкѣ VIII Арх. С.
[66]) Отдѣлъ первобытныхъ древностей Румянцевскаго музея въ Москвѣ.
[67]) Въ собраніяхъ Имп. Эрмитажа.
[68]) Коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ.
[69]) Тамъ же.
[70]) Aspelin, вып. III р. 903.

чѣмъ въ лядинскихъ, хотя общимъ видомъ онъ болѣе приближается къ пермскимъ и болгарскимъ. Во Владимірской губерніи найдены различные варіанты: 1) по рисунку напоминающіе пермскіе, но съ условнымъ украшеніемъ рядами жгутовъ и спиралью, которая замѣняетъ припаянные на головѣ шарики, а на подвѣскахъ—стержень, обвитый проволокой [71]), 2) основа состоитъ изъ четыреугольной широкой рамки, по наружному краю украшенной припаянными шариками, съ чередующимися рядами жгутиковъ и шариковъ въ срединѣ; конскихъ головокъ нѣтъ [72]); 3) при такой же основѣ, безъ конскихъ головокъ; замѣной шариковъ является волнообразная линія, какъ и на лядинскихъ экземплярахъ [73]). Въ финляндскихъ варіантахъ, чуждыхъ филиграни, условность рисунка доведена до того, что въ нихъ становится трудно угадать первоначальную основу [74]). Подобнымъ же схематизмомъ отличается украшеніе изъ Даніи [75]), на которомъ двѣ пары лошадиныхъ головокъ расположены такъ же, какъ на тирольскомъ экземплярѣ. На груди нѣкоторыхъ каменныхъ бабъ можно замѣтить какія-то четыреугольныя украшенія, иногда съ ромбическими привѣсками [76]). Описывая пермскія украшенія разсматриваемаго типа, проф. Ешевскій говоритъ, что подобныя и нынѣ употребительны среди инородцевъ, что мордвинки носятъ ихъ на груди и называютъ *сустугами* [77]). У современной мордвы употребительны еще такъ называемыя *ярмакынь-пилькстъ*, также служащіе украшеніемъ груди; это — продолговатыя полотняныя лопасти, унизанныя рядами бисера, пуговицами и тенками, съ привѣсками въ видѣ нитокъ бусъ, перевитыхъ проволокъ и цѣпочекъ [78]). Подобныя украшенія встрѣчаются и въ костюмѣ черемисъ [79]).

Конскія головки встрѣчаемъ и на нѣкоторыхъ другихъ украшеніяхъ Лядинскаго могильника, а именно:

Табл. III рис. 3. Бронзовое *украшеніе* въ видѣ гребешка, украшеннаго наверху схематическими изображеніями конскихъ головокъ, обращенныхъ въ разныя стороны. Формой напоминаетъ указанныя выше украшенія пермскія и болгарскія, но отличается условностью рисунка, причемъ гребешокъ замѣняетъ собою привѣски. Подобный гребешокъ находимъ на украшеніи изъ Финляндіи [80]) съ болѣе сложнымъ, но еще болѣе условнымъ рисункомъ.

Табл. III рис. 23. Бронзовое *украшеніе* въ видѣ буквы Н съ загнутыми наружу концами, въ которыхъ можно угадать конскія головки только по сравненію съ предыдущимъ предметомъ. Варіантъ можно указать среди вятскихъ древностей [81]), только тамъ концы перекладины выходятъ за края боковыхъ полукружій.

Табл. III рис. 4, 2, 1 и 5. Бронзовыя *украшенія* въ видѣ буквъ М и П съ загнутыми наружу нижними концами или съ шишечками, припаянными снаружи недалеко отъ

[71]) Собр. картъ, плановъ и рис. къ Тр. 1 Арх. Съѣз. Табл. XXV, р. 1 (Веськово, X ст.), 2, 3, 4, 5, 7 и 8.
[72]) Тамъ же, рис. 10 и 11.
[73]) Тамъ же, рис. 9. Aspelin, III p. 987.
[74]) Aspelin, вып. IV p. 1377, 1379 и 1380.
[75]) De Linas, Les origines de l'orf. clois., III, Appendice, f. 4.
[76]) Собр. картъ, плановъ и рис. къ Труд. 1 Арх. Съѣзда. Табл. I p. 5, Табл. II p. 7.
[77]) Пермскій Сборникъ, I, стр. 141.
[78]) Изв. Имп. Общ. Любит. Ест., Антр. и Этн. Т. XIII, вып. 1. Труды Этн. Отд., кн. 3, вып. 1, стр. 44. Сист. опис. Дашк. музея, I, стр. 33—34. Манекенъ 14 Дашковскаго музея.
[79]) Дашковскій музей, манекены 18 и 20. Въ Сист. описаніи послѣдній названъ — неправильно, какъ мы думаемъ,—пермячкой.
[80]) Aspelin, вып. IV, p. 1490.
[81]) Собраніе Н. Г. Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.

концовъ и наверху, на мѣстѣ сочлененія; одинъ экземпляръ украшенъ посерединѣ насѣчкою, въ подражаніе жгутамъ, столь употребительнымъ на описанномъ выше типѣ, съ которымъ сближаютъ его также упомянутые шарики; шарику же наверху украшенія (рис. 2) соотвѣтствуетъ въ пермскихъ варіантахъ петля. Болѣе или менѣе сходныхъ предметовъ въ другихъ мѣстахъ намъ неизвѣстно.

Табл. I рис. 2 и 6. Бронзовыя литыя *ажурныя пряжки* въ видѣ плоскаго кольца, сдѣланнаго на подобіе филиграни и состоящаго изъ рядовъ городковъ, рубчиковъ и жгутиковъ, съ иглой, прикрѣпленной къ неподвижной петлѣ на внутренней сторонѣ его; наверху украшены схематическими изображеніями конскихъ головокъ, обращенныхъ въ разныя стороны и снабженныхъ вверху тремя, расположенными въ видѣ пирамидки, шариками; внизу къ украшенію придѣланы привѣски въ видѣ гусиныхъ лапокъ или колокольчиковъ на цѣпочкахъ извѣстнаго намъ типа. Обыкновенно цѣпочка составлялась изъ двухъ, изрѣдка (находки 1869 г.) изъ трехъ колѣнъ. Подобная пряжка, украшенная по наружному краю пирамидами изъ шариковъ, но безъ конскихъ головокъ и безъ привѣсокъ, найдена въ Пермскомъ краѣ [82]). Варіанты изъ Болгаръ—также съ шариками по наружному краю и безъ конскихъ головокъ, но съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ на цѣпочкахъ, аналогичныхъ лядинскимъ [83]). Пряжки, сходныя съ нашими, находили близь Моршанска Тамбовской губерніи, въ Мышкинскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи [84]). Рязанскій варіантъ [85]) состоитъ изъ двухъ концентрическихъ, соединенныхъ перемычками, колецъ, изъ которыхъ къ внутреннему придѣлана игла. Современныя мордовки застегиваютъ воротъ рубашки кольцеобразной пряжкой (кирмижъ-карчиня), подвѣшивая къ ней раковины, бусы, тенки, нитки бисера, мѣдныя цѣпочки и пр. [86]). Иногда игла прикрѣплялась къ ободку неподвижно обоими концами, и черезъ это предметъ терялъ первоначальное значеніе, оставаясь украшеніемъ, какъ мы видимъ на привѣскахъ изъ Мологскаго уѣзда Ярославской губерніи [87]) и изъ Курманскаго могильника (Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи) [88]); послѣдняя, напоминая пермскіе варіанты полушаровидными шишечками, въ то же время отличается неуклюжей формою и аляповатой техникой. Наконецъ, не можемъ здѣсь пройти молчаніемъ серіи украшеній, которыя хотя вовсе не имѣютъ значенія пряжекъ, но близки къ лядинскимъ пряжкамъ какъ по общему своему виду, такъ и системой орнаментаціи. Укажемъ, во-первыхъ, на украшенія круглой формы, сдѣланныя на подобіе филиграни, съ припаянными шариками и съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ на цѣпочкахъ среди древностей пермскихъ, болгарскихъ и рязанскихъ [89]); затѣмъ, на украшенія такого же стиля полукруглыя и также съ привѣсками среди древностей сибирскихъ, болгарскихъ и рязанскихъ [90]) (привѣсками къ первому служатъ бубенчики); нако-

[82]) Пермскій Сборникъ, I, р. 20. Ср. Aspelin, рис. 599.

[83]) Рисунки къ Тр. 2 Арх. Съѣз. Вып. I. Табл. I р. 22. Ср. Aspelin, II р. 786—экземпляръ съ дефектомъ.

[84]) Коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ.

[85]) Aspelin, вып. III р. 911.

[86]) Систем. опис. Дашк. музея, I, 29. Дашк. музей, манекенъ 13. Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Т. XIII. Вып. 1. Труды Этн. Отд., кн. 3, вып. 1, стр. 43.

[87]) Собранія Историческаго музея.

[88]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV. Табл. IX.

[89]) Aspelin, II р. 705. Рисунки къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда. Табл. I р. 24. Рязанскій музей на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.

[90]) Клеменцъ, Древн. Минус. музея. Табл. XI р. 8. Рисунки къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда. Табл. I р. 24. Рязанскій музей на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.

нецъ, среди древностей Ирбитскаго уѣзда Пермской губерніи найденъ былъ серебряный медальонъ, украшенный пирамидками изъ шариковъ и жгутами и посерединѣ снабженный гнѣздомъ для вставленія камня [91]). Система украшенія бронзовыхъ и иныхъ предметовъ припаянными шариками, извѣстная еще въ классическомъ искусствѣ, отвѣчала на Востокѣ страсти къ драгоцѣннымъ камнямъ, подмѣною которыхъ и являлись шарики на украшеніяхъ малоцѣнныхъ. Имѣя это въ виду, мы считаемъ пряжки пермскія и болгарскія представительницами болѣе древняго, въ сравненіи съ другими указанными, типа. Въ лядинскихъ пряжкахъ шарики остаются только на конскихъ головкахъ, на ободкѣ же замѣнены городкомъ, который является здѣсь позднѣйшимъ ихъ развитіемъ. Курманскій варіантъ своими выпуклинами на цѣпочкахъ даетъ основаніе предполагать, что либо въ составъ послѣднихъ входили драгоцѣнные камни или бусы, либо бронзовыя украшенія подлаживались къ характеру какихъ-либо мѣстныхъ, вродѣ тѣхъ, которыя и доселѣ бытуютъ среди инородцевъ.

Табл. I рис. 11. Бронзовая литая *пряжка* поперечно-овальной формы, съ плоскимъ ободкомъ, который украшенъ двумя рядами концентрическихъ жгутиковъ, съ иглой, прикрѣпленной къ петлѣ на внутренней сторонѣ ободка; внизу пряжка снабжена двумя прямыми отростками, обвитыми проволокой, къ концамъ и по сторонамъ которыхъ привѣшены подобія гусиныхъ лапокъ, при помощи петель и цѣпочекъ знакомаго намъ типа. По отношенію къ формѣ нельзя не замѣтить близости этой пряжки съ только-что описанными, но отъ нихъ она отличается своей вытянутой формою, простотою рисунка и хвостовидными придатками, которые представляютъ собою нѣсколько видоизмѣненное колѣно цѣпочекъ знакомаго намъ типа; разница лишь въ томъ, что они однимъ концомъ прикрѣплены неподвижно къ ободку пряжки и длиннѣе. Подобныхъ пряжекъ изъ другихъ мѣстъ мы не знаемъ.

Табл. VIII рис. 7. Бронзовая *пряжка* съ плоскимъ ободкомъ подковообразной формы съ двумя гладкими, прямыми придатками въ видѣ хвостовъ, идущими отъ разомкнутыхъ концовъ ободка вверхъ, съ свободно двигающеюся по ободку иглою; украшена четырьмя привѣсками въ видѣ пятиугольныхъ пластинокъ, прикрѣпленныхъ къ концамъ длинныхъ колѣнъ цѣпочекъ извѣстнаго типа, которыя свободно двигаются по ободку пряжки. Это также форма, родственная описаннымъ выше, но длина привѣсокъ нарушила здѣсь равновѣсіе между частями; здѣсь уже мы имѣемъ дѣло, собственно, съ украшеніемъ, пряжка же осталась въ положеніи служебномъ къ нему. Подобныхъ украшеній мы также не встрѣчали въ другихъ мѣстахъ. Напомнимъ развѣ о способѣ украшеній пряжекъ у современныхъ мордовокъ, о чемъ уже мы говорили выше.

Табл. VIII р. 1, 3, 4 и 8. Бронзовыя *пряжки* разной величины въ видѣ кольца или подковы съ круглымъ или плоскимъ ободкомъ съ разомкнутыми концами, которые снабжены двумя прямыми придатками въ видѣ хвостовъ, и съ подвижной иглой; иногда (рис. 2 той же таблицы) эти придатки не отдѣляются одна отъ другой. Форма та же, что описанная выше, но отличается отсутствіемъ привѣсокъ. Такой точно формы пряжки попадались до сихъ поръ только въ Болгарахъ [92]), въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанской губ.) [93]) и близъ Моршанска Тамбовской губ. [94]). Въ Курманскомъ могиль-

[91]) Пермскій Сборникъ, II, стр. 35—40.
[92]) Aspelin, вып. II рис. 779.
[93]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, табл. VI и XIII, на послѣдней in situ.
[94]) Коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ.

никѣ находили еще большія пряжки съ тонкимъ широкимъ ободкомъ, съ хвостовидными придатками, украшенными насѣчкой въ верхней части, въ подражаніе спирально согнутой проволокѣ, съ иглой, прикрѣпленной посредствомъ широкой треугольной лопасти; послѣдняя придѣлана къ нему при помощи заклепокъ и украшена четырьмя крестообразно расположенными посерединѣ большими шишечками и окаймляющими края пряжки маленькими [95]). Встрѣчались еще пряжки, похожія на лядинскія, но съ плоскими, широкими придатками; такія найдены среди мерянскихъ древностей [96]) и въ Муранковскомъ могильникѣ (Сенгилеевск. у. Симбирской губ., монеты XIV ст. [97]). Кольцеобразныя и подковообразныя пряжки простѣйшей формы, т. е. или съ отогнутыми назадъ концами, или съ шипами на концахъ, или, наконецъ, безъ всякихъ украшеній, широко распространены между древностями Россіи и нынѣ еще употребляются финнами, черемисами и латышами для застегиванія рубашки; въ недавнее еще время латышки Динабургскаго у. Витебской губ. застегивали ими кафтаны сверху до низу, размѣщая на $1^{1}/_{2}$—2 дюйма одну отъ другой [98]). Любопытную имитацію пряжекъ лядинскаго типа представляетъ желѣзный предметъ съ иглой, прикрѣпленной неподвижно обоими концами къ ободку кольца, служащій въ качествѣ привѣски на груди современной узбечки [99]).

Въ пряжкахъ разсмотрѣннаго типа любопытны хвостовидные придатки. Сами по себѣ они ни на что не нужны, въ чемъ легко убѣдиться, разсматривая ихъ in situ [100]), и происхожденіе ихъ невозможно объяснить иначе, какъ сравненіемъ съ вышеописанными типами пряжекъ, изъ которыхъ всего ближе эти простыя пряжки подходятъ къ изображенной на табл. I рис. 11. Мы полагаемъ, что эти хвостовидные придатки суть не что иное, какъ остатокъ атрофировавшихся колѣньевъ цѣпочекъ и служили для пряжекъ только въ качествѣ украшеній, утративъ первоначальное живое значеніе. Вся разница между описанными пряжками сводится къ тому, что однѣ пышнѣе, а другія попроще, что обусловливалось, главнымъ образомъ, практическимъ назначеніемъ ихъ.

Табл. V рис. 1, 2, 4 и 7. *Пряжки* въ видѣ круглой тонкой бляхи, бронзовой, а иногда и серебряной, выкованной и склепанной, съ круглымъ же отверстіемъ посерединѣ; отверстіе закрывается дверкой, которая однимъ концомъ вращается на шарнирѣ, а съ другой стороны заканчивается треугольнымъ язычкомъ; иногда къ наружному краю бляхи прикрѣплялся посредствомъ заклепокъ бронзовый или серебряный ободокъ, служившій украшеніемъ и способствовавшій прочности предмета; по краю бляшки или ободка идутъ два или три ряда шишечекъ; край отверстія иногда дѣлался въ видѣ жгутика или рубчика, край дверки украшался однимъ или двумя рядами круглыхъ или продолговатыхъ шишечекъ; кромѣ того, средняя часть пряжки украшалась большими шишечками, расположенными вокругъ отверстія, причемъ иногда одна крупная замѣнялась тремя меньшими, расположенными въ видѣ треугольника; на дверкѣ 5 такихъ шишечекъ располагались крестообразно;

---

[95]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV. Табл. V и VII.

[96]) Aspelin, вып. III рис. 1003.

[97]) Выставка VIII Археолог. Съѣзда.

[98]) Труды VI Арх. Съѣздѣ, I, стр. 215. Дашковскій музей, манекенъ 18. Древности Сѣверо-Западнаго края, стр. 54 прим. 7.

[99]) Манекенъ въ Московскомъ музеѣ прикладныхъ знаній.

[100]) Табл. I, рис. 9, 10, 13. Табл. III рис. 7.

затѣмъ, насѣченный узоръ окружалъ отверстіе городкомъ или пояскомъ, соединялъ шишечки на дверкѣ между собой и маскировалъ склепанныя края пряжки; наконецъ, на одной изъ пряжекъ (рис. 4) нашлись два симметрично расположенные значка, исполненные въ орнаментальномъ характерѣ насѣчкой, но, вѣроятно, имѣющіе значеніе знаковъ собственности, родовыхъ тамгъ, либо фабричныхъ клеймъ. Иногда описываемыя пряжки дѣлались выпуклыми посерединѣ и такимъ образомъ походили на опрокинутое блюдечко. На одномъ варіантѣ, найденномъ въ 1869 году, у корня язычка вмѣсто кругловатыхъ вырѣзокъ продѣланы были небольшія дырочки, вѣроятно, для шнурка, посредствомъ котораго застегивалась пряжка, причемъ, быть можетъ, съ другой стороны продѣвались въ отверстіе ленты. Похожія пряжки находимы были въ алтайскихъ курганахъ [101]), близъ Моршанска Тамбовской губ., въ Муромскомъ у. Владимірской губ. [102]), въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанской губ. [103]); въ послѣднемъ встрѣчались варіанты съ четыреугольной дверкой и съ нѣсколькими отверстіями треугольной формы для прикрѣпленія ея [104]). Общимъ своимъ видомъ и орнаментаціей пряжки съ дверкой напоминаютъ отчасти описанныя выше пряжки съ хвостовидными придатками изъ Курманскаго могильника [105]), но мы затрудняемся установить между ними прямое генеалогическое родство. Скорѣе, можетъ быть, умѣстно будетъ здѣсь припомнить фибулу изъ Чегемскаго могильника (Кавказъ) [106]) съ иглой назади и съ украшеніями въ видѣ шишечекъ, кіевскую серебряную арбалетообразную фибулу [107]), орнаментированную шишечками и веревочками, и извѣстныя скандинавскія скорлупообразныя фибулы съ прорѣзнымъ орнаментомъ и шишечками, попадавшіяся также и въ Россіи [108]). Фибулы въ видѣ блюдечка съ иглой назади употребляются и теперь еще для застегиванія ворота рубашки ижорками, эстонками и латышками [109]). Стиль орнаментаціи фибулъ разсматриваемаго типа посредствомъ шишечекъ и насѣчекъ въ видѣ городковъ и поясковъ, треугольныя отверстія въ курманскомъ варіантѣ, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ остатокъ филиграни,— все это роднитъ ихъ съ литыми наподобіе филиграни пряжками, разсмотрѣнными выше.

Табл. VII р. 6 и 9. Бронзовыя *украшенія* въ видѣ *колокольчиковъ* съ рубчиками по верхнему и нижнему краю, съ отверстіемъ вверху для продѣванія ремешка, который обматывался проволокой, съ парой привѣсокъ меньшихъ размѣровъ, но сходной формы, которыя привѣшивались къ кольцамъ внизу украшенія посредствомъ ушковъ; на одномъ экземплярѣ одна изъ привѣсокъ соединена короткой цѣпочкой съ подобной ей, вѣроятно, принадлежавшей къ сосѣдней парѣ. Подобныя украшенія находили въ Вятской губ. [110]) и въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовск. у. Рязанской губ. [111]); въ послѣднемъ они служатъ украшеніемъ круглой бляхи, причемъ большіе колокольчики опоясаны жгутиками по краямъ, а нижніе, меньшіе, украшены вверху имитаціей спиральной проволоки. Въ Кубанской области

[101]) Каталогъ собр. гр. А. С. Уварова, II рис. 11.
[102]) Коллекціи Историческаго Музея въ Москвѣ.
[103]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, табл. VI.
[104]) Тамъ же, табл. XII.
[105]) Тамъ же, табл. V и XIV.
[106]) Матер. по арх. Кавказа I, табл. XXIII рис, 3.
[107]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія Древности вып. III р. 182.
[108]) Труды VI Арх. Съѣзда, табл. XVII рис. 1, 2. 3. Табл. XVIII.
[109]) Дашковскій Этн. Музей манекены 12 и 90 Систем. опис. музея, I, стр. 20, 21, 25 и 26.
[110]) Собраніе Н. Г. Первухина, на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[111]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, табл VIII

найдена золотая серьга [112]) съ подобною привѣскою, которая украшена по краю бахрамою изъ спирально согнутыхъ проволокъ съ шариками или бубенцами на концахъ. Такимъ же характеромъ отличаются серьги, употребляющіяся и нынѣ въ Средней Азіи: сартскія [113]) и киргизскія [114]); тамъ извѣстны также серебряные колпачки пирамидальной формы въ роли оправы для камней съ привѣшиваемыми къ нимъ, при помощи петелекъ, вязками бисера и серебряные же колпачки съ привѣшенными по краямъ камешками [115]).

Табл. VII р. 4, 5 и 7. Бронзовыя *украшенія* въ видѣ *бутылочки*, шейка которой украшена наподобіе спирально согнутой проволоки, съ рубчикомъ по нижнему краю и съ парой привѣсокъ въ видѣ гусиныхъ лапокъ или ромбовъ, прикрѣпленныхъ къ неподвижнымъ кольцамъ (на рис. 5 экземпляръ съ дефектомъ). Въ уборѣ современныхъ сартянокъ употребляются золотые колпачки для кистей съ сердцевидными привѣсками по краю [116]). Изъ обзора послѣднихъ двухъ формъ украшеній мы приходимъ къ заключенію, что они служили колпачками для кистей или замѣняли послѣднія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ такое именно употребленіе аналогичныхъ предметовъ въ Средней Азіи, бахрома на украшеніи серьги изъ Кубанской области, а на лядинскихъ варіантахъ отверстіе вверху для продѣванія ремешка, веревочное украшеніе послѣдняго, отсутствіе язычковъ въ колокольчикахъ, рубчики и жгутики по краямъ ихъ. Конечно, могъ при этомъ нравиться и звонъ или шелестъ этихъ украшеній, но они все-таки значенія колокольчиковъ не имѣли.

Табл. IX р. 7. Подобное же бронзовое *украшеніе* съ гладкимъ горлышкомъ, съ рубчикомъ по нижнему краю, безъ привѣсокъ. Иногда основная часть украшенія бываетъ выше, съ прямыми боками. Подобныя простыя привѣски встрѣчались въ Вятской губ. [117]); въ Ананьинскомъ могильникѣ (Елабужскаго у. Вятской губ.) найдены привѣски конусообразной формы съ продолговатыми отверстіями [118]); подобной же формы привѣски съ треугольными отверстіями по бокамъ и съ жгутообразнымъ пояскомъ по нижнему краю находили въ Рязанской губ. [119]); въ Новоладожскомъ у. Петербургской губ. нашли подобный колпачокъ, склепанный изъ двухъ частей, съ рубчиками по краямъ (монеты IX—XI в. [120]). У современныхъ чувашъ въ употребленіи подобные мѣдные колпачки для кистей изъ бисерныхъ нитокъ [121]). Замѣчаемыя на нѣкоторыхъ варіантахъ отверстія, по всей вѣроятности, служили для привѣшиванія боковыхъ кистей и замѣняли собою кольца, замѣчаемыя на экземплярахъ предыдущаго типа.

Табл. IX р. 4. Бронзовая *привѣска* въ видѣ четырехграннаго пирамидальнаго колокольчика, съ ушкомъ вверху, съ рядами рубчиковъ по краямъ, съ шариками, припаянными наверху и съ зубчиками внизу. Похожая привѣска съ зубчиками найдена въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губ. [122]). Шарики и зубчики симилируютъ здѣсь бахраму и привѣски въ видѣ бусинъ, камней и пр.

[112]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія Древности, вып. III р. 131.
[113]) Симаковъ, Искусство Средней Азіи, т. II.
[114]) Въ музеѣ Общества Поощр. Худож. въ Петербургѣ.
[115]) Средне-азіатская выставка въ Москвѣ 1891 г.
[116]) Манекенъ сартянки въ Московск. Музеѣ Прикладныхъ Знаній.
[117]) Aspelin II р. 788, 789 795.
[118]) Тамъ же, р. 457 и 458.
[119]) Тамъ же, вып. III рис. 919.
[120]) Изв. И, Р. Арх. Общ. X, табл. 2 рис. 3.
[121]) Музей Отечествовѣденія при Казанскомъ Университетѣ, на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[122]) Aspelin, вып. III р. 876 и 896.

Табл. I р. 5 и 7. *Трубочки*, сдѣланныя изъ спирально согнутой бронзовой проволоки, къ которымъ, при помощи неподвижныхъ петель, подвѣшена пара плоскихъ треугольныхъ привѣсокъ съ тремя шариками, припаянными къ нижнему концу ихъ. Сходныя украшенія найдены въ губерніяхъ Рязанской [123]) и Владимірской [124]). Изъ нихъ на владимірскомъ варіантѣ трубочка, судя по рисунку, сдѣлана изъ согнутой проволоки, остальные варіанты лишь воспроизводятъ ее; привѣски или походятъ на наши, или имѣютъ четыреугольную форму, либо видъ колокольчиковъ. Любопытно, что золотыя треугольныя привѣски съ закругленіемъ наверху, съ тремя шишечками по нижнему краю покрупнѣе и съ рядами мелкихъ по бокамъ и посерединѣ можно найти среди древностей Босфора Киммерійскаго [125]).

Табл. IV рис. 8. Бронзовыя *трубочки*, украшенныя подобіемъ спиральной проволоки, съ тремя пирамидками изъ шариковъ наверху и съ такимъ же числомъ неподвижныхъ колецъ внизу каждой; къ кольцамъ подвѣшены привѣски въ видѣ гусиныхъ лапокъ, съ помощію одного колѣна цѣпочки знакомаго намъ типа. Форма болѣе условная и сложная, нежели только что описанная. Подобныя украшенія встрѣчались близъ Моршанска Тамбовской губ., въ Мышкинскомъ у. Ярославской губ. (Кривецъ) и въ Муромскомъ у. Владимірской [126]). Нѣкоторыя украшенія изъ Владимірской губ. [127]), въ общемъ сходныя съ ляданскими, утратили значеніе трубочекъ и иногда отличаются привѣсками въ видѣ колокольчиковъ.

Табл. VIII рис. 5. Бронзовая *трубочка*, украшенная рубчиками, которые опоясываютъ ее по краямъ и по серединѣ, и съ треугольными, украшенными тремя шариками по нижнему краю, привѣсками, которыя подвѣшены къ неподвижнымъ кольцамъ внизу рубчиковъ. Форма еще болѣе условная, чѣмъ предыдущая. Подобныя украшенія встрѣчались въ Вятской губ. [128]) и въ Рязанской [129]). Похожее украшеніе съ бубенцами привѣшивалось съ помощью петель [130]).

Весьма возможно, что трубочки описанныхъ типовъ являются подражаніемъ и замѣняютъ бусы; это вѣроятно тѣмъ болѣе, что стекляныя золоченыя и посеребряныя бусы могильника также нерѣдко составляютъ сплошныя трубочки, какъ увидимъ ниже.

Обратимся теперь къ плоскимъ привѣскамъ, разные виды которыхъ описаны нами при послѣдовательномъ обозрѣніи украшеній, и укажемъ варіанты изъ другихъ мѣстъ. Въ сибирскихъ древностяхъ извѣстна ромбовидная привѣска съ рубчиками по краямъ и по серединѣ и съ шариками, припаянными по угламъ [131]). Подобная же привѣска, съ двумя шариками, симметрично расположенными на поверхности ея, найдена въ Ананьинскомъ могильникѣ [132]). Похожая привѣска найдена во Владимірской г. [133]). На украшеніяхъ изъ Вятской и Пермской губ. мы видимъ по краямъ и по серединѣ ряды шишечекъ или веревочные

[123]) Aspelin, вып. III р. 913. Древности Моск. Арх. Общ. XIV табл. VIII.
[124]) Собраніе картъ, плановъ и рисунк. къ Трудамъ I Арх. Съѣзда. Табл. XXV р. 12.
[125]) Въ коллекціяхъ Императорскаго Эрмитажа.
[126]) Въ коллекціяхъ Историческаго Музея въ Москвѣ.
[127]) Собр. картъ, плановъ и рис. къ Тр. 1 Арх. С. Табл. XXV рис. 15, 16 и 19.
[128]) Собраніе Н. Г. Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[129]) Aspelin, вып. III рис. 912.
[130]) Въ собраніи Историч. Музея въ Москвѣ.
[131]) Клеменцъ, Древности Минус. Музея, Табл. X рис. 1.
[132]) Собр. картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXII рис. 23.
[133]) Тамъ же, Табл. XXV рис. 15.

рубчики [134]); на рязанскихъ [135]), гладкихъ, ромбовидныхъ, шарики только по нижнимъ краямъ, или по угламъ. Привѣски такой же формы съ гладкими рубчиками по верхнимъ краямъ и по серединѣ найдены въ Болгарѣ [136]) и во Владимірской губ. [137]), такія же и съ жгутообразными рубчиками—въ Новоладожскомъ у. Петербург. губ. (монеты второй полов. X в. [138]). Подобная же большая привѣска изъ Рязанской губ. [139]) отличается утолщеніями на концахъ и снабжена наверху трубочкой съ поперечными плоскими рубцами, которая служила для прикрѣпленія привѣски, какъ у описанныхъ выше привѣсокъ въ видѣ бутылочекъ. Ромбовидныя гладкія привѣски, иногда въ свою очередь украшенныя привѣсками такой же формы, но меньшихъ размѣровъ, въ употребленіи и теперь у сибирскихъ киргизовъ, хивинцевъ и въ Мервѣ [140]). Сводя все изложенное относительно плоскихъ привѣсокъ формы треугольной, ромбовидной и лапчатой, не можемъ не отмѣтить въ нихъ близости къ привѣскамъ въ видѣ колокольчиковъ и бутылочекъ; это тѣ же кисти, или украшенія кистей, только представленныя на плоскости, прямо или сбоку. И тѣ, и другія встрѣчаются бокъ о бокъ, на сходныхъ украшеніяхъ; тѣ и другія допускаютъ иногда, въ экземплярахъ болѣе сложныхъ художественную амплификацію въ видѣ повторенія той же формы въ добавочныхъ привѣскахъ.

Табл. IV рис. 4. Ожерелье, состоящее изъ бронзовой *цѣпочки* съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ. Ожерелья въ видѣ цѣпочекъ съ подвѣсками изъ драгоцѣнныхъ камней встрѣчались среди скиѳскихъ древностей южной Россіи [141]), но варіантовъ, близкихъ къ нашему экземпляру, мы не знаемъ. Форма привѣсокъ, какъ мы видѣли, весьма распространена въ другихъ украшеніяхъ, а цѣпочка своимъ устройствомъ напоминаетъ указанныя выше (табл. I рис. 1, 3 и 4), отличаясь отъ нихъ лишь способомъ примѣненія.

Табл. VII рис. 1 и 2. Двѣ бронзовыя *цѣпочки*, одна сдѣлана въ видѣ жгута, другая составлена изъ овальныхъ звеньевъ, изогнутыхъ по серединѣ, и снабжена на концахъ кольцами для прикрѣпленія какого-либо украшенія (можетъ быть, подобно тому, какъ на рис. 19 той таблицы) или для завязыванія. Системой сцѣпленія звеньевъ она напоминаетъ только что разсмотрѣнное ожерелье, а также цѣпочки на другихъ украшеніяхъ (табл. I рис. 1, 3, 4 и табл. VII рис. 9).

Табл. III рис. 32. Бронзовое литое *шейное украшеніе* въ видѣ жгута съ загнутыми вверхъ концами, съ шестью неподвижно прикрѣпленными посерединѣ полуцилиндрами, которые по краямъ украшены рубцами, и съ шестью симметрично расположенными по бокамъ ихъ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ. Украшеній, похожихъ на эти, въ другихъ мѣстахъ намъ неизвѣстно. Отдаленно напоминаютъ его развѣ нѣкоторыя мерянскія [142]) съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ и колокольчиковъ. Жгутъ и привѣски-колокольчики мы встрѣчали уже на другихъ предметахъ. Особенность разсматриваемаго украшенія представляютъ полуцилиндры, которые, вѣроятно, служили для прикрѣпленія кистей (см. рис.

---

134) Aspelin, вып. II рис. 805, 703, 705 и 708.
135) Тамъ же, вып. III рис. 904 и 905.
136) Рис. къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда. Табл. I рис. 25.
137) Собр. картъ, плановъ и рис. къ Труд. 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXV рис. 16.
138) Aspelin, вып. III рис. 1098 и 1099
139) Тамъ же, вып. III рис. 920.
140) См. образцы въ Музеѣ Общества поощренія худож. въ Петербургѣ.
141) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. II рис. 140.
142) Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Труд. 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXV рис. 15, 16 и 19.

въ текстѣ) и напоминаютъ цилиндрическія привѣски на шейныхъ гривнахъ и на нѣкоторыхъ другихъ украшеніяхъ.

Табл. III рис. 21. Украшеніе изъ плохой бронзы и плохой сохранности грубой работы съ привѣсками въ видѣ стержня съ поперечными бороздками по его протяженію, съ петлей вверху и съ расплюснутымъ нижнимъ концомъ. Привѣски напоминаютъ бубенчики изъ Пермскаго края [143]) и изъ Курманскаго могильника [144]). Бороздки представляютъ имитацію витой проволоки, а концы привѣсокъ имѣютъ подобіе кругловатыхъ бубенчиковъ. По сравненію съ другими ажурными вещами могильника, это украшеніе поражаетъ аляповатостію работы.

Табл. III рис. 17. Продолговатое бронзовое *украшеніе* съ прорѣзнымъ орнаментомъ, съ схематическими изображеніями головокъ хищной птицы на концахъ. Этотъ мотивъ орнаментаціи можно найти еще въ древностяхъ юга Россіи классическаго періода; такъ, птичьи головки находимъ на бронзовыхъ украшеніяхъ конскаго убора изъ Нимфеи [145]). Головки ушастыхъ грифоновъ особенно распространены въ прорѣзныхъ золотыхъ и бронзовыхъ украшеніяхъ Сибири; въ частности, наше украшеніе своей прорѣзной фактурой и орнаментаціей напоминаетъ золотую пряжку изъ сибирскаго собранія Эрмитажа [146]). Головку хищной птицы находимъ затѣмъ на усикѣ узды изъ кургана Терской области и на золотой подвѣскѣ изъ Венгріи [147]); на первомъ она украшена стекляной инкрустаціей, на второй убрана жемчужинами. Птичьи головки разсматриваемаго типа извѣстны и въ древностяхъ западной Европы; укажемъ, напримѣръ, найденный на Рейнѣ, серебряный позолоченый аграфъ съ ястребиной головкой, украшенный гранатами [148]). Если, такимъ образомъ, этотъ мотивъ происхожденія очень древняго, то самый предметъ, по нашему мнѣнію, позднѣе остальныхъ, указанныхъ выше. Птичьи головки на немъ перешли въ отвлеченный орнаментъ и стали едва узнаваемы; инкрустаціи, эмали нѣтъ и слѣда.

Табл. I рис. 9, 10, 12 и 13. Табл. IX рис. 6. Бронзовыя и серебряныя (рис. 12) *украшенія*, состоящія изъ продолговатой, расширяющейся книзу пластинки, съ двумя растительными завитками и съ ушкомъ для пряжки наверху и съ цилиндрическими привѣсками; украшены по бокамъ рядами маленькихъ шишечекъ, а по серединѣ крупными, расположенными въ видѣ треугольника, числомъ 3—6 на одномъ экземплярѣ, и кромѣ того насѣченнымъ орнаментомъ въ видѣ прямыхъ линій, городковъ, лучей, соединяющихъ шишечки, и наконецъ (табл. IX рис. 6) рѣшетки. По своему архаизму это весьма интересный типъ украшеній. Въ основѣ его можно видѣть пальму, какъ восточную форму изображенія древа жизни. Среди русскихъ древностей можно найти этотъ мотивъ на серебряной бляшкѣ изъ Александропольскаго кургана [149]), украшенной четырьмя парами вѣтокъ. Лядинскія украшенія, по сравненію съ нею, отличаются большею условностью и отвлеченностью формы. Нѣкоторые экземпляры сохраняютъ еще на завиткахъ (вѣткахъ) отверстія, можетъ быть, для подвѣшиванія чего-либо вродѣ кистей, подобно александропольскому экземпляру, на

[143]) Aspelin, вып. II рис. 706.
[144]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV. Табл. VI и VII № XIV.
[145]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія Древности, вып. I рис. 63—65.
[146]) Тамъ же, вып. III, рис. 53.
[147]) Тамъ же, рис. 172 и 176.
[148]) Lindenschmidt, Die Alterthümer uns. heidnisch. Vorzeit, III, Heft IV, Taf. VI, fig. 8 и 9.
[149]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія Древн., вып. II, рис. 79.

которомъ видимъ привѣшенныя изображенія плодовъ. Орнаментація посредствомъ шишечекъ, свойственная лядинскимъ древностямъ различнаго рода, можетъ указывать на то, что и эта форма украшеній, подобно другимъ, перешла черезъ тѣ стадіи, на которыхъ металлическіе предметы украшались камнями; рѣшетчатый орнаментъ напоминаетъ собою прострoченную ткань. Привѣски, условно подражающія кистямъ, находятся въ близкомъ родствѣ съ извѣстными колокольчиками и бутылочками [150]); онѣ встрѣчались намъ уже на шейныхъ гривнахъ. Любопытно, что у современныхъ мордовокъ и чувашекъ въ употребленіи набедренники, представляющіе четыреугольные, иногда продолговатые куски ткани, вышитые бисеромъ, унизанные мѣдными пуговицами, съ раковинами и кистями внизу [151]).

Табл. XII рис. 10. Бронзовая *пластинка* въ видѣ продолговатаго четыреугольника, расширеннаго книзу, украшенная рядами шишечекъ по бокамъ и цилиндрическими привѣсками; верхнимъ концомъ прикрѣплялась посредствомъ заклепокъ къ ремню. Похожій предметъ, съ привѣсками, формой своей повторяющими основу, и безъ украшеній найденъ въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанск. г.) [152]).

Табл. IV рис. 7. Бронзовое *украшеніе*, набранное изъ четыреугольныхъ пластинокъ, согнутыхъ пополамъ такимъ образомъ, что верхній край представляетъ собою трубочку для продѣванія проволоки или шнурка, и украшенныхъ рядами точекъ и цилиндрическими привѣсками. Украшеній такого типа въ другихъ мѣстахъ намъ неизвѣстно. По характеру орнаментаціи они родственны другимъ предметамъ могильника.

Табл. VIII рис. 6. Бронзовая *бляшка*, загнутая сверху для продѣванія ремешка, украшенная рядами шишечекъ по бокамъ и продолговатыми четыреугольными привѣсками, прикрѣпленными съ помощью колечекъ. Это—разновидность украшенія предыдущаго типа, при чемъ, вмѣсто трубочекъ здѣсь являются плоскія привѣски, которыя своей формой напоминаютъ привѣски треугольныя, знакомыя намъ по предметамъ, разсмотрѣннымъ выше. Подобныя привѣски встрѣчались среди древностей мерянскихъ [153]) и въ Петербургской губ. [154]), въ послѣднемъ случаѣ съ орнаментомъ.

Табл. III рис. 23. Ср. Табл. I рис. 8 (съ обратной стороны). Бронзовое *украшеніе*, набранное изъ гладкихъ продолговатыхъ пластинокъ съ загнутыми для продѣванія ремешка концами и съ длинными четыреугольными привѣсками, которыя прикрѣплены при помощи колечекъ къ нижнему ремешку, въ промежуткахъ пластинокъ. Это болѣе простая и условная форма украшеній, въ сравненіи съ предыдущими. Сходныхъ предметовъ въ другихъ мѣстахъ не знаемъ.

Табл. III рис. 15, 19, 31 и 33. Бронзовыя *пластинки* четыреугольныя съ концами, загнутыми наружу въ видѣ трубочекъ; украшены по бокамъ рядами маленькихъ шишечекъ, а по серединѣ 2—5 шишечками большаго размѣра и съ насѣченнымъ узоромъ. Орнаментъ извѣстенъ намъ по другимъ предметамъ могильника и по нѣкоторымъ мерянскимъ древностямъ [155]).

---

[150]) Сходство это особенно явственно на украшеніи Курманскаго могильника, гдѣ тѣ и другія являются совмѣстно. См. Древн. Моск. Арх. Общ. XIV Табл. VI.

[151]) Дашковскій Музей, манекены 14, 16 и 37. Систем. опис. Музея I, стр. 30—32.

[152]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, Табл. VI.

[153]) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Труд. I Арх. Съѣзда. Табл. XXV рис. 12.

[154]) Aspelin, вып. III, 1165 (монеты IX—X ст.).

[155]) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Труд. I Арх. Съѣзда. Табл. XXVIII рис. 30.

Табл. III рис. 27. Бронзовая *привѣска* въ видѣ плоскаго кружка, украшеннаго снаружи углубленной спиральной линіей, съ петлей вверху.

— рис. 28. Бронзовая *привѣска*, составленная изъ трехъ кружковъ, расположенныхъ треугольникомъ и сдѣланныхъ изъ согнутой проволоки, съ петлей.

— рис. 29. Принадлежность ожерелья въ видѣ выпуклой бронзовой *пуговицы* съ петлей назади (см. рис. 3 въ текстѣ); украшена по краю жгутикомъ, а по серединѣ углубленной спиральной линіей съ шишечкой внутри.

Описанные три предмета напоминаютъ украшенія, найденныя г. Долбежевымъ въ Кобани и Чми (Кавказъ) [156]), состоящія изъ двухъ такихъ кружковъ съ петлей вверху. Затѣмъ подобные предметы, состоящіе изъ одного и болѣе кружковъ, украшенныхъ жгутиками, спиралями, пирамидками изъ шариковъ, съ привѣсками и съ петлей или дужкой вверху найдены: въ Пермскомъ краѣ [157]), въ Болгарахъ [158]), во Владимірской губ. [159]), въ Вятской губ. [160]) и въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанской губ. [161]). Такимъ образомъ, районъ распространенія разсматриваемаго орнаментальнаго мотива чрезвычайно широкъ. Среди указанныхъ варіантовъ лядинскіе, вмѣстѣ съ кавказскими, отличаются наибольшей простотой и бѣдностью.

Табл. VII рис. 8. Бронзовая *привѣска* въ видѣ полумѣсяца съ ушкомъ вверху; наружная сторона украшена кружечками (орнаментъ на рисункѣ не вышелъ). Привѣска такой формы съ узорами найдена въ Ростовскомъ кладѣ (1836 г.) съ восточными монетами конца X в. и съ другими, несомнѣнно, восточными, вещами [162]), — съ узорами въ видѣ шишечекъ—въ Пермской губ. [163]), въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанской г. [164]) и въ Швеціи [165]); — въ видѣ точекъ или поперечныхъ линій въ Смоленской губ. [166]). Можно указать еще на подобный предметъ въ древностяхъ Пруссіи [167]). Распространенная на всѣхъ этихъ варіантахъ орнаментація посредствомъ шишечекъ, кружковъ и точекъ, вѣроятно, условно воспроизводитъ филигрань. Золотыя привѣски въ видѣ полумѣсяца филигранной работы находили въ курганахъ Ольвіи [168]). По своему схематизму орнаментъ лядинскаго варіанта долженъ быть признанъ едва ли не позднѣйшимъ между указанными другими.

Табл. VII рис. 14 и 22. Бронзовыя привѣски въ видѣ равносторонняго *креста* съ выпуклыми закругленными концами, съ отверстіемъ по серединѣ и съ ушкомъ вверху. Похожіе крестики-звѣздочки находили среди вятскихъ древностей [169]).

---

[156]) Коллекція сохраняется въ Археологической Коммиссіи.
[157]) Aspelin вып., II р. 708.
[158]) Тамъ же, рис. 787. Рисунки къ Труд. II Арх. Съѣзда. Табл. I р. 16 и 26.
[159]) Aspelin, вып. III р. 875 и 996.
[160]) Собраніе Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[161]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, табл. XII.
[162]) Труды I Арх. Съѣзда, стр. 661.
[163]) Aspelin, рис. 731
[164]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, Табл. IX.
[165]) Montelius, Ant. Sued. II p. 589.
[166]) Изв. И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Т. XLIX, вып. 3 и 5.
[167]) Tischler, Ostpr. Gräbfelder, II, Taf. X (IV), fig. 19 и 24.
[168]) Гр. А. С. Уваровъ, Собраніе картъ и рисунковъ къ Изслѣд. о древност. южной Россіи. Вып. I табл. XIV р. 6.
[169]) Aspelin, вып. II рис. 792 и 793.

Табл. VII рис. 21. Бронзовый *бубенчикъ*, спаянный изъ двухъ половинокъ, неправильной шарообразной формы, съ поясомъ въ видѣ рубчика; раздѣленъ продольными линіями на нѣсколько сферическихъ частей, украшенныхъ поперечными линіями. Напоминаетъ бубенчикъ, найденный на хуторѣ казака Кобзы близъ ст. Раевской (на Кавказѣ) [170].

Табл. VII рис. 16 и 18. Бронзовые *бубенчики* шарообразные, съ разрѣзомъ внизу, съ ушкомъ, съ пояскомъ изъ углубленныхъ линій и съ украшеніями на нижней половинѣ въ видѣ продольныхъ углубленныхъ линій. Подобные находили въ могильникѣ близъ аула Саниба (Осетія) [171]) и въ Эстляндіи [172]).

Табл. VII рис. 23. Бронзовый грушевидный *бубенчикъ* съ такимъ же узоромъ, какъ предыдущіе. Похожіе находили также въ могильникѣ близъ аула Саниба [173]) (продолговатый, съ филиграннымъ узоромъ), въ могилахъ на хуторѣ Карпенки близъ Натухайской станицы [174]), въ губерніяхъ Пермской [175]) и Владимірской [176]), въ Валдайскомъ у. Новгородской г. [177]), въ губерніяхъ Петербургской (съ монетами IX—X ст.) [178]) и Лифляндской [179]) (съ монетами X—XI ст.).

По формѣ и по узору всѣ эти бубенчики родственны между собою. Углубленные пояски нѣкоторыхъ варіантовъ, намъ кажется, могли произойти отъ рубчика, который образовался отъ спайки двухъ половинокъ, какъ на рис. 21. Вообще форма этого послѣдняго варіанта кажется намъ древнѣе.

Рис. 22.

Табл. IV рис. 11. Бронзовый *предметъ*, сложенный изъ двухъ *половинокъ* въ видѣ *вазочекъ* съ ушками по бокамъ (съ одной стороны отломаны) и отверстіями на концахъ для продѣванія ремешковъ; остатки ремешковъ вверху обвиты проволокой. Въ 1869 г. найденъ серебряный экземпляръ, съ ножкой только на верхней половинѣ (см. рис. 22). Подобнаго предмета не можемъ указать нигдѣ, и назначеніе его не совсѣмъ для насъ ясно. По своей величинѣ и тяжеловѣсности, онъ могъ служить для оттягиванія чего либо, напр., ремня на головномъ уборѣ, а по формѣ—для подвѣшиванія кистей или украшенія вродѣ представленнаго на табл. IV рис. 10.

Табл. VII рис. 13. *Варіантъ* предыдущаго предмета, шарообразной формы.

Табл. IV рис. 6 и 9. Бронзовые *спиральные браслеты*. Такіе находимы были близъ Моршанска Тамбовской губ. [180]), въ Муромскомъ у. Владимірской г. [181]), въ Финляндіи [182]), въ губерніяхъ

[170]) Матеріалы по археологіи Кавказа II, фототипія XX рис. 2. Ср. Chantre, II, стр. 176 (экз. съ сквозными продольными отверстіями).

[171]) Тамъ же, I, табл. XIII рис. 11.

[172]) Aspelin, вып. V рис. 1908.

[173]) Матеріалы по арх. Кавказа, I, табл. XIII, р. 9.

[174]) Тамъ же, II, фототипія XIII р. 6.

[175]) Собраніе наслѣдн. А. Е. Теплоухова, на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.

[176]) Aspelin, вып. III р. 988, 993, 994, 1066.

[177]) Тамъ же, вып. III рис. 1109.

[178]) Тамъ же, рис. 1178.

[179]) Тамъ же, рис. 2054. Kruse, Necrolivonica. Tab. 3 fig., H—G.

[180]) Историческій Музей въ Москвѣ.

[181]) Aspelin, вып. III рис. 888.

[182]) Тамъ же, вып. IV рис. 1400 и 1599.

Лифляндской [183]), Курляндской (монеты X—XI ст.) [184]) и Витебской [185]). Золотые спиральные браслеты были въ употребленіи въ классической древности. Впрочемъ, форма эта столь проста и находится въ столь непосредственной зависимости отъ техническихъ свойствъ матеріала (бронза и золото), что могла возникнуть и существовать самостоятельно въ разныхъ мѣстахъ.

Табл. II рис. 12 и 15. Бронзовые *браслеты* въ видѣ обручиковъ, съ бородками по наружной поверхности и съ несомкнутыми, а на одномъ экземплярѣ расплюснутыми концами. Бороздки сохраняютъ за этими браслетами характеръ браслетовъ спиральныхъ.

Табл. II рис. 8. Бронзовый *браслетъ* въ видѣ тонкаго обручика, украшеннаго узоромъ изъ шишечекъ (деталь на рис. 7), съ отогнутыми концами, приспособленными для продѣванія колецъ. Кольца служили, можетъ быть, для прикрѣпленія какихъ-либо привѣсокъ. Н. П. Авенаріусъ нашелъ бронзовые браслеты съ отогнутыми въ видѣ завитковъ концами и съ узоромъ въ видѣ городковъ въ древнихъ могилахъ Бѣльскаго у. Гродненской губ. [186]). Бронзовый браслетъ съ шарниромъ для застегиванія найденъ въ могильникѣ близъ Балкарскаго аула Зилгы [187]).

Табл. II рис. 3 и 6. Бронзовые *браслеты* въ видѣ гладкихъ обручиковъ съ отогнутыми концами. Браслеты съ прямыми концами найдены въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовск. у. Рязанск. г. [188]) и въ Динабургскомъ у. Витебской г. [189]). Плоскіе браслеты находили въ Лифляндской губ. [190]). Бронзовые обручеобразные браслеты употребляются и въ настоящее время нѣкоторыми инородцами (мордва, черемисы) [191]). Отогнутые концы лядинскихъ варіантовъ, вѣроятно, представляютъ собою подражаніе экземплярамъ болѣе красивымъ, вродѣ только что разсмотрѣннаго (рис. 8), гдѣ они имѣли практическое значеніе.

Табл. II рис. 1. Бронзовый *браслетъ* въ видѣ толстаго обручика съ отогнутыми концами и съ узоромъ, исполненнымъ насѣчкой. Подобные находили въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанской г.) [192]).

Табл. IX рис. 9. Бронзовый *браслетъ* въ видѣ круглаго обручика, расплюснутые концы котораго украшены рядами кружочковъ съ точками въ срединѣ. Подобный узоръ встрѣчался въ древностяхъ Болгаръ [193]), Билярска [194]) и Сарая [195]).

Табл. II рис. 2. *Браслетъ*, состоящій изъ бронзоваго обода съ петлей на одномъ концѣ (другой отломанъ), плотно обвитаго проволокой. Подобный браслетъ найденъ въ Лифляндской губ.; на немъ колечки служатъ для привѣшиванія продолговатыхъ пластинокъ [196]).

---

[183]) Тамъ же, вып. V р. 1787, 1990, 2066, 2136 и 2139. Kruse, Necrol. Tab. 3 fig. a. Tab. 4 fig. a.

[184]) Aspelin, вып. V рис. 2105 и 2106.

[185]) Сохраняется въ Археологической Коммиссіи.

[186]) Древности Сѣверо-Западнаго края. Томъ I. Вып. I, стр. 34, рис. 14 и 15.

[187]) Матеріалы по археол. Кавказа I, таб. XIX рис. 17.

[188]) Древн. Моск. Арх. Общ. XIV, табл. X.

[189]) Древн. Сѣверо-Зап. края. Табл. IV р. 5 и 8.

[190]) Kruse, Necrolivon. Tab. 3 fig. k—g и O—N, Tab. 19 fig. 2 и 3.

[191]) Георги, Описаніе всѣхъ въ росс. госуд. обит. народовъ, I, стр. 51. Дашковскій Музей, манекенъ 18.

[192]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, Табл. IX и X.

[193]) Труды VI Арх. Съѣзда. I, Табл. XVI (3) рис. 10. Рисунки къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда. Табл. II рис. 18. Табл. III рис. 31. Атласъ къ Труд. IV Арх. Съѣзда. Табл. X рис. 9 а.

[194]) Атласъ къ Трудамъ IV Арх. Съѣзда. Табл. XI р. 13 а, с, рис. 15 а.

[195]) Сохраняется въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

[196]) Aspelin, вып. V, рис. 2133.

Табл. II рис. 14. Бронзовое *кольцо* изъ спирально согнутой проволоки. Такія найдены въ Пермской губерніи [197]), въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовск. у. Рязанск. г.) [198]), въ Финляндіи [199]), въ Курляндіи [200]), въ Ашераденѣ Лифляндской губ. [201]), на о. въ Эзелѣ [202]), въ Дрогичинѣ (Бѣльскаго у. Гродненской губ.) [203]), въ Динабургскомъ у. Витебской губ. [204]), въ Пруссіи [205]). Золотыя спиральныя кольца были въ употребленіи у обитателей Киммерійскаго Босѳора [206]).

Табл. II. рис. 5 и 13. Бронзовые *перстни*, представляющіе спиральное кольцо, средніе обороты котораго спереди расплющены и слиты въ видѣ кокошника съ рубчикомъ посерединѣ. Подобные находимы были среди древностей муромскихъ и мерянскихъ (Кобанское, монеты X ст.) [207]), въ Мышкинскомъ у. (Кривецъ) и Угличскомъ у. Ярославской губ. [208]), въ Тверской губ. [209]), въ Финляндіи [210]), на Аландскихъ о-вахъ [211]); нѣсколько напоминаетъ ихъ одинъ перстень изъ Пруссіи [212]), украшенный знакомымъ намъ орнаментомъ изъ кружковъ съ точками въ серединѣ.

Табл. II рис. 11. Бронзовый *перстень* въ видѣ кокошника, завязаннаго назади узломъ и украшеннаго рядами точекъ, шишечекъ, треугольниковъ съ шишечками внутри, а посерединѣ—крестикомъ. Подобный перстень встрѣчается среди древностей мерянскихъ [213]), въ Петербургской губ. (монеты IX—X ст.) [214]), въ Финляндіи [215]), въ Эстляндіи [216]) и въ Лифляндіи (Ашераденъ) [217]).

Табл. II рис. 4. Серебряное жгутообразное *кольцо* съ свободными концами. Н. П. Авенаріусъ нашелъ такое въ Дрогичинѣ (Бѣльскаго у. Гродненской губ.) [218]).

Табл. IX рис. 8. Бронзовый *перстень* съ гладкимъ овальнымъ щиткомъ для печати. Похожій найденъ въ Петербургской губ. (Новосиверская) [219]).

Переходимъ къ обозрѣнію многочисленныхъ *бляшекъ*, служившихъ *украшеніемъ ремней*.

Табл. VI рис. 5. Серебряныя бляшки фигурныя треугольныя; узоръ въ видѣ вѣточки съ тремя листочками и пальметкой внизу. Узоромъ напоминаютъ круглую подвѣску въ ме-

197) Собраніе насл. А. Е. Теплоухова на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
198) Выставка VIII Арх. Съѣзда.
199) Aspelin, вып. IV рис. 1398, 1399.
200) Тамъ же, вып. V, рис. 1861.
201) Kruse. Necrol. Tabl. I, fig. l и h, Tab. 3 fig. g. Tab. 4 fig. g.
202) Aspelin, вып. V, рис. 1963.
203) Древности Сѣверо-Зап. края. Табл. II. р. 5.
204) Тамъ же, табл. VII рис. 1 и 4.
205) Tischler, Ostpr. Gräbfelder III Tab. X (IV) fig. 11.
206) Въ Императорскомъ Эрмитажѣ.
207) Aspelin, вып. III рис. 885 и 1042.
208) Коллекція Историческаго Музея.
209) Тамъ же.
210) Aspelin, вып. IV рис. 1375, 1402, 1404, 1408.
211) Тамъ же, рис. 1710.
212) Tischler, Ostpr. Gräbfelder III Tab. X (IV) fig. 12.
213) Aspelin, вып. III рис. 1042.
214) Тамъ же, рис. 1166, 1193 и 1210.
215) Тамъ же, вып. IV рис. 1531.
216) Тамъ же, вып. V, рис. 1906.
217) Тамъ же, рис. 2068. Kruse, Necrol. Tab. I. fig. k—i и Tab. 2 fig. m—l.
218) Древности Сѣверо-Зап. края, т. I вып. 1. Табл. II рис. 6.
219) Aspelin, вып. V рис. 1152.

рянскихъ древностяхъ [220]) и пятиугольную—изъ Швеціи [221]), но лядинская имѣетъ то преимущество, что въ ней форма согласована съ содержаніемъ узора.

— рис. 10 и 11. Бляшки неправильно полукруглой и сердцевидной формы, серебряныя, съ узоромъ изъ подобной же вѣтки съ тремя листиками, расположенными крестообразно, и съ колечками внизу; на послѣднемъ варіантѣ узоръ прорѣзной. Ср. Табл. IX рис. 5—вѣтка съ 4 листками. Ср. Табл. III рис. 11—пятиугольная бляшка съ узоромъ о трехъ листкахъ. Кромѣ указанныхъ только-что бляшекъ мерянской и шведской, формой и узоромъ напоминаютъ изображенія на одномъ серебряномъ сассанидскомъ блюдѣ [222]).

— рис. 16. Серебряныя бляшки полукруглой формы, съ крупной зернью по краямъ и съ узоромъ изъ одного листика такой же формы, какъ на предыдущихъ; продолговатый наконечникъ ремня съ закругленнымъ концомъ и съ такимъ же узоромъ, повтореннымъ три раза. Узоромъ напоминаетъ продолговатую бляшку изъ Алтайскихъ кургановъ [223]) и болѣе простую бляшку изъ Финляндіи [224]), а отчасти нѣкоторые предметы изъ Болгаръ [225]).

Табл. VIII рис. 1 а. Бронзовая бляшка въ видѣ сердцевиднаго листка съ двумя гладкими каймами, съ орнаментомъ о трехъ листкахъ и съ добавкомъ вродѣ пальметки внизу. Похожій узоръ можно найти на предметахъ изъ кургановъ алтайскихъ [226]) и мерянскихъ [227]), но описываемый проще.

— рис. 1 в. Бронзовая бляшка вѣерообразной формы, съ растительными разводами. Узоръ попорченъ. Напоминаетъ бляшку изъ Новоладожскаго у. Петербургской губ. [228]), найденную съ монетами IX—XI в.

Табл. IX р. 1. Бронзовыя бляшки фигурныя пятиугольныя съ условнымъ узоромъ растительнаго характера. Отдаленно напоминаютъ нѣкоторыя бляшки изъ Пермскаго края [229]) и съ юго-восточнаго побережья Ладожскаго озера (послѣдняя съ монетами X в.) [230]).

Табл. VI рис. 20. Бронзовыя вѣерообразныя бляшки съ углубленнымъ узоромъ, схематически воспроизводящимъ знакомую вѣтку о трехъ листахъ, и съ кольцами. Похожія найдены въ Вятской губерніи [231]); напоминаютъ бляшки изъ Моршанскаго (Тамбовской губерніи) могильника [232]) и съ юго-восточнаго Приладожья (монеты X в.) [233]).

— рис. 23. Бляшки съ равносторонними крестами, утолщенными на концахъ, съ круглыми добавками въ углахъ (лучами) и съ кольцами. Употреблялись, конечно, не въ качествѣ священнаго изображенія, а въ качествѣ узора, но смыслъ происхожденія этого послѣдняго можетъ быть двоякій: скорѣе всего онъ представляетъ удвоеніе предыдущаго узора; но можетъ быть

---

220) Собр. картъ, плановъ и рисунк. къ Труд. 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXVIII р. 14.
221) Montelius, Ant. Sued. II p. 513.
222) Въ коллекціи Императорскаго Эрмитажа.
223) Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова, II рис. 10.
224) Aspelin, вып. IV рис. 1511.
225) Рисунки къ Труд. 2 Арх. Съѣзда. Табл. VII рис. 2, 4 и 23.
226) Каталогъ собр. гр. А. С. Уварова, II рис. 10.
227) Собр. картъ, плановъ и рисунк. къ Труд. 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXVIII рис. 14.
228) Извѣстія И. Р. Арх. Общ. X. Табл. II рис. 9.
229) Собраніе насл. А. Е. Теплоухова на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда. Ср. Пермскій Сборникъ. I р. 17.
230) Aspelin, вып. III рис. 1102.
231) Собраніе Н. Г. Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
232) Коллекція Историческаго музея.
233) Aspelin, вып. III рис. 1102.

является и прямымъ воспроизведеніемъ христіанскаго креста. Онъ напоминаетъ древнюю золотую бляшку для пояса изъ Кавказа [234]), крестикъ съ добавками по угламъ изъ Угличскаго уѣзда Ярославской губерніи [235]) и кресты на монетахъ Конрада II (1024—1027) съ точками по угламъ и на вендской монетѣ X—XI ст. (съ сіяніемъ, подобно тому, какъ на нашемъ) [236]).

Табл. III рис. 14. Бронзовая четыреугольная бляшка съ изображеннымъ наискось крестомъ, который имѣетъ листовидные концы. Золотыя бляшки съ подобнымъ орнаментомъ найдены въ курганѣ Орскаго уѣзда Оренбургской губерніи [237]); подобныя бляшки найдены также въ м. Гнѣздово Смоленской губерніи (съ монетами X ст.) [238]) и въ Лифляндской губерніи [238]); похожій узоръ замѣчается въ мерянскихъ древностяхъ [240]) и на современныхъ бухарскихъ коврахъ [241]).

— рис. 18. Серебряная пятиугольная бляшка съ узоромъ въ видѣ креста съ длиннымъ нижнимъ концомъ, съ треугольнымъ расширеніемъ внизу, съ закругленными поперечными концами, съ треугольнымъ верхнимъ, съ круглыми добавками по угламъ и съ условной пальметкой внизу. Употреблялась, надо думать, тоже не въ качествѣ христіанской святыни. Происхожденіе этого узора могло быть двоякое: съ одной стороны его можно сблизить съ растительнымъ орнаментомъ Табл. VI рис. 5, 10, 11, гдѣ видимъ крестообразныя вѣточки и листки на длинныхъ ножкахъ, а на рис. 5 и пальметку сходной формы,— съ другой стороны узоръ этотъ нѣсколько напоминаетъ христіанскіе кресты: на оборотной доскѣ иконы въ Шемокмеди (около X ст.) [242]), на кіотѣ Хахульской иконы (XII—XIII ст.), гдѣ на концахъ и въ углахъ креста вставлены камни [243]), и крестъ (восьмиконечный) на свинцовой пластинкѣ изъ городища Дрогичина Бѣльскаго уѣзда Гродненской губ. (XII—XIV ст.) [244]). Но если сближать разсматриваемый узоръ съ христіанскими крестами, то остаются непонятными незаконченность и несимметричность верхняго конца креста.

Табл. VI рис. 13. Бронзовыя бляшки въ видѣ листка съ рубчатой каемкой и кружечками по бокамъ и внизу, съ схематическимъ растительнымъ узоромъ о трехъ листкахъ. Въ 1869 г. найдена бляшка широкая съ такимъ же узоромъ. Походятъ на бляшку изъ Гнѣздова Смоленскаго уѣзда (монеты X в.) [245]), напоминаютъ нарядную бляшку изъ городища близъ с. Кудымкора Соликамскаго у. Пермской губ. [246]); похожій узоръ находимъ на бляшкахъ изъ Болгаръ [247]) и изъ Новоладожскаго у. Петербургской губ. (монеты X—XI ст.) [248]). Узоръ родственный, но болѣе схематичный, нежели на предыдущихъ бляшкахъ.

---

234) Chante, Rech. antropol. dans le Caucase III pl. XIII.
235) Въ собраніяхъ Историческаго Музея въ Москвѣ.
236) Kruse, Necrolivonica. Tab. 57.
237) Дневникъ антропол. отдѣла Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. Вып. VIII.
238) Въ собраніяхъ Историческаго Музея въ Москвѣ.
239) Aspelin вып. V рис. 2117.
240) Собр. картъ, плановъ и рисунковъ къ Труд. 1 Арх. Съѣзда. Таб. XXVIII рис. 21.
241) Симаковъ, Искусство Средней Азіи. Табл. 7 б.
242) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія Древности, вып. IV рис. 68.
243) Тамъ же, р. 74.
244) Древности Сѣверо-Зап. края. Табл. III рис. 38.
245) Въ коллекціяхъ Историч. Музея въ Москвѣ.
246) Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. XLIX, вып. 5, прилож. 4, рис. 5.
247) Рисунки къ Труд. 2 Арх. Съѣзда. Табл. VII рис. 1 и Труды, стр. 24.
248) Изв. И. Р. Арх. Общ. X. Табл. II, рис. 9.

— рис. 12 и 22. Бронзовыя бляшки въ видѣ листковъ, длинная и широкая, съ круглыми добавками по бокамъ и внизу, съ схематическими растительными разводами, приноровленными къ формѣ бляшки. Характеромъ узора нѣсколько напоминаетъ наконечникъ ремня изъ Пермской губ. [249]), который, однако, проще, также бляшку съ ремня изъ Петербургской губ. (окрестности Гатчины) [250]).

— рис. 15. Ср. Табл. VIII рис. 13. Бронзовыя бляшки въ видѣ гладкихъ сердцевидныхъ листиковъ, украшенныхъ схематическимъ растительнымъ узоромъ. Напоминаютъ нѣкоторые современные среднеазіатскіе узоры [251]) и древнюю бронзовую бляшку изъ Готланда [252]).

— рис. 3. Бронзовая сердцевидная бляшка съ сердцевиднымъ же отверстіемъ внизу, съ каемкой и зернью по краямъ и съ узоромъ въ видѣ розетки съ завитками по сторонамъ. Напоминаетъ бляшку изъ Пермской губ. [253]), роскошную пряжку съ арабской надписью изъ Ростовскаго клада (1836 г., съ восточными монетами конца X в.) [254]), привѣски изъ Ашерадена Лифляндской губ. [255]). Контуромъ и формой отверстія походитъ на листки лядинской же бляхи на той же таблицѣ рис. 11.

— рис. 26. Бронзовая бляшка условно-листовидная, съ полукруглымъ отверстіемъ внизу, съ каемкой и зернью по краямъ, и съ растительнымъ узоромъ, болѣе полнымъ, чѣмъ на предыдущей. Напоминаетъ также упомянутую пермскую бляшку [256]) и привѣски изъ Ашерадена [257]).

— рис. 7. Бронзовая бляшка фигурной пятиугольной формы съ прямоугольнымъ отверстіемъ внизу, съ шишечками по бокамъ и внизу и съ растительнымъ узоромъ. Напоминаетъ нѣсколько бляшки изъ Лифляндской губ. [258]) и изъ Камунты (монеты V—IX ст.) [259]). Походитъ на двѣ предыдущія лядинскія и формой, и узоромъ, отчасти на нѣкоторыя другія (Ср. рис. 5, 10, 11, 12, 13, 22).

— рис. 28. Бронзовая бляшка простая, формой похожая на предыдущія, съ фестонами по краямъ.

Табл. VIII рис. 12. Бронзовыя бляшки въ видѣ фигурнаго сердцевиднаго листка съ полукруглой вырѣзкой внизу, съ гладкой каемкой, которая вверху заканчивается растительными завитками, и съ растительнымъ орнаментомъ въ серединѣ. Узоромъ и формою сближается съ предыдущими и напоминаетъ изображенія на золотомъ браслетѣ изъ Болгаръ [260]), а формой—привѣски изъ Ашерадена Лифляндской губ. [261]).

---

[249]) Въ собраніи наслѣдниковъ А. Е. Теплоухова на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[250]) Раскопки Л. К. Ивановскаго. Матеріалы по исторіи русск. одеждъ, изд. В. Прохоровымъ.
[251]) Узоръ ковра кочевыхъ туркменъ и глиняной посуды изъ Бухары. Симаковъ, Искусство Средней Азіи. Табл. 4 и 45.
[252]) Montelius, Antiqu. Sued. II рис. 514.
[253]) Пермскій Сборникъ. I, рис. 17.
[254]) Труды 1 Археолог. Съѣзда стр. 660.
[255]) Kruse, Necrolivon. Tab. 2 fig. f и Tab. 11 fig. 2.
[256]) Пермск. Сборникъ. I, рис. 17.
[257]) Kruse Tab. 2 fig. f. и Tab. 11 fig. 2.
[258]) Kruse, Necrol. Tab. 14 fig. 5, Tab. 39 fig. k. Ср. Bähr, Die Gräber der Liven Taf. XII рис. 4.
[259]) Въ коллекціяхъ Археологической коммиссіи.
[260]) Труды 2 Арх. Съѣзда стр. 24. Рисунки къ нимъ, Табл. VII, рис. 12.
[261]) Kruse, Tab. 2 fig. f., Tab. 11 fig. 2, Tab. 14 fig. 5.

Табл. VI рис. 2. Бронзовыя бляшки въ видѣ гладкаго сердечка съ круглымъ отверстіемъ, съ разомкнутыми концами. Такія бляшки найдены въ Моршанскомъ могильникѣ (Тамбовской губ.) [262]). Точно такой узоръ замѣчается на изразцахъ мавзолея Абу-Тенги, въ Шахзиндаѣ (Средняя Азія) [263]). Формой походитъ на предыдущія бляшки (Ср. Табл. VIII рис. 12).

— рис. 21. Бронзовая бляшка въ видѣ сердечка, съ шишечками по бокамъ и внизу, съ каймой изъ зерни и кольцеобразной вырѣзкой въ серединѣ. Похожія по формѣ бляшки съ гладкой каемкой и орнаментомъ найдены въ Вятской губ. [264]) и въ Гнѣздовѣ Смоленскаго у. (монеты X ст.) [265]); сходныя бляшки, но безъ кружечка посерединѣ найдены въ Мерянскихъ могилахъ с. Шокшова съ монетами X—XI ст. [266]) и въ Финляндіи [267]).

— рис. 24. Продолговатое сердечко съ такимъ же орнаментомъ, какъ предыдущее. Походитъ на только что указанную мерянскую бляшку. Напоминаетъ узоръ въ мечети Тулунъ въ Каирѣ (867 г.) [268]).

— рис. 9 и 14. Бронзовыя бляшки въ видѣ гладкихъ сердечекъ, продолговатая и широкая. Подобныя находили въ Тарскомъ округѣ Тобольской губ. [269]), въ Билярскѣ [270]) и въ Вологодской губ. [271]).

— рис. 6. Бронзовыя бляшки пятиугольной формы, съ вырѣзкой въ основаніи, съ каемкой въ видѣ зерни по краямъ и съ такимъ же узоромъ посерединѣ. Накладывались на ремень такимъ образомъ, что вершина одной входила въ вырѣзку другой, сосѣдней. Этимъ онѣ напоминаютъ расположеніе сердцевидныхъ бляшекъ (ср. рис. 2, 3, 9, 12—15) и расположеніе узоровъ на наконечникѣ рис. 16. Возможно также, что и форма ихъ родственна формѣ сердцеобразной, листовидной и другимъ, выше разсмотрѣннымъ. Бляшки такой формы найдены въ Гнѣздовѣ Смоленскаго у. (монеты X в.) [272]).

— рис. 27. Бронзовыя бляшки двухъ типовъ: пятиугольныя съ вогнутыми боками и листовидныя; поле бляшекъ послѣдняго типа гладкими каемками раздѣлено на три части, въ которыхъ помѣщенъ растительный орнаментъ; оба типа бляшекъ снабжены прямоугольными отверстіями. Лѣвая пара формой напоминаетъ бляшку на рис. 7.

Табл. VIII рис. 10. Четыреугольныя гладкія бронзовыя бляшки съ прямоугольными отверстіями. Въ 1869 г. найдена бляшка съ сердцевиднымъ отверстіемъ. Подобныя бляшки, но съ узорами, найдены въ могильникѣ близъ Дзивгиса (Осетія) [273]) и въ Углицкомъ у. Ярославской губ. [274]).

Табл. VI рис. 4. Четыреугольная бронзовая бляшка съ отверстіемъ, въ которое продѣтъ ремень съ наконечникомъ, украшена узоромъ, представляющимъ, повидимому, птицу съ распущенными крыльями.

[262]) Коллекціи Историческаго Музея въ Москвѣ.
[263]) Симаковъ, Искусство Средн. Азіи, Таб. 41.
[264]) Собраніе Н. Г. Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[265]) Въ коллекціяхъ Историческаго Музея въ Москвѣ.
[266]) Собр. картъ, плановъ и рис. къ Тр. 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXXII, рис. 16.
[267]) Aspelin, вып. IV рис. 1436.
[268]) Owen Jones. Grammaire de l'ornement. T. XXXI, f. 15 и 20.
[269]) Историческій Музей въ Москвѣ.
[270]) Атласъ къ Труд. IV Арх. Съѣзда. Табл. XI рис. 18.
[271]) Aspelin, рис. 862.
[272]) Въ собраніяхъ Историческаго Музея въ Москвѣ.
[273]) Матеріалы по археол. Кавказа I, Табл. XI, рис. 12.
[274]) Въ собраніяхъ Историческаго Музея въ Москвѣ.

Табл. IX рис. 3. Бронзовая листовидная бляшка съ фестонами по нижнему краю, съ углубленной каймой и съ узоромъ, повидимому, растительнаго характера (Ср. Табл. VI рис. 5, 10 и 16). Напоминаетъ одну мерянскую бляшку [275]).

Табл. VI рис. 25. Бронзовыя бляшки круглыя, съ каемкой въ видѣ зерни, съ грубымъ узоромъ вродѣ цвѣтка и съ кольцами. Напоминаютъ бляхи изъ Вятской губ. [276]). На томъ же ремнѣ пятиугольная фигурная бляха съ отверстіемъ (Ср. Табл. III рис. 25) гладкая, формой напоминаетъ фигурныя бляхи на рис. 3, 7 и 26.

Табл. VII рис. 20. Бляшка бронзовая круглая съ фестонами по краямъ, съ сердцевидной углубленной каемкой, съ узоромъ (тамгою?) и съ колечкомъ.

Табл. VI рис. 8. Табл. VII рис. 19. Бронзовыя бляшки, вырѣзанныя изъ тонкаго листа, четыреугольныя съ закругленными углами, или полуовальныя, съ 4 отверстіями для продѣванія ремешковъ, съ полуовальными или треугольными привѣсками. Подобныя привѣски намъ встрѣчались уже на одномъ украшеніи выше (Табл. VIII рис. 7).

Табл. VI рис. 1. Бронзовыя бляшки въ видѣ гладкаго плоскаго кольца.

— рис. 19. Бляшки фигурныя съ рельефнымъ орнаментомъ. Напоминаютъ бляшки изъ Тарскаго округа Тобольской губ. [277]); похожій узоръ находимъ въ древностяхъ пермскихъ [278]), мерянскихъ [279]) и шведскихъ [280]) (Готландъ). Наконецъ, любопытно сравнить наши бляшки съ бляшками Новочеркаскаго клада (1864 г.) [281]) болѣе ранней эпохи, на которыхъ углубленія на узорѣ служили ячейками для эмали.

— рис. 17. Бронзовый наконечникъ ремня съ узоромъ въ видѣ двойного городка. Подобные находили въ Пермскомъ краѣ [282]). Похожій узоръ замѣчается на костюмѣ одной мужской каменной бабы [283]), встрѣчается также въ мерянскихъ древностяхъ [284]) и въ древностяхъ Ашерадена Лифляндской губ. [285]).

Табл. III рис. 20. Бронзовый наконечникъ ремня съ овальнымъ концомъ, съ гладкой каймой и съ геометричнымъ узоромъ.

— рис. 24. Бронзовый наконечникъ ремня съ овальнымъ концомъ, съ гладкой каймой и узоромъ въ видѣ замысловатыхъ арабесокъ. Любопытна также бляшка съ ушкомъ для колечка на рис. 23 въ текстѣ съ подобнымъ же узоромъ, напоминающимъ дробницы Ростовскаго клада, заключавшаго восточныя монеты конца X вѣка и другія восточныя вещи [286]), а также одну бляшку изъ Швеціи [287]). Что касается маленькой бляшки, то возможно, что ея узоръ есть подражаніе арабской надписи.

Рис 23.

Табл. III рис. 16. Серебряная бляшка неправильной пятиугольной формы съ изобра-

[275]) Собр. картъ, плановъ и рис. къ Труд. I Арх. Съѣзда. Табл XXXII, рис. 43.
[276]) Собраніе Н. Г. Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[277]) Коллекціи Историческаго Музея въ Москвѣ.
[278]) Собраніе наслѣдниковъ А. Е. Теплоухова на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[279]) Собраніе картъ, плановъ и рисунк. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXXII рис. 38.
[280]) Montelius, Antiqu. Sued. II, p. 512 a.
[281]) Гр. Толстой и Кондаковъ. Русскія древности, вып. III рис. 165.
[282]) Собраніе наслѣдниковъ А. Е. Теплоухова на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[283]) Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ I Археол. Съѣзда. Табл. II рис. 23.
[284]) Тамъ же. Табл. XXXII рис. 39.
[285]) Bähr. Die Gräber der Liven. Taf. IX fig. 1, i.
[286]) Труды I Арх. Съѣзда стр. 660.
[287]) Montelius. Remains from the iron age of Scandinavia. Pl. 3 f. 2.

женіемъ человѣческой фигуры съ поднятыми руками; шариками на головѣ изображены, вѣроятно, курчавые волосы; по сторонамъ головы замѣтны серьги, или свѣшивающіеся концы головного убора. Орнаментъ напоминаетъ изображенія на нѣкоторыхъ индійскихъ монетахъ [288]). Значительно грубѣйшей работы бляшка съ изображеніемъ человѣческой фигуры въ сходной позѣ найдена въ одной мерянской могилѣ (Васильки, монеты X—XI стол.) [289]).

Табл. VIII рис. 9. Серебряныя бляшки сердцеобразныя, съ гладкой каймой и съ изображеніемъ человѣческаго лица съ бородой и съ усами. Сходныя найдены въ Сибири (Батени) [290]); въ Минусинскомъ музеѣ есть еще два варіанта; на одномъ борода представлена на каймѣ бляшки, другое изображеніе вовсе безъ бороды [291]). Замѣчательно похожи также бляшки изъ могильниковъ Дзивгиса и Ладза (Осетія) [292]). Можно замѣтить нѣкоторое сходство съ оловянной бляшкой изъ Алтайскаго кургана [293]) и съ сердцевидными изображеніями человѣческаго лица (вѣроятно, символическими) безъ бороды на туловищахъ птицъ въ Пермскомъ краѣ и въ Сибири [294]). Въ Фольгагенскомъ кладѣ (Готландъ) вмѣстѣ съ монетами X—XI в. найдена сердцевидная привѣска со сходнымъ изображеніемъ, схематично исполненнымъ филигранью [295]).

Табл. IX рис. 13. Бронзовая овальная пряжка съ бляхой неправильной четыреугольной формы, съ условнымъ узоромъ въ видѣ завитковъ и пальметокъ внизу и сосенокъ вверху; иглы не достаетъ. Отдаленно напоминаетъ одну мерянскую бляшку [296]).

Табл. III рис. 10. Бронзовый наконечникъ ремня полуовальной формы съ отростками для вставленія иглы, съ выпуклой каймой, поверхность котораго раздѣлена на 8 частей перегородками, образующими косой крестъ съ листовидными концами. Углубленія между перегородками, вѣроятно, предназначались для эмали или инкрустаціи, или же разсматриваемый предметъ воспроизводилъ болѣе ранніе и дорогіе образцы безъ помощи того и другого. Изъ болѣе раннихъ издѣлій нашъ наконечникъ напоминаетъ бляшки съ инкрустаціями изъ Терской области [297]).

— рис. 6. Бронзовая сердцевидная пряжка съ иглой и пятиугольной бляхой, поверхность которой углубленными линіями раздѣлена на 6 частей. Узоръ этотъ можно также объяснить стремленіемъ подражать перегородчатой эмали. Сходную по формѣ пряжку можно указать среди древностей Камунты (Кавказъ, монеты V—IX стол.) [298]).

Табл. VI рис. 18. Овальная пряжка съ иглой и съ полуовальной бляшкой (поверхность послѣдней испорчена). Формой походитъ на предыдущую и на пряжки изъ Курманскаго могильника [299]).

288) Essays on Indian antiquities. J. Prinsep. Pl. XXII, 12, 16, 17. Pl. XXIII, 18, 19, 20, 22—24, 27. Pl. XXIX, 13—18, 20. Pl. XXX, 1, 2, 8—10, 16.

289) Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ I Археол. Съѣзда. Таб. XXVIII рис. 11. Ср. Aspelin, III, рис. 1071.

290) Клеменцъ, Древности Минусинскаго музея. Табл. VIII, рис. 2.

291) Тамъ же, рис. 4 и 6.

292) Матеріалы по археологіи Кавказа I. Табл. XI рис. 10. Табл. XII рис. 9.

293) Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова II, рис. 56.

294) Aspelin, рис. 529 и 532. Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности вып. III рис. 41 и 42.

295) Antiqvarisk Tidskrift för Sverike. Tredje delen. Стр. 102. Ср Montelius, Antiqu. Sued. II p. 605.

296) Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Трудамъ I Арх. Съѣзда. Табл. XXXII рис. 40.

297) Гр. Толстой и Кондаковъ, вып. III, рис. 149 и 180.

298) Раскопки Долбежева. Коллекція сохраняется въ Археологической Коммиссіи.

299) Древности Моск. Арх. Общ. XIV. Табл. XI.

Табл. VIII рис. 11. Овальная пряжка съ иглой и съ гладкой продолговатой бляшкой. Болѣе красивые экземпляры мы встрѣчали выше.

Табл. VII рис. 3. Серебряная сердцевидная пряжка съ иглой и съ узоромъ изъ вѣточекъ знакомаго намъ типа (Ср. Табл. VI рис. 10 и др.), расположенныхъ поперекъ ободка.

— рис. 24. Бронзовая бляшка въ видѣ плоскаго кольца съ гладкой каймою, съ тремя дырочками по краю для заклепокъ и съ двумя отростками для вставленія шарнира, съ узоромъ въ видѣ завитковъ. Характеромъ узора напоминаетъ нѣкоторыя мерянскія древности [300]). Подобные завитки, въ качествѣ растительныхъ усиковъ, мы видѣли уже на нѣкоторыхъ лядинскихъ бляшкахъ (Ср. Табл. VI рис. 3, 7 и 26).

Табл. II рис. 10. Часть бронзовой пряжки въ видѣ подковы съ свободными концами, съ четыреугольнымъ расширеніемъ посерединѣ, съ углубленнымъ косымъ крестомъ на по-

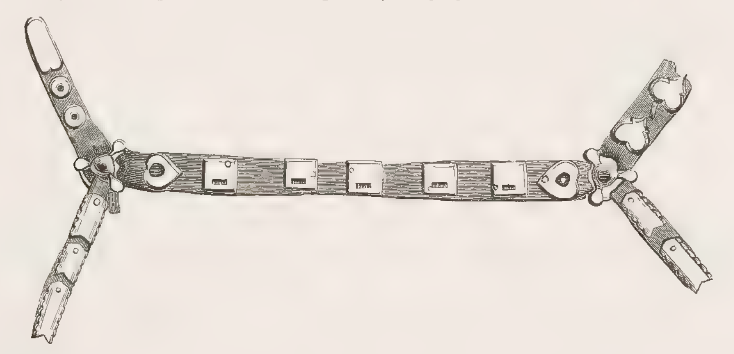

Рис. 24.

слѣднемъ. Похожая пряжка съ такимъ же значкомъ найдена въ Курманскомъ могильникѣ (Касим. у. Рязанской губ.) [301]).

Табл. III рис. 12 и 13. Двѣ бронзовыя пряжки въ видѣ стремени, съ иглами. Форма столь ординарна, что трудно сдѣлать какія-либо опредѣленныя указанія о ней.

Табл. VI рис. 14. Бронзовая пряжка въ видѣ колеса о трехъ спицахъ съ большой выпуклостью посерединѣ. (на рис. 14 и 24 стр. 12 и 44 in situ) Подобныя пряжки, по большей части о 4, 5 и 6 спицахъ, находили въ Тарскомъ округѣ Тобольской губ. (съ бляшками такой же формы, какъ и у насъ) [302]) и на Кавказѣ, а именно въ Кобанскомъ могильникѣ [303]), въ могильникѣ близъ святилища Мохде (Чечня) [304]), въ могильникѣ близъ Балкарскаго аула Зилги [305]) и въ чегемскихъ могилахъ [306]). Подобная пряжка съ наборными ремнями, какъ

[300]) Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Труд. 1 Арх. Съѣзда Табл. XXVIII рис. 5.

[301]) Древности Моск. Археолог. Общ. XIV. Табл. V.

[302]) Коллекціи Историческаго Музея въ Москвѣ.

[303]) Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова II, рис. 205 и 206.

[304]) Матеріалы по археологіи Кавказа I. Табл. III рис. 4.

[305]) Тамъ же, Табл. XIX рис. 1, 12 и 18.

[306]) Тамъ же, Табл. XXIV рис. 38.

принадлежность конской упряжи, найдена г. Уваровымъ въ курганѣ на Юрьевой горѣ, на мѣстѣ липецкой битвы 1216 г. [307]). Наконецъ, подобныя пряжки находили въ Финляндіи [308]) и въ Лифляндіи [309]). На груди нѣкоторыхъ мужскихъ каменныхъ бабъ замѣчаются пряжки, напоминающія наши, съ ремнями, проходящими поперекъ груди и черезъ плечи на спину, съ выпущенными внизъ концами [310]). Подобное расположеніе ремней на груди замѣчается также на изображеніяхъ сассанидскихъ царей на блюдахъ [311]). Интересно также, что на нѣкоторыхъ мужскихъ каменныхъ бабахъ ремни перекрещиваются подобнымъ образомъ на бедрахъ и на ногахъ, и на мѣстахъ скрещиванія скрѣпляются какими-то круглыми пряжками [312]). Такимъ образомъ ремни Лядинскаго могильника съ колесообразными пряжками съ одинаковымъ правомъ могутъ быть отнесены какъ къ конскому, такъ и къ личному убору, судя же по тому, что они находимы были всегда на тазу мужскихъ скелетовъ, наравнѣ съ подлинными поясами, послѣднее предположеніе намъ кажется вѣроятнѣе.

Табл. III рис. 22, 26 и 30. Бронзовыя бляшки—двѣ четыреугольныя и одна полуовальная, украшенныя рядами мелкихъ шишечекъ по бокамъ и крупными посерединѣ и линіями, исполненными насѣчкой. Орнаментъ, знакомый намъ по предметамъ личнаго убора, представляетъ собою условное воспроизведеніе филиграни.

Табл III рис. 8. Бронзовая *печатка* со стержнемъ, срѣзаннымъ съ двухъ сторонъ и снабженнымъ отверстіемъ для прикрѣпленія ручки и съ изображеніемъ какого-то морского животнаго или рыбы съ усами. Подобныхъ предметовъ среди русскихъ древностей не встрѣчалось. Напоминаетъ изображеніе на одной монетѣ далекаго востока [313]).

Табл. VII рис. 17. Бронзовая *застежка* въ видѣ палочки съ фигурными концами и съ ушкомъ посерединѣ. Близко сходный, но худшей сохранности предметъ найденъ въ могильникѣ близъ аула Саниба (Осетія) [314]); напоминаетъ застежку изъ Кобани, на которой вмѣсто ушка находятся двѣ выпуклости съ перехватомъ посерединѣ [315]).

Рис. 1a и 1b въ текстѣ на стр. 1. Бронзовый *котелъ* полушаровидный, склепанный изъ отдѣльныхъ листовъ, съ дужкой; найденъ въ 1869 году. Варіантовъ намъ неизвѣстно.

Бронзовыя *ведра* низкія, съ дужками. Подобныя находили въ Финляндіи [316]) и въ Новоладожскомъ у. Петербургской губ. (монеты IX—XI ст.) [317]). Лучшій образчикъ представленъ на рис. 17 стр. 14 текста (дно искрошилось). Онъ отличается отъ остальныхъ присутствіемъ на верхнемъ краѣ и на ручкѣ арабской надписи и узоровъ. Надпись съ узорами на верхнемъ краѣ мы даемъ въ развернутомъ видѣ и въ натуральную величину на рис. 25 въ текстѣ стр. 46 и 47. Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ сообщилъ намъ о ней слѣдующее:

„Исполненная нѣсколько вычурнымъ шрифтомъ арабская надпись, идущая по верхнему краю бронзоваго котелка, надъ полосою, украшенною лиственною гирляндою, содержитъ

307) Отдѣлъ первобытныхъ древностей Румянцовскаго Музея.
308) Aspelin, вып. IV рис. 1515.
309) Kruse, Necrolivonica. Tab. 14 fig. 2.
310) Собраніе картъ, плановъ и рисунковъ къ Тр. 1 Арх. Съѣзда. Табл. I рис. 2. Табл. II рис. 13 и 23.
311) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности вып. III, рис. 90 и 97.
312) Въ коллекціи Московскаго Историческаго Музея.
313) Essays on Indian antiquities of the late. James Prinsep. Vol. I, Pl. XXXII, 8.
314) Матеріалы по археологіи Кавказа I, Табл. XIII рис. 7.
315) Раскопки г. Долбежева.
316) Aspelin, вып. IV, p. 1357.
317) Изв. Рус. Арх. Общ. X, Табл. II p. 7.

обычное на мусульманскихъ сосудахъ благочестивое пожеланіе всякаго добра и благополучія тому лицу, которому принадлежитъ котелокъ, и въ переводѣ значитъ: „Во имя Аллаха милосердаго и милостиваго, (да будутъ) надъ обладателемъ его (сосуда) благодать Божія, и счастіе, и радость, и слава, и благополучіе, и долгоденствіе". Подобная же, но нѣсколько сокращенная, надпись, исполненная притомъ гораздо небрежнѣе первой, помѣщена на ручкѣ

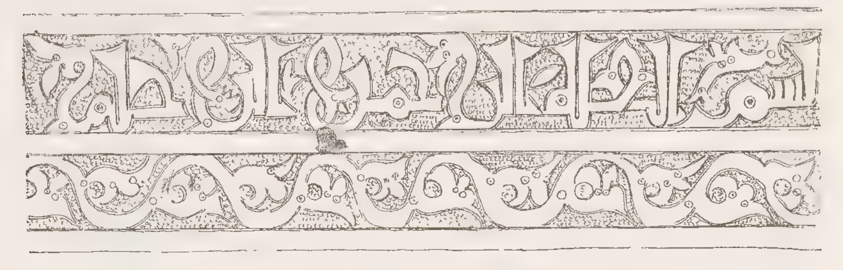

Рис. 25а.

котелка и гласитъ слѣдующее: „Благодать, и счастіе, и радость, и слава, и долгоденствіе (да будутъ) надъ обладателемъ его (т. е. сосуда)". По формѣ буквъ надписи эти могутъ относиться къ XI—XIV столѣт. нашего лѣтосчисленія". Такое ведро, кажется, предтавляетъ новость въ археологіи Россіи, интересную между прочимъ по сходству его съ болѣе простыми ведрами, которыя, какъ мы видѣли, найдены на сѣверо-западѣ Россіи.

Табл. IX рис. 11. Часть костяной *ручки* ножа съ крестообразно расположенными въ серединѣ рядами кружковъ съ точками внутри, соединенныхъ параллельными линіями, и съ узоромъ въ видѣ сосенки на концѣ. Узоръ изъ кружковъ съ точками внутри встрѣчался уже намъ на бронзовомъ браслетѣ (Табл. IX рис. 9).

Табл. VII рис. 26. Костяная *застежка* въ видѣ палочки съ острыми концами и съ перехватомъ по серединѣ. Подобныя застежки, но съ усѣченными концами найдены въ могильникѣ близь Ладза (Осетія) и въ Чегемскомъ могильникѣ [318]).

Табл. VII рис. 15. *Птичка*, сдѣланная изъ когтя медвѣдя, съ отверстіемъ на мѣстѣ глазъ для подвѣшиванія на ремешкѣ. Вѣроятно, служила амулетомъ, оберегающимъ отъ зла. Подобныхъ мы не можемъ указать въ другихъ мѣстахъ; но металлическія птички находили въ Пермскомъ краѣ [319]), Владимірской губ. [320]), Новоладожскомъ у. Петербургской губ. (монеты IX—XI ст.) [321]) и другихъ мѣстахъ Россіи. Медвѣжьи и лисьи когти въ прошломъ еще столѣтіи носили мордовки Пензенской губ. на гайтанахъ, вмѣстѣ съ крестами [322]). Медвѣжьи *зубы* встрѣчались также въ могилахъ мерянъ [323]) и употребляются въ настоящее время мордвой [324]).

Табл. IX. Образцы *ткани*: тонкой (рис. 12) и толстой (рис. 14—16); на рис. 16 ткань съ металлическими украшеніями. Ткань на рис. 15 по своему строенію напоминаетъ ткань изъ Динабургскаго у. Витебской губ. [325]). Ткань, украшенную кольцами и проволокой, находили въ Лифляндской губ. (монеты X—XI в.) [326]), украшенную спирально согнутыми проволоками въ Финляндіи [327]) и колечками въ Динабургскомъ у. Витебской губ. [328]).

Раковины cypraea moneta собираются на Малединскихъ островахъ и съ давняго времени служили на востокѣ въ качествѣ монеты. Марко Поло пишетъ о такомъ употребленіи „фарфоровой раковины" въ разныхъ мѣстахъ Азіи и о вывозѣ ея изъ Индіи [329]). Ихъ находили въ древнихъ могилахъ близь Моршанска Тамбовской губ. [330]), въ мерянскихъ могилахъ Владимірской г. (только двѣ штуки) [331]), въ могильникахъ Кавказа (Ладзкомъ и Дзивгискомъ) [332]), въ Болгарахъ [333]), въ

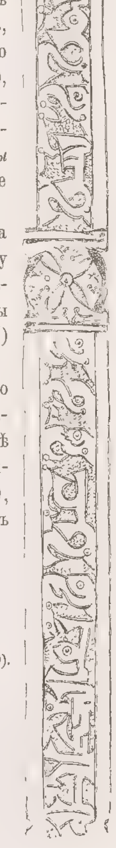

Рис. 256.

318) Матеріалы по археологіи Кавказа, I, табл. XII, р. 15. Табл. XXIV, рис. 46.
319) Пермскій Сборникъ, I, рис. 11.
320) Труды 1 Арх. Съѣзда, стр. 701. Повидимому, находили также и медвѣжьи когти.
321) Изв. Р. Арх. Общ. X, табл. I, рис. 5.
322) Н. Смирновъ, Мордовское населеніе Пензенск. губ. (Пенз. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 1, стр. 9).
323) Труды 1 Арх. Съѣзда, стр. 701.
324) Систем. описаніе Дашк. Этногр. Муз., стр. 34.
325) Древности Сѣверо-зап. края. Табл. VI, рис. 12 и 22.
326) Aspelin, вып. V, рис. 2033, 2035, 2038 и 2124.
327) Тамъ же, рис. 1345.
328) Древности Сѣв.-зап. края. Табл. VI, рис. 3.
329) Марко Поло. Путешествіе. Рус. пер. Спб. 1873, стр. 138, 139, 141, 151 и 197.
330) Коллекціи Историческаго Музея въ Москвѣ.
331) Труды 1 Арх. Съѣзда, стр. 702.
332) Матеріалы по археологіи Кавказа I, рис. 97.
333) Труды 2 Арх. Съѣзда, стр. 37.

Пермскомъ краѣ [334]). Въ качествѣ пронизокъ для ожерелья и украшенія разныхъ частей костюма, сургаеа moneta и въ настоящее время въ употребленіи у инородцевъ: у чувашъ [335]), мордвы [336]), ижоровъ [337]).

Бусы (Табл. XII). Самый распространенный ихъ видъ въ могильникѣ — *глиняныя*, мелкія, синяго и желтаго цвѣтовъ. Чаще всего онѣ употреблялись въ видѣ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе длинныхъ, нитокъ, но иногда составляли сплошную тесьму, или родъ гривны. Намъ не приходилось находить указаній въ литературѣ о нахожденіи такихъ украшеній въ древнихъ могилахъ, но они бытуютъ въ костюмѣ чувашекъ [338]), мордовокъ [339]), тунгусокъ [340]) и русскихъ женщинъ губерній Рязанской, Тульской и Тамбовской [341]). Подобнаго рода гривны изъ бусъ должны быть родственны металлическимъ гривнамъ, которыя, какъ мы видѣли, украшались шишечками и точками, т. е. подражаніями бусъ или камней.

Затѣмъ по степени распространенности слѣдуютъ бусы *стекляныя* золоченныя и серебренныя (Табл. XII рис. 11). Весьма часто онѣ составляли сплошную трубочку изъ нѣсколькихъ штукъ рядомъ. Въ литературѣ была попытка объяснить происхожденіе такихъ трубочекъ большимъ спросомъ на бусы, который не давалъ времени отдѣлывать ихъ, т. е. отдѣлять одну отъ другой; но, имѣя въ виду, что въ могильникѣ находимы были также бронзовыя трубочки въ качествѣ пронизокъ для ожерелья (о чемъ мы говорили выше), мы не находимъ надобности прибѣгать къ такому объясненію: въ самомъ дѣлѣ, бронзовыя и стекляныя трубочки могли служить вполнѣ достигающей цѣли имитацiей и замѣной бусъ. Способъ ихъ фабрикаціи извѣстенъ: металлъ накладывался на стекло и потомъ снова покрывался слоемъ стекла. Такія стекляныя золоченыя и серебреныя бусы находили въ Болгарахъ [342]), въ мерянскихъ могилахъ [343]) и на Кавказѣ [344]).

Далѣе, находимы были стеклянныя же бусы *цвѣтныя* (въ томъ числѣ зеленыя) и *полосатыя* (Табл. XII рис. 6, 11, 14, 16, 17 и 22), иногда также составлявшія сплошную трубочку. Подобныя встрѣчались также въ мерянскихъ могилахъ [345]), въ Болгарахъ [346]) и въ могильникахъ Кавказа [347]).

Красивѣе остальныхъ бусы *крупныя* формы *плоской*, *круглой*, *кубической*, въ видѣ *боченочка* и др. разныхъ цвѣтовъ, мозаиковыя и глиняныя съ поливой и съ цвѣтными пятнышками, глазками, бородавками и звѣздочками (рис. 3, 4, 9, 10, 17, 18, 21 и 22). Подобныя попадались также и въ Болгарахъ [348]), въ мерянскихъ могильникахъ [349]) и на

---

334) Aspelin, вып. II, p. 685.
335) Коллекція Муз. Отеч. при Казанск. Унив. на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
336) Систем. опис. Дашк. Этнограф. Музея, стр. 32 и 34.
337) Дашков. Этногр. Музей, манекенъ 10.
338) Дашков. Этногр. Музей, манекены 36 и 37.
339) У послѣднихъ оно называется *ошюкресть—ведьма*. Сист. Опис. Дашк. Музея, стр. 34. Манекенъ 14.
340) Дашковскій Музей, манекенъ 65 и 66.
341) Тамъ же, манекены 134, 137, 139 и 146.
342) Труды 2 Арх. Съѣзда, стр. 94.
343) Труды 1 Арх. Съѣзда, стр. 707—708.
344) Въ Ладзѣ. Матералы по археологіи Кавказа I, стр. 127.
345) Труды 1 Арх. Съѣзда, атласъ, табл. XXXV, рис. 17, 19, 26, 28, 50.
346) Рисунки къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда, табл. VI, рис. 2 и 21.
347) Матеріалы по арх. Кавказа I, стр. 126 и 127.
348) Труды 2 Арх. Съѣзда, стр. 33 и 34 и Рисунки табл. VI, рис. 25, 26, 28, 29, 33, 36 и 38.
349) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. XXXV, рис. 43, 44, 46, 47, 48.

Кавказѣ, въ названныхъ мѣстахъ [350]). Бусы съ глазками и въ видѣ боченка встрѣчались еще въ древнихъ могилахъ Киммерійскаго Босфора классической эпохи [351]).

Наконецъ попадались еще бусины *костяныя* (Табл. III рис. 7).

Рис. 7, 8, 26, 27 и 28 въ текстѣ. Глиняные *горшки* темно-сѣраго и темно-желтаго цвѣта, плохо выжженные, иногда съ несимметричными боками, формой похожіе на современные печные. Форма ихъ столь ординарна и груба, что было бы напраснымъ трудомъ перечислять тѣ мѣста, гдѣ были находимы подобные. Большинство изъ нихъ не было орнаментировано по бокамъ, но вѣнцы многихъ были украшены шнуровиднымъ узоромъ; одинъ экземпляръ украшенъ былъ по бокамъ ямками, расположенными треугольниками, по три въ каждомъ; на одномъ расположены изображенія равностороннихъ крестовъ изъ двухъ рядовъ ямокъ (рис. 27 въ текстѣ). Эти кресты, вѣроятно, не имѣли значенія святыни, подобно крестамъ сходной формы на скалахъ въ Сибири [352]), на посудѣ изъ Болгаръ [353]) и изъ Витебской губ. [354]). Наконецъ встрѣтились два экземпляра съ углубленными знач-

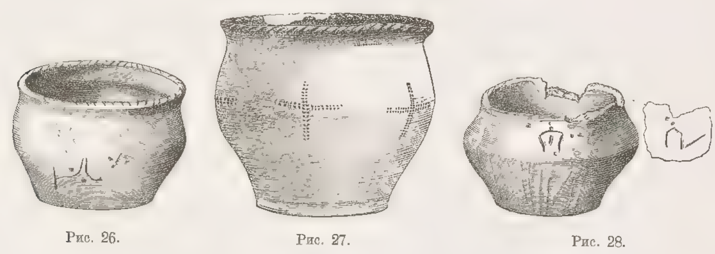

Рис. 26. Рис. 27. Рис. 28.

ками, которые, можетъ быть, служили фабричными клеймами или знаками собственности (рис. 26 и 28 въ текстѣ); они опять таки напоминаютъ нѣсколько знаки на скалахъ въ Сибири [355]) и на одномъ предметѣ изъ Болгаръ [356]).

Глиняныя *ложки* или *ковши* (рис. 9 на стр. 8) поперечно овальной формы съ втулкой въ видѣ трубочки для вставленія ручки. Ложки подобной формы находимы были въ Курманскомъ могильникѣ и въ вятскихъ могилахъ, но у вятскихъ одинъ конецъ ложки круглый, а другой острый [357]); можно также указать ложку крайне грубой фабрикаціи среди мерянскихъ древностей (Васильки, куфическія монеты X—XI ст.) [358]), служившую, по мнѣнію гр. А. С. Уварова, для жертвенныхъ возліяній. Что касается лядинскихъ ложекъ, то онѣ могли служить и для удовлетворенія обиходнымъ надобностямъ въ качествѣ ложекъ или ковшей, къ чему хорошо были приспособлены по своей формѣ. Припо-

[350]) Матер. по арх. Кавказа I, стр. 127. Табл. XII, рис. I.

[351]) Въ коллекціяхъ Императорскаго Эрмитажа. Атласъ къ Отчету Имп. Археологической Комм. за 1882—1888 гг. табл. V. рис.

[352]) Сибирскія Древности Радлова, I, вып. 2. Прилож. стр. 35, табл. VII, стр. 36, табл. VIII, рис. 13.

[353]) Атласъ къ Трудамъ IV Арх. Съѣзда. табл. 15, рис. 7. Также рисунки къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда, табл. III, рис. 6.

[354]) Сементовскій, Бѣлорусскія Древности, стр. 27.

[355]) Радловъ, Сибир. Древности, I, вып. 2. Приложенія стр. 35, табл. VII.

[356]) Рис. къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда, табл. III, рис. 14.

[357]) Выставка VIII Арх. Съѣзда. Древности XIV, табл. V, № 32.

[358]) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. XXVI, рис. 3.

мнимъ современныя деревянныя ложки поперечно-овальной формы, пользующіяся повсемѣстнымъ распространеніемъ въ крестьянскомъ быту. Замѣтимъ кстати, что такой формы деревянныя ложки попадались въ Болгарахъ [359]).

Табл. X, рис. 1 и 2. Желѣзныя *стремена* съ прямыми и косыми боками. Подобныя находили въ Енисейской губ. (Ташеба) [360]) и среди мерянскихъ древностей [361]).

— рис. 6. Желѣзныя *удила* съ прямыми усиками. Въ 1869 г. найдены любопытные варіанты:

a) съ усиками, украшенными по всему протяженію перехватцами,

b) съ кольцами вмѣсто усиковъ,

c) съ волнообразно-изогнутыми усиками, верхній конецъ которыхъ представляетъ изображеніе лошадиной головы (рис. 29 въ текстѣ). Особенно интересны послѣднія. Подобныя удила находимы были въ чудскихъ могилахъ Барнаульскаго округа [362]) и въ Енисейской губ. [363]); удила съ усиками, украшенными конскими головками на концахъ въ натуралистическомъ пошибѣ, найдены въ Кобанскомъ могильникѣ (Кавказъ) [364]); въ Семибратномъ курганѣ (Темрюкскаго у. Кубанской обл.) нашли бронзовыя псалліи, которыя представляютъ сходный изгибъ съ нашею и украшены изображеніями конской головки и копыта на концахъ въ реальномъ стилѣ [365]).

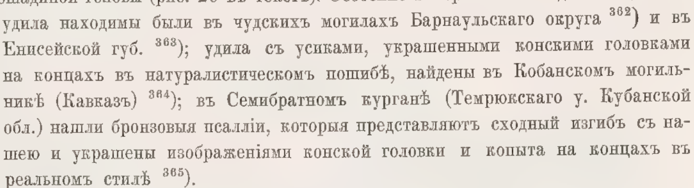

Рис. 29.

— рис. 13. Большой желѣзный *колокольчикъ* цилиндрической формы; колокольчики такой формы, но побольше, современные киргизы привѣшиваютъ къ шеѣ верблюдовъ [366]).

— рис. 3 и 12. Желѣзные *длинные узкіе топоры* со втулкой на концѣ, часто съ косымъ лезвіемъ. Въ 1869 г. находили и короче. Подобные топоры найдены въ Болгарахъ [367]), въ Муромскомъ у. Владимірской губ. [368]) и среди мерянскихъ древностей [369]), близь д. Терюшево Нижегородской губ. [370]), близь Моршанска Тамбовской губ. [371]); топоры немного короче найдены въ Динабургскомъ у. Витебской губ. [372]). Судя по формѣ, такіе топоры слѣдуетъ признать за кирки.

— рис. 4. Желѣзный *топоръ* съ очень широкимъ лезвіемъ и съ срѣзаннымъ нижнимъ концомъ. Такіе топоры принято называть датскими боевыми сѣкирами. Они очень распространены на балтійскихъ побережьяхъ, на островахъ и въ Бѣлоруссіи. Подобныя на-

[359]) Труды 2 Арх. Съѣзда стр. 28.
[360]) Рисунки древностей Минусинск. Музея въ архивѣ Археологической коммиссіи.
[361]) Aspelin, вып. III, рис. 967.
[362]) Древности Моск. Арх. Общ. XI, вып. 2, табл. VII, № 13.
[363]) Рисунки древностей Минусинскаго Музея въ Археолог. коммисіи.
[364]) Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова, II, рис. 299.
[365]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія Древности, I, рис. 57.
[366]) Манекенъ киргизки на верблюдѣ въ Московск. Музеѣ Прикладныхъ Знаній.
[367]) Коллекціи Историческаго Музея въ Москвѣ.
[368]) Aspelin, вып. III. рис. 903.
[369]) Тамъ же, рис. 935, 938 и 939. Ср. Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. XXIX, рис. 3.
[370]) Коллекціи Историческаго Музея въ Москвѣ.
[371]) Тамъ же.
[372]) Древности Сѣверо-зап. края, стр. 56, № 6.

ходили на Аландскихъ островахъ [373]), въ Финляндіи [374]), въ Лифляндской губ. [375]) (монеты X—XI в.), въ Новоладожскомъ у. Петербургской губ. (монеты X в.) [376]), въ Минской губ. [377]) и въ Дрогичинѣ Гродненской губ. [378]). Но районъ распространенія ихъ не ограничивается сѣверо-западомъ Россіи,—ихъ находили также въ средней и въ восточной Россіи, а именно: во Владимірской губ. (Кобанское, Васильки) [379]), въ Рыбинскомъ у. Ярославской губ. [380]), въ Биларскѣ [381]) и въ Пермскомъ краѣ [382]). Любопытнѣе всего, что мы нашли точно такой топоръ на одной изъ улицъ гор. Азова (1890 г.) на глубинѣ $1^{1}/_{4}$ аршина, вмѣстѣ съ предметами позднѣйшаго времени, какъ-то: свинцовыми пулями, формой для литья пуль, глиняными курительными трубками и т. д.

— рис. 14. Желѣзный *топоръ* съ лезвіемъ такой же формы, но менѣе широкимъ, нежели у предыдущаго, и съ обухомъ. Подобные находили въ Камунтѣ (на Кавказѣ, монеты V—IX ст.) [383]) и въ Василькахъ Владимірской губ. (монеты X—XI ст.) [384]); похожей формы, но съ втулкой на концѣ, какъ на рис. 3, находили въ Болгарахъ [385]).

— рис. 7. Желѣзный *топоръ* длинный, кривой, съ обухомъ, какъ у молотка. Подобные найдены: въ курганѣ близь с. Аксютинцы Полтавской губ. [386]), въ Ананьинскомъ могильникѣ (Елабужск. у. Вятской губ.) [387]), въ городищѣ близь ст. Раевской (на Кавказѣ) [388]) и среди мерянскихъ древностей [389]). По своей формѣ, такой топоръ годился для земледѣльческихъ работъ въ качествѣ кирки.

— рис. 15. Желѣзный *топоръ* короткій, съ короткимъ обухомъ. Подобный найденъ въ Болгарахъ [390]); сходны топоры мерянскихъ могилъ [391]).

— рис. 16. Желѣзный *топоръ* короткій, съ косымъ лезвіемъ, съ обухомъ подлиннѣе, нежели у предыдущаго. Подобный нашли въ Кобанскомъ могильникѣ (Кавказъ) [392]); напоминаетъ нѣкоторые мерянскіе топоры [393]). По своей формѣ могъ служить киркой.

— рис. 10. Желѣзный продолговатый *топоръ* съ косымъ лезвіемъ и съ продольной втулкой для ручки. Подобные найдены въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанской губ.) [394]), въ Финляндіи [395]) и въ Эстляндіи [396]). Судя по устройству втулки и

373) Aspelin, вып. IV, рис. 1705 и 1706.
374) Тамъ же, p. 1321, 1475, 1574, 1621.
375) Тамъ же, V, 2008—2009. Ср. Kruse Necrolivon. Tab. 7, fig. 3—6 (Ascheraden), Tab. 26, fig. 15—16.
376) Aspelin, вып. III, рис. 1083.
377) Коллекціи Историческаго Музея.
378) Древности Сѣв.-западн. края, стр. 8, № 1 и 2.
379) Aspelin, III, p. 927 и 937. Ср. Собр..картъ, плановъ и рис. къ Тр. 1 Арх. С., табл. XXIX, p. 11.
380) Коллекціи Историческаго Музея.
381) Aspelin, вып. II, рис. 764, 766, 769.
382) Тамъ же, рис. 648.
383) Chantre, Recherches antropologiques dans le Caucase, III, pl. X, f. 1.
384) Aspelin, вып. рис. 928.
385) Рисунки къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда, табл. II, рис. 2.
386) Въ коллекціяхъ Историческаго Музея.
387) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. IV, рис. 10.
388) Матеріалы по археологіи Кавказа, II, стр. 126, рис. 43, стр. 127, рис. 44.
389) Собраніе картъ къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. XXIX, рис. 6.
390) Рис. къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда, табл. II, рис. 4—съ дырочкой на лезвеѣ
391) Aspelin, вып. III рис. 929 и 930.
392) Раскопки г. Долбежева,
393) Aspelin, вып. III, p. 929 и 930.
394) Выставка VIII Арх. Съѣзда.
395) Aspelin, вып. IV, рис. 1297.
396) Тамъ же, V, рис. 1732.

по косому лезвію, служилъ въ качествѣ кирки, причемъ ручка должна была быть кривая; припомнимъ, что одинъ экземпляръ такого топора найденъ близъ лошадинаго скелета, что можетъ указывать, что лошадь была имъ убита.

— рис. 17. Желѣзный небольшой *топоръ* кривой, съ продольной втулкой, вѣроятно, кирка.

— рис. 19. Желѣзный *кельтъ* съ загнутыми для вставленія древка краями. Въ наукѣ болѣе извѣстны бронзовые кельты. Можно указать, напримѣръ, сходные бронзовые кельты изъ Сибири и Киргизскихъ степей [397]). Желѣзные находили: въ могильникѣ Гуронта Терской области [398]), въ Раевскомъ городищѣ (Кавказъ) [399]), въ Цымлянскомъ городищѣ (Попово) на Дону [400]). Такіе топорики могли служить для работъ на огородѣ.

— рис. 9. Желѣзная *пѣшня* остроконечная.

— рис. 27. Желѣзная *пѣшня* съ концомъ какъ у долота. Въ алтайскихъ могилахъ находимы были бронзовыя [401]). Подобныя желѣзныя пѣшни находили въ Цымлянскомъ городищѣ (Попово) на Дону [402]) и близь дер. М. Терюшево Нижегородскаго у. [403]).

— рис. 26. Желѣзная *острога* въ видѣ вилъ съ двумя копьевидными концами и съ втулкой для вставленія древка. Остроги меньшихъ размѣровъ находили близъ Екатеринбурга [404]); остроги съ тремя концами встрѣчались также среди пермскихъ древностей [405]); подобныя орудія о двухъ и о трехъ концахъ фигурировали въ отдѣлѣ охоты на Средне-азіатской выставкѣ въ Москвѣ въ 1891 г.

— рис. 28. Два желѣзные копьевидные конца *остроги* изогнутые, съ приспособленіемъ для вбиванія въ древко, послѣ чего они обхватывались внизу желѣзнымъ кольцомъ. Иногда острога составлялась изъ трехъ наконечниковъ.

— рис. 5 и 11. Желѣзные наконечники *копій* съ бородками. Такіе находили въ Вятской губ. [406]), въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовск. у. Рязанской губ. [407]), въ Тверскомъ у. [408]), въ Финляндіи [409]) и въ Ашераденскомъ могильникѣ (Лифляндской г.) [410]). Служили, конечно, также въ качествѣ *остроги*.

— рис. 8. Желѣзный листовидный наконечникъ *копья* съ продольнымъ ребромъ. Такіе находимы были въ Енисейской губ. (Ташеба) [411]), въ Вятской губ. [412]), въ Ананьинскомъ

---

397) Aspelin, рис. 153 и 154.
398) Сохраняется въ Археологической Коммиссіи.
399) Матеріалы по археологіи Кавказа, II, стр. 126, р. 42.
400) Выставка VIII Арх. Съѣзда.
401) Aspelin, рис. 245.
402) Выставка VIII Арх. Съѣзда.
403) Коллекціи Историческаго Музея.
404) Раскопки Клера и Ѳаддѣева. Выставка VIII Археологіи Съѣзда.
405) Дорожныя записки на пути изъ Тамбовск. губ. въ Сибирь. Отеч. Зап. 1841 г., томъ XVIII. Смѣсь стран. 64 д.
406) Раскопки Н. Г. Первухина. Выставка VIII Археолог. Съѣзда.
407) Выставка VIII Археолог. Съѣзда.
408) Коллекція Историческаго Музея въ Москвѣ.
409) Aspelin, вып. IV, р. 1318, 1319, 1368, 1547.
410) Тамъ же, рис. 2092.
411) Минусинскій Музей. Рисунки въ Археологич. коммиссіи.
412) Собраніе Н. Г. Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.

могильникѣ (Елабужскаго у. Вятской губ.) [413]), близь дер. М. Терюшево Нижегородскаго у. [414]), въ мерянскихъ могилахъ [415]) и въ Финляндіи [416]).

— рис. 29. Желѣзный ромбовидный плоскій наконечникъ *копья*. Такіе найдены въ Курманскомъ могильникѣ [417]) и въ Курляндской губ. [418])

— рис. 33. Желѣзный листовидный наконечникъ *копья* съ прямыми краями и съ продольной выпуклостью, служащей продолженіемъ втулки. Походитъ на бронзовые наконечники изъ Томской и Вятской губ. [419]) и изъ Ананьинскаго могильника [420]). По своей формѣ представляетъ середину между наконечниками рис. 8 и 29. По значительной величинѣ своей скорѣе всего годился для охоты на крупныхъ животныхъ, напр. на медвѣдей, въ качествѣ рогатины.

— рис. 30. Желѣзный плоскій наконечникъ *копья* въ видѣ фигурнаго листа.

— рис. 31. Желѣзный узкій листовидный наконечникъ *копья* четырегранный. Формой походитъ на наконечникъ изъ Камунты [421]).

— рис. 32. Узкій плоскій листовидный наконечникъ *копья*. Такіе найдены въ Финляндіи [422]) и въ Ашераденѣ Лифляндской губ. [423]).

— рис. 18 и 24. Желѣзные ромбовидные наконечники *стрѣлъ*, нижнимъ концомъ вставлявшіеся въ древко. Встрѣчались въ Болгарахъ [424]), въ Вятской губ. [425]), во Владимірской губ. [426]), въ частности—въ курганѣ на Юрьевой горѣ, на мѣстѣ Липецкой битвы 1216 г. [427]), и среди древностей Сарая [428]).

— рис. 22 и 23. Желѣзные листовидные наконечники *стрѣлъ*, вставлявшіеся въ древко. Встрѣчались среди древностей мерянскихъ [429]) и сарайскихъ [430]).

— рис. 20. Желѣзный наконечникъ *стрѣлы* въ видѣ фигурнаго листа, вставлявшійся въ древко. Подобные находили въ Болгарахъ [431]).

— рис. 21. Желѣзный трехгранный наконечникъ *стрѣлы*, вставлявшійся въ древко. Такіе встрѣчались въ Сараѣ [432]).

— рис. 25. Желѣзный наконечникъ *стрѣлы* въ видѣ узкаго острія, вставлявшійся въ древко. Такіе встрѣчались въ Болгарахъ [433]).

[413]) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Труд. 1 Арх. Съѣзда, табл. IV, р. 14.
[414]) Коллекціи Историческаго Музея въ Москвѣ.
[415]) Aspelin, вып. III, рис. 947.
[416]) Тамъ же, IV, р. 1541.
[417]) Выставка VIII Археолог. Съѣзда.
[418]) Aspelin, V, р. 1859.
[419]) Тамъ же, р. 249 и 252.
[420]) Тамъ же, рис. 432 и 433.
[421]) Коллекція Ольшевскаго въ Археологической Коммиссіи.
[422]) Aspelin, IV, рис. 1294.
[423]) Kruse, Necrolivonica Tab. 1, 1.
[424]) Рисунки къ Трудамъ 2 Арх. Съѣзда. Табл. II, рис. 14.
[425]) Собраніе Н. Г. Первухина на выставкѣ VIII Арх. Съѣзда.
[426]) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. XXX, р. 2.
[427]) Въ Румянцевскомъ Музеѣ. Отдѣлъ первобытныхъ древностей.
[428]) Сохраняется въ Археологической Коммиссіи.
[429]) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. XXX, р. 1, 3, 5, 6, 14 и 15.
[430]) Сохраняется въ Археологической Коммиссіи.
[431]) Рисунки къ Трудамъ 2 Археолог. Съѣзда, табл. II, рис. 13.
[432]) Сохраняется въ Археологической Коммиссіи.
[433]) Рисунки къ Трудамъ 2 Археолог. Съѣзда, табл. II, рис. 16—19.

Рис. 13 въ текстѣ стр. 17. Желѣзная *сабля* съ слабо изогнутымъ клинкомъ, съ короткой перекладиной ручки, концы которой немного согнуты внизъ. Подобная сабля, но подлиннѣе, найдена близь с. Городища Владимірской губ. (съ монетами X—XI ст.) [434]), въ курганѣ на Юрьевской горѣ (Юрьевскаго у. Владимірской губ.), на мѣстѣ Липецкой битвы 1216 г. [435]) и въ курганѣ близь с. Кампанѣевки (Елисаветградск. у. Херсонск. губ.) значительне длиннѣе [436]). Въ 1869 г. найденъ обломокъ прямого клинка, имѣвшій 7 вершковъ длины и $^3/_4$ верш. ширины у рукоятки,—судя по рисунку, сохраняющемуся въ архивѣ Археологической Коммиссіи, съ лезвіемъ только съ одной стороны. Такого рода клинки представляютъ собою большую рѣдкость.

Желѣзный *замокъ*, найденный въ 1869 году, имѣлъ видъ четырехгранной усѣченной пирамиды и былъ снабженъ на верхней плоскости небольшимъ прорѣзомъ; сквозь послѣдній вставлялся длинный хвостъ желѣзной замочной дужки, состоявшій изъ стержня и двухъ прямыхъ пружинъ, свободные верхніе концы которыхъ расходились въ стороны; при вкладываніи хвоста въ отверстіе пружины сжимались и проходили внутрь замка, гдѣ потомъ раздавались въ стороны и дѣлали невозможнымъ выпаденіе дужки обратно; для отмыканія замка служилъ другой, вертикальный прорѣзъ на боковой замочной поверхности, въ которую вводился желѣзный ключъ въ видѣ лопатки, при движеніи котораго вверхъ пружины сжимались снова [437]).

Рис. 30. $^2/_3$.

Окончивъ сравнительное описаніе древностей Лядинскаго могильника, намъ предстоитъ теперь сдѣлать попытку опредѣлить эпоху, къ которой онѣ относятся.

Первостепенное значеніе для рѣшенія этого вопроса имѣютъ монеты. Въ Лядинскомъ могильникѣ ихъ нашлось нѣсколько штукъ (образчикъ на табл. II рис. 9), но всѣ онѣ оказались не настоящими, а лишь подражаніями арабскимъ диргемамъ. По сообщенію барона В. Г. Тизенгаузена, такія подражанія встрѣчаются и въ кладахъ, вмѣстѣ съ настоящими куфическими монетами (VIII—XI стол.), но могли дѣлаться и позднѣе, до появленія въ XIII—XIV стол. золотоордынскихъ монетъ и русскаго чекана; такимъ образомъ, найденныя въ могильникѣ монеты даютъ одно несомнѣнное указаніе, что онъ относится ко времени не ранѣе VIII вѣка. При томъ найденныя монеты представляютъ собою подражанія столь отдаленныя отъ источника, что баронъ Тизенгаузенъ затруднился указать, какіе образцы послужили для нихъ оригиналомъ, а поэтому можемъ предполагать, что онѣ суть подражанія подражаній. Судя по проколамъ, оказавшимся на монетахъ, онѣ служили нѣкоторое время въ качествѣ привѣсокъ къ ожерелью; впрочемъ, экземпляры, открытые въ 1888 г., найдены уже не съ ожерельемъ, а близь руки (и бедра) мужского скелета, изъ чего слѣдуетъ, что, выполнивъ свою первоначальную роль, монеты служили потомъ нѣкоторое время въ качествѣ собственно денежныхъ знаковъ; эти соображенія позволяютъ отодвинуть хронологическую границу могильника впередъ по крайней мѣрѣ на сто лѣтъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ для него все-таки большой промежутокъ времени — IX—XIV стол. Полагая въ могильникѣ не болѣе 500 погребеній, не можемъ допустить для него столь продолжительнаго существованія,—

[434]) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. XXX, рис. 31.

[435]) Коллекціи Румянцевскаго Музея.

[436]) Ястребовъ. Погребальные обряды въ древн. могилахъ бассейна р. Ингула (Древности Моск. Арх. Общ. XII).

[437]) Описаніе замка заимствуемъ изъ дѣла Импер. Археол. Коммиссія 1869 г. за № 20: «О древностяхъ, найденныхъ на Тамбовско-Саратовской желѣзной дорогѣ».

онъ могъ существовать одно, или, много, два столѣтія. Мы видѣли выше, что палеографическія данныя (арабская надпись на мѣдномъ ведрѣ) отодвигаетъ хронологическую границу его еще далѣе, опредѣляя его эпоху XI—XIV столѣтіями.

Выше мы указали для предметовъ Лядинскаго могильника рядъ болѣе или менѣе близкихъ аналогій, изъ самыхъ разнообразныхъ эпохъ, начиная съ классической и кончая современной намъ, и пытались, по мѣрѣ возможности, угадать смысловое соотношеніе формъ, указать формы первичныя и производныя. Но логическая послѣдовательность не всегда совпадаетъ съ послѣдовательностью времени; въ самомъ дѣлѣ, при обозрѣніи предметовъ могильника намъ приходилось отмѣчать формы первичныя и производныя вмѣстѣ, бокъ о бокъ; такое одновременное существованіе ихъ обусловливалось съ одной стороны чрезвычайною живучестью художественно-промышленныхъ формъ, съ другой—особенностями употребленія вещей и различіемъ въ матеріальномъ достаткѣ потребителей. Такимъ образомъ, для хронологіи могильника не могутъ годиться аналогіи съ вещами, которыя не представляютъ полнаго сходства или тождества съ изучаемыми. Также мало пригодны указанія предметовъ съ простыми, ремесленными формами, каковы напримѣръ экземпляры оружія; припомнимъ случай нахожденія датской боевой сѣкиры въ Азовѣ вмѣстѣ съ свинцовыми пулями и другими предметами позднѣйшаго времени. Другое дѣло — предметы, болѣе или менѣе обильно орнаментированные, полное сходство или тождество которыхъ уже не можетъ быть дѣломъ случая. Выдѣляя такія полныя аналогіи (см. табл. VI, рис. 6, 13 и 21), мы получаемъ указанія Гнѣздовскихъ (Смоленской губ.) находокъ X стол., Шокшовскаго могильника (Владимірской губ.) X—XI ст. и Новоладожскаго (Петербургской губ.) IX—XI ст. Соглашеніе всѣхъ приведенныхъ данныхъ приводитъ насъ къ вѣроятному заключенію, что Лядинскій могильникъ относится къ X—XI столѣтіямъ.

Вопросъ о національности могильника по необходимости долженъ остаться пока открытымъ. Аспелинъ считаетъ Лядинскій могильникъ принадлежащимъ мордвѣ, но никакихъ основаній для этого мнѣнія не приводитъ. Этнографы дѣлаютъ попытки опредѣленія древнихъ границъ племенъ, пользуясь топографическими названіями, но, къ сожалѣнію, указанія лингвистики мало пригодны для археолога; въ каждой данной мѣстности можно найти топографическія названія на разныхъ языкахъ, что ставитъ изслѣдователя въ полную невозможность разобраться въ нихъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ средствъ установить хронологическую связь между топографическими названіями даннаго района и древностями, найденными въ немъ. Антропометрическія данныя столь же зыбкая почва для археолога: онъ напрасно будетъ искать здѣсь точныхъ формулъ для опредѣленія національностей. Особенности погребальнаго обряда также не выведутъ его на торную дорогу: простое погребеніе и трупосожженіе, положеніе скелета, употребленіе лубка при погребеніи, нахожденіе горшковъ при покойникахъ все это въ разбродъ можетъ найти себѣ аналогіи у разныхъ народовъ земного шара и объясненіе—въ естественномъ сходствѣ понятій послѣднихъ. И. Н. Смирновъ, который въ своемъ послѣднемъ трудѣ сообщаетъ нѣсколько, не всегда, впрочемъ, точныхъ, свѣдѣній о Лядинскомъ могильникѣ и о нашей раскопкѣ, относитъ его къ мордвѣ-мокшѣ, причемъ однимъ изъ вѣскихъ подтвержденій своего положенія считаетъ раскопку, произведенную въ 1880 году г. Чугуновымъ въ Симбирской губ. По словамъ г. Смирнова, изслѣдованія показали, что въ XVII вѣкѣ, къ которому могутъ (?) относиться изслѣдованные могильники, покойникъ у мордвы полагался въ вытянутомъ положеніи на спинѣ въ неглубокую яму, на дно которой

былъ настланъ слой бересты, и покрывался досчатымъ гробомъ; у эрзи голова покойника обращалась къ С., ноги къ Ю., у мокши — наоборотъ; въ изголовьи нѣкоторыхъ скелетовъ найдены толстые глиняные горшки [438]). Но, во-первыхъ, значеніе изслѣдованій г. Чугунова ослабляется для насъ тѣмъ, что при неоспоримомъ сходствѣ погребеній мокши (?) съ лядинскими, между ними есть и различіе: въ Лядинскомъ могильникѣ мы не находили гробовъ, а г. Чугуновъ не находилъ трупосожженій. Правда, послѣднее обстоятельство можетъ быть объяснено тѣмъ, что трупосожженіе могло современемъ исчезнуть; можно при этомъ вспомнить извѣстіе Ибнъ-Дасты о буртасахъ (которыхъ отожествляютъ съ мордвою), что одни изъ нихъ сожигаютъ покойниковъ, а другіе хоронятъ [439]), но такое толкованіе, особенно при отрывочности извѣстія арабскаго писателя, во всякомъ случаѣ, останется пока проблематичнымъ. Во-вторыхъ, для полной убѣдительности въ статьѣ г. Смирнова не достаетъ положительныхъ указаній, что изслѣдованные могильники несомнѣнно принадлежали названнымъ племенамъ мордвы и что они дѣйствительно должны быть отнесены къ XVII в.

Наконецъ, остаются еще особенности костюма и украшеній. Изъ желанія подготовить почву для дальнѣйшихъ изслѣдованій, мы подыскивали для нихъ аналогіи въ этнографическихъ собраніяхъ, но этнографія Россіи есть область знанія столь мало разработанная, что строить какія-либо заключенія, заслуживающія вѣроятія, на этомъ недостроенномъ фундаментѣ находимъ преждевременнымъ. На протяженіи длиннаго ряда столѣтій каждая народность вобрала въ себя и переработала столько разнообразныхъ вліяній, что прежде надобно разобраться въ конгломератѣ ихъ, не спѣша дѣлать заключенія отъ настоящаго къ прошедшему.

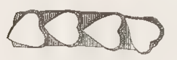

Рис. 31.

Томниковскій могильникъ.

Въ 1890 году, въ то время, когда большинство рисунковъ древностей Лядинскаго могильника было уже напечатано и написана значительная часть объяснительнаго текста къ нимъ, въ Импер. Археологическую Коммиссію поступило отъ графа И. И. Воронцова-Дашкова собраніе древностей изъ другого подобнаго могильника, открытаго въ той-же Тамбовской губ., въ Шацкомъ уѣздѣ, въ имѣньѣ графа, с. Ново-Томниковѣ. Доставленныя древности оказались весьма близкими къ лядинскимъ, и самыя условія, при которыхъ найдены тѣ и другія, сходными. Въ нижеслѣдующей замѣткѣ даются свѣдѣнія объ особенностяхъ Томниковскаго могильника, сравнительно съ Лядинскимъ. На таблицахъ XIII—XV настоящаго выпуска изображены исключительно предметы изъ Томниковскаго могильника и, кромѣ того, въ Табл. XII вошли бусы оттуда же (въ отличіе отъ лядинскихъ, онѣ обозначены звѣздочкой).

[438]) Смирновъ, Мордва. Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Казанск. унив., т. X, вып. 2, стр. 179.

[439]) Тамъ же, стр. 180. Одновременное существованіе обрядовъ погребенія и трупосожженія разныхъ народовъ достаточно извѣстно. Г. Ивановскій, наблюдавшій подобное явленіе среди монголовъ-торгоутовъ, замѣчаетъ, что трупосожженіе примѣняется у нихъ по отношенію къ лицамъ, выдающимся по своему положенію, каковы представители духовенства, князья и пр., и чрезвычайно рѣдко — по отношенію къ женщинамъ. Congrès internation. d'archéologie préhist. à Moskou. T. I. page 180.

Какъ и въ Лядинскомъ могильникѣ, въ Томниковскомъ скелеты лежали на спинѣ, съ руками, протянутыми по сторонамъ туловища или положенными на груди, и иногда были обернуты въ лубокъ; о направленіи скелетовъ, равно и о томъ, были-ли наблюдаемы остатки трупосожженія, вполнѣ опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣемъ.

Перечисливъ кратко тѣ предметы Томниковскаго могильника, которые тождественны съ лядинскими, займемся подробнѣе тѣми, которые нашли себѣ мѣсто на указанныхъ таблицахъ рисунковъ; при этомъ будемъ отмѣчать и тѣ обстоятельства нахожденія вещей, которыя представляютъ особенность могильника.

Въ могильникѣ были находимы:

бронзовые и серебряные *вѣнчики* въ такомъ же положеніи, какъ и въ Лядинскомъ могильникѣ;

серьги или шпильки (Ср. Табл. V, рис. 3 и 5) находимы были, такъ же какъ и тамъ, съ кусочками кожи, проткнутыми спиральнымъ концомъ, или съ остатками волосъ въ поворотахъ спирали;

шейныя кольца съ многогранной застежкой (Ср. Табл. XI, рис. 1);

бронзовыя украшенія въ видѣ продолговатой *пластинки* съ цилиндрическими привѣсками (Ср. Табл. I, рис. 9, 10, 12 и 13);

украшенія въ видѣ *трубочекъ* изъ спирально согнутой проволки съ привѣсками (Ср. Табл. I, рис. 5 и 7);

бронзовые *браслеты* (Ср. Табл. II, рис. 3);

бляшки круглыя съ петлей (Ср. Табл. III, рис. 27);

бронзовыя *украшенія,* составленныя изъ бляшекъ съ цилиндрическими привѣсками (Ср. Табл. IV, рис. 7);

бронзовое *украшеніе* изъ двухъ половинокъ, каждая на подобіе вазочки (Ср. Табл. IV, рис. 11), больше размѣромъ, нежели лядинскія; найдено „на шеѣ или на груди";

бронзовыя *пряжки* съ застежкой въ видѣ дверки (Ср. Табл. V, р. 1, 2, 4, 6 и 7);

бронзовыя *бляшки* для ременнаго пояса съ условнымъ растительнымъ орнаментомъ (Ср. Табл. VI, рис. 20);

бронзовыя украшенія въ видѣ *бутылочекъ* съ привѣсками такой же формы (Ср. Табл. VII, рис. 6) и безъ нихъ; лицо, наблюдавшее за раскопками, называетъ ихъ поясными;

бронзовыя кольцеобразныя *пряжки* съ хвостовидными придатками (Ср. Табл. VIII, рис. 12, 3, 4 и 8); находимы были на груди, подъ затылкомъ и подъ спиной;

различнаго рода *желѣзные предметы* конскаго убора (въ томъ числѣ и цилиндрическій колокольчикъ), вооруженія и домашняго обихода (Ср. Табл. X), между прочимъ одна сабля;

глиняные *горшки*; однажды въ горшкѣ найдена бляха съ ремнемъ.

Переходимъ къ описанію предметовъ, изображенныхъ на рисункахъ.

Табл. XV, рис. 3. Бронзовое *ажурное украшеніе* въ видѣ широкаго прямоугольника изъ 4 рядовъ жгутиковъ; верхній рядъ раздѣленъ на три части и отдѣляется отъ второго ряда двумя рядами шариковъ, а остальные перемежаются рядами крупныхъ полукруглыхъ выпуклинъ, окруженныхъ каймой въ видѣ сплошного шнурка; бока предмета украшены спиральными завитками, по три на каждомъ; внизу придѣланы неподвижныя кольца для привѣсокъ, имѣющихъ видъ бутылочекъ и украшенныхъ наверху такими же завитками и

припаянными шариками. Найдено на груди скелета. Напоминаетъ нѣкоторыя лядинскія украшенія (Табл. I, рис. 1, 3 и 4), но ближе всего и въ общемъ, и въ подробностяхъ походитъ на мерянскія [440]), хотя кажется намъ красивѣе послѣднихъ.

Табл. XIII, рис. 1. Бронзовое *украшеніе* въ видѣ трехъ, въ одну линію расположенныхъ, выпуклостей, обрамленныхъ каймой въ видѣ непрерывнаго шнурка, который перекрещивается въ промежуткахъ; вверху и съ боковъ припаяны шарики, по три въ рядъ; привѣски въ видѣ бутылочекъ прикрѣплены къ неподвижнымъ кольцамъ внизу предмета посредствомъ большихъ рубчатыхъ ушковъ и украшены вверху двойнымъ пояскомъ и припаянными по бокамъ его шариками. Болѣе простой варіантъ предыдущаго предмета. По характеру привѣсокъ болѣе всего приближается къ нѣкоторымъ мерянскимъ украшеніямъ [441]).

Табл. XIV, рис. 6. Бронзовое *украшеніе* въ видѣ широкаго прямоугольника, ажурное, съ городкомъ посерединѣ, съ неподвижными кольцами по нижнему краю и съ треугольною гладкою привѣскою (экземпляръ съ дефектомъ). Представляетъ собою болѣе простой варіантъ по сравненію съ мерянскимъ [442]) и съ лядинскими.

Табл. XIV, рис. 2. Бронзовая *трубочка* съ утолщеніями на концахъ и по серединѣ, перехваченная рядомъ выпуклыхъ двойныхъ поясковъ; къ неподвижнымъ кольцамъ внизу ея прикрѣплены привѣски въ видѣ гусиныхъ лапокъ съ помощію цѣпочекъ, каждая изъ которыхъ составлена изъ двухъ колѣнъ знакомаго намъ по Лядинскому могильнику типа (Ср. Табл. I, рис. 1, 3 и 4). Представляетъ собою болѣе полный, хотя и болѣе грубой работы варіантъ лядинскаго украшенія (Табл. VIII, рис. 5).

Табл. XIV, рис. 1 и 4. Бронзовыя *украшенія* въ видѣ ажурныхъ перстней съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ на цѣпочкахъ извѣстнаго типа. Найдены были, повидимому, на поясѣ. Извѣстны среди древностей мерянскихъ [443]), но мерянскіе варіанты отличаются устройствомъ цѣпочекъ; на варіантахъ изъ Курманскаго могильника (Касимовскаго у. Рязанской губ.) [444]) привѣшены бубенчики безъ помощи цѣпочекъ.

Табл. XIII, рис. 3. Бронзовая ажурная *пряжка* съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ съ двойными поясками вверху ихъ на цѣпочкахъ знакомаго намъ устройства, украшенная вверху спиральными завитками. Напоминаетъ пряжку изъ Рязанской губ. [445]) и наши (Табл. I, рис. 2 и особенно 6); характеромъ завитковъ сближается съ нѣкоторыми мерянскими украшеніями [446]). Пояски вверху гусиныхъ лапокъ подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе о происхожденіи этого рода привѣсокъ изъ кистей.

Табл. XIII, рис. 5. Бронзовая плоская кольцеобразная *пряжка* съ хвостовидными придатками и съ 4 продолговатыми плоскими привѣсками на цѣпочкахъ условной формы. Найдена на груди. Ближе всего походитъ на лядинское украшеніе (Табл. VIII, рис. 7), отъ котораго отличается болѣе короткими колѣнами цѣпи, формой проволоки, обматывающей послѣднія, подвижными кольцами внизу и формой привѣсокъ, которая, однако, присуща другимъ предметамъ Лядинскаго могильника (Ср. Табл. III, р. 23, Табл. VIII, р. 6).

---

440) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда, табл. XXV, рис. 10. Aspelin, III, рис. 987.
441) Собр. картъ, плановъ и рис. къ Тр. 1 Арх. Съѣзда, табл. XXV, рис. 1, 10 и 19.
442) Тамъ же, рис. 9. Aspelin, III, рис. 987.
443) Aspelin, вып. III, рис. 983 и 990.
444) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, табл. 5 и 11.
445) Aspelin, вып. III, рис. 911.
446) Собраніе картъ, плановъ и рис. къ Трудамъ 1 Арх. Съѣзда. Табл. XXV, рис. 1 и 2.

Табл. XIII, рис. 2. Бронзовый предметъ въ видѣ *флакончика*, украшенный жгутообразными поясками по выпуклой средней части и по нижнему краю и гладкими поясками по всей поверхности къ неподвижнымъ кольцамъ по нижнему краю предмета прикрѣплены цѣпочки, состоящія изъ 8 звеньевъ, изъ которыхъ верхнее и нижнее представляютъ повтореніе знакомой намъ формы, а остальныя такой же формы, но жгутообразныя; къ концамъ цѣпочекъ прикрѣплены привѣски, состоящія изъ обмотаннаго проволокой стержня съ петлей вверху и съ расплюснутымъ нижнимъ концомъ. На средне-азіатской выставкѣ въ Москвѣ (1891 г.) было выставлено современное украшеніе въ видѣ золотой шапочки съ прикрѣпленными по краю цѣпочками и съ бубенчиками на концахъ послѣднихъ, чрезвычайно похожее на изучаемое бронзовое. Изъ древностей послѣднее ближе всего подходитъ къ лядинскимъ. Вспомнимъ, во первыхъ, украшенія въ видѣ бутылочекъ съ привѣсками, одно съ цѣпочкой подобнаго же устройства (Табл. VII, рис. 4—7 и 9); основная мысль орнаментаціи какъ самой вещи, такъ и цѣпочекъ въ томниковскомъ варіантѣ выражена опредѣленнѣе, и потому разсматриваемую форму мы признаемъ болѣе древнею, чѣмъ указанныя лядинскія; привѣски подобной, но болѣе условной формы мы встрѣчали на одномъ лядинскомъ предметѣ (Табл. III, рис. 21). Между древностями Лядинскаго могильника мы встрѣчали еще предметы (Табл. IV, рис. 11, табл. VI, рис. 13 и рис. на 22 стр.), о значеніи которыхъ могли лишь догадываться; разсматриваемое томниковское украшеніе, намъ кажется, подтверждаетъ высказанную догадку: предметы эти, аналогичной съ послѣднимъ, хотя опять-таки болѣе условной формы служили для привѣшиванія кистей или чего-либо подобнаго, при помощи петель по бокамъ и отверстій внизу.

Табл. XIII, рис. 4. Бронзовая *привѣска* въ видѣ гусиной лапки, прикрѣпленная, съ помощью рубчатой петли, къ неподвижному кольцу на концѣ толстаго стержня съ рубчатой же петлей вверху, обмотанною проволокой. Напоминаетъ лядинскія привѣски (Табл. I, рис. 1—4, табл. IV, рис. 4 и 8).

Табл. XV, рис. 4. Бронзовое *украшеніе* въ видѣ перегнутой пополамъ продолговатой прямоугольной пластинки. По краямъ ея идутъ два ряда мелкой зерни, посрединѣ находятся три поперечные городка изъ мелкой же зерни, а въ промежуткахъ ихъ расположены треугольники изъ шишечекъ, по три въ каждомъ; къ нижней части предмета придѣланы длинныя цѣпочки, которыя на серединѣ своего протяженія связаны между собою посредствомъ особыхъ звеньевъ, а на концахъ держатъ подвѣски въ видѣ звѣздообразныхъ колпачковъ, прикрѣпленныхъ къ нимъ съ помощью продѣтой въ нихъ, загнутой съ обоихъ концовъ и обвитой по стержню проволоки.

— рис. 5. *Варіантъ* предыдущаго украшенія: середина пластинки украшена двумя шишечками съ ямками вокругъ нихъ; средняя изъ пяти свободно висящихъ цѣпочекъ длиннѣе остальныхъ; привѣски прикрѣплены къ цѣпочкамъ посредствомъ петель. Пластинки эти, повидимому, прикрѣплялись съ помощію заклепокъ къ ремню, который продѣвался между сложенныхъ половинокъ. По формѣ украшенія эти отчасти напоминаютъ большія украшенія Лядинскаго могильника (Табл. I, рис. 9, 10, 12, 13, табл. IX, рис. 6), но ближе стоятъ къ пластинкамъ небольшаго размѣра, которыя такимъ же образомъ прикрѣплялись къ ремню (Табл. VII, рис. 10, табл. VIII, рис. 6), съ тѣмъ главнымъ отличіемъ, что томниковскіе варіанты сложнѣе. Особенный способъ прикрѣпленія привѣсокъ къ цѣпочкамъ посредствомъ прицѣпокъ, формой подражающихъ шнурку, подтверждаетъ наше мнѣніе,

что подобной формы привѣски (попадавшіяся, какъ мы видѣли, и въ Лядинскомъ могильникѣ) служили либо подражаніемъ кистей, либо верхушками для нихъ. Соединеніе цѣпочекъ между собою (рис. 4), способствовавшее пышности украшенія, находитъ себѣ аналогію въ одномъ лядинскомъ украшеніи, привѣски котораго также соединялись цѣпочками (Табл. VII, рис. 9).

Табл. XIV, рис. 3. Бронзовая *бляшка* полуовальной формы, украшенная двумя рядами зерни по краямъ и продолговатыми привѣсками, которыя прикрѣплены съ помощью согнутыхъ проволокъ, продѣтыхъ въ дырочки по нижнему краю бляшки. Изъ лядинскихъ древностей походитъ на нѣкоторыя четыреугольныя бляшки (Табл. VII, рис. 10, табл. VIII, рис. 6). Подобные предметы, сдѣланные на подобіе филигранной работы, находимы были въ Пермской и Вятской губерніяхъ [447]); варіанты болѣе простые находили въ Красноуфимскомъ уѣздѣ [448]) и въ Ашераденѣ Лифляндской губ. [449]), съ привѣшенными къ нимъ на цѣпочкахъ бубенчиками; въ Курманскомъ могильникѣ (Касимовскаго у. Рязанской губ.) найдены четыреугольныя бляшки съ привѣсками такой же формы [450]).

Табл. XV, рис. 7. Бронзовая *шейная гривна*, вылитая наподобіе филиграни, съ петлей на одномъ концѣ (другой конецъ отломанъ), съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, которыя прикрѣплены при помощи короткихъ цѣпочекъ условной формы къ неподвижнымъ кольцамъ по нижнему ея краю. Найдена на шеѣ, причемъ кожа шеи и нижняя челюсть хорошо сохранились, благодаря дѣйствію окиси мѣди. Варіантовъ этой замѣчательной гривны, сколько нибудь близкихъ къ ней, не знаемъ нигдѣ. Форма эта представляетъ собою далекое воспоминаніе объ ожерельяхъ тонкой греческой работы, вродѣ, напримѣръ, найденнаго въ Ѳеодосіи [451]). Съ другой стороны она должна быть признана древнѣе формы лядинскихъ варіантовъ (Табл. IV, рис. 2 и 12 и табл. XI, рис. 4) и одного изъ томниковскихъ же (Табл. XV, рис. 2), который отличается отъ послѣднихъ крупными размѣрами шишечекъ; происхожденіе орнаментаціи этихъ варіантовъ выясняется еще болѣе сравненіемъ съ изучаемымъ экземпляромъ. Впрочемъ, необходимо оговориться, что подобная литая филигрань встрѣчается въ обоихъ могильникахъ въ другихъ предметахъ (Табл. I, рис. 1—4 и 6, табл. XIII, рис. 3, табл. XIV, рис. 1, 4 и 13).

Табл. XV, рис. 1. Бронзовое *шейное кольцо* съ волнообразною петлею на одномъ и застежкою въ видѣ перстня на другомъ концѣ, обвитая по концамъ проволокой. Походитъ на лядинскія (см. особенно рис. 2 на табл. XI).

Табл. XIII, рис. 6. Бронзовая *привѣска* въ видѣ плоскаго, свитаго изъ проволоки, кружка съ отверстіемъ въ серединѣ, къ которому припаянъ сызнанки равносторонній крестъ изъ проволоки; вверху ушко. Найдена вмѣстѣ съ бусами, на груди скелета. Походитъ на лядинскія сплошныя (безъ креста) бляшки (Табл. III, рис. 27—29). Крестикъ является здѣсь, вѣроятно, въ качествѣ украшенія.

Табл. XIII, рис. 7. Серебряный *браслетъ* въ видѣ кокошника съ рубчикомъ посрединѣ и съ насѣчкой по краямъ. Формой походитъ на нѣкоторые перстни, въ особенности на

[447]) Aspelin, рис. 727, 738 и 788.
[448]) Тамъ же, рис. 722.
[449]) Тамъ же, рис. 2081.
[450]) Древности Моск. Арх. Общ. XIV. Табл. VI.
[451]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности вып. I, рис. 82.

— рис. 8. Серебряный *перстень* въ видѣ кокошника съ рубчикомъ посерединѣ, завязанный назади узломъ. Варіантъ въ бронзѣ съ узорами встрѣтился въ Лядинскомъ могильникѣ (Табл. II, рис. 11).

— рис. 12. Бронзовый *перстень* въ видѣ кокошника съ продольными рубчиками, въ подражаніе витой проволокѣ, и съ припаянными поперекъ наружной стороны шариками. Варіанты болѣе условной формы встрѣчались въ Лядинскомъ могильникѣ (Табл. II, рис. 5, 11 и 13).

— рис. 14. Бронзовый *перстень* въ видѣ кокошника съ рубчиками по краямъ и по серединѣ. Болѣе простой и условный варіантъ, въ сравненіи съ предыдущимъ.

Табл. XIV, рис. 13. Бронзовый *перстень* въ видѣ ажурнаго ободка. По способу украшенія походитъ на другіе предметы лядинскіе и томниковскіе, хотя бы, напримѣръ, на привѣску въ видѣ перстня (на той же таблицѣ рис. 1). Напоминаетъ ажурный перстень, открытый Его Выс. вел. кн. Сергіемъ Александровичемъ въ Московской губ. [452]).

— рис. 14. Бронзовый *перстень* съ четыреугольнымъ гладкимъ щиткомъ для печати. Въ Лядинскомъ могильникѣ встрѣтился перстень съ круглымъ щиткомъ, а также съ гладкимъ (Табл. IX, рис. 8). Отсутствіе печатей на щиткахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ нихъ не было надобности и что такіе перстни представляли привозный товаръ.

— рис. 5. Бронзовый *наконечникъ* ремня, длинный, съ круглымъ концомъ, съ углубленнымъ узоромъ въ видѣ ряда косыхъ крестовъ съ листовидными концами и съ каймой, украшенной городками. Подобные орнаментальные мотивы встрѣчались на лядинскихъ бляхахъ (Ср. Табл. III, рис. 14, табл. VI, рис. 17, особенно табл. III, рис. 10); узоромъ предметъ этотъ близко напоминаетъ золотую пластинку съ инкрустаціями изъ Терской области [453]) и представляетъ собою позднѣйшее воспроизведеніе подобныхъ дорогихъ инкрустированныхъ и украшенныхъ эмалью издѣлій.

— рис. 8. Бронзовая *бляшка* въ видѣ сердечка, приспособленная для вставленія иглы для пряжки и украшенная растительнымъ витымъ орнаментомъ въ условной формѣ. Найдена на поясѣ. Формой и орнаментомъ родственна нѣкоторымъ изъ лядинскихъ (Табл. VI, рис. 3, 7, 26, табл. VIII, рис. 1 b.), но отличается отъ нихъ круглыми ямками, какъ бы для инкрустаціи, подобно одному лядинскому же экземпляру (Табл. VI, рис. 19). Узоръ отдаленно напоминаетъ разводы виноградной лозы на одномъ блюдѣ изъ Вятской губ. [454]), отличаясь болѣе условнымъ исполненіемъ.

— рис. 9. Бронзовая *бляшка*, длинная, съ круглымъ концомъ, съ гладкой каймой, украшенная сквознымъ узоромъ изъ растительныхъ разводовъ условной формы. Отдаленно напоминаетъ одинъ наконечникъ изъ Лядинскаго могильника (Табл. III, рис. 20), въ узорѣ котораго растительное начало уступило уже мѣсто геометрическимъ формамъ; ближе — бляшки изъ Новоладожкаго у. Петербургской губ. (монеты IX—XI ст.) [455]).

— рис. 10. Бронзовая *бляшка* въ видѣ полумѣсяца съ отверстіями на концахъ для заклепокъ (верхъ испорченъ) и съ узоромъ въ видѣ завитковъ. Найдена на поясѣ. Въ Лядинскомъ могильникѣ встрѣчали привѣску такой формы, съ простымъ орнаментомъ. Узо-

---

[452]) Коллекція Историческаго Музея въ Москвѣ.
[453]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, III, рис. 149.
[454]) Тамъ же, рис. 86.
[455]) Изв. И. Р. Арх. Общ. X, табл. II, рис. 14 и 15.

ромъ напоминаетъ одинъ наконечникъ изъ Швеціи [456]), но отличается также углубленіями, какъ бы для инкрустаціи или эмали.

— рис. 12. Бронзовая четыреугольная *бляшка* съ отверстіемъ такой же формы, украшенная завитками съ круглыми углубленіями. Найдена на поясѣ. По узору родственна предыдущимъ и походитъ на часть одной пряжки, найденной въ Крыму [457]).

Табл. XIII, рис. 9. Бронзовая *бляшка*, формой напоминающая гроздь винограда, со сквозными отверстіями. Орнаментомъ родственна съ предыдущими, напоминаетъ одну лядинскую (Табл. VI, рис. 19).

— рис. 11. Бронзовая вѣеровидная *бляшка* съ отверстіями для заклепокъ, съ большимъ рубчатымъ кольцомъ, украшеннымъ тремя пирамидками шариковъ, припаянныхъ къ наружному краю. Походитъ на лядинскія (Табл. VIII, рис. 1 a и 1 b, табл. VI, рис. 20); растительное происхожденіе формы и узора одной изъ послѣднихъ (Табл. VI, рис. 20) выясняется путемъ сравненія съ изучаемымъ томниковскимъ варіантомъ. Такихъ колецъ въ Лядинскомъ могильникѣ не встрѣчалось; способъ же украшенія кольца, однако, знакомый (Табл. I, рис. 1—4 и 6).

— рис. 10. Бронзовая *пряжка*, поперечно-овальной формы съ иглой и съ бляшкой. которая покрыта рѣшетчатымъ орнаментомъ и этимъ напоминаетъ простроченный ремень. Пряжка такой формы съ гладкой бляшкой найдена въ лядинскомъ могильникѣ (Табл. VIII, рис. 11); узоръ бляхи тоже встрѣчался на одномъ Лядинскомъ украшеніи (Табл. IX, рис. 6).

— рис. 17. Двойная бронзовая *пряжка* съ гладкими бляшками, снабженными заклепками.

— рис. 16. Серебряная *пряжка* круглая, плоская, съ двумя придатками въ видѣ хвоста (концы отломаны, иглы не достаетъ); украшена углубленными кружками, а по краю— насѣчкой. Найдена на груди. Варіанты распространены въ лядинскомъ могильникѣ (Табл. VIII, рис. 1—4 и 8); узоръ встрѣчается на одной бронзовой привѣскѣ.

Табл. XV, рис. 6 и 8. Серебряныя *пряжки* въ видѣ широкаго плоскаго кольца съ рубчиками по серединѣ (на одномъ три, на другомъ — одинъ), съ хвостовидными придатками изъ согнутыхъ въ трубочку серебряныхъ листковъ со вставленной внутрь каждой изъ нихъ деревянной палочкой, украшенными посредствомъ насѣчки; игла съ копьевиднымъ концомъ прикрѣплялась къ ободку пряжки съ помощью широкой лопасти, украшенной шишечками и насѣченными линіями въ серединѣ и зернью по краямъ; конецъ иглы одного экземпляра (рис. 8) украшенъ насѣчкою; заднія лопасти, видимо соскочившія съ заклепокъ, аляповато прикрѣплены къ ободку пряжки посредствомъ загнутыхъ полосокъ металла. Варіанты болѣе грубой работы найдены въ Курманскомъ могильникѣ [458]). Томниковскіе варіанты родственны съ одной стороны распространеннымъ въ Лядинскомъ могильникѣ пряжкамъ кольцеобразнымъ съ хвостами (Табл. VIII, рис. 1—3, 4, 8, табл. I, рис. 11), съ другой стороны—плоскимъ пряжкамъ съ застежкой въ видѣ дверки (Табл. V, рис. 1, 2, 4, 6 и 7), съ которыми онѣ особенно сближаются орнаментаціей задней части иглъ, а также формой и орнаментаціей концовъ ихъ.

Табл. XIV, рис. 7. Серебряная *привѣска* въ видѣ рога съ отверстіемъ. Не можемъ

---

456) Montelius, Antiqu. Suédoises, II, f. 427.

457) De Linas, Les origines de l'orfévrerie cloisonnée II, Pl. C, f. 9.

458) Древности Моск. Арх. Общ. XIV, табл. V и VII.

нигдѣ указать подобной. Практическаго значенія сосуда, судя по отверстію и по малому размѣру, этотъ замѣчательный предметъ не имѣлъ; судя по его размѣру, онъ представляетъ уменьшенное воспроизведеніе рога, можетъ быть, имѣвшаго какое-либо значеніе въ культѣ.

Табл. XIII, рис. 18. Серебряный *колокольчикъ*, полушаровидный, съ рубчикомъ по краю и съ массивнымъ ушкомъ вверху. Колокольчики подобной формы съ фигурками барановъ наверху находимы были въ Красноярскѣ и въ Перми [459]); подобный колокольчикъ найденъ въ Чегемскомъ могильникѣ (Кавказъ) [460]). Большіе размѣры ушка, повидимому, приспособлены были къ тому, чтобы брать колокольчикъ рукой или привязывать къ чему-либо посредствомъ ремня.

Табл. XIV, рис. 11. Бронзовая *застежка* въ видѣ палочки съ перехватомъ посерединѣ и съ утолщенными концами. Нѣсколько походитъ на лядинскій варіантъ (Табл. VII, рис. 26), но ближе къ кавказскимъ [461]).

Табл. XIV, рис. 15, и табл. XIII, рис. 15. Глиняныя *пряслицы*, одна съ узоромъ въ видѣ ямокъ. Районъ ихъ распространенія очень обширный; встрѣчались и въ Лядинскомъ могильникѣ. Употреблялись, можетъ быть, и въ качествѣ бусъ.

Табл. XII, рис. 1, 2, 5, 8, 13, 15, 19, 20. *Бусы*, по матеріалу, формамъ и окраскѣ аналогичныя и родственныя лядинскимъ.

Табл. XIV, рис. 16. Кусокъ *ткани* съ бронзовыми кольцеобразными пряжками in situ. Ткань похожа на Лядинскую (Табл. IX, рис. 16). Густота, съ которою насажены пряжки, свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ служили для украшенія костюма болѣе, чѣмъ для практической надобности.

По времени Томниковскій могильникъ долженъ быть близокъ къ Лядинскому. Въ древностяхъ его мы замѣтили больше архаизма, чѣмъ въ лядинскихъ, но положительными указаніями на его большую древность не располагаемъ никакими.

Елисаветградъ,
Херсонской губерніи.
1892 г. августа 24.

---

[459]) Aspelin, рис. 305 и 306. De Linas, II, рис. 165 и Pl. A. fig. 1. Гр. Толстой и Кондаковъ, вып. III, рис. 38.

[460]) Матеріалы по археологіи Кавказа, I, табл. XXII, рис. 21.

[461]) Тамъ же, табл. XII, рис. 15. Табл. XXIV, рис. 46.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Извлеченіе изъ дневника раскопокъ Лядинскаго могильника.

I. Три кусочка реберъ и куски черепа въ состояніи крайняго разрушенія; при нихъ желѣзный наконечникъ копья.

II. Мелкіе куски обгорѣлыхъ костей и вмѣстѣ съ ними желѣзный топоръ, 6 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и большой глиняный горшокъ.

III. Восемь желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ.

IV. Два желѣзныхъ топора, изъ нихъ одинъ — съ вертикальнымъ (продольнымъ) гнѣздомъ для ручки.

V. Конскій зубъ, украшенный бронзовыми бляхами ремень (рис. 1).

VI. Глиняная пряслица.

VII. Два бронзовыхъ браслета, оселокъ и желѣзный ножикъ.

VIII. Два желѣзныхъ ножа, бронзовый браслетъ, обломокъ бронзоваго украшенія.

Рис. 1. Обрывокъ пояса изъ погребенія V.

IX. Куски черепа, кусокъ ремня.

X. Обломокъ мѣднаго украшенія и глиняное пряслице.

XI. Пять бронзовыхъ пряжекъ формы кольцеобразной, съ двумя прямыми придатками снаружи и подвижнымъ язычкомъ, и одна пряжка угловатой формы.

XII. Кусочекъ кремня.

XIII. Глубина отъ поверхности почвы $1^1/_2$ аршина. Кусокъ черепа, кусочки обгорѣлыхъ костей, черепки глиняной посуды, кусочки угля. Бронзовое шейное кольцо, бронзовое украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, большая бронзовая кольцеобразная пряжка, 4 бронзовые браслета, привѣски въ видѣ колокольчиковъ (4 серебряныхъ и 8 бронзовыхъ), кусочки спирально согнутой мѣдной проволоки, ожерелье изъ бусъ, желѣзный молотокъ, три желѣзныхъ ножа, кусочки ткани, куски ремня съ бронзовыми бляшками на нихъ, бронзовая шпилька, 9 бронзовыхъ бляшекъ. Предметы лежали въ землѣ кучей.

XIV. Желѣзный ножикъ, желѣзная пряжка, бронзовая пряжка, 20 штукъ бронзовыхъ бляшекъ, куски кожи, бронзовый наконечникъ ремня съ узорами, кусочекъ дерева, продолговатый обломокъ заржавѣвшаго желѣзнаго предмета, желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ. Глубина $1^1/_2$ аршина.

XV. Глубина 1 аршинъ. Кусочекъ кости, совсѣмъ истлѣвшей, ожерелье изъ мелкихъ бусъ, серебряная привѣска въ видѣ колокольчика, кусочекъ ткани, обломокъ бронзоваго украшенія, двѣ мѣдныя кольцеобразныя пряжки, кусочекъ кожи съ тканью на немъ, желѣзная четыреугольная пряжка, обломокъ желѣзнаго кельта.

XVI. Глубина 1 аршинъ. Развалившійся черепъ, лицомъ къ СВ.; къ С. отъ него остатки позвонковъ и реберъ, близь реберъ остатки ткани, далѣе къ С. желѣзная пряжка, желѣзный ножъ, желѣзный наконечникъ стрѣлы, кусокъ съѣденнаго ржавчиной желѣза со слѣдами дерева, желѣзный предметъ четыреугольной формы, испорченный ржавчиной, желѣзный браслетъ съ остатками истлѣвшихъ костей внутри его, двѣ желѣзныхъ круглыхъ пряжки, два бронзовыхъ кольца, кусочки окислившагося желѣза, желѣзные щипцы, бронзовое колечко съ кусочкомъ кожи, приставшимъ къ нему, желѣзная пряжка, испорченная ржавчиной.

XVII. Глубина таже. Кусокъ большой берцовой кости, сильно истлѣвшей, два бронзовыхъ браслета въ видѣ обруча, куски окислившейся желѣзной пряжки.

XVIII. Глубина таже. Медвѣжій зубъ со сверлиной, покрытый окисью мѣди.

XIX. Глубина $1^1/_4$ аршина. Два глиняныхъ горшка рядомъ.

XX. Глубина $1^3/_4$ аршина. Спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками, остатки кожи, мелкіе куски костей, нѣсколько фалангъ ручныхъ пальцевъ, совсѣмъ истлѣвшихъ и имѣвшихъ видъ тонкихъ, пустыхъ внутри, шкурокъ.

XXI. Глубина 1 аршинъ. Нѣсколько штукъ дѣтскихъ зубовъ (безъ корней), желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ; южнѣе—маленькое бронзовое кольцо съ фалангой пальца руки внутри (при прикосновеніи распалось), куски бронзоваго браслета, 2 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, украшеніе въ видѣ трубочки изъ мѣдной проволоки съ двумя привѣсками — колокольчиками, кусочекъ окислившагося желѣза вродѣ стрѣлы, съ остатками дерева.

XXII. Глубина $1^1/_4$ аршина. Бронзовая пряжка въ видѣ круглой бляхи съ откидной дверкой посерединѣ; около нея остатки костей въ состояніи крайняго разрушенія, небольшой бронзовый браслетъ-обручъ, куски бронзоваго спиральнаго браслета, 3 бронзовыхъ пряжки, куски трубочекъ изъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ (подъ ними слѣды дерева), 2 бронзовыхъ шпильки, ожерелье изъ бусъ, остатки украшенія, набраннаго изъ бронзовыхъ пластинокъ, съ продолговатыми привѣсками. Предметы лежали кучей.

XXIII. Глубина $1^1/_4$ аршина. Кусокъ истлѣвшей челюсти, близь него кусокъ бронзоваго шейнаго кольца, внутри послѣдняго 9 штукъ трубочекъ изъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ привѣсками въ видѣ звѣздочекъ и бубенчиковъ и раковина; рядомъ кусочекъ войлока съ остатками дерева и кусочекъ окислившагося желѣза.

XXIV. Глубина $2^1/_4$ четверти. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., безъ нижней челюсти и безъ боковъ верхней; подъ вискомъ остатки дерева; ото лба къ затылку бронзовый вѣнчикъ; близь черепа большой горшокъ, въ немъ кусочекъ окислившагося желѣза, около горшка желѣзный наконечникъ стрѣлы.

XXV. Глубина $1^1/_2$ аршина. Тонкій слой чернозема, величиной въ квадратную четверть, на немъ двѣ бронзовыхъ шпильки (одна изъ нихъ съ остаткомъ кожи, проткнутой и надѣтой на спиральный конецъ) и два безформенныхъ кусочка заржавѣвшаго желѣза.

XXVI. Глубина $^3/_4$ аршина. Глиняный горшокъ, два дѣтскихъ зуба, бронзовая трубочка съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ и привѣска въ видѣ колокольчика, подъ ними остатки кожи и кусочки разрушившихся дѣтскихъ реберъ; южнѣе желѣзный топорикъ, бронзовая пуговка, бронзовая кольцеобразная пряжка, куски бронзоваго браслета, кусокъ кремня, два кусочка серебряной трубочки.

XXVII. Глубина 1 аршинъ. Желѣзный наконечникъ копья, близь него мелкіе куски истлѣвшихъ костей, надъ ними небольшой желѣзный топоръ, южнѣе полукруглый простроченый ремешокъ, куски желѣзнаго ножа, безформенный кусочекъ желѣза, маленькій зубъ и еще наконечникъ копья.

XXVIII. Глубина $^3/_4$ аршина. Желѣзный молотокъ, южнѣе желѣзный топоръ и ножъ, безформенный кусочекъ желѣза, мелкіе кусочки истлѣвшей кости, восточнѣе на 1 шагъ глиняный горшокъ.

XXIX. Глубина 1 аршинъ. Глиняный горшокъ.

XXX. Глубина таже. Два небольшихъ глиняныхъ горшка рядомъ; на 1 шагъ къ В. отъ нихъ желѣзный молотокъ.

XXXI. Глубина $1^1/_4$ аршина. Остатки разрушившагося черепа и бронзовая шпилька.

XXXII. Глубина 1 аршинъ. Три бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, бронзовый дѣтскій браслетъ, серебряное колечко со слѣдами кожи.

XXXIII. Глубина 1 аршинъ. Остатки скелета съ вытянутыми конечностями; черепъ на правомъ вискѣ; головой скелетъ обращенъ къ СВ., ногами къ ЮЗ.; вправо отъ черепа желѣзный наконечникъ копья; подъ костями рукъ войлокъ и лубокъ; у лѣваго плеча бронзовое шейное кольцо; на запястьѣ правой руки бронзовый браслетъ, около нея желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, близь лѣвой руки желѣзный молотокъ; на тазовыхъ позвонкахъ ременный поясъ, украшенный бронзовыми бляхами, и 5 бронзовыхъ пряжекъ, у ногъ развалившійся отъ ржавчины желѣзный ножикъ.

XXXIV. Глубина $^3/_4$ аршина. Истлѣвшій черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю. Около нижней его части найдены: куски украшенія въ видѣ трубочекъ изъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ привѣсками въ видѣ схематическихъ изображеній конскихъ головокъ и въ видѣ бубенчиковъ, ожерелье изъ бусъ, обломокъ желѣзнаго кольца, кусочекъ шнурка; съ боку черепа бронзовая шпилька.

XXXV. Глубина 1 аршинъ. Сильно истлѣвшій скелетъ головой къ З.; подробности его положенія, за плохою сохранностью костей, остались не ясны. Близь черепа ожерелье изъ бусъ, бронзовая шпилька, куски трубочекъ изъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ бубенчикомъ, двѣ привѣски изъ медвѣжьихъ когтей, въ видѣ птички; восточнѣе пряжка кольцеобразная съ остатками ткани, остатки кожи, 15 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ съ шнуркомъ, продѣтымъ въ нихъ, бронзовый браслетъ-обручъ на лѣвой рукѣ, 2 такихъ же на правой, на нихъ слѣды ткани; на груди 3 бронзовыхъ пластинки. подъ ними слой лубка, ниже бронзовая круглая пряжка съ откидной дверкой, подъ нею остатки ткани и шнурковъ, еще ниже—кусокъ кожи и наконецъ—позвонки.

XXXVI. Глубина 1 аршинъ. Вслѣдствіе плохой сохранности костей, положеніе скелета не ясно. Находки: ременный поясъ съ серебряными бляшками, завязанный узломъ, куски ремня съ бляшками и колечками, бронзовая пряжка, сверхъ ремней куски лубка; небольшая пряжка съ остаткомъ кожи, 4 желѣзныхъ ножа, безформенные кусочки желѣза, желѣзный наконечникъ копья; 2 бронзовыхъ браслета на одной рукѣ и 3 на другой.

XXXVII. Глубина $1^3/_4$ аршина. Черепъ и другія кости въ состояніи крайняго разрушенія; скелетъ лежалъ головой къ Ю. Близь черепа 2 горшка, 2 бронзовыхъ шпильки, части серебрянаго вѣнчика, кусочки спирально согнутой мѣдной проволоки съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, бронзовая шейная гривна серповидная, съ цилиндрическими привѣсками, 2 бронзовыхъ подвѣски, 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, ожерелье изъ бусъ; сѣвернѣе: бронзовая круглая фибула съ дверкой (въ послѣдней ущемлены кусочки тонкой ткани), сверхъ нея кусокъ лубка, куски бронзовыхъ спиральныхъ браслетъ, глиняная пряслица, ремешки съ бронзовыми украшеніями, желѣзный ножъ, желѣзная пряжка, желѣзное шило.

XXXVIII. Глубина 1 аршинъ. Истлѣвшій скелетъ головой къ Ю. У лѣваго бедра желѣзные топоръ и ножъ, у праваго бронзовый браслетъ.

XXXIX. Глубина $^3/_4$ аршина. Два желѣзныхъ стремени: въ нихъ продѣты желѣзныя удила.

XL. Глубина $1^1/_4$ аршина. Костей не найдено. Находки: желѣзный ножикъ, желѣзная пряжка, желѣзный молотокъ, 9 бронзовыхъ полуовальныхъ пластинокъ съ дырочками для гвоздей и продолговатымъ отверстіемъ у каждой, кусокъ кожи, бронзовая пряжка, черепокъ небольшаго горшка.

XLI. Глубина 1 аршинъ. Маленькій желѣзный кельтъ, положенный поверхъ глинянаго горшка.

XLII. Глубина 1 аршинъ. Слабые слѣды истлѣвшихъ костей, куски ремня съ бронзовыми четыреугольными и сердцевидными бляшками, бронзовая кольцеобразная пряжка, кусокъ кремня, желѣзный ножикъ, желѣзный топоръ съ широкимъ лезвіемъ.

XLIII. Глубина $^1/_2$ аршина. Скелетъ лежалъ на спинѣ, ногами къ С., головой къ Ю., черепъ на лѣвомъ вискѣ, положеніе рукъ осталось не яснымъ, за плохою сохранностью костей; на бедрахъ найденъ ременный поясъ съ бронзовыми бляшками и пряжками, подъ нимъ кусочки ткани, близь черепа бронзовая шпилька.

XLIV. Глубина $^3/_4$ аршина. Глиняный горшокъ.

XLV. Глубина 1 аршинъ. Два глиняныхъ горшка (одинъ изъ нихъ на боку).

XLVI. Глубина $1^3/_4$ аршина. Бронзовая кольцеобразная пряжка и куски трубочекъ изъ спирально согнутой мѣдной проволоки, съ привѣсками въ видѣ сердечка.

XLVII. Глубина 1 аршинъ. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., ноги вытянуты къ С., кисти рукъ близь головы. Около черепа нѣсколько штукъ распавшихся рѣчныхъ раковинъ, у ногъ желѣзный топорикъ. Полъ-аршиномъ глубже другой скелетъ: черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ ЮВ., ноги вытянуты къ СЗ., положеніе рукъ не ясно, за плохой сохранностью костей; у лѣвой ноги желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, между ногами кусокъ кремня, на бедрахъ ременный поясъ съ бронзовыми бляшками, подъ тазовыми костями остатки дерева съ войлокомъ на немъ, на животѣ и на груди 6 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, на груди 2 бронзовыхъ трубочки изъ спирально согнутой проволоки, одна съ привѣской въ видѣ колокольчика, на лѣвой рукѣ бронзовый браслетъ, на правой—бронзовый браслетъ и спиральное бронзовое кольцо; близь черепа желѣзный наконечникъ копья и желѣзный ножъ.

XLVIII. Глубина 1 аршинъ. Черепъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., другія кости въ состояніи крайняго разрушенія; близь лицевой стороны черепа желѣзное долото огромныхъ размѣровъ и такой же наконечникъ копья; сѣвернѣе черепа (на рукѣ?) кольцо изъ согнутой серебряной проволоки.

XLIX. Глубина $1^1/_2$ аршина. Желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, лезвіемъ внизъ.

L. Глубина $^3/_4$ аршина. Скелетъ на спинѣ, ноги протянуты къ С., кисти рукъ на бедрахъ, черепъ къ Ю., на правомъ вискѣ. У праваго бедра желѣзный ножъ, на рукахъ по 2 спиральныхъ бронзовыхъ кольца и по 3 бронзовыхъ браслета-обруча на запястьи; на тазовыхъ костяхъ кусочки

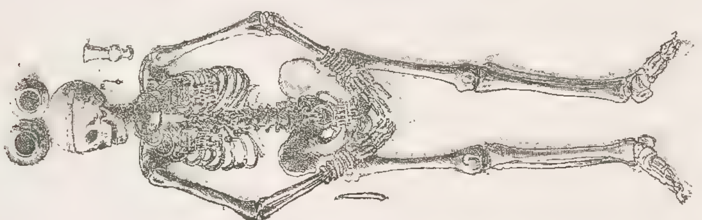

Рис. 2. Погребеніе L.

ткани; на животѣ большая бронзовая круглая ажурная пряжка съ иглой, украшенная изображеніями конскихъ головокъ и привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ; на животѣ и на груди 9 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ со шнуркомъ, продѣтымъ въ нихъ, на груди ожерелье изъ мелкихъ бусъ, нѣсколько крупныхъ бусинъ и бронзовыхъ привѣсокъ-колокольчиковъ, куски желѣзнаго шейнаго кольца, по сторонамъ груди симметрично расположены 2 бронзовыя четыреугольныя ажурныя украшенія съ изображеніями конскихъ головокъ вверху и съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, близь головы 2 серебряныя шпильки; черезъ лобъ на затылокъ — серебряный вѣнчикъ; съ лѣвой стороны головы желѣзный молотокъ, подъ головой остатки ткани съ металлическими нашивками; сзади головы 2 большихъ глиняныхъ горшка. См. рис. 2.

LI. Глубина 1 аршинъ. Глиняный горшокъ, внутри его маленькая глиняная чашечка; западнѣе на 2 аршина желѣзный наконечникъ копья; костей нѣтъ.

LII. Глубина $1^1/_2$ аршина. Желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, бронзовый браслетъ и серебряное кольцо; костей нѣтъ.

LIII. Глубина $^3/_4$ аршина. Скелетъ на спинѣ, головой къ Ю., конечности протянуты на С. Въ ногахъ кучка распавшихся рѣчныхъ раковинъ; у кисти лѣвой руки 7 штукъ монетъ (подражанія арабскимъ диргемамъ); на бедрахъ ременный поясъ съ бронзовыми бляшками. Черепъ, сильно раз-

рушившійся, лежалъ на лѣвомъ вискѣ; позвонковъ и реберъ не было и слѣдовъ. На $^1/_4$ аршина глубже нашли другую могилу. Черепъ нижняго скелета приходился какъ разъ подъ концами ногъ верхняго и лежалъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ С.; южнѣе, въ длину человѣческаго роста—жженыя кости въ видѣ мелкихъ кусочковъ; близь черепа глиняный горшокъ; южнѣе его 2 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, 2 бронзовыя украшенія, трубочка изъ спирально согнутой мѣдной проволоки, бронзовый браслетъ, подъ нимъ куски бронзоваго шейнаго кольца и бронзовая пряжка.

LIV. Глубина $^3/_4$—$1^1/_4$ аршина. Скелетъ небольшой лошади, головой къ Ю., спиной вверхъ, съ подогнутыми подъ туловище конечностями; передняя часть скелета выше задней; близь скелета, но глубже на полъ-аршина найденъ желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ. Непосредственно за головою лошади, южнѣе ея, на уровнѣ заднихъ ея ногъ найденъ скелетъ человѣка LV.

LV. Глубина $1^1/_4$ аршина. Положеніе скелета: головой къ Ю., ногами къ С.; подробности положенія не ясны, за плохою сохранностью костей. У лѣвой ноги желѣзный ножикъ, у правой —желѣзныя удила, на бедрахъ куски ремня съ бронзовыми бляшками и колечками и серебряныя четыреугольныя бляшки отъ ремня, у праваго бедра кусокъ кремня, на правой рукѣ бронзовый браслетъ, близь правой руки бронзовая кольцеобразная пряжка; на груди серебряная серьга, у лѣваго виска большой желѣзный наконечникъ, вродѣ пики.

LVI. Глубина $1^1/_2$ аршина. Черепъ сильно разрушившійся, лицомъ къ С.; кромѣ ключицъ и шейныхъ позвонковъ, другихъ частей скелета не отыскано. Черезъ лобъ на затылокъ проходилъ бронзовый вѣнчикъ; близь черепа найдены 2 бронзовыя шпильки, на груди спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, бронзовая пряжка, ремешокъ, украшенный бронзовыми пластинками, ожерелье изъ бусъ; сѣвернѣе 2 бронзовыхъ кольца, бронзовый браслетъ небольшихъ размѣровъ, большая бронзовая кольцеобразная пряжка и желѣзный молоточекъ.

LVII. Глубина $^3/_4$ аршина. Глиняный горшокъ.

LVIII. Глубина $1^3/_4$ аршина. Ремешокъ съ бронзовыми бляшками, остатки лубка и ткани, желѣзный молотокъ.

LIX. Глубина $1^1/_2$ аршина. Слабые слѣды истлѣвшихъ костей. Въ направленіи отъ С. къ Ю., въ длину человѣческаго роста, послѣдовательно найдены: бронзовый браслетъ, желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, желѣзный ножъ, двѣ бронзовыхъ шпильки, ремешки, желѣзный наконечникъ копья и нѣсколько штукъ крупныхъ бусъ.

LX. Глубина 1 аршинъ. Трубочки изъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ и желѣзный ножичекъ.

LXI. Глубина $1^3/_4$ аршина. Черепъ, сильно разрушившійся, теменемъ къ Ю., ноги къ С.; за плохой сохранностью костей, подробности положенія скелета неизвѣстны. У лѣвой ноги желѣзный топоръ, у правой 2 желѣзныхъ ножа, на животѣ бронзовая круглая фибула съ дверкой, на лѣвой рукѣ бронзовый браслетъ, на правой—два браслета и бронзовое спиральное кольцо, по туловищу—7 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ; по сторонамъ черепа по глиняному горшку; на лбу куски бронзоваго вѣнчика; близь черепа 2 бронзовыхъ шпильки, ремень съ бронзовыми украшеніями, 2 бронзовыхъ шейныхъ кольца, бронзовая серповидная гривна и ожерелье изъ бусъ.

LXII. Глубина $^3/_4$ аршина. Мелкіе кусочки костей дѣтскаго скелета; при нихъ найдены: бронзовая пряжка, привѣска изъ медвѣжьяго когтя въ видѣ птички, кусочки спирально согнутой проволоки и кусокъ кожи.

LXIII. Глубина 1 аршинъ. Желѣзныя удила, большая четыреугольная желѣзная пряжка.

LXIV. Глубина $1^1/_4$ аршина. Мелкіе куски костей. Въ сѣверной части могилы найдены: 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 5 штукъ крупныхъ бусинъ, 2 бронзовыя шпильки; южнѣе желѣзные молотокъ и ножъ.

LXV. Глубина 1 аршинъ. Мелкіе куски костей. Въ южной части могилы найдены: 2 круглыя желѣзныя пряжки, огромное желѣзное долото; сѣвернѣе—желѣзный наконечникъ копья, безформенный отъ ржавчины кусочекъ желѣза, желѣзная сабля, оселокъ, 2 желѣзныхъ пряжки, желѣзный топоръ, желѣзный ножикъ, 7 бронзовыхъ бубенчиковъ, кусокъ кремня и бронзовое кольцо.

LXVI. Глубина 1 аршинъ. Мелкіе куски костей. При нихъ найдены: желѣзные кельтъ, то-

порикъ и ножичекъ, кусокъ кремня, немного мелкаго угля, ремень, украшенный бронзовыми бляшками, бронзовый вѣнчикъ, куски лубка съ остатками ткани на немъ, серебряное кольцо.

LXVII. Глубина $1^1/_2$ аршина. Мелкіе куски костей. При нихъ большая бронзовая кольцеобразная пряжка, 2 такой же формы пряжки меньшихъ размѣровъ (одна съ остатками шнурка), желѣзный ножичекъ, спиральное бронзовое колечко, желѣзный молотокъ, бронзовая гривна, остатки серебрянаго вѣнчика съ пряжкой, ожерелье изъ бусъ, глиняный горшокъ.

LXVIII. Глубина 1 аршинъ. Желѣзный ножикъ, бронзовая пластинка.

LXIX. Глубина та-же. Два бронзовыя спиральныя кольца, выше ихъ желѣзный ножъ.

LXX. Глубина 1 аршинъ. Распавшійся черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ на Ю., остальныя кости къ С. отъ него, въ состояніи крайняго разрушенія. Близь черепа горшокъ, 2 серебряныхъ шпильки, куски ремешка, украшеннаго узенькими бронзовыми пластинками, прикрѣпленными поперекъ него, куски мѣдной, спирально согнутой проволоки, ожерелье изъ бусъ, 8 штукъ бронзовыхъ привѣсокъ; сѣвернѣе —желѣзный ножичекъ и безформенный кусочекъ желѣза.

LXXI. Глубина $1^1/_4$ аршина. Желѣзный ножикъ и кусокъ кремня; восточнѣе на 1 аршинъ: черепъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., кости туловища и конечностей къ С. отъ него, въ состояніи крайняго разрушенія.

LXXII. Глубина 2 аршина. Плохо сохранившійся скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., руки сложены на груди, черепъ на лѣвомъ вискѣ. Около правой ноги желѣзный ножикъ, у праваго бедра другой, поменьше, у праваго бока бронзовая пряжка, на животѣ бронзовая круглая фибула съ дверкой, подъ нею кусочекъ нитки и кусочекъ лубка; вдоль туловища 6 штукъ бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ; по сторонамъ груди два бронзовыхъ украшенія въ видѣ продолговатой пластинки, съ кольцеобразными пряжками вверху и съ цилиндрическими привѣсками, сверхъ нихъ остатки кожи,

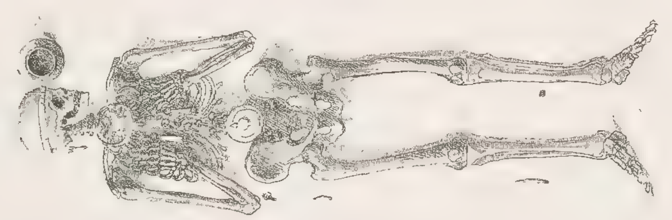

Рис. 3. Погребеніе LXXII.

а подъ ними—кусочки ткани, на запястьяхъ рукъ по одному бронзовому спиральному браслету и по одному же бронзовому браслету-обручу, на правой рукѣ бронзовое спиральное кольцо, на груди ожерелье изъ бусъ, бронзовая гривна съ цилиндрическими привѣсками, ото лба къ затылку бронзовый вѣнчикъ, сверхъ него остатки войлока, на затылкѣ кусокъ толстой ткани, по сторонамъ черепа 2 серебряныхъ шпильки и бронзовое украшеніе въ видѣ спирально согнутой проволоки съ бубенчиками на концахъ, влѣво отъ черепа глиняный горшокъ, назади черепа желѣзный молотокъ и кусокъ желѣза неопредѣленной формы. См. рис. 3.

LXXIII. Глубина $1^1/_4$ аршина. Развалившійся черепъ теменемъ къ Ю., слабые слѣды остальныхъ истлѣвшихъ костей замѣчены къ С. отъ него. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: бронзовый спиральный браслетъ, рядомъ большая бронзовая пряжка, правѣе и южнѣе—бронзовый браслетъ-обручъ; еще южнѣе: бронзовое шейное кольцо и ожерелье изъ бусъ, 2 бронзовыя продолговатыя пластинки съ кольцеобразными пряжками вверху и съ цилиндрическими привѣсками, 6 штукъ бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, 4 бронзовыя спиральныя кольца, украшеніе въ видѣ пучка спирально согнутыхъ мѣдныхъ проволокъ съ звѣздообразными привѣсками на концахъ; подъ этимъ предметомъ остатки дерева; близь черепа 12 бронзовыхъ трубочекъ, нанизанныхъ на ремешокъ и украшенныхъ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 2 бронзовыя

шпильки; вправо отъ черепа 2 глиняныхъ горшка и глиняный ковшикъ; сзади головы кусокъ олова; на черепѣ бронзовый вѣнчикъ.

LXXIV. Глубина $1^1/_2$ аршина. Желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, глиняный горшокъ, желѣзный ножикъ и маленькій кусокъ кости.

LXXV. Глубина $1^1/_2$ аршина. Желѣзный наконечникъ копья, погнутый желѣзный ножъ и кусокъ кости.

LXXVI. Глубина $1^1/_4$ аршина. Небольшой глиняный горшокъ.

LXXVII. Глубина 2 аршина. Кости въ состояніи крайняго разрушенія, въ неопредѣленномъ положеніи. Находки: куски бронзоваго браслета, 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, кусокъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ бубенчикомъ на концѣ, кусочекъ кремня, оселокъ, нѣсколько кусковъ желѣза неопредѣленной отъ ржавчины формы, желѣзный ножикъ, куски ткани, нѣсколько штукъ мелкихъ бусинъ, желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, куски серебряной гривны, остатки бронзоваго вѣнчика, желѣзный наконечникъ копья.

LXXVIII. Глубина 1 аршинъ. Ремень съ бронзовыми сердцевидными бляшками, накрытый лубкомъ, фрегментъ желѣзныхъ удилъ.

LXXIX. Глубина 2 аршина. Слѣдовъ костей не открыто вовсе. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, желѣзный ножикъ, бронзовый бубенчикъ, небольшая бронзовая круглая ажурная фибула съ иглой и съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, ремень съ бронзовыми украшеніями, 2 бронзовыхъ кольца, 2 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, кусокъ бронзовой шпильки, остатки бронзоваго вѣнчика.

LXXX. Глубина $^1/_4$ аршина. Мѣдное ведро, 2 желѣзныя стремени и желѣзныя удила.

LXXXI. Глубина $^3/_4$ аршина. Скелетъ головой къ Ю., ноги вытянуты къ С., кисти рукъ на бедрахъ, черепъ на правомъ вискѣ. На запястьѣ обѣихъ рукъ по одному бронзовому спиральному браслету; сверхъ одного изъ нихъ сохранился кусокъ матерчатаго рукава; на правой рукѣ бронзовый перстень и бронзовое спиральное кольцо; у праваго бедра безформенные кусочки желѣза; на груди ожерелье изъ раковинъ сургаеа monetа, крупная бусина, бронзовое ожерелье, состоящее изъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, и другое, набранное изъ бронзовыхъ пластинокъ съ продолговатыми четыреугольными привѣсками, кусокъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ продѣтымъ въ нее ремешкомъ, коса, намотанная на палочку и обвитая ремнемъ съ бронзовыми украшеніями, по сторонамъ черепа 2 бронзовыя шпильки; черезъ лобъ къ затылку серебряный вѣнчикъ, съ полоской березовой коры подъ нимъ, съ правой стороны черепа глиняный горшокъ.

LXXXII. Глубина $^3/_4$ аршина. Плохо сохранившійся скелетъ головой къ Ю., на лѣвомъ вискѣ, съ конечностями, вытянутыми къ С., лежалъ на спинѣ. На бедрахъ ременный поясъ съ бронзовыми бляшками, подъ бедрами—кусокъ шкуры, сшитый изъ узкихъ полосъ, а подъ нею лубокъ; у затылка спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣскою на концѣ, желѣзные топоръ и наконечникъ копья.

LXXXIII. Глубина $^1/_2$ аршина. Большой глиняный горшокъ, внутри него маленькій.

LXXXIV. Глубина $^3/_4$ аршина. Скелетъ въ состояніи крайняго разрушенія, головой къ Ю., ногами къ С. У ногъ желѣзный топоръ, 2 желѣзныхъ кольца, 2 бронзовыхъ кольца и оселокъ; у праваго бедра желѣзный молотокъ, кусокъ кремня и безформенный отъ ржавчины кусокъ желѣза, у правой ноги бронзовая пуговица съ кускомъ кожи, у лѣваго бедра 2 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, у лѣваго бока огромное желѣзное долото, на лѣвомъ боку остатки ткани, южнѣе долота желѣзный наконечникъ копья съ бородками, еще южнѣе другой ромбовидный, на животѣ остатки ременнаго пояса съ бронзовой пряжкой, у праваго бока глиняный черепокъ, у праваго плеча желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ; подъ поясомъ слѣды ткани; туловище было покрыто кусками лубка вдоль и поперекъ; съ лѣвой стороны черепа мѣдное развалившееся ведро, въ немъ остатки деревяннаго сосуда, вродѣ плоской чашки.

LXXXV. Глубина $1^1/_2$ аршина. Скелетъ въ состояніи крайняго разрушенія, головой къ Ю., ногами къ С. На правой рукѣ бронзовый браслетъ, по животу и груди 7 бронзовыхъ кольцеобраз-

ныхъ пряжекъ, на животѣ бронзовая фибула съ дверкой, сверхъ ея лубокъ со слѣдами ткани; на груди спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, крупныя бусы, бронзовое шейное кольцо; по сторонамъ черепа 2 бронзовыхъ шпильки; на головѣ, отъ лба къ затылку бронзовый вѣнчикъ съ четыреугольной пряжкой на затылкѣ, сверхъ вѣнчика остатки ткани, съ лѣвой стороны головы глиняный горшокъ.

LXXXVI. Глубина $1^{1}/_{2}$ аршина. Скелетъ, совсѣмъ разложившійся, головой къ Ю., ногами къ С. Близъ черепа найдены: бронзовый спиральный браслетъ, бронзовое шейное кольцо, 2 серебряныя шпильки, 3 бронзовыхъ бубенчика, серебряная гривна, ожерелье изъ бусъ, на головѣ бронзовый вѣнчикъ, въ головахъ глиняный горшокъ.

LXXXVII. Глубина 1 аршинъ. На тонкомъ слоѣ чернозема найдены: бронзовый спиральный браслетъ, шейное украшеніе, составленное изъ бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, бронзовая кольцеобразная пряжка, 2 бронзовыхъ шпильки, спирально согнутая мѣдная проволока съ звѣздообразными бронзовыми привѣсками, серебряное шейное кольцо, серебряный вѣнчикъ, кусочекъ лубка со слѣдами ткани на немъ.

LXXXVIII. Глубина 2 аршина. Желѣзный наконечникъ копья.

LXXXIX. Глубина 2 аршина. Сильно разрушившійся скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., кисти рукъ на груди. На животѣ бронзовая круглая фибула съ дверкой, подъ нею остатки толстой ткани, по сторонамъ—куски лубка, на груди остатки ремня и 9 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, кусочки мѣдной, спирально согнутой проволоки съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, бронзовое четыреугольное украшеніе съ цилиндрическими привѣсками, на рукахъ по одному бронзовому спиральному браслету, по одному браслету-обручу и по 2 спиральныхъ бронзовыхъ кольца; на шеѣ ожерелье, составленное изъ бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, нѣсколько штукъ бронзовыхъ привѣсокъ въ видѣ продолговатыхъ пластинокъ, 2 бронзовыхъ шейныхъ кольца, ожерелье изъ бусъ, кусочекъ ткани; по сторонамъ черепа 2 бронзовыхъ шпильки, на черепѣ бронзовый вѣнчикъ, подъ черепомъ лубокъ, справа отъ головы 2 глиняныхъ горшка.

XC. Глубина 1 аршинъ. Скелетъ ногами къ С.; верхнихъ позвонковъ, реберъ, лопатокъ, ключицъ и черепа не оказалось. Подъ костями нижней части туловища лубокъ, также и поверхъ живота. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: у правой ноги кусокъ кремня, плохо сохранившійся желѣзный ключъ, у лѣвой ноги оселокъ, желѣзный ножикъ, 6 штукъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, у лѣваго бока желѣзный наконечникъ копья, на животѣ и на груди нѣсколько штукъ бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, изъ числа которыхъ цѣлою оказалась одна, бедра три раза обхвачены ременнымъ поясомъ, украшеннымъ бронзовыми сердцеобразными бляшками, подъ нимъ куски мѣха; южнѣе найдены: бронзовый бубенчикъ, двѣ бронзовыя звѣздообразныя привѣски, спирально согнутая мѣдная проволока, 2 серебряныя кольца; близъ того мѣста, гдѣ должна быть голова, мѣдное ведро съ узорами и съ арабской надписью, а въ немъ куски плоской деревянной чашки.

XCI. Глубина 1 аршинъ. Плохая сохранность костей не позволила опредѣлить положеніе скелета; головой лежалъ къ Ю. Находки: коса, намотанная на палочку и обвитая ремнемъ съ бронзовыми украшеніями, кусочекъ ткани, ожерелье изъ бусъ, бронзовая шпилька, привѣски къ косѣ, желѣзный ножикъ.

XCII. Глубина 1 аршинъ. Костей не оказалось. Находки: 19 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, 2 желѣзныя остроги, 2 желѣзныхъ топора съ вертикальнымъ гнѣздомъ, желѣзное остроконечное орудіе съ вертикальнымъ гнѣздомъ, концомъ внизъ, желѣзное кольцо, желѣзный ножикъ, бронзовый браслетъ-обручъ съ колечками на концахъ и куски другого браслета, сильно заржавѣвшій желѣзный предметъ неопредѣленной формы, глиняное пряслице, большой желѣзный топоръ, большой желѣзный наконечникъ копья.

XCIII. Глубина 1 аршинъ. Глиняный горшокъ.

XCIV. Глубина 2 аршина. Желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ и желѣзное остроконечное орудіе съ вертикальнымъ гнѣздомъ.

XCV. Глубина 1 аршинъ. Черепъ къ Ю., на лѣвомъ вискѣ, ноги къ С., подробности положенія

скелета остались не ясны, за плохою сохранностью костей. Вмѣстѣ съ остатками реберъ найдены: бронзовая кольцеобразная пряжка простая, 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки съ длинными привѣсками, маленькая бронзовая четыреугольная пряжка, кусокъ желѣзнаго кольца, ремешокъ, завязанный узломъ, безформенные куски окислившагося желѣза; на груди: ожерелье изъ бусъ съ кусочками спирально согнутой мѣдной проволоки, спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, остатки бронзоваго украшенія съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, бронзовое шейное кольцо; на головѣ отъ лба къ затылку бронзовый вѣнчикъ.

XCVI. Глубина $^1/_2$ аршина. Желѣзный наконечникъ копья.

XCVII. Глубина $^3/_4$ аршина. Глиняный горшокъ и бронзовая звѣздообразная привѣска.

XCVIII. Глубина 1 аршинъ. Бронзовый браслетъ, бусина; остатки ножныхъ костей обращены къ С.

XCIX. Глубже предыдущей находки на полъ-аршина. Желѣзное остроконечное орудіе съ вертикальнымъ гнѣздомъ.

C. Глубина 2 аршина. Плохо сохранившійся скелетъ, головой на Ю., ногами на С., оконечности рукъ лежали на животѣ. У лѣвой ноги желѣзный ножикъ, у лѣвой руки желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, на груди двѣ пряжки: желѣзная и бронзовая кольцеобразная, ожерелье изъ бусъ, на головѣ куски бронзоваго вѣнчика, справа отъ головы желѣзный наконечникъ копья.

CI. Глубина 2 аршина. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ на Ю., ноги на С., положеніе рукъ осталось не ясно, за плохою сохранностью костей. Между колѣнями небольшой глиняный горшокъ, на груди 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, ожерелье изъ бусъ, близь головы 2 бронзовыхъ шпильки, кусокъ олова, спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, голова обхвачена отъ лба къ затылку бронзовымъ вѣнчикомъ, подъ головой войлокъ и лубокъ.

CII. Глубина $^1/_2$ аршина. Въ обвалѣ съ пескомъ выпали: желѣзное стремя, желѣзныя удила, желѣзная пряжка и безформенный отъ ржавчины кусокъ желѣза; съ неизвѣстной глубины желѣзный наконечникъ копья.

CIII. Глубина $1^1/_4$ аршина. Сильно разрушившійся черепъ, теменемъ къ С., на лѣвомъ вискѣ; едва замѣтные слѣды остальныхъ частей скелета къ Ю. отъ черепа. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: ожерелье изъ бусъ, бронзовое жгутообразное шейное кольцо, спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, мѣдное спиральное кольцо, бронзовый браслетъ, 2 бронзовыя продолговатыя пластинки съ кольцеобразными пряжками вверху и съ цилиндрическими привѣсками.

CIV. Глубина 1 аршинъ. Плохо сохранившійся скелетъ головой къ Ю., конечности вытянуты къ С. На лѣвой рукѣ 2 бронзовые спиральные браслета и такой же браслетъ-обручъ, на животѣ бронзовая круглая ажурная пряжка съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ на цѣпочкахъ, на груди 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 1 желѣзная пряжка, безформенный отъ ржавчины кусокъ желѣза съ прикипѣвшими къ нему 2 бронзовыми пряжками; на бокахъ по продолговатой бронзовой пластинкѣ съ цилиндрическими привѣсками; кожа шеи, вмѣстѣ съ нижней челюстью, сохранилась, благодаря окиси мѣди отъ ожерелья изъ бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, которое лишь съ нѣкоторымъ трудомъ можно было отдѣлить отъ кожи; вмѣстѣ съ нимъ найдено 6 раковинъ cypraea moneta; на верхней части груди найдены: куски спирально согнутой мѣдной проволоки съ звѣздообразными привѣсками на концахъ, бронзовая привѣска, украшенная схематическими изображеніями конскихъ головокъ, привѣска изъ медвѣжьяго когтя въ видѣ птички, съ остаткомъ ремешка, медвѣжій зубъ со сверлиной, бронзовая привѣска, формой похожая на букву Н; близь черепа 2 бронзовыхъ шпильки (одна съ остаткомъ ремня), на черепѣ бронзовый вѣнчикъ, около черепа глиняный горшокъ.

CV. Глубина $^3/_4$ аршина. Скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., кисти рукъ на бедрахъ, черепъ на затылкѣ. Въ ногахъ два глиняныхъ горшка, маленькій поставленъ наверху большаго, на рукахъ по 1 бронзовому браслету-обручу и по спиральному мѣдному кольцу на шеѣ 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, просверленный зубъ медвѣдя, привѣска изъ медвѣжьяго когтя въ видѣ птички, бронзовая привѣска въ видѣ колокольчика; на груди че-

тыреугольное бронзовое ажурное украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 2 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, близь черепа 2 бронзовыя шпильки, подъ костями туловища и черепа лубокъ. Скелетъ дѣтскій. См. рис. 4.

Рис. 4. Погребеніе CV.

CVI. Глубина 1¼ аршина. Черепъ въ южномъ концѣ могилы, немного повороченъ къ В., ноги и правая рука протянуты къ С., остальныхъ костей не оказалось. Подъ правымъ бедромъ замѣчено нѣсколько углей. У правой ноги большой желѣзный топоръ, у лѣвой—желѣзный ножъ, на бедрахъ ременный поясъ съ бронзовыми бляшками и кольцомъ, подъ бедрами кусокъ мѣха, сшитаго изъ узкихъ полосъ, а подъ нимъ лубокъ, которымъ также прикрыты были тазовыя кости; у праваго бедра найдены: 2 желѣзныхъ обруча, кусокъ кремня, 2 бронзовыя продолговатыя пластинки съ цилиндрическими привѣсками, 8 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, крупная узорчатая бусина, бронзовый вѣнчикъ, коса, обвитая ремнемъ; въ ¾ аршина къ Ю. отсюда черепъ; слѣва отъ него 2 желѣзныхъ кольца и желѣзная острога изъ двухъ отдѣльныхъ частей.

CVII. Глубина 1¼ аршина. Бронзовая пряжка, бронзовая привѣска въ видѣ колокольчика, желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ.

CVIII. Глубина 1½ аршина. Скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., концы рукъ на груди, черепъ немного повороченъ къ В. На животѣ бронзовая круглая фибула съ дверкой, на ней слѣды тонкой ткани, на груди 2 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, ожерелье изъ крупныхъ бусинъ, нанизанныхъ на шнурокъ, въ перемежку съ трубочками изъ спирально-согнутой мѣдной проволоки, 2 бронзовыя привѣски, составленныя изъ трехъ спиральныхъ кружковъ, расположенныхъ пирамидкой, бронзовая привѣска въ видѣ пуговицы, такая же—въ видѣ полумѣсяца, 3 бронзовыхъ шейныхъ кольца, украшеніе, набранное изъ бронзовыхъ пластинокъ съ цилиндрическими привѣсками, на правой рукѣ 2 бронзовые браслета, на обѣихъ рукахъ по 4 спиральныхъ мѣдныхъ кольца, близь черепа 2 серебряныя шпильки, на черепѣ остатки бронзоваго вѣнчика съ маленькой пряжкой, подъ головой лубокъ.

CIX. Глубина ¾ аршина. Черепъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., кости ногъ къ С., остальныхъ костей не оказалось. У лѣвой ноги ножикъ, между ногами 2 кусочка кремня и бронзовая пряжка, слѣва отъ черепа желѣзный топоръ, справа бронзовое кольцо.

CX. Глубина 2 аршина. Остатки развалившагося черепа въ южной части могилы, кости ногъ обращены къ С., остальныхъ костей не оказалось. Въ ногахъ кусокъ кремня и кусочки перержавѣвшаго желѣза, у праваго бедра желѣзный ножикъ, 2 бронзовыхъ пряжки, у лѣваго бедра желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, поверхъ черепа желѣзный наконечникъ копья.

CXI. Глубина 1 аршинъ. Истлѣвшій черепъ въ южномъ концѣ могилы, на лѣвомъ вискѣ, къ сѣверу отъ него слой мелкихъ, пережженныхъ костей съ примѣсью глиняныхъ черепковъ. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: 2 глиняныхъ горшка, бронзовый спиральный браслетъ, желѣзная сабля (рукояткой къ Ю.), желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, далѣе—двѣ бронзовыхъ продолговатыхъ пластинки съ цилиндрическими привѣсками, одна на другой, сверхъ нихъ остатки дерева, вмѣстѣ съ ними бронзовый вѣнчикъ, 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 2 бронзовыхъ серьги.

CXII. Глубина $^3/_4$ аршина. Мѣдное ведро вверхъ дномъ, на немъ кусочекъ кремня.

CXIII. Глубина $^3/_4$ аршина, Желѣзный скребокъ, оселокъ, желѣзный топоръ съ широкимъ лезвіемъ, желѣзное большое долото, глиняный ковшикъ, бронзовый браслетъ.

CXIV. Глубина 1 аршинъ. Скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., кисти рукъ на верхней части груди, черепъ на лѣвомъ вискѣ. На обѣихъ рукахъ по одному бронзовому спиральному браслету и по 2 мѣдныхъ спиральныхъ кольца, кромѣ того, на правой—бронзовый перстень, на груди 3 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, ожерелье изъ бронзовыхъ звѣздообразныхъ привѣсокъ и раковинъ cypraea moneta, близь черепа 1 бронзовая шпилька, на черепѣ, отъ лба на затылокъ бронзовый вѣнчикъ съ пряжкой, у затылка желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ и желѣзный наконечникъ копья.

CXV. Глубина 1 аршинъ. Плохо сохранившійся скелетъ головой къ Ю., на правомъ вискѣ, оконечности протянуты къ С. У лѣвой руки желѣзный топоръ, у лѣваго бока—другой, на обѣихъ рукахъ по одному бронзовому спиральному браслету и кромѣ того на правой 6, а на лѣвой 5 штукъ бронзовыхъ браслетъ-обручей, на животѣ и на груди 9 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, на груди бронзовая привѣска, украшенная схематическими изображеніями конскихъ головокъ, куски спирально согнутой мѣдной проволоки, 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, куски желѣзнаго шейнаго кольца, ремешокъ, завязанный узломъ, бусина; подъ спиною коса, обвитая ремнемъ съ бронзовыми украшеніями, близь черепа 2 бронзовыя шпильки, на черепѣ бронзовый вѣнчикъ.

CXVI. Глубина $^3/_4$ аршина. Скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., концы рукъ на груди; черепъ развалился. На рукахъ по одному бронзовому спиральному браслету, на животѣ бронзовая кольцеобразная пряжка, прикипѣвшая къ куску ржаваго желѣза, на груди куски желѣзнаго шейнаго кольца, близь черепа 2 бронзовыя шпильки, подъ спиной коса, обвитая ремнемъ съ бронзовыми украшеніями, сзади головы кусокъ олова, кусокъ бѣлой глины и бронзовое кольцо.

CXVII. Глубина $^3/_4$ аршина. Очень плохо сохранившійся скелетъ, головой къ Ю., на лѣвомъ вискѣ: другія подробности положенія его остались не выясненными. Въ головахъ глиняный горшокъ съ орнаментомъ изъ ямочекъ, расположенныхъ пирамидками, по три въ каждой; на шеѣ ожерелье изъ раковинъ cypraea moneta и бронзовыхъ шаровидныхъ бубенчиковъ и другое, составленное изъ бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, на верхней части груди нѣсколько штукъ бронзовыхъ круглыхъ бляшекъ.

CXVIII. Глубина $1^3/_4$ аршина. Желѣзная пряжка и куски ножа.

CXIX. Глубина $^3/_4$ аршина. Желѣзный наконечникъ копья.

CXX. Глубина 1 аршинъ. Десять штукъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, желѣзныя удила, 10 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, куски бронзоваго вѣнчика, бронзовая гривна съ цилиндрическими привѣсками, бронзовый браслетъ-обручъ, желѣзное шило.

CXXI. Глубина 2 аршина. Костей не оказалось вовсе. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: глиняный горшокъ, круглая бронзовая фибула (крышки недоставало), большая бронзовая кольцеобразная пряжка и нѣсколько штукъ пряжекъ меньшихъ размѣровъ, изъ числа ихъ 2 цѣлыхъ, серебряный вѣнчикъ, куски бронзоваго спиральнаго браслета, 2 бронзовыхъ браслета-обруча, куски спирально согнутой мѣдной проволоки съ колокольчиками, цѣлая бронзовая шпилька и куски другой, ожерелье изъ бусъ.

CXXII. Глубина $^3/_4$ аршина. Дѣтскій скелетъ въ состояніи крайняго разрушенія, положеніе не выяснено, за плохою сохранностью костей. Находки: четыреугольное бронзовое ажурное украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, небольшой бронзовый браслетъ-обручъ и бронзовая кольцеобразная пряжка.

CXXIII. Глубина та же. Остатки сильно истлѣвшаго скелета головой къ Ю., ногами къ С., черепъ, повидимому, на правомъ вискѣ. На шеѣ 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 16 бронзовыхъ звѣздообразныхъ привѣсокъ и кусочки спирально согнутой мѣдной проволоки, 2 бронзовыя шпильки, ожерелье изъ бусъ и раковинъ cypraea moneta, бронзовая, кольцеобразная пряжка.

CXXIV. Глубина $^{1}/_{2}$ аршина. Отъ скелета остались только слѣды позвонковъ. Сѣвернѣе ихъ остатки рѣчныхъ раковинъ, бронзовая круглая ажурная пряжка съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 4 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 3 маленькихъ бронзовыхъ браслета-обруча, кусокъ олова; южнѣе 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 2 бронзовыхъ шпильки, ожерелье изъ раковинъ cypraea moneta и 5 штукъ бронзовыхъ звѣздообразныхъ привѣсокъ, глиняный горшокъ.

CXXV. Глубина $^{1}/_{2}$ аршина. Отъ скелета едва сохранились только остатки черепа (на Ю.) и ногъ (на С.). Между ногами кусокъ кремня и костяная пуговка, у лѣваго бедра желѣзный ножъ, предположительно—у праваго бока желѣзный топоръ, посерединѣ могилы маленькая бронзовая кольцеобразная пряжка, съ правой стороны головы желѣзный наконечникъ копья, въ головахъ бронзовое кольцо.

CXXVI. Глубина $^{1}/_{2}$ аршина. Черепъ на затылкѣ, теменемъ на Ю., слѣды правой руки обращены на С., остальныхъ костей не оказалось. Предположительно у ногъ куски желѣзнаго ножа, кусокъ желѣзнаго обруча и кусокъ кремня: у лѣваго бока 7 штукъ желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ и глиняный черепокъ, справа отъ головы желѣзный топоръ.

CXXVII. Глубина $^{1}/_{2}$ аршина. Большой глиняный горшокъ; на $^{1}/_{2}$ аршина южнѣе: мѣдное спиральное кольцо, бронзовая круглая ажурная пряжка съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 10 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 10 бронзовыхъ звѣздообразныхъ привѣсокъ, 2 бронзовыя шпильки; на $^{1}/_{2}$ аршина къ ЮЗ.: желѣзный ножикъ, тоненькій серебряный обручокъ съ отверстіями для гвоздиковъ и 17 штукъ серебряныхъ пластинокъ съ остатками дерева, къ которому были прибиты.

CXXXVIII. Глубина 1 аршинъ. Мѣдное ведро, въ немъ небольшой желѣзный кельтъ, подъ ведромъ кусокъ березовой коры.

CXXIX. Глубина $1^{1}/_{4}$ аршина. Слой жженыхъ костей въ 1 вершокъ толщины, $^{3}/_{4}$ аршина длины и $^{1}/_{2}$ аршина ширины; угля замѣчено не было. Вмѣстѣ съ жжеными костями и къ З. отъ нихъ найдены: желѣзное большое долото, желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, желѣзный ножъ, бронзовая привѣска, составленная изъ двухъ полушаровидныхъ половинокъ, съ помощью ремешка, 8 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, 2 желѣзныхъ кольца, 12 штукъ серебряныхъ бляшекъ съ ремня, съ колечками и съ узорами, нѣкоторыя—съ изображеніями человѣческихъ фигуръ, и серебряная пряжка къ ремню, 7 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, бронзовая продолговатая привѣска, украшенная схематическими изображеніями птичьихъ головокъ на концахъ и другая, составленная изъ трехъ шариковъ, бронзовый браслетъ, украшеніе изъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ пряжками; южнѣе—желѣзный молотокъ.

CXXX. Глубина $^{1}/_{2}$ аршина. Слой жженыхъ костей около 1 вершка глубины, $^{3}/_{4}$ аршина длины и $^{1}/_{2}$ аршина ширины. На немъ: желѣзная пряжка, желѣзный топоръ, кусокъ кремня, желѣзная острога изъ двухъ частей.

CXXXI. Глубина $1^{1}/_{2}$ аршина. Желѣзный наконечникъ копья, желѣзное большое долото, желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ.

CXXXII. Глубина $1^{1}/_{4}$ аршина. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., кости ногъ къ С., положеніе рукъ не ясно, за плохою сохранностью костей. У ногъ глиняный горшокъ, у лѣвой ноги желѣзный молотокъ, между ногами, ближе къ лѣвой—желѣзный ножикъ, на животѣ ремень, украшенный бронзовыми бляшками съ кольцами.

CXXXIII. Глубина $1^{1}/_{4}$ аршина. Слѣды скелета, повидимому дѣтскаго, едва замѣтные. Находки: связка мѣдныхъ, спирально согнутыхъ проволокъ съ бубенчиками на концахъ, 4 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 2 серебряныя шпильки, три маленькіе бронзовые браслета, бусы.

CXXXIV. Глубина 1 аршинъ. Остатки черепа въ южномъ концѣ могилы, остальныхъ костей не оказалось. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: 3 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, 2 бронзовые браслета, глиняная ложка, бронзовый перстень, ожерелье изъ бронзовыхъ бубенчиковъ и звѣздочекъ, бронзовый вѣнчикъ, въ головахъ черепки глиняной посуды и кусочекъ олова.

CXXXV. Глубина 1 аршинъ. Бронзовое шейное кольцо, бронзовая круглая ажурная пряжка съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 12 бронзовыхъ трубочекъ съ такими же привѣсками.

CXXXVI. Глубина 2 аршина. Кости истлѣли, положеніе скелета не ясно. Находки: куски бронзовой гривны, 2 бронзовые браслета - обруча, 2 бронзовыхъ спиральныхъ браслета, 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 2 бронзовыхъ привѣски въ видѣ колокольчиковъ, крупныя бусы, бронзовая шпилька, желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ.

CXXXVII. Глубина 1 аршинъ. Остатки сильно истлѣвшаго скелета, головой къ Ю., ногами къ С. У правой ноги желѣзный молотокъ, 14 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовый браслетъ-обручъ, у лѣвой ноги желѣзный ножикъ; южнѣе ногъ—наборъ бронзовыхъ бляшекъ отъ пояса; въ головахъ черепки глинянаго горшка.

CXXXVIII. Глубина ½ аршина. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., оконечности вытянуты къ С. Справа отъ головы 2 желѣзные наконечника копья.

CXXXIX. Глубина 1 аршинъ. Скелетъ головой къ Ю., концы рукъ на груди, ноги вытянуты къ С., черепъ на правомъ вискѣ, позвонковъ не оказалось. У тазовыхъ костей небольшое количество угля. У правой ноги топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, у лѣваго бедра желѣзный ножикъ, на рукахъ по бронзовому спиральному браслету, на груди круглая бронзовая фибула съ дверкой и 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, на шеѣ ожерелье изъ бусъ, на головѣ куски бронзоваго вѣнчика.

CXL. Глубина ¼ аршина. Два желѣзныя стремени (одно погнутое), желѣзныя удила, желѣзный цилиндрическій колокольчикъ.

CXLI. Глубина 1¼ аршина. Плохо сохранившійся скелетъ, головой къ Ю., оконечности вытянуты къ С. Сверхъ костей полосы березовой коры, вдоль и поперекъ скелета; сверхъ коры тонкій слой угля. На правой рукѣ 3 бронзовые браслета-обруча и мѣдное спиральное кольцо, на правомъ бедрѣ бронзовая пуговица, бедра обернуты шкурой, подъ нею остатки ткани, сверхъ шкуры ременный поясъ, украшенный бронзовыми бляшками, окружалъ бедра три раза; подъ бедрами остатки березовой коры; на животѣ остатки тонкой ткани; у праваго бока желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ и желѣзное большое долото, на животѣ и груди бронзовыя кольцеобразныя пряжки: 2 большихъ и 3 маленькихъ; на груди 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ; справа отъ головы желѣзный наконечникъ копья.

CXLII. Глубина 1 аршинъ. Остатки разрушившагося дѣтскаго скелета. Въ сѣверной части могилы нѣсколько мелкихъ кусочковъ угля; далѣе къ Ю. остатки ременнаго пояса съ бронзовыми бляшками и пряжками, подъ нимъ куски шкуры, еще южнѣе 2 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, небольшой бронзовый браслетъ и кусокъ спирально согнутой мѣдной проволоки съ привѣской.

CXLIII. Глубина ¾ аршина. Черепъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., ноги къ С., руки тоже, по сторонамъ туловища. У праваго бока кусокъ желѣзнаго кольца и остатки шкуры, подъ спиной лубокъ, на животѣ и на груди куски бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, на груди ожерелье изъ бусъ и раковинъ cypraea moneta въ перемежку съ трубочками изъ согнутой спирально мѣдной проволоки, 5 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, слѣва отъ черепа глиняный горшокъ и куски перержавѣвшаго желѣза. См. рис. 5.

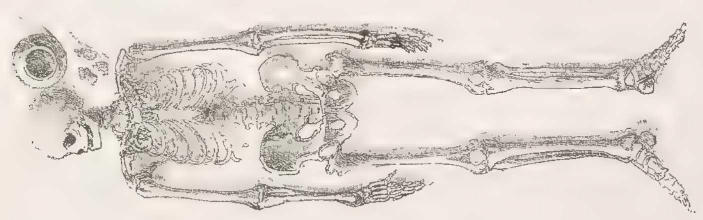

Рис. 5. Погребеніе CXLIII.

CXLIV. Глубина $^3/_4$ аршина. Небольшой глиняный горшокъ и бронзовый браслетикъ.

CXLV. Глубина 1 аршинъ. Мѣдное ведро, въ немъ распавшаяся деревянная чашка, подъ нимъ лубокъ. Вправо отъ ведра остатки черепа въ состояніи крайняго разрушенія, близь черепа ткани и серебряное кольцо. Остальныхъ костей не оказалось.

CXLVI. Глубина 1 аршинъ. Слабые слѣды разрушившихся костей. Находки: желѣзный топоръ, 2 бронзовыхъ браслета, 8 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, желѣзный ножикъ (предположительно— у лѣваго бока), ременный поясъ, украшенный бронзовыми бляшками, большое желѣзное долото, желѣзный наконечникъ копья, желѣзный длинный ножъ, небольшой желѣзный кельтъ съ расширеннымъ лезвіемъ.

CXLVII. Глубина $1^1/_4$ аршина. Едва замѣтные слѣды костей; судя по положенію вещей, скелетъ лежалъ головой къ З., ногами къ В. Въ направленіи отъ В. къ З. послѣдовательно найдены: бронзовая круглая фибула съ дверкой, далѣе 2 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, бронзовое шейное кольцо, кусочки спирально согнутой мѣдной проволоки и нѣсколько бусинъ, бронзовая шпилька, круглая бронзовая привѣска, черепокъ отъ толстаго стекляннаго сосуда зеленаго цвѣта съ просверленной въ немъ дырочкой, которая была залѣплена заржавѣвшимъ желѣзомъ, 2 глиняныхъ горшка.

CXLVIII. Глубина $^3/_4$ аршина. Остатки дѣтскаго скелета въ состояніи крайняго разрушенія, въ положеніи неясномъ. Находки: глиняный горшокъ, желѣзный наконечникъ копья, черепки глиняной посуды, бронзовая кольцеобразная пряжка, бронзовое четыреугольное ажурное украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 4 бронзовыя круглыя бляхи, подвѣшенныя къ ремешку, который былъ обвитъ мѣдной проволокой.

CXLIX. Глубина $^3/_4$ аршина. Слой жженыхъ костей и горѣлой земли, съ примѣсью глиняныхъ черепковъ, занималъ пространство въ три квадратныя четверти аршина; рядомъ съ нимъ, съ восточной стороны—кусокъ трубчатой кости, бронзовая шпилька и глиняное пряслице; южнѣе 2 бронзовыхъ спиральныхъ кольца, внутри которыхъ уцѣлѣла фаланга пальца, 3 бронзовыхъ спиральныхъ браслета, прикрытыхъ лубкомъ, и въ нихъ остатки костей рукъ, близь нихъ слѣды распавшагося угля, бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ 4 малыхъ и 1 большая, ожерелье изъ бусъ и изъ трубочекъ, сдѣланныхъ изъ спирально согнутой мѣдной проволоки, 2 бронзовыхъ шейныхъ кольца. Черепъ—въ южномъ концѣ могилы, сильно разрушившійся, хотя безъ явныхъ слѣдовъ огня, лежалъ на лѣвомъ вискѣ, на черепѣ бронзовый вѣнчикъ съ пряжкой, близь черепа горшокъ.

CL. Глубина $1^1/_4$ аршина. Плохо сохранившійся скелетъ, конечности обращены къ С., голова къ Ю., черепъ развалился. Въ ногахъ глиняный черепокъ, подъ костями рукъ остатки лубка, на правой рукѣ 2 бронзовые браслета—обруча, на лѣвой 1, на груди 4 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, куски серебрянаго колечка, куски бронзовой гривны, мелкія бусы составляли ожерелье около $^1/_2$ вершка ширины, и лежали сплошными синими и желтыми рядами, близь черепа 2 бронзовыя шпильки и куски бронзоваго вѣнчика.

CLI. Глубина 1 аршинъ. Мелкія обгорѣлыя кости, лежали слоемъ около 1 вершка толщины и въ $^3/_4$ аршина въ длину и ширину. Сверхъ нихъ находились: черепки глиняной посуды, желѣзный ножикъ, круглая бронзовая ажурная пряжка съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, кусочки обгорѣлой кожи, 2 бронзовыя трубочки съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 2 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, маленькій бронзовый браслетъ, кусочки спирально согнутой проволоки.

CLII. Глубина 1 аршинъ. Сильно разрушившійся дѣтскій скелетъ, головой на Ю., ногами на С. Въ ногахъ глиняный горшокъ; далѣе, въ направленіи отъ С. къ Ю., послѣдовательно найдены: бронзовое спиральное кольцо, 3 бронзовыхъ спиральныхъ браслета (найдены всѣ вмѣстѣ), 4 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, бронзовый перстень, бронзовое четыреугольное ажурное украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, ожерелье изъ мелкихъ бусъ, бронзовыхъ звѣздочекъ и просверленнаго медвѣжьяго зуба; близь черепа глиняное пряслице.

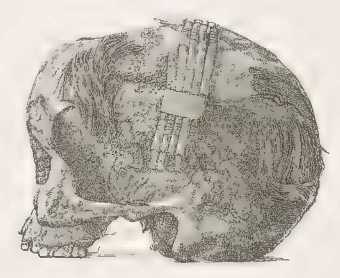
CLIII. Глубина $^3/_4$ аршина. Скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., концы рукъ на груди, черепъ на лѣвомъ вискѣ. На рукахъ по 1 бронзовому спиральному браслету, кромѣ того на пальцахъ правой руки 2 спиральныя мѣдныя кольца и 2 бронзовыхъ перстня, на животѣ и груди 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, на груди бронзовое шейное кольцо, куски такого же желѣз-

наго обруча, 8 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, четыреугольное бронзовое украшеніе съ привѣсками, близь черепа 2 бронзовыя шпильки, на черепѣ бронзовый вѣнчикъ, справа отъ черепа глиняный горшокъ, узкій и высокій. Черепъ см. на рис. 6.

CLIV. Глубина $^3/_4$ аршина. Остатки двухъ скелетовъ рядомъ: отъ западнаго скелета только черепъ, теменемъ къ Ю., на правомъ вискѣ, скелетъ восточный: также головой на Ю., на лѣвомъ вискѣ, ноги протянуты къ С., остальныхъ костей не оказалось. Близь западнаго черепа ожерелье изъ бронзовыхъ привѣсокъ въ видѣ звѣздочекъ и раковинъ cypraea moneta, бронзовая шпилька съ кусочкомъ кожи, подъ черепомъ лубокъ; у праваго бедра восточнаго скелета желѣзный топоръ. Въ головахъ обоихъ скелетовъ замѣчены мелкіе кусочки угля, обгорѣлыя кости и горѣлая земля.

CLV. Глубина 2 аршина. Въ южномъ концѣ могилы куски обгорѣлыхъ костей, слѣды костей въ состояніи сильнаго разрушенія къ С. отсюда. Въ южной части могилы подъ костями горѣлая земля, въ сѣверной — остатки лубка. Вѣроятно, на мѣстѣ тазовыхъ костей — бронзовая, украшенная серебряной пластинкой по краю, фибула съ дверкой, на ней слѣды ткани, рядомъ съ ней, къ Ю., — большая бронзовая кольцеобразная пряжка, еще южнѣе 7 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ меньшаго размѣра, на груди бронзовая гривна съ цилиндрическими привѣсками, маленькое бронзовое шейное кольцо, бронзовое ожерелье изъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ и изъ привѣсокъ въ видѣ колокольчиковъ, ремень съ бронзовыми украшеніями, бусы, въ головахъ 2 глиняныхъ горшка.

Рис. 6. Изъ погребенія CLIII.

Рис. 7. Изъ погребенія CLII.

CLVI. Глубина $1^1/_2$ аршина. Скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., концы рукъ на груди, черепъ развалился. У праваго бедра желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, на бедрахъ ремень съ бронзовой пряжкой, на правой рукѣ 2 бронзовыхъ браслета-обруча, на лѣвой 1, на животѣ и груди 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, на груди спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, близь головы 2 бронзовыхъ кольца.

CLVII. Глубина $^1/_2$ аршина. Плохо сохранившійся скелетъ, головой къ Ю., ногами къ С., концы рукъ на груди, черепъ на лѣвомъ вискѣ. На рукахъ по спиральному бронзовому браслету, на груди бронзовое четыреугольное ажурное украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ и 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, близь черепа 2 бронзовыя шпильки, на черепѣ бронзовый вѣнчикъ. См. рис. 7.

CLVIII. Глубина $^3/_4$ аршина. Остатки разрушившагося дѣтскаго скелета, повидимому, въ обычномъ положеніи головой къ Ю., ногами къ С. Находки: 2 бронзовыхъ браслета, ожерелье изъ бусъ, бронзовыхъ бубенчиковъ, раковинъ cypraea moneta и просверленный медвѣжій зубъ, 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, бронзовая застежка, маленькая бронзовая бляха, фальшивая коса: палочка, обмотанная ремнемъ съ бронзовымъ уборомъ.

CLIX. Глубина $1^1/_4$ аршина. Костей туловища и черепа не оказалось, конечности протянуты отъ В. къ З. На бедрахъ куски серебряной круглой фибулы съ дверкой, на лѣвой рукѣ 2 бронзовые браслета-обруча, на правой бронзовый спиральный браслетъ, подъ правой рукой бронзовая

кольцеобразная пряжка, на костяхъ рукъ остатки березовой коры, предположительно, на груди—куски желѣзнаго шейнаго кольца, 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, ожерелье изъ бусъ, 5 бронзовыхъ бубенчиковъ и 1 бронзовой пуговки; тамъ, гдѣ могла быть голова—глиняный горшокъ и большое желѣзное долото.

CLX. Глубина $1^3/_4$ аршина. Полоска мелкихъ бусъ въ $^1/_2$ вершка ширины, близь нея нѣсколько зубовъ, въ $^1/_4$ аршина къ Ю. В. глиняный горшокъ.

CLXI. Глубина $1^1/_4$ аршина. Костей не оказалось. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: бусы (лежали кучкой), бронзовое шейное кольцо, куски бронзоваго вѣнчика, 2 бронзовыхъ браслета-обруча, большая бронзовая кольцеобразная пряжка и 2 такихъ же меньшаго размѣра, 1 бронзовый бубенчикъ, обломки двухъ бронзовыхъ шпилекъ, куски ремешка съ бронзовыми украшеніями, желѣзный молотокъ, желѣзный наконечникъ копья. Подъ вещами лубокъ.

CLXII. Глубина $1^1/_2$ аршина. Остатки черепа, очень извѣтшавшаго. Сверху и снизу ихъ слѣды лубка, около нихъ остатки ткани, бусы, куски бронзоваго вѣнчика, бронзовый браслетъ, бронзовая кольцеобразная пряжка съ неотдѣленными одинъ отъ другаго отростками, украшенная кружками.

CLXIII. Глубина 1 аршинъ. Кости истлѣли, скелетъ лежалъ головой на Ю. Подъ остатками костей лубокъ. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: глиняная ложка съ отбитой ручкой, деревянная ручка (отъ ложки?), обложенная серебрянымъ листкомъ, на правой рукѣ (протянутой къ С.) бронзовый спиральный браслетъ и 2 бронзовыхъ браслета-обруча, у праваго бока куски ремня съ бронзовыми бляшками и колечками; на туловищѣ куски бронзовой круглой фибулы съ дверкой, подъ ней кусочки угля и 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, южнѣе еще 7 такихъ же пряжекъ, куски бронзоваго шейнаго кольца, бронзовая гривна и куски другой, съ цилиндрическими привѣсками, ожерелье изъ бусъ, куски бронзоваго вѣнчика, спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, бронзовая шпилька, обломокъ бронзоваго украшенія, въ головахъ бронзовая шарообразная привѣска и глиняный горшокъ, справа отъ головы желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ.

CLXIV. Глубина $1^1/_2$ аршина. Костей не оказалось. Въ направленіи отъ С. къ Ю. найдены: 2 небольшіе бронзовые браслета, бронзовая кольцеобразная пряжка, кусокъ бронзовой шпильки, бронзовая гривна съ цилиндрическими привѣсками, бусы, глиняный горшокъ.

CLXV. Глубина 1 аршинъ. Черепъ къ Ю. теменемъ, на правомъ вискѣ, сильно разрушившійся, едва замѣтные остатки другихъ костей къ С. отъ него. Подъ остатками скелета слѣды лубка. На рукахъ по бронзовому спиральному браслету, на туловищѣ 4 бронзовыя кольцеобразныя пряжки, на груди бронзовая гривна съ цилиндрическими привѣсками, на черепѣ куски бронзоваго вѣнчика съ пряжкой, близь черепа 2 бронзовыя шпильки, въ головахъ 2 глиняныхъ горшка, подъ головой остатки ткани.

CLXVI. Глубина $1^1/_2$ аршина. Слой перегорѣлыхъ костей съ вершокъ толщины, $^3/_4$ аршина длины и $^1/_2$ аршина ширины. Вещей не оказалось.

CLXVII. Глубина $1^1/_2$ аршина. Черепъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., остальныя кости, въ состояніи крайняго разрушенія, къ С. отъ него. Приблизительно у лѣвой ноги желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, у правой ноги — желѣзный ножикъ, южнѣе—бронзовая кольцеобразная пряжка.

CLXVIII. Глубина 1 аршинъ. Черепъ къ Ю., на лѣвомъ вискѣ, ноги къ С., концы рукъ на верхней части груди, близь шеи. На правой рукѣ бронзовое спиральное кольцо, 2 бронзовые спиральные браслета и 1 бронзовый браслетъ-обручъ, на животѣ и груди 5 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, на груди бронзовая цѣпочка съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, бронзовая привѣска въ видѣ гребня, бусы, бронзовыя звѣздообразныя привѣски, 2 раковины cypraea moneta, бронзовая гривна съ цилиндрическими привѣсками, бронзовое шейное кольцо, 11 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, костяная пуговица, прядь спирально согнутыхъ мѣдныхъ проволокъ съ бусами и кольцами, спирально согнутая мѣдная проволока съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, кусочки ткани, на черепѣ куски бронзоваго вѣнчика, близь черепа 2 бронзовыя шпильки, за черепомъ глиняный черепокъ и кусокъ угля.

CLXIX. Глубина 1 аршинъ. Черепъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., ноги къ С., положеніе рукъ не ясно, за плохою сохранностью костей. На правой рукѣ 2 бронзовыхъ спиральныхъ браслета, мѣдное спиральное кольцо и бронзовый перстень, на лѣвой бронзовый браслетъ-обручъ, на груди бронзовое четыреугольное ажурное украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, на головѣ куски бронзоваго вѣнчика съ пряжкой, подъ головой мѣдное кольцо и лубокъ.

CLXX. Глубина $^1/_2$ аршина. Мѣдное ведро, въ немъ четыреугольная коробочка изъ береста; на 1 аршинъ восточнѣе 2 глиняные горшка.

CLXXI. Глубина 1 аршинъ. Черепъ къ Ю., на лѣвомъ вискѣ, остальныхъ костей не оказалось. Къ С. отъ черепа бронзовое четыреугольное ажурное украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 10 бронзовыхъ звѣздообразныхъ привѣсокъ и 3 бронзовыя трубочки съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, бронзовое шейное кольцо, куски спирально согнутой мѣдной проволоки, на головѣ куски бронзоваго вѣнчика, близь головы бронзовая шпилька, за головой глиняный горшокъ.

CLXXII. Глубина $^1/_4$ аршина. Большое желѣзное долото.

CLXXIII. Глубина $^1/_2$ аршина. Глиняный горшокъ.

CLXXIV. Глубина $^3/_4$ аршина. Развалившійся черепъ лежалъ теменемъ къ В., кости конечностей, очень плохой сохранности, протянуты къ З. На правой рукѣ бронзовый спиральный браслетъ и бронзовый же браслетъ-обручъ, на лѣвой рукѣ только одинъ спиральный браслетъ, подъ лѣвой рукой слѣды лубка, на туловищѣ бронзовая кольцеобразная пряжка, на груди мѣдная, спирально согнутая, проволока съ бубенчикомъ, близь головы 2 бронзовыхъ шпильки.

CLXXV. Глубина $^3/_4$ аршина. Развалившійся черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., слѣды остальныхъ костей едва замѣтны. Находки: бронзовое шейное украшеніе, набранное изъ пластинокъ съ продолговатыми привѣсками, 2 бронзовыя серьги, нѣсколько штукъ раковинъ cypraea moneta, бронзовый бубенчикъ, у затылка глиняный горшокъ.

CLXXVI. Глубина $^3/_4$ аршина. Плохо сохранившійся скелетъ, головой къ Ю., ногами къ С., подробности положенія не ясны. У правой ноги желѣзный молотокъ и такой же ножикъ, на груди бронзовая бляшка, справа отъ головы большое желѣзное долото и желѣзный наконечникъ копья.

CLXXVII. Глубина 1 аршинъ. Черепа не оказалось; въ южномъ концѣ могилы, тамъ, гдѣ обыкновенно находится черепъ, замѣчено немного угля; къ С. отсюда остатки костей плохой сохранности; кисть лѣвой руки на бедрѣ. У лѣваго бедра длинный желѣзный ножикъ съ остатками деревянныхъ ножонъ, 6 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, на бедрахъ ремень, украшенный бронзовыми бляшками съ кольцами, 2 бронзовыя продолговатыя застежки, въ юговосточной части могилы желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, въ юго-западной части ея—желѣзные молотокъ и ножъ.

CLXXVIII. Глубина 1 аршинъ. Кучка перегорѣлыхъ костей занимала пространство въ $^3/_4$ аршина въ длину и ширину. Рядомъ съ ней лежали, безъ видимаго порядка: желѣзный молотокъ, 2 бронзовыя браслета-обруча, продолговатый кусокъ ржаваго желѣза, кусокъ кремня, желѣзный ножъ, бронзовый перстень съ гладкимъ щиткомъ для печати, мѣдное спиральное кольцо, четыреугольное ажурное украшеніе съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, бронзовая трубочка съ такими же привѣсками, кусочки ткани, 2 бронзовыя шпильки, куски бронзоваго вѣнчика, прядь мѣдныхъ, спирально согнутыхъ проволокъ, 10 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, желѣзный ключъ, деревянная пуговка, ремешокъ съ бронзовыми украшеніями, безформенный отъ ржавчины кусочекъ желѣза; сверхъ этихъ предметовъ, въ направленіи отъ ЮВ. къ ЮЗ. лежала сабля, рукоятью къ ЮВ.

CLXXIX. Глубина $^3/_4$ аршина. Черепъ къ Ю., на правомъ вискѣ, съ широко раскрытымъ ртомъ, ноги и руки протянуты къ С. У лѣваго бедра желѣзный ножъ.

CLXXX. Глубина $1^1/_4$ аршина. Два глиняныхъ горшка.

CLXXXI. Глубина $1^3/_4$ аршина. Черепъ на правомъ вискѣ, къ Ю., ноги протянуты къ С., кисти рукъ на бедрахъ. На бедрахъ бронзовая круглая фибула съ дверкой (пальцы рукъ выше и ниже ея); подъ ней слабые слѣды ткани, на рукахъ по 2 бронзовые браслета-обруча, на груди 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, украшеніе, составленное изъ бронзовыхъ пластинокъ съ продол-

говатыми привѣсками, бусы, на головѣ куски бронзоваго вѣнчика, близь головы бронзовая шпилька, справа отъ головы глиняный горшокъ.

CLXXXII. Глубина $^3/_4$ аршина. Кости въ состояніи крайняго разрушенія; повидимому, скелетъ лежалъ головой къ З. Въ направленіи отъ В. къ З. послѣдовательно найдены: желѣзный топоръ, кусокъ кремня (ниже праваго бедра), желѣзный ножъ (у лѣваго бока?), вправо отъ того мѣста, гдѣ предполагался черепъ,—глиняный горшокъ, въ немъ круглая желѣзная бляха, около него глиняная ложка, на головѣ куски вѣнчика.

CLXXXIII. Глубина 1 аршинъ. Скелетъ очень плохой сохранности. Развалившійся черепъ въ южномъ концѣ могилы, ноги протянуты къ С., концы рукъ на груди. На рукахъ по 1 бронзовому браслету-обручу, кромѣ того на пальцѣ правой руки мѣдное спиральное кольцо, на верхней части груди 8 круглыхъ серебряныхъ бляшекъ, пониже ихъ: бронзовая цѣпочка, 2 кольцеобразныя бронзовыя пряжки, бронзовая привѣска, украшенная изображеніями конскихъ головокъ, куски желѣзнаго перержавѣвшаго шейнаго кольца, ожерелье изъ бусъ, просверленный медвѣжій зубъ, бронзовыя пуговки, кусочки спирально согнутой мѣдной проволоки, справа отъ головы остатки желѣзнаго перержавѣвшаго ножа съ костяной ручкою, украшенною узорами, позади головы глиняный горшокъ, обломокъ глиняной ложки, кусокъ необожженной бѣлой глины многогранной формы.

CLXXXIV. Глубина 1 аршинъ. Скелетъ въ состояніи крайняго разрушенія, черепъ на Ю., на лѣвомъ вискѣ; остальныя подробности положенія остались не ясны. На рукахъ по 1 бронзовому браслету-обручу, на правой рукѣ мѣдное спиральное кольцо, на туловищѣ большая бронзовая кольцеобразная пряжка, близь черепа остатки перержавѣвшаго желѣзнаго шейнаго кольца, бусы, куски бронзоваго вѣнчика и бронзовая шпилька.

CLXXXV. Глубина $^3/_4$ аршина. Бронзовая шейная гривна съ цилиндрическими привѣсками, внутри ея окружности кучка мелкихъ перегорѣлыхъ костей и бронзовая кольцеобразная пряжка, однимъ аршиномъ южнѣе желѣзный наконечникъ копья и большое желѣзное долото.

CLXXXVI. Глубина $1^1/_2$ аршина. Незначительные остатки дѣтскаго, повидимому, скелета небольшое количество перегорѣлыхъ костей. Слѣдующіе предметы лежали кучей: сверху два браслета-обруча, бронзовый и желѣзный, ниже ихъ желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, 2 бронзовыя шейныя кольца, бронзовая гривна съ цилиндрическими привѣсками, нѣсколько южнѣе 2 бронзовыхъ шпильки, куски спирально согнутой мѣдной проволоки съ звѣздообразными привѣсками, остатки ткани, бронзовая кольцеобразная погнутая пряжка.

CLXXXVII. Глубина 1 аршинъ. Скелетъ въ состояніи крайняго разрушенія, головой къ Ю., ногами къ С.; другія подробности его положенія не ясны, за плохою сохранностью костей. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены: бронзовая круглая фибула съ дверкой, рядомъ, къ З. отъ нея, толстый прутъ мѣди, согнутый крючкомъ, на лѣвой рукѣ бронзовый спиральный браслетъ и браслетъ-обручъ, на правой 3 бронзовыхъ же браслета-обруча, у лѣваго плеча прядь спирально согнутыхъ мѣдныхъ проволокъ съ бубенчиками на концахъ, вдоль по туловищу 20 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, на груди 2 бронзовыя шейныя кольца, серебряная гривна, бусы, близь головы серебряная шпилька.

CLXXXVIII. Глубина 2 аршина. Кости истлѣли до того, что положеніе скелета не могло быть опредѣлено. Находки: куски ремня, украшеннаго бронзовыми бляшками, серебряная гривна, бронзовое шейное кольцо, 2 бронзовыя привѣски, составленныя изъ двухъ полушаровидныхъ половинокъ, при помощи ремешковъ, бронзовый браслетъ, 15 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, бронзовая привѣска, прядь спирально согнутыхъ мѣдныхъ проволокъ, желѣзное большое долото, большое мѣдное ведро, въ немъ деревянный ковшъ поперечно-овальной формы, $3^1/_2$ вершка ширины и 3 вершка длины.

CLXXXIX. Глубина $^1/_2$ аршина. Бронзовая кольцеобразная пряжка, 2 бронзовые браслета-обруча, 2 глиняные горшка.

CXC. Глубина $^3/_4$ аршина. Глиняная чашечка и глиняный горшокъ.

CXCI. Глубина 1 аршинъ. Кучка перегорѣлыхъ костей. На ней бронзовая круглая фибула съ дверкой, на ней и подъ ней слѣды ткани, ниже—остатки лубка; рядомъ съ фибулой къ Ю. лежали

кучей слѣдующіе предметы: 14 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, 2 бронзовыхъ шейныхъ кольца, 1 серебряная гривна съ цилиндрическими привѣсками, 1 бронзовая гривна съ такими же привѣсками, на ея рога надѣты были 2 мѣдныхъ спиральныхъ кольца; здѣсь же найдены 2 бронзовыхъ спиральныхъ браслета, 2 бронзовые браслета-обруча, ремень съ бронзовыми украшеніями, прядь мѣдныхъ, спирально согнутыхъ проволокъ съ бубенчиками на концахъ, бусы, куски бронзоваго вѣнчика, бронзовыя привѣски. Надъ вещами замѣчены остатки ткани.

CXCII. Съ обваломъ песку выпали: шиферное пряслице, желѣзное стремя и желѣзный топоръ съ вертикальныхъ гнѣздомъ.

CXCIII. Глубина 3/4 аршина. Скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., концы рукъ на верхней части груди, черепъ распался. На рукахъ по одному бронзовому спиральному браслету, на животѣ и на груди 4 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, на груди 2 бронзовыхъ шейныхъ кольца, 7 бронзовыхъ трубочекъ съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, бронзовое шейное украшеніе, набранное изъ четыреугольныхъ пластинокъ съ продолговатыми привѣсками, ожерелье изъ бусъ, бубенчиковъ и раковинъ cypraea moneta, кусочекъ ткани, близь головы 2 бронзовыя шпильки, подъ костями спины коса, съ бронзовымъ украшеніемъ, въ видѣ небольшаго спиральнаго браслета, надѣтаго на нее, и прядь изъ спирально согнутыхъ мѣдныхъ проволокъ съ бубенчиками на концахъ, у конца косы глиняное пряслице. Подъ костями остатки лубка, близь черепа глиняный горшокъ.

CXCIV. Глубина 3/4 аршина. Черепъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ С., остальныхъ костей не оказалось. На головѣ куски бронзоваго вѣнчика, на шеѣ бронзовая гривна съ цилиндрическими привѣсками. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно найдены слѣдующія вещи: 3 желѣзные ножа (слѣва отъ головы), прядь спирально согнутыхъ мѣдныхъ проволокъ съ бубенчиками на концахъ, костяная бусина, ремешокъ съ бронзовыми украшеніями, бронзовыя подвѣски, бронзовая застежка-крючекъ, кусокъ кожи, желѣзный наконечникъ копья (вѣроятно, у праваго плеча), большое желѣзное долото и желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ (у правой руки?), ремни, украшенные бронзовыми бляшками. Въ южной части могилы нѣкоторое количество мелкихъ углей.

CXCV. Глубина 1 аршинъ. Желѣзный ножикъ близь развалившагося черепа.

CXCVI. Глубина 1/2 аршина. Два глиняныхъ горшка рядомъ.

CXCVII. Глубина 1/2 аршина. Плохо сохранившійся скелетъ, головой къ Ю, ногами къ С., костей туловища не оказалось, черепъ лежалъ, повидимому, на затылкѣ. Пониже праваго бедра желѣзный топоръ и куски желѣзнаго кольца, у правой руки желѣзное кольцо, влѣво отъ головы желѣзный наконечникъ копья.

CXCVIII. Глубина 1 аршинъ. Желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ.

CXCIX. Глубина 1 1/4 аршина. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., ноги къ С., кисти рукъ на бедрахъ. На лѣвой рукѣ мѣдное спиральное кольцо, на правой бронзовый браслетъ-обручъ, подъ пальцами, на тазовыхъ костяхъ, круглая бронзовая фибула съ дверкой, на животѣ большая бронзовая кольцеобразная пряжка, на животѣ и на груди 4 такихъ же пряжки меньшаго размѣра, у лѣваго бедра ножъ; на груди бусы, бронзовый колокольчикъ, бронзовое шейное кольцо, шейное украшеніе, набранное изъ бронзовыхъ четыреугольныхъ пластинокъ съ продолговатыми привѣсками, кусочки спирально согнутой проволоки, близь черепа бронзовая шпилька, на черепѣ остатки бронзоваго вѣнчика.

CC. Тотчасъ за головой предыдущаго скелета, на той же глубинѣ истлѣвшія кости другого скелета, дѣтскаго. Съ ними бронзовый браслетикъ, спирально согнутая мѣдная проволока и бронзовая пряжка.

CCI. Глубина 1 1/4 аршина. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., ноги къ С., пальцы рукъ на бедрахъ. У правой ноги желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, на лѣвой рукѣ куски бронзоваго спиральнаго браслета, на правой — куски мѣднаго спиральнаго кольца; пониже пальцевъ рукъ, на тазовыхъ костяхъ, круглая бронзовая фибула съ дверкой, на ней слѣды коры, на животѣ большая бронзовая кольцеобразная пряжка, поюжнѣе—другая, меньшихъ размѣровъ, на груди бусы, бронзовая трубочка съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, на головѣ части бронзо-

ваго вѣнчика, близь головы 2 бронзовыхъ серьги, вправо отъ головы желѣзный ножикъ, сзади головы большой глиняный горшокъ.

CCII. Глубина 1 аршинъ. Въ направленіи отъ С. къ Ю. на 1½ аршина въ длину, а отъ В. къ З. на ½ аршина въ ширину слой перегорѣлыхъ костей, въ 1 вершокъ толщины. По всей длинѣ этого слоя найдено множество бронзовыхъ продолговатыхъ привѣсокъ—пластинокъ; кромѣ того, безъ замѣтнаго порядка лежали: 2 бронзовыхъ спиральныхъ браслета, развалившаяся бронзовая круглая фибула съ дверкой, надъ нею остатки ткани и лубка, 2 серебряныхъ шпильки, бусы и кусочки спирально согнутой мѣдной проволоки, остатки бронзоваго вѣнчика, круглая ажурная бронзовая пряжка съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, куски заржавѣвшаго желѣза.

CCIII. Глубина 1 аршинъ. Бронзовое колечко, кусокъ спирально согнутой мѣдной проволоки, глиняный горшокъ и желѣзный молотокъ.

CCIV. Глубина 1 аршинъ. Черепъ на лѣвомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., ноги къ С., концы рукъ, повидимому, на бедрахъ. На рукахъ по 1 бронзовому спиральному браслету, у праваго бедра желѣзный ножъ, на груди 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, бусы и ремешокъ съ бронзовыми украшеніями, близь черепа 2 бронзовыя шпильки, на черепѣ части бронзоваго вѣнчика, за головой глиняный горшокъ.

CCV. Глубина 1½ аршина. Черепъ къ Ю., на правомъ вискѣ, ноги къ С., концы рукъ на бедрахъ. Въ ногахъ желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, на рукахъ по одному браслету-обручу, у лѣваго бедра кусокъ ржаваго желѣза неопредѣленной формы, на груди бронзовая кольцеобразная пряжка и ремешки съ бронзовыми украшеніями, у праваго плеча бронзовыя трубочки съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, на головѣ бронзовый вѣнчикъ, справа отъ головы желѣзный наконечникъ копья.

CCVI. Глубина ¼ аршина. Небольшой глиняный горшокъ. Подъ нимъ, на глубинѣ 1 аршина, остатки плохо сохранившагося дѣтскаго скелета, въ положеніи неопредѣленномъ. Находки: 2 бронзовыхъ браслета, 3 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, 2 бронзовыя продолговатыя пластинки, съ кольцеобразными пряжками вверху и съ цилиндрическими привѣсками (найдены на остаткахъ реберъ), бронзовая гривна съ такими же привѣсками, 2 бронзовыхъ шпильки, бусы и 2 просверленныхъ медвѣжьихъ зуба.

CCVII. Глубина 1 аршинъ. Черепъ къ Ю., ноги къ С., концы рукъ на бедрахъ, черепъ развалился. Въ ногахъ желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, у правой ноги 12 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, желѣзный ножъ и желѣзный ключъ; на бедрахъ ремни, украшенные бронзовыми бляшками, подъ бедрами мѣхъ и лубокъ, у лѣваго бедра распавшаяся деревянная ложечка, костяная продолговатая застежка.

CCVIII. Глубина 1¾ аршина. Слой горѣлыхъ костей въ 1 аршинъ длины, въ ½ аршина ширины и въ 1 вершокъ толщины. На немъ: желѣзный ножъ, бронзовыя бляшки съ ремня, два желѣзныхъ топора съ вертикальнымъ гнѣздомъ и желѣзный наконечникъ копья.

CCIX. Глубина 1 аршинъ. Черепъ на правомъ вискѣ, теменемъ къ Ю., ноги къ С., руки протянуты по сторонамъ туловища. На рукахъ по одному бронзовому браслету-обручу, у праваго бедра желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ, въ головахъ желѣзный наконечникъ копья, на груди 1 бусина и куски спирально согнутой проволоки съ бубенчиками.

CCX. Глубина ½ аршина. Два глиняныхъ горшка.

CCXI. Глубина 3 вершка. Два желѣзныхъ стремени, желѣзныя удила, желѣзная пряжка, 3 бронзовыя пластинки. На глубинѣ 1 аршина скелетъ головой къ Ю., ногами къ С., черепъ на лѣвомъ вискѣ, положеніе рукъ не ясно, вслѣдствіе плохой сохранности костей. У ногъ куски перержавѣвшаго желѣза, у лѣваго бедра желѣзный ножъ, на груди 2 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжки, рядомъ со скелетомъ, отъ праваго плеча къ ногѣ—желѣзная сабля, на груди бусы, близь черепа 2 бронзовыхъ серьги, влѣво отъ черепа желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ и желѣзный наконечникъ копья.

CCXII. Глубина 1½ аршина. Развалившійся черепъ теменемъ на Ю., остатки другихъ костей къ С. отъ него, въ положеніи неопредѣленномъ. Въ направленіи отъ С. къ Ю. послѣдовательно

найдены: 3 бронзовые браслета-обруча, 2 мѣдныхъ спиральныхъ кольца, 9 бронзовыхъ кольцеобразныхъ пряжекъ, большое число бронзовыхъ продолговатыхъ пластинокъ-привѣсокъ, бронзовыя трубочки съ привѣсками въ видѣ колокольчиковъ, куски ремней, бусы, бронзовыя трубочки съ привѣсками въ видѣ гусиныхъ лапокъ, ожерелье, составленное изъ четыреугольныхъ мѣдныхъ пластинокъ съ цилиндрическими привѣсками, бронзовая шпилька, распавшійся бронзовый вѣнчикъ.

CCXIII. Глубина $^{3}/_{4}$ аршина. Маленькій бронзовый браслетъ и глиняный горшокъ.

CCXIV. Глубина $^{3}/_{4}$ аршина. Кости въ состояніи крайняго разрушенія, положеніе скелета не ясно. Находки: глиняный горшокъ, бусы, кусокъ бронзоваго спиральнаго браслета, бронзовая шпилька.

CCXV. Глубина $^{3}/_{4}$ аршина. Глиняный горшокъ. Въ разстояніи $1^{1}/_{2}$ аршина отъ него къ Ю. распавшійся черепъ съ остатками бронзоваго вѣнчика на немъ.

CCXVI. Глубина $1^{1}/_{4}$ аршина. Черепъ на правомъ вискѣ теменемъ къ Ю., ноги къ С., остальныхъ костей не оказалось. У лѣвой ноги желѣзный ножъ, близъ бедеръ 3 бронзовыхъ украшенія, въ головахъ желѣзный топоръ съ вертикальнымъ гнѣздомъ.

CCXVII. Глубина 1 аршинъ. Три желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, безформенный кусокъ ржаваго желѣза, кусокъ ремня съ бронзовымъ украшеніемъ, желѣзный наконечникъ копья.

II.

Химическіе анализы бронзъ, найденныхъ въ Лядинскомъ могильникѣ въ 1869 году, произведенные Д. А. Сабанѣевымъ.

1. Кольцеобразная пряжка, подобная изображенной на табл. VIII рис. 3.

Патина зеленая. Металлъ свѣтложелтый; изломъ желто-сѣрый; очень вязокъ. Вещь литая.

Мѣди	93.8 %
Олова	0.6 »
Свинца	4.2 »
Цинка	2.0 »
Желѣза	0.3 »
Серебра	слѣды
Висмута	} большіе слѣды.
Сюрьмы	
Сѣры	слѣды

2. Узорчатая пряжка съ привѣсками, подобная изображенной на табл. I рис. 2.

Патина грязно-зеленая. Металлъ свѣтло-красновато-желтый; изломъ красно-сѣрый. Масса металла проникнута нѣсколько окисломъ.

Металлъ хотя и куется, но при сгибѣ ломается. Основа и лапки привѣсокъ литыя; верхнее украшеніе также литое и припаяно. Петли привѣсокъ сдѣланы изъ паяной проволоки. Для анализа взята часть основы.

Мѣди	64.4 %
Олова	6.4 »
Свинца	21.2 »
Цинка	8.5 »
Желѣза	0.1 »

3. Ажурное украшеніе съ привѣсками, подобное представленному на табл. I рис. 3.

Патина темно-сине-зеленая.

Металлъ красно-желтый, куется, но при сгибѣ ломается; изломъ его красно-сѣрый, неровный. Основа вещи и лапки привѣсокъ литыя; петли сдѣланы изъ паяной проволоки и перевиты болѣе тонкой проволокой. Для анализа взята часть основы.

Мѣди	67.7 %
Олова	6.4 »
Свинца	20.1 »

Цинка	7.0 %
Желѣза	0.1 »
Серебра	большіе слѣды
Висмута	слѣды
Сюрьмы	слѣды
Сѣры	большіе слѣды

4. Трубочки съ привѣсками, подобныя изображеннымъ на табл. IV рис. 8, съ той разницей, что украшеній изъ шариковъ здѣсь только пара, по краямъ трубочки.

Тутъ двѣ вещи, одинаковыя по формѣ, но сдѣланныя изъ разныхъ металловъ. Основа и лапки у нихъ литыя, а звенья сдѣланы изъ паяной проволоки.

1-я вещь. Патина красно-бурая; металлъ и изломъ красные; очень вязокъ.

2-я вещь. Патина свѣтло-сѣро-зеленая; металлъ свѣтло-желтый, изломъ красновато-сѣрый; при сильной ковкѣ металлъ крошится.

1-й вещи	Анализъ	2-й вещи
90.6 %	Мѣдь	73.9 %
1.4 »	Олово	3.5 »
3.4 »	Свинецъ	12.0 »
4.9 »	Цинкъ	11.0 »
0.1 »	Желѣзо	0.1 »
большіе слѣды	Серебро	— »
слѣды	Сѣра	— »

5. Гривна съ привѣсками, подобная изображенной на табл. IV рис. 12; верхней, приклепанной полоски здѣсь нѣтъ; узоръ въ видѣ двухъ рядовъ городковъ, раздѣленныхъ каемкой изъ трехъ линій, проходящей по серединѣ гривны; на привѣскахъ узоръ въ видѣ нарубокъ только на концахъ.

Патина темнозеленая. Металлъ желтый, изломъ ярко желтый; очень вязокъ. Вещь сдѣлана изъ листового (кованаго) металла съ насѣчкою; привѣски сдѣланы изъ того же матеріала, свернутаго въ конусообразную трубочку, и прикрѣплены къ основѣ бронзовой проволокой. Для анализа взята часть основы.

Мѣди	93.9 %
Олова	0.7 »
Свинца	1.2 »
Цинка	3.2 »
Желѣза	0.6 »
Сѣры	слѣды
Висмута	слѣды
Сюрьмы	слѣды

6. Шейное кольцо, подобное изображенному на табл. XI рис. 6.

Патина зеленая и синевато-зеленая. Металлъ свѣтло-желтый; изломъ сѣрый, слегка красноватый. Куется, но при продолжительной ковкѣ крошится. Вещь литая.

Мѣди	77.2 %
Олова	0.6 »
Свинца	12.0 »
Цинка	9.4 »
Желѣза	0.3 »
Серебра	слѣды
Сѣры	слѣды
Висмута	слѣды
Сюрьмы	слѣды

7. Браслетъ, подобный изображенному на табл. II рис. 3.

Патина красно-бурая. Металлъ красно-желтый; изломъ желто-сѣрый; довольно вязокъ. Вещь литая.

Мѣди	86.9 %
Олова	1.6 »
Свинца	5.3 »
Цинка	7.1 »
Желѣза	0.6 »
Серебра	слѣды

8. Браслетъ такой же формы, но нѣсколько меньше.

Патина бурая, темно-зеленая и сине-зеленая. Металлъ свѣтло-желтый; изломъ желто-сѣрый; очень вязокъ. Вещь литая.

Мѣди	85.4 %
Олова	0.8 »
Цинка	11.2 »
Свинца	2.5 »
Желѣза	0.6 »
Серебра	слѣды

9. Браслетъ спиральный, подобный изображенному на табл. IV рис. 6.

Патина зеленая и сине-зеленая; металлъ красновато-желтый, изломъ красновато-сѣрый; довольно вязокъ, но при сгибѣ ломается. Полоса вездѣ одинаковаго сѣченія, повидимому тянутая, такъ какъ при ковкѣ расщепляется; впрочемъ, опредѣлительно сказать нельзя, ибо вещь очень испорчена ржавчиной.

Мѣди	86.7 %
Олова	2.6 »

Свинца	4.4 %
Цинка	6.0 »
Желѣза	слѣды

10. Привѣска въ видѣ колокольчика. Варіанты на табл. VII рис. 4—6 и 9, на табл. IX рис. 7.

Имѣлись два колокольчика разнаго металла.

1) Патины почти нѣтъ; малахитово-зеленая. Металлъ бѣлый, совершенно хрупкій; изломъ бѣлый. Вещь литая.

2) Патина темно-зеленая и темно-сине-зеленая. Металлъ вязокъ, красно-желтый; изломъ красновато-сѣрый. Вещь литая.

1-я вещь		2-я вещь
74.0 %	Мѣдь	85.2 %
20.9 »	Олово	4.8 »
1.1 »	Свинецъ	5.1 »
4.6 »	Цинкъ	4.3 »
0,05 »	Желѣзо	1.2 »
»	Золота	слѣды
- »	Серебра	слѣды
— »	Висмута и Сюрьмы	слѣды

11. Наконечники ремней: 1) формой и узоромъ схожъ съ наконечникомъ, изображеннымъ на табл. III рис. 20, только узоръ проще и обрамленъ жгутообразной каймой, 2) формы такой же, какъ и предыдущій, узоромъ же похожъ на бляшку на той же таблицѣ рис. 14.

№ 1. Патина темно-зеленая; металлъ бѣлый, изломъ красновато-сѣрый, мѣталлъ очень вязокъ; вещь литая съ насѣченнымъ рисункомъ.

№ 2. Патина бурая; металлъ свѣтло-желтый, изломъ сѣро-желтый; металлъ вязокъ. Вещь литая.

№ 1.		№ 2.
43.8 %	Мѣди	81.9 %
—	Олова	10.3 »
1.2 »	Свинца	2.0 »
8.4 »	Цинка	5.4 »
0.1 »	Желѣза	слѣды
46.2 »	Серебра	0.15 »
1 05 »	Золота	—
большіе слѣды	Сѣры	слѣды
большіе слѣды	Висмута и Сюрьмы	слѣды

12. Бляшка, похожая на изображенную на табл. VI рис. 13.

Патина темно-сѣрая и бурая; металлъ красно-желтый, изломъ желто-красный; металлъ вязокъ. Вещь литая.

Мѣди	87.7 %
Олова	9.7 »
Свинца	3.4 »
Цинка	0.6 »
Желѣза	слѣды
Серебра	0.06 »
Сѣры	0.02 »
Висмута	большіе слѣды
Сюрьмы	большіе слѣды

13. Бляшка, подобная изображенной на табл. VI рис. 2; верхніе концы сомкнуты.

Патина темно-красная и темно-зеленая. Цвѣтъ металла красновато-желтый; цвѣтъ излома сѣро-красный; металлъ очень вязокъ. Вещь литая.

Мѣди	95.1 %
Олова	1.3 »
Свинца	4.0 »
Цинка	0.3 »
Желѣза	0.1 »
Сѣры	слѣды

14. Бляшка, подобная изображенной на табл. VIII рис. 9.

Патина свѣтло-сѣро-зеленая; металлъ бѣлый, изломъ темно-сѣрый; металлъ очень хрупокъ. Вещь литая.

Мѣди	39.1 %
Олова	0.3 »
Свинца	2.2 »
Цинка	3.6 »
Желѣза	слѣды
Серебра	53,1 »
Золота	0.9 »

15. Пряжка, подобная изображенной на табл VI рис. 18, съ орнаментомъ въ видѣ трехлистника, какъ на рисункахъ 5, 10 и 16 той же таблицы.

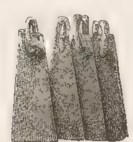
Патина зелено-сѣрая; металлъ свѣтло-желтый; изломъ желто-сѣрый; металлъ при ковкѣ крошится. Вещь литая.

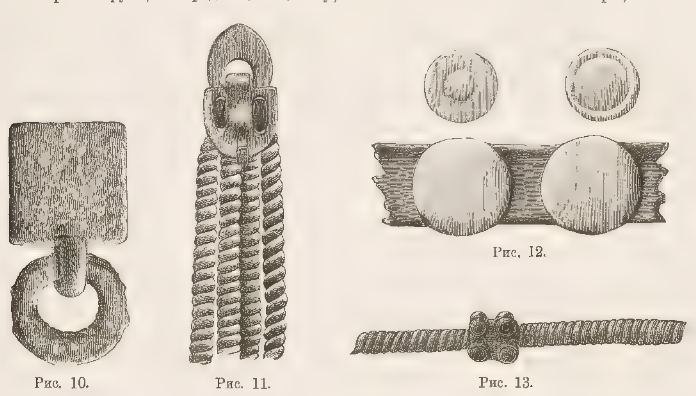
Мѣди	83.3 %
Олова	8.5 »
Свинца	2.5 »
Цинка	4.7 »
Желѣза	0.15 »
Серебра	слѣды
Сѣры	слѣды.

III.

Извлеченіе изъ дневника раскопокъ Томниковскаго могильника *).

Погребеніе I. Скелетъ головою обращенъ на ЮЮВ. Близь головы горшокъ, а рядомъ съ нимъ большая поясная бляха съ отмыкающейся срединой, обыкновеннаго типа. На головѣ, кромѣ пары обычныхъ серегъ, найдены: множество мелкихъ подвѣсокъ-треугольничковъ съ кольцами на верху для прикрѣпленія къ головному убору (см. рис. 9), привѣска съ пряжечкой типа № 9 табл. I, довольно много спиралей и 8 подвѣсокъ, подобныхъ подвѣскамъ, изображеннымъ на табл. IV № 5. На шеѣ найдены: три сломанныя гривны типа № 2 табл. XI, 15 стекляныхъ глазчатыхъ бусъ, ожерелье изъ 11 пластинокъ типа № 7 табл. IV (двѣ пластинки безъ подвѣсокъ); на груди лежали такія же подвѣски, какъ на головѣ, и два мѣдные браслета типа № 1 табл. II, на поясѣ—коготь птицы въ видѣ подвѣски (какъ № 15 табл. VII). Въ разныхъ мѣстахъ трупъ былъ покрытъ пряжечками; въ ногахъ 8 бляшекъ, изображенныхъ на табл. VII № 19, но съ тѣмъ дополненіемъ, что къ нимъ прикрѣплены на ремешкахъ по 4 спирали (см. рис. 11). Съ лѣвой стороны трупа, по срединѣ, въ длину, лежалъ желѣзный поясной наборъ, состоящій изъ

Рис. 9.

Рис. 10. Рис. 11. Рис. 12. Рис. 13.

бляшекъ съ колечками (см. рис. 10, рестраврированный). При скелетѣ еще найденъ желѣзный топоръ (рис. 12 табл. X), остатки ножа и въ разныхъ мѣстахъ онъ кромѣ того былъ покрытъ сѣрой окислившейся металлической массой.

II. Погребеніе безпорядочное (?). Остатки ременнаго пояса съ мѣдными круглыми бляшками (см. рис. 12), подвѣска въ видѣ колокольчика (серебряная), два обыкновенные браслета, двѣ мѣдныя бляшки со спиралями (какъ въ предыдущемъ погребеніи), большое желѣзное кольцо съ тремя другими продѣтыми чрезъ него меньшими (отъ узды?), двѣ поломанныя поясныя желѣзныя пряжки и кремень съ огнивомъ.

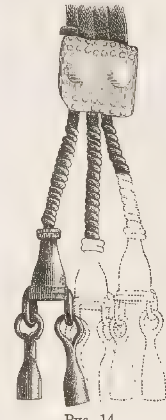
III. Скелетъ обращенъ головою на ССЗ. Кисть правой руки лежала на кисти лѣвой. У головы найдены въ значительномъ количествѣ треугольныя подвѣски съ колечками, три пластинки отъ ожерелья, двѣ серьги, 5 пряжечекъ (найдены подъ черепомъ), на шеѣ 3 ожерелья: одно подобное ожерелью погребенія № 1, другое изъ ряда спиралей съ 3 бусами и раковинкой (см. рис. 13), и, нако-

*) Извлеченіе составлено редакціею настоящаго изданія.

нецъ, мѣдная гривна типа № 2 табл. XV и двѣ другія гривны, круглыя, обложенныя спиралями. На груди найдены два браслета и спиральное кольцо, на поясѣ—большая мѣдная бляха съ дверкой и 12 обыкновенныхъ разнаго размѣра пряжекъ, расположенныхъ по груди въ рядъ отъ этой бляхи, въ ногахъ обычныя бляшки со спиралями и желѣзный ножъ. Подъ головой и на бляхѣ найдены остатки луба.

IV. Скелетъ расположенъ головой къ СВ. Трупъ лежалъ на лубкѣ, и имъ же былъ прикрытъ сверху. На головѣ мѣдный вѣнокъ типа № 7 табл. XI (нѣкоторыя бляшки и трубочки серебряныя), 4 мѣдныя треугольныя пластинки съ кольцами и 5 подвѣсокъ; на шеѣ—красивая ажурная гривна, изображенная на табл. XV № 7, два большіе витые обруча-гривны, длинное ожерелье изъ мелкихъ бусъ и 2 мѣдныя подвѣски, подобныя № 5 и 7 табл. I и № 5 табл. VIII; на груди—красивая круглая ажурная бляха съ лапчатыми подвѣсками, 5 или 6 спиральныхъ колецъ, 3 тонкіе браслета и обломки мѣдныхъ спиральныхъ наручниковъ типа № 9 табл. IV; на поясѣ—18 бронзовыхъ привѣсокъ въ видѣ колокольчиковъ, 6 тонкихъ пластинокъ, можетъ быть, отъ пояса, 3 пряжечки, неопредѣленныя лапчатыя подвѣски; на ногахъ 6 бляшекъ со спиралями. Кромѣ того на скелетѣ найдены остатки матеріи и ножъ, лежавшій у лѣвой руки.

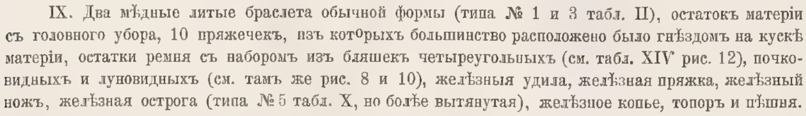
V. Скелетъ лежалъ безпорядочно. На головѣ найдены двѣ серьги, на шеѣ—большая гривна типа № 6 табл. XI, на груди—красивая ажурная прямоугольная бляха съ подвѣсками колокольчиками, а при ней двѣ привѣски изъ четыреугольныхъ бляхъ съ тремя колокольчиками каждая, кажется, соединенныя общимъ ремнемъ (см. рис. 14), 2 пары литыхъ браслетъ, 4 дѣтскія спиральныя кольца, 4 пряжечки, остатки какихъ-то украшеній. При томъ же скелетѣ еще найдены: малое ожерелье изъ стеклянныхъ бусъ со спиралями, тонкая дѣтская шейная гривна, дѣтскій браслетъ и куски луба. Это погребеніе, повидимому, двойное.

Рис. 14.

VI. Скелетъ обращенъ головой къ В., руки въ вытянутомъ положеніи по бокамъ туловища. При немъ найдены: два мѣдные обычные литые браслета, два спиральныя кольца, большой узкій поясъ, сплошь унизанный мѣдными квадратной формы бляшками, пряжечки, желѣзное копье (лежало въ головахъ), ножъ съ желѣзнымъ кольцомъ (лежалъ у лѣвой руки), желѣзная пѣшня (у правой руки), желѣзный обломокъ остатки ткани и луба.

VII. Двѣ серьги, ожерелье изъ 5 бусъ, нѣсколькихъ спиралекъ и мѣдной трубочки съ 3 подвѣсками (типа № 5 табл. VIII), связка изъ треугольныхъ пластинокъ съ колечками, пряжечки, ремень съ наборомъ, желѣзный наконечникъ копья, желѣзная пѣшня, огниво, ножъ и желѣзные обломки.

VIII. На головѣ двѣ серьги, 6 смятыхъ привѣсокъ типа № 5 табл. IV, на шеѣ—ожерелье изъ крупныхъ бусъ и трубочекъ, на груди—литой браслетъ, двѣ пары дѣтскихъ браслетовъ, тоненькое колечко, 5 пряжекъ, 7 крупныхъ колокольчикообразныхъ подвѣсокъ (вѣроятно, съ пояса). Кромѣ того найдены: остатки матеріи и ремня, желѣзное копье и желѣзный топоръ. Одна серьга висѣла на кускѣ кожи.

IX. Два мѣдные литые браслета обычной формы (типа № 1 и 3 табл. II), остатокъ матеріи съ головного убора, 10 пряжечекъ, изъ которыхъ большинство расположено было гнѣздомъ на кускѣ матеріи, остатки ремня съ наборомъ изъ бляшекъ четыреугольныхъ (см. табл. XIV рис. 12), почковидныхъ и луновидныхъ (см. тамъ же рис. 8 и 10), желѣзныя удила, желѣзная пряжка, желѣзный ножъ, желѣзная острога (типа № 5 табл. X, но болѣе вытянутая), желѣзное копье, топоръ и пѣшня.

X. Скелетъ головою обращенъ къ ЮЗ. Трупъ сверху и снизу былъ обложенъ двойными полосами луба, между которыми была какая-то масса. У головы найдены: глиняный льячокъ или ложка (см. подобный на рис. 9 стр. 8 текста), цѣлый глиняный горшокъ, вѣнчикъ, подобный изображенному на рис. 7 табл. XI, пара серегъ, нѣсколько спиралей (у затылка), на шеѣ: ожерелье изъ 14 крупныхъ подвѣсокъ съ гусиными лапками, ажурная бляха, подобная № 3 табл. I, но большихъ

размѣровъ и длиннѣе, мѣдная гривна (типа рис. 6 табл. XI), на груди: двѣ поломанныя бляхи типа рис. 9 табл. I, три спиральные браслета, пять перстней (изъ нихъ нѣкоторые типа рис. 14 табл. XIII), малый серебряный перстень того же типа, на поясѣ: ажурная бляха, вполнѣ похожая на изображенную на рис. 3 табл. I, другая такая же, красивая круглая бляха съ лапчатыми подвѣсками (типа № 2 табл. I), два полые бубенчика типа рис. 16 табл. VII, амулетъ въ видѣ зуба, два широкія ажурныя кольца, одно съ 3 лапчатыми привѣсками, какъ на рис. 4 табл. XIV. Кромѣ того, въ могилѣ найдены: крестъ, совершенно такой же, какъ на рис. 14 табл. VII, три пары пряжекъ (двѣ пряжки крупныя), желѣзный топоръ, пѣшня, копье пламевидной формы, желѣзныя удила, желѣзныя пряжки, большой желѣзный цилиндрическій колоколецъ съ языкомъ (типа № 13 табл. X), остатки матеріи, кусокъ кожи или войлока.

XI. Ожерелье изъ ряда спиралей, 6 бусъ и 4 раковинъ, двѣ подвѣски къ ожерелью типа № 5 табл. I, дѣтское спиральное колечко, большая круглая бляха съ дверкой, поломанная, 6 подвѣсокъ въ видѣ колокольчиковъ, съ обмотанною проволокой верхнею частью, бляшка на кожѣ типа рис. 19 табл. VII, съ 3 спиралями, обрывки не длинной тонкой цѣпочки.

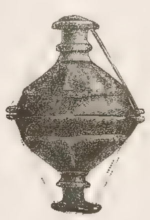
XII. Обломокъ серьги, три раковины, ожерелье изъ 8 мѣдныхъ пластинокъ съ подвѣсками типа рис. 7 табл. IV, мѣдное кольцо въ 3 оборота, 6 пряжечекъ, большая круглая бляха съ дверкой, бляшка отъ ремня типа рис. 17 табл. XIII, еще другая, длинная, и желѣзная пряжка.

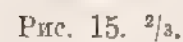
XIII. На головѣ найдены двѣ мѣдныя серьги и нѣсколько разсыпавшихся привѣсокъ типа № 5 табл. IV, на шеѣ—двѣ мѣдныя гривны типа № 2 табл. XI, два ожерелья: одно изъ спиралей, бусъ, пластинокъ и 2 трубочекъ съ подвѣсками и другое изъ обычныхъ бляшекъ съ привѣсками — трубочками, на груди: небольшая мѣдная пластинка типа № 10 табл. I, 20 пряжечекъ и одна серебряная бóльшихъ размѣровъ (см. рис. 16 табл. XIII), 3 литые браслета и одинъ тонкій, поломаный, на поясѣ: большая подвѣска въ видѣ колокольчика, на тонкомъ ремешкѣ, обвитомъ внизу спиралью, 4 подвѣски типа № 6 табл. VII, большая круглая бляха съ дверкой, тонкій ремень съ бляшками типа рис. 11 табл. VI, остатки ткани, обломки, повидимому, тонкаго браслета; кромѣ того, найдены: обломки ножей, 10 жел. наконечниковъ стрѣлъ типа № 21 и 22 табл. X, жел. наконечникъ копья, желѣзный колоколецъ, двѣ пѣшни, желѣзныя удила, куски спекшагося желѣза, оселокъ, куски смолистой массы и луба.

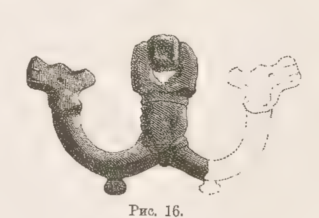
XIV. Пара серегъ, остатки ожерелья, состоявшаго изъ бусъ и спиралей, 14 мѣдныхъ пряжечекъ, пара литыхъ браслетовъ, спиральное кольцо.

XV. Одна серьга, спирали съ подвѣской типа № 5 табл. IV, 5 пряжечекъ, 8 пестрыхъ стеклянныхъ бусъ, пара дѣтскихъ браслетъ, подвѣски въ видѣ колокольчика и дѣтское колечко.

XVI. У головы найдены: пара серегъ, обломки головного вѣнчика типа № 7 табл. XI, три тонкіе серебряные кружка съ гнѣздами для мѣдныхъ гвоздиковъ въ 4 мѣстахъ, на шеѣ: ожерелье изъ ряда спиралей съ крупными и мелкими бусами и съ нѣсколькими мѣдными пластинками типа

Рис. 15. 2/3.

Рис. 16.

№ 7 табл. IV, мѣдный флакончикъ (лежалъ на шеѣ или груди, см. рис. 15), на груди: тонкая мѣдная пластинка типа № 9 табл. I, два литые браслета и кольцо, 10 пряжекъ разныхъ размѣровъ, поломанное украшеніе типа № 2 табл. III (см. рис. 16), на поясѣ: поясной наборъ, двоякій

(см. рис. 17). Кромѣ того, найдены: обломки разныхъ мелкихъ вещицъ, остатки матеріи, жел. копье ипа № 30 табл. X, жел. топоръ, жел. стремя, остатки ножа и другихъ желѣзныхъ вещей.

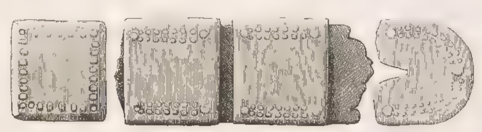

Рис. 17

XVII. Поясъ съ мѣднымъ наборомъ, нѣсколько мѣдныхъ обломковъ, спиральное кольцо съ привѣской.

XVIII. Обломки пластинчатой шейной гривны типа № 12 табл. IV, двѣ пряжки, большая и малая, пластинки съ трубчатыми подвѣсками отъ ожерелья, три четыреугольныя пластинчатыя бляшки, кажется, также отъ ожерелья (типа № 31 табл. III), ожерелье изъ мелкихъ бусъ, преимущественно желтыхъ, 10 подвѣсокъ—колокольчиковъ и разные мелкіе обломки, части спиральнаго браслета, обломки 4 спиральныхъ колецъ, 3 мѣдныя поясныя пряжки, трубочки отъ головного вѣнчика, нѣкоторое количество спиралей, обрывки узкаго пояса съ четыреугольнымъ мѣднымъ наборомъ, 2 жел. пѣшни, жел. удила, желѣзные обломки отъ 4 ножей.

XIX. Глиняный горшокъ съ металлическою бляхою на ремнѣ внутри, двѣ шейныя гривны типа № 2 и 1 табл. XI, пластинка съ подвѣсками типа № 5 табл. XV, большая связка треугольныхъ пластинокъ съ колечками вверху, остатки вѣнчика типа № 7 табл. XI, 6 мѣдныхъ пряжекъ, изображенныхъ на рис. 16 табл. XIV, пряжка отъ пояса, остатки тканей, остатки тонкихъ досокъ; съ головы снятъ остатокъ убора, состоящаго изъ тонкаго войлока, проложеннаго внутри грубымъ волосомъ, а сверху прикрытаго холстомъ съ нанизанными на немъ въ два (?) ряда пластинчатыми привѣсками и, кромѣ того, украшеннаго пластинкой типа № 5 табл. XV, большой привѣской въ видѣ колокольчика и узкимъ ремнемъ съ четыреугольными бляшками. Кромѣ того, при костякѣ найдены: 5 спиральныхъ колецъ, 10 литыхъ мѣдныхъ браслетъ, большая бляха съ дверкой, 3 плоскія круглыя и одна луноводная бляшка, двѣ большія пряжки и 8 малыхъ, 13 бляшекъ типа № 19 табл. VII, обломки колечекъ, 5 круглыхъ выпуклыхъ бляшекъ типа № 6 табл. XIII и № 27 табл. III, плоское круглое украшеніе, значительное количество разсыпавшихся спиралекъ, мелкія стекляныя бусы, кусочки тонкаго серебрянаго украшенія, остатки ремня, жел. пѣшня, 2 жел. стремени (лежали у головы), жел. удила (найдены тамъ же), обломки нѣсколькихъ желѣзныхъ ножей, огниво, кольца и остатки другихъ желѣзныхъ вещей.

XX. Обломокъ серьги, пряжечка, нѣсколько спиралекъ, оселокъ, огниво съ кремнемъ, желѣзный ножъ, 10 желѣзныхъ колецъ, обломки желѣзныхъ вещей.

XXI. Дѣтскій скелетъ. Пряжечка, дѣтская шейная гривна, браслетикъ, привѣски трехъ родовъ на спираляхъ, обломки желѣзныхъ вещицъ.

XXII. Глиняный горшокъ, 2 небольшіе литые браслета, большая круглая бляха съ дверкой, остатки ремня съ четыреугольными бляшками, 2 привѣски въ видѣ колокольчиковъ, 12 бляшекъ со спиралями, на ремнѣ, 6 жел. наконечниковъ стрѣлъ, обломки жел. ножа, два жел. колечка и жел. пряжка, большое жел. кольцо, кусокъ кремня и остатки желѣзныхъ вещей.

XXIII. Дѣтская шейная гривна типа № 1 табл. XI, ожерелье изъ мелкихъ бусъ и тонкаго кольца въ спекшемся желѣзѣ, ажурная подвѣска съ гусиными лапками, 5 мѣдныхъ пряжекъ, 3 спиральныя колечка и 3 подвѣски въ видѣ колокольчиковъ, серьга, остатки мѣдныхъ мелкихъ украшеній, медвѣжій клыкъ.

Рис. 18.

XXIV. Жел. стремя, длинная жел. пѣшня съ четыреугольнымъ насадомъ, жел. скобель (см. рис. 18 на стр. 29), жел. топоръ, браслетъ, 4 пряжечки, копье и жел. орудіе типа № 19 табл. X.

XXV. Мѣдный браслетъ, хорошо сохранившійся ремень съ бляхами, 6 пряжечекъ, спиральное кольцо, 3 подвѣски въ видѣ колокольчиковъ, желѣзный мечъ, желѣзный топоръ (лежалъ поперекъ меча), жел. пѣшня, жел. наконечникъ копья, два жел. предмета типа № 19 табл. X, жел. удила, обломки стрѣлъ, кремень, огниво, оселокъ, остатки ножа и куски перержавѣвшаго желѣза.

Кромѣ перечисленныхъ находокъ, въ разныхъ мѣстахъ могильника найдены слѣдующія отдѣльныя вещи:

1) Головной вѣнчикъ типа № 7 табл. XI и части другого такого же.

2) Три связки мелкихъ мѣдныхъ пластинокъ съ колечками вверху.

3) Семь паръ серегъ (№ 3 и 5 табл. V), нѣкоторыя серебряныя.

4) Продолговатыя пластинки, вѣроятно, отъ головнаго убора типа № 23 табл. III; найдены при двухъ погребеніяхъ, въ количествѣ 6 и 4 экз.

5) Пластинчатая шейная гривна типа № 12 табл. IV, половина другой и отдѣльно привѣски отъ двухъ.

6) Ожерелье изъ пластинокъ типа № 7 табл. IV и небольшіе остатки двухъ другихъ.

7) Отдѣльно найдены слѣдующія подвѣски къ ожерелью: a) остатки отъ 5 ожерелій типа № 5 табл. VIII, по 1, 2, 5, 8 и 9 экз., b) 5 подвѣсокъ типа рис. 18 на стр. 15 текста, c) 9 подвѣсокъ типа № 6 табл. VII, d) 2 подвѣски типа № 8 табл. IV, e) 2 подвѣски типа № 1 табл. XIV, f) одна подвѣска типа № 6 табл. XIV, g) 5 подвѣсокъ лапчатыхъ (см. рис. 19).

8) Стеклянныя бусы встрѣчались довольно часто. Чаще попадались бусы мелкія (желтыя, синія и бѣлыя) и золотистыя, рѣже свѣтло-синія (3 ожерелья) и глазчатыя цвѣтныя. Иногда на ожерельяхъ бусы перемежаются со спиральками или круглыми пластинками типа № 27 табл. III.

9) Шейныя гривны типа № 1, № 6 и № 2 табл. XI.

10) Три большія круглыя бляхи съ дверками, одна очень выпуклая.

Рис. 19.

11) Три большія серебряныя пряжки, изображенныя на табл. XV № 6 и 8.

12) Множество мелкихъ пряжечекъ и нѣсколько крупныхъ, обыкновеннаго типа.

13) 4 пластинчатыя шумящія привѣски типа № 5 табл. XV, № 13 табл. I, и двѣ типа № 9 табл. I. Другія шумящія привѣски: a) красивая круглая ажурная бляха типа № 2 табл. I, но съ однимъ колѣномъ цѣпочекъ, b) четыреугольная ажурная бляшка съ 4 лапчатыми подвѣсками, c) привѣска, изображенная на рис. 2 табл. XIII.

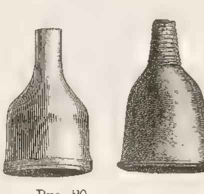

Рис. 20.

14) Подвѣски различныхъ формъ: a) типа № 5 табл. IV, b) 27 крупныхъ и мелкихъ подвѣсокъ въ видѣ колокольчиковъ (см. рис. 20), c) 5 подвѣсокъ въ видѣ бубенчиковъ типа № 16 табл. VII.

15) До 25 литыхъ браслетовъ типа № 3 табл. II, два спиральные и нѣсколько поломанныхъ такихъ же, 7 дѣтскихъ браслетъ, серебряный браслетъ, изображенный на рис. 7 табл. XIII.

16) 18 разнообразныхъ колецъ и перстней.

17) Поясной наборъ типовъ № 9, 10, 11 и 17 табл. XIII и № 20 табл. VI. Двѣ узорчатыя пластинки № 5 и 9 табл. XIV. Много мелкихъ бляшекъ типа № 19 табл. VII, нѣкоторыя со спиралями внизу.

18) Желѣзныя вещи: a) топоры типовъ № 12 (но совершенно прямой), № 16 (изящнѣе здѣсь нарисованнаго), № 7 (узкій и прямой), № 3 (небольшой) табл. X, и 2 особенной формы: массивные, гнѣздо на самомъ концѣ, прямое тылье—типъ, ближе другихъ подходящій къ современному топору, b) болѣе дюжины ножей, c) 4 копыла формы № 19 табл. X, d) скобель (см. рис. 18), e) 9 пѣшней типа № 10 табл. X, f) нѣсколько огнивъ и пряжекъ, g) 6 удилъ типа № 6 табл. X, h) стремя типа № 1 табл. X, i) острога типа № 5 табл. X, k) копья, всѣ на высокихъ круглыхъ насадахъ, см. № 8 и 33 той же таблицы, l) 28 наконечниковъ стрѣлъ.

19) Отдѣльные предметы: a) колокольчикъ, изображенный на рис. 18 табл. XIII, b) мѣдная застежка, изображенная на рис. 11 табл. XIV, c) серебряное украшеніе въ видѣ рога, см. № 7 табл. той же, d) пряжка съ подвѣсками, см. рис. 5 табл. XIII, e) три оселка, f) три пряслица, одно съ орнаментомъ, g) 7 подвѣсокъ—когтей (послѣдніе съ пояса?).

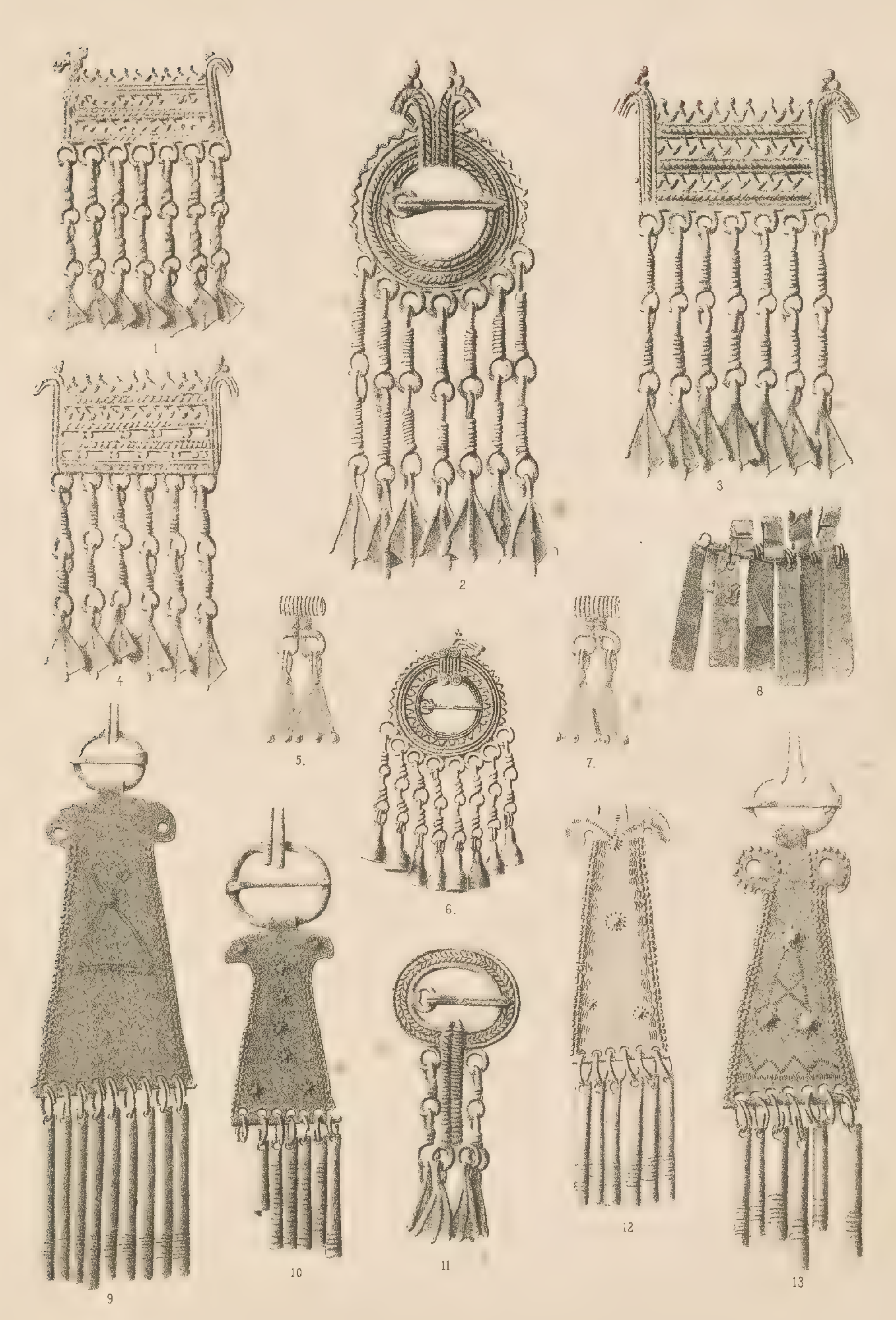
ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
6	6 сверху	имѣвшихъ	имѣвшему
13	10 сверху	обратно	обратное
16	18 снизу	они	онѣ
18	5 снизу	Die Gräbederd.	Die Gräber d.
19	5 снизу	antiquies	antiquités
23	8 сверху	конькомъ	коньками
25	4 снизу	р. 24	р. 20
27	4 снизу	Съѣздѣ	Съѣзда.
27	1 снизу	Табл. III	Табл. VIII.
31	10 снизу	см. рис.	см. рис. 5
33	10 сверху	Табл. XII	Табл. VII.
39	15 снизу	Chante	Chantre
39	10 сверху	238)	239)
40	3 сверху	напоминаетъ	напоминаютъ
49	9 снизу	рис.	рис. 11.
49	8 снизу	рис. 13	рис. В
52	10 снизу	Археологіи	Археологическаго
54	1 сверху	Рис. 13	Рис. 21
59	3 сверху	поверхности	поверхности;
59	17 сверху	рис. на 22 стр.	рис. 22 на 35 стр.

Въ приложеніяхъ.

16	3 сверху	ткани	кусочки ткани
17	Рис. 7.	Изъ погребенія CLII	Изъ погребенія CLVII

I.

Лит. Кадепастелл. В. О. 11 л. № 23 СПБ

II.

III.

Лит. К. де Кастелли В О. 11 л. № 22 С.П.Б.

IV.

½

VI.

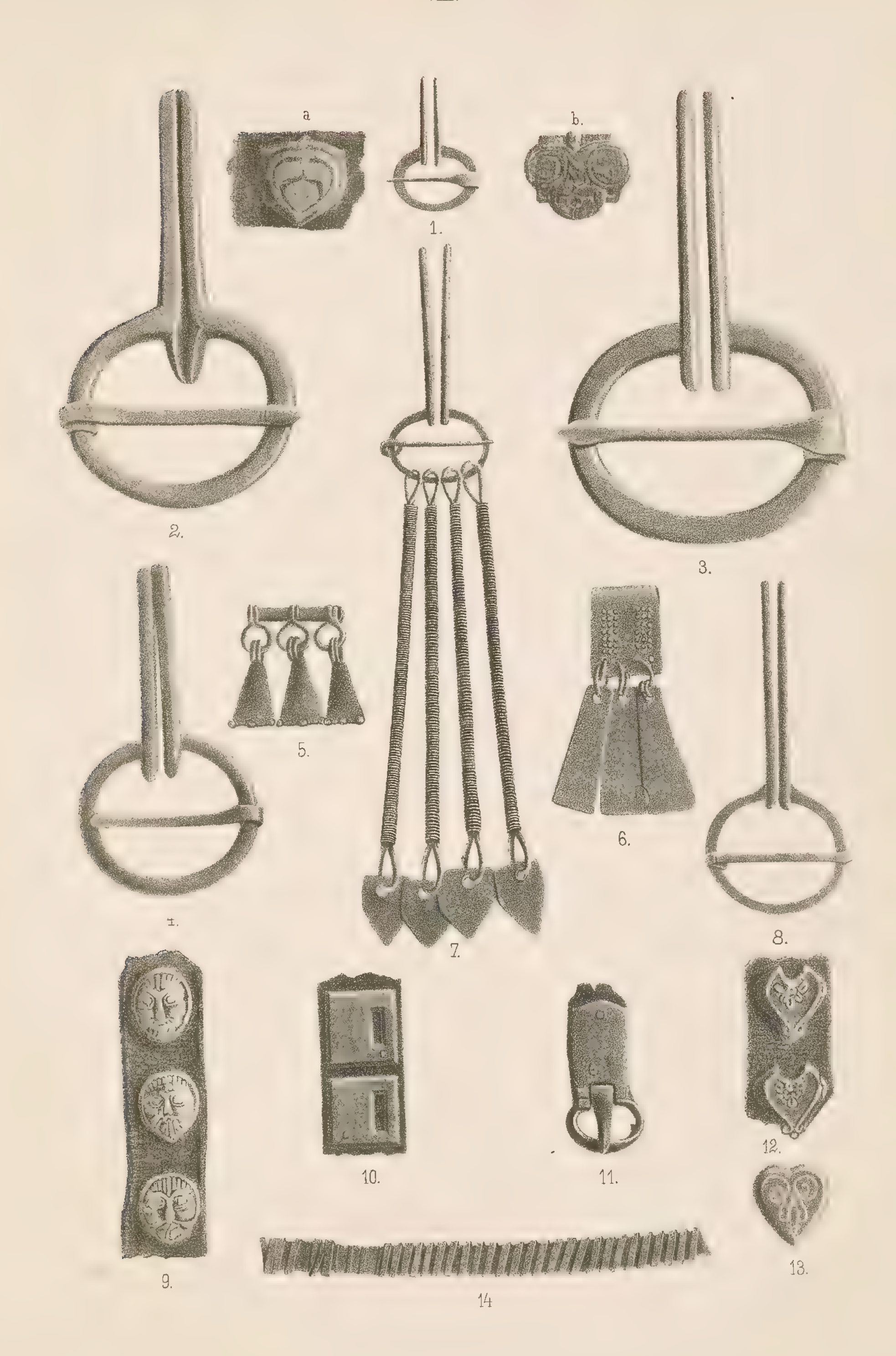

VII.

Лит. К. де Кастел. В. О. № 22. СП. Б

VIII.

нат. велич

Лит К де Кастелли В.О.11 л № 22 СП.Б

нат. велич

Лит К де Кастелли В.О.11 д № 22 С.П.Б.

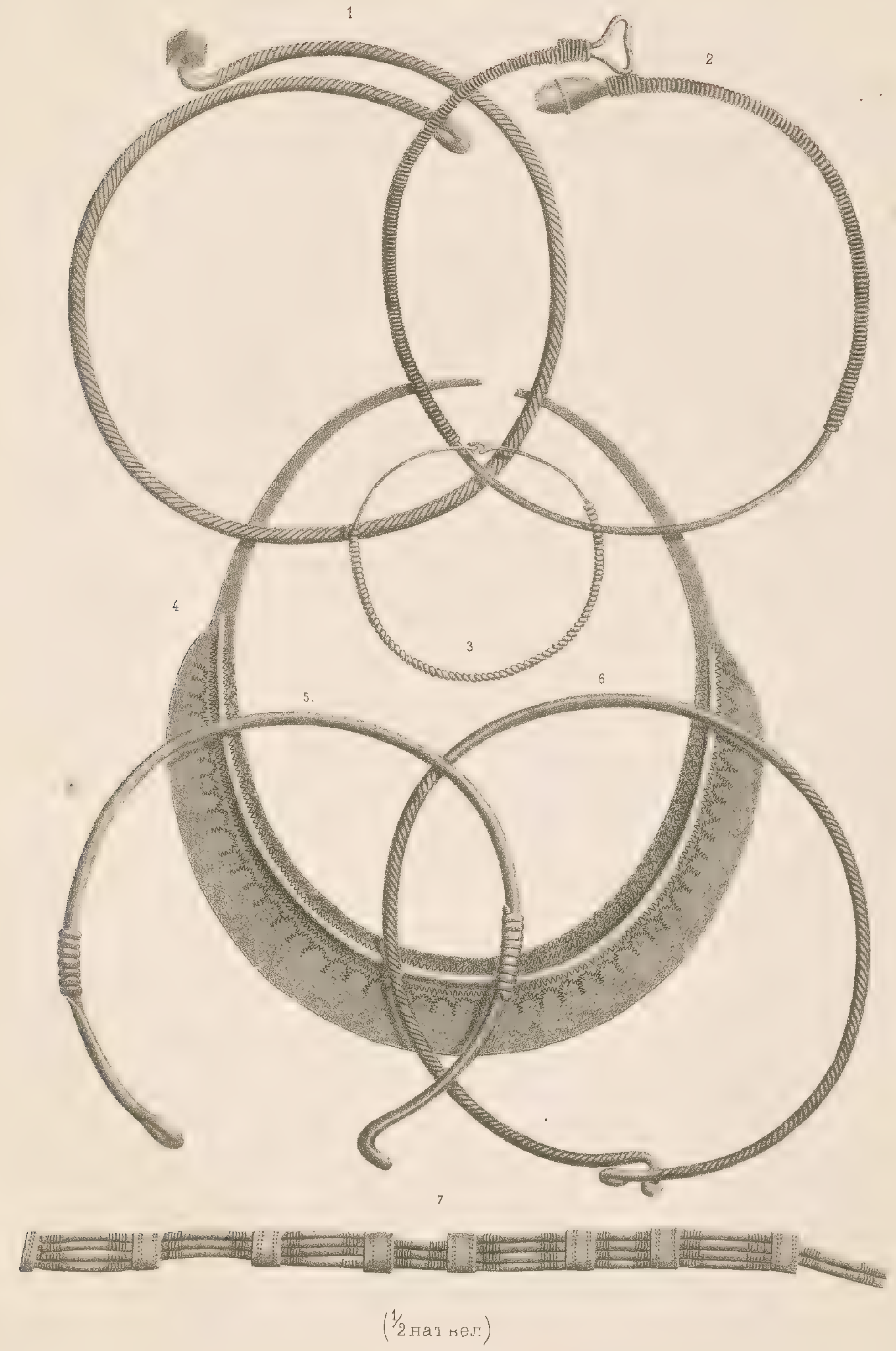
X.

№ № 1–25 изобр. въ $\frac{1}{3}$; №№ 26–33 въ $\frac{1}{5}$ натур. велич.

Лит. К. де Кастелли В... П5

XI.

(½ нат вел)

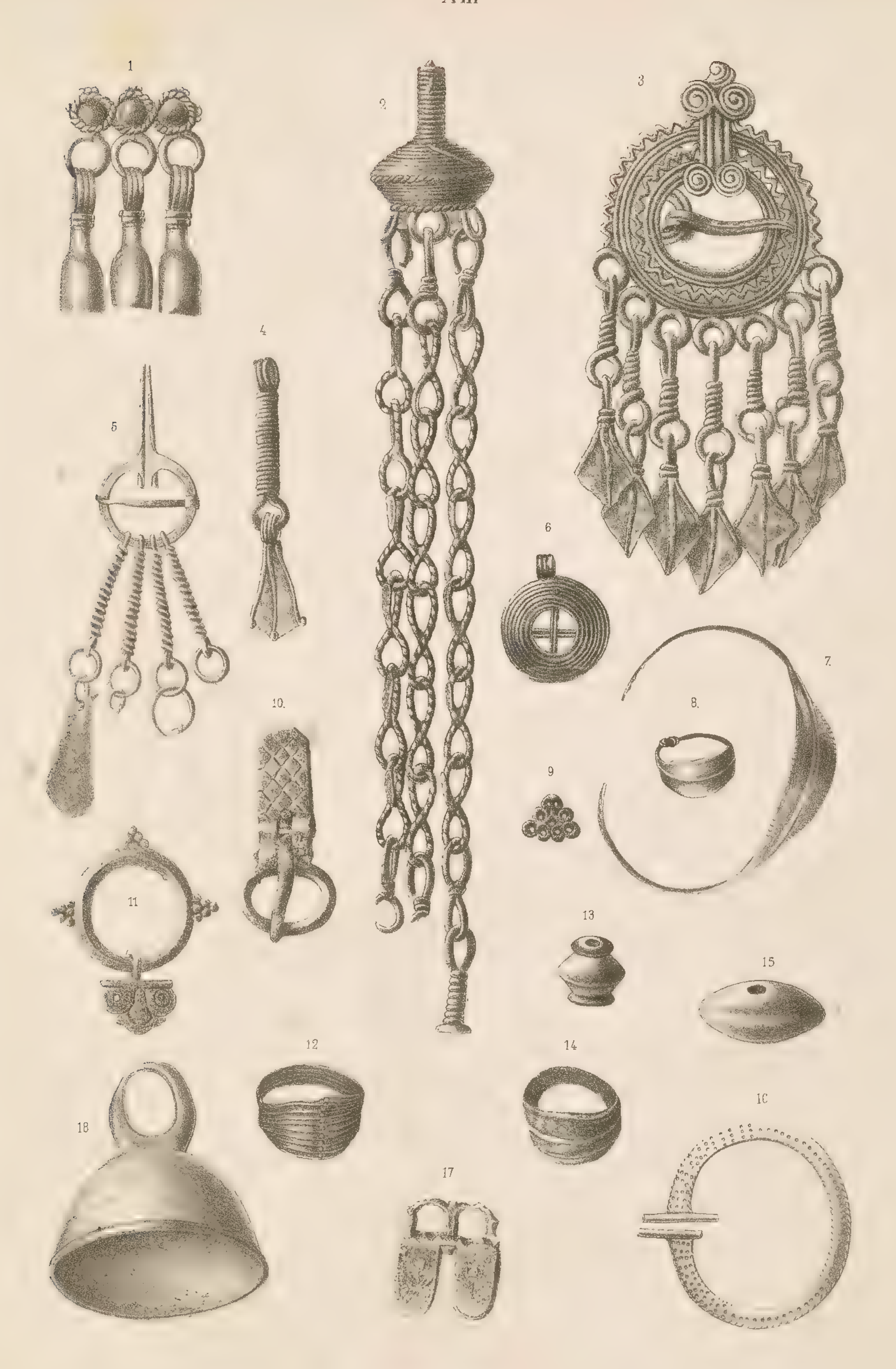
Лит. К. де Кастелли В.О. 11 л. № 22 С.П.Б.

XII.

Лит. К. Декартеса В. О. 11 л. № 22 СПБ

XIII

Нат велич

Лит К. де Кастелли В О 11 д № 22 С.П Б

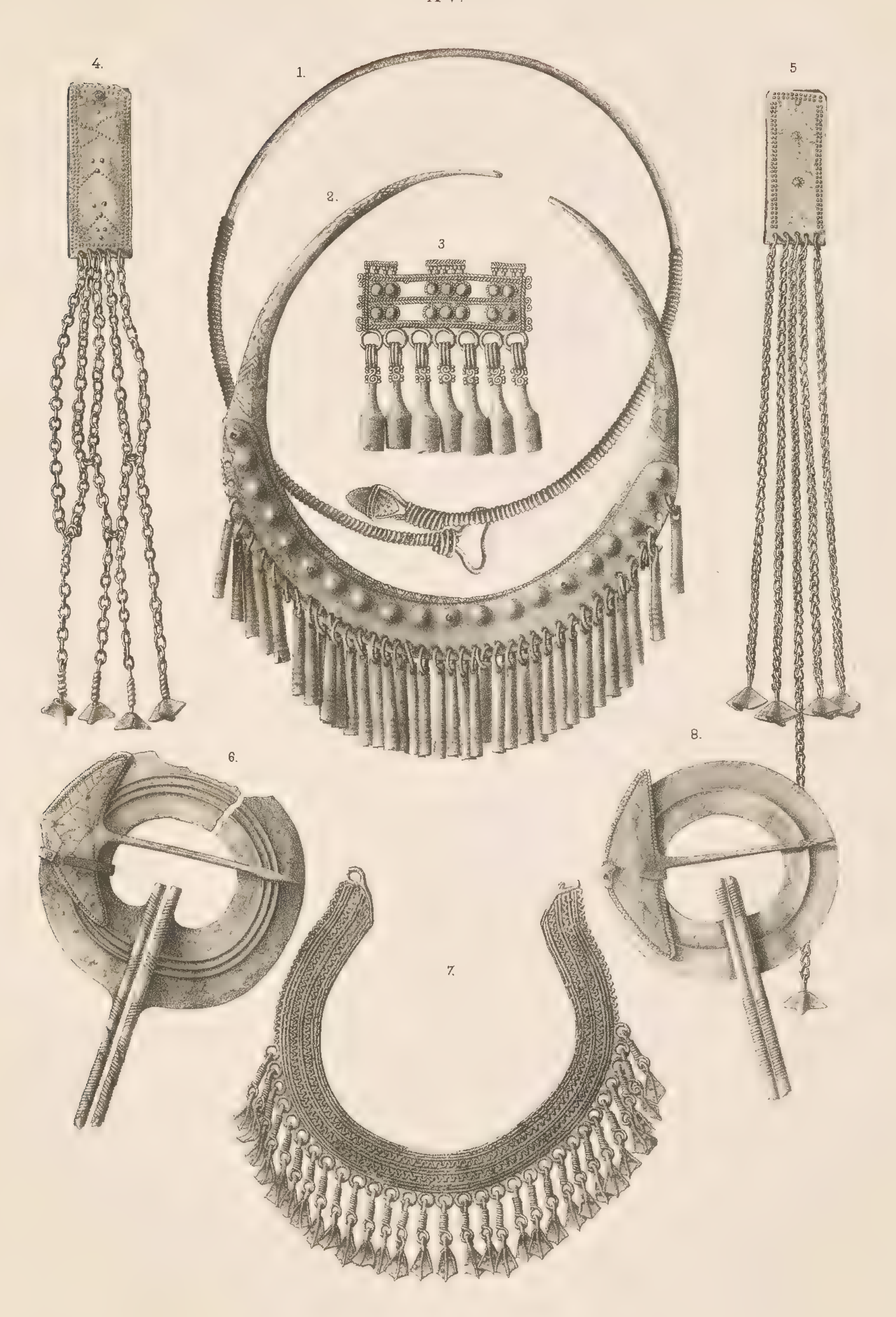
XIV.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16.

нат велич

Лит К дх вестелли В О. 11 д № 22 СПБ

XV.

нат. велич

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie“ publiés par la Commission Impériale Archéologique, livraison 11-me. Antiquités de la Russie du Sud-Ouest. Recherches dans le pays des Drevlianes par Mr V. Antonovitch, professeur à l'université Impériale de St.-Vladimir.

Extrait.

Mr Antonovitch, investigateur renommé des antiquités du Sud de la Russie, se chargea sur la proposition de la Commission Impériale Archéologique d'explorer plusieurs nécropoles des gouvernements de Kiev et de Volhynie. Ces fouilles démontrèrent que tandis que les tumuli situés au S. des rivières Irpène et Rastavitsa offrent quatre types distincts de sépultures, notamment: 1) des sépultures de l'âge de la pierre, 2) des sépultures scythes, 3) des sépultures à incinération et 4) des enterrements de cavaliers avec leurs chevaux et leurs armes, les kourganes des localités nouvellement explorées présentent un tout autre caractère d'inhumation. Le professeur Antonovitch rapporte ce dernier type à la fin de l'âge préhistorique du fer et le nomme: sépulture Drevliane. La région de ce mode de sépulture est bornée au N. par le Pripet, à l'E. par le Dnièpre, au S. par la Rastavitsa; quant à l'O. la limite n'en est pas encore tout à fait établie. Toute cette superficie compte plus de 300 cimetières contenant 7400 tumuli dont 313 furent explorés. 303 d'entre ces derniers présentèrent des inhumations du type Drevliane.

Les kourganes étaient de forme cônique et de peu de hauteur, ne s'élevant pas au delà de 2 m, 85. Beaucoup d'entre eux étaient entourés à la base d'un ravin traversé de petites jetées de terre servant de communication. On rencontrait par ci par là dans les remblais des objets jetés au hasard, comme des tessons de vaisselle, des os d'animaux etc. Six kourganes renfermaient des débris de toits de bois. Les tombes se trouvaient ordinairement au-dessous du niveau du sol, et les fosses mortuaires n'avaient généralement pas plus de 0 m, 6 de profondeur. Quelques tombes avaient conservé des traces de cercueils de bois, et une d'elles était même entièrement garnie de bois. Mais ce qu'elles avaient toutes de typique c'était des clous de fer jetés tout autour des ossements et n'ayant évidemment rien de commun avec des cercueils, car on en trouvait également dans les tombes, où l'on ne voyait pas trace de bois. Ils étaient plantés verticalement sans ordre établi, perpendiculai-

rement aux squelettes, qu'ils environnaient sur tout leur contour. Les squelettes étaient posés sur une couche de bois, de cendre, de sable ou de petites pierres. Chaque tumulus ne renfermait qu'une seule tombe avec un seul squelette humain. Les sépultures collectives ne formaient que de rares exceptions et contenaient à côté des ossements d'adultes des squelettes d'enfants. Tous les morts étaient couchés sur le dos, la tête à l'O., les jambes étendues, les bras diversement disposés. Taille moyenne — 1 m, 67. Les crânes pour la plupart du temps brachycéphales. Indice céphalique: 78, 52 en moyenne. On trouva en outre, auprès du village Iagniatino, un crâne artificiellement déformé.

Parmi les objets qu'on découvrait dans ces tombes on ne rencontrait que rarement des armes, telles que lances de fer, poignards, pointes de flèches et éperons. Les ustensiles de ménage étaient plus communément répandus et consistaient en vases de terre, pots marqués sur le fond, cruches, terrines etc. On y exhuma encore des seaux, dont le bois était tout pourri et dont les accessoires en fer seuls s'étaient conservés. Il y avait entre autres des coupes faites avec la partie supérieure de crânes humains et placées dans la main des squelettes.

On y trouvait également des briquets de fer et de silex renfermés dans de petits sacs de cuir serrés par des anneaux de bronze ou de fer; puis, auprès des squelettes — de petits couteaux de fer avec les restes de manches en bois et en os, des fusaïoles, des marteaux de fer, des pointes, des crampons etc.

Quant aux vêtements il n'y avait plus que des lambeaux d'étoffe, entre autres un ruban de soie broché de fil d'or et d'argent. En outre des fibules d'argent et de bronze en forme d'anneaux et différentes perles, puis des boucles de courroies et des boutons de bronze. On trouva dans une tombe une grande plaque d'argent ornementée au repoussé; dans d'autres, des restes de ceintures tenant à des boucles en bronze et en argent et enfin une espèce de breloques qu'on portait à la ceinture. En fait de chaussures on rencontrait des souliers à pointes effilées.

Les ornements de cheveux des femmes étaient des courroies et des anneaux en fil d'argent et de bronze enlacées dans les nattes. On trouva entre autres les restes d'une parure de tête, faite en écorce de bouleau tendue d'une étoffe de laine; puis en fait de bijoux — un grand nombre de boucles d'oreilles (généralement à une seule oreille) faites en fin fil d'argent et de bronze et une boucle d'oreille en or. Les colliers, qu'on ne rencontrait que rarement, étaient composés de petites perles. On ne trouva qu'un seul bracelet, mais en revanche beaucoup de bagues et d'anneaux tordus en fin fil d'argent et de bronze.

Comme conclusion, le professeur Antonovitch parle des plus anciennes annales russes sur les Drevlianes. Il fait observer que les données archéologiques confirment les données historiques qui parlent du développement considérable de la culture chez les Drevlianes et prouve que ces derniers menaient une vie sédentaire et paisible et qu'ils élevaient de nombreux troupeaux d'animaux domestiques. Beaucoup d'objets extraits des kourganes Drevlianes attestent des relations commerciales avec les voisins; toutefois on n'y a pas trouvé une seule pièce de monnaie.

Outre les kourganes du type Drevliane ci-dessus mentionnés les fouilles mirent à nu 8 tombes de l'âge de la pierre et 2 kourganes scythes, dans lesquels furent exhumées, entre autres, des plaques de bronze très originales, à figures humaines. Ces objets sont représentés sur la page 3.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 11.

ДРЕВНОСТИ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ

РАСКОПКИ ВЪ СТРАНѢ ДРЕВЛЯНЪ.

В. Б. АНТОНОВИЧА,

ОРДИН. ПРОФ. ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВ. СВ. ВЛАДИМІРА.

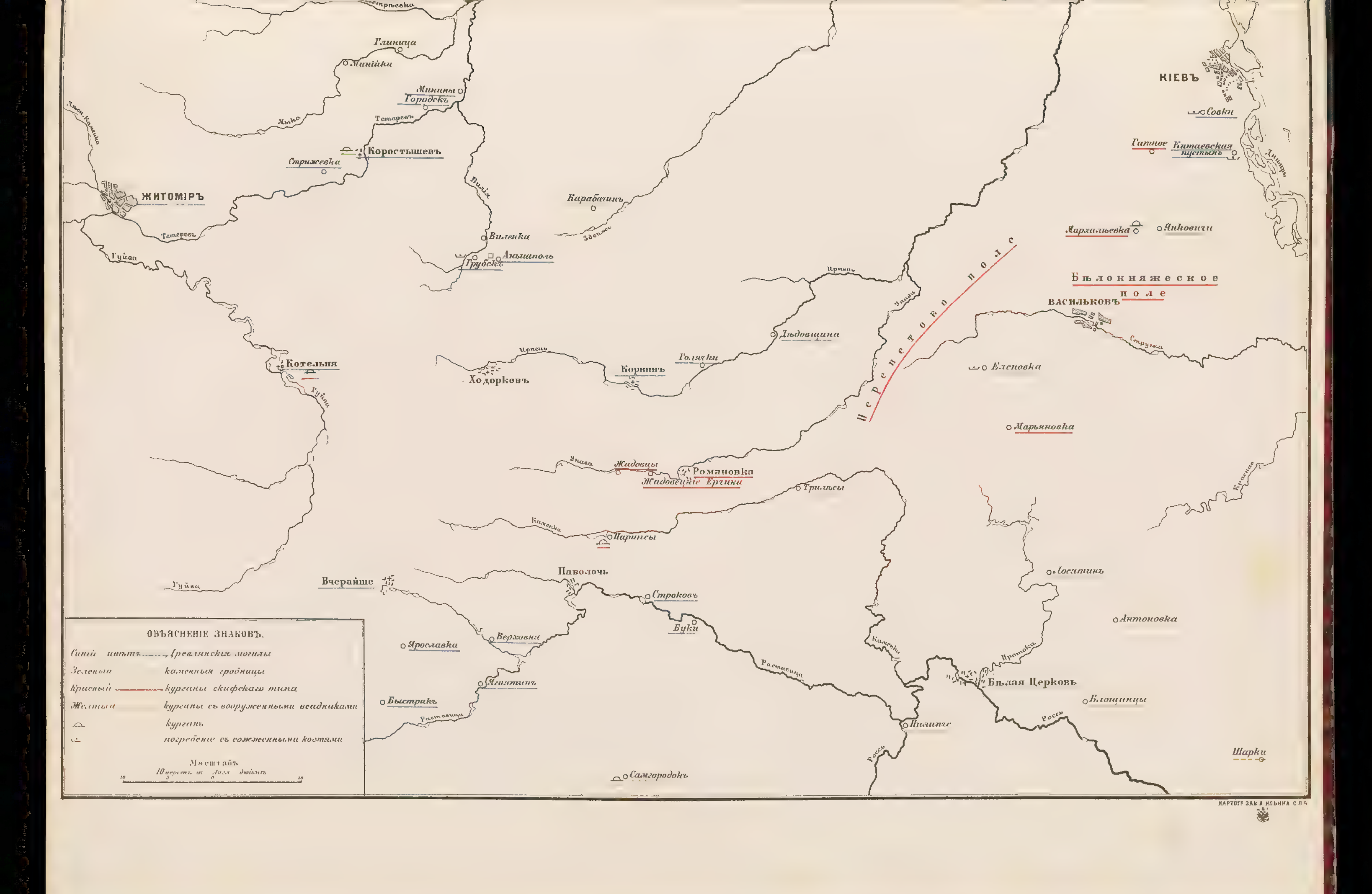
СЪ 7 ПЛАНАМИ И 47 ПОЛИТИПАЖАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Збранки
ОВРУЧЬ
Чистоголовка
Норинъ
Ужъ
Припять
Днѣпръ
Ладыжичи
Припять
Вересна
Тетеревъ
Искорость
Ужъ
Головки
Тетеревъ
Здвижъ
Малинъ
Городище
Ирша
Ирша
Дымеръ
Глѣбовка
Демидово
Ирпень
Волна
Тетеревъ
Вышевичи
Блиставица
Мироцкая
Вышгородъ
Днѣпръ
Десна
Здвижъ
РАДОМЫСЛЬ
Михайловка

КIЕВЪ
Совки
Гатное
Китаевская пустынь
Днѣпръ
Мархальевка
Янковичи
Бѣлокняжеское поле
ВАСИЛЬКОВЪ
Стругна
Перепетово поле
Еленовка
Марьяновка
Красная
Лосятинъ
Антоновка
Протока
Бѣлая Церковь
Блощинцы
Рось
Пилипче
Каменка
Шарки
ЖИТОМIРЪ
Тетеревъ
Глиница
Минiйки
Мининъ
Городскъ
Коростышевъ
Стрижевка
Ирша
Вилія
Карабачинъ
Здвижъ
Виленка
Аныполь
Грубскъ
Ирпень
Дѣдовщина
Голячки
Корнинъ
Ходорковъ
Котельня
Гуйва
Унава
Жидовцы
Романовка
Жидовецкiе Ерчики
Трилисы
Каменка
Паринцы
Паволочь
Строковъ
Буки
Вчерайше
Верховня
Ярославка
Ягнятинъ
Быстрикъ
Раставица
Самгородокъ
ОБЪЯСНЕНIЕ ЗНАКОВЪ.
Синiй цвѣтъ — Древлянскiя могилы
Зеленый — каменныя гробницы
Красный — курганы скифскаго типа
Желтый — курганы съ вооруженными всадниками
курганъ
погребенiе съ сожженными костями
Масштабъ
10 верстъ въ дюймѣ
КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

Общій очеркъ.

Курганы, описаніе коихъ составляетъ предметъ настоящаго выпуска, изслѣдованы въ сѣверной части Кіевской губерніи и въ юго-восточной части Волынской. Если сравнимъ могильники изслѣдованной мѣстности съ могильниками, расположенными къ Ю. отъ нея, то замѣтимъ довольно рѣзкую разницу какъ въ способѣ топографическаго распредѣленія могильниковъ, такъ и въ группировкѣ и численности кургановъ и въ самомъ ихъ наружномъ видѣ. Въ средней части Кіевской губерніи курганы, по большей части, расположены относительно небольшими группами, по преимуществу на возвышенныхъ водораздѣлахъ; насыпи курганныя, по большей части, очень крупны и высоки, форма кургановъ расплывшаяся, бока ихъ очень пологи и основаніе очень широко. Въ сѣверной части Кіевской и восточной части Волынской губ. курганы расположены такъ, что насыпавшіе ихъ очевидно не обращали никакого вниманія на топографическое положеніе мѣстности, избранной для могильника. Группы встрѣчаются и на возвышенностяхъ и на склонахъ горъ и на поляхъ и на равнинахъ и въ лѣсахъ и даже на низменныхъ лугахъ (напримѣръ, какъ мы ниже увидимъ, первая группа у Котельни и вторая у Городска). Могильники представляютъ группы, состоящія изъ значительнаго количества насыпей, достигающаго иногда нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ въ одной группѣ. Такъ, у села Буки встрѣтились группы въ 150 до 200 насыпей; одна изъ группъ у м. Вчорайшаго состояла изъ 150 кургановъ; у Грубска можно было насчитать до 900 кургановъ, у Житоміра свыше 300, у Ягнятина болѣе 1.000 и т. д. Въ каждой группѣ курганы лежатъ очень близко другъ къ другу, иногда расположены столь густо, что сливаются другъ съ другомъ основаніями. Наружный видъ кургановъ въ этой мѣстности представляетъ также отличительныя черты отъ кургановъ болѣе южныхъ: насыпи сохранили коническую форму, бока ихъ крутые, неосыпавшіеся и не расплывшіеся, лучшимъ доказательствомъ чему служатъ канавки, сохранившіяся у подножія значительной части кургановъ.

Содержимое еще болѣе подтверждаетъ разницу, намѣченную по внѣшнимъ признакамъ кургановъ. Между тѣмъ, какъ въ сѣверной полосѣ всѣ почти курганы относятся къ одному погребальному типу, который будетъ ниже подробно описанъ,—въ ближайшей даже части южной полосы понынѣ не найдено ни одного кургана, сколько-нибудь напоминающаго этотъ типъ. Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о раскопкахъ, произведенныхъ къ Ю. отъ рѣкъ Ирпеня и Раставицы, описываютъ самые разнообразные по времени и погребальнымъ обрядамъ типы, но ни одинъ изъ нихъ не пред-

ставлялъ сходства съ курганами, расположенными къ С. отъ названныхъ рѣкъ. Вообще въ прилегающей съ Ю. къ этимъ рѣкамъ полосѣ встрѣчались четыре различные похоронные типа: 1) разныя разновидности кургановъ каменнаго вѣка, найденные у Вышгорода [1]), Мархалѣевки, Янковичъ [2]), Еленовки [3]), Краснаго [4]), Лосятина [5]), Бѣлой Церкви [6]) и Самгородка [7]). 2) Курганы такъ называемаго скиѳскаго типа. съ различными варіянтами, оказавшіеся: у Гатного [8]), Мархалѣевки [9]), Романовки [10]), Жидовецъ, Жидовецкихъ Ерчиковъ [11]), на Перепетовомъ полѣ [12]) и на полѣ Бѣлокняжескомъ [13]). 3) Курганы, содержащіе слѣды обряда погребенія черезъ сожженіе покойника, у Вышгорода [14]), Совокъ [15]); Мархалѣевки [16]), Китаевской пустыни [17]), Еленовки [18]). 4) Курганы, заключавшіе похороненныхъ всадниковъ съ вооруженіемъ и конемъ, у Трилисъ, Антоновки, Блощинецъ [19]), Шарковъ [20]), Пилипчи [21]) и Самгородка [22]).

Изъ сличенія перечисленныхъ раскопокъ съ погребальнымъ типомъ, встрѣчающимся почти исключительно въ мѣстности, лежащей къ С. отъ Ирпеня и Раставицы, очевидно, что послѣдній принадлежалъ народу, занимавшему Кіевское и Волынское Полѣсье во время, предшествовавшее введенію христіанства и не выдвигавшему своихъ поселеній въ степь, южнѣе названныхъ рѣкъ; за то къ С. отъ нихъ типъ этотъ, съ незначительными варіантами, встрѣчается во всѣхъ изслѣдованныхъ курганахъ въ бассейнахъ рѣкъ Тетерева и Уши и дальше, по направленію къ Припяти. Нѣсколько южнѣе теченія ея, типъ этотъ смѣняется другимъ типомъ, установленнымъ раскопками В. З. Завитневича. Судя по мѣстности распространенія разсматриваемаго нами типа отъ Ирпеня и Раставицы на Ю. до Припяти на С. и отъ Днѣпра на В. до верхнихъ теченій Тетерева и Уши на З. и дальше въ этомъ направленіи, вѣроятно до Случи [23]), принимая во вниманіе характеръ предметовъ, найденныхъ въ курга-

[1]) Дневникъ раскопокъ В. Б. Антоновича 1874 г.

[2]) Дневникъ рукописный раскопокъ Волошинскаго у Мархалѣевки и Янковичъ, хранящійся въ портфелѣ гр. Уварова.

[3]) Раскопка Иванишева. Каменный вѣкъ гр. Уварова, II, 1889 г.

[4]) Рукописный дневникъ раскопки Ревякина 1878 г.

[5]) Раскопка Оссовскаго 1887 г.—Zbiór wiadomości dla antropol. krajowej, т. XIII.

[6]) Рукописный дневникъ раскопки Витковскаго въ 1889 г.

[7]) Раскопка Поповскаго Zbiór wiadomości d. a. k. т. VI.

[8]) Труды III археологич. съѣзда, I, стр. LXXX LXXXV.

[9]) Раскопка Иванишева 1847 г.—въ археологич. музеѣ Кіевскаго университета.

[10]) Рукописный дневникъ раскопокъ В. Б. Антоновича въ 1878 г.

[11]) Раскопки Болондзя въ 1882 г. Zbiór wiadomości d. a. k., т. VIII.

[12]) Древности, изданныя Кіевскою археографическою Коммиссіею. Раскопки Иванишева 1845 г.

[13]) Рукописные дневники раскопокъ Иванишева 1847 г.—изъ портфеля гр. Уварова.

[14]) Рукописный дневникъ раскопки Ставровскаго въ 1845 г.—тамъ же.

[15]) Раскопки Волошинскаго въ 1862 году—въ археологическомъ музеѣ Кіевскаго университета.

[16]) Рукописный дневникъ раскопокъ Волошинскаго—изъ портфеля гр. Уварова.

[17]) Раскопки Науменки 1876 г. Чтенія историч. общ. Нестора лѣтоп. I, стр. 256.

[18]) Раскопка Руликовскаго въ 1879 г. Zbiór wiadomości d. a. k. т. IV.

[19]) Курганы у Трилисъ, Антоновки и Блощинецъ раскапывалъ въ 1865—1868 г. съ корыстною цѣлью нѣкто Хмѣлевскій—см. «Кіевлянинъ» 1866 г. № 15 и 115, также рукописныя замѣтки В. Б. Антоновича со словъ Хмѣлевскаго.

[20]) Свѣдѣніе изъ рукописнаго донесенія Ольманецкой волости.

[21]) Рукописныя замѣтки о раскопкѣ гр. Браницкаго въ 1865 г.

[22]) Раскопки Поповскаго loc. cit.

[23]) Пока мы не имѣемъ данныхъ для точнаго опредѣленія З. и Ю.-З. границъ распространенія разсматриваемаго похороннаго типа. По внѣшнимъ признакамъ кургановъ, по ихъ группировкѣ, а также по сохранившимся въ

нахъ, которые относятся къ концу доисторическаго желѣзнаго вѣка, мы полагаемъ, что типъ этотъ можетъ быть названъ *древлянскимъ*.

Границы распространенія древлянскаго похороннаго типа на С. опредѣляются линіею, проведенною нѣсколько южнѣе русла Припяти; къ С. отъ этой линіи господствуетъ другой похоронный типъ [24]). На В. отъ устья Припяти до устья Ирпеня, предѣломъ древлянскаго типа служитъ русло Днѣпра, по лѣвую сторону котораго встрѣчается исключительно типъ погребенія сѣверянскій, установленный раскопками въ бассейнѣ Десны г. Самоквасова (кострища, сожженныя человѣческія кости) [25]). На Ю. граница древлянскаго типа можетъ быть установлена довольно точно, отъ Днѣпра до истоковъ р. Раставицы: граница эта совпадаетъ съ теченіемъ рѣки Ирпеня отъ устья этой рѣки до м. Корнина; на всемъ этомъ протяженіи на правой сторонѣ Ирпеня мы не встрѣчаемъ ни одного древлянскаго могильника, между тѣмъ, какъ на лѣвой сторонѣ рѣки они почти исключительно господствуютъ. Такіе могильники мы встрѣчаемъ въ бассейнѣ Ирпеня къ С. отъ его русла у с. Глѣбовки, м. Дымера (65 кургановъ), с. Демидова (болѣе 200 кург.), у с. Мироцка (17 к.), у с. Михайловки, с. Голякъ, с. Дѣдовщины и м. Корнина. Отъ этого мѣстечка граничная линія древлянскаго похороннаго типа оставляетъ русло Ирпеня и спускается по направленію къ Ю.; на западной сторонѣ этой линіи лежитъ изслѣдованный древлянскій могильникъ у м. Вчорайше; на восточной же сторонѣ находятся изслѣдованные уже могильники такъ называемаго скиѳскаго типа у селъ: Жидовецъ, Жидовецкихъ Ерчиковъ и Романовки, а также неизслѣдованная еще группа, несомнѣнно также скиѳскаго типа, лежащая между с. Парипсы и м. Паволочью; отъ этой группы граничная линія направляется къ Ю.-В. и упирается въ р. Раставицу у с. Буки. Отсюда граничная линія направляется къ З., сопровождая русло Раставицы до ея истоковъ. Къ Ю. отъ этой рѣки мы не встрѣчаемъ ни одного древлянскаго могильника, на сѣверной же сторонѣ рѣки расположены изслѣдованные могильники этого типа у селъ Буковъ и Ягнятина и неизслѣдованные у селъ: Строкова, Верховни, Ярославки и Быстрика. Остается еще опредѣлить дальнѣйшія границы распространенія древлянскаго похороннаго типа отъ истоковъ Раставицы до Случи и вдоль по теченію этой рѣки.

Въ мѣстности, очерченной указанными границами, расположены весьма численные могильники; по тѣмъ свѣдѣніямъ, далеко не полнымъ, которыя удалось собрать, можно указать 307 могильниковъ, и въ нихъ не менѣе 7.400 кургановъ, при чемъ въ счетъ не были приняты тѣ мѣстности, въ которыхъ характеръ кургановъ не вполнѣ выясненъ, какъ: сѣверная часть Бердичевскаго уѣзда, западная Житомірскаго и южныя части Мозырскаго и Рѣчицкаго. Изъ всего количества перечисленныхъ кур-

памяти народа неяснымъ свѣдѣніямъ о случайно производившихся раскопкахъ, можно предположить, что западную границу составляла Случь (см. Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи.—Волынская губернія; уѣзды Новоградволынскій и Ровенскій).

[24]) Типъ, который г. Завитневичъ предлагаетъ назвать Дреговицкимъ (археологич. экскурсія въ Полѣсье въ Чтеніяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца, кн. IV, стр. 1–29).

[25]) См. статьи г. Самоквасова въ «Древностяхъ» Московскаго археологическаго Общ., т. IV, стр. 77, и въ «Трудахъ» III-го русскаго археологическаго съѣзда, т. I, стр. 185. Также рукописный дневникъ раскопокъ В. Б. Антоновича, 1881 г. въ уѣздахъ Городнянскомъ и Черниговскомъ.

*

гановъ раскопано понынѣ съ научною цѣлью 313; изъ этого числа раскопка 261 кургана составляетъ предметъ настоящаго отчета, о раскопкѣ же 52 остальныхъ имѣются печатныя или рукописныя извѣстія [26]).

Въ общемъ числѣ раскопанныхъ кургановъ 8 принадлежатъ къ каменному вѣку (3 у Глиницы, 2 у Вышевичъ, и по 1 у Чистоголовки, Коростышева и Минiекъ) и 2 представляютъ разновидности такъ называемаго скиѳскаго типа (1 у Котельни, въ отчетѣ № 6, и 1 у Ладыжичъ); всѣ остальные 303 кургана заключали въ себѣ похороны древлянскаго типа, на долю котораго такимъ образомъ приходится въ означенной мѣстности около 97%.

Въ настоящемъ отчетѣ помѣщены дневники раскопокъ 261 кургана, но изъ этого числа нужно исключить 10 кургановъ, оказавшихся испорченными и совершенно пустыми, 3 кургана, которые были насыпаны въ качествѣ межевыхъ знаковъ и случайно приходились на границахъ похоронныхъ могильниковъ [27]) 2, сложенныя изъ каменныхъ плитъ гробницы каменнаго вѣка, найденныя у села Вышевичъ, и 1 курганъ (у Котельни № 6), представляющій варіантъ такъ называемаго скиѳскаго типа. За исключеніемъ этихъ 16 кургановъ, остальные 245 представляли древлянскій похоронный типъ. Мы попытаемся возстановить этотъ типъ на основаніи дневниковъ раскопокъ, при чемъ будемъ пользоваться также данными, добытыми г. Гамченкомъ въ изслѣдованныхъ имъ 44 курганахъ Житомірской группы. Такимъ образомъ матеріаломъ для характеристики послужатъ данныя, добытыя при раскопкахъ 289 кургановъ.

Наружный видъ кургановъ.

Курганы древлянскихъ могильниковъ сохранили форму довольно правильныхъ конусовъ съ куполообразными вершинами. Высота ихъ довольно незначительна; самый высокій изъ изслѣдованныхъ кургановъ достигалъ абсолютной высоты 2,85 метра, самый низкій только 25 сантиметровъ. Изъ числа 245 кургановъ только 7 превышали 2 метра, 76 имѣли болѣе 1 метра, 14 возвышались на 1 метръ и 148 были ниже метра. Средняя высота изслѣдованныхъ кургановъ=0,98 метра.

Многіе курганы окружены у подошвы рвомъ, шириною около $1^1/_2$ метра и глубиною отъ 20 до 75 сантиметровъ; только въ могильникѣ у Искорости ровъ этотъ достигалъ болѣе значительной глубины (до 1,2 метра); между подошвою кургана и рвомъ оставлена кругомъ кургана небольшая площадка, до 50 сантиметровъ шириною; рвы прерывались въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ, въ которыхъ нетронутая почва представляла свободные входы на насыпь. Такіе рвы въ нѣкоторыхъ

[26]) Самое большое количество раскопанныхъ кургановъ (числомъ 44) описано въ дневникѣ, изданномъ г. Гамченкомъ «Житомірскій могильникъ». О трехъ каменныхъ кистахъ, найденныхъ у села Глиницы, помѣщено извѣстіе въ сочиненіяхъ Lippomana «Zastanowienie się nad mogiłami etc.», стр. 11—12 и въ сочиненіи Крашевскаго «Sztuka u Słowian», стр. 50; о курганѣ каменнаго вѣка у с. Минійки, также у Липомана стр. 7 и Крашевскаго стр. 28, о таковомъ же курганѣ у Коростышева въ «Обозрѣніи» Фундуклея, стр. 67, и у Крашевскаго стр. 83; о раскопкѣ кургана у с. Ладыжичъ см. рукописный дневникъ г. Желинскаго, о курганахъ же у селъ Чистоголовки и Нежиловичъ рукописныя замѣтки, имѣющіяся въ археологическомъ музеѣ Кіевскаго университета.

[27]) У Блыставицы № 2, у Грубска № 15 и у Стрыжавки № 4.

могильникахъ (у Ягнятина, Ольшопола, Мининъ, Житоміра и Искорости) окружали всѣ курганы, въ другихъ (у Буковъ, Вчорайшаго, Стрыжавки, Городища и Головокъ) рвы были замѣчены только при нѣкоторой части кургановъ, составлявшихъ 20—75%, у Грубска только въ одной небольшой группѣ, на урочищѣ Быковщинѣ, курганы были окружены рвами; наконецъ въ могильникахъ у Коростышева, Городска и Котельни рвовъ у подножія кургановъ вовсе не было. Въ общей сложности почти половина изслѣдованныхъ кургановъ оказалась снабженною окружнымъ рвомъ. Въ могильникахъ у села Буки и м. Вчорайшаго нѣкоторые курганы были обложены у основанія валунами, составлявшими сплошной кругъ, уставленный въ одинъ рядъ; верхняя часть камней выдавалась наружу изъ подъ земли. Въ другихъ могильникахъ каменной обложки вовсе не было.

Насыпь кургановъ.

Насыпь кургановъ состоитъ почти всегда изъ того же слоя, который составляетъ окружающій верхній слой почвы; смотря по мѣстности, насыпь состояла изъ чернозема, песку или супеску; только въ тѣхъ случаяхъ, напр., у Житоміра, гдѣ слой почвы представляетъ незначительную толщину, въ составъ насыпи вошли и части подпочвенныхъ слоевъ. Во всѣхъ почти насыпяхъ на различной глубинѣ встрѣчались разрозненно лежавшіе предметы; одни изъ нихъ составляли какъ бы постоянный признакъ насыпей и находились почти въ каждомъ курганѣ, другіе встрѣчались очень рѣдко и очевидно были случайно заронены при сооруженіи насыпи. Къ предметамъ, встрѣчавшимся постоянно, почти въ каждой насыпи, принадлежатъ: черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, по большей части сдѣланные изъ весьма плохой глины и весьма недостаточно обожженные, разрозненныя кости животныхъ: чаще всего барана, рѣже лошади, быка, свиньи и мелкихъ грызуновъ. Кости эти никогда не составляли полнаго скелета, а встрѣчались въ количествѣ одной или двухъ-трехъ костей, принадлежавшихъ отдѣльной особи. Многія изъ костей представляли собою фрагменты и недостающихъ обломковъ, какъ костей, такъ и глиняныхъ сосудовъ, въ насыпяхъ не было. Также часто въ насыпяхъ встрѣчались отдѣльно лежавшіе комки и гнѣзда угля. Менѣе постоянно, хотя довольно часто, въ насыпяхъ кургановъ лежали: осколки дерева, небольшіе валуны, цѣльные или разбитые, осколки кремня съ острыми, иногда окресанными, краями и (въ 4-хъ случаяхъ) жерновые или точильные камни [28]). Для объясненія постояннаго присутствія этихъ предметовъ въ курганныхъ насыпяхъ, возможно было бы предположить, что, можетъ быть, присутствіе перечисленныхъ предметовъ, лежащихъ въ насыпи на различныхъ уровняхъ, отстоящихъ другъ отъ друга на 30—50 сантиметровъ, указываетъ на то, что курганы надъ могилами покойниковъ насыпались не за одинъ разъ; можетъ быть, на небольшой первоначальной насыпи, въ извѣстные сроки, совершался поминальный обрядъ, послѣ котораго присутствовавшими насыпь кургана досыпалась; черепки

[28]) Вчорайше №№ 5 и 6; Грубскъ № 58; Буки № 26.

горшковъ, уголь, разрозненныя кости животныхъ могли оставаться на прежнемъ уровнѣ насыпи въ качествѣ остатковъ поминальной тризны. Сверхъ перечисленныхъ предметовъ въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣчались вещи, случайно уроненныя устроителями насыпи, или попавшія въ нее вмѣстѣ съ землею; къ такимъ предметамъ относятся встрѣтившіеся въ нѣсколькихъ случаяхъ желѣзные гвозди, обломокъ стекляннаго браслета, стеклянная буса, обломокъ шейной бронзовой гривны, два глиняныя пряслица, желѣзное остріе и погремушка изъ песчаника, отдѣланная въ видѣ шарика; къ такимъ же случайно попавшимъ предметамъ относятся и встрѣтившіяся въ насыпи трехъ кургановъ разрозненныя человѣческія кости [29]).

Въ шести изслѣдованныхъ курганахъ [30]) въ насыпи встрѣтилась особая деревянная постройка изъ дубовыхъ брусьевъ, насколько можно было судить по найденнымъ остаткамъ, срубленная въ видѣ двухскатной крыши; впрочемъ, точно опредѣлить форму постройки не было возможно, такъ какъ брусья сильно истлѣли и вся постройка осунулась и расползлась при осѣданіи насыпи; постройки эти вообще находились ближе къ поверхности кургановъ (на глубинѣ 46—90 сантим. отъ вершины), чѣмъ къ могиламъ (1,15 — 1,65 метра выше уровня могилы). Въ одномъ случаѣ [31]), вмѣсто деревянной постройки, въ такомъ же отношеніи къ могилѣ, найдено было сооруженіе, состоявшее изъ 8 крупныхъ валуновъ и одного жернова. Въ двухъ случаяхъ [32]) на уровнѣ, лежавшемъ значительно выше могилы (55 — 80 сантим.) и отдѣленномъ отъ нея слоемъ насыпи, находился толстый слой (въ 15 сантим.) древеснаго угля, расположенный пластомъ во всю ширину кургана.

Наконецъ, въ 3-хъ случаяхъ [33]) насыпь кургановъ была нарушена въ позднѣйшее время, устройствомъ на курганахъ кладбищъ; вслѣдствіе этого на половинѣ почти высоты кургановъ лежали ряды скелетовъ, подъ которыми, въ болѣе глубокихъ слояхъ, оставались нетронутыми древнія могилы.

Совершенно отличный характеръ отъ остальныхъ кургановъ, по отношенію къ составу насыпи, представляла группа у села Мининъ; здѣсь насыпь состояла не изъ той почвы, которая покрываетъ поверхность окружающаго поля, а изъ рѣчнаго, красноватаго или бѣлаго, глею, переполненнаго рѣчными улитками, вѣроятно добытаго изъ дна близъ лежащей рѣки Тетерева. Глей этотъ, высохшій въ насыпяхъ, составилъ твердую компактную массу, консистенція которой равнялась твердости известковаго камня [34]).

---

[29]) Ягнятинъ №№ 7 и 13; Котельня № 3.

[30]) Буки №№ 1, 2, 3 и 4; Ягнятинъ № 3; Городскъ № 1.

[31]) Буки № 26.

[32]) Ольшополь № 6; Стрижавка № 2.

[33]) Блыставица № 1; Городище №№ 2 и 3.

[34]) Въ описаніи Житомірскаго могильника, г. Гамченко высказываетъ предположеніе, что насыпь кургановъ произошла такимъ образомъ, что на могилу была насыпана земля, вынутая изъ канавокъ, окружающихъ подошву кургановъ (стр. 104—105); мы не можемъ согласиться съ этимъ предположеніемъ уже потому, что половина видѣнныхъ нами кургановъ не имѣетъ круговыхъ рвовъ; есть цѣлые могильники (у Грубска, Коростышева, Котельни, Городска), въ которыхъ курганы, входящіе въ ихъ составъ, вовсе не окружены канавами. Если мы даже допустимъ, что канавы такія существовали, но изгладились отъ времени, то невозможно будетъ, по предположенію г. Гамченка, объяснить происхожденія насыпей у Мининъ; здѣсь курганы сложены изъ матеріала, принесеннаго изъ рѣки, а не взятаго на мѣстѣ, тѣмъ не менѣе у подножія каждаго кургана находится совершенно явственная канавка.

Устройство могилы.

Уровень, на которомъ устроены могилы въ древлянскихъ курганахъ, не во всѣхъ изслѣдованныхъ курганахъ оказался одинаковымъ. При раскопкахъ встрѣтились могилы, лежавшія выше горизонта, на самой его поверхности, и ниже горизонта. Послѣднее устройство могилы, т. е. ниже горизонта, представляетъ преобладающій типъ погребенія. Изъ 282 могилъ, въ которыхъ можно было опредѣлить уровень могилы, 48 устроены въ насыпи выше горизонта, 70 на горизонтѣ [35]) и 164 ниже его. Въ могилахъ, устроенныхъ выше горизонта, скелеты лежали на предварительно устроенной насыпи на различной высотѣ; въ среднемъ, возвышеніе насыпи подъ скелетомъ въ 48 курганахъ равнялось 50 сантиметрамъ. Такого рода могилы встрѣтились: у Житоміра 20, у Грубска 15, у Головокъ 6, у Искорости 4 (всѣ вскрытыя) и по одной у Ягнятина, Вчорайшаго и Городска. Могилы, устроенныя на горизонтѣ, встрѣтились въ большомъ количествѣ у Житоміра, изъ коихъ 44 раскопаны г. Гамченкомъ, затѣмъ 12 у Грубска и по одной у Ягнятина, Коростышева, Городска и Городища.

Всѣ остальныя могилы, числомъ 164, были устроены въ неглубокихъ ямахъ, вырытыхъ въ почвѣ. Общая характеристика этихъ ямъ состоитъ въ томъ, что онѣ были выкопаны въ слоѣ почвы до поверхности подпочвы; послѣдняя расчищена и на ней былъ положенъ покойникъ. Глубина ямы, такимъ образомъ, отвѣчала толщинѣ слоя верхней почвы и смотря поэтому была глубже или мельче; средняя глубина ямы указана въ каждомъ могильникѣ въ отдѣльности, въ общей же сложности она равнялась 0,59 метра.

Вообще процентное отношеніе трехъ указанныхъ способовъ погребенія въ изслѣдованныхъ древлянскихъ курганахъ представляетъ слѣдующія цифры:

Выше горизонта	17%
На поверхности горизонта	25%
Въ ямахъ, ниже горизонта	58%

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, въ моихъ раскопкахъ, насыпь, окружавшая непосредственно скелеты, не отличалась по своему составу отъ остальной насыпи кургана; исключенія въ этомъ отношеніи были замѣчены только въ 26 случаяхъ (около 11%). Чаще всего (въ 16 могилахъ [36]) скелеты были окружены со всѣхъ сторонъ слоемъ угля чистаго, или смѣшаннаго съ землею. Въ раскопкахъ г. Гамченка во всѣхъ 44 курганахъ замѣчена была примѣсь золы и угля къ землѣ, окружавшей скелеты. Въ 5 курганахъ у села Буковъ скелеты были окружены со всѣхъ сторонъ слоемъ извести. Въ пяти случаяхъ [37]) вокругъ скелета и надъ нимъ

[35]) Въ томъ числѣ помѣщены 44 кургана, вскрытые г. Гамченкомъ у Житоміра. Въ нихъ всѣ скелеты лежали на горизонтѣ; въ моихъ раскопкахъ всѣ могилы, лежавшія выше или ниже горизонта не болѣе, какъ на 10 сантим., отнесены къ этой же категоріи.

[36]) У Стрыжавки 6, у Городска 3, у Житоміра и Ольшополя по 2 и у Ягнятина, Вчорайшаго и Искорости по 1 разу.

[37]) У Городска №№ 8 и 9, у Стрыжавки № 9, у Головокъ №№ 6 и 7.

насыпанъ былъ слой, рѣзко выдѣлявшійся цвѣтомъ отъ окружавшей насыпи; это была земля сѣраго цвѣта въ насыпи изъ желтаго песку, въ одномъ случаѣ слой насыпи у скелета состоялъ изъ смѣси нѣсколькихъ породъ глины, отличавшихся яркими цвѣтами: краснымъ, желтымъ и зеленымъ; наконецъ, въ двухъ могилахъ слой, ближайшій къ скелету состоялъ изъ яркаго оранжеваго песку, подъ которымъ въ одномъ случаѣ находился непосредственно надъ костями слой бересты.

Въ значительномъ большинствѣ случаевъ около скелетовъ не было никакихъ слѣдовъ дерева. Дерево, употребленное для устройства могилъ на 245 курганахъ оказалось только въ 57 случаяхъ, т. е. гробницы безъ признака дерева составляютъ около 76 процентовъ. Въ тѣхъ 24%, въ которыхъ дерево было найдено, оно не представляло формы гроба или колоды; дерево было расположено по большей части въ видѣ толстыхъ бревенъ, лежавшихъ по сторонамъ скелета или покрывавшихъ его сверху; иногда то и другое расположеніе бревенъ встрѣчалось въ одной и той же могилѣ; только въ 8 случахъ ($3^1/_4$%) [38]), кромѣ боковыхъ бревенъ, найдены были болѣе короткіе брусья, соединявшіе концы первыхъ у ногъ и головы скелета и образовавшіе такимъ образомъ прямоугольные срубы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто брусьевъ, надъ скелетомъ встрѣчались толстыя доски; для обкладки скелета употреблялись разныя породы дерева; чаще всего брусья и доски были дубовые, замѣчались также липа, береза, берестъ и сосна. Иногда брусья были обложены слоемъ березовой коры, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они состояли не изъ березоваго дерева, но изъ другихъ породъ. Вообще дерево было замѣчено сверху надъ скелетами въ 29 могилахъ и по сторонамъ ихъ въ 32. Въ одномъ только курганѣ (Минины № 6) устройство гробницы представляло особенности по тщательной отдѣлкѣ: въ этомъ единственномъ случаѣ могила оказалась высѣченной въ твердой подпочвѣ въ видѣ длиннаго прямоугольника (2,4 метра длиною, 0,82 м. шириною и 0,55 м. глубиною) съ карнизомъ, устроеннымъ вдоль стѣнъ въ нижней части гробницы (25 сантим. шириною и 6 высотою); всѣ стѣны ея были обставлены деревомъ сосновымъ, обернутымъ со всѣхъ сторонъ березовою корою.

Нѣсколько разъ замѣчено было, что деревянные брусья были скрѣплены желѣзными гвоздями; но независимо отъ брусьевъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ могилахъ не встрѣчалось никакого слѣда дерева, около скелетовъ находились въ значительномъ количествѣ желѣзные гвозди различной величины; одни изъ нихъ снабжены на толстыхъ концахъ шляпками, другіе только утолщены. Въ изслѣдованныхъ могилахъ гвозди встрѣтились въ 90 случаяхъ (почти 37%); въ томъ числѣ только 5 разъ [39]) гвозди находились въ горизонтальномъ положеніи, въ остальныхъ 85 случаяхъ они стояли перпендикулярно головками или толстыми концами вверхъ. Расположеніе гвоздей не представляло никакого установленнаго порядка; чаще они сосредоточивались у головы и около конца стопъ, но вообще встрѣчались по контурамъ скелетовъ: съ внѣшней и внутренней стороны бедренныхъ костей и костей голени, у костей таза, у поясницы, у грудной клѣтки, съ внѣшней и внутренней стороны

[38]) Буки № 29, Стрыжавка №№ 6. 7, 8 и 37, Городскъ № 3, Минины №№ 2 и 6.
[39]) Три кургана у Головокъ, у Стрыжавки № 1 и у Житоміра № 15.

плечевыхъ костей, у верхняго края лопатокъ, у шеи и т. п. Если гвозди встрѣчались въ тѣхъ могилахъ, въ которыхъ скелеты были обложены деревянными досками или брусьями сверху и съ боковъ, то они находились независимо отъ дерева, подъ нимъ или внутри боковыхъ брусьевъ.

Въ большинствѣ случаевъ скелеты были положены непосредственно на расчищенной поверхности подпочвы, на днѣ ямы, или на почвѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда похороны были устроены на горизонтѣ, или выше его уровня. Впрочемъ, очень часто (116 случаевъ, т. е. 47%) подъ скелетомъ замѣчалась особая подстилка, распростертая или на всемъ пространствѣ дна могилы, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣтная только подъ головою. Подстилка эта состояла изъ разнообразныхъ веществъ: 1) въ 19 случаяхъ подстилку составлялъ весьма тонкій слой дерева, можетъ быть, тонкая деревянная доска, въ одномъ случаѣ (у Коростышева № 8) это былъ слой березовой коры; 2) чаще всего подстилка состояла изъ слоя золы, смѣшанной съ мелкими зернами угля (48 случаевъ), или изъ чистаго угля (5 случаевъ); 3) очень часто для подстилки употреблялись глина, глей, песокъ или илъ; въ такомъ случаѣ выбирались вещества яркаго цвѣта, и во всякомъ случаѣ цвѣта, рѣзко отличавшагося на фонѣ насыпи. Такъ, въ 8 случаяхъ найдена была подстилка, состоявшая изъ ярко окрашенныхъ породъ глины: желтой, красной и зеленой; въ 10 случаяхъ—изъ яркаго желтаго или оранжеваго песку; въ 5 случаяхъ—изъ чистаго бѣлаго песку. Во всѣхъ могилахъ, изслѣдованныхъ у Ольшополя, скелеты лежали на слоѣ сыраго красноватаго глея или ила; то же было замѣчено въ 3 курганахъ у Стрыжавки и въ одномъ у Городска. Въ подстилкѣ, состоявшей изъ окрашеннаго песку, глины или глею, часто замѣчалась примѣсь мелкихъ зеренъ угля. 4) Наконецъ, въ 5 случаяхъ (3 у Грубска и 1 у Стрыжавки) подстилка состояла изъ слоя мелкихъ разноцвѣтныхъ камешковъ, а въ одномъ случаѣ (Котельня № 5) изъ кусковъ истолченнаго гранита. Въ одномъ только курганѣ (Ольшополь № 6) найденъ былъ скелетъ, подъ голову котораго былъ подложенъ средней величины валунъ.

Курганы покрывали почти всегда только одну могилу и въ каждой могилѣ лежалъ только одинъ скелетъ. На все количество 289 кургановъ исключеніе представляли только 15 кургановъ, заключавшихъ въ себѣ болѣе одного покойника. Эти коллективные курганы, въ общей сложности, составляютъ только около 5%. Изъ нихъ въ 10 найдено по 2 скелета [40]); въ двухъ — по 3 [41]); въ двухъ —по 4 [42]) и въ одномъ (Головки № 3)—пять. Въ коллективныхъ курганахъ, могилы для каждаго покойника были вырыты отдѣльно и между ними оставался простѣнокъ нетронутой почвы. У Головокъ и у Котельни гробницы были вырыты, повидимому, разновременно и лежали на различномъ уровнѣ, въ остальныхъ случаяхъ могилы были расположены на одномъ и томъ же уровнѣ. Въ коллективныхъ гробницахъ, почти во всѣхъ случаяхъ, замѣчалось совмѣстное погребеніе взрослыхъ субъектовъ и дѣтей.

Только въ группѣ, лежавшей у Грубска, въ трехъ курганахъ (№№ 32, 55 и 61). найденъ былъ особый обрядъ погребенія: покойники были сожжены и обломки

---

[40]) Буки №№ 2, 12, 15, 16, Ягнятинъ № 2, Стрыжавка № 2, Минины №№ 1, 2, 7, Житоміръ № 6.
[41]) Буки № 7 и Вчорайше № 3.
[42]) Вчорайше № 4 и Котельня № 1.

сожженныхъ костей найдены среди угля. Курганы эти, лежавшіе одиноко въ группахъ, заключавшихъ древлянскія похороны, напоминали сѣверянскій похоронный типъ и, можетъ быть, могутъ быть отнесены къ случайно проживишимъ въ Грубскѣ иноземцамъ. Въ четвертомъ курганѣ у Грубска (№ 27) кости покойника были обуглены, но скелетъ сохранился и курганъ не можетъ быть отнесенъ къ числу погребеній съ сожженіемъ.

Положеніе скелета.

Всѣ скелеты въ древлянскихъ могилахъ лежали на спинѣ, обращенные головою къ З., ногами къ В.; впрочемъ, оріентировка скелетовъ не всегда точно совпадала съ компасомъ, часто встрѣчались большія или меньшія отклоненія головы къ С.-З. или Ю.-З.; обстоятельство это, вѣроятно, произошло отъ того, что хоронившіе покойниковъ оріентировали ихъ положеніе по направленію восхода солнца въ самое время совершенія похоронъ, вслѣдствіе чего зимою происходило отклоненіе головы къ Ю.-З., а лѣтомъ къ С.-З. Только въ 6 случаяхъ (2%) скелеты оказались лежавшими головою къ В. и ногами къ З. [43]). Положеніе это, совершенно исключительное, указываетъ, можетъ быть, на иноземное происхожденіе покойниковъ, или на особый обычай, значеніе котораго намъ не понятно.

Положеніе рукъ можно было опредѣлить въ 143 случаяхъ; положеніе это было самое разнообразное; въ половинѣ случаевъ (74 раза) обѣ руки занимали одинаковое положеніе, въ другой половинѣ (69 разъ) каждая рука была положена иначе, причемъ безразлично правая или лѣвая руки занимали то или другое мѣсто. Вообще положеніе рукъ можетъ быть изображено слѣдующею таблицею:

Обѣ руки протянуты вдоль тѣла	31	случай.
Обѣ ручныя кисти сложены на поясницѣ. . . .	19	„
Обѣ ручныя кисти сложены на лобковыхъ костяхъ .	14	„
Обѣ ручныя кисти сложены на груди	8	„
Обѣ ручныя кисти втиснуты подъ мышки. . . .	2	„
Одна рука протянута вдоль тѣла	24	„
Одна ручная кисть покоилась на поясницѣ . . .	33	„
Одна ручная кисть покоилась на лобковыхъ костяхъ	32	„
Одна ручная кисть покоилась на груди	19	„
Одна ручная кисть втиснута подъ мышку. . . .	24	„
Одна ручная кисть положена у головы	3	„
Одна ручная кисть положена у шеи	3	„

Такимъ образомъ, то положеніе рукъ, которое встрѣчалось чаще всего (30%) было: руки протянутыя вдоль тѣла, при чемъ кисти ихъ лежали или подъ костями таза, или по большей части у верхнихъ частей бедренныхъ костей. Затѣмъ довольно часто (25%) встрѣчалось такое положеніе рукъ, при которомъ они были согнуты

[43]) Грубскъ №№ 24, 25, 26 и 50, Вчорайше № 11, Городище № 1.

въ локтяхъ и ручныя кисти лежали на поясничныхъ позвонкахъ; затѣмъ во многихъ случаяхъ, повидимому, чаще въ женскихъ гробницахъ, то обѣ, то одна ручныя кисти были положены на лобковыхъ костяхъ (21°/₀). Рѣже встрѣчались случаи, въ которыхъ ручныя кисти покоились на грудной клѣткѣ (12°/₀), и, наконецъ, тѣ случаи, въ которыхъ руки были сильно согнуты въ локтяхъ такъ, что кости предплечія прилегали къ плечевымъ и ручныя кисти были втиснуты подъ мышки (10°/₀); нѣкоторое видоизмѣненіе послѣдняго положенія рукъ представляютъ тѣ немногочисленные случаи (2°/₀), въ которыхъ руки оказались также сильно согнутыми въ локтяхъ, но кисти находились не подъ мышками, а у лицевыхъ или черепныхъ костей или у шеи.

Ноги были постоянно протянуты вдоль по направленію тѣла и лежали рядомъ; нѣсколько случаевъ, въ которыхъ ноги были то согнуты, то одна нога отодвинута въ сторону, составляютъ весьма рѣдкое исключеніе и могутъ быть отнесены къ случайностямъ. Нѣсколько чаще [44]) (11 разъ=$4^1/_2$ °/₀) ноги были нѣсколько раздвинуты въ колѣнахъ и колѣни выдавались наружу.

Вездѣ, гдѣ кости лежали въ порядкѣ и гдѣ сохранность ихъ была достаточна для опредѣленія конечныхъ точекъ, измѣренъ былъ ростъ скелетовъ; конечными точками при этомъ приняты: брегма и основаніе пяточной кости. При этомъ скелеты несовершеннолѣтнихъ субъектовъ и лицъ съ ненормальными видоизмѣненіями скелета (напримѣръ, горбатыхъ) оставлены были въ сторонѣ и измѣреніе ихъ роста не принято во вниманіе для общаго средняго вывода. Вообще цыфръ измѣренія роста въ моихъ раскопкахъ собрано было 105 и въ раскопкѣ г. Гамченка 25. Средній ростъ, основанный на этихъ 130 измѣреніяхъ, даетъ цыфру $1{,}67^1/_4$ метра или, точнѣе, 1,67246 метра. Такимъ образомъ ростъ людей, похороненныхъ въ древлянскихъ курганахъ, представляетъ цыфру выше средняго роста [45]).

Значительное большинство череповъ, найденныхъ въ древлянскихъ курганахъ, оказались принадлежащими къ типу короткоголовому. Средній указатель 43-хъ измѣренныхъ череповъ=80,7 т. е. брахицефализмъ развитъ довольно слабо. Сверхъ того, 23 черепа изъ всѣхъ изслѣдованныхъ кургановъ не представляли типа короткоголоваго; въ моихъ раскопкахъ 2 черепа оказались среднеголовыми, 3 субдолихоцефалами и 10 длинноголовыми. Изъ 8 череповъ, измѣренныхъ г. Гамченкомъ, одинъ оказался среднеголовымъ, 3 судболихоцефалами и 4 длинноголовыми. Прилагаю таблицу указателей этихъ череповъ.

Котельня № 3	78	мезоцефалы.
„ № 5	78	„
Житоміръ (г. Гамченко) № 21	78,26	„
Житоміръ (г. Гамченко) № 26	76,38	субдолихоцефалы.
Стрыжавка № 6.	77	„
„ № 8.	78	„
Городскъ № 2	77	„

[44]) Житоміръ 7 разъ. Стрыжавка 3 раза, Грубскъ 1 разъ.

[45]) Topinard –Elements d'Anthropologie générale, стр. 463. Предѣлы, указанные для выше средняго роста= = 1,65 — 1,69 метра.

*

Житоміръ (г. Гамченко) № 43	77,4	субдолихоцефалы.
„ „ № 12	77,11	„
Ягнятинъ № 4	74	долихоцефалы.
Буки № 27	74	„
Грубскъ № 24	74	„
Житоміръ (г. Гамченко) № 22	74	„
Ягнятинъ № 3	73,5	„
„ № 6	73,33	„
Житоміръ (г. Гамченко) № 4	73,33	„
„ „ № 40	73,23	„
Буки № 2	72	„
„ № 26	72	„
Житоміръ (г. Гамченко) № 7	71,39	„
Грубскъ № 2	70	„
Ольшополь № 6.	70	„
Искорость № 3	69	„

Если вывести средній указатель изъ всѣхъ измѣренныхъ 66 череповъ, то общій средній указатель будетъ представлять 78,52 т. е. типъ среднеголовый, болѣе близкій къ короткоголовому, чѣмъ къ длинноголовому.

Нѣкоторыя части скелетовъ, въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ, представляли особенности, отличавшія ихъ отъ нормальныхъ скелетовъ. Такъ, въ 3 случаяхъ [46]) лобная кость раздѣлена была продольнымъ швомъ, составлявшимъ продолженіе стрѣловиднаго (Sutura medio-frontalis); въ двухъ случаяхъ [47]) затылочная кость оказалась раздѣленною прибавочнымъ горизонтальнымъ швомъ, вслѣдствіе чего образовалась прибавочная кость, такъ называемая кость Инковъ. У двухъ скелетовъ [48]) кости нижнихъ конечностей представляли нѣкоторыя измѣненія, свойственныя скелетамъ, болѣе архаическимъ: большія берцовыя кости были значительно сплюснуты съ боковъ и представляли переходныя формы къ tibia platycnemia; на задней сторонѣ бедренныхъ костей linea aspera возвышалась значительно болѣе обыкновеннаго.

На нѣкоторыхъ скелетахъ замѣчены были болѣзненныя или травматическія поврежденія костей. Такъ, въ числѣ найденныхъ скелетовъ два [49]) оказались съ значительнымъ искривленіемъ спереди назадъ позвоночнаго хребта, при чемъ позвонки, составлявшіе горбъ, оказались срощенными. Въ одномъ изъ кургановъ у д. Ольшополя (№ 1) найдена была бедренная кость, переломанная при жизни и сросшаяся боковыми сторонами отломковъ, что свидѣтельствуетъ объ отсутствіи правильнаго лѣченія. На трехъ скелетахъ [50]) найдены были слѣды весьма серьезныхъ пораненій черепа, въ одномъ изъ нихъ ударъ проломилъ не только наружную, но и внутреннюю

[46]) Буки № 27, Грубскъ № 2, Минины № 2,
[47]) Ягнятинъ № 3, Грубскъ № 6.
[48]) Буки № 1, Головки № 1.
[49]) Коростышевъ № 4, Городскъ № 9.
[50]) Ягнятинъ № 6, Городскъ № 2 и 4.

malinam vitream; всѣ три раны зажили при жизни пострадавшихъ и оказались въ значительной мѣрѣ выполненными костнымъ мозолемъ. Наконецъ, разъ только найденъ былъ черепъ искусственно деформированный (Ягнятинъ № 4); деформація выражалась присутствіемъ четырехъ болѣе или менѣе объемистыхъ площадокъ, представлявшихъ углубленія на поверхности черепныхъ костей; она подробнѣе описана въ очеркѣ Ягнятинскаго могильника.

Предметы, найденные въ могилахъ.

Оружіе въ древлянскихъ могильникахъ встрѣчалось весьма рѣдко. Находилось оно почти исключительно въ небольшомъ могильникѣ на урочищѣ „Быковщина" около Грубска; здѣсь были найдены четыре желѣзныя копья, кинжалъ, ножъ и наконечникъ желѣзной стрѣлы. Наконечники копій были небольшіе (29—30 сантим. длиною), состояли изъ втулки и небольшаго острія; кинжалъ состоялъ изъ треугольнаго клинка (39 сант. длины) и рукоятки (10 сант. длины), выкованныхъ изъ одного куска желѣза; въ верхней, широкой, части клинка находилась треугольная скважина, раздѣленная двумя поперечными перемычками. Наконечникъ стрѣлы плоскій, ланцетовидный, длиною въ 4 сантим., прикрѣплялся къ древку посредствомъ черешка. Въ другихъ могильникахъ оружія вовсе не было, только въ двухъ случаяхъ [51]) въ гробницахъ встрѣтились четырехгранныя желѣзныя острія безъ втулокъ, съ тупыми задними концами, которыя, можетъ быть, служили наконечниками небольшихъ копій или дротиковъ. Затѣмъ, къ вооруженію могутъ быть отнесены двѣ желѣзныя шпоры, найденныя въ двухъ курганахъ у Житоміра. Такимъ образомъ предметовъ вооруженія найдено 11; они заключались въ 7 курганахъ, т.-е. только $2^1/_2$ % кургановъ содержали боевыя принадлежности.

Предметы домашняго быта встрѣчались гораздо чаще: глиняные сосуды очень рѣдко находились въ могилахъ, хотя, судя по многочисленнымъ черепкамъ, лежавшимъ какъ въ самихъ могилахъ, такъ и въ насыпи кургановъ, они были во всеобщемъ употребленіи у народа, насыпавшаго курганы. Вѣроятно, погребальный обрядъ не требовалъ постановки сосудовъ въ могилы. Въ большинствѣ случаевъ въ гробницахъ встрѣчались только обломки горшковъ, иногда днища, изъ которыхъ нѣкоторыя были обозначены клеймами. Чистота матеріала и его качество, а также тщательность обжога горшковъ были различны въ разныхъ экземплярахъ. Цѣлыхъ сосудовъ найдено только пять [52]); судя по этимъ экземплярамъ, горшечныя издѣлія приготовлялись съ помощью гончарнаго круга; четыре найденные сосуда имѣютъ видъ широкогорлыхъ кувшиновъ безъ ушей, съ расширенными боками и отогнутымъ наружу вѣнчикомъ—одинъ представляетъ плоскую, широкую миску. Сосуды эти или вовсе не орнаментированы, или украшены только рядами горизонтальныхъ выпуклыхъ линій.

---

[51]) Коростышевъ № 8 и Вчорайше № 8.

[52]) Грубскъ № 10, 19, 58 и Житоміръ, раскопки г. Гамченка № 12 и 43.

Въ 14 случаяхъ въ могилахъ найдены были остатки ведеръ [53]). Ведра эти стояли постоянно у ногъ скелетовъ съ правой стороны; только въ одномъ случаѣ, раскопка г. Гамченка (№ 29) ведро помѣщено было у темени скелета. Ведра были деревянныя, но дерево истлѣло и отъ него осталась только бурожелтая пыль; уцѣлѣли лишь желѣзные обручи, оковывавшіе ведра, отъ 2 до 4 на каждомъ, также желѣзныя съ загнутыми концами дужки, на которыя навѣшивались желѣзныя стойки, прикрѣплявшіяся къ бокамъ ведра. Ведерца весьма незначительныхъ размѣровъ; діаметръ обручей въ 9 случаяхъ, гдѣ возможно было ихъ измѣрить, равнялся 12—28 сантиметрамъ; средній діаметръ былъ въ 18 сант., ширина обручей не превышала одного сантиметра.

Къ числу сосудовъ, находившихся въ могилахъ, относится чаша, найденная у Житоміра (№ 22) въ лѣвой рукѣ скелета, лежавшей на его груди; чаша эта была приготовлена изъ отпиленной верхней части человѣческаго черепа; два другіе экземпляра отмѣчены въ раскопкѣ г. Гамченка (№№ 8 и 11). Указаніе на подобное употребленіе человѣческаго черепа найдено въ томъ же могильникѣ; въ № 29 лежала куча человѣческихъ костей, сваленныхъ въ безпорядкѣ, и среди нихъ оказалась нижняя часть лобной кости, отъ которой явственно была отпилена верхняя чешуйчатая часть.

Для добыванія огня служили огнива и кремни. Желѣзныя огнива встрѣтились только 5 разъ (4 у Житоміра и 1 у Городища); они имѣли форму, употреблявшуюся до послѣдняго времени; были сдѣланы изъ желѣзной полосы, утонченные концы которой сгибались съ обѣихъ сторонъ въ видѣ буквы В или кренделя. Кремни, по большой части съ окресанными краями, встрѣчались гораздо чаще (14 случаевъ), иногда они лежали вмѣстѣ съ огнивами, иногда же рядомъ съ кремнями находились желѣзные ножики или даже гвозди [54]), замѣнявшіе, вѣроятно, нерѣдко огнива. Принадлежности, служившія для добыванія огня, носились въ кожаныхъ мѣшечкахъ; остатки двухъ такихъ мѣшечковъ найдены два раза [55]); оба раза они находились у локтевыхъ костей правой или лѣвой руки. Въ одномъ изъ указанныхъ случаевъ мѣшокъ былъ довольно большихъ размѣровъ, до 30 сантиметровъ длиною, и на днѣ его, кромѣ огнива, хранились: маленькій брусокъ, 2 куска сѣры и 3 астрагала (бараньи); подобныя кости въ значительномъ количествѣ найдены были г. Самоквасовымъ въ Черной могилѣ у Чернигова; въ настоящее время онѣ употребляются дѣтьми для особенной игры, называемой „паци“. Мѣшечекъ, въ которомъ лежали всѣ перечисленные предметы, стягивался у верхняго отверстія посредствомъ 4 крупныхъ колецъ: одного желѣзнаго и 3 литыхъ бронзовыхъ.

Почти во всѣхъ могильникахъ встрѣчались при скелетахъ небольшіе желѣзные ножики; чаще всего они лежали у лѣвой ручной кисти или у пояса, хотя встрѣчались и въ другихъ отношеніяхъ къ скелетамъ. Ножики эти состояли изъ клинка отъ 6 до 10 сантим. длиною и отъ 1—2 сантим. шириною, остраго только съ одной стороны, и изъ черенка отъ 3—5 сантим. длиною; на нѣкоторыхъ экземплярахъ най-

[53]) Грубскъ № 5, 22, Городскъ № 1, Искорость № 5, Житоміръ № 3, 5, 6, (2 экземпляра), 8, 13, 16 и въ раскопкѣ г. Гамченка № 3, 29, 39.

[54]) Напримѣръ у Грубска № 28, 29, 39, 47.

[55]) Житоміръ № 32, раскопка г. Гамченка № 38.

дены остатки деревянной или костяной оправы, въ которую вставленъ былъ черенокъ; въ двухъ случаяхъ оправа эта, непосредственно ниже клинка, оказалась укрѣпленною нѣсколькими оборотами тонкой бронзовой проволоки[56]). Всѣхъ ножиковъ найдено было 26.

Изъ орудій, назначенныхъ для спеціальныхъ занятій, найдены въ двухъ могилахъ серпы[57]), размѣромъ и формою не отличающіеся отъ современныхъ, и въ двухъ могилахъ пряслицы изъ краснаго шифера[58]); одно изъ нихъ лежало нѣсколько ниже кисти правой руки женскаго скелета, такъ что можно полагать, что покойницѣ въ руку положено было веретено. Сюда относится также желѣзный молотокъ, найденный г. Гамченкомъ (№ 13), который, по формѣ, признанъ имъ, весьма правдоподобно, кузнечнымъ молотомъ.

Къ числу бытовыхъ предметовъ, значеніе которыхъ мы не можемъ опредѣлить, относятся 5 желѣзныхъ острій, найденныхъ въ могилахъ у Грубска (№№ 1, 16, 21, 42 и 49); у тупыхъ концевъ двухъ изъ нихъ сохранились вдѣтыя въ нихъ круглыя желѣзныя кольца; также 2 большіе желѣзные крюка, лежавшіе въ могилѣ (№ 3) у Головокъ.

Одежда. Покрой одежды и матеріалъ, изъ котораго она изготовлялась, не можетъ быть опредѣленъ; въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ можно было констатировать ея слѣды, она оказалась превратившеюся въ черную, бурую или фіолетовую, весьма рыхлую пыль, облегавшую кости скелета. Только въ весьма немногихъ случаяхъ, гдѣ къ одеждѣ прилегали металлическіе предметы, сохранились небольшіе ея клочки, пропитанные окисью; такіе клочки чаще всего встрѣчались у шеи, благодаря металлическимъ застежкамъ, скрѣплявшимъ воротъ; но и эти уцѣлѣвшіе куски ткани не давали возможности судить о ея составѣ; по большей части они представляли черно-бурую массу съ едва замѣтными очертаніями продольныхъ и поперечныхъ нитокъ, повидимому пеньковыхъ. Въ одномъ только случаѣ (Стрыжавка № 36), по сохранившемуся куску ворота можно было замѣтить, что онъ былъ обложенъ шелковою лентою, перетканою золотыми и серебряными нитками. Въ двухъ курганахъ у села Минины (№№ 6 и 7) скелеты найдены были обернутыми въ толстый полуистлѣвшій слой органическаго вещества, въ составѣ котораго замѣчались шерстяныя, перепутанныя взаимно волокна; вещество это составляло особенно толстый слой на шеѣ, на груди, на нижней части предплечій и на головѣ, гдѣ достигало до 4 сантиметровъ толщины; вѣроятно, это были остатки овчинныхъ тулуповъ и такихъ же шапокъ. Воротъ одежды застегивался на шеѣ особою застежкою, которая состояла либо изъ серебрянаго или бронзоваго кольца, либо изъ бусъ, или изъ бронзовыхъ пуговицъ; на пуговицы или бусы надѣвалась ременная петля, въ кольца же она продѣвалась; остатки этой ременной петли въ нѣсколькихъ случаяхъ уцѣлѣли (см. Стрыжановка №№ 10 и 36). Бусы, составлявшія застежку, встрѣчались различнаго состава: сердоликовыя, серебряныя, бронзовыя, стеклянныя обтянутыя золотомъ, сдѣланныя изъ глинистой разноцвѣтной пасты; въ составъ застежки входила одна буса или нѣсколько разнород-

[56]) Городище № 3, Житоміръ въ раскопкѣ г. Гамченка № 3.
[57]) Житоміръ № 25 и раскопка г. Гамченка № 21.
[58]) Житоміръ № 7 и раскопка г. Гамченка № 1.

ныхъ бусъ, сгруппированныхъ въ видѣ розетки; пуговицы на застежкахъ встрѣчались отъ одной до трехъ. Въ одномъ случаѣ (Вчорайше № 15) застежка состояла изъ крупной серебряной бляхи, покрывавшей, вѣроятно, органическое истлѣвшее полушаріе, и украшенной особымъ выбивнымъ (repoussé) орнаментомъ.

Въ четырехъ только случаяхъ найдены были остатки пояса; два изъ нихъ состояли изъ ткани (Головки № 7 и Житоміръ въ раскопкѣ г. Гамченка № 39) и два изъ ремня (Грубскъ № 14 и Вчорайше № 2). Пряжки, застегивавшія поясъ, встрѣтились въ 7 случаяхъ [59]); пряжки были бронзовыя и серебряныя, различной формы; самая красивая найдена у Грубска (№ 14); она состояла изъ плоскаго серебрянаго кольца и такого же наконечника; оба предмета украшены узоромъ. У кожаныхъ поясовъ висѣли ремни; часть одного изъ нихъ, покрытая бронзовымъ точенымъ орнаментомъ, найдена была у Вчорайшаго (№ 2); на концахъ этихъ ремней встрѣчались толстыя литыя бронзовыя кольца, служившія, вѣроятно, для прикрѣпленія къ нимъ различныхъ предметовъ [60]).

Въ нѣкоторыхъ могилахъ уцѣлѣли остатки обуви, въ трехъ случаяхъ обувь совершенно сохранилась [61]) такъ, что можно было составить себѣ ясное понятіе какъ о матеріалѣ, служившемъ для ея изготовленія, такъ и объ ея формѣ. Она состояла изъ тонкой вычиненной кожи, сложенной въ два пласта. Имѣла видъ небольшихъ полусапоговъ, достигавшихъ немного выше лодыжки съ широкими отворотами, спускавшимися до стопы. Подошвы не было и сапогъ состоялъ изъ 4 пластинъ, сшитыхъ четырьмя продольными швами: 2 по бокамъ, 1 вдоль подошвы и 1 по серединѣ верхней поверхности стопы. Спереди сапоги оканчивались острыми носками.

Украшенія. У головы чаще всего встрѣчались украшенія, вплетавшіяся въ длинныя женскія косы; косы эти потомъ или укладывались на головѣ, или свободно опускались вдоль плечевыхъ костей. Въ концѣ косы встрѣчались иногда вплетенные ремни [62]) и укрѣплявшія косу сверху кольца: одно или нѣсколько при каждомъ почти женскомъ скелетѣ; кольца были тонкія, сдѣланныя изъ серебряныхъ или бронзовыхъ проволокъ; кромѣ колецъ, въ концы косы вплетались иногда различнаго состава бусы. Въ четырехъ случаяхъ окись, образовавшаяся на кольцахъ, пропитала волосы и сохранила небольшія ихъ пряди [63]); въ трехъ случаяхъ уцѣлѣвшіе волосы были чернаго цвѣта, въ одномъ—оранжеваго. Въ одномъ случаѣ (Житоміръ № 13) кольцо, украшавшее волосы, было весьма значительныхъ размѣровъ (5 сантим. въ діаметрѣ) и прилегало къ правой височной кости. Въ одномъ изъ Житомірскихъ кургановъ (№ 31) найдено особое головное украшеніе, состоявшее изъ 7 тонкихъ серебряныхъ колецъ и одного бронзоваго, нанизанныхъ на валекъ изъ березовой коры; украшеніе это, въ видѣ вѣнчика, было расположено на верхней части лобной кости. Въ Житомірскомъ же могильникѣ въ 9 курганахъ моей раскопки и, какъ мнѣ кажется, въ четырехъ курганахъ раскопки г. Гамченка, найдены на задней сторонѣ головы

[59]) Вчорайше № 13, Городище № 1, Головки № 7, Грубскъ №№ 7, 14, 46, Житоміръ, раскопки Гамченка №№ 15, 39.
[60]) Буки №№ 2 и 33, Грубскъ №№ 16, 17, 21, 30.
[61]) Вчорайше № 13, Минины №№ 3, 7.
[62]) Стрыжавка № 10, Ольшополь № 5.
[63]) Коростышевъ № 7, Житоміръ № 20, у г. Гамченка №№ 1 и 43.

остатки особаго рода головнаго убора, можетъ быть, шапочки; уборъ этотъ состоялъ изъ березовой коры, обтянутой сверху шерстяною тканью, на наружной сторонѣ которой нашиты были серебряныя колечки и стеклянныя, обтянутыя золотомъ, бусы, по серединѣ же находилась одна крупная буса, сдѣланная изъ серебра или изъ сердолика.

У темянныхъ костей найдено было 19 сережекъ; онѣ находились безразлично у праваго или лѣваго уха, рѣдко у обоихъ, состояли изъ тонкихъ серебряныхъ или бронзовыхъ колечекъ и въ одномъ только случаѣ (Ягнятинъ № 10) изъ золотой проволоки. Въ большинствѣ случаевъ серьги отличались отъ колецъ, имѣвшихъ другое назначеніе, тѣмъ, что проволока, изъ которой онѣ состояли, сгибалась не въ видѣ правильнаго круга, но представляла въ серединѣ какъ бы закругленный уголъ. Концы проволоки не спаянные обыкновенно отдѣлялись другъ отъ друга небольшимъ промежуткомъ. Проволоки были круглыя, гладкія безъ украшеній; только въ двухъ случаяхъ на нихъ надѣты были маленькія розетки: въ одномъ экземплярѣ (Грубскъ № 20) ихъ было пять, въ другомъ (Житоміръ, раскопка г. Гамченка № 37) — двѣ; розетки эти состояли изъ ряда пяти или шести металлическихъ шариковъ. Среди серегъ, а также среди колецъ, входившихъ въ составъ головнаго убора, найдено 12 экземпляровъ, представлявшихъ ту особенность, что одинъ изъ неспаянныхъ концовъ былъ отогнутъ назадъ и представлялъ какъ бы подобіе двойной спирали въ видѣ сильно сплюснутой буквы S.

Въ двухъ только случаяхъ на шеѣ найдено было монисто; въ одномъ случаѣ (Грубскъ № 37) оно состояло изъ мелкихъ бусинокъ желтаго и зеленаго цвѣта, совершенно разложившихся, въ другомъ (Житоміръ, раскопка г. Гамченка № 22)— изъ трехъ рядовъ стеклянныхъ позолоченныхъ и посеребренныхъ бусъ.

Только въ одномъ случаѣ (Житоміръ № 1) г. Гамченко нашелъ на рукѣ скелета браслетъ, согнутый изъ толстой, круглой, гладкой проволоки съ неспаянными концами. На пальцахъ перстни и кольца встрѣчались довольно часто; они были надѣты на различные пальцы и находились безразлично на правой и на лѣвой рукахъ; дѣлались они чаще изъ серебра, рѣже изъ бронзы. Вообще украшенія пальцевъ представляли три различные типа: чаще всего встрѣчались кольца (29 экземпляровъ), согнутыя изъ круглой тонкой проволоки съ свободными концами, раздѣленными небольшимъ промежуткомъ; иногда концы заходили спиралью другъ на друга, образуя $1^1/_8$ оборота спирали. Въ 15 случаяхъ встрѣтились болѣе массивные перстни, сдѣланные изъ нѣсколькихъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ; на концахъ проволоки становились тоньше и сливались вмѣстѣ; вѣроятно, онѣ были заклепаны на концахъ. Обыкновенно въ составъ жгута входили двѣ проволоки, но въ одномъ случаѣ (Стрыжавка № 10) перстень состоялъ изъ четырехъ, а въ другомъ (Котельня № 5) изъ шести взаимно переплетающихся проволокъ. Рѣже всего, только въ 8 случаяхъ, перстни были приготовлены изъ плоскихъ серебряныхъ пластинокъ[64]); при этомъ способъ изготовленія замѣчался различный: 3 экземпляра сдѣланы изъ тонкой пластинки, утонченные концы которой связаны узлами; остальные пять экзем-

[64]) Буки № 4, Грубскъ №№ 1, 17, 29, Стрыжавка № 10, Житоміръ, раскопка г. Гамченка №№ 3, 7, 35.

пляровъ, повидимому, отлиты въ формахъ, причемъ одинъ изъ нихъ (Стрыжавка № 10) покрытъ узоромъ.

Въ древлянскихъ могилахъ оружіе и бытовыя орудія всѣ сдѣланы изъ желѣза, украшенія изъ серебра и бронзы, въ одномъ только экземплярѣ встрѣтилось золото. Серебряныя украшенія встрѣчались гораздо чаще, чѣмъ бронзовыя; на 269 предметовъ: колецъ, перстней, пряжекъ, серегъ, запонокъ, бусъ металлическихъ, 193 оказались серебряными, только 75 бронзовыми и 1 золотымъ, т.-е. серебро составляло 72% и бронза около 28%. Серебро въ огромномъ большинствѣ случаевъ очень низкопробно и покрывалось въ землѣ толстымъ слоемъ зеленой окиси; въ нѣсколькихъ случаяхъ, гдѣ серебро было чище, на предметахъ встрѣчалась окись въ видѣ легкаго темнофіолетоваго налета. Большинство металлическихъ украшеній приготовлены изъ проволокъ, согнутыхъ въ кольца; концы проволокъ ни въ одномъ случаѣ не были спаяны, оставались по большей части свободными, иногда были связаны узлами; нѣкоторые предметы: перстни, пряжки, поясныя кольца, были отлиты въ формахъ.

Въ украшеніяхъ головы и шеи, а также въ составѣ запонокъ, встрѣчались бусы различной формы и изъ различнаго матеріала. Всѣхъ бусъ найдено было 121; по составу своему они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Стеклянныхъ позолоченныхъ	68
Стеклянныхъ безъ позолоты	7
Сердоликовыхъ	17
Бронзовыхъ	12
Серебряныхъ	13
Изъ глинистой пасты	3
Янтарная	1

Чаще всего встрѣчались стеклянныя цилиндрическія бусы, обтянутыя снаружи листикомъ золота, прикрытымъ, въ свою очередь, тонкимъ слоемъ стекла. Подобнаго же приготовленія бусы, болѣе мелкія и спаянныя по двѣ, покрытыя серебрянымъ листкомъ вмѣсто золотаго, входили въ составъ мониста, найденнаго г. Гамченкомъ (№ 22). Бусы, сдѣланныя изъ стекла цвѣтнаго (желтаго или зеленаго) и не покрытыя металлическимъ листикомъ, встрѣтились только 7 разъ; онѣ были круглыя или имѣли видъ двухъ конусовъ, соединенныхъ основаніями. Найдены были только 3 бусы, приготовленныя изъ глинистой пасты желтой или красной, цилиндрической формы. Чаще встрѣчались бусы изъ сердолика; онѣ почти всѣ были граненыя въ форму октаедровъ, призмъ, дисковъ и т. п. Бронзовыя бусы имѣли постоянно одну форму: онѣ представляли цилиндръ, состоявшій на наружной поверхности изъ рядовъ соприкасавшихся шариковъ; рядовъ этихъ было по большей части 3 и каждый содержалъ 6 шариковъ; на внутренней поверхности, кругомъ отверстія, шарики сливались въ сплошную поверхность. Серебряныя бусы встрѣчались трехъ родовъ; болѣе мелкія были сдѣланы точно такъ, какъ только что описанныя бронзовыя, болѣе крупныя: въ пяти случаяхъ представляли эллипсоиды, сдѣланные изъ множества, связанныхъ между собою, тонкихъ серебряныхъ нитокъ, густо унизан-

ныхъ мелкимъ серебрянымъ бисеромъ; въ пяти другихъ случаяхъ крупныя серебряныя бусы состояли изъ трехъ пластинокъ, раздѣленныхъ между собою широкими скважинами и покрытыхъ точечнымъ орнаментомъ. Наконецъ, въ одномъ только случаѣ (раскопки г. Гамченка № 12) найдена была янтарная буса.

Металлическіе предметы весьма рѣдко были украшены орнаментомъ; кромѣ трехъ серебряныхъ бусъ съ точечнымъ орнаментомъ, встрѣтилось только пять орнаментированныхъ предметовъ: 1) Бронзовая пряжка, найденная у Вчорайшаго (№ 13), которой рамка отлита въ видѣ спирально вьющагося валика и по четыремъ угламъ ея выдаются шарики. 2) Найденная тамъ же (№ 15) серебряная бляха, покрывавшая запонку, украшена двумя выпуклыми, крестообразно пересѣкающимися, валиками, которые раздѣляютъ выпуклую поверхность бляхи на 4 треугольника; въ каждомъ изъ треугольниковъ выдается по три крупныхъ шарика. 3 и 4) Круглая пряжка и наконечникъ пояса, найденные у Грубска (№ 14), а также 5) широкій серебряный перстень изъ Стрыжавки (№ 10), покрытый орнаментомъ, главный мотивъ котораго состоитъ изъ кривой, вьющейся линіи, къ которой примыкаютъ прибавки, представляющія подобіе листиковъ или цвѣтковъ.

Если сличимъ данныя, добытыя изъ древлянскихъ могильниковъ, съ свѣдѣніями. занесенными въ первоначальную русскую лѣтопись о Древлянахъ, то, можетъ быть, до нѣкоторой степени найдемъ возможность дополнить лѣтописныя свѣдѣнія, довольно, впрочемъ, скудныя о бытѣ этого племени.

Лѣтописецъ, передавая народныя преданія о борьбѣ Древлянъ съ Полянами и о завоеваніи Древлянской земли кіевскими князьями, находился, какъ кажется, подъ впечатлѣніемъ этихъ преданій и нѣсколько субъективно увлекался мѣстнымъ полянскимъ патріотизмомъ; по его мнѣнію, Поляне значительно превосходили культурою своихъ сосѣдей, которые „сѣдоша въ лѣсѣхъ“, „живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотьски“. Несмотря, однако, на эту общую, невыгодную для Древлянъ, характеристику, въ дальнѣйшемъ разсказѣ лѣтописи мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о значительномъ развитіи гражданственности у этого племени. У Древлянъ было много городовъ [65]), землею управляли старшины „мужи, иже держатъ Деревьскую землю“, князья древлянскіе заботились о благосостояніи своей земли: „князья наши добры суть, иже роспасли суть деревьску землю“, говорятъ Ольгѣ древлянскіе послы. Древляне совѣщались о политическихъ сношеніяхъ, отправляли посольства, признавали необходимость вознагражденія за нанесенную обиду. Факты, добытые изъ раскопокъ древлянскихъ могильниковъ, подтверждаютъ свѣдѣнія лѣтописи о значительной степени развитія древлянской культуры и противорѣчатъ общей характеристикѣ о „звѣрскомъ и скотскомъ“ образѣ жизни Древлянъ. Правильный, установившійся прочно обрядъ погребенія свидѣтельствуетъ, повидимому, о существованіи вполнѣ опредѣленныхъ религіозныхъ представленій о загробной жизни. Судя по найденнымъ предметамъ, мы видимъ, что Древляне вели по преимуществу жизнь

[65]) Ипат. лѣт., стр. 37: «Деревляне же побѣгоша и затворишася въ городѣхъ своихъ».

осѣдлую, мирную; полное почти отсутствіе оружія въ древлянскихъ могилахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что воинственность была имъ чужда. Эта черта была, вѣроятно, причиною перевѣса надъ ними Полянъ и ранняго завоеванія древлянской земли, не смотря на ея обширное пространство и численность ея жителей, оставившихъ многочисленные могильные памятники. Зато въ древлянскихъ могилахъ мы встрѣчаемъ предметы, доказывающіе существованіе многихъ мирныхъ занятій, не найденные понынѣ въ гробницахъ бывшей полянской территоріи: серпы указываютъ несомнѣнно на то, что хлѣбопашество существовало въ древлянской землѣ; многочисленные черепки и нѣсколько цѣльныхъ сосудовъ удостовѣряютъ въ существованіи гончарнаго промысла, довольно развитаго, судя по тому, что уцѣлѣвшіе экземпляры церамическихъ издѣлій приготовлены на гончарномъ кругѣ. Знакомство Древлянъ съ бочарствомъ удостовѣряется присутствіемъ въ могилахъ деревянныхъ ведеръ, окованныхъ желѣзными обручами. Многочисленные предметы, приготовленные изъ желѣза: ножи, огнива, гвозди, острія и т. д., указываютъ на существованіе кузнечнаго искусства; наконецъ, пряслицы, уцѣлѣвшіе клочки тканей и обуви свидѣтельствуютъ объ обработкѣ пряжи, о ткацкомъ и кожевенномъ промыслахъ. Присутствіе въ насыпяхъ курганныхъ многочисленныхъ костей домашнихъ животныхъ, равно какъ и найденныя въ курганахъ шпоры служатъ указаніемъ на развитіе въ древлянской землѣ скотоводства и коневодства.

Матеріалъ для производства многихъ издѣлій Древляне находили въ собственной странѣ: гончарная глина, шерсть, кожа, прядильныя растенія по всему вѣроятію добывались на мѣстѣ, равно какъ и желѣзо; болотяная желѣзная руда залегаетъ большія пространства въ бывшей древлянской землѣ и по настоящее время служитъ матеріаломъ для добыванія желѣза въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Пряслицы, изъ краснаго шифера, находимыя въ древлянскихъ могилахъ и встрѣчающіяся также въ большомъ количествѣ въ сосѣднихъ съ нею областяхъ, въ земляхъ: полянской, сѣверской, волынской и т. д., производились въ древлянской землѣ: въ Овручскомъ уѣздѣ, въ бассейнѣ рѣки Норыни, существуютъ на большомъ пространствѣ обнаженія краснаго шифера и во многихъ мѣстахъ найдены несомнѣнныя и многочисленныя слѣды мастерскихъ, гдѣ производились эти пряслицы. Заготовленные для пряслицъ кубики изъ краснаго шифера, экземпляры, испорченные при сверленіи и обрѣзываніи, и многочисленные обрѣзки находятся въ большомъ количествѣ на мѣстѣ бывшихъ мастерскихъ. Такія мастерскія констатированы у селъ: Каменщины, Нагорянъ, Хайчи, Коптевщизны [66]). На основаніи этихъ данныхъ можно утверждать, что пряслицы заготовлялись въ большомъ количествѣ въ древлянской землѣ и, быть можетъ, составляли даже предметъ вывозной торговли.

Многіе изъ числа предметовъ, найденныхъ въ курганахъ древлянскихъ, составляютъ предметы иноземнаго производства и свидѣтельствуютъ о торговыхъ связяхъ Древлянъ съ сосѣдями; къ числу такихъ предметовъ принадлежатъ издѣлія изъ серебра, бронзы, стекла и сердолика. Впрочемъ, о районѣ распространенія древлянской торговли судить довольно трудно. Намъ не удалось найти ни одной монеты, ни въ

---

[66]) Коллекціи, собранныя въ названныхъ мѣстностяхъ, хранятся въ музеѣ Кіевскаго университета.

одномъ древлянскомъ курганѣ; такимъ образомъ нѣтъ данныхъ для опредѣленія, хотя бы приблизительно, направленія и времени существованія древлянскихъ торговыхъ сношеній. Можно только предполагать, что сношенія эти носили характеръ торговли мѣновой.

Другіе похоронные типы въ странѣ Древлянъ.

Кромѣ кургановъ, заключающихъ древлянскій похоронный типъ, въ разсматриваемой мѣстности понынѣ встрѣчено было 8 кургановъ и гробницъ каменнаго вѣка и двѣ могилы, такъ называемаго, скиѳскаго типа.

Свѣдѣнія о курганахъ каменнаго вѣка мы встрѣчаемъ въ замѣткахъ слишкомъ поверхностныхъ и краткихъ: 1) У села Чистоголовки, лежащаго въ сѣверной части Радомысльскаго уѣзда, близь Припяти, въ 1853 году въ разрытомъ случайно курганѣ, найдено было 17 экземпляровъ свѣтильниковъ, выдолбленныхъ въ бѣломъ роговикѣ; замѣтка объ этой находкѣ, которою мы пользуемся, не упоминаетъ ни о другихъ предметахъ, ни о похоронномъ типѣ кургана [67]). 2) У м. Коростышева въ разрытомъ курганѣ найденъ былъ скелетъ, обложенный березовою корою; другихъ подробностей и свѣдѣній о предметахъ, сопровождавшихъ скелетъ, въ замѣткѣ, которою мы пользуемся, нѣтъ [68]). 3) У селъ Миніекъ и Карабачина раскопаны были случайно, въ началѣ текущаго столѣтія, 2 кургана—въ одномъ изъ нихъ найденъ былъ каменный полированный молотъ, въ другомъ два значительно истертые точильные камня и нѣсколько ошлифованныхъ, круглыхъ метательныхъ камней; другихъ подробностей объ этой находкѣ мы не нашли у автора, помѣстившаго это извѣстіе, заимствованное имъ изъ изустнаго разсказа [69]). 4) У того же автора мы встрѣчаемъ свѣдѣніе объ открытіи, въ началѣ столѣтія, у села Глинницы нѣсколькихъ гробницъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ и заключавшихъ въ себѣ глиняные сосуды съ нѣсколькими ушками, наполненные золою и жжеными костями и каменныя полированныя орудія [70]). Такую же гробницу открылъ въ 1886 году К. А. Ставровскій у села Збранки, Овручскаго уѣзда, на берегу рѣки Норыни, и, кромѣ сосудовъ, нашелъ въ ней полированный топоръ изъ пестраго кремня [71]). Описаніе двухъ такихъ же гробницъ, открытыхъ у села Вышевичъ, на берегу рѣки Тетерева, помѣщено въ настоящемъ отчетѣ.

Кургановъ скиѳскаго типа въ разсматриваемой мѣстности было понынѣ изслѣдовано, на сколько мнѣ извѣстно, только два: 1) одинъ находился у деревни Малыхъ-Ладыжичъ на сѣверномъ берегу Припяти, въ предѣлахъ Кіевской губерніи. Полагаю, что это самый сѣверный изъ всѣхъ, понынѣ извѣстныхъ кургановъ скиѳскихъ. Въ 1886 году онъ былъ раскопанъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ г. Желинскимъ, изъ письма котораго заимствуются слѣдующія подробности раскопки:

---

[67]) Одинъ изъ свѣтильниковъ и замѣтка о его нахожденіи хранятся въ музеѣ Кіевскаго университета № 476).
[68]) Фундуклей. Обозрѣніе могилъ, валовъ и городыщъ, стр. 67.
[69]) Lippoman. Zastanowienic się nad mogilami etc., стр. 7—8.
[70]) Тамъ же, стр. 11—12.
[71]) Каталогъ университетскаго Кіевскаго музея, № 3109.

„У села Малыхъ-Ладыжичъ, на полѣ, носящемъ названіе „Курганы“, въ $1^1/_2$ версты отъ деревни къ 3 отъ Припети, возвышаются три кургана; раскопанъ былъ одинъ, средній по величинѣ, имѣвшій $2^1/_2$ аршина высоты. Яма была выкопана, начиная отъ вершины кургана; она имѣла видъ прямоугольника, длиною въ сажень отъ востока къ западу и шириною около двухъ аршинъ. Вещи были найдены на глубинѣ болѣе двухъ аршинъ; онѣ лежали по краямъ ямы, а въ серединѣ находились пепелъ и уголь. Кромѣ найденныхъ вещей: кинжала, топорика, частей уздечки, бронзовыхъ украшеній, удилъ и бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, тамъ былъ еще деревянный щитъ, но очень перегнившій; когда его стали приподнимать, онъ распался на части; были также древки стрѣлъ, но они отъ прикосновенія ломались на мелкіе кусочки“.

Изъ раскопки этой г. Желинскій сообщилъ мнѣ обязательно, кромѣ вышеприведенной замѣтки, слѣдующіе бронзовые предметы: 18 наконечниковъ стрѣлъ; всѣ наконечники трехгранные, относятся, по классификаціи Максимовича, къ типу гладкихъ, кромѣ одного – бороздчатаго; затѣмъ нѣсколько обломковъ колецъ отъ уздечки, обломокъ гвоздя съ головкою, двѣ втулки съ остаткомъ въ одной изъ нихъ шнурка, пряжка литая, состоящая изъ кольца съ примыкающимъ къ нему треугольникомъ; часть рукоятки, сдѣланная въ видѣ птичьей головки съ открытымъ клювомъ; двѣ большія круглыя пуговицы и, наконецъ, два весьма оригинальныя украшенія, состоящія изъ круглыхъ, толстыхъ, литыхъ, бляхъ, 6 сантим. въ діаметрѣ. На задней сторонѣ этихъ бляхъ придѣланы по серединѣ толстыя ушки для привѣшиванія, лицевыя же стороны покрыты изображеніемъ человѣческаго лица, съ рельефно-выдающимися бровями, глазами, носомъ и губами; волосы и борода изображены въ видѣ крупныхъ рельефныхъ прямыхъ линій, окружающихъ лице на подобіе лучей со всѣхъ сторонъ. (См. прилагаемое изображеніе).

Другой курганъ скиѳскаго типа былъ раскопанъ мною у мѣстечка Котельни (см. дневникъ № 6). На днѣ кургана, на глубинѣ $3^1/_2$ метровъ отъ его вершины, найдена была шестиугольная яма, вырѣзанная въ подпочвѣ, въ 5,6 метра длиною, 2,25 метра шириною и 1,2 глубиною; она была со всѣхъ сторонъ обложена деревомъ и дерево съ наружной стороны покрыто слоемъ угля; дно могилы было выстлано пластомъ березовой коры. Внутри гробницы найденъ только одинъ позвонокъ отъ человѣческаго остова, другія кости находились въ совершенномъ безпорядкѣ на разныхъ уровняхъ въ насыпи кургана; безпорядокъ въ размѣщеніи костей объяснялся тѣмъ, что вся насыпь кургана, равно какъ и самая гробница, были пронизаны множествомъ норъ и ходовъ, продѣланныхъ обитавшими въ курганѣ грызунами, которые растаскали кости и предметы, лежавшіе въ могилѣ. У западной и восточной стѣнокъ могилы было размѣщено 10 сосудовъ; они были сдѣланы изъ черной лоснящейся глины, нѣкоторые покрыты прямолинейнымъ орнаментомъ; всѣ почти были раздавлены тяжестью земли, такъ что о формѣ ихъ невозможно было составить себѣ яснаго представленія. Удалось извлечь только три небольшіе сосуда цѣльные или почти неразломанные; одинъ изъ нихъ имѣлъ видъ небольшой плоской мисочки (18 сантим. у верхняго края въ діаметрѣ), два другіе представляли небольшіе ковши (9 сантим. въ діаметрѣ) съ круглымъ выпуклымъ дномъ и характерною ручкою,

прикрѣпленною къ сосуду двумя вѣтвями. Другихъ предметовъ въ могилѣ найдено было очень мало; это были: желѣзный ножикъ съ костяною рукояткою, неопредѣленное желѣзное орудіе и кусокъ сѣры.

1.

ПАВОЛОЧЬ

СКВИРА

РУЖИНЪ

Дневники раскопокъ.

I. Раскопки у села Буки, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи (1887 г.).

(См. планъ № 1).

Село Буки лежитъ на южномъ берегу рѣки Раставицы. На сѣверномъ берегу этой рѣки, противъ помѣщичьей усадьбы, находится большое городище „Замокъ". Множество кургановъ разсѣяно по всѣмъ полямъ и лѣсамъ, окружающимъ селеніе; между ними отмѣтимъ слѣдующія главнѣйшія группы: къ Ю.-З. отъ села, на урочищѣ „*Майорщина*" 23 кургана (обложены камнями); къ С.-З. отъ села за рѣчкою, въ лѣсу, называемомъ *Строковщина*, около 150 кургановъ; къ С. отъ села на урочищѣ „Могилки за Березками" 178 кургановъ и рядомъ съ ними, на урочищѣ „Замокъ", вблизи отъ городища 42 кургана; къ С.-З. отъ села, около слободы Краснянки, 9 кургановъ и къ З. отъ села, по дорогѣ въ малые Ерчики 42 кургана. Изъ всѣхъ этихъ кургановъ, до 100, раскопано около 1857 г. помѣщикомъ Абрамовичемъ; результаты раскопки неизвѣстны. Нынѣ описываемыя раскопки производились на урочищѣ „за березками".

Курганъ № 1. Окружность 45 шаговъ, высота $1_m,32$. На глубинѣ $0_m,7$—деревянная постройка изъ бревенъ, лежавшихъ одни выше, другія ниже. На глубинѣ $2_m,14$—человѣческій скелетъ, голова къ З., у темени кисть лѣвой руки; на ней *бронзовый перстень* (фиг. 1). Кругомъ скелета сверху и съ боковъ дубовыя доски, сбитыя *желѣзными гвоздями.*

Ростъ около $1_m,5$; tibia semiplatycnemica, femur съ колонною.

Фиг. 1.

Курганъ № 2 продолговатый. Высота $1_m,67$; окружность 61 шагъ. На глубинѣ $0_m,46$ деревянная постройка изъ дубовыхъ бревенъ; подъ нею, на глубинѣ $2_m,32$ два скелета, на $1_m,65$ ниже деревяннаго сруба.

Въ С. части—скелетъ, головою къ С.-З.; сверху и съ боковъ его толстый слой дубоваго дерева, по мѣстамъ обугленнаго; кости разложились въ пыль.

Въ Ю. сторонѣ -скелетъ обложенъ деревомъ сверху и съ боковъ, голова къ С.-З., правая рука на груди, лѣвая на поясничныхъ позвонкахъ, на правой рукѣ *бронзовый перстень* спирально свитой (того же типа, какъ на фиг. 1), между колѣнами *серебряное кольцо*, представляющее $1^1/_4$ оборота спирали (фиг. 2). Скелеты лежали въ ямахъ, раздѣленныхъ простѣнкомъ нетронутой подпочвы.

Фиг. 2.

Курганъ № 3. Высота $0_m,9$; окружность 37 шаговъ. На глубинѣ $0_m,6$ дерево; скелетъ же на глубинѣ 2_m. Голова на З , сверху и съ боковъ дерево, въ немъ *желѣзные гвозди*; руки на тазовыхъ костяхъ.

Курганъ № 4. Высота $0_m,9$; окружность 38 шаговъ. Дерево на глубинѣ $0_m,55$. Скелетъ на глубинѣ $1_m,75$. Голова къ З., руки скрещены на поясницѣ. Около шеи *буса изъ сердолика*; на пальцѣ руки *бронзовый* плоскій *перстень* (фиг. 3). Ростъ $1_m.5$.

Курганъ № 5. Высота $0_m,55$; окружность 27 шаговъ. На глубинѣ $1_m,7$ скелетъ; голова къ З.; руки вдоль тѣла. Дерево съ боковъ и сверху.

Курганъ № 6. Высота $0_m.4$; окружность 23 шага, обложенъ камнями. На глубинѣ $1_m,3$ скелетъ ребенка. Голова къ Ю.-З., руки вдоль тѣла, дерево съ боковъ и сверху. Ростъ $1_m,3$

Фиг. 3.

Курганъ № 7. Высота 0m,43; окружность 34 шага; обложенъ камнями. Въ курганѣ найдено три скелета: 1) На глубинѣ свыше 1m, голова къ З., сверху дерево; 2) На глубинѣ 1m,3; голова къ Ю.-З., лѣвая рука согнута, кисть у головы. Ростъ 1m,52. 3) На глубинѣ 1m,4; голова къ Ю.-З., обложенъ деревомъ сверху и съ боковъ. Около костей вездѣ замѣтна была фіолетовая пыль отъ остатковъ одежды. На первомъ скелетѣ у обѣихъ сторонъ головы *2 сережки*, сдѣланныя *изъ* тонкой *бронзовой проволоки* (фиг. 4) и на рукѣ раскрошившееся *бронзовое кольцо* спирально свитое.

Фиг. 4.

Курганъ № 8. Высота 0m,5; окружность 28 шаговъ, окруженъ камнями. На глубинѣ свыше 1m скелетъ. Голова къ З., руки на груди, лѣвая выше правой. На лѣвой рукѣ спирально свитый *перстень* (того же типа какъ на фигурѣ 1). Два *гвоздя*: 1 у лѣвой ноги, другой около ногъ, нѣсколько ниже ихъ.

Курганъ № 9. Высота 0m,35; окружность 21 шагъ. Обложенъ камнемъ. Скелетъ на глубинѣ 1m,2. Голова къ З., руки согнуты въ локтяхъ: лѣвая кисть на рукояткѣ грудной кости, а правая на поясницѣ. Правая нога согнута въ колѣнѣ; стопа отдѣлена и положена между колѣнъ. Ростъ 1m,68.

Курганъ № 10. Высота 0m,35; окружность 29 шаговъ, окруженъ камнями; у подошвы курганъ окруженъ канавкою. На глубинѣ 1m,2 скелетъ въ бе порядкѣ; голова къ З., правая рука торчала вверхъ, сверху дерево и два *гвоздя*.

Курганъ № 11. Высота 0m,65; окружность 34 шага, окруженъ камнями и канавкою, черезъ нее мостики къ С. и Ю. и нѣсколько меньше къ З. и В. На верху кургана впадина. Кости въ совершенномъ безпорядкѣ, сверху и съ боковъ ихъ дерево.

Курганъ № 12. Высота 1m, окружность 26 шаговъ, обложенъ камнями. На глубинѣ 1m,45 скелетъ. Голова къ З. Руки: правая на груди, лѣвая на поясницѣ. Много дерева сверху и боковъ и въ деревѣ много *гвоздей*. Ростъ 1m,5.

На разстояніи 1m,5 къ С. отъ перваго скелета, на глубинѣ 1m,55 другой скелетъ. Голова къ З.; на правой рукѣ *бронзовое кольцо* (фиг. 5).

Курганъ № 13. Высота 0m,65; окружность 34 шага. На глубинѣ 1m,08 скелетъ. Голова къ З., немного дерева сверху надъ скелетомъ.

Курганъ № 14. Высота 0m,52; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 1m,65 скелетъ. Голова къ Ю.-З. Руки сильно согнуты въ локтяхъ, кисти обращены къ головѣ, на лѣвой рукѣ *бронзовое* спиральное *кольцо* (того же типа, какъ на фиг. 5): *такое же кольцо*, нѣсколько больше у виска, около шеи *стеклянная позолоченная буса*.

Фиг. 5.

Курганъ № 15. Высота 1m,48, окружность 40 шаговъ. Въ курганѣ лежали два скелета: первый на глубинѣ 1m,7; головою на З. Руки скрещены на верхней части груди. Дерево сверху, внизу и съ боковъ. Ростъ 1m,6. Другой скелетъ на глубинѣ 1m,8. Голова къ З. На лѣвой рукѣ *бронзовое кольцо* (того же типа, какъ на фиг. 4). Правая рука на поясѣ, лѣвая на тазу. Около шеи *желѣзный* гвоздь, другой у ногъ; дерево кругомъ: сверху, съ боковъ и внизу. Ростъ 1m,68.

Курганъ № 16. Высота 0m,9; окружность 38 шаговъ. Два скелета: первый на глубинѣ 1m,35. Голова къ С.-З. Правая рука вдоль тѣла, лѣвая на тазовыхъ костяхъ; дерево сверху и съ боковъ. Ростъ 1m,68. Другой скелетъ на глубинѣ 2m,05; голова къ З. Руки у тазовыхъ костей: лѣвая сверху этихъ костей, правая подъ ними. Ростъ 1m,6. У нижней челюсти *стеклянная буса, обтянутая золотомъ*. На лѣвой рукѣ *бронзовое кольцо* (фиг. 6).

Фиг. 6.

Курганъ № 17. Высота 0m,9; окружность 35 шаговъ. На глубинѣ 1m,6 скелетъ. Голова къ С.-З. Правая рука согнута, кисть у головы, лѣвая на поясѣ, ростъ 1m,6; дерево съ боковъ и сверху; на правой сторонѣ у пояса—*ножикъ желѣзный*, въ разныхъ мѣстахъ слѣды желѣза.

Курганъ № 18. Высота 0m,87; окружность 29 шаговъ; обложенъ камнемъ. Остался отъ скелета лишь кусокъ черепа, всѣ остальныя кости разложились въ пыль.

Курганъ № 19. Высота 1m, окружность 23 шага. Обложенъ камнемъ и окруженъ канавою. На глубинѣ 1m,4 скелетъ, голова на З.; правая рука на верхней части груди, лѣвая на лобковыхъ костяхъ. Ростъ 1m,55. На шеѣ *ткань* въ видѣ ленты, на ней украшеніе металлическое въ видѣ *бронзовой пуговки*; на правой сторонѣ головы разсыпавшаяся *сережка*. На пальцѣ правой руки *бронзовое кольцо* (того же типа, какъ на фиг. 5). Дерево сверху, съ боковъ и снизу.

Курганъ № 20. Высота 1m,5; окружность 42 шага, у подножія обложенъ камнями. На глубинѣ 1m,7 въ насыпи кургана къ С. З. отъ центра найденъ обломокъ *стекляннаго браслета*; на глубинѣ 2m,7 *гвоздь* и ниже—другой.

Въ центрѣ кургана, на глубинѣ 2m,8 слой дерева, подъ нимъ скелетъ, разложившійся въ пыль, головою къ З.; слѣдъ дерева сверху скелета и подъ нимъ; длина дерева вверху и внизу 2m,8; ширина 1m; у ногъ обожженное дерево, кусокъ пережженнаго гранита и три *гвоздя*. Въ З. сторонѣ кургана, на глубинѣ 2m,3 толстый слой дерева въ 0m,6; подъ нимъ бѣлая глина, а между деревомъ и глиною неопредѣленная сѣрая масса. Въ С.-В. сторонѣ, на глубинѣ 2m,45 дерево, слѣды угля и два *гвоздя*.

Курганъ № 21. Высота 1m,85; окружность 54 шага, обведенъ канавою; у подошвы три камня. На глубинѣ 1m,28 къ С.-З. отъ центра гнѣздо угля; на глубинѣ 2m въ южной части кургана слой березовой коры, которою обложенъ слой дубовыхъ досокъ, отчасти обугленныхъ; у нихъ *два желѣзныхъ гвоздя*; подъ ними скелетъ, истлѣвшій въ порошокъ; между полосами желтой пыли, сохранившими очертаніе костей, замѣчается масса бѣлаго порошка, кото-

рымъ скелетъ былъ обсыпанъ; около тазовыхъ костей *желѣзный предметъ* неопредѣленной формы, совершенно разложившійся. Подъ скелетомъ очень тонкій слой дерева; подъ нимъ подпочва.

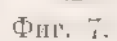
Курганъ № 22. Высота 1_m,3; окружность 54 шага. На глубинѣ 2_m,28 остатокъ скелета: сверху обложенъ деревомъ, съ боковъ березовою корою, кости превратились въ пыль; ихъ окружалъ бѣлый порошокъ (какъ въ № 21), остались только части темянныхъ костей, не присыпанныя этимъ порошкомъ. Голова къ З. На разной высотѣ выше скелета найдено *8 гвоздей.*

Курганъ № 23. Высота 0_m,43; окружность 21 шагъ; обложенъ снизу рядомъ камней. На глубинѣ 1_m,57 остатки скелета, направленнаго головою къ З. Ростъ 1_m,64. У лѣваго колѣна *гвоздь* головкою вверхъ.

Курганъ № 24. Высота 0_m,91; окружность 30 шаговъ; обведенъ канавою; на вершинѣ впадина. Курганъ былъ очевидно вскрытъ раньше. На глубинѣ 1_m,56—1_m,72 разбросаны въ безпорядкѣ человѣческія кости, отчасти же сваленныя въ кучу; среди костей два *гвоздя.*

Курганъ № 25. Высота 0_m,2; окружность 21 шагъ. На глубинѣ 1_m,3 пластъ дерева, подъ нимъ скелетъ, головою къ З. Кисть лѣвой руки на нижнихъ правыхъ ребрахъ, правой на лобковыхъ костяхъ. Ростъ скелета 1_m,56. У шеи *бронзовое колечко* на кускѣ какой то ткани (фиг. 7).

Фиг. 7.

Курганъ № 26. Высота 1_m,2; окружность 40 шаговъ. Обложенъ у подошвы рядомъ камней и обведенъ канавою. Въ насыпи кургана на глубинѣ 0_m,6 восемь камней, сложенныхъ кучею; подъ ними, немного глубже, *жерновъ*; на глубинѣ 2_m,15 въ Ю.-З. сторонѣ кургана два *черепка* отъ горшка изъ красной глины, хорошо выжженные. На глубинѣ 2_m,2 шелуха отъ желудя. На глубинѣ 3_m,1 *гвозди* и слой дерева; подъ нимъ бѣлый порошокъ. На глубинѣ 3_m,8 скелетъ, отличавшійся толщиною и крѣпостью костей, окруженъ деревомъ съ боковъ, сверху и снизу; голова на З., руки сложены на груди; на правой рукѣ *бронзовый перстень*, состоящій изъ двухъ скрученныхъ проволокъ (фиг. 8). Ростъ скелета 1_m,65.

Курганъ № 27. Высота 0_m,52; окружность 40 шаговъ. На глубинѣ 1_m,55 скелетъ головою къ З., подъ нимъ слой дерева, около головы *7 гвоздей;* обѣ руки сильно согнуты въ локтѣ, кисти подъ мышками. На правой рукѣ *серебряное кольцо* (того же типа, какъ на фиг. 6); на лѣвой рукѣ также *серебряное кольцо* (того же типа, какъ на фиг. 2). Подъ лѣвою мышкою у груди большой *гвоздь*, лежавшій по направленію тѣла; ноги раздвинуты; у лѣваго колѣна *гвоздь*; голова субдолихоцефалическая; лобная кость съ продольнымъ швомъ. Ростъ скелета 1_m,-3.

Курганъ № 28. Высота $0,_m$72 окружность 24 шага; внизу обложенъ рядомъ камней, обведенъ рвомъ. На глубинѣ 1_m,7 слой дубоваго дерева и *гвозди*, подъ нимъ скелетъ. Голова къ З., кисти рукъ сложены на лобковыхъ костяхъ. На средней части правой плечевой кости *клочекъ ткани.* Ростъ скелета 1_m,55.

Фиг. 8.

Курганъ № 29. Высота 0_m,88, окружность 48 шаговъ. На глубинѣ 1_m,8 толстый слой дубоваго дерева съ *6 гвоздями*, покрывавшій скелетъ съ боковъ и сверху; у головы и ногъ такіе же деревянные брусья въ поперечномъ направленіи; кости превратились въ пыль, подъ ними слой липоваго дерева, а подъ нимъ подпочва.

Курганъ № 30. Высота 1_m,04; окружность 30 шаговъ. Сторона С.-З. кургана отрѣзана прорытою канавою. Подошва кургана окружена канавкою. На глубинѣ 1_m,75 скелетъ, сверху и съ боковъ окруженъ дубовымъ деревомъ съ *гвоздями.* Голова къ З. Правая ручная кисть на лобковыхъ костяхъ, лѣвая на поясницѣ. Ростъ 1_m,64.

Курганъ № 31. Высота $0,_m$6; окружность 32 шага; внизу обложенъ рядомъ камней. На глубинѣ 1_m,35 слой дубоваго дерева и *гвоздь*, подъ нимъ скелетъ, головою къ З. Правая ручная кисть на поясницѣ, лѣвая рука не найдена. Дерево окружаетъ скелетъ сверху и снизу. Ростъ скелета 1_m,78.

Курганъ № 32. Высота 0_m,59; окружность 35 шаговъ. Внизу обложенъ рядомъ камней. На глубинѣ 0_m,96 слой дубоваго дерева, подъ нимъ бѣлый порошокъ. Скелетъ на глубинѣ 1_m,25, подъ нимъ тачекъ изъ свѣтлой глины. Голова къ С.-З. Кисти рукъ сложены на правой тазовой кости. Ростъ скелета 1_m,65.

Курганъ № 33. Высота 0_m,48; окружность 35 шаговъ. На глубинѣ 1_m,35 скелетъ; голова къ З.; у праваго виска, въ разстояніи 2 дюймовъ отъ него, *бронзовое кольцо* (типа фиг. 6); кисть правой руки на лобковыхъ костяхъ, лѣвой— на правой сторонѣ груди; у лѣвой стороны таза *бронзовое кольцо* (типа фиг. 5). Дерева нѣтъ; ростъ скелета 1_m,7.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Всѣ курганы, находящіеся у села Буки, сохранили довольно правильныя очертанія конуса съ округленною верхушкою; бока ихъ весьма мало осыпались. Многіе изъ нихъ (около 25%) окружены у основанія рвомъ, глубиною около 1/2 метра, иногда ровъ этотъ прерывается въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ сохранены какъ будто мостики для перехода черезъ канаву. Еще большее количество кургановъ (около 40%) обложено камнями; для этого употреблены валуны средней величины

и расположены въ видѣ непрерывнаго круга въ одинъ рядъ у самаго основанія кургана, вѣроятно, для того, чтобы укрѣпить насыпь и предотвратить осыпаніе боковъ.

2. *Насыпь кургановъ* состоитъ исключительно изъ чернозема; въ составѣ ея на различной глубинѣ встрѣчались въ небольшомъ количествѣ черепки глиняныхъ сосудовъ и еще рѣже разрозненныя кости животныхъ.

Только въ двухъ курганахъ въ насыпи встрѣтились случайные предметы: обломокъ стекляннаго браслета, 2 желѣзные гвоздя, два черепка отъ сосуда изъ красной глины, хорошо выжженные, и шелуха отъ желудя. Въ насыпи пяти кургановъ встрѣтилась постройка, составлявшая какъ бы крышу надъ могилою, лежавшею ниже ея. Въ №№ 1, 2, 3, 4 она состояла изъ дубовыхъ бревенъ, весьма плохо сохранившихся и вслѣдствіе осѣданія насыпи утратившихъ первоначальную связь между собою. Крыши эти находились довольно близко отъ вершины кургана (0_m,46—0_m,7) и довольно далеко отъ уровня могилы (1_m,2—1_m,65 выше его). Въ пятомъ курганѣ, на разстояніи 0_m,6 отъ вершины кургана и $2^1/_2$ метра выше уровня гробницы, лежала куча, состоявшая изъ 8 валуновъ и подъ ними жерновой камень. Въ насыпи остальныхъ 28 кургановъ не было слѣдовъ постройки.

3. *Устройство гробницы*. Покойники лежали въ неглубокихъ ямахъ, вырытыхъ въ черноземномъ слоѣ почвы; средняя глубина верхней поверхности ямъ=0_m,81 ниже горизонта, самая большая глубина ямы=1_m,9 (№ 26), самая меньшая=0_m,15 (№ 21). Вообще глубина ямы зависитъ отъ толщины черноземнаго слоя; слой этотъ выбрасывали изъ ямы, пока не обнажалась поверхность подпочвы, состоящая изъ слоя свѣтлой глины; на очищенной поверхности подпочвы клали покойника. Въ большинствѣ случаевъ покойникъ обложенъ брусьями или досками; тамъ, гдѣ по роду дерева возможно было различить, эти брусья и доски оказывались дубовыми; только въ одномъ случаѣ вмѣсто дуба оказалась береза, а въ другомъ поверхъ дубовыхъ досокъ лежалъ пластъ березовой коры. Деревомъ обкладывались покойники преимущественно сверху и съ боковъ. Въ 38 изслѣдованныхъ могилахъ настилка дерева сверху встрѣтилась въ 27 случаяхъ, съ боковъ въ 18 случаяхъ и подстилка дерева подъ покойникомъ только въ 8 случаяхъ; притомъ нижняя подстилка представляетъ весьма тонкій слой дерева—въ одномъ случаѣ можно было опредѣлить его качество—это оказалась липа; въ томъ же курганѣ боковые брусья были соединены поперечными у ногъ и головы и, такимъ образомъ, въ этомъ единственномъ случаѣ замѣченъ былъ полный гробъ. За исключеніемъ 8 указанныхъ случаевъ, покойники лежали подъ деревомъ на разчищенной поверхности подпочвы. Въ 11 случаяхъ брусья, облегавшіе скелетъ, оказались скрѣпленными желѣзными гвоздями, а въ двухъ случаяхъ часть ихъ была обуглена. Въ 10 случаяхъ слѣда обкладки деревомъ нельзя было замѣтить.

Въ пяти курганахъ могилы были наполнены известью, имѣвшею видъ весьма мелкаго бѣлаго порошка; вѣроятно, отъ ея вліянія кости въ этихъ могилахъ разложились, превратившись также въ порошокъ, отличавшійся отъ окружавшей извести желто-бурымъ цвѣтомъ настолько, что можно было различить контуры костей.

Внутри деревянной обкладки, независимо отъ нея, около скелетовъ въ пяти могилахъ найдены были желѣзные гвозди. Они находились у головы, у ногъ, между колѣнами и подъ мышкою; почти всѣ стояли въ вертикальномъ положеніи, шляпками вверхъ.

Какъ исключительный случай можно отмѣтить въ № 20 находившіеся у ногъ скелета: обожженное дерево, куски перегорѣвшаго гранита и 3 желѣзные гвоздя.

Почти всѣ курганы были насыпаны надъ единичными могилами; на 35 вскрытыхъ насыпей, коллективныя похороны были найдены только въ пяти курганахъ: въ №№ 2, 12, 15 и 16 было похоронено по два покойника, въ № 7—три. Впрочемъ, могилы эти, покрытыя общею насыпью, представляютъ каждая самостоятельное погребеніе: для каждаго покойника вырыта отдѣльная яма, отдѣленная отъ сосѣдней простѣнкомъ нетронутой почвы.

4. *Положеніе скелета.* Остовы лежали во всѣхъ могилахъ на днѣ ямы, на спинѣ. Голова скелета постоянно обращена къ З., ноги къ В. Въ пяти случаяхъ замѣчено отклоненіе головы къ СЗ. и въ четырехъ къ ЮЗ., но уклоненіе это легко объясняется оріентированіемъ гробницы по мѣсту восхожденія солнца, вслѣдствіе чего лѣтомъ западъ отклоняется нѣсколько къ С., зимою же къ Ю. Положеніе рукъ разнообразное: то обѣ ручныя кисти скрещены на лобковыхъ костяхъ, на груди, на поясницѣ или протянуты вдоль тѣла, то одна рука занимаетъ одно изъ указанныхъ положеній, а другая — иное; причемъ безразлично въ томъ или другомъ мѣстѣ положена то правая, то лѣвая рука. Въ пяти случаяхъ замѣчено было особенное положеніе рукъ; въ №№ 14 и 27 обѣ руки, а въ №№ 1, 7 и 17 одна рука сильно согнуты въ локтяхъ, такъ, что предплечіе прилегало къ плечевой кости и кисти рукъ положены на черепныя или лицевыя кости, а въ одномъ случаѣ (№ 27) втиснуты подъ мышки. Ноги всегда протянуты вдоль и сдвинуты; исключенія незначительныя встрѣтились только 2 раза, въ №№ 9 и 27.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сохранность и нормальное положеніе костей дозволяли, промѣрянъ былъ ростъ покойника. Ростъ измѣренъ отъ верхушки черепа (bregma) до основанія пяточной кости; при этомъ субъекты несовершеннолѣтніе оставлены были въ сторонѣ. Получены были измѣренія роста 20 взрослыхъ особей. Одинъ скелетъ въ № 27 представлялъ весьма высокій ростъ 1m,83; но скелетъ этотъ какъ по особенности положенія рукъ, такъ и по размѣрамъ и особенностямъ черепа, представляетъ значительныя уклоненія и отличія, если не расовыя, то индивидуальныя и потому въ общій расчетъ роста его измѣреніе не принято. Остальные 19 распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 2 высокаго роста (1m,7 и 1m,78), 3 выше средняго (1m,68), 2 средняго (1m,65), 5 ниже средняго (1m,6—1m,64) и 7 малаго роста (отъ 1m,5 до 1m,56); средняя цифра роста для всѣхъ 19 промѣренныхъ индивидуумовъ=1m,61; т.-е. ростъ ниже средняго [72]).

Всѣ черепа принадлежали къ типу короткоголовому (кромѣ 3-хъ) и форма костей не представляла особенностей. Индивидуальныя отличія въ устройствѣ скелета встрѣтились только въ двухъ случаяхъ: Въ № 1 большія берцовыя кости значительно сплюснуты съ боковъ, представляютъ переходную форму къ tibia platycnemica и на задней сторонѣ бедренныхъ костей шероховатая линія замѣтно выше, чѣмъ въ другихъ скелетахъ. Въ № 27 черепъ представляетъ типъ долихоцефалическій (по схемѣ Брока), указатель его = 0,74; притомъ лобная кость во всю длину раздѣлена продольнымъ, не окостенѣвшимъ швомъ (sutura medio-frontalis).

Длинноголовыми черепа оказались въ №№ 2 и 26; указатель ихъ—72.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Керамическія издѣлія, оружіе и орудія домашняго быта совершенно отсутствовали въ могилахъ. Въ 33 курганахъ встрѣтился только въ одномъ случаѣ маленькій желѣзный ножикъ, лежавшій съ правой стороны поясничныхъ позвонковъ (№ 17).

[72]) Классификація роста по Топинару Eléments d'anthropologie générale. Во избѣжаніе ошибокъ, необходимо было воздержаться отъ распредѣленія роста по полу.

Всѣ найденные предметы составляли украшенія или принадлежности одежды. Изъ украшеній чаще другихъ встрѣчались перстни и кольца; они были надѣты безразлично на правую или на лѣвую руку, въ одномъ случаѣ (№ 27) по одному кольцу на каждой рукѣ. Перстни всѣ бронзовые, числомъ 5, представляютъ 2 типа: въ четырехъ случаяхъ они сдѣланы изъ двухъ бронзовыхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ съ приклепанными, но не спаянными другъ съ другомъ концами; въ одномъ случаѣ, перстень сдѣланъ изъ плоской бронзовой пластинки, шириною въ $^1/_4$ дюйма, согнутой кольцеобразно, но съ концами не спаянными. Изъ встрѣтившихся 8 колецъ пять сдѣланы изъ бронзы и 3 изъ серебра. Кольца состоятъ изъ довольно толстой бронзовой или изъ болѣе тонкой серебряной проволоки совершенно гладкой, согнутой въ кругъ съ свободными не спаянными концами; въ бронзовыхъ кольцахъ концы обыкновенно заходятъ одинъ на другой, образуя какъ бы спираль въ $1^1/_8$ оборота.

Серьги встрѣтились только въ двухъ случаяхъ: въ первомъ двѣ, во второмъ одна у праваго уха; онѣ сдѣланы, подобно кольцамъ, изъ тонкой бронзовой проволоки, согнутой въ кружокъ, съ свободными не спаянными концами; противъ концовъ кругъ пригнутъ такъ, что проволока образуетъ тупой уголъ.

Кольцеобразно согнутыя довольно толстыя проволоки, одна серебряная, другая бронзовая, встрѣтились въ двухъ случаяхъ ниже пояса: у тазовыхъ костей и у колѣнъ, можетъ быть онѣ прикрѣплены были къ ремнямъ, висѣвшимъ у пояса.

Такія же бронзовыя кольца, только нѣсколько крупнѣе, встрѣтились въ двухъ случаяхъ у черепныхъ костей: разъ у виска и другой разъ въ разстояніи двухъ дюймовъ отъ правой стороны головы.

Отъ одежды уцѣлѣли только ничтожные слѣды, хотя иногда остатки ея можно было замѣтить въ видѣ слоя тонкой пыли фіолетоваго цвѣта, облегавшей скелетъ. Только въ трехъ случаяхъ удалось добыть ничтожные клочки ткани съ явственно сохранившимися волокнами, повидимому пеньковыми.

На шеѣ одежда застегивалась различно: иногда для этого служила буса изъ сердолика или стеклянная, обтянутая листикомъ золота; иногда къ тесьмѣ, окаймлявшей воротъ, прикрѣплялась бронзовая пуговка, иногда же кольцо, состоящее изъ согнутой гладкой бронзовой проволоки.

Относительно металлическихъ предметовъ, употреблявшихся для украшенія, можно замѣтить, что издѣліе ихъ довольно грубо; встрѣчаются только проволоки по большей части гладкія, иногда скрученныя жгутомъ и разъ только найденъ предметъ, сдѣланный изъ пластинки. Умѣнія паять металлы не замѣчено ни на одномъ предметѣ.

Въ числѣ найденныхъ металлическихъ предметовъ 18 сдѣланы изъ бронзы и 4 изъ серебра.

II. Раскопки у села Ягнятина, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

(См. планъ № 1).

Могильникъ у села Ягнятина, лежащаго на рѣкѣ Раставицѣ, представляетъ самый большой по числу кургановъ могильникъ въ Кіевской губерніи; хотя многіе курганы уже

распаханы и исчезли, количество оставшихся понынѣ простирается до 1.000. Могильникъ расположенъ на сѣверной окраинѣ села и перерѣзывается дорогами, ведущими изъ Ягнятина въ села Карабчіевъ и Крыловку.

Въ той части могильника, которая прилегаетъ къ селу и не распахивается, курганы сохранились хорошо. Раскопано было 16 кургановъ.

Курганъ № 1. Высота 1m,41; окружность 41 шагъ. Окруженъ канавкою, черезъ нее мостики по направленію къ С. и С.-В. Въ насыпи кургана, на глубинѣ 0m,3 найденъ звѣриный зубъ и дно отъ *глинянаго сосуда.* На глубинѣ 1m,7 лежалъ деревянный брусъ по направленію съ З. на В., шириною въ 0m,6; длиною въ 1m,75. У восточнаго конца бруса четыре *желѣзные гвоздя*, головками вверхъ Непосредственно подъ деревомъ найденъ скелетъ головою къ З., руки сложены на поясничныхъ позвонкахъ, ноги протянуты. Подъ скелетомъ тонкій слой дерева, но съ боковъ признаковъ дерева не было; далѣе подпочва — свѣтлый глей. Черепъ брахицефалическаго типа, швы не срощены, зубы премудрости еще не выросли, нижняя челюсть ясно окрашена зеленымъ цвѣтомъ, но бронзы около нея не найдено. Ростъ 1m.67.

Курганъ № 2. Высота 0m,95; окружность 25 шаговъ; кругомъ слѣды канавки. Въ насыпи кургана, на глубинѣ 0m,3 *черепки* отъ горшка и части звѣриныхъ костей. На глубинѣ 1m,63 деревянное бревно и непосредственно подъ нимъ скелетъ, головою къ Ю.-З., руки протянуты вдоль тѣла, ноги протянуты. Ростъ 1m,19. Кости дѣтскія. Къ югу отъ него, на 0m,2 ниже, другой скелетъ, головою къ З ; онъ былъ не полный; остался только черепъ, бедра голени, одинъ правый radius.

Курганъ № 3. Высота 2m,08; окружность 59 шаговъ. Окруженъ канавкою, черезъ нее мостики по направленію къ Ю.-З. и С.-В. Въ насыпи, на глубинѣ 0m,6 двѣ длинныя кости большаго животнаго. На глубинѣ 0m,9 двѣ деревянныя колоды: одна къ Ю.-З., длиною въ 0m,85 и шириною въ 0m,8; другая къ Ю.-В. длиною въ 0m,65 и шириною 0m,35. На глубинѣ 2m,05 деревянное бревно по направленію съ З. къ В., покрытое сверху тонкимъ слоемъ бѣлой извести, длиною въ 2m,35; шириною въ 0m,95; подъ нимъ по сторонамъ два другія бревна, той же длины, по мѣстамъ посыпанныя углемъ; между ними скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки на поясницѣ, лѣвой подъ мышкою. Ноги протянуты. Ростъ 1m,61; кости плохо сохранились. Швы черепные не срослись, затылочный бугоръ сильно развитъ и затылочная кость раздѣлена ненормальнымъ прибавочнымъ горизонтальнымъ швомъ. Коренныхъ зубовъ нѣтъ и ячейки ихъ зарощены; подбородокъ сильно выдвинутъ впередъ.

Курганъ № 4. Высота 1m,14; окружность 38 шаговъ; кругомъ канавка, черезъ нее мостики, по направленію къ З. и В. Въ насыпи, на глубинѣ 0m,6 кусокъ истлѣвшаго дерева, косточка и *желѣзный гвоздь*. На глубинѣ 0m,9 слѣды истлѣвшаго дерева и скелетъ, головою на З., руки протянуты вдоль тѣла, кисти подъ тазовыми костями; у височныхъ костей *два серебряныя колечка* (фиг. 9). Ростъ 1m,6. Черепъ деформированный.

Фиг. 9.

Курганъ № 5. Высота 1m,37; окружность 39 шаговъ; окруженъ канавками. Мостики по направленію къ Ю.-З. и В. Въ насыпи, на глубинѣ 1m,1 *желѣзный гвоздь*. На глубинѣ 1m,76 бревно деревянное по направленію съ З. къ В., въ немъ *гвоздь*. Подъ деревомъ, 0m,1 ниже, скелетъ, головою къ З., по сторонамъ также деревянные брусья. Руки протянуты вдоль тѣла, кисти подъ тазовыми костями. Ноги протянуты. Съ лѣвой стороны скелета во всю его длину слой угля. У височныхъ костей *2 кольца* (типа фиг. 4 и 6). Ростъ 1m,61.

Курганъ № 6. Высота 0m 25; окружность 15 шаговъ; самый малый въ группѣ. На глубинѣ 0m,93 скелетъ головою къ З. Кисть правой руки на тазовыхъ костяхъ, правая нога прогнута; тазъ и позвонки на мѣстѣ, но ребра, ключицы, лѣвая рука и лѣвая нога раскинуты въ безпорядкѣ на лѣвой сторонѣ скелета. Лѣвая часть лобной кости повреждена.

Курганъ № 7. Высота 1m, окружность 31 шагъ: кругомъ канавка, мостики къ З. и В. На глубинѣ 1m,7 встрѣтились разрозненныя кости: 3 ребра и 2 скуловыя, при нихъ кусокъ истлѣвшаго дерева. На глубинѣ 2m,4 деревянный брусъ по направленію съ З. къ В., подъ нимъ еще 2 брусья по сторонамъ, а между ними скелетъ, головою къ З. Кисть лѣвой руки на поясницѣ, правая протянута, кисть подъ тазовою костью. Ноги протянуты. Ростъ 1m,71.

Курганъ № 8. Высота 1m,58; окружность 37 шаговъ; слѣды канавки Въ насыпи, на глубинѣ 1m,2 *черепокъ* отъ горшка. На глубинѣ 2m скелетъ, головою къ З. Кисти рукъ сложены на лобковыхъ костяхъ, ноги протянуты. Подъ скелетомъ слой дерева. Ростъ 1m,73.

Курганъ № 9. Высота 1m.43; окружность 33 шага; кругомъ канавка. На глубинѣ 1m,8 *дно отъ сосуда*, далѣе на глубинѣ 2m,25 скелетъ головою къ З. Обѣ руки согнуты въ локтяхъ; кисти подъ мышками, ноги протянуты. Ростъ 1m 72. Тазъ женскій—швы на черепѣ не срослись, зубы всѣ на лицо.

Курганъ № 10. Высота 1m,6, окружность 39 шаговъ. Окруженъ канавкою, черезъ нее мостики по направленію къ С., З., Ю. и В. На глубинѣ 1m найдены 2 кости отъ пальцевъ человѣческой ноги; далѣе на глубинѣ 1m,86 истлѣвшая деревянная пластинка въ 0m,5 длиною, лежавшая по направленію съ З. на В.; на деревѣ этомъ 2 *желѣзные гвоздя* и *золотая серьга*, состоящая изъ толстой неспаянной проволоки (фиг. 10). Затѣмъ раскопка продолжалась до подпочвы, на глубинѣ 2m,45; но ничего болѣе не найдено.

Фиг. 10.

Курганъ № 11 Высота 1m, окружность 36 шаговъ; кругомъ окруженъ канавкою, черезъ нее мостики по направленію къ С., В., Ю. и З. На глубинѣ 2m истлѣвшее дерево по направленію съ З. къ В. и въ немъ *11 гвоздей*. Въ 0m,2 ниже дерева скелетъ, головою къ З., кисти рукъ сложены на поясницѣ, на правой рукѣ *бронзовый перстень* (типа фиг. 9). Ростъ 1m,56.

Курганъ № 12. Высота 1m,32; окружность 41 шагъ; окруженъ канавкою, мостики черезъ нее по направленію къ С., З., Ю. и В. На глубинѣ 1m,8 метра *2 гвоздя*, 2 звѣриныя косточки и *черепокъ* отъ глиняного сосуда, затѣмъ скелетъ головою къ З. Кисти рукъ сложены на поясницѣ, на лѣвой рукѣ *бронзовый перстень* (типа фиг. 1); подъ бородою *серебряная серьга* (типа фиг. 7). Ростъ 1m,67. Швы въ черепѣ не срослись. Зубы всѣ на лицо.

Курганъ № 13. Высота 1m,2; окружность 44 шага. Окруженъ канавкою, черезъ нее мостики по направленію къ С. и В. Въ насыпи, на глубинѣ 0m,3 звѣриныя косточки; на глубинѣ 0m,6 часть человѣческой лопатки, правая височная кость, отломокъ нижней челюсти и черепокъ *горшка*. На глубинѣ 1m,5 бревно, въ немъ нѣсколько *гвоздей*, подъ нимъ скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки на тазовыхъ костяхъ, кости лѣвой руки разбросаны въ безпорядкѣ, нижняя челюсть у лѣвой руки. Ноги протянуты. Ростъ 1m,6.

Курганъ № 14. Высота 0m,46; окружность 26 шаговъ. На глубинѣ 1m,2 скелетъ головою къ З. Лѣвая рука согнута, кисть подъ мышкою, кисть правой руки на поясницѣ. Ноги протянуты. Ростъ 1m,33.

Курганъ № 15. Высота 0m,9; окружность 38 шаговъ. Окруженъ канавкою, черезъ нее мостики по направленію къ С., З., Ю. и В. На глубинѣ 1m,8 скелетъ, головою къ З., окруженный по контурамъ нѣсколькими *гвоздями*, головками вверхъ. Кисти рукъ сложены на поясницѣ. Ноги протянуты. У лѣвой височной кости распавшееся *серебряное кольцо*. Ростъ 1m,78.

Курганъ № 16. Высота 0m,8, окружность 34 шага. Окруженъ канавкою, мостики черезъ нее по направленію къ В., Ю. и З. На глубинѣ 1m,85 скелетъ головою къ З. Кисти рукъ сложены на поясницѣ. Ноги протянуты. Ростъ 1m,55.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Въ части могильника, прилегающей къ закраинѣ села Ягнятина курганы не распаханы и потому они сохранились весьма хорошо. Насыпи въ могильникѣ расположены очень густо, такъ что многіе курганы соприкасаются основаніями. Форма ихъ коническая съ округленною верхушкою, на которой часто замѣчается незначительная впадина. Почти всѣ курганы окружены у своей подошвы рвомъ, до $^1/_2$ m. глубиною, который по большей части прерывается мостиками (2—4). Въ большинствѣ случаевъ мостики оріентированы такъ, что направленіе ихъ отвѣчаетъ главнымъ сторонамъ свѣта (С.-В. Ю.-З.), но встрѣчается оріентировка и къ С.-В., Ю.-З. и т. п.

2. *Насыпь кургановъ* состоитъ изъ чернозема съ примѣсью иногда, въ нижнихъ частяхъ, глины. Въ насыпи встрѣчались на различной глубинѣ: кости животныхъ, куски истлѣвшаго дерева, глиняные черепки горшковъ, желѣзные гвозди (въ 3 случаяхъ) и въ двухъ случаяхъ разрозненныя человѣческія кости. Только въ одномъ случаѣ замѣтны были въ насыпи слѣды постройки на глубинѣ 0m,9 отъ вершины кургана и 1m,15 выше уровня могилы; отъ постройки этой остались только два толстые конца бревенъ, такъ что невозможно судить о ея формѣ и назначеніи.

3. *Устройство гробницъ.* Покойники лежали въ ямахъ, вырытыхъ въ черноземѣ до подпочвы, состоящей изъ свѣтлаго глею. Верхняя поверхность могилы находилась не глубоко подъ горизонтомъ, въ среднемъ на 0m,7 ниже его; въ одномъ только случаѣ похороны были совершены въ самой насыпи кургана, на 0m,24 выше горизонта, въ слоѣ чернозема. Въ большинствѣ случаевъ (8 разъ) гробница была покрыта сверху толстымъ деревяннымъ бревномъ во всю длину ямы; въ трехъ могилахъ, кромѣ верхняго бревна, по сторонамъ скелета лежали еще два бревна такой же длины и толщины, какъ верхнее; въ одномъ только случаѣ замѣченъ былъ тонкій слой дерева подъ скелетомъ. Въ меньшемъ количествѣ кургановъ слѣдовъ дерева не замѣчено. Въ № 3 верхнее бревно было покрыто

слоемъ извести, а боковыя присыпаны по мѣстамъ углемъ. Въ четырехъ случаяхъ въ деревянныхъ бревнахъ найдены были желѣзные гвозди.

Въ № 10 ни могилы, ни скелета не оказалось, хотя раскопка была продолжена до подпочвы; только въ насыпи кургана найдено нѣсколько разрозненныхъ фалангъ отъ пальцевъ ноги и на глубинѣ $0_m,26$ ниже горизонта деревянная доска въ $^1/_2$ m. длиною и на ней 2 желѣзные гвоздя и золотая серьга.

Внутри могилы въ № 15, вокругъ скелета было нѣсколько желѣзныхъ гвоздей, торчавшихъ шляпками вверхъ. Въ № 5 съ правой стороны скелета во всю длину ямы насыпана была полоса угля.

Четырнадцать кургановъ покрывали одиночныя могилы и только въ одномъ найдены два скелета: взрослаго человѣка и ребенка, лежавшіе въ отдѣльныхъ ямахъ.

4. *Положеніе скелета.* Скелеты лежали на днѣ ямы на спинѣ, съ ровно протянутыми ногами; у всѣхъ голова обращена на З., ноги на В. Положеніе рукъ разнообразное: у 5 скелетовъ обѣ ручныя кисти были сложены на поясницѣ, у 1—на лобковыхъ костяхъ, у 3—протянуты вдоль тѣла, у 1—руки были сильно согнуты въ локтяхъ и кисти помѣщались подъ мышками. У остальныхъ 5 скелетовъ одна рука была расположена въ одномъ изъ указанныхъ положеній, другая же въ другомъ.

Измѣренъ былъ ростъ 12 взрослыхъ индивидуумовъ; изъ нихъ 4 оказались высокаго роста ($1_m,71$—$1_m,78$), 2—выше средняго ($1_m,67$),—4 ниже средняго ($1_m,6$ -$1_m,61$) и два—малаго ($1_m,52$—$1_m,55$). Цифра средняго роста измѣренныхъ 12 скелетовъ=$1_m,65$ указываетъ средній ростъ.

Всѣ черепа, за исключеніемъ одного, принадлежатъ къ типу короткоголовому. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ весьма рѣзко выраженныя особенности, а именно: 1) черепъ изъ № 3 (указатель $73^1/_2$) принадлежалъ субъекту, повидимому довольно пожилому; большая часть зубовъ выпала и ячейки ихъ совершенно заросли и изгладились; подбородокъ сильно подался впередъ, образуя съ линіею нижняго основанія челюсти уголъ въ 45°; между тѣмъ швы черепа не только не окостенѣли (за исключеніемъ нижнихъ концовъ suturae coronalis), но, напротивъ, мы находимъ сильно развитыми прибавочные швы: такъ, на височныхъ костяхъ съ обѣихъ сторонъ partes mastoideae et squamosae раздѣлены швомъ, который началъ окостенѣвать и представляется въ видѣ глубокой поперечной борозды, проходящей отъ задняго наружнаго угла темянной кости къ ушному отверстію. На затылочной кости сильно развитъ прибавочный шовъ, соединяющійся на обѣихъ сторонахъ со швами височно-темянными и проходящій горизонтально непосредственно выше сильно выдающагося затылочнаго бугра, шовъ этотъ отдѣляетъ отъ затылочной кости верхнюю половину ея чешуи, образуя такъ называемую «кость Инковъ»; послѣдняя имѣетъ видъ треугольника, основаніемъ которому служитъ описанный прибавочный шовъ, длиною $0_m,135$; высота же треугольника къ началу стрѣловиднаго шва—$0_m,04$.

2) Черепъ изъ № 4 (указатель 75) представляетъ искусственную, весьма оригинальную деформацію: на задней части темянныхъ костей, по обѣ стороны стрѣловиднаго шва, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно выдаются темянные бугры, находятся 2 яйцевидныя, довольно глубоко вдавленныя впадины (длиною въ $0_m,5$; шириною въ $0_m,35$). Длинная ось этихъ впадинъ направлена наискось впередъ и наружу; отъ переднихъ оконечностей впадинъ продолжаются дальше, менѣе уже явственныя продолженія впадинъ, которыя теряются на переднихъ частяхъ темянныхъ костей. На нижней задней части стрѣловиднаго шва, непосредственно выше его соединенія со швомъ ламбдовиднымъ, помѣщается третья, меньшая впадина длиною $0_m,035$; шириною въ $0_m,02$; затѣмъ немного выше, на продолженіи стрѣловиднаго шва, замѣчается четвертая маленькая круглая впадина $0_m,15$ въ діаметрѣ. Черепъ этотъ представляетъ единственный извѣстный мнѣ случай макроцефаліи среди курганныхъ череповъ, найденныхъ въ бассейнѣ Днѣпра.

Черепъ изъ № 6 представляетъ типъ длинноголовый (указатель $71^1/_3$); сверхъ того, онъ отличается сильнымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ, глубоко впавшею переносицею, косыми глазницами; явственно развитымъ, особенно на верхней челюсти, прогнатизмомъ и затылкомъ очень выпуклымъ и отдувающимся въ той части чешуи затылочной кости, которая лежитъ непосредственно ниже стрѣловиднаго шва. Черепъ этотъ носитъ слѣды костной раны, зажившей еще при жизни, но сильно повредившей, на пространствѣ 1 квадр. дюйма, правую часть лобной кости на наружной сторонѣ лобнаго бугра. Ранѣ этой на внутренней сторонѣ черепа отвѣчаетъ сильно выдающійся бугоръ на lamina vitrea interna.

Предметы найденные въ могилахъ. Сосуды, оружіе и орудія совершенно отсутствовали, Изъ украшеній найдены: 5 колецъ, лежавшихъ у висковъ трехъ скелетовъ. Они сдѣланы

изъ гладкихъ проволокъ (3 серебряныя, 2 бронзовыя), согнутыхъ въ кругъ съ неспаянными концами; одинъ бронзовый перстень, сдѣланный изъ двухъ бронзовыхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ; одно кольцо изъ гладкой бронзовой проволоки и двѣ серьги: одна (№ 12) сдѣлана изъ гладкой серебряной проволоки; концы свободны и одинъ изъ нихъ отогнутъ назадъ и закрученъ въ видѣ латинской буквы S; другая серьга сдѣлана изъ гладкой золотой проволоки, согнутой въ кружокъ съ угломъ по серединѣ. Всѣ предметы металлическіе, сдѣланы изъ проволокъ, имѣютъ концы свободные, между собою неспаянные. Изъ 9 металлическихъ предметовъ, 1 сдѣланъ изъ золота, 4 изъ серебра и 4 изъ бронзы.

III. Раскопки у мѣстечка Вчорайше, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

(См. планъ № 1).

У мѣстечка Вчорайшаго есть два могильника: одинъ на горѣ, на южной сторонѣ рѣки Верховенки, около части мѣстечка, называемой *Кулишивка;* въ немъ помѣщается 130 кургановъ.

Второй могильникъ находится на сѣверной закраинѣ мѣстечка, около дороги, ведущей въ м. Паволочь: въ немъ находилось прежде болѣе 150 кургановъ, но часть ихъ вошла въ ограду православнаго, часть въ ограду католическаго кладбища; осталось около 20 кургановъ, значительная часть которыхъ испорчена, частью при починкѣ дороги, частью при рытіи рва, устроеннаго для огражденія кладбищъ.

Въ первомъ могильникѣ раскопано 12 кургановъ, во второмъ 4.

А. Могильникъ у Кулишивки.

Курганъ № 1. Высота $1_m,36$; окружность 40 шаговъ; могила окружена канавкою. Въ насыпи найденъ *черепокъ* отъ сосуда очень толстый изъ бурой глины, плохо выжженный и *часть желѣзнаго гвоздя.* На глубинѣ свыше 2_m слой дерева, пролегавшій отъ З. къ В., длиною въ $2_m,3$. Это были два дубовые брусья, болѣе широкій выше, болѣе узкій нѣсколько ниже. Брусья эти лежали надъ скелетомъ по обѣ его стороны; ширина каждаго $0_m,1$; толщина $0_m,2$—$0_m,25$. У головы они были соединены поперечною доскою. Поверхъ брусьевъ сверху лежали наискось два другіе короткіе брусья, такой же ширины и толщины. Между брусьями, а также съ боковъ и внизу скелета дерева не было. Подъ ними лежалъ скелетъ на подпочвѣ свѣтлой глины, головою къ З.; лѣвая рука вдоль тѣла, правая на груди, ноги протянуты. Ростъ скелета $1_m,6$.

Курганъ № 2. Высота $0_m,9$; окружность 37 шаговъ; окруженъ канавкою. На глубинѣ $1_m,95$ найденъ скелетъ, головою къ З.; по сторонамъ его два дубовые брусья, длиною въ $2_m,6$; внизу и вверху дерева не было. Правая рука вдоль тѣла, лѣвая согнута и кисть на лобковыхъ костяхъ. Кости сильно разложившіяся. На нижней трети праваго бедра *кусокъ ремня, съ зеленымъ узоромъ отъ разложившихся мѣдныхъ украшеній;* у шеи *бронзовая буса* (фиг. 11), у бороды *мѣдное колечко* (типа фиг. 2). Ростъ $1_m,68$.

Фиг. 11.

Курганъ № 3. Высота $0_m,68$; окружность 30 шаговъ; окруженъ канавкою. На глубинѣ $1_m,85$ найдены три скелета: головами къ З. (сѣверный къ Ю.-З.). Ноги у всѣхъ протянуты. Правыя руки согнуты въ локтѣ и кисти ихъ помѣщались на груди, лѣвая рука опущена и кисть ея на лобковыхъ костяхъ. Всѣ скелеты лежали на подпочвѣ—свѣтло-желтой глинѣ. Около сѣвернаго—дерева не было, средній и южный покрыты деревомъ только сверху. Ростъ сѣвернаго $= 1_m,62$; средняго $= 1_m,52$ и южнаго $= 1_m,68$; на правой рукѣ средняго скелета находилось серебряное колечко (типа фиг. 9).

Курганъ № 4. Высота $0_m,9$; окружность 42 шага. Окруженъ канавкою и подножіемъ сливался съ сосѣднимъ кургапомъ. На глубинѣ $1_m,55$ найдены четыре скелета, расположенные, какъ въ предъидущемъ, всѣ головами къ З. Два сѣверные дѣтскіе, два южные взрослые; у двухъ дѣтскихъ кости плохо сохранились и положенія рукъ нельзя было опредѣлить. У третьяго кисть правой руки на тазовыхъ костяхъ, а лѣвая рука сильно согнута и кисть подъ мышкою. У 4-го, самаго южнаго, кисти рукъ сложены на поясничныхъ позвонкахъ. У 3-го и 4-го по сторонамъ скелетовъ было по два дубовыя бревна. Ростъ 1-го нельзя опредѣлить, 2-го$=0_m,9$; 3-го$=1_m,73$ и 4-го$=1_m,72$.

Курганъ № 5. Высота 1m,16; окружность 42 шага. Обведенъ канавкою. На глубинѣ 1m въ насыпи *точильный камень съ вогнутою верхнею поверхностью.* На глубинѣ 1m,65 слой дерева, подъ нимъ скелетъ, головою къ Ю.-З. Кисть лѣвой руки на тазовыхъ костяхъ, правая рука вдоль тѣла; подъ скелетомъ дерева не было, но лежалъ тонкій слой пыли изъ какой-то бурой массы. Ростъ 1m,69.

Курганъ № 6. Высота 1m,55, окружность 46 шаговъ. Окруженъ канавкою. На самой поверхности насыпи найдены: *точильный камень, два куска гранита и 3 черепка,* плохо выжженные, также *шарикъ изъ песчаника* съ пустотою внутри. На глубинѣ 0m,35 много *черепковъ* отъ сосуда, сдѣланнаго изъ нечистой глины съ примѣсью кварца, плохо выжженныхъ. На глубинѣ 1m,7 слой дерева въ 1m,7 длиною и подъ нимъ скелетъ головою къ З., истлѣвшій до того, что превратился въ костяную пыль.

Курганъ № 7. Высота 0m,87; окружность 32 шага. Обведенъ канавкою. На глубинѣ 0m,96 дѣтскій скелетъ, головою къ Ю.-З., лѣвая рука на груди. Дерева при немъ нѣтъ Ростъ 0m,9. На глубинѣ 1m,71 скелетъ, головою къ Ю.-З. Руки сложены на поясничныхъ позвонкахъ. Дерева не было. Ростъ 1m,75.

Курганъ № 8. Высота 0m,75; окружность 27 шаговъ. Обведенъ канавкою. Въ насыпи плохо выжженные *черепки* отъ сосудовъ. На глубинѣ 1m,7 скелетъ безъ дерева, головою къ Ю.-З. Отъ правой ключицы до средины правой плечевой кости гнѣздо угля. Кисть правой руки на лобковыхъ костяхъ, лѣвая ручная кисть на правой подвздошной кости. У ногъ *желѣзное остріе;* у кисти правой руки *желѣзная рукоятка* какого-то предмета; по обѣ стороны головы стояли головками вверхъ—*большие гвозди;* скелетъ мужской, черепъ короткоголовый. Ростъ 1m,64.

Фиг. 12.

Курганъ № 9. Высота 0m,85; окружность 31 шагъ. Обнесенъ канавкою. Въ насыпи кусокъ *черепка отъ сосуда,* 4 гвоздя и *глиняная пряслица* (фиг. 12). На глубинѣ 1m,4 остатки дерева, подъ ними скелетъ, головою къ Ю.-З. Руки вдоль тѣла. Ростъ 1m,7.

Курганъ № 10. Высота 0m,55; окружность 22 шага. Въ насыпи кусокъ гранита круглой формы; на глубинѣ 1m,6 скелетъ; дерева нѣтъ. Голова къ Ю.-З. Обѣ ручныя кисти на лобковыхъ костяхъ. Скелетъ молодой—брахицефалъ. У головы *стеклянная буса* (фиг. 13).

Курганъ № 11. Высота 0m,96; окружность 43 шага. Обведенъ канавкою. Въ насыпи дерево и *6 гвоздей.* На глубинѣ 0m,81 скелетъ безъ дерева, головою къ С.-В. Руки протянуты вдоль тѣла. У лѣвой руки *гвоздь* головкою вверхъ. Ростъ 1m,6.

Фиг. 13.

Курганъ № 12. Высота 0m,6; окружность 18 шаговъ. На глубинѣ свыше 1m скелетъ безъ дерева въ черноземѣ, головою къ З. Лѣвая рука вдоль тѣла, правая кисть на поясничныхъ позвонкахъ. У скелета *черепокъ сосуда.*

B. У Паволоцкой дороги.

Курганъ № 13. Высота 1m, окружность 32 шага. На глубинѣ 1m,7 дерево, положенное съ З. на В. На глубинѣ 1m,92 скелетъ, съ боковъ, сверху и снизу окруженный деревомъ. Обѣ ручныя кисти на лобковыхъ костяхъ; всѣ кости, кромѣ черепа и длинныхъ костей, истлѣли въ порошокъ. Отъ платья осталась фіолетовая пыль, окружавшая весь скелетъ. На обѣихъ ногахъ *обувь изъ двойной тонкой кожи*—въ видѣ высокихъ башмаковъ—со швами къ серединѣ подошвы. У лѣваго колѣна *бронзовая пряжка* (фиг. 14). Черепъ брахицефалическій. Ростъ 1m,8.

Курганъ № 14. Высота 0m,7; окружность 34 шага На глубинѣ 1m,65 скелетъ; кисть правой руки на лобковыхъ костяхъ, кисть лѣвой—на правомъ боку. Голова къ З. Дерево только внизу подъ скелетомъ. Ростъ 1m,61.

Курганъ № 15. Высота 1m,34; окружность 22 шага. Въ насыпи кургана были большіе валуны, года 2 назадъ взятые крестьянами. На глубинѣ 1m,95 дерево, подъ нимъ скелетъ, головою къ С.-З. Правая рука сильно согнута въ локтѣ, кисть ея у праваго же плечеваго сочлененія. Кисть лѣвой руки у поясничныхъ позвонковъ. Весь скелетъ покрытъ явственными слѣдами длинной до косточекъ одежды, превратившейся въ фіолетовую пыль. На груди около праваго плеча распавшаяся *серебряная фибула* (фиг. 15); на шеѣ найдены: *бронзовое кольцо* (типа фиг. 8) и *стеклянная буса,* на пальцѣ лѣвой руки *бронзовое кольцо* (типа фиг. 6). Подъ скелетомъ пыль коричневаго цвѣта. Ростъ 1m,65.

Фиг. 14. Фиг. 15.

Курганъ № 16. Высота 0m,8; окружность 32 шага. На глубинѣ 1m,65 дерево, окружавшее скелетъ съ боковъ и сверху; скелетъ головою къ Ю.-З. Лѣвая рука вдоль тѣла, правая ручная кисть подъ мышкою. *Фіолетовая пыль отъ одежды* и подстилка подъ скелетомъ, имѣвшая *бурый цвѣтъ.* Ростъ 1m,7.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Курганы въ первомъ могильникѣ сохранились хорошо, во второмъ значительно испорчены, какъ вслѣдствіе рытія канавъ, ограждающихъ кладбища и расчистки дороги, такъ и крестьянами, добывавшими изъ нихъ камень. Они имѣютъ форму коническую съ округленною вершиною, большая часть окружена у подошвы рвомъ, глубиною до $^1/_2$ m. Во второй группѣ нѣкоторые курганы были у подошвы окружены валунами, но послѣдніе вынуты крестьянами разновременно для хозяйственныхъ надобностей.

2. *Насыпь кургановъ.* Насыпь кургановъ состояла изъ чернозема съ примѣсью глины въ нижнихъ частяхъ; на различной глубинѣ въ насыпи встрѣчались черепки глиняныхъ сосудовъ довольно грубаго производства, желѣзные гвозди, куски дерева и обломки гранита. Въ № 6 почти на поверхности кургана найденъ былъ крупный обломокъ гранитнаго точильнаго камня съ отполированными поверхностями; обломокъ такого же камня точильнаго изъ болѣе рыхлаго гранита найденъ въ насыпи № 5 на глубинѣ 1 m. отъ вершины кургана. Въ насыпи № 6 встрѣтился небольшой шарикъ изъ песчаника, опоясанный вокругъ двумя рельефными полосками, раздѣленными бороздкою; шарикъ, вѣроятно, заключаетъ полость, потому что при движеніи внутри его слышенъ явственный шорохъ. Въ курганѣ № 9 найдена была въ насыпи пряслица, сдѣланная изъ обожженной глины.

3. *Устройство гробницы.* Скелеты лежали въ ямахъ, вырытыхъ въ черноземѣ до поверхности подпочвы, состоящей изъ свѣтло-желтой глины. Средняя глубина, на которой встрѣчалась поверхность могилы = 0m,75 отъ уровня горизонта. Смотря по толщинѣ въ разныхъ мѣстахъ черноземнаго слоя она встрѣчалась на различной глубинѣ (отъ 0m,15 до 1m,17). Только въ одномъ случаѣ могила была устроена въ черноземномъ слоѣ выше поверхности горизонта на 0m,15. Изъ числа изслѣдованныхъ 21 гробницъ слѣдовъ дерева не было замѣчено въ 10 случаяхъ; въ остальныхъ могилахъ деревянные брусья покрывали покойниковъ сверху и съ боковъ. Только въ двухъ случаяхъ подъ скелетомъ замѣченъ былъ тонкій слой дерева, въ остальныхъ могилахъ скелеты лежали на расчищенной поверхности подпочвы. Въ № 1 надъ скелетомъ, по сторонамъ его лежали 2 дубовые брусья длиною въ 2m,3 и поперегъ ихъ, нѣсколько наискось, два другіе короткіе. Въ № 8 верхняя половина правой плечевой кости была присыпана углемъ, у головы же скелета торчалъ, шляпкою вверхъ, большой желѣзный гвоздь; гвоздь въ такомъ же положеніи найденъ у лѣвой руки скелета № 11.

Изъ 16 вскрытыхъ кургановъ только 2 покрывали коллективныя могилы: въ № 3 лежало 3 скелета, въ № 4—четыре (въ томъ числѣ 2 дѣтскіе); всѣ они лежали въ отдѣльныхъ гробницахъ и почти на одномъ уровнѣ.

4. *Положеніе скелета.* Скелеты лежали на днѣ ямы, на спинѣ, съ ровно протянутыми ногами; голова обращена постоянно на З., иногда съ незначительнымъ уклоненіемъ къ Ю. (7 разъ) или къ С. (1 разъ), ноги на В. Въ одномъ случаѣ (№ 11) голова лежала къ Ю.-В. Обѣ руки въ 2 случаяхъ были сложены на поясницѣ, въ 3-хъ—на лобковыхъ костяхъ и въ 2-хъ—протянуты вдоль тѣла. Въ остальныхъ случаяхъ руки занимали каждая различное положеніе, при чемъ 5 разъ ручная кисть встрѣтилась на груди, 7 разъ на лобковыхъ костяхъ, 2 раза на поясницѣ, 3 раза подъ мышкою и 5 разъ рука была протянута вдоль тѣла.

Измѣренъ былъ ростъ 16 взрослыхъ субъектовъ; изъ нихъ 6 оказались высокаго росту (1m,7—1m,8); 3 выше средняго (1m,68—1m,69); 1 средняго (1m,65); 5 ниже средняго (1m,6—1m,64) и 1 малаго (1m,58). Цифра средняго роста измѣренныхъ 16 скелетовъ=1m,67; т.-е. представляетъ ростъ выше средняго.

Всѣ черепа представляли типъ брахицефалическій, никакихъ особенностей въ устройствѣ череповъ и другихъ костей скелета не было замѣчено.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Въ № 12 около скелета найденъ черепокъ сосуда, приготовленнаго, повидимому, на гончарномъ кругѣ; онъ сдѣланъ изъ глины очень нечистой, переполненной зернами кварца, весьма плохо обожженъ и составляетъ часть вѣнчика сосуда съ незначительною частью его стѣнки. У ногъ скелета въ курганѣ № 8 найдено длинное желѣзное остріе (разломавшееся по поламъ), можетъ быть наконечникъ копья или дротика, длиною въ 0m,15; а у правой ручной кисти того же скелета желѣзная рукоятка ножа, длиною въ 0m,08.

Изъ украшеній встрѣтились: 2 кольца, сдѣланныя изъ гладкой проволоки съ неспаянными концами, надѣтыя на пальцы рукъ, въ курганѣ № 3—серебряное и въ № 15 бронзовое. Ниже пояса найдены были: въ № 2 на нижней части праваго бедра куски ровно обрѣзаннаго, шириною около 0m,01 толстаго ремня, покрытые зеленымъ точечнымъ узоромъ отъ бывшихъ на немъ бронзовыхъ украшеній; въ № 13 у лѣваго колѣна лежала бронзовая прямоугольная пряжка, литая; она украшена орнаментомъ, представляющимъ подражаніе спирали; всѣ четыре угла закруглены и оканчиваются шариками.

Отъ одежды осталась только пыль фіолетоваго цвѣта, облегавшая явственно въ иныхъ случаяхъ весь скелетъ (№№ 13 и 16), иногда замѣтная только подъ скелетомъ въ видѣ рыхлой массы коричневаго или бураго цвѣта (№№ 5 и 15).

Одежда, вѣроятно нижняя, застегивалась на шеѣ посредствомъ колечка и бусы (№№ 2 и 15); колечки согнуты изъ гладкой бронзовой проволоки, буса въ одномъ случаѣ бронзовая, сдѣланная въ видѣ цилиндра, украшеннаго снаружи орнаментомъ, состоящимъ изъ трехъ рядовъ шариковъ, по 7 въ каждомъ ряду; въ другомъ случаѣ буса была изъ зеленаго стекла. Такая же стекляная буса встрѣтилась въ № 10. Въ одномъ случаѣ встрѣтилась фибула, застегивавшая, вѣроятно, верхнее платье, въ № 15, она лежала на груди около верхней части правой плечевой кости. Фибула эта сдѣлана изъ тонкой серебряной бляхи въ видѣ неполнаго шара, раздѣленнаго двумя выпуклыми линіями, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ на треугольники; каждый треугольникъ украшенъ тремя крупными выпуклыми шариками.

Изъ 7 металлическихъ украшеній 2 сдѣланы изъ серебра и 5 изъ бронзы. Издѣлія приготовлены: 4 изъ проволоки съ неспаянными концами, 2 литыя и одно сдѣлано изъ тиснутой пластинки.

Въ № 13 на стопахъ скелета найдена была уцѣлѣвшая обувь; она шита была изъ тонкой кожи, сложенной вдвое, имѣла видъ остроконечныхъ полусапожекъ, голенища которыхъ доходили лишь немного выше ладыжки и оканчивались отворотами. Подошвы у этой обуви не было и мягкая кожа облегала стопу сверху и снизу; шилась она изъ четырехъ частей: двухъ нижнихъ и двухъ верхнихъ, обѣ половины, какъ верхнія, такъ и нижнія, соединялись между собою швами, которые проходили по серединѣ верхней поверхности стопы и по серединѣ подошвы, затѣмъ нижніе пришивались съ боку къ верхнимъ.

IV. Раскопки у села Блыставицы, Кіевской губерніи и уѣзда.

(См. планъ № 2).

У села Блыставицы расположено 9 кургановъ въ трехъ отдѣльныхъ группахъ: 5 кургановъ находятся на восточной окраинѣ села въ мѣстѣ, занятомъ для кладбища, 2 кургана къ С.-З. отъ села въ 2 верстахъ налѣво отъ дороги, ведущей въ село Озеры, и 2 направо отъ этой дороги, на закраинахъ лѣса, называемаго „Казанъ“. Группа на кладбищѣ помѣщается въ той его части, которая еще не занята современными могилами, ближе къ оградѣ села; здѣсь расположено 4 кургана, пятый же на В. отъ нихъ, уже за оградою кладбища. Раскопаны были два кургана: одинъ на кладбищѣ, самый большой въ группѣ, и одинъ на урочищѣ *Казанъ*.

Курганъ № 1. Высота 1m,53; окружность 49 шаговъ. Кругомъ слѣды канавки съ мостиками. Въ насыпи, отъ верху до глубины 1m, изгнившій перпендикулярный деревянный столбъ; по сказаніямъ старожиловъ, это подножіе бывшей на курганѣ «фигуры», т. е. большаго деревяннаго креста. На глубинѣ 0m,9 до 1m,2 расположены 5 скелетовъ. Одинъ въ центрѣ кургана: кости его найдены были въ безпорядкѣ, такъ какъ они были потревожены при закапываніи стоявшаго на курганѣ креста. Нѣсколько южнѣе и на 0m,3 ниже найденъ человѣческій черепъ безъ другихъ костей. Затѣмъ 4 скелета лежало въ сторонахъ: С., С.-В., В. и Ю., послѣдній принадлежалъ ребенку лѣтъ 10—12. Всѣ скелеты обращены головами къ З., руки сложены на груди, ноги протянуты. При скелетахъ никакихъ вещей не найдено. Затѣмъ раскопка продолжалась до глубины 2m,5; на этой глубинѣ встрѣтилась подпочва, состоящая изъ перемежающихся слоевъ краснаго и свѣтлаго песку. Ниже скелетовъ ничего до подпочвы не найдено.

Курганъ № 2. Курганъ на урочищѣ «*Казанъ*». Высота 1m,9; окружность 55 шаговъ; окруженъ канавкою. На Ю. сторонѣ въ верхней части кургана пролегала нора лисицы. На глубинѣ 0m,9 въ С. сторонѣ кургана показалась куча крупнаго угля, залегавшая на 0m,5 въ глубину и около 0m,7 въ ширину (въ діаметрѣ). Затѣмъ ничего въ курганѣ не найдено. Раскопка продолжалась до 2m,6 глубины, на которой встрѣтилась подпочва, состоявшая изъ расположенныхъ поочередно тонкихъ горизонтальныхъ пластовъ бѣлаго и краснаго песку. Курганъ межевой.

V. Раскопки кургановъ на урочищѣ „Грубскъ“, Сквирскаго уѣзда.

(См. планъ № 3).

Урочище Грубскъ находится въ С. части Сквирскаго уѣзда, въ 12 верстахъ къ С. отъ мѣстечка Ходоркова и въ 3 верстахъ къ С.-З. отъ деревни Быкова, между верховьями рѣкъ Здвижи и Виліи, притоковъ Тетерева.

Грубскомъ называется обширное городище, вѣроятно оставшееся отъ нѣкогда существовавшаго большого города. Центральное укрѣпленіе Грубска состоитъ изъ довольно хорошо сохранившагося вала, образующаго неправильный четыреугольникъ съ округленными углами; площадь этого четыреугольника, болѣе версты въ длину и саженъ 400 въ ширину, обнимаетъ пространство въ 64 десятины; она перерѣзана небольшою рѣчкою Тусквою (притокъ Виліи), которая проходитъ черезъ валъ съ южной стороны городища и, пересѣкая его площадь, выходитъ изъ него въ С.-В. углу; рѣчка эта имѣетъ берега топкіе и образуемое ею болото покрываетъ около $^1/_3$ поверхности всего городища.

Валъ круговой сохранился лучше всего въ восточной части укрѣпленія, гдѣ онъ достигаетъ до $2^1/_2$ саженъ высоты и до 7 саженъ ширины у основанія; съ наружной стороны у подножія вала сохранился довольно широкій ровъ, а на внутренней сторонѣ вала, въ половинѣ его высоты сдѣлана терасса; въ восточной же части вала устроены три въѣзда въ городище; западная часть вала пролегаетъ по пахатному полю и потому, вслѣдствіе запа-

II.

КІЕВЪ

III.

ПЛАНЪ УРОЧИЩА ГРУБСКЪ.

N.

S.

Уроч. Быковщина

Р. Тусква

Урочище Чертежъ

Уроч. Раскопаное озеро

Р. Тусква

ГРУБСКЪ

Замчисько

Прудъ

Середняя брама

Урочище Венгерская гора

Планъ № 4.

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С П. Б

шекъ, онъ значительно понизился и контуры его изгладились. Въ Ю.-В. углу площади городища помѣщается другое круглое укрѣпленіе, называемое „замчисько“, составлявшее, вѣроятно, цитадель внутри большаго города; оно обнимаетъ площадь въ 1.100 квадр. саженъ и окружено валомъ въ 2 сажени высотою, съ глубокимъ наружнымъ рвомъ у подошвы вала. Уровень внутренней площади этого „замчиська“ аршина на два выше окружающей его площади большаго городища.

Входъ въ замчисько обращенъ къ В. и оно доступно только съ этой стороны; съ запада оно омывается русломъ р. Тусквы, съ С. же и Ю. окружено болотистыми разливами этой рѣчки.

Въ разстояніи 300 саженъ къ С.-З. отъ Грубска, въ урочищѣ „Роскопане Озеро“ находится другое, меньшее, городище, служившее, вѣроятно, прибавочнымъ, передовымъ укрѣпленіемъ; оно имѣетъ видъ неправильнаго многоугольника съ округленными углами; валъ высотою отъ 1—2 саженъ; внутренняя площадь въ 8 десятинъ покрыта по большей части болотомъ и въ серединѣ ея находится небольшое круглое озеро.

Въ 2 верстахъ дальше, въ томъ же С.-З. направленіи, пройдя рѣку Вилію, встрѣчаемъ деревню Щегліевку. Вся деревня выстроена внутри большаго круглаго городища, по размѣрамъ равняющагося Грубску, съ хорошо сохранившимися валами.

Въ разстояніи одной версты къ Ю. отъ Грубска встрѣчаемъ длинный высокій валъ, который тянется отъ В. къ З., нѣсколько загибаясь къ С.-З.; онъ перерѣзываетъ лѣсистую мѣстность, лежащую между верховьями рѣкъ: Здвижи и Дубовца, притока Виліи, и служилъ, вѣроятно, оплотомъ Грубску съ Ю., гдѣ центральное укрѣпленіе не было защищено ни рѣчками, ни болотами. Въ этомъ валу есть 3 въѣзда, изъ которыхъ средній называется „Середня брама“.

Въ окрестности Грубска разбросано до 900 кургановъ, составляющихъ 9 или 10 отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ 5 были изслѣдованы, именно: сдѣланы были раскопки—въ урочищѣ *„Венгерская гора“* 13 кургановъ; въ урочищѣ у *„Середней брамы“* 15 кургановъ; въ урочищѣ *„Чертежъ“* 26 кургановъ; около валовъ Грубскихъ 3 кургана и на *„Быковщинѣ“* 4 кургана.

Оказались совершенно пустыми №№ 6, 7, 8, 41, 45, 59.

Венгерская гора.

Всѣ скелеты лежали на подпочвѣ изъ красной глины, всѣ гвозди стояли головками вверхъ, дерева у скелетовъ вовсе не было.

Курганъ № 1. Высота 0_m,68; окружность 20 шаговъ. На глубинѣ 0_m,6 въ С. сторонѣ могилы куча камней розоваго гранита; на глубинѣ 1_m,86 скелетъ, головою къ З.; ноги протянуты вдоль. Кости совершенно разложились: около скелета *три гвоздя*; на правой рукѣ распавшійся *перстень* изъ тонкой серебряной бляхи. Между бедренными костями *желѣзное остріе.*

Курганъ № 2. Высота 0_m,9; окружность 29 шаговъ. На глубинѣ 1_m,6 скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки у шеи, около костей *два гвоздя* головками вверхъ—черепъ сохраненъ.

Курганъ № 3. Высота 0_m,9; окружность 32 шага. На глубинѣ 0_m,4 въ В. сторонѣ кургана въ насыпи *черепки* отъ горшковъ изъ бурой глины довольно хорошо выжженные. На глубинѣ 0_m,9 скелетъ. Противъ верхней трети бедра съ каждой стороны по *три гвоздя*, расположенные треугольникомъ; у половины плечевой кости по *гвоздю.* Лѣвая нога протянута прямо, правая отклонена направо. Голова на З. Ростъ 1_m,7.

Курганъ № 4. Высота 0_m,6, окружность 26 шаговъ. Въ насыпи кургана куски булыжника. На глубинѣ 0_m,85 скелетъ, головою къ З. Кости разложившіяся. *5 гвоздей:* 1 у головы, 2 у локтей и 2 внизу ногъ.

Курганъ № 5. Высота 0m,8, окружность 77 шаговъ. На глубинѣ 0m.85 скелетъ, голова къ З., съ правой стороны у ногъ *ведро*, 0m,1 въ діаметрѣ, отъ него сохранилась дужка и два желѣзные обруча. Ростъ 1m,72.

Курганъ № 9. Высота 0m,75; окружность 32 шага. Отъ скелета (на глубинѣ 0m,9) остались только черепъ, правая плечевая кисть и предплечіе; одинъ *гвоздь*, стоящій въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ приходиться конецъ ногъ.

Курганъ № 10. Высота 0m,75; окружность 27 шаговъ. На глубинѣ 0m,6 въ З. сторонѣ кургана *горшокъ* стоялъ отверстіемъ вверхъ, высотою 0m,125; діаметръ 0m,12 у отверстія и 0m,07 на днѣ, изъ свѣтло-бурой глины, сдѣланъ на станкѣ и довольно хорошо выжженъ; отъ давленія земли распался на нѣсколько частей. На глубинѣ 1m скелетъ, голова къ З., подъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ горшокъ; руки протянуты вдоль тѣла, подъ скелетомъ много мелкихъ разноцвѣтныхъ *камешковъ*, величиною отъ горошины до сливы, зеленыхъ, бѣлыхъ и красныхъ и затѣмъ подпочва — красная глина. Въ числѣ камешковъ нѣсколько осколковъ кремня.

Курганъ № 11. Высота 1m, окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,55 въ трехъ разныхъ мѣстахъ кургана *черепки отъ двухъ сосудовъ*: одинъ изъ свѣтлой глины, хорошо выжженный, отъ него сохранились обломки дна, на одномъ изъ нихъ клеймо, другой изъ черной красноватой глины, плохо выжженный. На глубинѣ 1m,1 скелетъ. Лѣвая кисть руки на лобковыхъ костяхъ, въ ней *желѣзный ножикъ*, правая кисть руки у верхней части правой бедренной кости.

Курганъ № 12. Высота 0m.7; окружность 35 шаговъ. На глубинѣ 0m,58 лежалъ скелетъ, головою къ З. Руки вдоль тѣла; предплечья и кисти рукъ не сохранились, ноги протянуты. *Гвозди* головками вверхъ: одинъ съ лѣвой стороны поясницы, другой въ ногахъ. Ростъ 1m,69.

Курганъ № 13. Высота 0m,65; окружность 23 шага. На глубинѣ 1m,05 скелетъ, головою къ Ю.-З. Правая рука вдоль тѣла; конецъ предплечья у тазовыхъ костей, ноги протянуты. *Три гвоздя* головками вверхъ съ лѣвой стороны поясницы, съ лѣвой стороны груди и у ногъ.

У Средней Брамы.

Всѣ скелеты безъ признаковъ дерева. Курганы безъ канавокъ.

Курганъ № 14. Высота 0m,47; окружность 23 шага. На глубинѣ 1m,05 скелетъ, головою къ Ю.-З.—у головы *два гвоздя* головками вверхъ. Руки протянуты вдоль тѣла, ноги тоже протянуты, кости совершенно истлѣли. У пояса *серебряное кольцо и серебряный наконечникъ отъ пояса* (фиг. 16 и 17), около которыхъ видны были остатки ремня Оба предмета покрыты орнаментомъ, состоящимъ изъ лилій, кривыхъ линій и кружковъ.

Курганъ № 15. Высота 0m,62; окружностъ 25 шаговъ. Въ насыпи кургана на глубинѣ 0m,4 пять гнѣздъ угля, расположенныхъ крестообразно; другихъ предметовъ не оказалось, хотя раскопка продолжалась до подпочвы—вѣроятно, курганъ былъ граничнымъ концомъ, такъ какъ онъ лежалъ «крайнимъ» въ группѣ и почти на чертѣ (шагахъ въ 20) межи, раздѣляющей имѣнія: Ходорковское и Быковское.

Фиг. 16.

Фиг. 17.

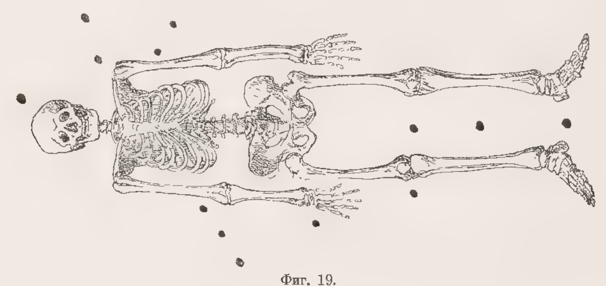
Фиг. 18.

Курганъ № 16. Высота 0m,48; окружность 26 шаговъ. На глубинѣ 0m,4 въ насыпи *желѣзное остріе*. На глубинѣ 0m,7 скелетъ; кругомъ его *гвозди* головками вверхъ: 1 у головы, 3 у груди, 2 у пояса, 5 у бедеръ, 1 у ногъ. Голова скелета на С.-З. У пояса *бронзовое кольцо* (фиг. 18). Черепъ хорошо сохранился. Ростъ 1m,4.

Курганъ № 17. Высота 0m,4; окружность 22 шага. На глубинѣ 0m,8 скелетъ, окруженный *гвоздями*, головками вверхъ; руки вдоль тѣла, кисти подъ тазовыми костями. Голова къ З. У поясницы 2 *мѣдныя кольца* (типа фиг. 18), на каждой сторонѣ по одному. На правой рукѣ *кольцо изъ серебряной пластинки* (распалось на мелкіе куски). Подъ мѣдными кольцами остатокъ ткани, вѣроятно, отъ пояса.

Курганъ № 18. Высота 1m; окружность 44 шага. Въ насыпи кургана, въ центрѣ, на глубинѣ 0m,9 *черепки отъ сосуда* изъ красной, грубой съ зернами кварца глины, плохо выжженные. На глубинѣ 1m,4 скелетъ, головою къ

Ю.-З; онъ окруженъ двумя рядами *гвоздей:* однимъ, лежащимъ выше на глубинѣ 1m,2 и другимъ на глубинѣ 1m,6; гвозди расположены какъ на чертежѣ точки (13 числомъ). Подъ скелетомъ у пояса *желѣзный ножикъ.* Ростъ скелета 1m,74.

Фиг. 19.

Курганъ № 19. Высота 0m,5; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 0m,7 *четыре гвоздя* въ Ю.-В. углу, 3 въ З. сторонѣ и одинъ въ С. На глубинѣ 1m длинныя кости ногъ по направленію В.—З.; въ центрѣ кургана *осколки глинянаго сосуда* большаго діаметра съ вѣнчикомъ и 5 параллельными полосками на наружной поверхности верхней части. Сдѣланъ на станкѣ изъ черно-бурой глины, плохо обожженъ.

Курганъ № 20. Высота 0m,8; окружность 34 шага. На глубинѣ 0m,7 *три гвоздя* въ рядъ, ниже, кусокъ истлѣвшей кости (таза?) окруженный *гвоздями;* другихъ костей не было. Въ В. сторонѣ кургана *сережка,* состоящая изъ серебряной проволоки, украшенной 5 шипами, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 5 серебряныхъ бисерныхъ шариковъ (фиг. 20). Около обломка кости *желѣзный ножикъ.*

Фиг. 20.

Курганъ № 21. Высота 0m,9; окружность 35 шаговъ. На глубинѣ 0m,83 до 1m скелетъ; ноги выше головы, головою къ З. Руки протянуты вдоль тѣла, ноги также протянуты; сохранились всѣ длинныя кости. *5 гвоздей* головками вверхъ; у пояса длинное *желѣзное остріе* съ желѣзнымъ кольцомъ на тупомъ концѣ. Ниже пояса, съ лѣвой стороны *бронзовое кольцо* (типа фиг. 18); около лѣваго колѣна *черепокъ* отъ глинянаго сосуда.

Курганъ № 22. Высота 0m,68; окружность 34 шага. На глубинѣ 1m,16 въ центрѣ *5 гвоздей* головками вверхъ, далѣе къ В. кости голени и у нихъ съ правой стороны *ведерце,* отъ котораго осталась желѣзная дужка и три желѣзные обруча 0m,12 въ діаметрѣ.

Курганъ № 23. Высота 0m,56; окружность 24 шага. На глубинѣ 1m,02 слелетъ; голова къ Ю.-З., у головы *двѣ серебряныя сережки*: одна больше, другая меньше; концы не запаяны и одинъ изъ нихъ расклепанъ, отогнутъ наружу и свернутъ въ трубочку (фиг. 21); ноги протянуты; скелетъ лежитъ на подпочвѣ изъ красной глины.

Курганъ № 24. Высота 0m,62; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,8 скелетъ, головою къ С.-В., руки вдоль тѣла, ноги протянуты, подстилка изъ бѣлаго песку. Долихоцефалъ. Ростъ 1m,9.

Курганъ № 25. Высота 1m, окружность 40 шаговъ. На глубинѣ 1m,12 скелетъ, головою къ В., подъ нимъ подпочва: желто-сѣрый песокъ. Вещей никакихъ, руки вдоль тѣла, ноги протянуты.

Курганъ № 26. Высота 0m,5; окружность 25 шаговъ. На глубинѣ 0m,95 отъ скелета остались 2 кости бедренныя и черепъ; голова къ В. У груди *желѣзный ножикъ* и *бронзовая буса.*

Фиг. 21.

Курганъ № 27. Высота 0m,76, окружность 32 шага. На глубинѣ 0m,35 значительное количество угля во всей насыпи кургана; среди угля, обугленныя кости: черепъ, одна плечевая и двѣ бедренныя кости; подъ углемъ и костьми черноземъ, продолжавшійся до подпочвы. У черепа *одинъ гвоздь и два* у ногъ.

Курганъ № 28. Высота 1m, окружность 40 шаговъ. На глубинѣ 0m,67 скелетъ, головою къ С.-З.; руки вдоль тѣла; ноги протянуты, всѣ кости хорошо сохранились; черепъ, лежавшій на лѣвомъ вискѣ, раздавленъ землею. *Гвозди:* 2 стояли по сторонамъ нижней челюсти, третій лежалъ рядомъ съ *кремнемъ* у тазовыхъ костей.

Урочище Чертежъ.

Подпочва—бѣловатый слой.

Курганъ № 29. Высота 0m,63; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,58 скелетъ, головою къ З. *Гвоздей 6,* головками вверхъ: 2 у конца ногъ, одинъ между бедренными костями и 3 кругомъ головы. У шеи, около височной кости съ правой стороны *буса стеклянная,* обтянутая золотомъ. Лѣвая рука согнута въ локтѣ, конецъ предплечія у поясницы; тамъ же находилось распавшееся *серебряное кольцо* изъ тонкой, неспаянной бляшки. Ниже пояса съ лѣвой стороны *желѣзный ножикъ* и *кремень.*

Курганъ № 30. Высота 0m,65; окружность 29 шаговъ. Въ насыпи два черепка отъ сосудовъ. На глубинѣ 0m,62 скелетъ, головою къ З.; на лѣвой сторонѣ черепа *серебряная сережка* изъ тонкой проволоки (типа фиг. 4). Кости почти совершенно разложились; у шеи съ лѣвой стороны распавшаяся *стеклянная буса*, обтянутая золотомъ, съ выпуклыми очками. У пояса *желѣзный ножикъ* и *бронзовое колцо* (типа фиг. 18).

Курганъ № 31. Высота 0m,88; окружность 38 шаговъ. На глубинѣ 1m,17 стояли два параллельные ряда *гвоздей*, числомъ 10, по направленію В.—З., затѣмъ въ В. *три гвоздя* треугольникомъ. Ничего больше не было, хотя раскопка продолжалась до подпочвы

Курганъ № 32. Высота 0m,46; окружность 28 шаговъ. Въ насыпи кургана, на глубинѣ 0m,36 *черепки* горшковъ, уголь и обугленные обломки костей по направленію В.—З., среди угля *4 гвоздя*; никакихъ предметовъ не было.

Курганъ № 33. Высота 0m,9; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,6 скелетъ, голова къ З.; остались только черепъ и бедренныя кости, другія разложились; у головы *4 гвоздя* кругомъ, у ногъ 1. Ничего болѣе.

Курганъ № 34. Высота 1m,06; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,6 скелетъ, головою къ З.; около него *4 гвоздя*: у головы, у лѣваго плеча, съ правой стороны поясницы и у лѣвой голени. Кости сильно разложились; предметовъ не найдено.

Курганъ № 35. Высота 0m,7; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,79 скелетъ, головою на С.-З.; кругомъ скелета *7 гвоздей* головками вверхъ. Другихъ предметовъ не найдено.

Курганъ № 36. Высота 0m,7; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,37 скелетъ, головою къ С.-З., кромѣ черепа остались только двѣ бедренныя кости. *Два гвоздя*: 1 у головы, одинъ у лѣваго femur'а.

Курганъ № 37. Высота 0m,36; окружность 30 шаговъ. Въ насыпи *дно глиняного сосуда.* На глубинѣ 0m,48 скелетъ, головою къ З.; отъ скелета остались: черепъ, правая плечевая, два бедра и по контурамъ скелета *гвозди*, совершенно разложенные въ ржавчину. У шеи очень мелкое *ожерелье* изъ желтыхъ и зеленыхъ кружковъ, разложившихся до того, что отъ прикосновенія растирались въ пыль.

Курганъ № 38. Высота 1m, окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,75 слой угля въ Ю. сторонѣ кургана, подъ нимъ *11 гвоздей* и скелетъ, головою на С.-З. Кромѣ черепа и долгихъ костей ногъ, другихъ не осталось; гвозди головками вверхъ по контурамъ тѣла.

Курганъ № 39. Высота 0m,9; окружность 35 шаговъ. На глубинѣ 0m,95 скелетъ, головою къ С.-З.; ноги широко раздвинуты; правая рука вдоль тѣла, кисть ея подъ тазовыми костями. У верхней части праваго бедра *кремневое долото*, къ которому плотно прилегалъ *гвоздь*. По обѣ стороны ногъ по *4 гвоздя*, головками вверхъ. Ростъ скелета 1m,77.

Курганъ № 40. Высота 0m,73; окружность 35 шаговъ. На глубиній 0m,5 скелетъ, головою къ З.; съ лѣвой стороны къ нему прилегалъ *гвоздь*, головкою вверхъ. У шеи *серебряное кольцо* (типа фиг. 9), *двѣ бусы изъ сердолика*; одна въ видѣ плоскаго кружка, другая въ видѣ шестигранной призмы (фиг. 22).

Фит. 22.

Курганъ № 42. Высота 0m,82; окружность 32 шага. На глубинѣ 0m,94 сохранились длинныя кости ногъ, по направленію съ В. на З. На мѣстѣ, гдѣ было лѣвое плечо — *желѣзное остріе и гвоздь*, наравнѣ съ нижними ребрами *4 гвоздя и одинъ* у лѣвой голени.

Курганъ № 43. Высота 0m,55; окружность 26 шаговъ. На глубинѣ 0m,65 совершенно истлѣвшій скелетъ; осталась только часть черепной кости, окрашеная зеленымъ цвѣтомъ, возлѣ нея часть *серебряной серьги* изъ проволоки, кромѣ того рядъ изъ *5 гвоздей* по направленію отъ С.-З. на Ю.-В.

Курганъ № 44. Высота 0m,6. Разложившійся скелетъ и *гвозди*: 1 у головы, 2 у колѣнъ, 3 въ рядъ у конца ногъ; всѣ головками вверхъ.

Курганъ № 46. Высота 0m,7; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,4 метра скелетъ, головою къ З., окруженный по контурамъ *8 гвоздями.* У него распавшаяся на части *серебряная пряжка* изъ орнаментированной бляшки, и *стеклянная золоченая буса.* У пояса обломокъ *желѣзнаго ножа.* Подъ скелетомъ встрѣчались въ подстилкѣ куски красной кирпичной глины, уголь и черные и красные плохо обожженные *черепки отъ сосудовъ.*

Курганъ № 47. Высота 0m,57; окружность 32 шага. На глубинѣ 0m,5 найдено только *2 гвоздя, кремень* и едва замѣтные слѣды скелета.

Курганъ № 48. Высота 0m,56; окружность 47 шаговъ. На глубинѣ 0m,4 скелетъ, головою къ З., у головы *два гвоздя*, головками вверхъ; руки не сохранились—ноги протянуты; у пояса распавшееся *серебряное кольцо* изъ тонкой неспаянной бляшки. Подъ скелетомъ много мелкаго угля и мелкихъ камешковъ разноцвѣтныхъ.

Курганъ № 49. Высота 0m,8; окружность 30 шаговъ. На глубинѣ 0m,5 скелетъ, кости плохо сохранились, голова къ З.; въ В. сторонѣ *черепокъ отъ сосуда* плохой бурой глины и *желѣзное остріе* съ перекладиною или остаткомъ кольца на тупомъ концѣ. У головы *два гвоздя.*

Курганъ № 50 Высота 0m,42; окружность 22 шага. На глубинѣ 0m,45 полный скелетъ, головою на В. Ростъ его 1m,9. Вещей нѣтъ.

Курганъ № 51. Высота 0m,74; окружность 33 шага. Въ насыпи въ центрѣ кургана гнѣздо угля. На глубинѣ 0m,7 скелетъ, головою къ З. Кости плохо сохранились; у нихъ *4 гвоздя* головками вверхъ.

Курганъ № 52. Высота 0m,45; окружность 27 шаговъ. Найдены только слѣды разложившагося черепа въ Ю.-З. сторонѣ кургана, при немъ *серьга* изъ бронзовой проволоки (типъ фиг. 21), концы не спаяны, одинъ расклепанъ и скрученъ назадъ. Другихъ костей и предметовъ не было.

Курганъ № 53. Высота 0m,75; окружность 32 шага. На глубинѣ 0m,48 скелетъ, головою къ З.; лѣвая рука согнута въ локтѣ, кисть на тазовыхъ костяхъ; правая рука вдоль тѣла. *Гвозди:* 1 у головы, одинъ у лѣваго плеча, 3 у конца ногъ. Другихъ вещей не было.

Курганъ № 54. Высота 0m,46; окружность 26 шаговъ. На глубинѣ 0m,5 *три гвоздя* треугольникомъ въ центрѣ кургана головками вверхъ и вблизи ихъ лежащіе кучею *7 гвоздей*; въ насыпи угли и обугленные куски человѣческихъ костей.

Около валовъ самого *Грубска*, изъ числа 4 кургановъ, образующихъ группу, вскрыты три, лежавшіе къ Ю.-В. отъ Грубска; всѣ курганы очень широкіе, расплывшіеся:

Курганъ № 55. Высота 1m,43, окружность 112 шаговъ—курганъ сильно осунувшійся, сплюснутый и поросшій лѣсомъ. Въ насыпи на глубинѣ 0m,6 найденъ конецъ *бронзовой шейной гривны*, сдѣланной изъ спиральной скрученной проволоки съ наконечникомъ (фиг. 23), затѣмъ *черепки* отъ двухъ сосудовъ очень грубой глины, черные въ изломѣ. На глубинѣ 1m,6 въ центрѣ кургана слой очень свѣтлой желтой глины, толщиною въ 0m,3; на немъ уголь и обломки жженыхъ человѣческихъ костей—подъ глиною опять черноземъ до глубины 3m,1 и затѣмъ подпочва, состоящая изъ сплошнаго, свѣтлаго, очень твердаго глею.

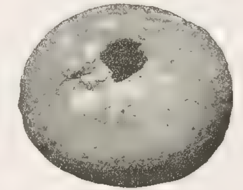
Курганъ № 56. Высота 0m,6; окружность 47 шаговъ. На глубинѣ 0m,6 скелетъ, головою къ З., при немъ *7 гвоздей*, головками вверхъ. Въ насыпи *черепки* отъ сосуда чернаго цвѣта изъ грубой, весьма нечистой глины и комки красной глины. Ростъ скелета 1m,7.

Курганъ № 57. Высота 0m,71; окружность 50 шаговъ. Въ насыпи множество камней и комковъ красной глины. На глубинѣ 0m,75 обломки костей скелета, совершенно разложившагося; положенія и размѣровъ костей нельзя было опредѣлить.

На урочищѣ *„Быковщина“*, частью на землѣ села Быкова, частью въ лѣсу мѣстечка Ходоркова и села Виленки всѣхъ кургановъ въ группѣ 11; вскрыто 4.

Курганъ № 58. Высота 2m,1; окружность 107 шаговъ. Курганъ вскрытъ колодцемъ съ двумя воротами: съ С.-З. и Ю.-В. Въ насыпи кургана, начиная съ самой вершины, *черепки* отъ нѣсколькихъ сосудовъ, разбросанные по всей поверхности; одинъ родъ—это *обломки терракотовой амфоры*; другой — черепки грубые необожженные чернаго цвѣта съ блестками колчедана; третій, черепки плохо выжженные изъ красноватой нечистой глины, наконецъ, черепки изъ очень плотной сѣрой глины, очень тонкіе и отлично обожженные; далѣе въ насыпи найденъ *точильный камень*, сильно изглаженный отъ употребленія и *глиняная пряслица* (фиг. 24), нѣсколько кремней и кусокъ гранита, нѣсколько разрозненныхъ звѣриныхъ костей и зубъ лошади. Въ центрѣ кургана наблюдалась площадка около 3m въ діаметрѣ, отличавшаяся болѣе темнымъ цвѣтомъ почвы и сыростью ея. Всѣ остальные предметы найдены были на этой площадкѣ, а именно: на глубинѣ 1m,2 разложившаяся *буса* синяго стекла; на глубинѣ 1,m5 *желѣзный ножъ* и *копье* и, наконецъ, на глубинѣ 2m,08 остатки человѣческаго скелета и небольшой *горшокъ*, раздавленный землею. На томъ же уровнѣ были разбросаны въ С. сторонѣ кургана: мелкая *бронзовая неопредѣленная вещица*, человѣческое ребро и часть плечевой кости; въ З. части бедренная кость барана и часть человѣческой ulnae; въ Ю.-З. сторонѣ кучка угля. Подъ костями во всю ширину вышеупомянутой площадки былъ подсыпанъ слой, толщиною въ 0m,3; бѣлаго весьма тонкаго песку; затѣмъ подъ нимъ лежалъ слой желтой глины, переполненной разноцвѣтными камешками песчаниками и валунами. И наконецъ, на глубинѣ 2m,6 подпочва, состоящая изъ плотной желтой глины. Безпорядокъ, въ которомъ найдены кости, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что весь курганъ былъ пронизанъ во всѣхъ направленіяхъ норами хорьковъ, хомяковъ и т. п. Два черепа этихъ животныхъ встрѣтились въ разныхъ мѣстахъ кургана.

Фиг. 23.

Фиг. 24.

Курганъ № 60. Высота 1m,62; окружность 75 шаговъ. Въ насыпи кургана попадались на различной высотѣ *черепки* сосудовъ: черной грубой невыжженной и красноватой глины. На глубинѣ 1m,9 находился слой угля, во всей Ю.-З. половинѣ кургана, толщиною отъ 1 до 10 центиметровъ; подъ нимъ наблюдались слои угля до глубины 3m; на этомъ уровнѣ найдены въ Ю. сторонѣ — *3 острія желѣзныхъ копій*, сильно пострадавшія отъ времени; два лежали рядомъ, соприкасаясь между собою втулками, третье находилось сзади за ними; вся Ю.-В. часть кургана была покрыта тонкимъ пластомъ известковой пыли, среди которой попадались обломки пережженныхъ человѣческихъ костей. Эта костяная пыль была покрыта тонкимъ слоемъ черной мягкой массы, происшедшей отъ разложенія какого-то органическаго вещества. Подъ этими остатками находился слой очень тонкаго бѣлаго песку, толщиною въ 0m,3 и подъ нимъ подпочва изъ желтаго гравія.

Курганъ № 61. Высота 0m,79; окружность 47 шаговъ. Въ насыпи встрѣчались *черепки* сосудовъ, подобные, какъ въ № 60. Особенно много черныхъ, не пережженныхъ черепковъ, перемѣшанныхъ съ углемъ, встрѣтились на

глубинѣ 2m,2; подъ ними найдены сильно пострадавшіе отъ окисленія *желѣзный кинжалъ* (фиг. 25) *и наконечникъ желѣзной стрѣлы* въ С.-З. сторонѣ кургана; къ предметамъ этимъ прилегалъ слой жженыхъ человѣческихъ костей,

Фиг. 25.

простиравшійся съ З. къ С.-В., длиною въ 0m,7; шириною въ 0m,32; подъ нимъ лежалъ слой тонкаго бѣлаго песку толщиною въ 0m.3. Подпочва желто-бурый гравій.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Всѣ курганы сохранили видъ конуса съ округленною вершиною; они вообще весьма незначительной высоты: немногіе достигаютъ высоты 1 m.; исключеніе составляютъ лишь одинъ курганъ, лежащій около самыхъ укрѣпленій Грубска (около $1^1/_2$ m.), и группа, лежащая на урочищѣ „Быковщина", гдѣ 3 кургана имѣютъ высоту въ $2^1/_2$ m. Ни канавокъ у подножія кургановъ ни обкладки камнями нѣтъ; слѣды рвовъ у подошвы замѣчены только въ группѣ на Быковщинѣ.

2. *Насыпь кургановъ* во всѣхъ группахъ состоитъ изъ чернозема, только въ группѣ на Быковщинѣ изъ супеску, составляющаго окружающую курганы почву. Въ насыпяхъ встрѣчались на различной высотѣ: черепки глиняныхъ сосудовъ различнаго цвѣта и обработки, гнѣзда угля, куски гранита, кремни отбитые съ острыми краями, гвозди и комки красной глины. Къ числу случайныхъ находокъ, встрѣтившихся въ насыпи кургановъ, относятся слѣдующіе предметы: желѣзное четырехгранное остріе (длиною въ 0m,06) неизвѣстнаго назначенія, обломокъ бронзовой шейной гривны, представляющій проволоку съ спиральнымъ нарѣзомъ и плоскимъ концомъ, и въ большомъ курганѣ: точильный камень изъ сѣраго шифера сильно сглаженный отъ употребленія, крупная глиняная пряслица и буса изъ синяго стекла.

3. *Устройство гробницы.* Въ половинѣ случаевъ покойники лежали въ неглубокихъ ямахъ, вырытыхъ въ черноземѣ до поверхности подпочвы; средняя глубина могилы=0m,46 ниже уровня горизонта; болѣе глубокія ямы (до 1m,43) встрѣтились только въ могилахъ на урочищѣ „Быковщина", потому что здѣсь супесокъ, составляющій почвенный слой, представляетъ пластъ, толщиною около 1m,5.

Въ 12 случаяхъ скелеты были найдены не въ ямахъ, а на поверхности горизонта, прикрытые насыпью кургана, въ 15-ти же случаяхъ покойники положены были въ самой насыпи кургана выше горизонта (въ среднемъ на 0m,3). Погребеніе на горизонтѣ или выше его уровня преобладало особенно въ группѣ кургановъ, расположенной на урочищѣ „Чертежъ", въ которой изъ 22 насыпей, только въ 4-хъ найдено было погребеніе въ ямахъ. Во всѣхъ курганахъ не найдено было слѣда дерева въ могилахъ, но желѣзные гвозди постоянно сопровождали скелеты, иногда въ довольно значительномъ количествѣ; гвозди торчали обыкновенно шляпками вверхъ въ перпендикулярномъ положеніи по контурамъ скелета, обыкновенно по нѣсколько гвоздей находилось у головы и у ступней, но встрѣчались гвозди у длинныхъ костей рукъ и ногъ, у реберъ, шеи и т. п. Скелеты обыкновенно лежали на расчищенной поверхности подпочвы, но въ нѣсколькихъ случаяхъ на подпочвѣ

подъ скелетомъ замѣчена была особая подстилка: такъ, въ 3-хъ могилахъ подъ скелетомъ лежалъ слой мелкихъ разноцвѣтныхъ камешковъ: бѣлыхъ, зеленыхъ, красныхъ и т. д. или безъ всякой другой примѣси, или перемѣшанныхъ съ углемъ или съ желтою глиною. Въ 4-хъ случаяхъ подстилка подъ скелетами состояла изъ слоя бѣлаго песку, толщиною въ 0m,3, при чемъ въ № 58 слой этотъ покрывалъ сверху пластъ цвѣтныхъ камешковъ. Наконецъ въ одномъ случаѣ подъ скелетомъ лежала смѣсь: комковъ красной глины, угля и черепковъ отъ глиняныхъ сосудовъ. Въ самой могилѣ сосуды встрѣтились только 3 раза; всѣ 3 были раздавлены тяжестью земли и только въ 1 случаѣ удалось возстановить форму сосуда: это небольшой горшокъ изъ свѣтло-бурой очень нечистой глины, плохо выжженный, онъ шире вверху, чѣмъ у основанія и имѣетъ отогнутый наружу вѣнчикъ; высота его 0m,125; діаметръ отверстія 0m,12; діаметръ дна 0m,07; поверхность его гладкая безъ всякой орнаментики; онъ находился въ насыпи кургана, надъ головою скелета, но на 0m,4 выше его.

Въ № 19 въ центрѣ могилы найдены были обломки сосуда, также съ отогнутымъ наружу вѣнчикомъ, сдѣланнаго изъ свѣтлой красноватой, чистой глины и хорошо выжженнаго, украшеннаго на наружной сторонѣ пятью параллельными круговыми линіями. Наконецъ, въ № 58 рядомъ съ разрозненными костями скелета найдены обломки подобнаго же по формѣ горшка, сдѣланнаго изъ красноватой, весьма нечистой глины, украшеннаго на наружной поверхности тремя параллельными кругами и грубымъ узоромъ изъ пересѣкающихся прямыхъ линій.

Во всѣхъ курганахъ было по одному скелету; коллективныя гробницы не встрѣтились.

Въ четырехъ курганахъ встрѣтился обрядъ сожженія; въ двухъ случаяхъ найдены были обугленныя кости скелетовъ, окруженныя углемъ, въ насыпи кургана, среди чернозема, на уровнѣ выше горизонта; въ одномъ случаѣ обломки совершенно пережженыхъ костей, смѣшанные съ углемъ лежали на тачкѣ, устроенномъ на поверхности чернозема, изъ свѣтло-желтой глины, толщиною въ 0m,3. Наконецъ въ № 61, сожженныя человѣческія кости, вмѣстѣ съ желѣзнымъ оружіемъ, лежали на днѣ глубокой ямы (1m,41 ниже горизонта) на слоѣ бѣлаго песку.

4. *Положеніе скелета.* Вслѣдствіе того, что въ курганахъ Грубскаго могильника кости по большей части истлѣли, подробности положенія скелетовъ не могли быть точно обозначены; вообще скелеты лежали на спинѣ съ протянутыми ногами. Въ 30 случаяхъ голова была обращена на З. и ноги на В., съ незначительными иногда уклоненіями головы къ С.-З. или Ю.-З. Въ 4-хъ случаяхъ голова была обращена къ В. и ноги къ З. Положеніе рукъ можно было опредѣлить только въ немногихъ случаяхъ: у 7 скелетовъ обѣ руки были протянуты вдоль тѣла, у 4-хъ одна рука лежала вдоль тѣла, другая же на лобковыхъ костяхъ, у шеи или на поясницѣ.

Ноги были найдены въ 2 случаяхъ въ особенномъ положеніи: въ № 21 онѣ были протянуты по направленію тѣла, но притомъ подняты вверхъ такъ, что лежали на уровнѣ на 0m,17 выше головы; въ № 39 ноги были широко раздвинуты.

Ростъ возможно было промѣрять только въ 9 случаяхъ: 2 скелета оказались весьма высокаго роста, каждый въ 1m,9; но, такъ какъ въ способѣ похоронъ ихъ было рѣзкое уклоненіе отъ похороннаго обряда другихъ кургановъ (они лежали головами на В.) и значительная разница въ типѣ черепа, то измѣреніе ихъ не принято въ общую цифру расчета. Средній ростъ остальныхъ 7 скелетовъ далъ цифру 1m,67; т.-е. ростъ выше средняго.

Черепа вообще относились къ типу короткоголовому; исключенія встрѣтились въ двухъ случаяхъ: черепъ въ № 24 оказался типа длинноголоваго (указатель черепной 74). Въ № же 2, помимо длиннаго размѣра головы (указатель 70) замѣчены были въ устройствѣ черепа слѣдующія особенности: лобная кость раздѣлена продольнымъ швомъ (sutura mediano frontalis); чешуйчатая часть затылочной кости раздѣлена прибавочнымъ швомъ, проходящимъ горизонтально надъ затылочнымъ бугромъ и соединяющимся съ нижними концами шва ламбдовиднаго; такимъ образомъ отдѣлена кость инковъ, имѣющая видъ треугольника, котораго основаніе въ 0_m,11 длиною представляетъ прибавочный шовъ, а высота до начала стрѣловиднаго шва 0_m,05.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Глиняные сосуды встрѣтились только въ трехъ вышеуказанныхъ курганахъ, сверхъ того въ двухъ могилахъ найдены были съ правой стороны скелетовъ у ногъ небольшія ведерца (10 — 12 сантиметровъ въ діаметрѣ); дерево, изъ котораго они были сдѣланы, совершенно истлѣло, остались лишь желѣзныя дужки и желѣзные тонкіе обручи (на одномъ 2, на другомъ 3), которыми они были окованы.

Оружіе было найдено исключительно въ 3-хъ курганахъ, лежащихъ въ группѣ на урочищѣ „Быковщина": въ № 58 на 0_m,5 выше надъ скелетомъ лежали желѣзное копье и ножъ; въ № 60 на одномъ уровнѣ съ пережженными костями находились 3 желѣзныя копья, а въ № 61 желѣзный кинжалъ и наконечникъ желѣзной стрѣлы. Три копья представляютъ желѣзные наконечники въ 0_m,3 длиною; на одномъ концѣ ихъ, широкомъ, помѣщается втулка, внутри которой замѣтны слѣды истлѣвшаго дерева; втулка постепенно съуживается и средняя часть копья представляетъ тонкій четырехгранный стержень, который къ концу переходитъ въ плоское ланцетовидное обоюдоострое лезвіе 0_m,05 длиною; четвертое копье имѣетъ нѣсколько иную форму: втулка, съуживаясь, переходитъ въ длинное обоюдоострое широкое лезвіе, представляющее подобіе ножа. Наконечникъ стрѣлы представляетъ плоское ланцетовидное остріе, длиною въ 0_m,04 шириною въ 0_m,01.

Рукоятка и клинокъ кинжала выкованы изъ одной нераздѣльной полосы желѣза. Длина всего кинжала 0_m,49 (въ томъ числѣ рукоятка 0_m,1; клинокъ 0_m,39). Рукоятка плоская, шире на концѣ, носитъ слѣды гвоздей, прикрѣплявшихъ къ ней деревянную обкладку; клинокъ значительно шире рукоятки и потомъ къ концу постепенно съуживается въ видѣ длиннаго треугольника; въ серединѣ клинка у рукояти сдѣлана сквозная щель (длиною въ 0_m,05 и шириною въ 0_m,05; прерванная въ двухъ мѣстахъ поперечными перемычками, соединяющими ея края; ширина рукоятки въ серединѣ 0_m,02; ширина клинка у рукоятки 0_m,04. Ножъ, найденный вмѣстѣ съ копьемъ въ № 58, весьма плохо сохранился: уцѣлѣлъ только сильно испорченный ржавчиною клинокъ и часть черенка; длина его 0_m,18; сохранность на столько плоха, что нѣтъ возможности судить о формѣ орудія.

Въ 5 случаяхъ встрѣтились желѣзныя острія, имѣющія видъ четырехгранныхъ стержней, на 2-хъ изъ нихъ сохранились у тупаго конца продѣтыя въ него желѣзныя кольца; острія эти, длиною до 0_m,14 находились въ различномъ положеніи по отношенію къ скелетамъ: они лежали между бедрами, у пояса, у лѣваго плеча и въ сторонѣ отъ скелета; такимъ образомъ ни форма орудій, ни положеніе ихъ въ могилѣ не даютъ данныхъ для заключеній объ ихъ бытовомъ назначеніи.

Въ 7 случаяхъ у скелетовъ найдены были маленькіе желѣзные ножики; они помѣщались у пояса и только въ 1 случаѣ ножикъ находился въ лѣвой рукѣ скелета. Ножики эти состоятъ изъ лезвія около 0_m,06 длиною, остраго только съ одной стороны, и изъ черенка, служившаго для оправы въ рукоятку. Въ № 29 рядомъ съ ножикомъ лежалъ кремень съ окресанными краями, сверхъ того въ 3 случаяхъ такіе же кремни найдены были совмѣстно съ гвоздями, плотно къ нимъ прилегавшими.

Изъ украшеній костюма найдены были: серьги, бусы, кольца и пряжки. Въ 4 курганахъ встрѣтились серьги, по одной у каждаго скелета, а въ 1 курганѣ двѣ; 4 серьги сдѣланы изъ серебра и 2 изъ бронзы; 2 изъ нихъ представляли колечки, согнутыя изъ тонкой проволоки съ неспаянными концами, 3 представляли такія же колечки, но одинъ конецъ ихъ былъ расклепанъ и отогнутъ назадъ въ видѣ S, одна же серьга представляла проволоку, на которую надѣты были маленькіе кружки, каждый изъ которыхъ состоялъ изъ 5 мелкихъ серебряныхъ шариковъ. Въ 3-хъ курганахъ на пальцахъ правой руки находились перстни, сдѣланные изъ тонкой серебряной бляшки, шириною въ 0m,005 съ неспаянными концами. Застежки одежды на шеѣ найдены были въ пяти: въ 3-хъ застежка состояла изъ стеклянной бусы, обтянутой золотомъ, въ одномъ случаѣ изъ бронзовой бусы и въ одномъ изъ колечка, сдѣланнаго изъ серебряной неспаянной проволоки, и изъ двухъ сердоликовыхъ бусъ: одной въ видѣ плоскаго кружка, другой граненой въ видѣ шестиугольной призмы. У одного скелета у шеи найдено было намисто, состоявшее изъ очень мелкихъ кружечковъ желтаго и зеленаго цвѣта, совершенно разложившихся, такъ что невозможно было ни сохранить ихъ, ни опредѣлить составъ.

Въ курганѣ № 14 у пояса лежала пряжка, состоящая изъ серебряныхъ литыхъ кольца и наконечника; кольцо представляетъ плоскій кругъ, 0m,03 въ діаметрѣ, наконечникъ—прямоугольную пластинку съ округленнымъ однимъ концемъ въ 0m,04 длиною и 0m,01 шириною; наружная поверхность обоихъ предметовъ украшена орнаментомъ, состоящимъ изъ кружковъ, кривыхъ линій и фигуры, похожей на лилію; около обоихъ предметовъ замѣтны были слѣды разложившагося ремня. Въ курганѣ № 46 у пояса находилась также серебряная пряжка, но она на столько разложилась, что невозможно было ее сохранить и даже точно опредѣлить ея форму. Въ 3-хъ курганахъ у пояса найдены были толстыя, литыя, бронзовыя кольца около 0m,025 въ діаметрѣ, въ № 17 на поясѣ было два такія же кольца.

Металлическія украшенія, найденныя въ Грубскомъ могильникѣ, сдѣланы или изъ проволокъ и пластинокъ съ неспаянными концами, или же получены путемъ отливки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (серьга № 20 и пряжка № 14) обращено вниманіе на то, чтобы украсить данный предметъ прибавками или рисункомъ и достигнута въ этомъ отношеніи значительная степень изящества.

Въ числѣ металлическихъ украшеній 11 сдѣланы изъ серебра и 8 изъ бронзы.

VI. Раскопка у деревни Олешполя.

(См. планъ № 3).

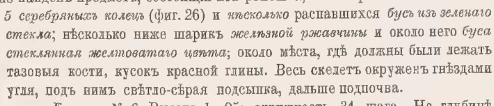
Деревня *Олешполь*, иначе *Виленская слобода* лежитъ на верхнемъ теченіи рѣки Здвижи; около деревни есть 2 могильника: одинъ на лугу надъ рѣкою Здвижью состоитъ изъ 8 кургановъ, довольно расплывшихся, другой, за деревнею, у дороги въ деревню Быковъ; въ немъ болѣе 50 кургановъ; въ послѣднемъ могильникѣ раскопано 11 кургановъ (совершенно пустымъ оказался № 2).

Курганъ № 1. Высота 1m,15; окружность 31 шагъ. На глубинѣ 1m,6 скелетъ. головою къ З. Руки сильно согнуты въ локтяхъ и кисти помѣщены у плечевыхъ сочлененій. Ноги протянуты, правая бедренная кость была сломана при жизни и срослась такъ, что концы излома приткнули другъ къ другу бокомъ; подъ скелетомъ тонкій слой свѣтло-сѣрой подсыпки. Ростъ 1m,62; брахицефалъ.

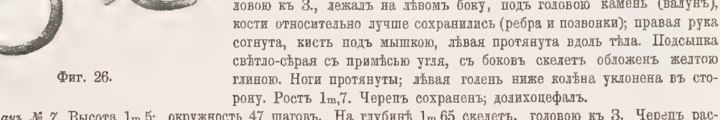
Курганъ № 3. Высота 1m,22; окружность 41 шагъ. Въ центрѣ насыпи, около 0m,6; большой *обломокъ сосудовъ* съ вѣнчикомъ изъ черной глины въ 0m,005 толщиною; къ глинѣ примѣшаны зерна кварца; черепки отъ того же сосуда и угли разбросаны на той же глубинѣ въ срединѣ и южной сторонѣ насыпи. На глубинѣ 1m,4 скелетъ, головою къ З., руки сложены на тазовыхъ костяхъ; *на лѣвой рукѣ кольцо,* (типа фиг. 2,) состоящее изъ серебряной спирально свитой проволоки (1½ оборота спирали); возлѣ правой руки слѣды небольшаго *желѣзнаго орудія*; ноги протянуты вдоль тѣла и значительно отклонены одна отъ другой; подъ скелетомъ свѣтло-сѣрая подпочва. Ростъ 1m,4.

Курганъ № 4. Высота 1m,1; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 1m,58 скелетъ, головою къ С.-З., руки согнуты: правая кисть на поясницѣ, лѣвая на лобковыхъ костяхъ; ноги протянуты; кости совершенно разложились; вокругъ скелета угли и слѣды *желѣзныхъ предметовъ*; на груди два кружка *желѣзной ржавчины*, величиною въ 15-тикопѣечную монету.

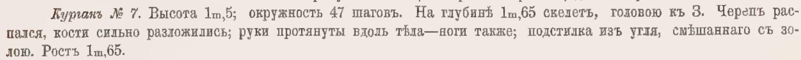
Курганъ № 5. Высота 1m,8; окружность 34 шага. На глубинѣ 1m,4 скелетъ, головою къ З., почти совершенно разложившійся, остались только нѣкоторыя кости черепа и среднія части бедренныхъ костей; около правой височной кости (уцѣлѣвшей) возлѣ processus mastoideus найденъ предметъ, состоящій изъ ремешка, на которомъ было нанизано *5 серебряныхъ колецъ* (фиг. 26) и *нѣсколько* распавшихся *бусъ изъ зеленаго стекла*; нѣсколько ниже шарикъ *желѣзной ржавчины* и около него *буса стеклянная желтоватаго цвѣта*; около мѣста, гдѣ должны были лежать тазовыя кости, кусокъ красной глины. Весь скелетъ окруженъ гнѣздами угля, подъ нимъ свѣтло-сѣрая подсыпка, дальше подпочва.

Фиг. 26.

Курганъ № 6. Высота 1m,05; окружность 34 шага. На глубинѣ 0m,6 слой угля во всю ширину кургана. На глубинѣ 1m,4 скелетъ, головою къ З., лежалъ на лѣвомъ боку, подъ головою камень (валунъ), кости относительно лучше сохранились (ребра и позвонки); правая рука согнута, кисть подъ мышкою, лѣвая протянута вдоль тѣла. Подсыпка свѣтло-сѣрая съ примѣсью угля, съ боковъ скелетъ обложенъ желтою глиною. Ноги протянуты; лѣвая голень ниже колѣна уклонена въ сторону. Ростъ 1m,7. Черепъ сохраненъ; долихоцефалъ.

Курганъ № 7. Высота 1m,5; окружность 47 шаговъ. На глубинѣ 1m,65 скелетъ, головою къ З. Черепъ распался, кости сильно разложились; руки протянуты вдоль тѣла—ноги также; подстилка изъ угля, смѣшаннаго съ золою. Ростъ 1m,65.

Курганъ № 8. Высота 1m,23; окружность 33 шага. Въ насыпи на разной высотѣ встрѣчались угли и *черепки* сосудовъ. Въ срединѣ насыпи, на глубинѣ 1m,45 слѣды костей, совершенно разложившихся, затѣмъ ничего не найдено до подпочвы, на глубинѣ 1m,7.

Курганъ № 9. Высота 0m,9; окружность 35 шаговъ. Въ насыпи найденъ *вѣнчикъ сосуда* изъ сѣрой, чистой, обожженой глины; повидимому сосудъ былъ сдѣланъ на гончарномъ колесѣ. На глубинѣ 1m,45 сильно разложившійся скелетъ, головою къ З.; отъ него остались только часть темени, части одной плечевой и одной лучевой костей; подстилка свѣтло-сѣрая—затѣмъ подпочва.

Курганъ № 10. Высота 1m,22; окружность 36 шаговъ. Въ насыпи встрѣчался уголь. На глубинѣ 1m,68 скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки на поясницѣ, лѣвой на тазовыхъ костяхъ, ноги протянуты. Сохранились кости стопъ, ребра и позвонка; черепъ раздавленъ землею. Ростъ 1m,7. Подсыпка свѣтло-сѣрая, съ углемъ, толщиною въ 0m,02.

Курганъ № 11. Высота 0m,7; окружность 27 шаговъ. На глубинѣ 0m,5 скелетъ ребенка, головою къ З. Два коренные зуба съ каждой стороны въ каждой челюсти еще не выросли. Руки вдоль тѣла, ноги протянуты, правая согнута въ колѣнѣ, голень отклонена къ наружи. Ростъ 1m,05.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Насыпи въ могильникѣ расположены очень густо, такъ что многія соприкасаются основаніями; онѣ сохранили форму конусовъ съ округленными вершинами. Всѣ курганы у подошвы окружены неглубокими, но совершенно отчетливыми рвами.

2. *Насыпь кургановъ* состояла изъ песку, но слой, непосредственно покрывавшій скелеты, представлялъ бурый красноватый глей, сильно пропитанный сыростью. На разной глубинѣ насыпей попадались черепки отъ глиняныхъ сосудовъ и гнѣзда угля; въ № 6-мъ встрѣтился слой угля во всю ширину кургана, на разстояніи 0m,6 отъ его вершины и на 0m,8 выше могилы.

3. *Устройство гробницы.* Покойники лежали въ весьма неглубокихъ ямахъ, вырытыхъ въ песчаномъ слоѣ почвы, до поверхности подпочвы, состоящей изъ твердой, красноватой глины. Средняя глубина ямы = $0^m,35$ ниже горизонта. Слѣдовъ дерева у скелетовъ не было замѣчено; гвоздей также не было, но въ 2 курганахъ въ глеѣ, окружавшемъ скелеты, замѣчены были слѣды какихъ-то разложившихся желѣзныхъ предметовъ. Въ №№ 4 и 5 кругомъ скелета разсыпано было нѣкоторое количество угля. Во всѣхъ курганахъ подъ скелетами на поверхности подпочвы лежалъ слой золы, смѣшанной съ углемъ, въ $0^m,015$ толщиною. Въ одномъ случаѣ скелетъ былъ обложенъ по сторонамъ желтою глиною и подъ голову скелета подложенъ валунъ. Въ каждомъ курганѣ находился только одинъ скелетъ.

4. *Положеніе скелета.* Всѣ остовы лежали на днѣ ямы, на спинѣ, головою на З., ногами на В. Отъ вліянія сырости, переполнявшей окружавшій скелеты глей, кости по большей части разложились. Положеніе рукъ было различно: въ 3-хъ случаяхъ обѣ руки были протянуты вдоль тѣла; въ одномъ ручныя кисти сложены на лобковыхъ костяхъ; въ одномъ локти были сильно согнуты и кисти рукъ лежали у плечевыхъ сочлененій и въ 3-хъ случаяхъ правая рука лежала въ одномъ изъ указанныхъ положеній, а лѣвая въ другомъ. Ноги были протянуты вдоль тѣла, но въ одномъ случаѣ онѣ были значительно раздвинуты, въ другомъ же правая нога была согнута въ колѣнѣ.

Былъ измѣренъ ростъ 5 взрослыхъ субъектовъ, средній размѣръ = $1^m,61$; т. е. ростъ ниже средняго.

Черепа были короткоголовы, только одинъ оказался долихоцефалъ (указатель 70).

Въ № 1 правая бедренная кость скелета подверглась перелому еще при жизни и затѣмъ срослась крайне неправильно: вслѣдствіе сокращенія мускуловъ концы сломанной кости примкнули другъ къ другу боковыми сторонами на протяженіи $0^m,08$ и срослись въ такомъ положеніи посредствомъ калюса; при этомъ внутренній каналъ, остававшійся открытымъ на обоихъ концахъ, выполнился костнымъ веществомъ и контуры изломанныхъ концовъ значительно сгладились и утончились.

5. *Вещи, найденныя въ могилахъ.* Олешпольскіе курганы оказались очень бѣдны предметами. Ни сосудовъ, ни оружія, ни бытовыхъ предметовъ домашняго употребленія въ могилахъ не было. Принадлежности костюма встрѣтились только въ 3 случаяхъ. Въ № 4 на груди найдены были 2 кружка желѣзной окиси въ $0^m,015$ въ діаметрѣ, оставшіеся отъ какихъ-то разложившихся предметовъ. Въ № 3 на лѣвой рукѣ скелета было кольцо, сдѣланное изъ серебряной проволоки, согнутой въ $1^1/_2$ оборота спирали. Въ № 5, у правой височной кости, около processus mastoidus найденъ рядъ серебряныхъ колецъ, числомъ 5; кольца эти сдѣланы изъ тонкой проволоки, согнутой спирально въ $1^1/_2$ оборота; они прилегали другъ къ другу и вдоль ряда проходилъ ремешокъ, на который кольца были продѣты; послѣднее кольцо прилегало къ широкой, сохранившейся пластинкѣ изъ ремня. Рядомъ съ кольцами лежало нѣсколько бусъ, уже распавшихся, сдѣланныхъ изъ зеленаго стекла, и нѣсколько ниже желтая стеклянная буса, съ прикипѣвшею къ ней желѣзною окисью.

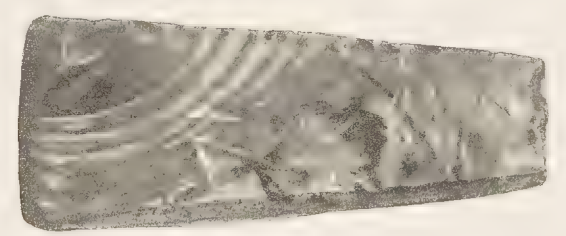
Всѣ кольца, найденныя въ Олешпольскихъ курганахъ, сдѣланы изъ серебра очень низкой пробы.

Каменныя гробницы у села Вышевичъ, Радомысльскаго уѣзда.

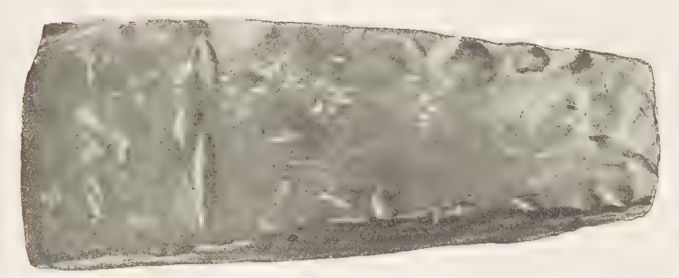
На поляхъ села Вышевичъ, расположеннаго на берегу р. Тетерева, случайно при распашкѣ поля крестьяне наткнулись на 2 гробницы, сложенныя изъ каменныхъ плитъ.

Гробницы эти находились на совершенно ровномъ полѣ, безъ малѣйшихъ признаковъ курганныхъ насыпей; верхнія плиты, покрывавшія гробницы, находились непосредственно подъ слоемъ чернозема, толщиною въ 0m,25.

Одна гробница, лежащая на полѣ въ 2-хъ верстахъ къ сѣверу отъ села, была найдена и въ значительной степени разрушена крестьянами въ 1885 году; она была сложена изъ гранитныхъ плитъ, толщиною въ 0m,22; расположенныхъ въ видѣ прямоугольника, длинною осью съ З. на В. Гробница представляла собою, такъ-называемую, каменную кисту, сложенную изъ 8 гранитныхъ плитъ, поставленныхъ отвѣсно и прикрытыхъ большею девятою плитою, края которой выдавались во всѣ стороны надъ очертаніемъ кисты. Верхніе края плитъ, поставленныхъ перпендикулярно, были стесаны, такъ что они представляли одинъ уровень. Крестьяне разбили верхнюю плиту и употребили для хозяйственныхъ надобностей какъ ея обломки, такъ и большинство плитъ, стоявшихъ отвѣсно. Въ настоящее время

Фиг. 27.

Фиг. 28.

остались на мѣстѣ только плиты: 2, 4 и 6 и нижнія отломанныя части 3 и 5. Высота всѣхъ плитъ = 1m; длина ихъ отъ $^1/_2$m до 1m,34. Нижніе концы вертикальныхъ плитъ были укрѣплены въ подпочвѣ, состоящей изъ красной, вязкой глины, которая составляла и дно кисты. Длина всей гробницы — 2m,6; ширина 0m,86. Въ кистѣ стояло нѣсколько сосудовъ, наполненныхъ сожженными костями и между ними лежали 3 полированные *кремневые топора*. Сосуды были разбиты крестьянами, топоры же разошлись по рукамъ. Одинъ изъ нихъ, видѣнный мною (фиг. 28), представлялъ тщательно отполированный цельтъ изъ темносѣраго кремня въ 0m,125 длиною, шириною 0m,05 у острія, 0m,03 у тупаго конца и

0m,015 толщиною; боковыя и задняя стороны отполированы плоскостями, перпендикулярными къ верхней и нижней поверхностямъ.

Другая гробница была тоже случайно найдена въ 1889 году крестьянами при запашкѣ поля; она лежитъ въ $1^1/_2$ верстѣ отъ первой, на небольшомъ полуостровѣ, омываемомъ потокомъ „Мокрая Колчевка". Гробница устроена точно такъ же, какъ и предъидущая; она сложена въ видѣ прямоугольной кисты изъ 9-ти отвѣсно стоящихъ гранитныхъ плитъ, укрѣпленныхъ нижними концами въ подпочву и прикрытыхъ тремя горизонтальными плитами; изъ нихъ только одна осталась на мѣстѣ, двѣ же остальныя были разбиты крестьянами. Отвѣсныя плиты остались всѣ на мѣстѣ. Толщина ихъ — 0m,2 до 0m,25; высота 0m,92; длина отъ 0m,41 до 0m,85.

Горизонтальная плита длиною 1m,25; шириною 0m,76. Вся киста длиною 1m,8; шириною въ одномъ концѣ 0m,81; въ другомъ 0m,78; она устроена по направленію съ С.-В. на Ю.-З. Внутри ея, подъ плитою вдоль стѣнки стояло 5 глиняныхъ сосудовъ, сдѣланныхъ изъ нечистой, смѣшанной съ кварцемъ глины, они были плохо выжжены и покрыты орнаментомъ, состоящимъ изъ точекъ и прямыхъ линій, пересѣкающихся въ разныхъ направленіяхъ. Всѣ сосуды были наполнены жжеными костями и золою; они разбиты крестьянами. Между сосудами лежали: разсыпавшійся *янтарный предметъ*, въ видѣ половины круга, и *полированный кремневый цельтъ* изъ сѣраго, съ бѣлыми полосками, кремня (фиг. 27); форма его такая же, какъ и топорика, выше описаннаго. Размѣры: длина = 0m,1; ширина у острія 0m,04; у тупаго конца 0m,25; толщина = 0m,01.

VII. Раскопки у села Стрыжавки, Радомысльскаго уѣзда.

(См. планъ № 5).

Курганы лежатъ за селомъ Стрыжавкою къ З. на склонахъ возвышенностей, спускающихся къ широкой долинѣ Тетерева, по которой пролегаетъ шоссе Кіево-Житомірское; курганы расположены (числомъ около 70) въ трехъ группахъ на трехъ сосѣднихъ отрогахъ горы. Раскопано 32 кургана на урочищѣ Скопци и 5 на урочищѣ Каплыця.

Курганъ № 1. Высота 0m,8; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 1m,2 скелетъ, головою къ С.-З., руки согнуты въ локтяхъ, кисти на тазовыхъ костяхъ, ноги протянуты; у головы *два гвоздя*, одинъ надъ другимъ въ горизонтальномъ положеніи, головками къ скелету; гвозди головками вверхъ: у вершины лѣваго бедра, лѣваго колѣна и два у стопъ. У верхней части праваго бедра большой *желѣзный гвоздь*, подъ скелетомъ подпочва—желтая глина. Ростъ 0m,69.

Курганъ № 2. Высота 1m,3; окружность 29 шаговъ. На глубинѣ 1m,43 скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки на поясницѣ, лѣвой на шеѣ, ноги протянуты и нѣсколько раздвинуты. Фаланги пальцевъ рукъ разбросаны (норы сусликовъ), возлѣ колѣнъ найдена одна фаланга позеленѣвшая, но кольца не найдено. Лежалъ скелетъ на подпочвѣ, былъ покрытъ слоемъ угля въ 0m,04 толщиною; другой слой угля, въ 0m,15 толщ. находился на 0m,55 выше перваго. Ростъ 1m,7. Зубы всѣ сохранились; швы не срощены, брахицефалъ, лобъ высокій.

Курганъ № 3. Высота 0m,95; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 1m,8 скелетъ, головою къ З. Кости въ безпорядкѣ: одна лопатка подъ головою, другая подъ голенью, плечевая кость у таза, грудной клѣтки недостаетъ, ноги нѣсколько согнуты въ колѣнахъ. Подстилка; желтый песокъ съ примѣсью угля, подъ нимъ подпочва.

Курганъ № 4. Высота 0m,8; окружность 27 шаговъ. Подъ верхнимъ слоемъ дерна слой ясно краснаго песку, расположенъ крестообразно, подъ нимъ толстый слой угля, расположенный двумя полосками и кучею. Глубже до подпочвы ничего не было. Курганъ межевой.

Курганъ № 5. Высота 2m,45, окружность 50 шаговъ. Въ насыпи, на глубинѣ 1m,8 найдены *два гвоздя*. На глубинѣ 2m,94 лежалъ скелетъ, головою къ З. Кости груди, лѣвое предплечіе, позвонки и кисти рукъ не сохранились; правое предплечіе лежало по направленію къ тазовымъ костямъ, ноги раздвинуты и согнуты въ колѣнахъ. *Гвозди* у правой стороны груди и у правой голени. У стопъ неопредѣленный *желѣзный предметъ*. Подъ скелетомъ слой желтаго песку съ примѣсью угля. Ростъ 1m,79.

Курганъ № 6. Высота 0m,95; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 1m,35 лежалъ скелетъ, головою къ С.-З., сверху покрытъ землею съ гнѣздами угля, по сторонамъ и въ ногахъ обложенъ толстыми деревянными (дубовыми) брусьями Кисть правой руки на поясницѣ; лѣвая сильно согнута въ локтѣ, кисть подъ лѣвою мышкою. На лѣвой рукѣ *серебряное кольцо*, (типа фиг. 5). У нижней челюсти, съ правой стороны часть *серебряной серьги*, (типа фиг. 4) на ногахъ небольшіе клочки кожи отъ *обуви*. Подъ скелетомъ толстый слой дерева, затѣмъ подпочва. Ростъ 1m66; субдолихоцефалъ; указатель черепной—77.

Фиг. 29.

Курганъ № 7. Высота 0m,65; окружность 33 шага. На глубинѣ 1m,28 скелетъ, обложенный деревомъ; брусья уложены прямоугольникомъ въ 1m,8 длины и 0m,78 ширины. Голова къ С.-З. Кисти рукъ сложены на поясницѣ, ноги протянуты. Сверху скелетъ покрытъ толстою доскою, подъ скелетомъ слой черной пыли отъ истлѣвшаго органическаго вещества, подъ нею толстая деревянная доска, ниже слой краснаго песку, перемѣшаннаго съ углемъ и цвѣтными камешками; подъ головою же тонкій бѣлый песокъ. На лѣвомъ вискѣ *серебряное кольцо* (типа фиг. 5).

Курганъ № 8. Высота 0m,95; окружность 44 шага. На глубинѣ 1m,56 скелетъ, головою къ З. Кисти рукъ на поясницѣ, ноги протянуты. Скелетъ окруженъ деревянными брусьями, сложенными въ прямоугольникъ, 2m,02 длиною, шириною въ 0m,65; брусья толщиною въ 0m,3; обложены берестою снаружи и извнутри. *Гвозди:* 1 съ правой стороны головы, 2 у локтей, 2 въ брусьяхъ у стопъ. Съ каждой стороны головы, у височныхъ костей *серебряное колечко* того же типа; на пальцѣ руки витой *бронзовый перстень* (фиг. 29). Ростъ скелета 1m,64; субдолихоцефалъ (указатель черепа 77), швы срослись, зубы всѣ сохранились; два пальца руки сохранились съ мягкими частями.

Курганъ № 9. Высота 1m,18; окружность 40 шаговъ. Въ центрѣ кургана, непосредственно подъ дерномъ лежала большая глыба розоваго гранита (валунъ). На глубинѣ 1m,5 скелетъ, покрытый слоемъ разноцвѣтной глины: красной, желтой и зеленой. Голова къ З. Правая рука протянута вдоль тѣла, лѣвой руки кисть на тазовыхъ костяхъ. Ноги протянуты. Подъ нимъ подпочва. Ростъ 1m,72; скелетъ мужской, молодой, швы не срослись, зубы премудрости еще не вышли изъ ячеекъ.

Курганъ № 10. Высота 1m, окружность 37 шаговъ. Подошвою сливается съ № 12. На глубинѣ 1m,4 скелетъ, головою къ Ю.-З. Кисть правой руки лежала на нижней части груди, кисть лѣвой руки подъ лѣвою мышкою. Ноги протянуты. У скелета *7 гвоздей* головками вверхъ: 1 у верхушки головы и 1 съ правой стороны, 1 подъ лѣвою мышкою 1 у лѣваго локтя, 1 съ лѣвой стороны глаза, 1 у лѣваго колѣна и 1 у конца правой стопы. На челѣ найдено *серебряное колечко*; у верхней трети праваго плеча *6 колецъ*, рядомъ, и выше у плечевой головки еще *2 такихъ же кольца* (сломанныя), всѣ они типа фиг. 2 и были нанизаны на какое-то органическое вещество, оставшееся внутри ихъ въ видѣ аморфной черной массы (вѣроятно, ремень). Въ 0m,08 влѣво отъ головы *перстень*, литой, широкій, изъ серебряной пластинки (фиг. 30) и ниже *серебряное колечко*, подобное остальнымъ. На шеѣ *4 бронзовыя бусы*, (типа фиг. 11) и *2 колечка*, изъ которыхъ одно нанизано на ремень. У праваго колѣна *кольцо*. На правой рукѣ литой съ дырочками, сдѣланный плетенкою *перстень* (фиг. 31). Ростъ 1m,55; скелетъ женскій; брахицефалъ, швы не срослись, зубы мудрости еще не вырѣзались изъ ячеекъ. Подстилка—желтая и синеватая глина. подъ нею подпочва.

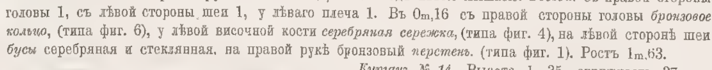

Фиг. 30. Фиг. 31.

Курганъ № 11. Высота 2m,45; окружность 58 шаговъ. Курганъ окруженъ канавкою въ 0m,4 глубины, черезъ нее мостики въ направленіи къ Ю.-З., С.-З. и С. Въ насыпи кургана на глубинѣ 0m,8 въ В. сторонѣ большая глыба розоваго гранита. Ниже, около скелета, въ насыпи много желтаго песку и угля. На глубинѣ 3m,27 скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки на лобковыхъ костяхъ, лѣвой на поясницѣ. ноги протянуты. Ростъ 1m,77. Швы черепа заросли.

Курганъ № 12 Высота 0m,85; окружность 35 шаговъ; сливается подошвою съ № 10 и къ Ю. мостикомъ, перерѣзывающимъ канавку, съ № 11. На глубинѣ 0,86 въ Ю. сторонѣ кургана найдены только части черепа ребенка: молочные зубы (рѣзцы) выпали, новые еще не вырѣзались изъ ячеекъ. Другихъ костей и вещей не было.

Курганъ № 13. Высота 0m,95; окружность 34 шага. Сливается подошвами съ № 14. На глубинѣ 1m скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки на поясницѣ, лѣвой подъ лѣвою мышкою. *Гвозди:* съ правой стороны головы 1, съ лѣвой стороны шеи 1, у лѣваго плеча 1. Въ 0m,16 съ правой стороны головы *бронзовое кольцо*, (типа фиг. 6), у лѣвой височной кости *серебряная сережка*, (типа фиг. 4), на лѣвой сторонѣ шеи *бусы* серебряная и стеклянная, на правой рукѣ бронзовый *перстень*. (типа фиг. 1). Ростъ 1m,63.

Фиг. 32.

Фиг. 33.

Курганъ № 14. Высота 1m,35, окружность 37 шаговъ. На глубинѣ 1m,28 скелетъ, головою къ З. Кисть лѣвой руки подъ лѣвою мышкою, правая рука протянута вдоль тѣла. Ноги протянуты. У лѣваго тазобедреннаго сочлененія *гвоздь*. Съ обѣихъ сторонъ головы 2 *серебряныя колечка* (типа фиг. 2); на лѣвой сторонѣ груди *нѣсколько бусъ* (фиг. 33), лежавшихъ какъ бы розеткою: 3 изъ сердолика, 2 изъ композиціи, 1 бронзовая и 1 (распавшаяся) изъ серебрянаго бисера; у правой височной кости маленькое *серебряное колечко* (фиг. 34); съ правой стороны въ 0m,23 отъ нижней трети плечевой кости *серебряное кольцо* (типа фиг. 2). Въ землѣ, окружающей скелетъ, много большихъ кусковъ угля. Ростъ 1m,49.

Фиг. 34.

Курганъ № 15. Высота 0m,9, окружность 42 шага. На глубинѣ 1m,04 скелетъ, головою къ З. Кисть лѣвой руки на груди, правая рука протянута. *Гвозди:* 2 у головы (у темени лѣваго виска), оба 0m,15 выше черепа, 1 у половины правой плечевой кости, 1 у праваго бедра. Вещей не было; лежалъ на подпочвѣ. Ростъ 1m,82.

Курганъ № 16. Высота 0m,66, окружность 30 шаговъ; пронизанъ норами. Скелетъ на глубинѣ 0m,66, головою къ З., въ наклонномъ положеніи, голова на 0m,2 выше ногъ, руки скрещены на поясницѣ; остальныя кости въ совершенномъ безпорядкѣ, кромѣ голеней, протянутыхъ къ В. Скелетъ лежалъ на подпочвѣ. Ростъ 1m,68. Нижніе зубы всѣ сохранились. Ширина лба 0m,11, лобъ высокій, надбровныя дуги сильно развиты.

Курганъ № 17. Высота 1m,1; окружность 36 шаговъ, пронизанъ норами. На глубинѣ 1m,45 скелетъ, головою къ З. Кисть лѣвой руки на поясницѣ, правая рука вдоль тѣла. Ноги протянуты, позвонки и кости предплечія разбросаны въ безпорядкѣ. У лѣваго бедра *гвоздь*, головкою вверхъ. На лѣвомъ вискѣ *кольцо* (типа фиг. 6). Ростъ 1m,46.

Курганъ № 18. Высота 0m,68; окружность 33 шага. На глубинѣ 0m,74 скелетъ, покрытый слоемъ угля, головою къ З. Кисть правой руки на поясницѣ, лѣвой подъ лѣвою мышкою, ноги протянуты. *Гвозди:* 2 по сторонамъ головы, 1 у праваго бедра. Подъ нимъ подстилка: слой угля въ 0m,17 толщиною. Швы черепные срослись, коренные зубы отсутствуютъ, ячейки зарощены.

Курганъ № 19. Высота 0m,98; окружность 34 шага. Въ насыпи на глубинѣ 0m,6 *гвоздь*. На глубинѣ 1m,6 скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки на поясницѣ, лѣвой подъ головою. *Гвозди* головками вверхъ: у правой стопы и у головки лѣвой бедренной кости. Ростъ 1m,65. Швы на черепѣ не вполнѣ заросли. Подстилка—слой желтаго песку, затѣмъ подпочва.

Курганъ № 20. Высота 1m,05, окружность 32 шага; окруженъ узкою канавкою; изрытъ норами. На глубинѣ 1m,4 въ землѣ, перемѣшанной съ углемъ, на красной глинѣ два скелета, головами на З., между ними полоса угля 1) Скелетъ въ Ю. сторонѣ кургана лежалъ со слѣдами гроба. Кисть правой руки на тазовыхъ костяхъ, лѣвой подъ лѣвою мышкою; правая нога протянута, лѣвая отклонена къ С. Ростъ 1m,64; швы черепные срослись, зубовъ не доставало и ячейки заросли. 2) Скелетъ въ С. сторонѣ кургана: кисти рукъ сложены на тазовыхъ костяхъ. Ноги протянуты. Ростъ 1m,35. Остальныя кости обоихъ скелетовъ: позвонки, ребра, пальцы—въ безпорядкѣ.

Курганъ № 21. Высота 0m,98; окружность 30 шаговъ. На глубинѣ 1m,47 скелетъ, головою къ З. Правая рука на тазовыхъ костяхъ, лѣвая подъ мышкою, ноги протянуты. Ростъ 1m,72. Швы черепные не вполнѣ срослись; зубы всѣ.

Курганъ № 22. Высота 0m,9; окружность 30 шаговъ. На глубинѣ 1m,41 скелетъ, головою къ З., лежалъ на подпочвѣ—желтой глинѣ, около него въ землѣ зерна угля. Руки сложены на поясницѣ, но кисть правой руки подъ головою. Ростъ 1m,82.

Курганъ № 23. Высота 0m,75; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 0m,9 скелетъ, головою къ Ю.-З. Кисти рукъ на тазовыхъ костяхъ, ноги протянуты. Ростъ 1m,63. Швы на черепѣ не срослись, зубовъ премудрости нѣтъ.

Курганъ № 24. Высота 0m,6; окружность 27 шаговъ. На глубинѣ 0m,9, головою къ З. Кисть правой руки на поясницѣ, лѣвой подъ мышкою; ноги протянуты.

Курганъ № 25. Высота 1m, окружность 32 шага. На глубинѣ 0m,64 лежалъ неполный скелетъ; длинныя кости ногъ протянуты съ З. на В.; остальныя кости разложились, около костей ногъ *4 гвоздя* головками вверхъ.

Курганъ № 26. Высота 0m,75, окружность 29 шаговъ. На глубинѣ 0m,88 скелетъ по направленію съ Ю.-З. на С.-В., голова сохранилась. Кисть правой руки на тазѣ, лѣвая вдоль тѣла, на ней витой *перстень* (типа фиг. 1). Ноги протянуты; подстилка—желтый песокъ съ углемъ. Субъектъ молодой, зубовъ мудрости еще нѣтъ.

Курганъ № 27. Высота 1m,1; окружность 40 шаговъ. На глубинѣ 1m,13 скелетъ, головою на З., лѣвая ручная кисть на поясницѣ, правая подъ головою, ноги протянуты; у бедеръ *по 1 гвоздю*. Ростъ 1m,56; скелетъ лежалъ въ мокромъ илѣ, пересыпанномъ углемъ.

Курганъ № 28. Высота 0m,6, окружность 34 шага. На глубинѣ 1m,05 скелетъ, головою къ З.; кисти рукъ на лобковыхъ костяхъ, ноги протянуты. Ростъ 1m,7, зубы всѣ; швы не сросшіеся. Подстилка—сырой илъ, перемѣшанный съ крупнымъ углемъ и комками извести.

Курганъ № 29. Высота 0m,72, окружность 29 шаговъ. На глубинѣ 1m,3 скелетъ, головою къ З. Кисти рукъ на лобковыхъ костяхъ, на пальцѣ *бронзовое кольцо* (типа фиг. 6), ноги протянуты. По обѣимъ сторонамъ скелета слѣды брусьевъ. Ростъ 1m,75.

Курганъ № 30. Высота 0m,4; окружность 20 шаговъ. На глубинѣ 0m,87 въ С. сторонѣ кургана слѣды деревянныхъ брусьевъ отъ З. на В.; между ними на глубинѣ 1m,13 скелетъ, головою къ З.; правая рука вдоль тѣла, лѣвая подъ мышкою, ноги протянуты, лежалъ на подпочвѣ, желтой глинѣ. Въ Ю. сторонѣ кургана скелетъ ребенка отъ З. къ В., черепъ не сохранился, руки вдоль тѣла.

Курганъ № 31. Высота 0m,64; окружность 22 шага. На глубинѣ 0m,8 слѣды дерева отъ З. къ В. въ 2-хъ мѣстахъ и *2 большіе гвоздя*, но скелета не было.

Курганъ № 32. Высота 0m,6; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 0m,83 скелетъ, головою къ З. Кисть лѣвой руки на поясницѣ, правой подъ тазомъ, ноги протянуты. *Гвоздей 4:* 2 у колѣнъ и 2 у стопъ. Въ подстилкѣ у головы нѣсколько кремней и много цвѣтныхъ камней. Ростъ 1m.8.

Слѣдующіе 5 кургановъ раскопаны на урочищѣ „Каплыця“.

Курганъ № 33. Высота 1m,1; окружность 35 шаговъ; изрытъ норами. На глубинѣ 1m.6 скелетъ по направленію съ З. на В. Кости въ безпорядкѣ; головы не было; кисть правой руки на поясницѣ, лѣвая плечевая кость у бедра, а кисть у ногъ. Подстилка изъ сѣро-голубоватой глины съ примѣсью угля.

Курганъ № 34. Высота 0m,76; окружность 33 шага. Оказался совершенно пустымъ, раскопанъ до подпочвы—найденъ только на днѣ одинъ человѣческій зубъ.

Курганъ № 35. Высота 1m,2; окружность 26 шаговъ. На глубинѣ 1m,8 скелетъ, головою къ З. Правая ручная кисть подъ мышкою, лѣвая на поясницѣ, ноги протянуты. Лежалъ на подпочвѣ—желтой глинѣ; былъ присыпанъ мелкимъ углемъ, а въ ногахъ ярко-оранжевымъ пескомъ. Ростъ 1m,7; коренные зубы отсутствовали и ячейки ихъ заросли; швы срослись.

Курганъ № 36. Высота 0m,76; окружность 30 шаговъ. На глубинѣ 1m,08 скелетъ, головою къ С.-З., въ мокрой глинѣ, вслѣдствіе чего кости разложились почти совершенно. Около шеи и кругомъ головы сохранились частицы *ткани шелковой* ленты, перетканной серебряными и золотыми нитками. Съ лѣвой стороны шеи *3 бронзовыя пуговицы*, (фиг 35) возлѣ подбородка *кольцо* изъ ремня или бересты (?).

Фиг. 35.

Курганъ № 37. Высота 0m,78; окружность 25 шаговъ. На глубинѣ 1m,58 скелетъ, окруженный со всѣхъ сторонъ деревянными брусьями, толщиною въ 0m,3. Голова къ З. Кисть правой руки на лобковыхъ костяхъ, лѣвой на поясницѣ. Ноги протянуты. Лежалъ на подпочвѣ, желтой глинѣ. Черепные швы не срощены, зубы всѣ сохранились.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Курганы сохранились хорошо; форма ихъ коническая съ округленною вершиною. Многіе обнесены у подошвы рвомъ, черезъ который въ нѣкоторыхъ случаяхъ проложены мостики. Многіе курганы пронизаны норами грызуновъ, вслѣдствіе чего встрѣчается много могилъ, въ которыхъ кости и вещи растасканы въ безпорядкѣ.

2. *Насыпь кургановъ* состояла изъ супеску; въ ней встрѣчались на различной глубинѣ: гнѣзда угля, гвозди желѣзные и два раза глыбы гранита. Въ № 2, на глубинѣ 0m,56 отъ вершины кургана и на 0m,55 выше уровня могилы, лежалъ слой угля въ 0m,15 толщиною. Въ № 11 та часть насыпи, которая прилегала непосредственно къ скелету, состояла изъ песку, жерствы и угля.

3. *Устройство гробницы.* Покойники лежали въ неглубокихъ ямахъ, въ среднемъ на 0m,42 ниже горизонта, на поверхности подпочвы, состоящей изъ желтой глины. Только въ 8 случаяхъ скелеты были обложены деревомъ: въ 4-хъ могилахъ дубовые брусья 0m,3 толщиною окружали скелетъ со всѣхъ сторонъ, образуя прямоугольникъ; при этомъ въ одномъ случаѣ (№ 7) встрѣтились толстыя доски, покрывавшія гробницу сверху и снизу, а въ другомъ такая же доска находилась только внизу, подъ скелетомъ. Въ 3-хъ случаяхъ дубовые брусья лежали только по сторонамъ скелета. Въ № 8 дубовыя бревна были обложены извнутри и снаружи березовою корою. Въ 28 могилахъ слѣда дерева вовсе не было замѣчено. Въ 6-ти могилахъ скелеты были присыпаны сверху углемъ, при чемъ въ одномъ случаѣ уголь покрывалъ весь скелетъ, кромѣ ногъ, на которыя былъ насыпанъ слой ярко-оранжеваго песку. Въ № 9 скелетъ былъ покрытъ сверху слоемъ глины, окрашенной яркими цвѣтами: красной, желтой и зеленой. Въ 13-ти могилахъ скелеты были окружены по контурамъ тѣла желѣзными гвоздями, торчавшими перпендикулярно шляпками вверхъ; въ одномъ только случаѣ гвозди, бывшіе въ сторонѣ головы, оказались не на одномъ съ нею уровнѣ, а на 0m,1 до 0m,15 выше; въ другомъ, № 1, изъ числа 6 гвоздей, окружавшихъ скелетъ, 4 стояли перпендикулярно, два же, бывшіе у головы, лежали горизонтально одинъ надъ другимъ, обращенные шляпками

къ скелету. Скелеты въ большинствѣ случаевъ лежали на поверхности подпочвы, но въ нѣкоторыхъ гробницахъ на подпочвѣ устроена была предварительно настилка; такъ, въ курганахъ №№ 6 и 7 подъ скелетомъ лежали толстыя деревянныя доски, въ №№ 3, 5, 19, 26 слой желтаго песку, смѣшаннаго съ углемъ, въ №№ 10 и 33 слой желтой или синей глины, также съ примѣсью угля, въ № 18 чистый уголь и въ № 32 слой разноцвѣтныхъ мелкихъ камешковъ. Въ № 7 подстилка состояла изъ краснаго песку, смѣшаннаго съ углемъ и разноцвѣтными камешками, подъ голову же былъ подсыпанъ бѣлый песокъ. Наконецъ, въ 3-хъ гробницахъ скелеты лежали на слоѣ весьма сырого ила, смѣшаннаго съ углемъ.

Въ каждомъ курганѣ былъ одинъ скелетъ, только въ № 20 ихъ оказалось 2—человѣка взрослаго и ребенка; скелеты эти были отдѣлены другъ отъ друга полосою угля.

4. *Положенiе скелета.* Всѣ остовы лежали на спинѣ въ горизонтальномъ положенiи, только въ одномъ случаѣ скелетъ находился въ положенiи наклонномъ, такъ что голова лежала выше ногъ. Голова всѣхъ скелетовъ была обращена на З. съ незначительными уклоненiями въ немногихъ случаяхъ къ С.-З. или Ю.-З. Руки находились въ самомъ разнообразномъ положенiи: то обѣ ручныя кисти были сложены на поясницѣ (4 раза) или на лобковыхъ костяхъ (5 разъ), или протянуты вдоль тѣла (1 разъ), то каждая рука занимала иное положенiе: правая кисть находилась подъ мышкою 1 разъ, на поясницѣ 7 разъ, вдоль тѣла 6, на лобковыхъ костяхъ 5, на груди 1 и подъ головою 1; лѣвая кисть лежала подъ мышкою 9 разъ, на поясницѣ 6, вдоль тѣла 1, на лобковыхъ костяхъ 1, на груди 1, подъ головою 1 и у шеи 2 раза.

Ноги почти постоянно были протянуты вдоль, только въ 2 случаяхъ онѣ оказались согнутыми въ колѣнахъ и въ 3-хъ—раздвинутыми.

Ростъ былъ промѣрянъ на 24 взрослыхъ индивидуумахъ, средняя высота$=1_m,66$; т.-е. ростъ нѣсколько выше средняго. Всѣ черепа принадлежали къ типу короткоголовому, за исключенiемъ 2-хъ, которые представляли черепа субдолихоцефалическiе (указатели черепные 77). Никакихъ аномалiй въ устройствѣ костей не замѣчено.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* При покойникахъ вовсе не было сосудовъ, оружiя и орудiй домашняго быта; всѣ найденные предметы принадлежали къ числу украшенiй костюма. Въ 3-хъ случаяхъ у височныхъ костей найдены были сережки, состоявшiя изъ тонкой, серебряной, кольцеобразно согнутой, но не спаянной проволоки; сверхъ того у головы въ 6 курганахъ найдены были серебряныя колечки изъ болѣе толстой проволоки, согнутой спиралью, такъ что она образовала одинъ оборотъ съ четвертью; кольца эти были различной величины отъ $0_m,005$ до $0_m,02$ въ дiаметрѣ; лежали по одному или по нѣсколько на каждомъ черепѣ; если ихъ было нѣсколько, то они были направлены отъ правой височной кости къ верхней трети правой плечевой. Въ № 10 такихъ колецъ было 8 и притомъ внутри ихъ находился остатокъ истлѣвшаго ремня, на который они были нанизаны; можно, предполагать что кольца эти скрѣпляли женскiя косы или вплетались въ нихъ. Въ 4-хъ случаяхъ на груди найдены были остатки отъ застежки одежды: въ № 10 застежка состояла изъ 4-хъ бронзовыхъ бусъ и 2-хъ колечекъ, внутри одного колечка найденъ остатокъ продѣтаго въ него ремня; бусы состояли изъ 3-хъ рядовъ шариковъ (въ каждомъ ряду по 6). Въ № 14 застежку составляла розетка, состоявшая изъ 7 разнообразныхъ бусъ: глиняныхъ (желтой и красной), сердоликовыхъ, бронзовой и серебряной. Въ № 13 въ застежкѣ было только 2 бусы: серебряная и стеклянная. Наконецъ въ № 36 у шеи найдены 3 бронзовыя пуговицы, продѣтыя въ петлю, сдѣланную изъ ремня.

На рукахъ, безразлично на правой или на лѣвой, надѣты были кольца и перстни, иногда они лежали не на рукахъ, а случайно были брошены около скелета (въ № 10 одно у головы, другое у колѣна). Кольца изъ согнутой спирально довольно толстой серебряной проволоки встрѣтились только 3 раза. Перстни въ 3 случаяхъ были сдѣланы изъ 2-хъ серебряныхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ съ заклепанными, но не спаянными концами. Въ № 10 найдены 2 перстня: одинъ на правой рукѣ, сдѣланъ изъ тонкихъ серебряныхъ проволокъ, сплетенныхъ въ 4 полосы, съ заклепанными, но не спаянными концами, другой, лежавшій въ сторонѣ отъ головы, отлитъ въ видѣ широкой (0$_{m}$,75) серебряной пластинки и украшенъ съ наружной стороны орнаментомъ, изображающимъ вѣтку, вьющуюся зигзагомъ и снабженную листьями и цвѣтами.

Одежда покойниковъ совершенно истлѣла, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было различить слѣдъ ея въ видѣ чернобурой пыли, облегавшей скелетъ. Въ одномъ только случаѣ около головы и шеи скелета уцѣлѣли куски ленты, повидимому шелковой, перетканой металлическими (золотыми или серебряными) нитками. Въ рѣдкихъ случаяхъ, можно было различить небольшія части кожи, оставшейся отъ истлѣвшей обуви.

Въ металлическихъ украшеніяхъ одежды преобладало серебро: изъ 41 предмета 32 сдѣланы изъ серебра и только 9 изъ бронзы. Серебро весьма низкой пробы, вѣроятно сплавлено съ значительнымъ количествомъ мѣди, вслѣдствіе чего всѣ предметы покрыты толстымъ слоемъ зеленой окиси; лишь соскобливъ послѣднюю можно замѣтить блескъ серебра. Только одинъ перстень, бусы и пуговицы литые, всѣ остальные предметы приготовлены изъ проволокъ, ни на одномъ предметѣ концы не были спаяны.

VIII. Раскопки у м. Коростышева.

(См. планъ № 5).

Раскопка произведена была въ 3 верстахъ къ С. отъ мѣстечка; раскопана часть группы кургановъ, лежащей у лѣса „Бобрыка“ на склонѣ горы къ Тетереву, около дороги изъ м. Коростышева въ с. Козіевку. Группа состоитъ изъ 21 кургана; подпочва — желтая твердая глина.

Курганъ № 1. Высота 0$_{m}$,95; окружность 54 шага. Въ насыпи кургана среди чернозема встрѣчались гнѣзда желтаго песку, желтой глины и извести, у самаго скелета гнѣзда угля и извести. На глубинѣ 1$_{m}$,05 лежалъ скелетъ на черноземѣ, перемѣшанномъ съ углемъ и плотно утрамбованномъ. Голова къ З., руки протянуты вдоль тѣла, ноги тоже протянуты. Возлѣ скелета *12 гвоздей* головками вверхъ: 2 по сторонамъ головы, одинъ у лѣваго плеча, одинъ на лѣвой сторонѣ груди, 2 у локтей, 2 по обѣ стороны правой ручной кисти, 2 у колѣнъ и 2 у конца ногъ. Ростъ скелета 1$_{m}$,85.

Курганъ № 2. Высота 0$_{m}$,82; окружность 36 шаговъ. Этотъ курганъ сливался съ № 3. На глубинѣ 1$_{m}$,52 лежалъ скелетъ, подъ нимъ были слѣды истлѣвшаго дерева. Голова къ З., руки согнуты въ локтяхъ, кисти на тазовыхъ костяхъ, ноги протянуты. Между головками бедренныхъ костей найдена *желѣзная пряжка.* Подъ скелетомъ подстилка изъ плотно утрамбованной глины; швы черепа не срослись; ростъ 1$_{m}$,71, брахицефалъ, зубы всѣ сохранены.

Курганъ № 3. Высота 0$_{m}$,8; окружность 35 шаговъ, подножіемъ сливался съ № 2. На глубинѣ 1$_{m}$,2 скелетъ, головою къ З., кисть лѣвой руки на лобковыхъ костяхъ, правой на верхней части бедреной кости, ноги протянуты. Подстилка: желтая глина, плотно утрамбованная, подъ нею слой бѣлаго песку и далѣе подпочва—желтая глина (черепъ сохраненъ).

Курганъ № 4. Высота 0$_{m}$,94; окружность 42 шага. На глубинѣ 0$_{m}$,75 деревянная доска по направленію съ З. къ В. Подъ нею, т. е. 0$_{m}$,05 глубже, скелетъ, головою къ З., около него *8 гвоздей* головками вверхъ: 1 съ лѣвой стороны головы, 2 у плечевыхъ сочлененій, одинъ у лѣваго колѣна снаружи, 3 расположенные треугольникомъ у внутренней стороны праваго колѣна, одинъ въ концѣ ногъ; кисть лѣвой руки подъ правымъ бедромъ, правой на лѣвомъ пред-

плечіи, ноги протянуты; у лѣваго плеча *желѣзное неопредѣленное орудіе*, на правой рукѣ *бронзовый перстень* (типа фиг. 1). Подстилка: утрамбованная желтая глина. Ростъ 1m,6. Спинные позвонки срослись подъ угломъ (горбъ).

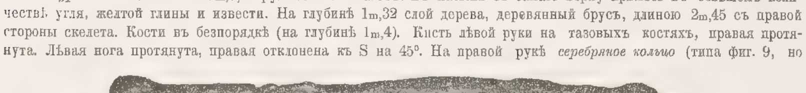
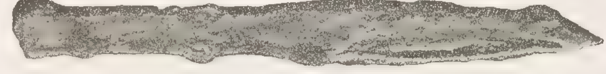
Курганъ № 5. Высота 0m,83; окружность 39 шаговъ. На глубинѣ 1m,27 скелетъ, головою къ З., руки согнуты, кисти ихъ на поясницѣ. На лѣвой рукѣ *серебряное кольце* (типа фиг. 2), у лѣвой стопы два *желѣзные гвоздя*. Лежалъ на подпочвѣ—желтой глинѣ, слегка присыпанной углемъ. Ростъ 1m,78.

Курганъ № 6. Высота 1m,1; окружность 47 шаговъ. На глубинѣ 1m,15 скелетъ, головою на С.-З., тазъ и ноги уклоняются къ Ю.-В. Руки согнуты въ локтяхъ, кисти на поясницѣ. Вокругъ скелета *17 гвоздей:* 5 у головы, 3 у праваго плеча, 1 у лѣваго, 2 у верхнихъ частей бедеръ, 2 у голеней, 3 у конца ногъ; подстилка: слой желтой глины въ 0m,1; слой чернозему 0m,1: затѣмъ подпочва. Ростъ 1m.84; скелетъ мужской.

Курганъ № 7. Высота 0m,72; окружность 40 шаговъ. Въ насыпи одинъ *гвоздь и черепокъ* отъ сосуда плохо обожженный. На глубинѣ 1m,34 скелетъ, головою къ З., кисть правой руки на поясницѣ, лѣвой на груди, около шеи. Правая нога протянута, лѣвая согнута въ колѣнѣ. Около лѣваго виска *3 серебряныя колица* (типа фиг. 9), нанизанныя на темную органическую массу, въ которой можно было отличить волоски; у лѣвой стороны около шейныхъ позвонковъ *2 бронзовыя бусы* (фиг. 36) и другая побольше (типа фиг. 11). Лежитъ на подпочвѣ. Ростъ 1m,7; швы черепные не заросли, зубы коренные выпали и ячейки заросли.

Фиг. 36.

Курганъ № 8. Высота 0m,7; окружность 37 шаговъ. Въ насыпи съ самаго верху примѣсь въ большемъ количествѣ угля, желтой глины и извести. На глубинѣ 1m,32 слой дерева, деревянный брусъ, длиною 2m,45 съ правой стороны скелета. Кости въ безпорядкѣ (на глубинѣ 1m,4). Кисть лѣвой руки на тазовыхъ костяхъ, правая протянута. Лѣвая нога протянута, правая отклонена къ S на 45°. На правой рукѣ *серебряное кольцо* (типа фиг. 9, но

Фиг. 37.

большихъ размѣровъ), у конца пальцевъ правой ноги небольшое *желѣзное копье* (фиг. 37). *Гвозди* головками вверхъ: у правой ручной кисти и 2 по сторонамъ ногъ. Подъ скелетомъ тонкій пластъ березовой коры и подъ нимъ подпочва—желтая глина.

Курганъ № 9. Высота 0m,55; окружность 35 шаговъ. На глубинѣ 0m,98 скелетъ, головою къ С.-З. Лѣвая рука протянута вдоль тѣла, кисть подъ бедренною костью, правая кисть на поясницѣ. Съ лѣвой стороны головы, около шеи *тонкое колечко* (типа фиг. 4). Подъ скелетомъ слой березоваго дерева, покрытаго корою; затѣмъ подпочва: желтая глина. Ростъ 1m,76. Швы черепа заросли, зубы почти всѣ выпали и ячейки заросли.

Курганъ № 10. Высота 0m,6; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 1m,05 скелетъ, головою къ З., руки согнуты въ локтяхъ; правая кисть руки на поясницѣ, лѣвая на груди. Ноги протянуты. На правой рукѣ *колечко* (типа фиг. 4), у подбородка *2 бронзовыя бусы* (фиг. 38 и 39) *и одна мелкая стеклянная,* обтянутая золотомъ. Сверху, надъ скелетомъ и по обѣимъ сторонамъ его деревянные брусья. *Гвозди* головками вверхъ: 3 у головы, 1 у лѣваго плеча, 2 у бедренныхъ костей и 1 у лѣвой стопы.

Фиг. 38.

Фиг. 39.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Группа кургановъ расположена на полѣ, которое съ давняго времени распахивается; вслѣдствіе этого курганы значительно сгладились и потеряли свою первоначальную форму; они представляютъ невысокія плоскія насыпи съ широкимъ основаніемъ. Многія насыпи почти совершенно изгладились, такъ что поверхность кургановъ почти совершенно сливается съ уровнемъ поля; вѣроятно, группа была гораздо болѣе многочисленна, но многіе курганы совершенно уже изгладились.

2. *Насыпь кургановъ* состояла изъ чернозема, въ которомъ часто встрѣчались въ видѣ отдѣльныхъ комковъ или гнѣздъ: желтая глина, желтый песокъ, известь, и уголь; на разной глубинѣ въ насыпяхъ находились разрозненные черепки горшковъ и отдѣльно лежавшіе гвозди.

3. *Устройство гробницы.* Скелеты лежали въ неглубокихъ ямахъ, вырытыхъ въ чер-

ноземномъ слоѣ почвы; средняя глубина ямы=0_m,44; въ одномъ случаѣ покойникъ былъ положенъ на уровнѣ горизонта. Присутствіе дерева въ могилѣ замѣчено было въ 5 курганахъ: въ одномъ бревна лежали по обѣимъ сторонамъ скелета и покрывали его сверху; въ другомъ деревянный брусъ лежалъ съ правой стороны скелета; въ № 4 скелетъ былъ прикрытъ только деревянною доскою; въ двухъ курганахъ дерево замѣчено было только подъ скелетомъ, на днѣ гробницы; въ № 2 оно представляло очень тонкій, едва замѣтный слой истлѣвшей древесины, въ № 9 подъ скелетомъ находился довольно толстый слой березоваго дерева, покрытаго корою. Почти во всѣхъ гробницахъ скелеты были окружены по контурамъ тѣла гвоздями, стоявшими перпендикулярно шляпками вверхъ; количество этихъ гвоздей въ нѣкоторыхъ гробницахъ было довольно значительное, такъ въ № 4 ихъ найдено 8, въ № 7—10, въ № 1—12 и въ № 6—17.

Скелеты только въ трехъ курганахъ лежали на поверхности подпочвы, въ остальныхъ-же случаяхъ подъ ними была найдена особая подстилка; въ № 5 эта подстилка состояла изъ угля, въ № 8 изъ тонкаго слоя березовой коры, въ №1 изъ плотно утрамбованнаго слоя чернозема, смѣшаннаго съ углемъ, въ №№-же 2, 3, 4 и 6 изъ утрамбованной желтой глины, слой которой отдѣлялся отъ подпочвы слоемъ бѣлаго песку или чернозема.

4. *Положеніе скелета.* Скелеты лежали на спинѣ, головою обращены къ З., съ незначительными уклоненіями въ 2-хъ случаяхъ къ С.-З. Руки находились въ различномъ положеніи: обѣ ручныя кисти въ двухъ случаяхъ были сложены на поясницѣ, въ двухъ на лобковыхъ костяхъ и въ одномъ случаѣ обѣ руки были протянуты вдоль тѣла. Въ остальныхъ 5 случаяхъ руки занимали каждая иное положеніе, одна ручная кисть лежала: на груди, на поясницѣ, на лобковыхъ костяхъ или вдоль тѣла, а другая занимала одно изъ указанныхъ положеній, не сходное съ первою рукою. Ноги были протянуты по направленію тѣла, только въ № 7 лѣвая нога была согнута въ колѣнѣ, а въ № 8 правая отклонена въ сторону подъ 45^0 къ направленію всего тѣла. Въ № 6 весь скелетъ былъ согнутъ въ поясницѣ въ сторону, такъ что нижняя и верхняя половины тѣла лежали другъ къ другу подъ тупымъ угломъ.

Измѣренъ былъ ростъ 6 скелетовъ; всѣ оказались росту высокаго. средняя цифра роста=1_m,77; седьмой скелетъ, съ изогнутымъ позвоночнымъ столбомъ былъ оставленъ въ сторонѣ и не вошелъ въ расчетъ.

Всѣ черепа относились къ типу короткоголовому, аномалій въ устройствѣ череповъ и скелетовъ не было замѣчено; только въ № 4 спинные позвонки срослись между собою и спинной хребетъ былъ изогнутъ подъ угломъ, представляя значительно выдававшійся горбъ, отчего зависѣло и то, что ростъ этого скелета оказался значительно меньше другихъ.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Изъ оружія найденъ только одинъ предметъ: четырехгранный наконечникъ копья или дротика 0^m,12 длиною и около 0^m,01 толщиною; онъ найденъ у скелета въ № 8 около пальцевъ правой ноги; остріемъ обращенъ былъ къ пальцамъ; тупой конецъ безъ втулки. Кромѣ того въ № 2 ниже пояса и въ № 4 у лѣваго плеча найдены были 2 желѣзные предмета, испорченные ржавчиною, значенія которыхъ нельзя было опредѣлить. Изъ украшеній были найдены: въ № 9 серьга изъ тонкой серебряной проволокн, свернутой кольцеобразно; въ № 7 три кольца изъ болѣе толстой серебряной проволоки, нанизанныя на какое-то темное органическое истлѣвшее вещество, въ которомъ при внимательномъ разсмотрѣніи въ лупу можно было отличить

волоски буро-оранжеваго цвѣта; этотъ рядъ колецъ, охватывавшій, вѣроятно, конецъ косы, помѣщался у лѣваго виска.

Застежки на шеѣ найдены были въ двухъ случаяхъ: въ первомъ случаѣ застежка состояла изъ 3-хъ бронзовыхъ бусъ, состоявшихъ изъ шариковъ, расположенныхъ въ одной въ 3 ряда, въ двухъ другихъ въ 2 ряда — въ каждомъ ряду по 6 шариковъ; въ другомъ случаѣ застежка состояла также изъ 3-хъ бусъ: 2-хъ серебряныхъ и одной стекляной, обтянутой золотомъ; серебряныя бусы отлитыя подобно бронзовымъ, состоятъ также изъ рядовъ шариковъ (въ одной 3, во второй 1 рядъ).

Въ трехъ случаяхъ на пальцахъ рукъ найдены были кольца, сдѣланныя изъ гладкой, довольно толстой серебряной проволоки, съ неспаянными концами: въ одномъ случаѣ на пальцѣ правой руки находился перстень, составленный изъ двухъ серебряныхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ со склепанными, но не спаянными концами.

Всѣ металлическія украшенія, за исключеніемъ 3-хъ бронзовыхъ бусъ, сдѣланы изъ серебра, весьма низкаго достоинства; онѣ покрыты зеленоватою темною окисью, соскобливъ которую можно замѣтить блескъ металла; концы всѣхъ предметовъ не спаяны.

IX. Раскопки у села Городска, Радомысльскаго уѣзда.

(См. планъ № 5).

Село Городскъ расположено среди овраговъ на берегу р. Тетерева; три ручья: Бугрой, Люльковка и Збужъ, текущіе въ глубокихъ оврагахъ, перерѣзываютъ село и впадаютъ въ Тетеревъ. Два большіе городища расположены на высокихъ горахъ въ самомъ селеніи: одно на лѣвомъ берегу Люльковки, другое на лѣвомъ берегу Збужа; около села расположены четыре могильника: первый отъ села на $^1/_2$ версты въ полѣ, на урочищѣ, названномъ „Курганцы Нужнаго“, въ немъ 14 кургановъ; другой къ западу отъ села въ $^1/_2$ верстѣ отъ потока Збужа, состоитъ изъ 9 кургановъ, лежитъ у дороги въ село Козіевку; третій изъ 8 кургановъ въ восточной окраинѣ села, на урочищѣ, названномъ „Короливъ Огородъ“ и четвертый изъ 17 кургановъ къ югу отъ села, на опушкѣ лѣса, непосредственно за Тетеревомъ. Раскопка производилась въ первомъ и четвертомъ могильникахъ.

I. На урочищѣ „Курганцы Нужнаго“ находится 14 кургановъ; они расположены среди поля, которое давно распахивается. Подпочва твердая буро-желтая глина. Въ группѣ раскопано 7 кургановъ.

Курганъ № 1. Высота 1m,55; окружность 54 шага. На глубинѣ 1m,5 найденъ слой ярко-желтаго песку, подъ нимъ нѣсколько дубовыхъ брусьевъ, обложенныхъ со всѣхъ сторонъ берестою; брусья были въ 0m,3 толщиною и расположены такъ, что представляли какъ бы остатокъ обрушившагося свода. Подъ ними, на 0m,3 ниже, лежалъ скелетъ, кости котораго сильно разложились; головою на З., ноги вытянуты; подъ костякомъ очень тщательно утрамбованная бурая глина; затѣмъ подпочва. Никакихъ вещей не найдено. Ростъ скелета 1m,6. Съ каждой стороны верхней челюсти не доставало 3 коренныхъ зубовъ, ячейки заросли. Шовъ стрѣловидный, сросся совсѣмъ, вѣнечный и ламбдовидный отчасти.

Курганъ № 2. Высота 0m,95; окружность 45 шаговъ. На глубинѣ 1m,26 скелетъ, головою къ С.-З. Кисть правой руки подъ мышкою, лѣвой на поясницѣ, ноги протянуты; съ обѣихъ сторонъ скелета слѣды деревянныхъ брусьевъ, обложенныхъ берестою. Ростъ 1m,72; на задней части лѣвой темянной кости значительное круглое углубленіе. *6 желѣзныхъ гвоздей:* 3 у головы и 3 у ногъ.

Курганъ № 3. Высота 0m,98; окружность 38 шаговъ. На глубинѣ 1m,37 скелетъ, головою къ Ю.-З., ноги вытянуты; остальные кости въ безпорядкѣ; всей правой руки и лѣвой плечевой не было. лѣвое предплечіе на поясницѣ.

Со всѣхъ сторонъ скелетъ обложенъ деревомъ, но снизу его не было; лежалъ на подпочвѣ. Ростъ 1m,6. Швы черепные срослись.

Курганъ № 4. Высота 0m,72; окружность 42 шага. На глубинѣ 1m,42 лежали отъ З. къ В. два деревянные брусья, обложенные берестою; разстояніе между ними 0m,4. Среди нихъ скелетъ на глубинѣ 1m,54, головою къ З. Кисть правой руки у правой ключицы, лѣвой у лобковыхъ костей; ноги протянуты. Всѣ кости окружены рыхлою черною органическою пылью, вѣроятно отъ истлѣвшей одежды; лежалъ на подпочвѣ. Ростъ 1m,68. Лобная кость съ правой стороны была сильно разбита, но заросла при жизни.

Курганъ № 5. Высота 0m,73; окружность 43 шага. На глубинѣ 1m,23 скелетъ, головою къ З., присыпанный мелкимъ углемъ. Кисть лѣвой руки на поясницѣ, правой на тазовыхъ костяхъ. Ноги протянуты. Лежалъ на подпочвѣ; кости весьма плохо сохранились.

Курганъ № 6. Высота 0m,76; окружность 51 шагъ. На глубинѣ 1m,46 скелетъ, лежалъ въ желтоватомъ сыромъ глеѣ. Голова къ З.; кисть правой руки подъ мышкою, лѣвая рука вдоль тѣла. Ноги протянуты, лѣвая немного согнута. Кости сильно разложились. Ростъ 1m,52.

Курганъ № 7. Высота 0m,78; окружность 53 шага. На глубинѣ 0m,7 слѣды дерева отъ С.-З. къ Ю.-В. Въ немъ части черепа и рукъ ребенка, у котораго не вырѣзались еще 2 послѣдніе коренные зуба съ каждой стороны.

II. Затѣмъ раскопано было 5 кургановъ въ группѣ, лежащей на опушкѣ лѣса къ югу отъ села, на правомъ, южномъ берегу Тетерева. Вся группа состояла изъ 17-ти кургановъ, но большая часть ихъ испорчена раскопками кладоискателей. Подъ тонкимъ слоемъ дерна насыпь и подпочва состояли изъ однороднаго, желтаго сыпучаго песку.

Курганъ № 8. Высота 0m,9; окружность 28 шаговъ. Въ насыпи съ самаго верху въ Ю.-З. углу кургана встрѣчались зерна угля и *черепки отъ двухъ сосудовъ:* одни гладкіе, другіе орнаментированные поперечными полосами. На глубинѣ 1m,9 скелетъ, головою къ З. Кисть правой руки подъ головою, лѣвой на поясницѣ; ноги протянуты. Вокругъ скелета присыпанъ уголь. Ростъ 1m,87. По сторонамъ скелета сѣрая земля.

Курганъ № 9. Высота 1m,02; окружность 30 шаговъ. На глубинѣ 0m,7 скелетъ, окруженный сѣрою землею и покрытый смѣсью песку съ углемъ. Голова къ З. Скелетъ лежалъ на лѣвомъ боку: кисть правой руки ниже таза между бедренными костями. Ростъ 1m,4; спинные позвонки срослись подъ угломъ (горбъ). Швы черепные не срослись; лобъ низкій.

Курганъ № 10. Высота 0m,95; окружность 30 шаговъ. На глубинѣ 1m,52 лежали части скелета ребенка; болѣе ничего не было.

Курганъ № 11. Высота 0m,75; окружность 26 шаговъ. Въ верхней части насыпи встрѣчались *черепки отъ глиняныхъ сосудовъ, часть кремневаго ножа* и звѣриная кость. Черепки двухъ родовъ: одни изъ нечистой глины очень грубые, плохо выжженные, съ примѣсью зеренъ кварца, другіе тонкіе, сѣрые, хорошо обожженные. На глубинѣ 1m,7 въ пескѣ, смѣшанномъ съ углемъ, скелетъ головою къ С.-З. Кисти рукъ сложены на поясницѣ; ноги протянуты. Ростъ 1m,7. Швы черепные срослись.

Курганъ № 12. Высота 0m,95; окружность 30 шаговъ. На глубинѣ 1m,17 скелетъ, головою къ З. Кисти рукъ сложены на груди; ноги протянуты. Съ правой стороны головы у височной кости лежалъ *кремневый* отбивной *ножикъ*; у шеи *бронзовое кольцо* (типа фиг. 9), нашитое на какую-то органическую массу темнаго цвѣта. На одномъ изъ пальцевъ лѣвой руки также *серебряное кольцо* того же типа.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Въ первой группѣ курганы значительно испорчены запашкою—они представляли плоскія невысокія насыпи съ сглаженными контурами, многіе едва замѣтны надъ уровнемъ поля; вѣроятно, значительное количество кургановъ совершенно изгладилось. Во второй группѣ курганы сохранили первоначальную коническую форму, но многіе изъ нихъ испорчены кладоискателями, вырывшими неправильныя ямы съ боковъ и на вершинѣ кургановъ.

2. *Насыпь кургановъ* въ первой группѣ состояла изъ чернозема. Въ одномъ случаѣ въ насыпи на уровнѣ горизонта и 0m,3 выше уровня могилы находилась постройка въ видѣ крыши, сложенная изъ деревянныхъ брусьевъ и покрытая слоемъ ярко-желтаго песку.

Во второй группѣ кургановъ насыпь состояла изъ чистаго желтаго песку, среди котораго встрѣчались зерна угля, отбитыя кремневыя орудія, разрозненныя кости животныхъ и въ двухъ случаяхъ черепки отъ разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ.

3. *Устройство гробницы.* Скелеты лежали въ ямахъ, вырытыхъ въ почвѣ. Ямы эти въ первой группѣ кургановъ были очень не глубоки, въ среднемъ углублялись на 0m,33 ниже горизонта въ черноземной почвѣ до поверхности подпочвы, состоящей изъ твердой желто-бурой глины.

Во второй группѣ ямы были вырыты въ слоѣ желтаго песку, составляющаго почву и были значительно глубже, въ среднемъ около 0m,7 ниже горизонта. Въ первой группѣ въ одномъ курганѣ гробница ребенка была устроена безъ ямы на поверхности горизонта; въ другомъ, представляющемъ значительныя уклоненія въ способѣ похоронъ, скелетъ лежалъ въ самой насыпи на 0m,32 выше уровня окружающей почвы,

Въ нѣсколькихъ могилахъ около скелетовъ встрѣтились деревянные брусья; въ двухъ случаяхъ они лежали по сторонамъ скелетовъ, въ одномъ они окружали скелетъ со всѣхъ сторонъ, но отсутствовали внизу, подъ скелетомъ. Въ № 2 брусья съ наружной стороны были обложены слоемъ березовой коры.

Въ трехъ случаяхъ скелеты были сверху присыпаны углемъ, въ двухъ окружены со всѣхъ сторонъ слоемъ сѣрой земли, рѣзко выдѣляющейся среди желтаго песку, составлявшаго насыпь кургана и дно могилы; въ одномъ же случаѣ скелетъ былъ обложенъ желтоватымъ, весьма сырымъ слоемъ ила.

Гвозди встрѣтились въ небольшомъ количествѣ только у одного скелета, они стояли головками вверхъ: 3 у головы и 3 у ногъ. Скелеты въ большинствѣ случаевъ лежали на подпочвѣ въ первой группѣ и на песчаномъ днѣ ямы во второй. Особая подстилка, состоявшая изъ плотно утрамбованной бурой глины замѣчена была только въ одномъ случаѣ.

4. *Положеніе скелета.* Почти всѣ скелеты лежали на спинѣ, съ протянутыми вдоль ногами; головою обращены на З. съ незначительными уклоненіями въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ С.-З. или къ Ю.-В. Положеніе рукъ было разнообразное; обѣ ручныя кисти были сложены на поясницѣ или на груди, или, гораздо чаще, каждая рука занимала иное положеніе, при чемъ кисти рукъ встрѣчались: подъ головою, подъ мышкою, на поясницѣ, на лобковыхъ костяхъ, или же рука была протянута вдоль тѣла.

Ростъ былъ измѣренъ на 7 скелетахъ (№ 9 не принятъ въ расчетъ, такъ какъ скелетъ принадлежалъ горбатому субъекту)—средняя цифра роста=1m,67; т.-е. ростъ выше средняго.

Въ № 9 скелетъ принадлежалъ человѣку горбатому и, вѣроятно, вслѣдствіе этого обстоятельства, лежалъ не на спинѣ, а на лѣвомъ боку, и притомъ онъ былъ похороненъ не въ ямѣ, а въ насыпи, выше горизонта. Спинные позвонки этого скелета срослись между собою и позвоночный столбъ представляетъ изгибъ спереди назадъ подъ острымъ угломъ.

Всѣ черепа принадлежали къ типу короткоголовому; исключеніе составляетъ черепъ изъ № 2, повидимому, типа субдолихоцефалическаго (указателя его невозможно возстановить, такъ какъ правая височная кость и значительная часть правой темянной разложились и невозможно было ихъ сохранить). На черепѣ этомъ замѣчены двѣ особенности: на серединѣ правой темянной кости нѣсколько впереди темяннаго бугра находится круглое довольно глубокое углубленіе, вѣроятно, отъ удара острымъ орудіемъ, повредившаго верхнюю laminam vitream и diploe; рана эта заросла еще при жизни. Затѣмъ на лѣвой сторонѣ ламбдовиднаго шва находится большая круглая въ серединѣ выпуклая Ворміевая кость 0m,3 въ діаметрѣ. На черепѣ № 4 замѣчено было подобноепредъидущему поврежденіе на правой сторонѣ лобной кости, также зажившее при жизни.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Курганы городской группы были крайне бѣдны предметами; только въ одномъ курганѣ найдены: на пальцѣ лѣвой руки кольце, согнутое изъ толстой проволоки низкопробнаго серебра съ неспаянными концами и у шеи того же скелета застежка, состоящая изъ бронзоваго колечка, согнутаго изъ проволоки; колечко это плотно прильнуло къ комку какой-то черной органической массы, повидимому, къ остатку толстой ткани.

Кромѣ указаннаго случая остатки одежды были замѣчены въ № 4, гдѣ тонкая черная пыль отъ разложившагося органическаго вещества окружала всѣ кости скелета.

X. Раскопки у села Минины, Радомысльскаго уѣзда.

(См. планъ № 5).

Могильникъ лежитъ въ $1^1/_2$ верстѣ къ Ю.-З. отъ села Мининъ и въ 2 верстахъ къ В. отъ с. Городска, на склонѣ возвышенности къ Тетереву, въ $^1/_2$ верстѣ отъ рѣки, надъ „Яромъ-Рытымъ". Къ В. отъ могильника находится надъ самою рѣкою овальное городище. Урочище называется „надъ Рытымъ".

Всѣхъ кургановъ 26; изъ нихъ 6 распаханы, остальные сохраняютъ первоначальную форму остро-коническую съ весьма крутыми боками. Подпочву составляетъ желтая глина. Раскопано 8 кургановъ.

Курганъ № 1. Высота 1_m,75; окружность 38 шаговъ. Въ насыпи на самой вершинѣ небольшой валунъ. На глубинѣ 2_m, въ С.-В. сторонѣ кургана скелетъ ребенка, головою къ З.—молочные рѣзцы выпали, новые еще не вышли изъ ячеекъ; по сторонамъ его два деревянныя бревна; подстилка изъ твердой, красной утрамбованной глины. Въ центрѣ кургана, на глубинѣ 2_m,1 скелетъ взрослаго субъекта, головою къ З.; правая ручная кисть на груди, лѣвая на тазу; ноги протянуты—лежалъ на подпочвѣ. Ростъ 1_m,65.

Курганъ № 2. Высота 1_m,8; окружность 35 шаговъ. На глубинѣ 2_m,72 лежалъ деревянный брусъ по направленію съ С.-З. на Ю.-В., подъ нимъ другой—оба обложены со всѣхъ сторонъ берестою, они окружали сверху и съ правой стороны скелетъ, лежавшій на глубинѣ 2_m,84; головою къ С.-З.; обѣ ручныя кисти сложены на поясницѣ. Подъ скелетомъ тонкій слой черной пыли отъ разложившагося органическаго вещества, подъ нимъ слой мягкаго, желтаго песку; затѣмъ поверхность подпочвы, очищенная въ видѣ совершенно ровной площади. Ростъ 1_m,66—лобный шовъ вдоль лобной кости. Въ южной сторонѣ кургана на такой-же глубинѣ на подпочвѣ другой скелетъ, по направленію тому-же: съ 4 сторонъ обложенъ деревянными брусьями, покрытыми берестою, образовавшими прямоугольникъ. Кости сильно разложились.

Курганъ № 3. Высота 1_m,25; окружность 30 шаговъ; на вершинѣ лежалъ небольшой валунъ. На глубинѣ 1_m,8 скелетъ, головою къ З., ручныя кисти сложены на груди. Ноги протянуты; на нихъ сохранилась *обувь* въ видѣ башмаковъ остроконечныхъ, сшитыхъ изъ двойной тонкой кожи. Скелетъ съ обѣихъ сторонъ окруженъ деревянными брусьями, длиною 2_m,2, разстояніе между ними 0_m,62. Подъ скелетомъ слѣдъ черной истлѣвшей *ткани*, подъ нею дубовая доска; затѣмъ подпочва. Ростъ 1_m,8. Швы черепные срослись; зубовъ нѣтъ -всѣ коренныя ячейки заросли.

Курганъ № 4. Высота 1_m,36; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 1_m,55 скелетъ, головою къ З. Ручныя кисти сложены на поясницѣ; ноги протянуты -подъ костями подпочва. Отъ черепа остались только части костей.

Курганъ № 5. Высота 1_m,05; окружность 29 шаговъ. Въ южной части кургана, на глубинѣ 1^m,66; скелетъ головою къ З.; кисти рукъ сложены на тазовыхъ костяхъ, по сторонамъ груди *2 гвоздя.* Лежалъ на подпочвѣ. Ноги протянуты.

Курганъ № 6. Высота 1_m,7; окружность 38 шаговъ. На глубинѣ 1_m,9 въ твердой подпочвѣ вырѣзана камера въ 2_m,4 длиною, 0_m,82 шириною и 0_m,55 глубиною; стѣнки обложены сосновымъ деревомъ, обернутымъ со всѣхъ сторонъ берестою—сверху надъ камерою дерева не было. На днѣ камеры въ головахъ и въ ногахъ оставленъ карнизъ въ 0_m,06 высоты и 0_m,25 ширины. На днѣ камеры подъ тонкимъ слоемъ дерева, покрытымъ берестою, лежалъ скелетъ, головою къ З.; кости его сильно разложились. Всѣ кости были обернуты въ какую-то очень толстую органическую *ткань*, сохранившуюся въ видѣ толстаго войлока или овчины, особенно толста она была на шеѣ, груди, нижней части рукавовъ и на головѣ, гдѣ образовала какъ бы *шапку* на черепѣ, толщиною въ 0_m,04. Около скелета были *8 большихъ гвоздей*: 4 у головы, 2 у поясницы и 2 у ногъ. На груди ржавчина отъ разложившагося небольшаго *желѣзнаго предмета.*

Курганъ № 7. Высота 1_m,24; окружность 38 шаговъ. Въ насыпи встрѣчались *черепки* отъ двухъ глиняныхъ сосудовъ. Насыпь состояла изъ слоевъ краснаго и бѣлаго глея. На глубинѣ 2_m,6 въ С. сторонѣ кургана лежалъ скелетъ, головою на З.: кисти рукъ на поясницѣ, на лѣвой рукѣ *серебряное кольцо,* (типа фиг. 2). Ноги протянуты, на нихъ *кусочки кожи* отъ обуви. Подъ скелетомъ доска, подъ нею слой угля; далѣе подпочва. Ростъ 1_m,89; всѣ кости и голова обернуты толстою органическою, *войлокообразною массою.* На шеѣ *кусокъ ткани* и на ней *3 бронзовыя пуговицы,* (типа фиг. № 35, но меньшихъ размѣровъ). Въ Ю. сторонѣ кургана на той-же глубинѣ другой скелетъ, головою на З. Кисти рукъ на поясницѣ; ноги протянуты; со всѣхъ сторонъ окруженъ деревянными брусьями, обложенными берестою; подъ костями доска, обложенная берестою. Около костей черная пыль отъ перетлѣвшаго органическаго вещества. Ростъ 1_m,9.

Курганъ № 8. Высота 0_m,68, окружность 33 шага. На глубинѣ 0_m,8 скелетъ, головою къ З. Кисти рукъ на поясницѣ; ноги протянуты. Ростъ 1_m,7—лежалъ на подпочвѣ.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Курганы имѣли видъ конусовъ съ округленными вершинами, съ относительно узкимъ основаніемъ и круто опускающимися боками. У подошвы всѣхъ кургановъ замѣтенъ окружающій ихъ ровъ, глубиною до 0_m,5.

2. *Насыпь кургановъ.* Подъ тонкимъ слоемъ наружнаго дерна вся насыпь кургановъ оказалась сложенною изъ очень вязкаго рѣчнаго ила, переполненнаго раковинами рѣчныхъ улитокъ; глей былъ красноватаго или бѣлаго цвѣта; иногда, напримѣръ въ № 7, оба цвѣта глея чередовались поперемѣнными слоями. Послѣ того, какъ глей высохъ, онъ образовалъ твердую компактную массу, которую пришлось разбивать ломами; благодаря этому обстоятельству первоначальная форма кургановъ вполнѣ сохранилась и бока ихъ не осыпались. Въ насыпи встрѣчались черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, сдѣланныхъ изъ нечистой глины, съ примѣсью кварца и плохо выжженныхъ. Въ двухъ случаяхъ, въ насыпи, недалеко отъ верхушки кургана, встрѣтились небольшіе валуны, по одному въ каждомъ курганѣ.

3. *Устройство гробницы.* Скелеты лежали на днѣ ямъ, вырытыхъ въ почвѣ, до поверхности подпочвы, средняя ихъ глубина равнялась 0_m,6 ниже горизонта. Въ одномъ случаѣ яма была высѣчена въ подпочвѣ довольно значительныхъ размѣровъ: 2_m,4 въ длину, 0_m,82 въ ширину и 0_m,55 въ глубину и стѣнки ея были обложены сосновымъ деревомъ, обернутымъ берестою: покойникъ лежалъ на днѣ ямы, покрытый тонкою деревянною доскою и обставленный желѣзными гвоздями, торчавшими перпендикулярно головками вверхъ. Въ остальныхъ случаяхъ ямы были менѣе объемисты и по большей части въ нихъ замѣтны были деревянные брусья или сложенные въ видѣ прямоугольника вокругъ скелета, или прилегавшія къ нему только по бокамъ; деревянныя доски замѣчены были сверху надъ скелетомъ только въ 2 случаяхъ. Во всѣхъ могилахъ поверхность брусьевъ и досокъ была обложена березовою корою. Въ 5 гробницахъ (изъ 11) слѣдовъ дерева не было замѣчено. Скелеты лежали или непосредственно на расчищенной поверхности подпочвы, которую составляетъ желтая глина, или же подъ ними была особая подстилка, въ видѣ деревянной доски, слоя угля или желтаго песку; гвозди встрѣтились около скелета только въ двухъ случаяхъ.

Изъ числа раскопанныхъ 8 кургановъ, 5 заключали единичныя могилы, въ трехъ же остальныхъ погребено было по 2 покойника, такъ, впрочемъ, что для каждаго была вырыта отдѣльная яма. Въ двухъ случаяхъ такихъ попарныхъ погребеній замѣчено было, что одинъ скелетъ принадлежалъ взрослому субъекту, другой ребенку.

4. *Положеніе скелета.* Всѣ скелеты лежали на спинѣ съ протянутыми ногами; голова была обращена на З. и только въ двухъ случаяхъ нѣсколько уклонялась къ С.-З.

Кисти обѣихъ рукъ были сложены на поясницѣ, на груди или на лобковыхъ костяхъ; только въ одномъ случаѣ положеніе рукъ было различно: одна кисть лежала на груди, другая на тазовыхъ костяхъ.

Ростъ былъ измѣренъ на шести взрослыхъ скелетахъ, средняя цифра = 1m,77; т.-е. ростъ высокій.

Всѣ черепа представляли типъ короткоголовый; аномалія замѣчена только въ одномъ черепѣ, на которомъ лобная кость оказалась раздѣленною продольнымъ швомъ (sutura medio-frontalis).

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Благодаря особенно выгоднымъ почвеннымъ условіямъ, плотному и сухому илу, облегавшему скелеты и предохранявшему ихъ отъ сырости, остатки костюма нѣсколько лучше сохранились въ этой группѣ кургановъ, чѣмъ въ другихъ. Въ трехъ случаяхъ остатки одежды представлялись въ видѣ слоя черной органической пыли, облегавшей кости, причемъ въ № 3, осматривая эту истлѣвшую массу на мѣстѣ, можно было замѣтить, что она сохранила видъ продольныхъ и поперечныхъ нитокъ ткани. Въ двухъ случаяхъ всѣ кости были обернуты въ остатки какого-то не вполнѣ истлѣвшаго органическаго вещества, составлявшаго очень толстый слой, съ замѣтными неправильно переплетающимися волокнами (можетъ быть, войлокъ или овчина); толщина этого слоя была особенно значительна на груди, на шеѣ и на нижней части рукъ. Еще толще былъ этотъ слой въ обоихъ случаяхъ на головѣ, гдѣ достигалъ 0m,04 толщины, образуя шапку на черепѣ. Одежда, вѣроятно, застегивалась на груди желѣзною пряжкою или крючкомъ, слѣдъ котораго былъ замѣченъ въ № 6. Въ № 7 на шеѣ найдены слѣды застежки, состоявшей изъ трехъ маленькихъ бронзовыхъ пуговицъ, прикрѣпленныхъ, повидимому, къ вороту, часть ткани котораго можно было замѣтить подъ пуговицами, гдѣ она не совершенно истлѣла, проникшись окисью бронзы.

Въ двухъ случаяхъ сохранились остатки обуви (№ 3 и 7); она имѣла видъ остроконечныхъ башмаковъ, сшитыхъ изъ двойнаго слоя тонкой кожи, со швомъ по серединѣ подошвы во всю ея длину.

Курганы были очень бѣдны украшеніями: въ 11 изслѣдованныхъ могилахъ найдено было только одно кольцо на рукѣ скелета въ № 7; кольцо это согнуто спиралью изъ проволоки низкопробнаго серебра съ неспаянными концами.

XI. Раскопки у м. Котельня, Волынской губерніи, Житомірскаго уѣзда.

(См. планъ № 3).

У мѣстечка Котельни, расположеннаго на р. Гуйвѣ, (притокѣ Тетерева) курганы находятся въ двухъ группахъ: на сѣверо-восточной окраинѣ мѣстечка, въ долинѣ рѣчки Шкуропики, на урочищѣ, называемомъ „Дворецъ", и въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка по направленію къ С.-В., на нагорной возвышенности, у дороги, ведущей къ мѣстечку Ивницѣ.

На урочищѣ *Дворецъ* расположено 18 кургановъ; они лежатъ на низменномъ лугу, окаймленномъ съ южной стороны небольшою рѣчкою Шкуропикою, съ сѣверной болотистою лощиною. Большая часть кургановъ распахана и сгладилась; почва черноземная, сырая; подпочва—жерства и песокъ.

Въ этой группѣ раскопано было 5 кургановъ. Совершенно пустымъ оказался № 4.

Курганъ № 1. Высота 1m,8; окружность 73 шага. Въ насыпи встрѣчались: кость голени быка и небольшие куски гранита. На самой поверхности кургана найденъ *билонный*, сильно окислившійся и распавшійся *кружокъ*, можетъ быть случайно уроненная позднѣйшая монета. На глубинѣ 0m,86 встрѣтилось изгнившее деревянное бревно, лежавшее по направленію съ З. на В., длиною въ 1m,8; шириною въ 0m,42; толщиною въ 0m,35; подъ нимъ скелетъ, головою къ З., руки сложены крестообразно на груди; ноги протянуты; кости сильно истлѣвшія. Подъ ними деревянная сгнившая доска; съ сѣверной стороны дерево было обсыпано жерствою, съ южной—смѣсью желтой глины и извести. Послѣ снятія костей раскопка продолжалась. Въ Ю. сторонѣ кургана, на глубинѣ 1m,35 найденъ скелетъ ребенка, головою къ З.; подъ нимъ слой угля. На той-же глубинѣ въ С. сторонѣ кургана другой сильно разложившійся скелетъ ребенка. Затѣмъ въ центрѣ кургана, на глубинѣ 2m,15 скелетъ взрослаго человѣка, головою къ С.-З.; ноги протянуты къ В.; остальныя кости въ безпорядкѣ; среди нихъ *серебряное колечко* (типа фиг. 4), и *желѣзный гвоздь*; подъ скелетомъ подпочва—жерства.

Курганъ № 2. Высота 1m,5; окружность 40 шаговъ. На глубинѣ 2m,35 лежалъ скелетъ, головою къ З. Правая рука на верхней правой сторонѣ груди, на ней *серебряное кольцо* (типа фиг. 2); лѣвая ручная кисть подъ мышкою; ноги протянуты. У лѣваго плеча и у лѣвой голени *желѣзные гвозди* головками вверхъ. Скелетъ лежалъ на подпочвѣ, состоящей изъ желтаго свѣтлаго песку.

Курганъ № 3. Высота 1m,4; окружность 40 шаговъ. Въ насыпи были разбросаны: *черепки горшковъ*, звѣриныя кости и человѣческія. На глубинѣ 1m,9 лежалъ скелетъ, головою къ З.; кисть лѣвой руки на лобковыхъ костяхъ; праваго предплечія и кисти недоставало; ноги протянуты. Ростъ 1m,7; типъ черепа мезоцефалическій; черепной указатель =78; швы не срощены; зубы всѣ. Подъ скелетомъ подостланъ слой бѣлаго глею; затѣмъ подпочва — желтый песокъ.

Курганъ № 5. Высота 1m,2; окружность 78 шаговъ. Въ насыпи встрѣчались звѣриныя кости. На глубинѣ 2m,1 лежалъ скелетъ, головою къ З. Кисть лѣвой руки лежала на тазовыхъ костяхъ, правой на поясницѣ. Ноги протянуты; на лѣвой рукѣ *перстень*, (фиг. 40) окись котораго сохранила частицу прилегавшей *ткани*. У правой височной кости *бронзовое кольцо* (типа фиг. 3); у шеи *буса* (типа фиг. 39). Подъ скелетомъ толстый слой рыхлой органической пыли красно-фіолетоваго цвѣта, а подъ нимъ слой истолченнаго гранита, затѣмъ подпочва—жерства. Ростъ 1m,22; типъ черепа мезоцефалическій, указатель черепа=78; швы не срослись; зубы всѣ, бугорки на нихъ не стертые.

Фиг. 40.

Курганъ № 6. Другая группа кургановъ расположена у дороги, ведущей изъ м. Котельни въ м. Ивницу, въ 2 верстахъ отъ Котельни и въ 3 отъ Ивницы, на самомъ высокомъ мѣстѣ плоской возвышенности, раздѣляющей водоемы рѣкъ: Гуйвы и Ивянки. Группа состоитъ изъ 4 кургановъ: 2 большихъ и 2 меньшихъ. Самый большой курганъ лежитъ по лѣвую сторону дороги (считая отъ Котельни), но раскопка его оказалась неудобною вслѣдствіе того, что на немъ устроено было въ 1831 году кладбище, для жителей Котельни, умершихъ отъ холеры; вслѣдствіе этого раскопанъ былъ второй по величинѣ курганъ, находившійся вправо отъ дороги; въ виду величины кургана раскопка поведена была колодцемъ, съ прибавкою къ нему воротъ съ В. стороны для удобства при выбрасываніи земли. Высота кургана 3m,35; окружность 130 шаговъ. Въ насыпи кургана, начиная отъ его вершины до глубины 1m,7 встрѣчались разбросанныя части человѣческаго скелета. На глубинѣ 2m,5 въ насыпи встрѣтилась известь, дерево и *черепокъ*. На глубинѣ 2m,8 въ Ю. сторонѣ кургана: два большія деревянныя бревна, а въ С. сторонѣ лошадиный зубъ; затѣмъ на глубинѣ 3m,5 въ З. сторонѣ кургана показались брусья, лежавшіе по направленію съ З. къ В., но наклоненные восточными концами внизъ; съ наружной стороны они были окружены углемъ. Въ С. сторонѣ кургана, на глубинѣ 3m,43 на брусьяхъ стояла небольшая *глиняная мисочка*, величиною въ обыкновенную плошку. Бревна были расчищены на всемъ протяженіи и представили шестиугольный срубъ, наклонившійся нѣсколько съ З. на В. Длина всего сруба 5m,6; ширина 2m,25 и высота 1m,2; онъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ углемъ. Послѣ снятія верхнихъ брусьевъ раскопка продолжалась въ глубь сруба; стѣны шестиугольника продолжались внизъ на глубину 1m,2; внутри этого сруба найдены: въ С.-З. углу, на глубинѣ 4m,55 разбитый *тонкій сосудъ* изъ черной глины, покрытый орнаментами и у восточной стороны другой, болѣе объемистый, также разбитый *сосудъ*, окруженный углемъ. На глубинѣ 4m,7 дно ямы было выстлано во всю ширину толстымъ слоемъ березовой коры, на которой лежали: въ С.-З. сторонѣ *два сосуда* изъ черной глины съ поверхностью, лоснящеюся почти металлическимъ блескомъ, одинъ больше, другой меньше и тоньше—оба раздавлены землею; рядомъ съ ними находился такой-же изъ черной лоснящейся глины небольшой *ковшъ* (фиг. 41), который удалось вынуть цѣлымъ и возлѣ него два обломка *желѣзнаго серпа* или иного криваго орудія, и кусокъ *чистой сѣры*. Къ югу отъ этихъ предметовъ лежалъ одинъ шейный позвонокъ и раздавленная глиняная черная блестящая *миска*. На той-же глубинѣ въ В. стороны гробницы стояли два *большіе глиняные, раздавленные сосуда* и другой небольшой *ковшъ*, рядомъ *желѣзный*

Фиг. 41.

ножикъ, съ остатками костяной рукоятки. Затѣмъ, по снятіи березовой коры, на днѣ оказалась цѣльная подпочва, состоящая изъ желтой глины.

Общія замѣчанія.

Только курганы первой группы относятся къ типу, обозначившемуся во всѣхъ предъидущихъ группахъ; № 6 представляетъ собою совершенно особенный типъ, который должно разсматривать отдѣльно.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Курганы первой группы представляли насыпи коническія съ боками весьма отлогими; вслѣдствіе запашки, они стали значительно расплываться, хотя контуры ихъ можно было еще отчетливо замѣтить на уровнѣ поля.

2. *Насыпь кургановъ* состояла изъ чернозема; въ ней на различной глубинѣ встрѣчались кости животныхъ, черепки глиняныхъ сосудовъ, куски гранита и въ одномъ случаѣ (№ 3) разрозненныя человѣческія кости. На поверхности одного изъ кургановъ встрѣтилась по всему вѣроятію случайно зароненная билонная мелкая монета.

3. *Устройство гробницы.* Скелеты лежали въ ямахъ, вырытыхъ въ довольно толстомъ слоѣ чернозема до подпочвы; средняя глубина ямъ равнялась $0^m,73$ ниже горизонта. Въ 3-хъ случаяхъ покойники лежали на поверхности подпочвы, въ 4-хъ же случаяхъ подъ ними была устроена особая подстилка, состоявшая изъ деревянной доски или изъ слоя угля, бѣлаго глею или толченаго гранита. Въ одномъ только случаѣ надъ скелетомъ находилось толстое деревянное бревно, въ иныхъ случаяхъ слѣдовъ дерева не замѣчено. Только въ двухъ случаяхъ около скелетовъ найдены были гвозди, торчавшіе шляпками вверхъ.

Три кургана покрывали могилы одиночныя, но въ одномъ было похоронено 4 покойника на различной глубинѣ; выше всѣхъ лежалъ скелетъ взрослаго человѣка; на $0^m,14$ ниже, на одномъ уровнѣ найдены скелеты двухъ дѣтей и на $0^m,81$ еще ниже — скелетъ взрослаго человѣка. Всѣ четыре покойника были похоронены каждый въ отдѣльной могилѣ.

4. *Положеніе скелета.* Всѣ скелеты лежали на спинѣ, съ протянутыми ногами и головою обращены къ З. Обѣ ручныя кисти только въ одномъ случаѣ были сложены вмѣстѣ на груди, въ остальныхъ случаяхъ каждая рука занимала иное положеніе; кисти ихъ лежали на груди, на поясницѣ, на лобковыхъ костяхъ или подъ мышкою.

Ростъ можно было измѣрить только на двухъ взрослыхъ скелетахъ, средняя цифра его$=1^m,66$; т.-е. ростъ нѣсколько выше средняго.

Черепа въ большинствѣ случаевъ относились къ типу короткоголовому, но два раза встрѣтились мезоцефалы; въ обоихъ случаяхъ черепной указатель равнялся 78.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Оружія, сосудовъ и бытовыхъ предметовъ у покойниковъ не было; найдено только нѣсколько украшеній: два кольца, согнутыхъ изъ серебряныхъ проволокъ съ неспаянными концами, одинъ перстень, состоящій изъ шести тонкихъ серебряныхъ проволокъ, искусно переплетенныхъ, съ заклепанными вмѣстѣ, но не спаянными концами, одно колечко, подобное предъидущимъ, но найденное у височной кости и, вѣроятно, служившее украшеніемъ косы, и небольшая бронзовая буса, состоящая изъ семи шариковъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, служившая, вѣроятно, застежкою. Въ № 5 подъ скелетомъ лежалъ толстый слой пыли отъ разложившагося органическаго вещества, слой этотъ рѣзко оттѣнялся отъ насыпи кургана и подпочвы красно-фіолетовымъ цвѣтомъ;

повидимому, онъ произошелъ отъ истлѣвшей одежды покойника; незначительная часть ткани этой одежды уцѣлѣла около тазовыхъ костей скелета, тамъ, гдѣ на ней лежала кисть лѣвой руки; окись мѣди, образовавшаяся на перстнѣ, бывшемъ на этой рукѣ, пропитала часть ткани и сохранила ее отъ разложенія; на ней замѣтны нити, скрученныя спирально, повидимому шелковыя.

Металлическіе предметы не спаянные, сдѣланы изъ низкопробнаго серебра, покрывшагося зеленою окисью; серебро чистое встрѣтилось только въ одномъ случаѣ (колечко № 1).

XII. Раскопки кургановъ у г. Житоміра [73]).

Группа кургановъ расположена въ предмѣстьи г. Житоміра „Малеванкѣ"; она лежитъ на правомъ берегу р. Каменки на высокомъ берегу ея, частью въ частныхъ усадьбахъ, частью на общественномъ выгонѣ; всѣ курганы, числомъ болѣе 300, расположены на возвышенности; на склонѣ горы ихъ вовсе нѣтъ. Почва—супесокъ, переходящій незамѣтно въ песокъ и жерству, подпочва—гранитъ; чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ гранитъ ближе къ поверхности; въ крайнихъ къ рѣкѣ курганахъ гранитъ обнаруживается не далѣе $^1/_2$ арш. отъ горизонта.

Разрыто 33 кургана. Раскопка производилась колодцами, опускаемыми съ $^1/_2$ вершины кургана.

Курганъ № 1. Высота 1_m; окружность 22 шага. На глубинѣ 0_m,5 отъ поверхности найдены человѣческія плохо сохранившіяся кости; скелетъ лежалъ головою къ З. Вещей при немъ не найдено.

Курганъ № 2. Высота 1_m; окружность 25 шаговъ. На глубинѣ 0_m,4 найдены человѣческія кости; скелетъ лежалъ головою къ З. Около черепа у затылочной кости лежали: *3 серебряныя колечка*, концы ихъ не спаяны и одинъ изъ нихъ закрученъ спирально, въ видѣ буквы S, тамъ-же двѣ крупныя *стеклянныя бусы* позолоченныя и *буса серебряная*, состоящая изъ рядовъ мелкаго бисера. У нижней челюсти найдена небольшая *буса изъ сердолика.* У плечевой кости остатки какого-то *желѣзнаго орудія*, совершенно разложившіеся.

Курганъ № 3. Высота 0_m,9; окружность 28 шаговъ; кругомъ явственные слѣды обводной канавы. Въ Ю.-В. сторонѣ кургана, на глубинѣ 0_m,32 найдены только кости ногъ, у ногъ съ правой стороны стоялъ *сосудъ* (ведро), вѣроятно, деревянный, отъ него остались только 4 желѣзные обручи и желѣзная дужка. Сосудъ имѣлъ нѣсколько овальную форму; діаметры его у верхняго ряда обручей около 0_m,3.

Курганъ № 4. Высота 0_m,8; окружность 29 шаговъ. На глубинѣ 0_m.6 найденъ скелетъ, головою къ С.-З. Лицо вверхъ, руки вдоль туловища; съ лѣвой стороны 5 *желѣзныхъ гвоздей* вдоль туловища и ногъ; у ногъ 1, у груди 1, съ правой стороны головы 1; всѣхъ 8. Гвозди всѣ находятся въ вертикальномъ положеніи, головками вверхъ.

Курганъ № 5. Высота 1_m,6; окружность 42 шага. Обводная канава. На глубинѣ 0_m,8 найденъ скелетъ. головою къ З., голова на лѣвомъ боку. У ногъ съ правой стороны обручи и дужка (желѣзные) отъ *ведра*, какъ въ № 3; съ правой стороны головы *желѣзный ножъ* и *пластинка камня* (брусокъ); верхняя поверхность этого камня вогнута (вѣроятно, вслѣдствіе оттачиванія на немъ орудій).

Курганъ № 6. Высота 1_m,1; окружность 50 шаговъ. У подошвы явственная обводная канава, черезъ нее 4 мостика, правильно расположенные на всѣ четыре стороны. На глубинѣ 0_m,85 найдены два скелета; кости не всѣ сохранились; вокругъ скелетовъ *желѣзные гвозди* головками вверхъ, вертикально. У ногъ *два ведра*, окованныя 4 рядами желѣзныхъ обручей; діаметръ обручей по 0_m,18. На каждомъ ведрѣ дужка.

Курганъ № 7. Высота 0_m,5; окружность 25 шаговъ. Кости разложились, только встрѣчались фрагменты; въ С.-З. сторонѣ кургана найдена *пряслица* изъ краснаго шифера; болѣе ничего.

Курганъ № 8. Высота 0_m,6; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 0_m,55 найдены въ восточной сторонѣ кургана *4 желѣзные обруча* отъ ведра, ближе къ центру *буса* изъ зеленаго стекла. Костей вовсе не найдено, хотя колодезь былъ опущенъ до подпочвы. Насыпь была наполнена углями въ значительномъ количествѣ, чего въ другихъ курганахъ не замѣчалось.

Курганъ № 9. Высота 0_m,68; окружность 28 шаговъ. На глубинѣ 0_m,68 найденъ полный скелетъ, головою къ З., голова лежала на лѣвой сторонѣ, руки вдоль туловища. Кругомъ скелета нѣсколько *желѣзныхъ гвоздей* головками

[73]) Раскопки эти произведены въ 1878 г. Предметы древности переданы въ музей университета Св. Владиміра.

вверхъ. У затылка найдены слѣдующіе предметы: *5 серебряныхъ колечекъ*, *три стеклянныя позолоченныя бусы* и одна *буса серебряная*, состоящая изъ рядовъ мелкаго бисера.

Курганъ № 10. Высота 0m,85; окружность 25 шаговъ. Кромѣ обломковъ несохранившихся костей и нѣсколькихъ *гвоздей*—ничего не найдено.

Курганъ № 11. Высота 0m,73; окружность 20 шаговъ. Найдены только на глубинѣ 0m,68 длинныя кости ногъ, подъ ними и около нихъ въ массѣ насыпи очень много угля; кости не пережжены.

Курганъ № 12. Высота 0m,58; окружность 20 шаговъ; западная часть кургана снесена; съ этой стороны были слѣды прежней раскопки. Около центра кургана къ С.-З. отъ него, на горизонтѣ, осколки человѣческаго черепа.

Курганъ № 13. Высота 0m,72; окружность 31 шагъ—слѣды обводной канавы. На глубинѣ 0m,68 въ Ю.-З. сторонѣ кургана найденъ неполный человѣческій скелетъ: черепъ, лопатка, 2 позвонка и двѣ длинныя кости ногъ. У ногъ лежали черепки разбитаго *сосуда*. Въ С части кургана обломокъ *желѣзнаго обручика* отъ ведра; у черепа найдены: *бронзовое кольцо*, окрасившее зеленымъ цвѣтомъ правую височную кость. У затылка *серебряное колечко* и *стеклянная граненая, позолоченая буса*.

Курганъ № 14. Высота 1m,5; окружность 37 шаговъ; кругомъ явственная обводная канава, черезъ нее два мостика: одинъ узкій къ З. и другой—широкій къ Ю.-В. На глубинѣ 0m,75 найдены совершенно истлѣвшія кости; кругомъ костей *10 желѣзныхъ гвоздей* стоявшихъ перпендикулярно тупыми концами вверхъ.

Курганъ № 15 Высота 1m,13; окружность 33 шага. На глубинѣ 0m,72 найденъ полный скелетъ, головою къ З., лицомъ вверхъ, руки вдоль туловища; ноги раздвинуты въ колѣняхъ. У головы съ правой стороны найдены *два серебряныя кольца*. На груди и ниже таза *два желѣзные гвоздя*, лежавшіе горизонтально; гвозди безъ головокъ.

Курганъ № 16. Высота 1m,2; окружность 37 шаговъ. У подошвы обводная канава съ мостиками, какъ въ № 14. На глубинѣ 0m,69 скелетъ, головою къ С.-З.; сохранились: черепъ лицомъ вверхъ, длинныя кости рукъ (вдоль туловища) и ногъ—раздвинуты въ колѣняхъ. За головою *1 желѣзный гвоздь*—вертикально. У ногъ, съ правой стороны, *дужка и 4 обруча* отъ ведра, какъ въ № 3. У затылка: кусокъ березовой коры, на ней *серебряное колечко*; подъ кольцомъ *3 бусы*: двѣ стеклянныя позолоченыя, третья изъ глинистой композиціи, а сверху надъ ними большая *буса* изъ сердолика

Курганъ № 17. Высота 0m,92; окружность 28 шаговъ. Слѣды обводной канавы. На глубинѣ 0m,85 скелетъ сильно истлѣвшій. Сохранился черепъ и длинныя кости ногъ, голова къ С.-З. Кругомъ черепа лежали: 7 меньшихъ и одно большое *серебряныя кольца*; большая *серебряная* трехполосная, покрытая узоромъ *буса*; *14 стеклянныхъ позолоченыхъ бусъ* собраны были около шеи.

Курганъ № 18. Высота 0m,88; окружность 31 шагъ. На глубинѣ 0m,6 найденъ скелетъ полный, головою къ З., лицомъ вверхъ; у правой плечевой кости *желѣзный ножикъ*, подъ нимъ *два точильныхъ камня*. Руки вдоль туловища, ноги въ колѣнахъ раздвинуты.

Курганъ № 19. Высота 0m,78; окружность 29 шаговъ. На глубинѣ 0m,56 скелетъ, головою къ З., лицо вверхъ, руки вдоль туловища, ноги раздвинуты въ колѣнахъ; у стопы и у лѣваго колѣна *2 гвоздя* — вертикально; подъ затылкомъ *два серебряныя кольца*.

Курганъ № 20. Высота 1m,05; окружность 35 шаговъ. Явственная обводная канава. На глубинѣ 0m,64 найденъ скелетъ, головою къ З., лицомъ вверхъ. Руки вдоль туловища, правая ручная кисть подложена подъ тазовыя кости. Ноги раздвинуты въ колѣнахъ. Кругомъ скелета *12 гвоздей желѣзныхъ* —вертикально, головками вверхъ. На кисти лѣвой руки *серебряный перстень*. У затылка находилось украшеніе, состоящее изъ куска *шерстяной ткани*, съ остатками подложенной подъ нее березовой коры; на матеріи находились *3 кольца серебряныя*, *три стеклянныя позолоченыя бусы и одна большая серебряная буса*, состоящая изъ рядовъ мелкаго бисера. У украшенія этого прилегалъ остатокъ волосъ. Къ височной кости прилегало *толстое бронзовое кольцо*, а къ челюсти *маленькое серебряное колечко*.

Курганъ № 21. Высота 0m,8; окружность 30 шаговъ. На глубинѣ 0m, остатки скелета; сохранились: черепъ, одна плечевая кость, два бедра и часть одной голени. Голова къ З., лицомъ вверхъ, въ ногахъ обломки другаго черепа, съ правой стороны у плечевой кости *желѣзный серпъ*. Между бедрами *желѣзный ножъ*.

Курганъ № 22. Высота 0m,87; окружность 32 шага. На глубинѣ 0m,63 найдены остатки скелета: уцѣлѣли длинныя кости ногъ, часть тазовыхъ костей, лѣвое плечо и лѣвое предплечіе. Кругомъ скелета *8 желѣзныхъ гвоздей*, головками вверхъ. У лѣвой ноги—*желѣзная шпора*. Лѣвая рука согнута въ локтѣ и кисть руки приходится на груди, въ разстояніи 0m, выше головки правой бедренной кости, на кисти руки находилась *чаша*, сдѣланная изъ верхней отпиленной части человѣческаго черепа; она лежала выпуклостью внизъ и отверстіемъ вверхъ; въ Ю. углу могилы находились *черепки отъ глинянаго сосуда*, а въ С.-З. куча деревяннаго угля.

Курганъ № 23. Высота 0m,76; окружность 30 шаговъ. Слѣды канавы обводной. На глубинѣ 0m,58 найденъ скелетъ, головою къ З. У лѣвой ручной кисти *желѣзный ножъ*, воткнутый вертикально въ землю.

Курганъ № 24. Высота 0m,9; окружность 31 шагъ. Обводная канава. На глубинѣ 0m,85 найденъ скелетъ, головою къ С.-З., лицомъ вверхъ, ноги раздвинуты въ колѣнахъ, руки вдоль туловища. У лѣваго бедра *огниво* и подъ нимъ *два кремня*

Курганъ № 25. Высота 0m,9; окружность 34 шага. Обводная канава. На глубинѣ 0m,6 найдены остатки скелета, *сердоликовая буса и серебряное колечко*. Кругомъ скелета *9 гвоздей желѣзныхъ* въ вертикальномъ направленіи.

Курганъ № 26. Высота 0m,65; окружность 23 шага. На глубинѣ 0m,65 найдены остатки скелета. Въ сторонѣ отъ черепа лежало *серебряное кольцо*.

Курганъ № 27. Высота 0m,93; окружность 45 шаговъ. На глубинѣ 0m,75 найденъ только одинъ черепъ, подъ нимъ *1 бронзовое кольцо, 1 серебряное цѣлое и обломки другого, также обломки большой серебряной бусы* (какъ въ № 17). Въ массѣ кургана очень много угля.

Курганъ № 28. Высота 1m,28; окружность 34 шага. Обводная канава. На глубинѣ 0m,67 полный скелетъ, головою къ З., руками вдоль туловища, ноги раздвинуты въ колѣнахъ. У лѣвой руки *желѣзный ножъ и кремень*, у головы *два толстыя серебряныя кольца* на березовой корѣ и обломокъ *серебряной бусы.*

Курганъ № 29. Высота 1m,04; окружность 33 шага. Обводная канава. Въ З. углу могилы куча человѣческихъ костей въ совершенномъ безпорядкѣ, въ томъ числѣ одна кость черепная, отпиленная выше глазницы.

Курганъ № 30. Высота 1m,12; окружность 40 шаговъ. Обводная канава. На глубинѣ 0m,69 полный скелетъ, головою къ З., руки вдоль тѣла; *два ряда гвоздей* въ двѣ линіи, перпендикулярныя къ оси тѣла: одна выше головы (3 гвоздя), другая ниже ногъ (4 гвоздя); всѣ гвозди вертикально, головками вверхъ.

Курганъ № 31. Высота 1m,2; окружность 45 шаговъ. Обводная канава. На глубинѣ 1m,16 полный скелетъ, голова къ С.-З., теменемъ вверхъ, лѣвая рука согнута въ локтѣ, кисть руки на поясничныхъ позвонкахъ. У затылка *желѣзный гвоздь и два серебряныхъ кольца*, прилегавшія къ берестѣ. У лобной кости *7 тонкихъ серебряныхъ колецъ и одно бронзовое толстое*, нанизаны на березовую кору.

Курганъ № 32. Высота 1m; окружность 35 шаговъ. На глубинѣ 0m,68 найденъ скелетъ, головою къ З., лицомъ вверхъ, руки вдоль туловища. Съ правой стороны скелета лежали у праваго локтя *3 большія бронзовыя кольца и одно желѣзное*, отъ нихъ внизъ слѣды истлѣвшаго *кожанаго мѣшка*, на днѣ котораго у правой ручной кисти находились: *желѣзное кресало, брусокъ, 3 астрагала и два куска сѣры.* На одномъ изъ пальцевъ правой руки толстый витой *бронзовый перстень*, у правой височной кости маленькое *серебряное колечко.*

Курганъ № 33. Высота 1m,5; окружность 52 шага. На глубинѣ 0m,78 найденъ полный скелетъ, головою къ С.-З., руки вдоль туловища, около плеча *3 желѣзные гвоздя.*

Кромѣ того одинъ изъ кургановъ, находящійся въ частной усадьбѣ, былъ раскопанъ ея хозяиномъ для хозяйственной надобности въ 1875 году. Изъ кургана вынуты были: 30 стеклянныхъ позолоченыхъ бусъ и желѣзная шпора съ бронзовою подвижною звѣздочкою; шпора сохранилась и была пріобрѣтена у владѣльца.

Въ 1886 году г. Сергѣй Гамченко раскопалъ 44 кургана той-же группы и весьма подробные дневники своихъ раскопокъ издалъ въ книгѣ „Житомірскій могильникъ—археологическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ. Житоміръ 1888“. При составленіи общихъ замѣчаній по Житомірской группѣ, мы будемъ пользоваться наблюденіями г. Гамченка, которыя въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ нашими; тамъ, гдѣ наблюденія представляютъ нѣкоторую разницу, они будутъ составлены съ обозначеніемъ количества разногласныхъ случаевъ.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Курганы составляли довольно густую группу; насыпи имѣли коническій, куполообразный видъ съ довольно пологими боками, вышиною отъ 0m,5 до 2m, на вершинѣ многихъ кургановъ замѣчались площадки или небольшія впадины. У подножія почти всѣ курганы были окружены рвомъ глубиною отъ 0m,2 до 0m,75; ровъ этотъ прерывался въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ, образуя какъ-бы мостики; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. въ № 6, мостики эти были расположены такъ, что совпадали съ главными сторонами горизонта.

2. *Насыпь кургановъ* состояла изъ поверхностнаго слоя дерна и смѣси супеску (по опредѣленію болѣе точному г. Гамченка, песчанаго суглинка), жорствы и песку. Г. Гамченко наблюдалъ въ раскопанныхъ имъ курганахъ, что пласты этихъ веществъ были расположены послойно въ порядкѣ, обратномъ тому порядку, какой пласты эти занимаютъ въ составѣ окружающей почвы; въ раскопанныхъ мною курганахъ мнѣ не удалось замѣтить такого правильнаго напластованія насыпи; почвенные слои или представляли смѣсь, въ ко-

торой пластовъ нельзя было точно отличить, или-же породы почвы залегали одна въ другой въ видѣ отдѣльныхъ комковъ и гнѣздъ. Въ трехъ случаяхъ въ массѣ насыпи, окружавшей скелетъ найдена была примѣсь значительнаго количества угля и золы, въ другихъ курганахъ такой примѣси не было замѣчено. Въ курганахъ, раскопанныхъ г. Гамченкомъ, примѣсь золы и угля къ массѣ насыпи, окружавшей скелетъ, составляла постоянный признакъ, отмѣченный имъ весьма точно въ дневникахъ раскопокъ; очень можетъ быть, что я не обратилъ вниманія на присутствіе этой примѣси въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она была мало значительна. Въ насыпяхъ на различной глубинѣ встрѣчались разрозненные черепки глиняныхъ сосудовъ.

3. *Устройство гробницы.* Въ раскопанныхъ мною курганахъ скелеты лежали или на горизонтѣ (въ 10 случаяхъ), или выше поверхности горизонта на предварительно устроенной насыпи (20 случаевъ). Плоскость, на которой они лежали, возвышалась надъ горизонтомъ отъ 0_m,18 до 0_m,8; средняя высота этой плоскости въ 20 курганахъ = 0_m,425; та часть насыпи, которая находилась подъ скелетомъ, по составу была тождествена съ массою верхней насыпи. Въ курганахъ, раскопанныхъ г. Гамченкомъ, всѣ скелеты, безъ исключенія, лежали на горизонтѣ,

Дерева въ раскопанныхъ мною курганахъ мнѣ не удалось замѣтить на уровнѣ могилъ; г. Гамченко встрѣтилъ куски дерева, обугленные съ одной стороны, въ два вершка длиною, только въ одномъ случаѣ; при томъ онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ слѣды истлѣвшаго дерева.

Въ 12 случаяхъ возлѣ скелета мною были найдены желѣзные гвозди, г. Гамченко отмѣтилъ ихъ 16 разъ; относительно положенія и размѣщенія гвоздей наблюденія наши различны: мнѣ всегда встрѣчались гвозди, торчавшіе перпендикулярно, шляпками или тупыми концами вверхъ и только разъ (№ 15) я нашелъ 2 гвоздя въ горизонтальномъ положеніи; г. Гамченко, напротивъ, констатируетъ самое разнообразное положеніе гвоздей: чаще всего горизонтальное, иногда вертикальное, остріемъ вверхъ и только 6 экземпляровъ въ 5 различныхъ могилахъ встрѣтились ему въ положеніи вертикальномъ, остріемъ внизъ. Расположеніе гвоздей, по моимъ наблюденіямъ, не представляло прямыхъ линій; встрѣчались гвозди не только по сторонамъ скелета, но и среди костей, напр. между бедрами; мнѣ казалось, что гвозди очерчивали собою контуры скелета; г. Гамченко находилъ въ большинствѣ случаевъ гвозди, расположенные по направленію прямыхъ линій, руководясь которыми онъ устанавливалъ размѣры предполагаемаго корытчатаго гроба. Наконецъ, г. Гамченко замѣтилъ на большинствѣ гвоздей слѣды древесныхъ волоконъ, лежавшихъ въ направленіи, перпендикулярномъ къ оси гвоздя; такихъ слѣдовъ, несмотря на тщательный осмотръ, мнѣ не удалось замѣтить,

Въ одномъ случаѣ у ногъ скелета лежали обломки другаго человѣческаго черепа; г. Гамченко констатировалъ также въ двухъ случаяхъ присутствіе при скелетахъ постороннихъ череповъ, лежавшихъ въ различныхъ къ нимъ отношеніяхъ. Коллективная могила (съ двумя скелетами) мнѣ встрѣтилась только разъ, всѣ остальные курганы заключали въ себѣ только по одному скелету. Въ большинствѣ случаевъ подъ головами скелетовъ я замѣчалъ подстилку, состоявшую изъ слоя золы и мелкихъ углей.

4. *Положеніе скелетовъ.* Всѣ скелеты лежали на спинѣ головою къ З., съ незначительными уклоненіями къ С.-З. или Ю.-З.; въ нѣкоторыхъ могилахъ; руки были протянуты вдоль тѣла и ноги сдвинуты и протянуты. То же положеніе скелетовъ постоянно находилъ

и г. Гамченко. Только въ двухъ случаяхъ мнѣ встрѣтились скелеты, которыхъ лѣвая рука была согнута въ локтѣ и кисть лежала на груди или на поясницѣ. Въ семи случаяхъ ноги были раздвинуты въ колѣнахъ и изгибъ колѣнъ обращенъ въ наружныя стороны.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Въ курганахъ Житомірской группы какъ въ раскопкахъ моихъ, такъ и г. Гамченка оружіе не было вовсе найдено. Предметовъ домашняго быта оказалось довольно много: чаще всего встрѣчались небольшіе желѣзные ножики съ узкимъ клинкомъ, длиною отъ 0m,9 до 0m,15 вмѣстѣ съ черенкомъ, назначеннымъ для оправы; на черенкѣ замѣчались остатки деревянной или костяной рукоятки; въ одномъ случаѣ (у г. Гамченка № 3) оправа была скрѣплена нѣсколькими оборотами тонкой мѣдной проволоки. Такихъ ножиковъ найдено г. Гамченкомъ 10 и мною 5; лежали они чаще всего у кисти лѣвой руки (7 случаевъ), остальные 8 были расположены въ различномъ положеніи по отношенію къ скелету; они встрѣтились по разу: у кисти правой руки, у правой и лѣвой плечевыхъ костей и ключицы, съ правой стороны черепа, у таза, у правой ноги и между бедренными костями. Въ двухъ случаяхъ ножи найдены совмѣстно съ небольшими точильными камнями (брусками) изъ тальковаго сланца, съ отполированными, отъ употребленія вогнутыми поверхностями. Въ одномъ случаѣ рядомъ съ ножикомъ найденъ былъ кремень съ окресанными краями. Въ четырехъ случаяхъ (2 у г. Гамченка и 2 у меня) встрѣтились желѣзныя огнива и сопровождавшіе ихъ кремни; они лежали 2 раза у лѣваго плеча, разъ у лѣваго бедра и разъ около праваго предплечія. Г. Гамченко замѣтилъ у одного огнива слѣды кожанаго мѣшечка; въ раскопкѣ моей кургана № 32 встрѣтились также слѣды довольно большого кожанаго мѣшка: у праваго локтя отверстіе его было сдвинуто четырьмя крупными кольцами, въ 0m,3 въ діаметрѣ; три изъ нихъ бронзовыя, литыя, четвертое желѣзное; отъ колецъ внизъ опускались слѣды мѣшка, на днѣ котораго у правой ручной кисти найдены: желѣзное огниво, кусокъ бруска изъ тальковаго сланца, два куска чистой сѣры и три кости: бараньи astragali. Въ двухъ случаяхъ найдены были желѣзные серпы: въ № 25 г. Гамченка, серпъ лежалъ на тазовыхъ костяхъ, въ № 21 моей раскопки онъ найденъ у правой плечевой кости; серпъ этотъ не отличался формою отъ современнаго; вся длина орудія, считая по дугѣ=0m,45; въ томъ числѣ черенокъ 0m,9 и клинокъ 0m,36. Длина хорды отъ начала черенка до острія—0m,28. Въ двухъ случаяхъ найдены были цилиндрическія пряслица изъ краснаго шиффера: въ № 1, г. Гамченка, она лежала у правой руки женскаго скелета, въ № 7 моей раскопки отношенія ея къ костямъ скелета, совершенно разложившимся, невозможно было опредѣлить.

Въ № 22 моей раскопки на лѣвой ногѣ скелета найдена была желѣзная шпора: оба конца дуги, прикрѣплявшіяся къ ногѣ, заканчивались квадратными пластинками, въ которыхъ прорѣзано было по два сквозныя отверстія; остріе имѣло видъ невысокой четыреугольной пирамиды; разстояніе между двумя концами дуги 0m,9, длина всей шпоры, считая отъ верхушки острія до середины между концами дуги 0m,125; другая такая же шпора была найдена въ случайно разрушенномъ курганѣ — она представляла тѣ же размѣры, но остріе ея вмѣсто пирамидки состояло изъ подвижной, бронзовой, вращавшейся на оси звѣздочки.

У шести скелетовъ въ моей раскопкѣ и у трехъ въ раскопкѣ г. Гамченка найдены были остатки ведеръ; остатки эти состояли изъ 4 узкихъ обручей, охватывавшихъ деревянное ведерце и дужки со стойками, прикрѣплявшимися къ дереву. Ведра эти въ 8 слу-

чаяхъ стояли у ногъ, въ разстояніи 0m,2 до 0m,5 отъ стопъ, всегда съ правой стороны скелета, только въ одномъ случаѣ ведро найдено было около темени. Ведерца были маленькія, средній діаметръ обручей достигаетъ едва 0m,2 (въ четырехъ случаяхъ, въ которыхъ возможно было произвести измѣреніе, діаметръ обручей былъ 0m,125; 0m,18; 0m25 и 0m,28). Кромѣ ведеръ въ могилахъ встрѣчались глиняные сосуды, но они всегда были разбиты и не полны; только въ двухъ случаяхъ г. Гамченку удалось возстановить первоначальную форму сосудовъ (миски и широкаго кувшина). Въ № 22 моей раскопки на кисти лѣвой руки скелета, покоившейся на груди, лежала чаша, сдѣланная изъ человѣческаго черепа, отпиленнаго горизонтально выше надбровныхъ дугъ; края носили слѣды яснаго, правильнаго отпиливанія. Указаніе на существованіе обычая отпиливать верхнія части черепа, встрѣтилось и въ № 29; здѣсь среди человѣческихъ костей, сваленныхъ безъ порядка въ кучу, найдена была нижняя часть лобной кости, отъ которой чешуйчатая часть была отпилена. Въ раскопкѣ г. Гамченко встрѣтились въ двухъ могилахъ части постороннихъ череповъ, которыя онъ также считаетъ чашами. Наконецъ, къ числу бытовыхъ предметовъ относится желѣзный молотокъ, найденный г. Гамченкомъ у правой руки скелета.

Украшенія костюма, встрѣтившіяся въ Житомірскомъ могильникѣ, были довольно многочисленныя; особенно они часто встрѣчались у черепа. Въ моихъ раскопкахъ въ девяти случаяхъ замѣчены были остатки какого-то особеннаго наряда (можетъ быть шапочки), встрѣтившіеся на затылкѣ. Сопоставляя предметы, найденные въ №№ 2, 9, 13, 16, 19, 20, 27, 28 и 31, кажется, можно возстановить общій типъ этого наряда: онъ состоялъ изъ слоя древесной коры, покрытой берестою (она встрѣтилась 4 раза); поверхъ этой коры лежалъ слой шерстяной матеріи и на ней нашиты были нѣсколько серебряныхъ колечекъ и нѣсколько стеклянныхъ золоченыхъ бусъ; въ центрѣ находилась одна большая буса или сердоликовая, или серебряная, послѣднія бывали двухъ типовъ: или состояли изъ рядовъ мелкаго бисера, или представляли крупную орнаментированную, трехлопастную бусу сканной работы. Мнѣ кажется, что къ тому же типу затылочнаго украшенія могутъ быть отнесены предметы, найденные г. Гамченкомъ у затылочныхъ костей въ №№. 1, 20 и 28. Колечка въ значительномъ количествѣ вплетались также въ волосы, причемъ косы или висѣли вдоль плечевыхъ костей, или укладывились на черепъ, почему кольца встрѣчались въ различныхъ мѣстахъ у головы; такихъ случаевъ перечислено 9 въ раскопкѣ г. Гамченка и шесть случаевъ встрѣтились въ моей раскопкѣ [74]).

Къ особымъ украшеніямъ головы должны быть отнесены: 1) украшеніе въ видѣ вѣнчика, положенное на лобной кости, состоявшее изъ 7 серебряныхъ и одного бронзоваго колецъ, нанизанныхъ на какой-то валекъ изъ истлѣвшаго органическаго вещества, покрытаго берестою; 2) большое бронзовое височное кольце 0m,05 въ діаметрѣ, сдѣланное изъ круглой, спирально свернутой проволоки, окрасившее зеленою окисью всю правую височную кость; 3) серебряныя сережки (одна изъ нихъ украшенная на концахъ розетками), найденныя въ четырехъ могилахъ г. Гамченкомъ.

У шеи находились то по одной, то по двѣ бусы, служившія по всему вѣроятію застежками для одежды; такихъ случаевъ г. Гамченко описалъ 7; бусы были или серебря-

[74]) Около колецъ, украшавшихъ голову, г. Гамченко нашелъ два раза сохранившіяся пряди волосъ. Одна прядь волосъ встрѣтилась въ моей раскопкѣ. Во всѣхъ трехъ случаяхъ волосы были чернаго цвѣта.

выя, или сердоликовыя, или стеклянныя позолоченыя. Два экземпляра сердоликовыхъ бусъ, служившихъ по всему вѣроятію застежками, встрѣтились мнѣ въ №№ 2 и 25.

Кромѣ застежекъ на шеѣ и груди, г. Гамченко встрѣтилъ въ одномъ случаѣ монисто, расположенное въ три ряда, состоявшее изъ стеклянныхъ позолоченыхъ и посеребряныхъ бусъ. Одинъ случай мониста встрѣтился въ моихъ раскопкахъ: здѣсь на шеѣ скелета найденъ былъ рядъ, состоявшій изъ 14 стеклянныхъ позолоченныхъ бусъ. Вѣроятно также составляли монисто 30 такихъ же бусъ, найденныя въ курганѣ случайно разоренномъ въ 1875 году.

У пояса украшенія встрѣчались очень рѣдко; только въ двухъ случаяхъ г. Гамченко нашелъ бронзовыя пряжки; причемъ одна изъ пряжекъ прилегала къ остатку ткани, сохранившейся, благодаря мѣдной окиси.

Украшенія на рукахъ встрѣчались не особенно часто: г. Гамченко нашелъ въ одномъ случаѣ браслетъ изъ круглой бронзовой проволоки, въ семи случаяхъ кольца изъ серебряной проволоки на пальцахъ правой руки, въ трехъ случаяхъ серебряныя кольца, сдѣланныя изъ узкой пластинки, и разъ серебряный перстень изъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ, на пальцѣ лѣвой руки. Въ моей раскопкѣ встрѣтились только два перстня послѣдняго типа, одинъ на лѣвой рукѣ, другой на правой.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ въ нѣсколькихъ курганахъ встрѣтились вещи, которыхъ отношенія къ скелетамъ невозможно было опредѣлить или вслѣдствіе того, что кости находились въ состояніи совершеннаго разложенія, или потому, что вещи были случайно уронены во время погребенія покойника. Къ такимъ предметамъ относятся въ моей раскопкѣ крупная буса изъ зеленаго стекла, найденная въ № 8, въ которомъ костей вовсе не оказалось и въ раскопкѣ г. Гамченка серебряная бисерная буса, найденная у локтя скелета и серебряное кольцо.

Всѣ найденныя орудія и предметы домашняго быта, за исключеніемъ гончарныхъ издѣлій, сдѣланы изъ желѣза; металлическія украшенія въ большинствѣ случаевъ серебряныя, рѣдко бронзовыя. Изъ 129 предметовъ 110 сдѣланы изъ серебра, и только 19 изъ бронзы; весьма немногіе изъ этихъ предметовъ отлиты въ формы, нѣкоторые приготовлены изъ пластинокъ, но огромное большинство сдѣлано изъ проволокъ различной толщины. Концы всѣхъ колецъ свободны или согнуты спиралью, но не встрѣтилось ни одного предмета спаяннаго.

Орнаментировка встрѣтилась только на большихъ серебряныхъ бусахъ и на одной серьгѣ; составныя части орнамента состояли исключительно изъ маленькихъ шариковъ, въ видѣ бисера. Въ числѣ многочисленныхъ колечекъ, входившихъ въ составъ головнаго убора, найдено было 8 экземпляровъ съ однимъ концомъ, свернутымъ въ видѣ буквы S (6 въ моей раскопкѣ и 2 у г. Гамченка).

XIII. Раскопки кургановъ у м. Искорости, Волынской губ., Овручскаго уѣзда.

Мѣстечко Искорость расположено на лѣвомъ берегу рѣки Уши (притока Припети) въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка эта, прорываясь сквозь гранитную гряду, образуетъ пороги. Въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ расположено 4 группы кургановъ: одна въ самомъ мѣстечкѣ, на склонѣ къ рѣкѣ Уши расположена среди крестьянскихъ усадьбъ и построекъ; другая

лежитъ въ $1^1/_2$ верстѣ къ сѣверу отъ мѣстечка у Овручской почтовой дороги, по направленію къ селу Пашинамъ; группа эта, самая многочисленная, содержитъ 68 кургановъ; въ полуверстѣ отъ нея къ В., на высокой горѣ на берегу Уши находится большое городище, вѣроятно укрѣпленіе древняго Коростеня. Третья и четвертая группы расположены въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка, на правомъ берегу р. Уши у дороги въ с. Ходаки. Одна изъ этихъ группъ заключаетъ 18 кургановъ, другая до 30.

Раскопка произведена была во второй группѣ; раскопано было 5 кургановъ, изъ нихъ одинъ оказался совершенно пустымъ.

Курганъ № 1. Высота $1_m,9$; окружность 54 шага, у подошвы обведенъ рвомъ $0_m,7$ глубиною; ровъ прерывается двумя мостиками къ С.-З. и Ю.-В. На глубинѣ $1_m,4$ найденъ сильно разложившійся скелетъ, головою къ З. Около скелета найдены слѣдующіе предметы: *5 гвоздей* головками вверхъ, 3 у головы и 2 съ лѣвой стороны у конца ногъ; у темени лежало одно *серебряное колечко* (фиг. 42) и между плечевою костью и тазомъ *3, серебряныя* низкопробныя *колечка*, покрытыя слоемъ зеленой окиси, (типа фиг. 2 и 7).

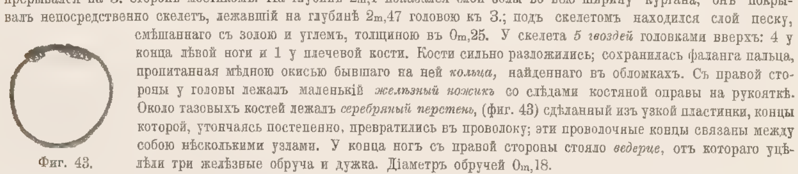
Фиг. 42.

Курганъ № 2. Высота $1_m,35$; окружность 38 шаговъ. У подошвы обведенъ рвомъ, глубиною $0_m,55$; ровъ прерывался мостиками по направленію къ С.-В. и Ю.-З. Въ курганѣ ничего не найдено.

Курганъ № 3. Высота $1_m,9$; окружность 48 шаговъ. У подошвы обведенъ рвомъ, глубиною въ $0_m,68$; ровъ прерывался мостиками, по направленію къ С. и Ю. На глубинѣ 1_m найденъ скелетъ, лежавшій головою къ С.-З., черепъ лежалъ на лѣвомъ вискѣ, руки протянуты: правая кисть у тазовыхъ костей, лѣвая на лобковыхъ костяхъ; ноги протянуты Ростъ $1_m,77$. Черепъ длинноголовый, указатель 69. У лѣвой бедренной кости найдено *серебряное колечко* изъ круглой проволоки. Подъ скелетомъ сѣрая земля съ примѣсью угля; кругомъ скелета *7 гвоздей*, стоявшихъ головками вверхъ: 1 у затылка, 1 у праваго плеча и 5 у конца ногъ съ лѣвой стороны.

Курганъ № 4. Высота $1_m,85$; окружность 54 шага; у подножія окруженъ рвомъ, котораго глубина $0_m,65$. На глубинѣ $1_m,25$ найденъ скелетъ, лежавшій головою къ З.; кости совершенно разложились и потому невозможно было опредѣлить ихъ положеніе. При нихъ никакихъ предметовъ не было найдено.

Курганъ № 5. Высота $2_m,85$; окружность 74 шага; у подножія окруженъ глубокимъ рвомъ, глубиною $1_m,2$; ровъ прерывался на З. сторонѣ мостикомъ. На глубинѣ $2_m,1$ показался слой золы во всю ширину кургана; онъ покрывалъ непосредственно скелетъ, лежавшій на глубинѣ $2_m,47$ головою къ З.; подъ скелетомъ находился слой песку, смѣшаннаго съ золою и углемъ, толщиною въ $0_m,25$. У скелета *5 гвоздей* головками вверхъ: 4 у конца лѣвой ноги и 1 у плечевой кости. Кости сильно разложились; сохранилась фаланга пальца, пропитанная мѣдною окисью бывшаго на ней *кольца*, найденнаго въ обломкахъ. Съ правой стороны у головы лежалъ маленькій *желѣзный ножикъ* со слѣдами костяной оправы на рукояткѣ. Около тазовыхъ костей лежалъ *серебряный перстень*, (фиг. 43) сдѣланный изъ узкой пластинки, концы которой, утончаясь постепенно, превратились въ проволоку; эти проволочные концы связаны между собою нѣсколькими узлами. У конца ногъ съ правой стороны стояло *ведерце*, отъ котораго уцѣлѣли три желѣзные обруча и дужка. Діаметръ обручей $0_m,18$.

Фиг. 43.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Группа состоитъ изъ 68 кургановъ, расположенныхъ очень густо; многіе курганы почти соприкасаются подошвами. Они сохранили коническую форму съ куполообразною верхушкою. Всѣ окружены канавками довольно глубокими, прерываемыми по временамъ мостиками; глубина этихъ канавокъ колеблется между $0_m,5$ и $1_m,2$.

2. *Насыпь кургановъ* состояла изъ чистаго желтаго песку, только на поверхности они были покрыты незначительнымъ слоемъ супеску въ $0_m,2$ толщиною, и дерномъ. Въ составѣ насыпей не было найдено ни предметовъ, ни примѣси другихъ слоевъ почвы.

3. *Устройство гробницы.* Всѣ четыре скелета лежали на насыпи, выше горизонта; высота этой насыпи колебалась отъ $0_m,38$ до $0_m,9$. Средній уровень положенія скелетовъ надъ горизонтомъ $0_m,6$.

VI.

Въ одномъ случаѣ скелетъ былъ покрытъ слоемъ золы, въ двухъ подъ скелетомъ замѣчена подстилка, состоящая изъ смѣси песку съ золою и углемъ. Слѣдовъ дерева около скелетовъ не было, но въ 3 случаяхъ найдены были желѣзные гвозди, стоявшіе перпендикулярно головками вверхъ въ различныхъ мѣстахъ около костей.

4. *Положеніе скелетовъ.* Скелеты лежали на спинѣ съ протянутыми ногами, головою къ З. Вслѣдствіе значительной степени разложенія костей, невозможно было опредѣлить положенія рукъ; въ одномъ только случаѣ можно было замѣтить, что одна рука была протянута вдоль тѣла, кисть другой лежала на лобковыхъ костяхъ. Въ одномъ также случаѣ можно было измѣрить ростъ=1m,77 и черепной указатель=69 (долихоцефалъ).

5. *Предметы найденные въ могилахъ.* Изъ бытовыхъ предметовъ были найдены въ № 5 ножикъ, лежавшій у головы и съ правой стороны у конца ногъ дужка и обручи отъ ведерца, имѣвшаго 0m,18 въ діаметрѣ. Украшенія костюма были также не многочисленны: найдено одно серебряное кольцо, украшавшее, вѣроятно, волосы, 3 серебряныя кольца у пояса и два кольца и одинъ перстень на мѣстахъ, гдѣ по всему вѣроятію находились кисти рукъ. Всѣ кольца сдѣланы изъ круглыхъ проволокъ съ неспаянными концами, перстень изъ серебряной узкой бляшки, концы которой связаны узлами; въ числѣ украшеній 6 предметовъ приготовлены изъ серебра и одинъ изъ бронзы.

XIV. Раскопки кургановъ у села Городище, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ.

(См. планъ № 6).

Въ 2 верстахъ отъ мѣстечка Малина, на берегу рѣки Ирши расположено село Городище, получившее названіе отъ древняго, находящагося въ немъ городища, расположеннаго надъ рѣкою на возвышенности; въ 1/4 версты на З. отъ села, между дорогою, ведущею въ м. Малинъ и обрывомъ возвышенности опускающейся къ р. Иршѣ, расположена группа, состоящая изъ 5 кургановъ, шагахъ въ 200 отъ городища, на окраинѣ лѣса. Раскопаны 3 кургана.

Курганъ № 1. Высота 1m,5; окружность 48 шаговъ. Въ насыпи кургана. ниже горизонта, въ З. сторонѣ кургана найдена нижняя челюсть лошади. На глубинѣ 1m,72 лежалъ скелетъ, головою къ Ю.-В.; кости найдены сильно истлѣвшими; руки протянуты вдоль тѣла. Кругомъ головы земля была переполнена зернами угля. На одномъ уровнѣ со скелетомъ, въ разстояніи отъ него на 0m,5 въ сѣверной и восточной сторонахъ кургана найдены кучи угля, среди которыхъ лежало нѣсколько глиняныхъ *черепковъ отъ сосудовъ.* У скелета найдены слѣдующіе предметы: у лѣвой руки *желѣзный* небольшой *ножикъ* и *желѣзное огниво*, у праваго плеча *кремень*; на пальцѣ правой руки *серебряное кольцо*, у тазовыхъ костей разложившаяся *бронзовая пряжка* и у головы остатки *обручей отъ ведерца.*

Курганъ № 2. Высота 1m,68; окружность 53 шага. На глубинѣ 0m,8 на одномъ уровнѣ лежало въ три ряда 10 скелетовъ: 4 взрослыхъ и 6 дѣтскихъ. Всѣ лежали головами на З., на спинѣ, съ протянутыми ногами; одна рука (то правая, то лѣвая) протянута вдоль тѣла, другая согнута въ локтѣ, предплечіе пересѣкало наискось грудь и конецъ его лежалъ на ключицѣ противоположной стороны, а кисть руки у противоположной височной кости. Кости этихъ скелетовъ сохранились вполнѣ, вещей никакихъ при нихъ не найдено. Послѣ устраненія этихъ скелетовъ, раскопка продолжалась; на глубинѣ 1m,65 найденъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головою къ З., руки протянуты вдоль тѣла; у обѣихъ сторонъ груди по одному *желѣзному гвоздю*, головками вверхъ. Подъ скелетомъ находилась подстилка, состоявшая изъ земли, смѣшанной съ углемъ и золою. На пальцѣ правой руки найдено *серебряное кольцо.*

Курганъ № 3. Высота 2m,15; окружность 68 шаговъ; у подошвы окруженъ рвомъ въ 0m,5 глубиною, прерваннымъ двумя мостиками къ В. и З. На глубинѣ 0m,8 найдены на одномъ уровнѣ, расположенные въ три ряда 13 скелетовъ (4 взрослые и 9 дѣтскихъ); они лежали въ такомъ же положеніи, какъ верхніе скелеты въ № 2; среди нихъ найдены: *кремень, желѣзный гвоздь* и нѣсколько *черепковъ отъ глиняныхъ сосудовъ.* Скелеты эти были удалены и затѣмъ раскопка продолжалась. На глубинѣ 2m,4 найденъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головою къ З. Кости его почти совершенно истлѣли. Около костей находилось *5 желѣзныхъ гвоздей*: 2 у лѣвой руки, 1 у правой и 2 у головы;

всѣ стояли головками вверхъ. Подъ скелетомъ лежала подстилка изъ золы и угля. Около головы найденъ кусокъ *кремня* съ окресанными краями, около лѣваго колѣна 2 маленькіе *желѣзные ножики*; на черенкѣ одного изъ нихъ замѣтны слѣды костяной оправы, прикрѣпленной нѣсколькими оборотами тонкой бронзовой проволоки.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Курганы сохранили довольно правильную коническую форму съ куполообразною вершиною, за исключеніемъ №№ 2 и 3, которыхъ вершины были какъ бы срѣзаны и представляли ровныя плоскости отъ 7 до 10 шаговъ въ діаметрѣ. Изъ пяти кургановъ, составлявшихъ группу, только одинъ былъ окруженъ у подошвы канавкою съ двумя мостиками.

2. *Насыпь кургановъ* состояла изъ супеску, составляющаго окрестную почву, въ №№ 2 и 3 на глубинѣ $0_m,8$ въ насыпи кургана найдены были ряды скелетовъ (10—13); по всему вѣроятію, въ относительно недавнее время древніе курганы обращены были позднѣйшими жителями въ кладбище. Въ насыпи № 1 найдена нижняя челюсть лошади.

3. *Устройство гробницы.* Въ № 2 скелетъ лежалъ на уровнѣ горизонта, въ №№ 1 и 3 въ неглубокихъ ямахъ, вырытыхъ въ почвѣ ($0_m,22$ и $0_m,35$ ниже горизонта). Въ №№ 2 и 3 подъ скелетомъ находилась подстилка, въ $0_m,12$ толщиною, состоявшая изъ земли, смѣшанной съ углемъ и золою, такая же смѣсь окружала только черепъ скелета въ № 1; сверхъ того въ этомъ курганѣ найдены въ сторонѣ отъ скелета, но на одномъ съ нимъ уровнѣ двѣ кучи угля, среди котораго находились разрозненные черепки глиняныхъ сосудовъ. Въ №№ 2 и 3 у скелетовъ найдены желѣзные гвозди, стоявшіе перпендикулярно головами вверхъ. Слѣдовъ дерева въ гробницахъ не было замѣчено.

4. *Положеніе скелетовъ.* Скелеты лежали на спинѣ съ протянутыми ногами; въ №№ 2 и 3 они обращены были головами къ З., въ № 1 скелетъ лежалъ головою къ Ю.-В. Обѣ руки были протянуты вдоль тѣла.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Количество предметовъ, сопровождавшихъ скелеты, было незначительно; изъ бытовыхъ предметовъ въ двухъ случаяхъ найдены были небольшіе желѣзные ножики, лежавшіе у лѣвой ручной кисти скелета; одинъ изъ этихъ ножиковъ носилъ слѣды костяной оправы черенка, укрѣпленной бронзовою проволокою; въ одномъ случаѣ найдено было желѣзное огниво также у лѣвой руки, оно сдѣлано изъ желѣзной полосы, концы которой значительно тоньше середины и загнуты такъ, что все огниво представляетъ форму кренделя. Въ двухъ случаяхъ у скелетовъ найдены кремни, съ окресанными краями. Въ № 1 у головы скелета стояло деревянное ведерце, отъ котораго остались желѣзные обручи.

Въ №№ 1 и 2 на пальцахъ правой руки найдены по одному кольцу; кольца эти согнуты были изъ круглой низкопробной серебряной проволоки, концы которой не спаяны. Наконецъ, въ одномъ случаѣ у тазовыхъ костей лежала бронзовая пряжка, совершенно разложившаяся, такъ что формы ея невозможно было возстановить.

XV. Раскопки кургановъ у деревни Головки, Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда.

(См. планъ № 6).

Деревня Головки лежитъ въ бассейнѣ рѣки Ирши, въ 12 верстахъ къ С.-В. отъ м. Малина. У деревни расположены два могильника: 1) на урочищѣ „Курганья“, въ одной верстѣ

къ В. отъ Головокъ, и 2) на урочищѣ „Борокъ", въ $1^1/_2$ верстѣ къ Ю.-В. отъ деревни. Урочище „Курганья" расположено къ Ю. отъ дороги, пролегающей въ деревню Ремьяновку; съ обѣихъ сторонъ въ $^1/_4$ версты отъ кургановъ пролегаютъ два неглубокіе оврага, носящіе названіе „Ривчакъ"; овраги эти сухіе, но весною наполняются водою; въ такомъ же отношеніи къ дорогѣ и „Ривчакамъ" расположено урочище „Борокъ", лежащее нѣсколько дальше къ Ю.-В.

Почва, на которой расположены курганы, состоитъ изъ чистаго желтаго песку, покрытаго тонкимъ слоемъ дерна; подпочву составляетъ красная глина. Оба могильника покрыты рѣдкимъ лѣсомъ и кустарниками. На урочищѣ „Курганья" расположено 130 кургановъ, на урочищѣ „Борокъ" 80. Южная часть перваго могильника до 1851 года занята была христіанскимъ кладбищемъ, отъ котораго остались слѣды деревянныхъ крестовъ и ограды. Самый большой изъ кургановъ второй группы былъ совершенно разрытъ, но свѣдѣній о времени и цѣли раскопки въ памяти населенія не сохранилось.

На урочищѣ „Курганья" раскопано было три кургана, на урочищѣ „Борокъ" четыре.

Курганъ № 1. Высота 1m,15; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,85 найденъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головою къ Ю.-З., руки протянуты вдоль тѣла, ноги протянуты и нѣсколько раздвинуты въ колѣнахъ. У затылка найденъ *желѣзный крюкъ*, у верхней трети лѣваго бедра какое-то *желѣзное орудіе*, совершенно разложившееся и представлявшее комокъ ржавчины. Подъ скелетомъ находилась подстилка, состоявшая изъ смѣси песку и угля.

Курганъ № 2. Высота 1m,45; окружность 36 шаговъ. На глубинѣ 0m,68 (отъ вершины кургана) найденъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головою къ З. Руки и ноги протянуты вдоль тѣла, у головки правой плечевой кости найденъ кусокъ отколотаго *кремня*.

Курганъ № 3. Высота 2m,3; окружность 54 шага. Въ насыпи кургана найдено было 5 скелетовъ, расположенныхъ въ 2 яруса. Первые 3 лежали на одномъ уровнѣ, на глубинѣ 0m,75 отъ вершины кургана: по серединѣ кургана скелетъ ребенка, въ каждой челюсти съ каждой стороны недоставало еще по два коренныхъ зуба; у ногъ его остатки совершенно разложившіеся скелета другого ребенка (можно было вынуть только верхнюю часть черепа). Къ Ю. отъ перваго скелета лежалъ скелетъ взрослаго человѣка. Всѣ три скелета лежали на спинѣ, головами обращены къ З., руки и ноги протянуты вдоль тѣла. При нихъ не было никакихъ предметовъ. Послѣ удаленія первыхъ трехъ скелетовъ, раскопка продолжалась; на 0m,35 ниже, на разстояніи 1m,1 отъ вершины кургана найдены еще два скелета взрослыхъ людей: одинъ лежалъ въ центрѣ кургана, другой къ С. отъ него; оба на спинѣ, головою къ З., руки и ноги протянуты вдоль тѣла; при нихъ также не найдено никакихъ предметовъ.

Курганъ № 4. Высота 1m,94; окружность 48 шаговъ; у подножія окруженъ рвомъ, который прерывается мостиками по направленію къ З. и Ю.-З. На глубинѣ 1m,58 найденъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головою къ З.; руки и ноги протянуты вдоль тѣла. Около скелета лежало *8 желѣзныхъ гвоздей*: 3 у головы, 1 у лѣвой голени, 2 у конца правой стопы, 1 у груди и 1 между голенями; первые 6 лежали горизонтально, остріями направлены къ скелету, 2 послѣдніе стояли перпендикулярно головками вверхъ. Слѣдовъ дерева не было замѣчено. Подъ скелетомъ находилась особая подстилка, состоявшая изъ тонкаго слоя ярко-желтаго песку и подъ нимъ слоя свѣтлаго песку, смѣшаннаго съ золою и углемъ.

Курганъ № 5. Высота 1m,71; окружность 39 шаговъ; у подножія окруженъ рвомъ, который прерывается мостиками по направленію къ С.-В., С.-З. и Ю.-З. На глубинѣ 1m,2 отъ вершины кургана найденъ скелетъ, лежавшій на спинѣ, головою къ З.; руки и ноги протянуты вдоль тѣла. Вокругъ скелета найдены *6 желѣзныхъ гвоздей*, они лежали горизонтально и были обращены остріями къ скелету; находились они: у темени, у затылка, на правой тазовой кости, у лѣваго бедра, у праваго наружнаго мыщелка и у конца ногъ. Слѣдовъ дерева не было. На лѣвой тазовой кости лежалъ *бронзовый перстень*, сдѣланный изъ двойной, скрученной жгутомъ проволоки, съ заклепанными, но не спаянными другъ съ другомъ концами. Подъ скелетомъ находилась особая подстилка, состоявшая изъ тонкаго слоя желтаго песку, подъ которымъ лежалъ слой свѣтлаго песку, смѣшаннаго съ золою и углемъ.

Курганъ № 6. Высота 1m,8; окружность 51 шагъ; окруженъ у подножія рвомъ, съ мостиками, направленными къ В. и З. На глубинѣ 1m,4 найденъ весьма плохо сохранившійся скелетъ, лежавшій головою къ З. Изъ костей сохранились только обломки черепа, нижняя челюсть, правое плечо, тазовыя кости и бедра. По обѣ стороны скелета въ разстояніи 0m,2 до 0m,25 отъ поясничныхъ позвонковъ лежали *2 желѣзные крючья*; у ногъ *желѣзный гвоздь*, обращенный остріемъ къ скелету. Непосредственно на костяхъ лежалъ слой бересты, а надъ нимъ тонкій слой ярко-желтаго песку. Подъ скелетомъ находилась подстилка, состоявшая изъ золы и угля, а подъ нею слой чистаго бѣлаго песку.

Курганъ № 7. Высота 1m,27; окружность 33 шага. На глубинѣ 1m,95 отъ вершины кургана, найденъ скелетъ лежавшій на спинѣ, головою къ З., ноги протянуты; лѣвая рука согнута въ локтѣ и ручная кисть лежала на правой

щекѣ; правая рука была откинута въ сторону почти подъ прямымъ угломъ. У ногъ скелета найдено *дно отъ сосуда*, изъ свѣтло-сѣрой, хорошо выжженной глины. У поясницы лежала небольшая *бронзовая пряжка* и подъ нею комокъ черной, рыхлой массы, въ которой можно было отличить слѣды нитокъ. Кости покрыты были слоемъ ярко-желтаго песку, подстилка же подъ ними состояла изъ бѣлаго песку, смѣшаннаго съ свѣтлою глиною.

Общія замѣчанія.

1. *Наружный видъ кургановъ.* Въ обѣихъ группахъ насыпи расположены очень близко другъ къ другу; они сохранили конусообразную форму съ куполообразною округленною вершиною; большая половина кургановъ первой группы и почти всѣ во второй окружены у подошвы рвами 0m, 0m,4 до 0m,6 глубиною; рвы эти прерываются мостиками расположенными въ различныхъ направленіяхъ.

2. *Насыпь кургановъ* состоитъ изъ чистаго желтаго песку, составляющаго окрестную почву; песокъ покрытъ на поверхности тонкимъ слоемъ дерна (до 0m,2). Въ насыпи кургановъ на различной глубинѣ встрѣчались черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ.

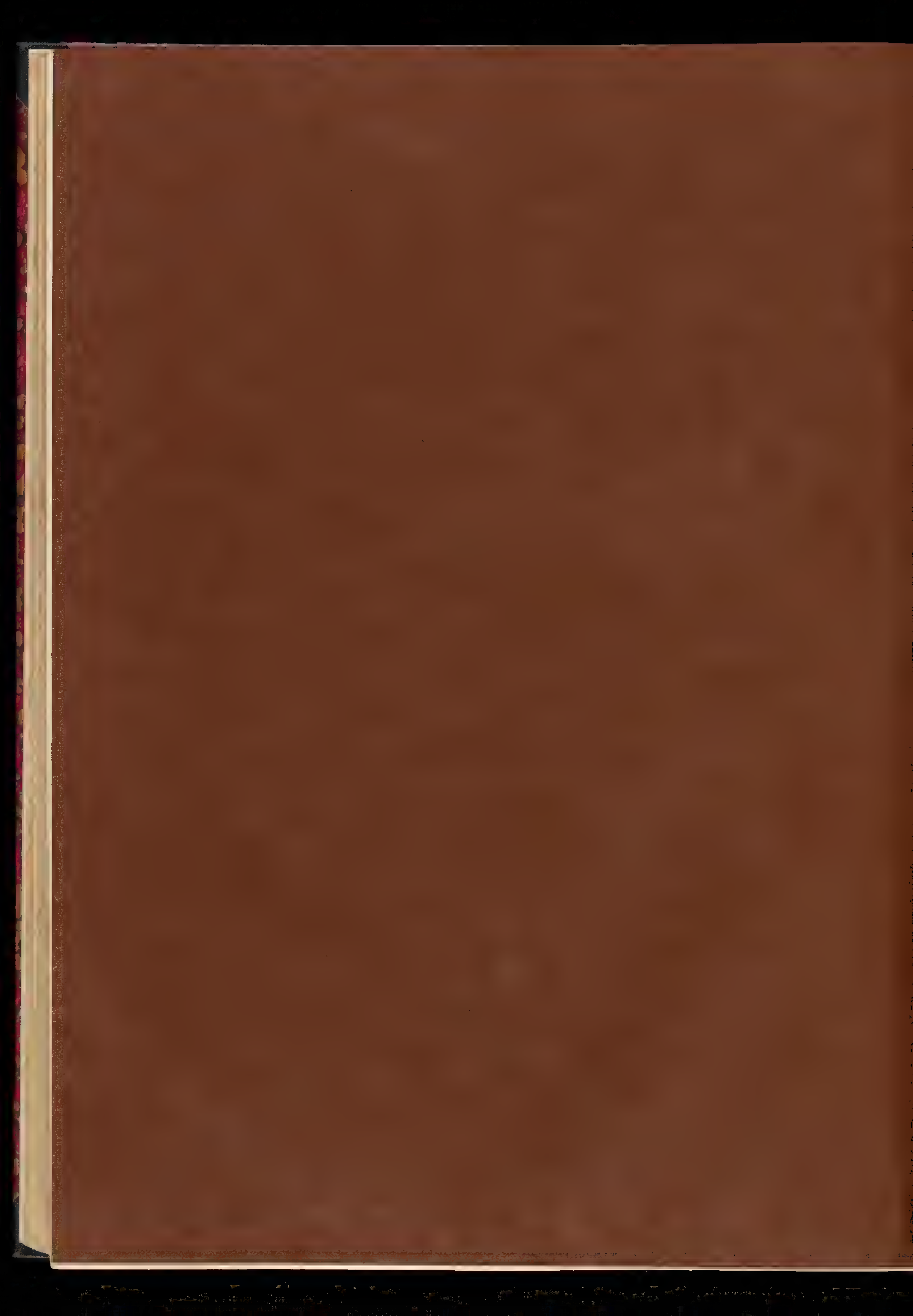
3. *Устройство гробницы.* Только въ одномъ курганѣ (№ 7) покойникъ лежалъ въ ямѣ (глубиною въ 0m,68), вырытой въ почвѣ до поверхности подпочвы. Въ остальныхъ шести случаяхъ покойники лежали на насыпи, выше уровня горизонта; высота насыпи надъ покойниками была различна отъ 0m,3 до 1m,2; средняя ея высота=0m,59. Слѣдовъ дерева у скелетовъ не было замѣчено. Въ двухъ случаяхъ скелеты были покрыты слоемъ ярко-желтаго песку (№№ 6 и 7), причемъ въ № 6 подъ пескомъ непосредственно на костяхъ былъ положенъ слой березовой коры. Подъ скелетами находилась постоянно подстилка, состоявшая изъ смѣси песку съ углемъ и золою, въ одномъ только случаѣ она состояла изъ свѣтлой глины, смѣшанной съ пескомъ. Въ трехъ случаяхъ при скелетѣ были найдены желѣзные гвозди; они окружали скелеты по ихъ контурамъ и лежали почти всѣ горизонтально, обращенные остріемъ къ скелету.

Всѣ насыпи заключали по одному покойнику, за исключеніемъ № 3, въ которомъ найдено было 5 скелетовъ, похороненныхъ на двухъ различныхъ уровняхъ, вѣроятно, въ два пріема.

4. *Положеніе скелетовъ.* Скелеты лежали на спинѣ, головою къ З. съ протянутыми ногами, только въ одномъ случаѣ (№ 1) ноги были раздвинуты въ колѣнахъ. Руки были постоянно протянуты вдоль тѣла и только въ одномъ случаѣ (№ 7) кисть одной руки покоилась у щеки противоположной стороны, другая же рука была откинута въ сторону. Особенности въ формѣ костей замѣчены были только въ № 1: большія берцовыя кости были сплюснуты съ боковъ, представляя какъ-бы переходную форму къ tibia platycnemica; на задней сторонѣ бедренныхъ костей шероховатая линія была болѣе явственна и возвышенна, чѣмъ на костяхъ другихъ скелетовъ.

5. *Предметы, найденные въ могилахъ.* Курганы обѣихъ группъ были весьма бѣдны предметами; при большинствѣ скелетовъ никакихъ вещей не найдено. Въ двухъ случаяхъ найдены были около костей крѣпкіе желѣзные крючья, назначенія которыхъ нельзя было догадаться, въ одномъ случаѣ осколокъ кремня, служившій, вѣроятно, для добыванія огня, и наконецъ въ двухъ могилахъ найдены были бронзовыя украшенія: въ № 5 перстень изъ бронзовыхъ проволокъ, скрученныхъ жгутомъ, и въ № 7 маленькая пряжка, у которой сохранился слѣдъ ткани, вѣроятно, отъ пояса.

„Matériaux pour servir à l'archéologie de la Russie" publiés par la Commission Impériale Archéologique, livr. 12e. Recherches de Mr Bertier-de-La-Garde sur les monuments architecturaux de l'ancienne Chersonèse.

Extrait.

L'auteur donne d'abord quelques détails sur l'état des ruines de Chersonèse lors de sa prise par les Russes. Vers la fin de son existence cette ville éprouva non seulement plusieurs persécutions commercielles, mais aussi des attaques ouvertes et le pillage même. Réduite à une pauvreté complète et abandonnée enfin par ses habitants, elle devint la proie des Génois, des Turcs et des populations avoisinantes, et ne présentait à l'époque de la conquête russe de la Crimée, vers la fin du siècle dernier, qu'un monceau de ruines à peine perceptibles.

Tous les récits concernant la destruction préméditée de superbes antiquités à Chersonèse ne sont que le produit de malentendus, d'espérances déçues et surtout d'animosité nationale, car il n'existe absolument aucune espèce de témoignage en faveur d'une telle accusation. Au contraire, tout ce qui avait existé dès les premières années de la domination des Russes s'est parfaitement conservé; de plus, des plans furent dressés, des investigations produites, enfin les recherches actuelles fournissent les preuves évidentes d'un territoire encore intact, et dont le sol ne subit aujourd'hui que les premières explorations. Quant à la pauvreté relative des objets qu'on y découvre et à l'uniformité de ces derniers, ces faits s'expliquent par les conditions sociales et locales de l'ancienne ville; aussi Chersonèse offre-t-elle plus d'intérêt comme une ville de province byzantine, échappée à la destruction moderne, et dans ce sens elle n'a pas sa pareille, qu'au point de vue de l'antiquité païenne. Après avoir donné quelques courtes notices sur les anciennes fouilles, l'auteur fait une description détaillée de celles des dernières années, description dans laquelle les édifices et les fragments architecturaux ont une large part. Les restants de l'architecture païenne sont trop insignifiants pour donner lieu à une conclusion quelconque — ils attestent seulement l'influence des pays voisins de l'Asie Mineure. La ville offre l'aspect de la décadence la plus complète, seules les ruines des temples chrétiens, malgré leur état précaire,

présentent un intérêt considérable. Les églises, plus ou moins bien conservées, datent du Xe s. au plus tôt, mais on y trouve aussi un grand nombre de marbres chrétiens remontant au VIe — VIIe s. Un examen approfondi de ces spécimens archéologiques et leur comparaison avec ceux découverts dans d'autres pays font ressortir non seulement leur analogie, mais encore leur parfaite identité avec les marbres trouvés dans les temples antiques de Ravenne, de Thessalonique, d'Athènes, de Constantinople, du littoral de la mer Noire etc. Style, dimensions, provenance (l'île de Proconèse) tout est parfaitement semblable. Il est donc évident que dans ces contrées aucune architecture originale ne s'est développée, ainsi que beaucoup d'auteurs l'ont supposé; c'est Byzance seule qui formait des architectes pour les envoyer à l'Est et à l'Ouest, et fournissait ses marbres au monde entier.

En examinant de plus près le type des églises ainsi que divers fragments découverts dans ces lieux, on arrive à des conclusions concernant l'époque de leur construction et le caractère du rite qui, dans l'intervalle entre le VIIe siècle et la destruction de la ville, ne parait avoir exercé qu'une influence médiocre sur l'architecture. Le type des basiliques s'est maintenu de préférence à d'autres plans d'églises; ce trait caractéristique peut s'expliquer par la simplicité technique des basiliques qui étaient plus à la portée d'une population barbare.

Parmi les édifices religieux le plus remarquable est, sans contredit, un baptistère, le premier qu'on ait trouvé en Russie, bâtisse si rare en général en Orient. Cette découverte jette un jour nouveau sur la basilique où se trouvait ce baptistère et dans laquelle, par conséquent, il faudrait désormais reconnâitre la cathédrale, où Vladimir reçut le baptême chrétien. En ce cas, le lieu supposé jusqu'à ce moment, comme ayant servi à ce baptême, ne serait autre chose qu'une tombe. Les fragments les plus caractéristiques des marbres et des pavés en mosaique trouvés à Chersonèse sont reproduits sur les planches jointes à ce volume.

Les fouilles s'étendent encore au-delà de l'ancienne cité de la Chersonèse byzantine, sur quelques localités avoisinantes. Les découvertes les plus remarquables furent celles des murs d'un petit temple païen et de divers fragments, qui attestent l'existence d'une ville éminemment païenne à l'emplacement, où, au dire de Strabon, se trouvait l'antique Chersonèse, détruite avant l'époque de ce célèbre géographe. Ici l'exploration à peine commencée ne donne pas de matériaux suffisants pour en faire un exposé détaillé.

Auprès des murs de l'antique Chersonèse on découvrit encore, au moyen de fouilles, dans une petite île, les ruines d'un couvent qui, à en croire de nombreux témoignages, devait avoir contenu le tombeau de St. Clément dont les reliques furent transportées, par Constantin le Philosophe, à Chersonèse et puis à Rome.

Напечатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., № 12).

МАТЕРІАЛЫ ПО АРХЕОЛОГІИ РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЮ КОММИССІЕЮ.

№ 12.

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОЙ РОССІИ.

РАСКОПКИ ХЕРСОНЕСА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДЪ.

СЪ 7 ТАБЛИЦАМИ И 2 ПОЛИТИПАЖАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Изданіе Императорской Археологической Коммиссіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Развалины Херсонеса Таврическаго уже давно возбуждали вниманіе археологовъ, но только теперь, наконецъ, дождались того, что за ихъ изслѣдованіе взялась Императорская Археологическая Коммиссія, съ изрядными средствами и очевиднымъ желаніемъ сдѣлать все возможное. Хотя раскопки еще далеко не могутъ считаться оконченными, но все же многое уже на столько выяснилось, что возможны не только простое описаніе находокъ, но и нѣкоторыя обобщенія добытаго матеріала. Въ будущемъ, надо думать, не разъ будутъ дѣлаться подобныя же сообщенія о раскопкахъ въ Херсонесѣ, а потому я считаю не безполезнымъ начать настоящее ихъ описаніе небольшой исторической замѣткою о Херсонесѣ со времени присоединенія Крыма къ Россіи.

Въ 1782 г., 17-го ноября, въ Севастопольскую бухту, по тогдашнему Ахтіярскую [1]), пришли два русскихъ фрегата, а 2-го мая слѣдующаго 1783 г. появилась и вся эскадра, состоявшая изъ одиннадцати судовъ, назначенная для окончательнаго занятія этого пустыннаго мѣста. На эскадрѣ было 2.600 человѣкъ, которымъ приходилось устраивать портъ, да и самимъ какъ-нибудь устроиться на житье, не имѣя никакихъ средствъ, кромѣ своихъ рукъ; понятна ихъ радость, когда по близости нашлись развалины „*стараго Херсона*“, изъ котораго можно было набрать камня вволю [2]).

Вслѣдъ за эскадрою начали посѣщать Севастополь путешественники и ученые, русскіе и иностранцы, не преминувшіе побывать и въ Херсонесѣ. Всѣ они, начитавшись древнихъ авторовъ и археологическихъ описаній раскопокъ въ центрахъ античной жизни, думали и въ Херсонесѣ увидѣть живописныя развалины грозной крѣпости, колонады храмовъ, изящные мраморы, надписи, монеты, однимъ словомъ, всю ту художественную и научную прелесть большого античнаго города, которая такъ дорога археологу, историку, художнику; въ дѣйствительности, однако, оказывались лишь жалкія, безформенныя кучи камней. Понятно разочарованіе изслѣдователей, понятно даже и ихъ негодованіе, которое они обрушили на ближайшую и, по ихъ мнѣнію, очевидную причину конечнаго разрушенія Херсонеса—русскаго матроса, строившаго Севастополь. Впервые такое мнѣніе высказалъ знаменитый Палласъ, посѣтившій Херсонесъ въ 1794 году. По его словамъ, постройка Ахтіяра (т. е. Севастополя) была причиною уничтоженія древняго города, въ которомъ уже нельзя было различить ни улицъ, ни домовъ, потому что все было опрокинуто, перерыто и завалено при добываніи тесаныхъ камней, даже изъ фундаментовъ, причемъ ничего не

[1]) Русское переложеніе татарскаго названія Акъ-яръ (бѣлый оврагъ) деревушки въ восемь домовъ, бывшей въ Сухарной балкѣ, на сѣверной сторонѣ севастопольскаго рейда. Крымскіе татары называли эту бухту Кадилиманъ, а турки и греки Авлита; это названіе указано и на старыхъ картахъ XVII—XVIII вѣковъ.

[2]) Головачевъ, Исторія Севастополя, какъ русскаго порта. Спб. 1872, стр. 66, 70, 83, 84 (донесеніе самого начальника эскадры, контръ-адмирала Мекензи).

сберегли, кромѣ одной надписи, и, насколько ему извѣстно, не сняли не только плана, но даже и малѣйшаго эскиза. Эта послѣдняя оговорка, какъ увидимъ ниже [1]), сдѣлана Палласомъ весьма кстати.

Если Палласъ еще съ нѣкоторою сдержанностію говорилъ о разрушеніи Херсонеса, то Кларкъ, посѣтившій эти развалины вскорѣ послѣ него, въ 1801 году, уже ничѣмъ не стѣснялся: гостепріимно принятый въ Крыму, имѣвшій всюду доступъ, онъ выкралъ секретныя карты и съ наглостью хвастался этимъ предъ всей Европою, натравливая свое правительство на Крымъ и распространяя о Россіи безсмысленныя, гнусныя клеветы. По мнѣнію Кларка, русскіе разрушили Херсонесъ, какъ и все то, до чего касались, и сдѣлали это нарочно, безъ всякой надобности, изъ одного удовольствія разрушать все почитаемое просвѣщенными народами: *„взорвали фундаменты, разграбили могилы, разрушили храмы и, собравъ огромное количество камня и мрамора, наслаждались страннымъ удовольствіемъ продавать эти драгоцѣнные обломки, какъ простой строевой камень; турки люди полные вкуса и учености по сравненію съ русскими“*. Затѣмъ, Кларкъ упоминаетъ о нѣсколькихъ херсонесскихъ и иныхъ надписяхъ, которыхъ ему не позволили ни взять, ни купить собственно ради того, чтобы имѣть *варварское удовольствіе* ихъ уничтожить [2]). Даже французы и нѣмцы, переводя Кларка, возмущались и считали необходимымъ дѣлать разныя смягчающія примѣчанія, а намъ, говорю о людяхъ, хотя сколько-нибудь знакомыхъ съ мѣстными условіями, казалось бы, никакого труда не составляло замѣтить самую очевидную, несомнѣнную ложь почти всего имъ сказаннаго. Однако, по странной случайности, вышло не такъ: авторитетъ Палласа и Кларка, а въ особенности наглость послѣдняго, много помогли признанію несомнѣнными ихъ утвержденій, которыя и стали повторяться на всѣ лады со всевозможными прикрасами и преувеличеніями. Долго было бы указывать поименно, но можно сказать, что всѣ писавшіе о Крымѣ твердо убѣждены въ томъ, что именно русскіе умышленно уничтожили, истребили до тла великолѣпныя и большія развалины древняго Херсонеса.

Казалось бы совсѣмъ излишнимъ поднимать этотъ вопросъ теперь, когда надъ нимъ прошла вѣковая давность; но дѣло въ томъ, что нынѣ мы знаемъ многое изъ исторіи Херсонеса и Крыма, неизвѣстное прежде; кромѣ того, не менѣе исторіи, самыя раскопки, можно сказать уже очень большія, говорятъ намъ теперь еще болѣе яснымъ языкомъ, и какъ нельзя очевиднѣе оправдывая нашихъ дѣдовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, чего мы можемъ ожидать отъ херсонесскихъ раскопокъ въ будущемъ, предостерегая насъ отъ преувеличенныхъ надеждъ и упомянутыхъ мною выше безпочвенныхъ археологическихъ мечтаній. Такое предостереженіе далеко не безполезно, такъ какъ самыя мечтанія еще не исчезли, и сравненіе Херсонеса съ Помпеею дѣлалось не шутя, еще въ самое послѣднее время. Думаю, что въ виду только что изложеннаго мнѣ простится и то немногое, что я скажу еще далѣе.

Приведя выше общепризнанныя мнѣнія Палласа и Кларка, я постараюсь доказать

---

[1]) Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1794 und 1794. t. II, Leipzig 1801, стр. 51, 73, 74.

[2]) Clarke, Travels in various countries of Europe, Asia and Africa t. II, London 1816, стр. 134, 172, 207 и др. Вотъ еще образчикъ научнаго безпристрастія Кларка, и такихъ можно насчитать сколько угодно: «The savage and the wanton barbarity of the Russians found in the magnificens of this capital wherewith te exercise in its full scope, their favourite passion for destruction». Это говорится о мазанкахъ Бахчисарая.

ихъ совершенную невѣрность, по скольку они относятся не къ какой нибудь-частной случайности, а къ положенію дѣла *вообще*. Прежде всего замѣчу, что писать о разрушеніи Херсонеса русскими, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ, стали только съ начала этого вѣка, со словъ Палласа, Кларка и Сумарокова, а изъ нихъ никто не только не доказалъ, но даже и не подумалъ о необходимости доказать прежде всего, было ли что въ Херсонесѣ для разрушенія вообще, а ко времени занятія нами Крыма въ особенности. Посѣщали Херсонесъ въ видѣ простой прогулки, видѣли жалкіе остатки города, и безъ малѣйшаго изслѣдованія, не только археологическаго, но даже и книжнаго, въ противоположность самой очевидности, утверждали, что тутъ были когда-то великолѣпныя развалины, но русскіе ихъ разрушили. Затѣмъ, отъ частаго повторенія это стало, наконецъ, аксіомой, до нынѣ поддерживаемой, а между тѣмъ, найдется довольно данныхъ для рѣшенія этого существеннаго основного вопроса въ иномъ смыслѣ.

Не вдаваясь подробно въ исторію нашего города, чему здѣсь не мѣсто, скажу только, что она не даетъ намъ ни малѣйшаго основанія видѣть въ средневѣковомъ Херсонесѣ что либо иное, чѣмъ полуварварскій городъ, о которомъ упоминается большею частью только потому, что онъ былъ мѣстомъ ссылки, а вокругъ него, во всемъ Крыму, стояло уже совершенное варварство, такъ сказать, безпросвѣтное. Но и такой городъ не оставался цѣлымъ до конца своей жизни и послѣднія историческія свѣдѣнія о Херсонесѣ только и говорятъ, что о его взятіи и разрушеніи. Въ 1224 году разорилъ его Гетумъ, синопскій турокъ [1]); въ 1248 г. ограбили его монголы Ногая [2]); около 1300 года, турки, разбитые татарами, бѣжали черезъ Херсонесъ, котораго, конечно, не пощадили, ни побѣдители, ни побѣжденные [3]); около 1363 (или 1396?) опустошили его, до тла, разграбивъ церкви, литовцы, гнавшіеся за татарами, такъ что и самый городъ опустѣлъ съ того времени [4]). Въ концѣ XIV вѣка, Херсонесская епархія возведена въ митрополію, и терпѣла великую бѣдность, заводя съ сосѣдями всяческія споры и пререканія изъ за нѣсколькихъ деревушекъ и выпрашивая подачки у константинопольскаго патріарха [5]). Торговое значеніе города всячески, прямо и косвенно, подавлялось генуэзцами [6]) и когда, наконецъ, онъ былъ покинутъ и послѣдними жителями, то даже его развалины не были оставлены въ покоѣ.

[1]) Куникъ. О связи трапезунтско-сельджукской войны 1223 г. съ первымъ нашествіемъ татаръ на Черноморье. Ученыя Записки Академіи Наукъ, т. II, вып. 5. Спб. 1854, стр. 732.

[2]) Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихсякъ исторіи Золотой Орды, т. I. Спб. 1884. Лѣтопись Рукнеддина Бейбарса, стр. 112.

[3]) Köhne. Musée de feu le prince Basile Kotchoubey, т. I. St.-Pétersbourg, 1856, стр. 256.—Его же, Изслѣдованія бъ исторіи и древностяхъ г. Херсонеса Таврическаго. Спб. 1848, стр. 241. —Muralt, Essai de Chronographie Byzantine. St.-Petersbourg, 1855 г., стр. 476. Разные источники обоихъ авторовъ, кажется, указаны ошибочно.

[4]) Это, впрочемъ, недостаточно выяснено; срав. Карамзина, Исторія государства Россійскаго, т. V, прим. 12 и т. IV, прим. 146.—Брунъ, О поселеніяхъ итальянскихъ въ Газаріи, Труды 1-го арх. съѣзда въ Москвѣ, т. II, стр. 395.—Его же, Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie, St.-Petersburg 1866, стр. 50.—Naruszewicz, Tauryka, Warszawa, 1787, стр. 72. Источниками Карамзину служили: Стрійковскій, который не говоритъ объ опустошеніи Херсонеса, и Нарушевичъ, который ссылается здѣсь на показаніе Michalonis Lituani, De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum, Basileae, 1615, стр. 3, данное болѣе полутораста лѣтъ послѣ событія, и притомъ весьма неопредѣленное по времени и содержанію.

[5]) По Le Quien, Oriens Christianus, т. I, 1331 et 308, митрополитъ для Херсонеса хиротонисанъ въ 1440 г.; тоже говоритъ и Кеппенъ, въ Крымскомъ Сборникѣ на стр. 233. Но санъ митрополита епископы Херсонеса носятъ уже въ 1382 г. Acta Patriarchatus Constantinopolitani ed. Müller CCCLV.—Muralt, op. cit. 718.—Тоже въ переводѣ архим. Антонина въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. V, стр. 964, 965.

[6]) Nicephori Gregorae, Byzantina historia, ed. Bonn. XVII, 2, 3, p. 877, 880.

Консулъ Кафскій, Filippo Chiavroia, въ 1470 году, предлагалъ своимъ принципаламъ банка Св. Георгія окончательно разрушить стѣны Херсонеса; протекторы банка приняли это предложеніе, находя его весьма полезнымъ, особенно изъ боязни, чтобы турки не заняли этого необитаемаго города [1]). Сама Кафа вскорѣ пала и съ точностію неизвѣстно, насколько консулы исполнили приказанія банка, но, вѣроятно, не стѣснялись, разрушая наиболѣе подручное и опасное для нихъ, т. е. приморскія стѣны, отъ которыхъ поэтому, надо думать, видны теперь лишь слабые слѣды. На этомъ разрушеніе развалинъ Херсонеса не остановилось и, по словамъ Броневскаго, еще турки вывозили оттуда за море колонны, камни и украшенія.

То же дѣло разрушенія, безъ сомнѣнія, производилось и гораздо раньше турокъ, издавна, всѣми жителями населенныхъ мѣстъ не только близкихъ къ городу, но относительно и отдаленныхъ, гдѣ часто находили надписи и другіе мраморы, нѣкогда вытащенные изъ Херсонеса; мнѣ не разъ приходилось видѣть въ церквахъ Инкермана, Мангупа и Черкесъ-Кермана мраморные архитектурные фрагменты, несомнѣнно взятые изъ Херсонеса, не только до прихода русскихъ, но, вѣроятно, не позже XV вѣка, когда и самыя эти мѣста, въ христіанскомъ смыслѣ, стали пустѣть. Далѣе, я покажу на раскопкахъ, что первыми и главными, совершенно безпощадными, разрушителями Херсонеса были съ древнѣйшихъ временъ сами обыватели города.

Итакъ, исторія показываетъ намъ, что послѣдніе вѣка существованія Херсонеса, были не жизнью, а медленнымъ умираніемъ, разрушеніемъ и расхищеніемъ города; что же могло въ немъ остаться? Гибель отъ какой-либо катастрофы, самой тяжелой, оставляетъ многое, но гибель медленнымъ изморомъ не оставитъ почти ничего. Послѣдніе жители города задолго до совершеннаго его опустѣнія обыщутъ въ немъ все, все подберутъ, всѣмъ воспользуются, самые камни продадутъ или уничтожатъ просто изъ-за куска хлѣба. Всякій, часто видѣвшій Севастополь послѣ крымской войны, пойметъ меня, ибо своими глазами видѣлъ, какъ таютъ развалины города, погибающаго медленнымъ изморомъ.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, до какой степени было неосновательно ждать чего-либо особеннаго отъ развалинъ Херсонеса, но мы въ этомъ дѣлѣ имѣемъ даже и прямыя свидѣтельства очевидцевъ, видѣвшихъ эти развалины, простоявшія брошенными около 350 лѣтъ, до прихода русскихъ. Старѣйшее свидѣтельство о развалинахъ Херсонеса, къ тому же и единственное до присоединенія Крыма къ Россіи, если не считать болѣе или менѣе безграмотныхъ его повтореній, дано Броневскимъ, бывшимъ въ Крыму въ 1578 году. Въ его разсказахъ нельзя не видѣть постояннаго желанія прихвастнуть и своими познаніями древнихъ авторовъ и необычайностью имъ видѣннаго; эту наклонность Броневскаго надо помнить, читая его напыщенныя, полныя очевидныхъ преувеличеній описанія; наклонность тѣмъ болѣе понятную и простительную, что мѣриломъ для сравненія ему служили тогдашніе польско-жидовскіе городки. Такъ, напр., почти вполнѣ уцѣлѣвшій до нынѣ Инкерманъ и значительно цѣлая Балаклава, для насъ маленькія, бѣдныя крѣпостцы, Броневскимъ описывались какъ значительныя и великолѣпныя. Въ Херсонесѣ онъ указываетъ, въ такомъ же стилѣ явнаго преувеличенія, на большія и высокія крѣпостныя стѣны со многими (?) башнями, на царскій дворецъ (?) съ огромными стѣнами и на большой

[1]) Vigna, Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri, durante la signoria dell'ufficio di S. Giorgio, t. II, Genova 1879, pag. 735, 872: utile esset diruere turres et muros cujusdam loci non habitati qui nominatur Jherezonda.

монастырь безъ крыши разрушенный и разграбленный. На эти слова, невѣрность и преувеличеніе которыхъ легко повѣрить по сейчасъ, обыкновенно и ссылаются; но тотъ же Броневскій, рядомъ, о томъ же Херсонесѣ, говоритъ еще болѣе опредѣленно: *„городъ стоящій покинутымъ много вѣковъ, представляетъ однѣ развалины и опустошеніе; дома города лежатъ во прахѣ и сравнены съ землею; не видно даже и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій“* [1]). Послѣ М. Броневскаго мы имѣемъ еще свидѣтельство Берта, посѣтившаго Херсонесъ двумя вѣками позже, при самомъ началѣ построенія Севастополя, весною 1784 года [2]). Ни о какихъ умышленныхъ разрушеніяхъ онъ ничего не говоритъ по той простой и очевидной причинѣ, что разрушать было нечего; въ Херсонесѣ увидѣлъ онъ только слѣдующее: *„вѣроятно, это былъ большой городъ, судя по пространству, занимаемому его развалинами и по существующей еще части его крѣпостныхъ стѣнъ; тамъ находятся цѣлыя городскія ворота и одна большая башня довольно хорошо сохранившаяся“* [3]). Замѣчательно, что Палласъ черезъ десять лѣтъ послѣ Берта, указавъ на, будто бы, сплошное разрушеніе города, нашелъ, однако, точь въ точь то же самое. Еще черезъ двадцать лѣтъ новый путешественникъ, В. Броневскій, тоже распространившись объ умышленномъ разграбленіи Херсонеса, нашелъ совершенно такія же развалины и повторилъ слова Берта [4]).

Съ коротенькимъ и трезвымъ показаніемъ Берта, подтверждающимъ М. Броневскаго (посла Баторія), точно согласуется и дѣйствительность: до насъ дошли старыя карты и планы, которыхъ, несмотря на отрицаніе Палласа, до мнимаго разрушенія Херсонеса, было снято нѣсколько. Въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ хранится планъ 1772 года подъ заглавіемъ: „Аккуратный планъ положенія Алхіярской гавани съ лежащими при оной древними городами Алхіяромъ и Херсономъ“. Хотя на этомъ планѣ Херсонесъ нанесенъ и въ очень маломъ масштабѣ, по совершенно такимъ, какъ и на слѣдующихъ картахъ. Въ ученомъ архивѣ Главнаго Штаба есть планъ Херсонеса и Инкермана на одномъ листѣ, очевидно снятый съ чисто археологической цѣлью; на немъ нѣтъ года, но, судя по подобію плана Херсонеса съ показаннымъ выше, онъ тоже 1772 года и, конечно, не позже 1778 года, что видно какъ по контуру бухтъ, и въ особенности, по отсутствію на планѣ не только Севастополя, но даже и батарей, построенныхъ Суворовымъ въ іюнѣ 1778 года [5]). Въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранится планъ, тоже археологическій (такъ и озаглавленъ *„планъ древнему Херсону“*); онъ составленъ позже 1779 года (показаны Суворовскія батареи), но ранѣе 1783 (основанія Севастополя); планъ Херсонеса похожъ на первый. Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морского Министерства есть рукописная карта севастопольскихъ бухтъ, снятая описными партіями съ первыхъ русскихъ фрегатовъ 1783 г.; казалось, на новомъ мѣстѣ не о томъ имъ было и думать, однако планъ Херсонеса нанесенъ. Есть еще планъ, тоже чисто археологическій, озаглавленный *„планъ развалинъ древняго Херсона“*;

---

[1]) Broniovius de Biezdzfedea, Tartariae descriptio. Coloniae Agrippinae, 1595, pag. 6: non aedium et templorum ne vestigio quidem in ea visuntur. Urbis aedificia humi prostrata et solo aequata sunt.

[2]) Oettinger, Moniteur des dates, Leipzig. 1869.—Larousse, Grand Dictionnaire Universel, II, pag. 42: Baert (Alex. Franç. baron de)—географъ-путешественникъ 1750—1825.

[3]) Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne, III partie. Paris. 1797, pag. 26 (безъ имени автора).

[4]) Броневскій. Обозрѣніе южнаго берега Тавриды въ 1815 г. Тула. 1822 году, стр. 20.

[5]) Дубровинъ, Присоединеніе Крыма къ Россіи, т. II, Спб., 1885, стр. 490.

онъ снятъ, въ ноябрѣ 1786 года, для Габлица и на немъ показанъ какъ самый Херсонесъ, такъ и его окрестности. Изумительно, какъ могъ Палласъ не видѣть этого плана у своего друга Габлица и даже не знать о немъ. Конечно, въ то время Севастополь существовалъ уже три года; но знакомые съ его тогдашними планами и описаніями легко замѣтятъ, что этотъ городъ, состоявшій тогда изъ сотни маленькихъ домовъ и казармъ, въ которыхъ люди спали въ три яруса, по недостатку мѣста, былъ еще слишкомъ ничтоженъ для замѣтнаго расхищенія Херсонеса [1]); лучшій тогдашній домъ адмирала Мекензи, обращенный даже во дворецъ къ пріѣзду Императрицы Екатерины, частью существующій и по сейчасъ, конечно, всего болѣе похожъ на лачужку, не смотря на всяческія новѣйшія, сдѣланныя въ немъ, улучшенія [2]). Все это даетъ мнѣ право и карту Габлица причислить къ планамъ, снятымъ до времени мнимаго разрушенія Херсонеса русскими [3]).

Всѣ эти пять плановъ, изъ нихъ три чисто археологическіе, представляютъ только крѣпостную ограду Херсонеса, отмѣчая большую ея часть разрушенною и давая очертаніе ея недостаточно точнымъ и одинаковымъ у всѣхъ; никакихъ зданій или улицъ города не нанесено. Видя на тѣхъ же планахъ (второмъ изъ числа указанныхъ выше и въ особенности 1773 года здѣсь не упомянутомъ, Батурина), что Инкерманъ показанъ вполнѣ точно, въ планахъ и разрѣзахъ, со всѣми башнями и кварталами зданій, мы вынуждены признать, что малость и неточность показаннаго въ Херсонесѣ зависѣла, очевидно, не отъ умѣнія или старанія тѣхъ же съемщиковъ, отлично понимавшихъ важность Херсонеса, а исключительно отъ того, что нечего было показывать, кромѣ остатковъ крѣпостной стѣны, да и то мѣстами очень неопредѣленныхъ. Я думаю, не безъ удивленія прочтутъ, что эта стѣна въ значительной мѣрѣ цѣла и до сихъ поръ, именно тамъ, гдѣ она показана цѣлою на вышепомянутыхъ планахъ и это не смотря на наши полумиѳическія разрушенія и вполнѣ реальныя севастопольскія ядра, бившія непріятельскія батареи и все окружающее въ Херсонесѣ въ теченіи почти года.

Итакъ, Палласъ несомнѣнно ошибался и планы, къ тому же планы, снятые именно съ цѣлью археологической и вполнѣ согласные съ старыми описаніями, дѣлались гораздо ранѣе возможности разрушенія Херсонеса русскими. Да и въ самомъ фактѣ снятія архео-

---

[1]) Описаніе построекъ, сложенныхъ на глинѣ, руками матросовъ въ 1787 году см. у Головачева, op. cit., стр. 105. Двумя годами позже снятія плана Габлица, служившій, въ 1787 88 годахъ, врачемъ во флотѣ, Van Woenzel, насчитывалъ въ Севастополѣ 240 домовъ «большихъ и маленькихъ»; къ сожалѣнію въ его любопытномъ сочиненіи только и говорится о Херсонесѣ, что въ немъ есть развалины; (Aanteekeningen, gehouden op eene reise door Turkijen, Natolien, de Krim en Rusland in de jaaren. 1784–89. Constantinopolen, van den heriga MCCIX (1795); t. II p. 230, 263).

[2]) Какимъ ничтожнымъ городкомъ былъ Севастополь, не только въ первые годы своего существованія, но еще и въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка и даже вплоть до крымской войны, ясно видно изъ записокъ Закревскаго, № 9 Морского Сборника за 18·1 годъ. Кромѣ солдатъ и матросовъ считалось въ Севастополѣ жителей православнаго исповѣданія: въ 1794 году—104 человѣка; въ 1799 году—102 человѣка, и даже въ 1802 году только 171 душа. См. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XII, стр. 208; также т. II, стр. 752, и Родіоновъ, Описаніе Таврической епархіи, Симферополь, 1872, стр. 73. По дѣлу военно-ученаго архива Главнаго Штаба № 14776, въ концѣ прошлаго вѣка, по подробнымъ свѣдѣніямъ, въ Севастополѣ считалось жителей обоего пола только 202 души всѣхъ вѣроисповѣданій. Даже въ 1820 году, кромѣ солдатъ и матросовъ, было не болѣе 2.000 душъ обоего пола и то исключительно военно-служащихъ. Gamba, Voyage dans la Russie méridionale... fait depuis 1820 jusqu'en 1824, vol. I, Paris, 1826, p. 32. Lyall, Travels in Russia, the Krimea... vol. I, London, 1825, p. 298.

[3]) Всѣ пять упомянутыхъ картъ имѣются у меня въ видѣ fac-simile; планъ Габлица, составленный Стрѣловымъ или Строковымъ (имя написано неразборчиво), напечатанъ въ значительно уменьшенномъ видѣ въ Отечественныхъ Запискахъ 1822 года, № 22, по даннымъ самого Габлица.

логическихъ плановъ въ то время не представится ничего удивительнаго всякому, знакомому съ тогдашними дѣятелями. Полагаю, что было бы излишнимъ доказывать, что во время занятія Крыма главный двигатель всего на югѣ, Потемкинъ, при всѣхъ его огромныхъ недостаткахъ, истинно великій государственный человѣкъ, далеко не былъ безграмотнымъ невѣждою; не были таковыми и его помощники, назову только нѣкоторыхъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ Крыму и Херсонесу въ годы его занятія: Прозоровскій, Суворовъ, Сенявинъ, Каховскій; да наконецъ, если уже это необходимо, было не мало лицъ и иностраннаго происхожденія: Игельстромъ, Де-Бальменъ, Кинсбергенъ, Мекензи, Габлицъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто говорить о государственныхъ заслугахъ этихъ лицъ, но нельзя не напомнить, что имѣются свидѣтельства о ихъ несомнѣнномъ интересѣ къ археологіи, быть можетъ и поверхностномъ, но, конечно, изумительномъ при тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ въ новомъ, полупустынномъ, едва покоренномъ краѣ. Не успѣли наши суда показаться въ Черномъ морѣ въ 1772 году, какъ имъ предписывалось ръзъискивать всякія древности и описывать древнія зданія [1]); стихла первая турецкая война, русскіе заняли Крымъ: Потемкинъ даетъ ордеръ губернатору объ отысканіи старинныхъ монетъ и медалей [2]); онъ же приказываетъ дѣлать рисунки съ древнихъ надписей и сообщаетъ разные матеріалы Одерико для его сочиненія [3]); посылаетъ Габлица изслѣдовать Крымъ, давъ ему средства на снятіе плановъ [4]); отправляетъ подполковника Бальдани, въ 1783 году, для повѣрки показаній нашей лѣтописи и, конечно, для осмотра Херсонеса и нанесенія его на планъ; этимъ офицеромъ тогда уже были найдены тамъ и слѣды древняго водопровода [5]); путешествіе самого Палласа въ Крымъ было не его личнымъ дѣломъ, а дѣломъ правительства. Нѣтъ сомнѣнія, что еще многія подобныя распоряженія остаются погребенными въ архивахъ.

Теперь, надѣюсь, будетъ понятно, откуда взялись старинные археологическіе планы, карты и рисунки; понятно будетъ также, какъ это случилось, что русскіе, будто бы бездѣльно и безсмысленно разрушавшіе все, что находили, дали, однако, возможность тогда же сдѣлать весьма много археологическихъ описаній. Откуда и кѣмъ, позволю себѣ спросить, собраны тѣ матеріалы, почти всѣ уцѣлѣвшіе и по сейчасъ, которые описывались Палласомъ, Одерико, Кларкомъ, Вакселемъ, Сумароковымъ, Келеромъ и многими другими, позже ихъ? Сами они вѣдь не только ничего не нашли, но даже и не пробовали искать. Кто находилъ, сберегалъ и составлялъ тѣ коллекціи крымскихъ древностей правительственныя и

[1]) Головачевъ, Исторія Севастополя, стр. 23. Между прочимъ, послѣдствіемъ этого распоряженія была превосходная, для того времени, карта древней крѣпости Инкермана, снятая въ 1773 году, и, вѣроятно, часть вышеупомянутыхъ картъ; одна изъ нихъ, конечно, есть та, которую снялъ *«инженерный офицеръ* (Бальдани?) *по приказанію Потемкина»*, см. вышеуказанную замѣтку въ Отечественныхъ Запискахъ 1822 г. № 22, стр. 163.

[2]) Мурзакевичъ, Матеріалы для мѣстной исторіи: ордера кн. Потемкина-Таврическаго, губернатору Каховскому отъ 24 декабря 1786 г. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. VI, стр. 602.

[3]) Oderico, Lettere Ligustiche, Bassano, 1792. Пятнадцать листовъ рисунковъ этого сочиненія всѣ сняты руками русскихъ чертежниковъ, съ русскими литерами и надписями, въ Ѳеодосіи и Судакѣ.

[4]) Не все исполненное тогда Габлицемъ было напечатано; главныя его работы заключаются въ Физическомъ описаніи Таврической области напечатанномъ въ Спб. въ 1785 году, и въ Географическихъ извѣстіяхъ, служащихъ къ объясненію прежняго состоянія нынѣшней Таврической губерніи, напечатанныхъ лишь въ 1803 г. Представленные императрицѣ Екатеринѣ въ 1787 году, въ Крыму, планы, рисунки и описанія Габлица не были напечатаны; по нимъ составлены замѣтки, напечатанныя въ Отечественныхъ Запискахъ 1822 года, на которыя мы выше ссылались.

[5]) Sestrenzewitsch, въ Histoire de la Tauride, Braunswick, 1800, t. I, p. 304, передаетъ со словъ самаго Бальдани, а потому здѣсь можно воспользоваться этимъ, вообще говоря, недостовѣрнымъ источникомъ.

частныя, русскія и заграничныя, которыя извѣстны уже съ конца прошлаго вѣка? Все это вѣдь сдѣлано исключительно тѣми самыми варварами, которые будто бы все истребляли изъ за одной лишь страсти къ разрушенію, какъ говорилъ Кларкъ. Ему повѣрили и вѣрятъ до сихъ поръ, а между тѣмъ, лучшее опроверженіе его выдумки находится у него же: въ Керчи, какой-то грекъ-священникъ, восхваляемый, конечно, Кларкомъ, соглашался продать ему древнее евангеліе; ему запретила полиція, для того чтобы истребить рукопись, какъ пишетъ Кларкъ, но она цѣла до сихъ поръ [1]); въ Ѳеодосіи, какой-то офицеръ не позволилъ ему купить мраморы (описанные Одерико), будто выставленные для продажи, какъ строевой камень: эти мраморы большею частью цѣлы и до сихъ поръ; въ Севастополѣ, ему также не дали купить надписей, будто бы продаваемыхъ какъ простой камень: всѣ онѣ цѣлы и теперь [2]). Сознаюсь, что эти свидѣтельства явнаго врага всего русскаго возбуждаютъ во мнѣ самыя искреннія чувства изумленія. Въ новомъ краѣ, почти дикомъ, опустошенномъ войнами и чумою, гдѣ было такъ много всякихъ проходимцевъ, а все русское справедливо считало себя въ тяжелой ссылкѣ и было больное, плохо содержимое и едва перебивающееся, можно встрѣтить всяческое безобразіе и даже извинить его. Однако, не смотря на всѣ эти чрезвычайно неблагопріятныя обстоятельства, мы видимъ не разрушающее варварство, а именно ту неожиданную и изумительную любовь къ древностямъ, благодаря которой все находимое сохранялось и пряталось, гдѣ было можно: въ церквахъ, у богатыхъ баръ, въ разныхъ управленіяхъ; пряталось на столько хорошо, что почти все найденное дошло до насъ, не смотря на соблазнъ иностранцевъ. Хранителями всѣхъ случайныхъ находокъ, разбросанныхъ по всему краю, являлись полицейскій чиновникъ, полуграмотный казакъ или маленькій офицеръ. По истинѣ изумительно, и очевидно, что у Кларка можно и должно прочесть совсѣмъ не то, что обыкновенно у него читается. Надо вспомнить, что никакихъ центральныхъ учрежденій археологическаго характера не существовало, не было и мѣстныхъ музеевъ; некому было не только слѣдить за находками, но негдѣ было ихъ хранить, а поэтому многое попадало въ частныя руки или заграницу, но эти случайности говорятъ въ пользу общераспространенности интереса къ древностямъ, а никакъ не за варварское ихъ разрушеніе [3]). Любой путешественникъ, повертѣвшись на мѣстѣ нѣсколько минутъ, самое большое нѣсколько часовъ, чувствовалъ про себя, что всякое изслѣдованіе, даже книжное, требуетъ труда и знанія и что будетъ много проще и легче замѣнить его нѣсколькими горячо и сильно сказанными фразами о варварствѣ и невѣжествѣ русскихъ и, для надлежащаго контраста, о роскоши и великолѣпіи древнихъ: страна далекая, трудно доступная, повѣрять не станутъ. Иносказательно,—это было простою выдачею себѣ самому патента на званіе ученаго мудреца и опытнаго археолога. Такъ поступали,

[1]) Ивановъ, Греческое рукописное евангеліе, находящееся въ библіотекѣ таврической духовной семинаріи, и его же, Греческій рукописный апостолъ, принадлежащій Предтеченской церкви въ г. Керчи, въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества, т. I.—Гераковъ, Путевыя записки по многимъ росс. губерніямъ, т. I, Спб. 1820, стр. 119.—Мурзакевичъ, Нѣкоторыя подробности о церкви св. Іоанна Предтечи въ Керчи, Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. I, стр. 625.

[2]) Clarke, Travels etc. t. II, 123, 147.

[3]) Первый музей древностей въ Новороссіи былъ основанъ лишь въ 1809 году при гидрографическомъ депо, въ Николаевѣ, по почину тогдашняго главнаго командира черноморскаго флота маркиза де-Траверсе; въ этотъ музей поступили находки, сдѣланныя въ Ольвіи, Херсонесѣ, Пантикапеѣ и проч.; впослѣдствіи, въ 1840 году, все было передано въ музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Скальковскій, Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссіи, т. II, Одесса, 1838, стр. 104.

можно сказать, всѣ, не исключая даже и Палласа; но вѣрить всему этому только потому, что оно давно сказано, пора бы и перестать.

Итакъ, полагаю достаточнымъ всего, приведеннаго выше, для доказательства того, что Херсонесъ, задолго до прихода русскихъ, не заключалъ въ себѣ почти ничего цѣлаго, возможнаго къ разрушенію и достойнаго сохраненія; это подтверждается какъ исторіею города, такъ и полнымъ согласіемъ свидѣтельствъ писателей, видѣвшихъ развалины его до прихода русскихъ, съ старыми планами, которыхъ сдѣлано русскими не мало. Всѣ разсказы позднѣйшихъ путешественниковъ основаны не на изысканіяхъ, а просто только на обманутомъ ожиданіи въ такомъ дѣлѣ, о которомъ они имѣли весьма слабое представленіе и къ которому не могли или не хотѣли приложить должный трудъ кропотливаго изслѣдованія.

Думаю, что и послѣ моихъ словъ будутъ продолжать вѣрить Кларку и ему подобнымъ; старыя мнѣнія, а въ особенности нелѣпыя, трудно измѣнить, да сознаюсь откровенно, я и самъ отчасти вѣрилъ распространенному мнѣнію о разрушеніи нами, русскими, всякихъ древностей до тѣхъ поръ, пока не сталъ ими больше заниматься. Тогда только я понялъ ничтожность или невѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ Палласами и Кларками, и необходимость для точнаго знанія этого дѣла обратиться къ первоисточникамъ и къ прямымъ изслѣдованіямъ на мѣстѣ; при этомъ оказалось, къ немалому моему изумленію, что за рѣдкими исключеніями, находится все, что дѣйствительно было, кромѣ только того, чего никогда не бывало, хотя въ малограмотныхъ книжкахъ оно и значится. Особенно поучительными оказались раскопки самого Херсонеса, которыя показали его полную неприкосновенность и такую же ничтожность; то же самое раскопки покажутъ кому угодно, если только къ нимъ приступить безъ предвзятыхъ идей и съ нѣкоторымъ знаніемъ архитектурно-строительной исторіи и техники. Это послѣднее условіе совершенно необходимо, потому что въ числѣ многаго иного намъ достаются отъ древности архитектурные остатки, а въ такихъ раскопкахъ, какъ херсонесскія, они, можно сказать, господствуютъ и, стало быть, для своей оцѣнки требуютъ спеціальнаго знанія, того самаго, о которомъ всѣ описывавшіе Херсонесъ встарь, не имѣли никакого представленія. Къ описанію херсонесскихъ раскопокъ я и обращусь теперь, начавъ съ не безполезныхъ указаній о времени и лицахъ, занимавшихся этимъ дѣломъ.

О первыхъ временахъ послѣ занятія русскими Крыма извѣстій не сохранилось, но серьезныхъ изысканій тогда не производили и находки древностей были случайны. Первыя раскопки, отъ которыхъ остался литературный слѣдъ, сдѣланы въ 1827 году, по порученію адмирала Грейга [1]); многое открытое при этомъ и уцѣлѣвшее описано у Дюбуа, въ томъ числѣ и развалины той церкви, которая считается мѣстомъ крещенія св. Владиміра, хотя къ такому пріуроченію не находится ни малѣйшаго основанія [2]).

Въ 1846 и 1847 годахъ производилъ маленькія раскопки, по порученію Министерства Императорскаго Двора, Карейша, о чемъ сохранились весьма краткія свѣдѣнія [3]).

[1]) Главный командиръ Черноморскаго флота въ 1816—1833 годахъ.

[2]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase... et en Crimée, t. VI, Paris, 1843, p. 137—164; собственно эта церковь описана на стр. 144, а въ атласѣ изображена въ III série pl. 4, fig. 14 и pl. 32 bis, fig 6 -8. Еще ранѣе о той же церкви сказалъ нѣсколько словъ Кугорга въ «Отрывкахъ изъ путешествія въ Крымъ» 1833 года, напечатанныхъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1834 г., январь, стр. 88, съ приложеніемъ невѣрнаго ея рисунка. Почти одновременно съ Dubois на эту церковь указывалъ и Мурзакевичъ, въ томъ же журналѣ, за 1837 г. № 3, стр. 617. Кромѣ того, она описана у Аркаса, Описаніе Ираклійскаго полуострова и древностей его. Николаевъ. 1879 г., стр. 14, табл. III, Д.

[3]) Карейша, Археологическія розысканія, Журналъ Министер. Внутрен. Дѣлъ 1846 г. т. XVI и 1848 г. т. XXI.

Около начала 50-хъ годовъ дѣлалъ, или, вѣрнѣе сказать, собирался дѣлать раскопки Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій; никакихъ положительныхъ свѣдѣній о его работахъ не имѣется. Въ 1851 г. маленькія раскопки дѣлалъ лейтенантъ Шемякинъ, на свой страхъ; находки, сдѣланныя имъ въ базиликѣ, вполнѣ вскрытой потомъ гр. Уваровымъ, поступили въ музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Въ 1853 году, по порученію Министерства Императорскаго Двора, раскопки были произведены графомъ Уваровымъ, съ стараніемъ и знаніемъ дѣла, и имъ же хорошо описаны [1]). Во время Крымской войны союзники дѣлали кое-какія раскопки въ Херсонесѣ, больше случайныя, въ то время когда чрезъ развалины прорыли нѣсколько траншей съ батареями; никакихъ подробностей о предметахъ, ими добытыхъ, не сохранилось. Въ 1861 году и позже, хотя и не прямо съ цѣлью археологической, была раскопана значительная часть города вокругъ строющагося новаго храма; въ числѣ прочаго, было открыто и нѣсколько церквей [2]). Съ 1876 года по 1885 г. раскопки производились на средства Святѣйшаго Синода и частью Министерства Народнаго Просвѣщенія; издали завѣдывало ими Одесское Общество Исторіи и Древностей, вблизи, главнымъ образомъ, монастырь [3]).

Въ 1876 и въ особенности въ 1885 году раскопано очень много земли, для военныхъ цѣлей, подлѣ большой насыпи. Въ 1888, 1889 и 1890 годахъ раскопки производились Императорскою Археологическою Коммиссіею съ большею систематичностью и значительными средствами; главнымъ образомъ объ этихъ раскопкахъ я и говорю ниже, но буду вспоминать при надобности и всѣ остальныя, ранѣе произведенныя.

Старинныхъ раскопокъ, я, конечно, не видѣлъ, но производящіяся съ 1861 года мнѣ знакомы, а съ 1876 года онѣ прошли, можно сказать, на моихъ глазахъ; я ихъ часто посѣщалъ и хорошо знаю; къ тому же, мнѣ и самому пришлось перебросить не мало земли и мусора, въ разныхъ мѣстахъ Херсонеса, въ 1876 и 1885 годахъ, по случаю военныхъ работъ [4]). Это близкое знакомство съ херсонесскими раскопками, а также съ архитектурной техникой и исторіею, привело меня къ тѣмъ взглядамъ, которые я высказываю нынѣ, и побудило искать, кто и почему выдумалъ великолѣпіе Херсонеса и его умышленное разрушеніе русскими [5]).

[1]) Извлеченіе изъ всеподданѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году. Спб. 1855 г., стр. 135—170.—Гр. Уваровъ, Розысканія въ окрестностяхъ Симферополя и Севастополя, Пропилеи т. IV, стр. 525 — 537. — О раскопкахъ Шемякина сохранились извѣстія въ дѣлахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

[2]) Планъ этихъ раскопокъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что въ настоящее время отъ открытыхъ тогда церквей уцѣлѣли ничтожные и совершенно обезображенные остатки; онъ приложенъ къ статьѣ Мурзакевича, Херсонская церковь св. Василія, въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. V, стр. 996.

[3]) Краткое описаніе этихъ раскопокъ съ приложеніемъ плановъ напечатано въ отчетахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1877 по 1885 годъ. Средства были весьма ограничены, за все время около 7.000 руб.; въ началѣ оказывалъ техническую помощь Обществу и монастырю по надзору за раскопками полковникъ Геммельманъ, затѣмъ капитанъ Краузе, а потомъ все дѣло велъ исключительно монастырь.

[4]) Находимыя древности я собиралъ и дѣлалъ о нихъ замѣтки, а затѣмъ представлялъ въ Одесское Общество Исторіи и Древностей.

[5]) Для ясности послѣдующаго замѣчу, что вся площадь города внутри крѣпостныхъ стѣнъ заключаетъ около 70.000 кв. саж.; изъ этого числа около четверти не было застроено, представляя пустырь, отчасти покрытый могилами и горою городского мусора. Если изъ застроенныхъ пространствъ исключить около четверти (судя по вскрытымъ мѣстамъ) подъ площади и улицы, то останется не болѣе 35.000 кв. саж. подъ домами и дворами; отсюда слѣдуетъ, что фантазія Дюбуа де Монпере, предположившаго существованіе въ Херсонесѣ 5.000 домовъ и 50.000 жителей (Voyage etc. t. VI, p. 149) безмѣрна. Судя по сдѣланнымъ раскопкамъ, можно считать во всемъ городѣ отъ одной до полуторы тысячи лачужекъ и отъ пяти до десяти тысячъ жителей. Я говорю о томъ городѣ, развалины котораго намъ достались, а не о какомъ-то возможномъ, но намъ неизвѣстномъ.

Вышеуказанныя раскопки вскрыли весьма большую часть города, около 10.000 кв. саженъ, въ разныхъ, но преимущественно самыхъ населенныхъ и богатыхъ его частяхъ, и я, конечно, не найду словъ для выраженія той жалкой нищеты, того глубокаго архитектурнаго невѣжества и безграмотности, которыя съ непререкаемою ясностью встаютъ изъ раскопокъ Херсонеса; развалины нашихъ самыхъ бѣдныхъ слободъ покажутся совершенствомъ по сравненію съ херсонесскими. Не знаю, въ состояніи ли я буду передать мое убѣжденіе лицамъ, незнакомымъ съ архитектурою, увлекающимся кусками грубоватаго и шаблоннаго мрамора, но попытаюсь это сдѣлать [1]).

Прежде всего и больше всего повсюду, во всѣхъ раскопкахъ, безъ исключенія, бросается въ глаза очевидность, поразительная для вѣрившихъ Палласу, Кларку и другимъ: мѣста оказываются нетронутыми, никто никогда не копалъ вглубь и всѣ развалины зданій, со всѣмъ своимъ содержимымъ, открываются въ полной неприкосновенности. Открываются не одни только фундаменты, какъ выражаются иногда, очевидно, съ умысломъ, а именно стѣны, приблизительно около трети или половины ихъ полной высоты, т. е. какъ разъ столько, сколько и должно быть, принимая въ соображеніе условія обрушенія стѣнъ и зданій отъ естественныхъ причинъ. Ниже я подробно описываю найденныя въ послѣдніе годы церкви; это описаніе, по существу, пригодно и для всѣхъ прежде открытыхъ; здѣсь же замѣчу, что изъ этихъ наиболѣе видныхъ городскихъ построекъ, которыхъ вскрыто счетомъ 27 (въ 1891—92 годахъ найдено еще съ десятокъ) только одна-двѣ, быть можетъ, были покрыты куполами и сводами, а всѣ остальныя имѣли просто деревянныя крыши; только одна маленькая построена изъ тесанаго камня, столь обильнаго близь Херсонеса и легко обработываемаго; въ большей

[1]) Напр., Карамзинъ, въ Исторіи Государства Россійскаго, т. I, прим. 449, полагалъ, что въ Херсонесѣ «господствовала роскошь», и это только потому, что тамъ «находили много разнаго мрамора»; но мраморъ находили исключительно въ церквахъ, да и тамъ онъ представляетъ самую шаблонную и не мѣстную, а привозную работу, о чемъ и скажу ниже. Сверхъ того надо помнить, что если теперь у насъ мраморъ рѣдокъ и, пожалуй, служитъ признакомъ роскоши, то ничего подобнаго не было въ древности и нѣтъ даже и до сихъ поръ на востокѣ, гдѣ простыхъ мраморовъ много, и обходятся они дешево; въ Херсонесъ мраморъ привозился какъ балластъ. Можно представить многочисленныя доказательства дешевизны мрамора въ древности; ограничусь указаніемъ на то, что проконесскій мраморъ, который, какъ я скажу ниже, употреблялся и въ Херсонесѣ, послужилъ сплошь, цѣликомъ, для постройки не только храмовъ и зданій въ Кизикѣ, но даже для огромныхъ крѣпостныхъ стѣнъ и моловъ этого города, какъ показалъ Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi du Pont, Paris, 1890, p. 325. Такое употребленіе простого мрамора вовсе не рѣдкое въ древности, на нашъ современный взглядъ кажется дѣломъ чрезвычайнымъ и даже невозможнымъ, но вполнѣ объясняется обиліемъ и дешевизною этого матеріала, который обрабатывался руками рабовъ и преступниковъ. Но о дешевизнѣ въ Херсонесѣ этого мнимо роскошнаго матеріала мы имѣемъ, къ счастью, даже и прямыя свидѣтельства надписей: на колоннахъ, найденныхъ въ Херсонесѣ гр. Уваровымъ, высѣчена цѣна ихъ, которая опредѣляется въ 250—300 денаріевъ, конечно, съ капителью и базой, что при низкой цѣнѣ денарія въ то время (около четверти настоящей, въ III вѣкѣ по Р. Х.) составитъ не болѣе 15—20 рублей на наши деньги (о цѣнѣ денарія см. Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités greques et romaines, s. v. Denarius, p. 99 и Lenormant, La monnaie dans l'antiquité, t. I, Paris, 1878, p. 172, 203). Въ настоящее время у насъ такія колонны стоятъ около 700 рублей и дѣйствительно могутъ служить признакомъ роскоши. Въ наибольшей, лучшей, очевидно, соборной церкви города было всего 24 колонны, стоимость которыхъ не превосходила 500 рублей на наши деньги. Къ тому же, всѣ эти колонны не единовременно куплены, а набраны изъ нѣсколькихъ зданій разныхъ временъ. Самое обозначеніе на колоннѣ такого мелкаго пожертвованія не много говоритъ въ пользу роскоши. Понятно, когда въ Ольвіи отмѣчаютъ пожертвованія Протогена въ сотни и тысячи золотыхъ, но тамъ, гдѣ приходилось дѣлать тоже для двухъ-трехъ сотенъ денаріевъ III-го вѣка, о роскоши говорить не приходится (см. Латышевъ, Изслѣдованіе объ исторіи и государственномъ строѣ Ольвіи. Спб., 1887, стр. 111—113). Даже ограбленная Гетами и разрушенная Ольвія, возобновленная въ маломъ и бѣдномъ видѣ, отмѣчаетъ пожертвованія своихъ гражданъ далеко не въ размѣрѣ Протогена, но все же замѣтныя, имѣющія цѣльный характеръ (гимназія, театръ, башня, портикъ, эксэдра), а не одну грошовую колонну, какъ то приходилось дѣлать въ Херсонесѣ (см. Латышевъ, op. cit., стр. 169—170). И такъ, мраморъ въ церквахъ Херсонеса никакъ не можетъ служить признакомъ роскоши, а отсутствіе его въ частныхъ домахъ, при указанной дешевизнѣ, есть признакъ великой бѣдности.

части видны камни, взятые изъ другихъ болѣе древнихъ построекъ, а кладка грубо-бутовая, иногда съ прокладкою рядовъ кирпича. Внутри большихъ церквей находили колонны и части иконостасовъ изъ мрамора и мозаичные полы; все это малыхъ размѣровъ, съ весьма слабымъ художественнымъ значеніемъ и къ тому же вытащенное изъ другихъ болѣе древнихъ построекъ.

Если столь плохи церкви, то, понятно, что частные дома должны быть еще хуже; впрочемъ, дѣйствительность гораздо ниже всего того, что можно себѣ представить: изъ весьма большого числа открытыхъ домовъ, еще ни одного не нашлось сколько-нибудь заслуживающаго этого названія; все это маленькія лачужки, одноэтажныя, всѣ безъ исключенія построенныя изъ самаго плохого мелкаго бутового камня и къ тому же даже не на известковомъ растворѣ, а просто на глинѣ, или вѣрнѣе сказать, на мѣстной грязи. Всѣ дома представляютъ маленькіе прямоугольники, прилѣпленные другъ къ другу и отличающіеся полнѣйшимъ отсутствіемъ какой бы то ни было затѣйливости, оригинальности, даже просто мысли, въ плановыхъ расположеніяхъ.

Инкерманскій камень въ стѣнахъ домовъ попадается весьма рѣдко и только одинъ домикъ нашелся, у котораго фасадъ, длиною всего пять саженъ, сложенъ сплошь изъ этого камня. Прибавлю, что это тотъ самый камень, который будто бы выламывался тысячами ссыльныхъ и вывозился на постройки всюду, между прочимъ, и въ Херсонесъ. Это предположеніе, всѣми допускаемое, есть, однако, не что иное, какъ ни на чемъ не основанная и лишь долго повторяемая выдумка, которую опровергаютъ какъ раскопки Херсонеса, такъ и древнія каменоломни Инкермана [1]).

Въ смыслѣ общаго городского благоустройства только и нашлось, что водопродъ изъ гончарныхъ трубъ, нѣсколько сточныхъ канавъ и остатки, мѣстами, мостовой на главной улицѣ, все это, правду сказать, самаго ничтожнаго вида и грубаго устройства. Домашнее хозяйство и того хуже: кромѣ погребовъ, долбленыхъ въ скалистой почвѣ, цистернъ для воды и ямъ для свалки соленой рыбы-хамсы [2]), ничего не оказалось, даже простые очаги чрезвычайно рѣдки. Цистерны для воды попадаются особенно часто, разнообразной формы и величины, что указываетъ на бѣдность города водою, какъ то, впрочемъ, и слѣдуетъ по мѣстнымъ условіямъ, и понынѣ оставшимся неизмѣнными. Ничего похожаго на какое-либо общественное зданіе, кромѣ церквей, не нашли. Также не найдено какихъ-либо колоннадъ, портиковъ, фонтановъ, внутреннихъ дворовъ, столь обычныхъ въ древности [3]). Не открыто ни въ одномъ домѣ, ни самомалѣйшаго признака какого-либо архитектурнаго украшенія, хоть клочка штукатурки, куска карниза, дверного или оконнаго наличника; даже чего-либо похожаго на полъ, на какую бы то ни было вымостку, нигдѣ въ домахъ не оказалось.

Для знакомыхъ съ строительною техникою, изъ моихъ немногихъ словъ понятно, чего стоитъ открываемый городъ; для незнакомыхъ прибавлю, что теперь такіе дома, какъ въ Херсонесѣ, строитъ только бѣднѣйшая часть населенія, да и то въ самыхъ глухихъ мѣстахъ нашихъ южныхъ городовъ.

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. мою статью: Остатки древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма, въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. IV, стр. 214—216.

[2]) Engraulis encrasicholus Cuv. (анчоусъ)—маленькая рыбка—служитъ пищею бѣднѣйшему населенію и ловится иногда въ ужасающихъ количествахъ.

[3]) Въ раскопкахъ 1889 года нашелся одинъ домъ такой же маленькій, какъ и всѣ, но при которомъ былъ дворикъ 7-ми аршинъ ширины и 16-ти аршинъ длины, повидимому съ чѣмъ-то въ родѣ портика, для котораго были взяты три маленькія колонны 12-ти дюймовъ въ діаметрѣ изъ какой то церкви.

Ранѣе знакомства съ херсонесскими раскопками, я никогда не думалъ, чтобы гдѣ-либо и когда-либо, могло существовать населеніе, доведенное до такой матеріальной и умственной нищеты, и это тѣмъ болѣе удивительно, что богатѣйшій строительный матеріалъ, въ высшей степени легкій для обработки (инкерманскій камень), былъ подъ руками, а сохранившіяся церкви, какъ увидимъ ниже, все же давали хоть какой-нибудь образецъ для архитектурнаго художества. Мнѣ остается еще разъ замѣтить, что раскопаны десятки кварталовъ и многія сотни домовъ на очень большомъ пространствѣ, въ лучшихъ частяхъ города, такъ что сдѣланный мною выводъ никакъ не можетъ быть названъ скороспѣлымъ, но относится, конечно, только къ тому городу, который мы открываемъ и которымъ кончалось полуторатысячелѣтнее существованіе Херсонеса, на этомъ мѣстѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что на томъ же мѣстѣ, въ постоянномъ круговоротѣ созиданія, разрушенія и возобновленія изъ разрушеннаго, городъ много разъ перестраивался и можно было бы думать, что болѣе древніе остатки представятъ изъ себя нѣчто менѣе печальное; къ сожалѣнію, надежды на это весьма мало. Меня завели бы слишкомъ далеко историко-археологическія соображенія, доказывающія вышесказанное, я лучше укажу на чрезвычайно неблагопріятную для археологовъ чисто мѣстную причину: почва, на которой стоитъ городъ, представляетъ скалу, покрытую тонкимъ слоемъ земли; отсюда слѣдуетъ, что фундаменты всѣхъ зданій основывались очень легко и надежно на скалѣ, къ этому всѣ привыкали, всѣ искали и съ легкостью находили это прочное основаніе; то же явленіе мы можемъ наблюдать и въ современномъ Севастополѣ. Основывать зданія иначе, какъ на скалѣ, почти никто не хотѣлъ, поэтому уровень улицъ оставался все тотъ же, а стало быть и зданія болѣе древнихъ временъ не могли скрыться подъ толстыми насыпями послѣдующихъ строительныхъ круговоротовъ и потому теперь не отыскиваются. Такимъ образомъ, многоярусныя наслоенія разныхъ временъ, столь обычныя въ древнихъ городахъ, въ Херсонесѣ почти не существуютъ, а тѣ, которыя изрѣдка попадаются, сохранили лишь небольшіе фундаменты, по качеству и смыслу немногимъ отличающіеся отъ вышеуказанныхъ.

Если мы теперь вспомнимъ приведенное выше мнѣніе Палласа *(не снявъ плана, уничтожили весь городъ, даже изъ фундаментовъ выкопавъ тесанный камень)* и сравнимъ его съ описаніемъ только что сдѣланнымъ, точно по раскопкамъ, то окажется, что утвержденіе столь крупнаго и авторитетнаго ученаго не только опровергается свидѣтельствами исторіи, но, по изысканіямъ раскопокъ, не заключаетъ въ себѣ ни единаго слова, согласнаго съ дѣйствительностью.

Однако, я не хочу сказать, что ошибка Палласа умышленная; если бы у него было хотя маленькое знакомство съ строительною техникою, то онъ никогда бы не подумалъ, что изъ фундаментовъ выкапывали тесанную съ лица плиту; не только въ Херсонесѣ, но едва ли гдѣ-либо на свѣтѣ, могло быть столь нелѣпое употребленіе дорогого матеріала. Вникнувъ ближе, Палласъ могъ бы увидѣть, что тесанный камень вытаскивали не изъ фундаментовъ, а изъ стѣнъ, къ тому же не городскихъ строеній,акрѣ постной ограды, въ которой, и только въ ней одной, мѣстами дѣйствительно лицо стѣнъ было сложено изъ очень крупной тесанной плиты. Вмѣсто легкомысленныхъ и несправедливыхъ упрековъ, маленькое вниманіе показало бы Палласу, что такъ какъ тесаннаго камня въ фундаментахъ не бываетъ, то видѣнное имъ выкапываніе до очевидности указываетъ на то, что городская стѣна не только уже была частью разрушена, но и завалена землею, ранѣе прихода русскихъ.

Выше я не говорилъ собственно о крѣпостной стѣнѣ города и подробно опишу ее впослѣдствіи; пока скажу о ней лишь нѣсколько словъ, весьма характерно рисующихъ послѣднихъ жителей Херсонеса. Городская крѣпостная стѣна сложена на извести; въ кладкѣ ея видны четыре совершенно различныхъ способа, изъ коихъ только въ одномъ употреблена тесанная плита на лицо; съ западной стороны города уцѣлѣлъ еще кусокъ стѣны, съ южной— замѣтны лишь ея малые остатки и стѣна кажется сломанной до низа. Мнѣ пришлось въ двухъ подобныхъ мѣстахъ, на довольно большомъ протяженіи, рыть землю подлѣ южныхъ стѣнъ, причемъ получились результаты, удивившіе даже меня: оказалось до фундамента стѣнъ около 20 футовъ, а такъ какъ цѣлыя стѣны были почти той же высоты или немногимъ выше, то значитъ и здѣсь на значительномъ протяженіи онѣ уцѣлѣли почти сполна и только засыпаны толщею мусора, никѣмъ не копанною до меня [1]). Этотъ мусоръ особенно любопытенъ потому, что какъ по составу (зола, черепки, кости, кучи устричныхъ ракушекъ), такъ и по его косымъ слоямъ, толстымъ у стѣны и выклинивающимся на близкомъ отъ нея разстояніи, могъ насыпаться только самими жителями Херсонеса, сбрасывавшими его черезъ стѣну, въ теченіи многихъ лѣтъ. Далѣе оказалось, что откопанная стѣна сохранила свою тесанную облицовку вверху и въ самомъ низу, въ промежуткѣ тесанный камень выломанъ и, такъ какъ его кусковъ не нашлось у подошвы, то значитъ онъ не самъ выпалъ, а былъ выломанъ до засыпки мусоромъ; фундаментъ стѣны оказался, какъ и слѣдовало ему быть, изъ простого бута; все это хорошо видно на разрѣзѣ стѣны (табл. III, рис. 13). Итакъ, съ несомнѣнною очевидностью выходитъ, что граждане Херсонеса, въ какой-то періодъ жизни города, вѣроятно, послѣдній, не только сами разламывали свою крѣпостную ограду, но и заваливали ее мусоромъ. Можно себѣ представить, что они дѣлали съ городскими зданіями, если такъ поступали даже съ своимъ боевымъ оплотомъ противъ враговъ! [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что Палласъ, видя выламываніе тесаннаго

[1]) Вполнѣ, кромѣ парапета, уцѣлѣвшая часть западныхъ стѣнъ имѣетъ въ высоту ровно 20 футовъ, что, къ слову сказать, весьма немного. Слабость крѣпостныхъ оградъ въ Крыму вообще, не только въ древнія, но и во всѣ времена, доходящая часто до совершенной ничтожности, вполнѣ объясняется особыми условіями жизни городовъ, врагами которыхъ во всѣ времена были только орды плохо вооруженныхъ, невѣжественныхъ варваровъ; для охраны отъ нихъ и жалкихъ стѣнъ было совершенно достаточно.

[2]) Кое-что еще можно сообщить о крѣпостныхъ стѣнахъ, но я предпочитаю подождать раскопокъ, вполнѣ выясняющихъ дѣло; замѣчу только, на основаніи моихъ случайныхъ раскопокъ, что рва у этихъ стѣнъ нѣтъ и никогда не было, хотя о немъ всѣ говорятъ; объ этомъ я уже упомянулъ мелькомъ въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XIV, стр. 183. Извѣстіе о рвѣ во время осады Корсуня Владиміромъ приписываютъ лѣтописцу; въ дѣйствительности лишь въ одномъ спискѣ — Никоновскомъ (П. С. Р. Л., т. IX, стр. 53) говорится: «Повелѣ... землю сыпати въ ровъ». Но и это извѣстіе Никоновской лѣтописи составляетъ, очевидно, вставку позднѣйшаго книжника и къ тому же неудачную, ибо *тайно* красть землю изо рва нѣтъ никакой возможности («елико же ратніе сыпляху землю въ ровъ, толико же граждане тайно крадяху»). Въ другихъ, болѣе древнихъ и исправныхъ спискахъ говорится только, что Владиміръ, во время осады Херсонеса «повелѣ приспу сыпати къ граду» (напр., Лаврентіевская лѣтопись, изд. 1872 г., стр. 106—107 и другія); а такъ какъ приспу сыпати нельзя, не засыпавъ прежде ровъ, если онъ есть, о чемъ лѣтописецъ умалчиваетъ, то его слова указываютъ не на существованіе рва, но на его отсутствіе. Превратное пониманіе лѣтописи получилось отъ совершенно понятнаго у историковъ незнакомства съ военнымъ дѣломъ. Карамзинъ (Исторія Государства Россійскаго, т. I, прим. 450), не отрицая существованіе рва, толкуетъ слова лѣтописи въ томъ смыслѣ, что русскіе, для своей защиты, насыпали вокругъ города валъ, который будто бы называли *спомъ* или *приспомъ*; а херсонесцы уносили въ городъ землю именно съ этого вала. Такое толкованіе, очевидно, навѣяно классическими представленіями о контрвалаціонной осадной линіи. Но русскіе классическихъ осадъ не знали, а подъ Херсонесомъ чувствовали себя очень сильными: «аще ся не вдасте, говорили они херсонесцамъ, имамы стояти и за три лѣта», и, не нуждаясь въ контрвалаціонныхъ линіяхъ, дѣлали то, что самымъ словомъ весьма ясно и точно обозначается; *приспа*—наша *присыпь*—есть просто приваливаніе земли къ стѣнѣ, для того, чтобы по этой насыпи влѣзть на стѣну. Доподлинную вѣрность этого очевиднаго объясненія вполнѣ подтверждаетъ, если бы въ томъ была необходимость, Архангелогородскій лѣтописецъ, у Лейбовича, въ Сводной лѣтописи, т. I, Спб., 1876, стр. 82, словами: «*землю наносити и присыпати и съ горы приступати*», т. е. сверху

камня изъ подобныхъ мѣстъ стѣны, по незнанію строительнаго дѣла, счелъ ихъ фундаментами и этотъ частный случай описалъ какъ бы относящійся къ цѣлому городу и къ постоянному правилу; но ломать стѣны въ городѣ уже потому не было надобности, что цѣлыя кучи камня валялись, и до сихъ поръ валяются на поверхности земли, такъ что не было повода трудиться, выламывать камень; можно было его просто собирать.

Изъ тѣхъ же Палласовъ и Кларковъ можно усмотрѣть, что для Севастополя и въ ихъ время уже ломали свѣжій камень и даже штучный инкерманскій, въ мѣстности далекой и опасной по своей жестокой лихорадочности; что же вынуждало къ этому, если былъ Херсонесъ подъ рукою? Палласъ говоритъ, будто бы это дѣлали потому, что весь камень выбрали изъ Херсонеса: но это не вѣрно, ибо въ немъ камня и до сихъ поръ цѣлыя горы [1]). Дѣло въ томъ, что хотя въ Херсонесѣ камня на поверхности валялось очень много, но онъ мелокъ и плохъ, а перевозка къ Севастополю на столько его удорожала, что предпочли ломать новый. Такъ дѣло стоитъ и до сихъ поръ и камень отъ херсонесскихъ раскопокъ, вполнѣ готовый, съ трудомъ сбывается въ городъ.

Вотъ почему почти только въ первые годы занятія Крыма брали камень изъ Херсонеса, да и то въ небольшомъ количествѣ, прибавлю къ сожалѣнію, потому что если бы его взяли больше, то наши раскопки теперь этимъ самымъ были бы значительно облегчены. При выборкѣ камня, однако, въ старину, все находимое и сколько-нибудь стоившее того, спасалось и сберегалось, давъ возможность сдѣлать тогда же археологическія описанія. Въ совсѣмъ близкія къ намъ времена дѣло сохраненія древностей въ Херсонесѣ оказалось гораздо хуже: тутъ дѣйствительно погибло не мало найденнаго. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Развалины церкви, якобы мѣсто крещенія св. Владиміра, открытыя въ 1827 году, не смотря на чуму и бунтъ 1829 г. и даже Крымскую войну, до послѣднихъ лѣтъ сохранялись такими, какъ описаны у Дюбуа, но теперь отъ нихъ остается немного, да и то все подновлено и передѣлано, такъ что никакого подобія херсонесскихъ стѣнъ не осталось, и лучше все это сломать совсѣмъ, обозначивъ только планъ бывшихъ стѣнъ на мозаичномъ полу храма. Точно то же самое должно сказать и о сосѣднихъ большихъ церквахъ, не только сломанныхъ, но, что еще хуже, безобразно передѣланныхъ: всѣ находки графа Уварова были посланы въ Петербургъ, но тамъ,

сдѣланной насыпи, лѣзть на стѣну. Пробивъ диру внизу стѣны, уже засыпанной землею, осажденные безопасно и невидимо могли выбирать землю снизу той *присыпы*, которую русскіе старались возвысить, не понимая, отчего она осядаетъ («корсуняне подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую персть... воины же присыпаху боле»); иначе говоря, земля для русскихъ, незамѣтно куда-то исчезала («Владиміръ же зря удивляшеся, яко ничтоже успѣваху сыплюще». Никон. лѣт., въ П. С. Р. Л., т. IX, стр. 53), и когда они узнали въ чемъ дѣло (конечно, по взятіи Херсонеса), то эта ловкая стратагема осталась имъ надолго памятной. Брать землю тайно съ контрвалаціоннаго вала физически невозможно, да и вообще, уносить ее отсюда въ городъ есть дѣло не только безсмысленное съ военной точки зрѣнія, но и прямо невыполнимое, ибо требуетъ вылазокъ, открытыхъ боевъ, постоянно съ успѣхомъ повторяемыхъ, а если бы и у херсонесцевъ хватало на это силы, то, очевидно, что имъ нечего было отсиживаться («и затворишася Корсуняне въ градѣ»), а осаждающему надо было бѣжать, чего, какъ извѣстно, не случилось. Да наконецъ, если горожане и дѣлали вылазки, то для этого отворяютъ ворота, а не подкапываютъ или проламываютъ свою же стѣну, чего нельзя скрыть отъ непріятеля и что дастъ ему возможность ворваться въ тотъ же проломъ, не имѣющій приспособленія для закрыванія (воротъ, подъемныхъ мостовъ, опускныхъ рѣшетокъ). Впрочемъ, слова лѣтописца съ такою ясностью представляютъ дѣло, что въ ихъ объясненіи не было бы никакой надобности, если бы они не были запутаны разными новѣйшими соображеніями. Самая стратагема была неожиданною и удивительною только для варваровъ русскихъ, но придумана она не херсонесцами, а извѣстна издавна: совершенно такой же способъ тайнаго вытаскиванія земли изъ-подъ насыпи черезъ проломъ стѣны былъ примѣненъ, по словамъ Дексиппа, жителями Филиппополя, при осадѣ его готами въ 250 г., и также успѣшно (см. Дестуниса, Византійскіе историки, Дексиппъ Аѳин. Спб., 1861, стр. 39).

[1]) Pallas, Bemerkungen, t. II, p. 51.

кромѣ надписей, малой части колоннъ и капителей и мозаичнаго пола, ихъ не видно [1]). Много надписей (около 30), архитектурныхъ фрагментовъ и другихъ находокъ, сдѣланныхъ въ Херсонесѣ, было послано на московскую политехническую выставку въ 1872 году. Все лучшее, что уцѣлѣло отъ войны или было вновь найдено при раскопкахъ, вызванныхъ построеніемъ монастыря и храма, пропало совершенно безслѣдно, осталось лишь четыре полустертыхъ надписей, да нѣсколько фотографій, уцѣлѣвшихъ у любителей [2]).

Вспоминая все это, намъ не приходится особенно винить время занятія Крыма и хотя было бы лучше, конечно, сохранить все найденное, но все-таки еще разъ скажу, что главное, монеты, орнаменты, надписи, встарь найденные, не пропадали, или весьма рѣдко; порядочныхъ зданій не находилось, а объ остальномъ и жалѣть не стоитъ, потому что все это не отличалось отъ находимаго теперь.

Изъ жалкаго состоянія развалинъ Херсонеса и незначительности находокъ въ немъ можно бы сдѣлать выводъ и о безполезности систематическихъ раскопокъ въ этой грудѣ мусора, но съ такимъ выводомъ нельзя согласиться. Ожидать здѣсь необычайныхъ и въ особенности матеріально богатыхъ находокъ нѣтъ основаній, но, однако, и таковыя не безусловно невозможны, а еще болѣе возможно, какъ то доказалъ опытъ, нахожденіе такихъ мало бросающихся въ глаза, но важныхъ предметовъ, какъ надписи; даже и художественныя находки возможны, какъ, напримѣръ, терракоттовыя формы, найденныя въ 1888 году. Однако, каковы бы ни были всѣ эти находки языческаго періода, все же интересъ ихъ будетъ второстепенный, чисто мѣстный, ибо все это будетъ лишь слабымъ, мелкимъ повтореніемъ безчисленныхъ находокъ, дѣлаемыхъ на основной территоріи греко-римской древней жизни; не выйдетъ изъ него никогда даже самаго далекаго, самаго жалкаго подобія Помпеи, съ которою у насъ такъ любятъ сравнивать Херсонесъ; но не въ этомъ и значеніе его раскопокъ. Мѣстностей, гдѣ дѣлались, дѣлаются и будутъ дѣлаться греко-римскія находки, существуетъ безъ числа; но много ли такихъ мѣстъ для находокъ византійскихъ? Вотъ въ этомъ отношеніи важность раскопокъ Херсонеса чрезвычайная, даже почти единственная, такъ какъ не скоро найдется городъ, брошенный въ XIV вѣкѣ и, стало быть, дающій находки безъ примѣси новѣйшихъ. Въ Херсонесѣ намъ открывается весь бытъ, вся культура византійскаго города, тѣмъ болѣе интересные, что они относятся именно къ самому обыденному мелкому городку, а не къ крупному исключительному центру. Въ Херсонесѣ же отыскиваются памятники церковной жизни и обрядности православія, правда, не первыхъ вѣковъ христіанства, но именно потому и особенно любопытныя, что они относятся къ VII—XIII вѣкамъ. Такое рѣдкое, почти исключительное, значеніе раскопокъ въ Херсонесѣ, созданное его

[1]) Гроздовъ, Архивные документы. относящіеся къ исторіи херсонисскаго монастыря, Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи, 1888 г. № 5, стр. 99 и 113.—Latyschev, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis ponti Euxini, t. I. Petropoli, 1885 p. 194, 210. Очень небольшая часть найденнаго въ этомъ храмѣ хранится въ Одессѣ, въ музеѣ. Всѣ капители (кромѣ самой обыденной), всѣ плиты и колонки алтарныхъ преградъ, масса архитектурныхъ фрагментовъ и другія мелкія находки гр. Уварова неизвѣстно гдѣ находятся; особенно жаль капителей, среди которыхъ были такія, подобныхъ которымъ болѣе не находили. Мозаичный полъ сохранилъ свой прежній видъ лишь въ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ; его общее расположеніе, частью и рисунокъ, способъ работы и даже самый матеріалъ не остались такими, какими были найдены.

[2]) Латышевъ, Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1884 г. № 6, стр. 42.—Его же, Inscriptiones antiquae t. I, стр. 192.—Его же, Дополненія, въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества т. V, стр. 365. Что было на выставкѣ изъ предметовъ, найденныхъ въ Херсонесѣ, можно видѣть у Мансветова въ его брошюрѣ: Историческое описаніе древняго Херсонеса и открытыхъ въ немъ памятниковъ. М. 1872.

жизнью, точнѣе сказать, временемъ его гибели, становится особенно важнымъ, если вспомнить огромное значеніе этого города въ нашей исторіи, политической и особенно церковной. Одного этого воспоминанія довольно, чтобы сдѣлать самыя полныя, самыя систематическія раскопки въ Херсонесѣ обязательными для насъ, хотя бы даже въ томъ случаѣ, если никакихъ находокъ и не предвидѣлось бы, а тѣмъ болѣе когда онѣ вѣроятны и уже осуществились, доставивъ матеріалы, столь полезные для пониманія культуры поздней Византіи.

Изъ числа всѣхъ указанныхъ выше раскопокъ особенно обширны и характерны сдѣланныя въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ 1888, 1889 и 1890 гг.; частью я опишу ихъ подробно, такъ какъ онѣ, на небольшомъ пространствѣ, съ полною ясностью обнаружили тотъ строительный круговоротъ, который въ теченіи многихъ вѣковъ постепенно истреблялъ въ Херсонесѣ все цѣльное, стильное, а намъ оставилъ только нищету и невѣжество.

Какъ ни поучительны эти раскопки, однако я не нахожу ни возможнымъ, ни полезнымъ описывать ихъ съ мелочною точностью, такъ сказать, изо дня въ день, почему и распространяюсь лишь о томъ, что поддается какимъ-либо обобщеніямъ. Есть не мало находокъ изъ этихъ раскопокъ, о которыхъ я или не считаю возможнымъ судить или которыя пока еще не дали ничего новаго или цѣльнаго; обо всемъ подобномъ скажу очень кратко, лишь для выясненія характера херсонесскихъ раскопокъ вообще; здѣсь я подразумѣваю надписи, монеты и мелкіе предметы античнаго и византійскаго художествъ.

Довольно многочисленныя надписи, между которыми вполнѣ цѣлыхъ не оказалось ни одной, находились въ видѣ фрагментовъ [1]), иногда просто въ мусорѣ, или въ кладкѣ стѣнъ, а всего чаще, въ вымосткѣ половъ и проходовъ, но во всякомъ случаѣ не на своихъ мѣстахъ, за исключеніемъ одной надгробной христіанской, повидимому малограмотной и трудно разбираемой, но зато съ ясно обозначеннымъ годомъ (6692—1184 по Р. X.), которая нашлась на камняхъ сводика надъ могилою; во всякомъ случаѣ интересъ внутренняго содержанія найденныхъ надписей долженъ быть не малый и, безъ сомнѣнія, будетъ выясненъ свѣдущими людьми [2]).

Монетъ, какъ и вообще при всякихъ раскопкахъ, въ Херсонесѣ, находилось очень много, но огромное большинство ихъ тѣ обычныя херсоно-византійскія, которыя попадаются повсюду; монеты языческаго Херсонеса, въ особенности такъ-называемыя автономныя, попадались весьма рѣдко, по моимъ наблюденіямъ не болѣе 1% всего числа найденныхъ.

Предметы античной жизни, столь характерные и даже обыденные во всякихъ раскопкахъ древнихъ городовъ, въ Херсонесѣ оказывались, относительно, очень рѣдкими, что и понятно, если вспомнить выше сдѣланное замѣчаніе о томъ, что сами обыватели Херсонеса давнымъ-давно его обыскали и ограбили. Гончарныхъ издѣлій, въ видѣ разной посуды, нашлось немного, да и то почти только одни черепки чернолаковой посуды да грубыя лампы, грузила и ручки амфоръ; этихъ послѣднихъ, впрочемъ, найдено очень много, и ихъ клейма, тщательно подобранныя завѣдывающимъ раскопками г. Косцюшко-Валюжиничемъ, могутъ представить значительный интересъ. Находились, конечно, разнаго рода бусы, грубыя браслеты и кольца, кое-какія мелкія издѣлія изъ кости и бронзы, разная домашняя утварь и тому подобное, но въ сильно испорченномъ видѣ. Наибольшій интересъ во всѣхъ находкахъ этого отдѣла представляютъ обломки нѣсколькихъ мраморныхъ статуэтокъ; небольшіе

[1]) Въ минувшемъ 1892 г. найдена стела изъ двухъ кусковъ, дающихъ цѣлую надпись, весьма важную по содержанію.

[2]) Надписи эти изданы въ вып. 9 Матеріаловъ по археологіи Россіи.

фрагменты терракоттъ (прелестна одна головка), мраморная львиная голова съ лапою, очевидно сдѣланная хорошимъ художникомъ и бывшая ножкою стола, извѣстнаго въ древности типа trapezóphorum или delphica [1]); нѣсколько штукъ штампованныхъ терракоттовыхъ плоскихъ изображеній Деметры, интересныхъ тѣмъ, что онѣ почти совершенно подобны найденнымъ въ Танагрѣ и во многихъ мѣстахъ Греціи и черноморскаго прибрежья; эти изображенія хѳоническаго божества, надо думать, были въ большомъ употребленіи на могилахъ Херсонеса, такъ какъ ихъ найдено нѣсколько штукъ [2]). Въ особенности важны найденныя въ 1888 году формы для выдѣлки издѣлій изъ глины, большею частью прекраснаго, хотя и неодинаковаго по времени стиля. Этотъ отдѣлъ находокъ вообще бѣденъ, но все же многое и тутъ заслуживаетъ подробнаго описанія, которое и сдѣлано профессоромъ В. К. Мальмбергомъ, и издано въ седьмомъ выпускѣ „Матеріаловъ по археологіи Россіи".

Изъ мелкихъ находокъ византійскаго періода наибольшую важность имѣютъ рѣзные крестики; одинъ изъ нихъ мѣдный, но съ насѣчкою какого-то бѣлаго легкоплавкаго металла, заслуживаетъ спеціальнаго описанія. Къ сожалѣнію, его сохранность не особенно хороша [3]).

Мнѣ остается перейти къ описанію находокъ архитектурнаго характера, болѣе для меня знакомыхъ, причемъ я буду имѣть въ виду не только раскопки послѣднихъ лѣтъ, о которыхъ скажу подробно, но и вообще все мнѣ извѣстное изъ найденнаго въ Херсонесѣ.

Судя по извѣстной намъ исторіи Херсонеса, столь долгой, обнимавшей безъ перерыва двѣ рѣзко различныя эпохи дѣятельности ея гражданъ—эллино-языческую и византійско-христіанскую—архитектурные памятники должны бы соотвѣтствовать этимъ двумъ эпохамъ со всевозможными переходами между ними; дѣйствительность, однако, не оправдываетъ этихъ ожиданій. Изъ эпохи языческой мы не находимъ ничего цѣльнаго, даже фундаментовъ; все, что было, уже давно и, вѣроятно, много разъ, силами естественными или искусственными, разрушено и отчасти введено въ составъ позднѣйшихъ построекъ; раскопано такъ много, что, я думаю, сказанное мною можно признать окончательнымъ, такъ какъ нѣтъ надежды найти что-либо, хотя отчасти цѣльное изъ этой эпохи. Случалось не разъ подъ остатками верхнихъ кварталовъ города находить иное расположеніе стѣнъ, указывающее на существованіе болѣе древнихъ зданій, но все находимое внизу характеромъ своимъ, а главное, ничтожностью и обыденностью, не отличалось, въ сущности, отъ верхнихъ развалинъ и не заслуживаетъ описанія. Отъ языческой эпохи попадались лишь тѣ архитектурные фрагменты, которые или были употреблены позднѣе въ дѣло, или просто заложены въ стѣны и полы; но даже и подобныя находки весьма рѣдки. Общій характеръ всѣхъ этихъ находокъ состоитъ въ томъ, что наиболѣе древніе архитектурные фрагменты чаще бываютъ изъ мѣстнаго камня и только позднѣе является привозный мраморъ; это, конечно, не должно понимать въ безусловномъ смыслѣ.

Болѣе всего фрагментовъ отъ языческаго времени найдено при раскопкахъ графа Уварова (1853 года), когда въ открытой имъ христіанской базиликѣ нашлись части (колонны, капители, карнизы) языческихъ храмовъ. Въ 1890 году, въ полу той же раз-

[1]) Rich, Illustrirtes Wörterbuch der römischen Alterthümer übersetzt von Müller. Paris et Leipzig. 1862, p. 217, 645.

[2]) Collignon, Manuel d'archéologie grecque. Paris. 1888, p. 241, гдѣ приложенъ рисунокъ.

[3]) Сущность подобнаго рода работъ описана у Labarte, Histoire des arts industriels au moyen-âge et à l'époque de la renaissance, t. I, Paris 1872, p. 291. Описанію мелкихъ находокъ будетъ посвящено особое изслѣдованіе профессора Н. В. Покровскаго.

валины, найдена гладкая мраморная плита, которая, будучи повернута, оказалась принадлежавшей углу фриза также языческаго храма. По этой плитѣ видно, что храмъ, изъ котораго она взята, былъ іоническаго ордера и довольно значительныхъ размѣровъ (колонны до 33 дюймовъ нижняго діаметра, вся высота храма, отъ базы колоннъ до верха карниза, до 34 футовъ); на этой плитѣ, хорошаго стиля, изображены рельефомъ на углу козлиная голова, а по срединѣ бычачій черепъ, соединенные гирляндами изъ листьевъ плюща и сосновыхъ шишекъ; внизу плиты надпись имени жреца василевса Пасіада, сына Артемидора [1]). Средняя плита этого самаго фриза, найденная тутъ же, ранѣе раскопокъ гр. Уварова, лейтенантомъ Шемякинымъ, хранится въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; она оказывается превосходной сохранности, тогда какъ вновь найденная, угловая, сильно потерта и избита; отсюда несомнѣнно заключаю, что въ базилику эти плиты попали не прямо изъ языческаго храма, а прежде подверглись различному употребленію.

Нѣкоторые другіе фрагменты, найденные въ той же базиликѣ, описанные у графа Уварова, тоже оказываются іоническаго ордера; въ музеѣ монастыря сохраняются неизвѣстно гдѣ найденные куски того же ордера; такіе же куски описаны у Дюбуа, какъ найденные задѣланными въ стѣну храма, нынѣ считающагося мѣстомъ крещенія Владиміра [2]). Этихъ остатковъ слишкомъ мало, главнымъ образомъ потому, что всѣхъ ихъ нѣтъ на лицо, чтобы съ достовѣрностью опредѣлить время сооруженія тѣхъ зданій, изъ которыхъ они взяты. Можно только сказать, что, судя по значительному различію размѣровъ (извѣстные мнѣ и указанные выше фрагменты соотвѣтствуютъ по крайней мѣрѣ тремъ діаметрамъ колоннъ, около 33, 29 и 18 дюймовъ), всѣ они получились не отъ одного храма; въ ихъ стилѣ (особенно капителей, колоннъ, профилевки карнизовъ, самихъ гирляндъ и головъ) проглядываетъ несомнѣнно время, близкое къ римско-императорскому: вотъ почему я и отношу фризовую плиту къ I-му вѣку до Р. Х., а остальные фрагменты къ временамъ еще болѣе позднимъ. Все это, быть можетъ, и не заслуживало бы само по себѣ описанія, если бы интересъ всего этого не заключался въ нахожденіи фрагментовъ, отъ многихъ разновременныхъ зданій, почти только іоническаго ордера, въ колоніи, которая была заселена дорійцами, выходцами изъ Гераклеи, основанной Мегарянами и Беотійцами. Въ этомъ нельзя не видѣть прямого и несомнѣннаго вліянія на Херсонесъ Малой Азіи, родины іоническаго ордера, господствовавшаго тамъ безраздѣльно, а съ IV вѣка создавшаго знаменитые храмы въ Дидимѣ (близъ Милета), Эфесѣ, Пріенѣ, Теосѣ, Магнезіи, Афродизіадѣ и мавзолей въ Галикарнасѣ. Благодаря морю, не только не разъединявшему, но, напротивъ, связывавшему Тавриду съ Малой Азіей, эти страны всегда находились въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ и вліяніе Малой Азіи на Крымъ можно прослѣдить до мелочей во всемъ, въ

[1]) Эта надпись еще разъ указываетъ на существованіе въ Херсонесѣ должности царя, что уже было извѣстно по четыремъ разнымъ обломкамъ, описаннымъ г. Латышевымъ въ поименованной выше статьѣ: Эпиграфическія данныя и пр. на стр. 56—59. Подробно описана эта надпись тоже г. Латышевымъ въ «Матеріалахъ по археологіи Россіи», № 9, стр. 25, о чемъ я могу сдѣлать только маленькую замѣтку. Судя по украшеніямъ плиты, предполагается ея принадлежность храму Діониса, что, конечно, очень возможно, но только я не вспоминаю указаній на существованіе культа Діониса въ Херсонесѣ; на это нѣтъ намековъ и въ богатой нумизматикѣ этого города; по стилю буквъ надписи, она относится къ первой половинѣ III вѣка и я спѣшу выразить здѣсь это мнѣніе столь извѣстнаго ученаго, хотя и остаюсь, по архитектурнымъ соображеніямъ, при своемъ.

[2]) Dubois de Monpéreux, Voyage autour du Caucase, Atlas, série III, pl. XXXII bis.

исторіи, также какъ и въ стиляхъ архитектуры, при Митридатѣ Евпаторѣ, какъ и при татарахъ, даже вплоть до нашихъ временъ.

Іоническій ордеръ, однако, не былъ исключительнымъ въ Херсонесѣ и я вспоминаю одну довольно давно найденную капитель, коринѳскую, стиля I—II вѣка по Р. Х., небольшихъ размѣровъ (до 20 дюймовъ діаметръ и, стало быть, высота зданія подъ карнизъ около 23 футовъ), сдѣланную изъ мѣстнаго камня дикаря; вообще было найдено очень много капителей того же ордера, но такъ какъ онѣ всѣ своеобразнаго, позднѣйшаго, несомнѣнно христіанско-византійскаго стиля, то и рѣчь о нихъ будетъ впереди.

Находки фрагментовъ дорическаго ордера также весьма незначительны. Нѣсколько частей колоннъ изъ мѣстнаго дикаря находились, до самыхъ послѣднихъ дней, въ стѣнахъ того храма, надъ которымъ нынѣ возведенъ новый; теперь эти фрагменты исчезли, но рисунокъ ихъ и размѣръ сохранился у Дюбуа [1]), который, впрочемъ, не усумнился на дорическую колонну поставить тамъ же найденную іоническую капитель. Эти колонны были съ двадцатью характерными плоскими ложками, имѣя діаметръ внизу около 2—$2^1/_2$ футовъ, что указываетъ на высоту небольшого храма, подъ карнизъ около 16—20 футовъ [2]). Гораздо любопытнѣе находка, сдѣланная въ 1888 г., куска дорическаго карниза съ модульонами; онъ также изъ мѣстнаго дикаря и по малымъ размѣрамъ своимъ принадлежитъ не храму, а какому-нибудь надмогильному сооруженію, діаметръ колоннъ котораго долженъ бы быть около 16 дюймовъ, ихъ высота до 7, а высота зданія подъ карнизъ только до 11 футовъ. Значеніе этого фрагмента заключается въ томъ, что на немъ сохранилась окраска, и къ тому же вполнѣ согласная съ тѣмъ, что извѣстно о полихроміи на зданіяхъ древнихъ грековъ, именно въ Малой Азіи [3]). Карнизъ былъ раскрашенъ не во всѣхъ своихъ частяхъ, а только его софитъ между модульонами, для чего дикарь, не очень мелкаго зерна, тонко оштукатуренъ чистою известью, на которой, очевидно по трафарету, оставленъ бѣлымъ растительный орнаментъ, а все остальное покрашено темно-красною краскою al fresco. Часть фриза съ архитравомъ того же ордера, изъ цѣльнаго куска камня, по размѣрамъ, быть можетъ, отъ вышеуказанныхъ колоннъ съ ложками, находится въ музеѣ въ Одессѣ, но сильно обвѣтрена и безъ слѣдовъ краски.

Вотъ и вся небольшая жатва по архитектурѣ языческихъ временъ. Гораздо значительнѣе архитектурные остатки періода византійско-христіанскаго и не только по своему количеству, но и по ихъ значенію для исторіи художества.

Вся мѣстность, на которой былъ городъ, представляетъ сплошную нетронутую развалину, большею частію самыхъ позднихъ византійскихъ временъ: это пустырь, покрытый ямами, буграми и разбросаннымъ камнемъ. Кажется, что все тутъ изрыто и истреблено. Но раскопки обнаруживаютъ сплошныя нетронутыя улицы и кварталы зданій, объ общемъ характерѣ которыхъ я уже говорилъ, и этого довольно для объясненія, почему я не представляю никакихъ рисунковъ и точныхъ описаній городскихъ зданій—не стоитъ того; къ сказанному выше прибавлю только нѣсколько замѣчаній.

---

[1]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase t. VI p. 144 et Atlas, III série, pl. XXXII bis. Высота храма указана ошибочно, почти вдвое больше должной.

[2]) Колонны были сдѣланы изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ барабановъ, изъ коихъ найдены не всѣ, почему діаметръ, верхній или нижній, а стало быть, и высота храма могутъ быть опредѣлены лишь приблизительно.

[3]) Laloux, L'architecture grecque, Paris, 1888, p. 134.

Присматриваясь къ общему расположенію города, мы замѣчаемъ одну неожиданную и любопытную особенность: всѣ улицы оказываются разбитыми совершенно правильно, параллельны другъ другу и съ прямыми углами. Если принять въ соображеніе, что во многихъ мѣстахъ обнаруживаются не особенно древніе фундаменты ниже лежащихъ зданій, не параллельные верхнимъ стѣнамъ, и что правильность улицъ дѣло рѣдкое въ древнихъ городахъ, то нельзя не придти къ заключенію, что въ Херсонесѣ подобная правильность получилась не съ основанія города, а лишь впослѣдствіи, въ позднее время, по какому-нибудь общему рѣшенію или приказанію и, вѣроятно, послѣ какого-нибудь погрома, отъ котораго въ городѣ уцѣлѣло немногое. Склонность херсонесцевъ къ правильности обнаруживается не только на улицахъ ихъ города, но также и на пространствѣ многихъ верстъ, по всѣмъ окрестнымъ полямъ, которыя, какъ извѣстно, были подѣлены, не взирая на волнистую горную мѣстность и глубокіе овраги, непрерывно тянувшимися оградами, на правильные прямоугольники, слѣды которыхъ во многихъ мѣстахъ еще ясно видны.

Ширина городскихъ улицъ не большая, а мѣстами даже и очень малая, такъ что большая ихъ часть была годна только для пѣшеходовъ и верховыхъ; главная улица до 9 аршинъ ширины, остальныя 4—5, рѣдко 6 аршинъ, но есть и не болѣе трехъ.

Что такое херсонескіе дома-лачужки сказано выше; любопытна въ нѣкоторыхъ изъ нихъ кладка, opus spicatum, такъ сказать въ елку положенный камень, также на глинѣ; способъ этотъ весьма древній [1]) и удержался въ Херсонесѣ до самыхъ послѣднихъ временъ. Въ другихъ мѣстахъ Крыма онъ мнѣ попался только одинъ разъ, въ Баклѣ (пещерная деревушка, нынѣ покинутая, близь Бахчисарая) и тоже въ позднѣйшихъ зданіяхъ.

По главной улицѣ города проложена простая гончарная труба водопровода, проведеннаго изъ балки Юхарина (около 8 верстъ). Слѣды этого водопровода много разъ отыскивались въ окрестностяхъ Херсонеса [2]) и вслѣдствіе одного изъ такихъ случайныхъ открытій, сдѣланнаго въ 1881 году (на хуторѣ Трапезарова), водопроводъ прослѣженъ на протяженіи 4 верстъ; объ этомъ я скажу подробно въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же замѣчу, что бѣдность и безграмотность оказались поразительными: въ началѣ были проложены гончарныя трубы, но затѣмъ онѣ, еще въ древности, были не только заброшены, но и мѣстами вынуты для иного употребленія; вмѣсто трубъ проведена маленькая канавка, изъ мелкаго камня, смазаннаго растворомъ извести съ толченымъ кирпичемъ, покрытая мелкими плитками бутового камня. Это жалкое устройство и есть то самое, которое Броневскій называетъ „*трубы, высѣченныя изъ камня*" [3]).

По многимъ улицамъ замѣчаются сточныя канавки, идущія къ морю, самаго грубаго устройства, изъ простого бутового камня, перекрытыя кое-какими плитами; мѣстами, на главной улицѣ сохранились слѣды мостовой изъ ровнаго камня. Затѣмъ, кажется, нечего больше прибавить къ описанію частныхъ зданій и улицъ византійскаго города, и я перейду къ описанію его христіанскихъ храмовъ.

Разными раскопками, преимущественно послѣдняго времени, до 1891 года, обнаружено въ Херсонесѣ, насколько я знаю, 27 церквей и часовень; хорошо описана изъ нихъ

---

[1]) Choisy, L'art de bâtir chez les byzantins, Paris, 1882, p. 8.

[2]) Я уже указывалъ на то, что для отысканія этого водопровода Потемкинъ нарочно посылалъ полковника Больдани, который и нашелъ водопроводъ тогда-же.

[3]) Broniovii de Bizdzfedea, Tartariae descriptio p. 6.

только одна базилика, открытая графомъ Уваровымъ; церкви, найденныя по случаю расчистки мѣста для построенія новаго храма, а также при раскопкахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, не были описаны вовсе. Подробно описывать прежнія раскопки я не стану, но пользоваться ими буду для полученія нѣкоторыхъ общихъ выводовъ; пока замѣчу, что описаніе новыхъ раскопокъ годно и для прежнихъ—до такой степени, въ общемъ, все найденное однородно.

Знакомымъ съ мѣстными условіями ясно было, что наибольшій интересъ въ Херсонесѣ представляютъ именно остатки церквей, почему на этотъ предметъ и было обращено главное вниманіе при раскопкахъ 1889—1890 годовъ; особенно удачнымъ былъ первый годъ, когда открыты ниже описываемыя церкви.

Посреди города, въ вершинѣ небольшой ложбины, идущей къ морю, издавна была извѣстна часть церковной абсиды, торчащей изъ земли; раскопки этого мѣста обнаружили стѣны, имѣвшія отъ $1^1/_2$ до 3 арш. высоты, и внутренность небольшой церкви, типа базилики, съ обычными въ Херсонесѣ фрагментами разныхъ кусковъ мрамора. Когда для выясненія дѣла стали раскапывать вокругъ стѣны, то оказалось, что открытая маленькая базилика сама находится внутри другой, древнѣйшей, и гораздо большей, изъ остатковъ которой она и построена. Полныя раскопки этого мѣста ясно обнаружили совершенно характерныя для Херсонеса разрушенія сооруженій и смѣну ихъ другими; такія перемѣны легко наблюдаются тамъ повсюду, но нигдѣ онѣ не встрѣчались съ такой ясностью и очевидностью, какъ въ этихъ послѣднихъ раскопкахъ.

Плановое расположеніе всѣхъ открытыхъ построекъ показано на табл. I рис. 1, а на рис. 2-мъ, для ясности дѣла, только та часть, которая была построена первой и составляетъ древнюю базилику. Какъ видно, первоначально была построена церковь самаго простого типа базилики въ три нефа, съ двумя рядами колоннъ, по пяти на каждой сторонѣ; у базилики имѣется полукруглая алтарная абсида и внутренній нартексъ; отъ абсиды значительно внутрь церкви выступаетъ солея, приподнятая на одну ступень надъ поломъ церкви; ступень солеи изъ мраморныхъ плитъ; направленіе церкви — на чистый сѣверо-востокъ. Не съ такою увѣренностью можемъ мы говорить о расположеніи и устройствѣ верхней части базилики; для этого раскопки не даютъ полнаго матеріала. Колонны, судя по разстоянію между ними, вѣроятно, перекрывались аркадами, но ни одного камня отъ арокъ не найдено; надъ нижнимъ рядомъ колоннъ и арками, вѣроятно, стоялъ второй рядъ колоннъ. Это предположеніе основано на томъ, что большинство находимыхъ колоннъ, какъ увидимъ ниже, оказывается двухъ главныхъ размѣровъ и притомъ такихъ, которые какъ разъ подходятъ по своимъ пропорціямъ для постановки ихъ одной надъ другой. Если это такъ, то отсюда можно заключить, что базилика имѣла вторые ярусы надъ боковыми нефами (гинекеи, трибуны). Никакихъ иныхъ подробностей объ устройствѣ и расположеніи гинекеевъ и даже объ ихъ существованіи ни эти, ни всѣ остальныя херсонесскія раскопки намъ не даютъ. Далѣе, уже безъ сомнѣнія, можно утверждать, что базилика была покрыта деревянными стропилами, а по нимъ черепицею, такъ какъ ничего иного эти тонкія стѣны не могли бы вынести, а ломаной черепицы находится весьма много въ раскопкахъ. Но и здѣсь мы знаемъ лишь сущность, а не детали устройствъ.

Въ раскопкахъ оказалось значительное количество базъ, колоннъ, капителей и другихъ остатковъ архитектурныхъ украшеній. Все это изъ болѣе или менѣе бѣлаго, съ

синеватыми прожилками, крупно-зернистаго мрамора. Часть этихъ мраморовъ находилась внутри маленькой базилики, гдѣ они были вновь употреблены въ дѣло. Нѣкоторые нашлись вокругъ зданія, на улицахъ, и многіе оказывались заложенными въ полы, стѣны и фундаменты позднѣйшей базилики и пристроекъ вокругъ нея. Образчики всего найденнаго представлены на табл. IV рис. 1, по которой хорошо можно судить объ ихъ архитектурномъ стилѣ. Въ этихъ мраморахъ заключается наибольшій интересъ раскопокъ, почему я и остановлюсь на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Находимыя колонны различаются только діаметромъ, слѣдовательно, и высотой, все же остальное совершенно одинаково. Собственно, точно одного діаметра не найдется и двухъ колоннъ, но небольшія различія происходятъ только отъ нѣкоторой небрежности работы. Всего можно считать четыре сорта колоннъ; ихъ главные размѣры таковы:

Діаметръ внизу.	19	—17	—15	—$12^1/_2$	дюйм.
Діаметръ вверху	17	—$15^1/_2$	—$13^1/_2$	—$10^1/_2$	»
Высота	118	—90	—80	—70	»

Большая часть колоннъ въ 17 и $12^1/_2$ д., которыя и были, конечно, въ древней базиликѣ; колонны иныхъ размѣровъ, которыхъ немного, вѣроятно, занесены совсѣмъ изъ другихъ зданій. Просматривая эти размѣры и чертежъ колонны съ базою, на табл. II рис. 7, мы увидимъ въ колоннахъ всѣ характерныя черты, свойственныя вполнѣ установившемуся византійскому стилю, сдѣлавшему въ этомъ отношеніи не мало отступленій отъ античныхъ правилъ. Высота колоннъ заключаетъ въ себѣ отъ $10^1/_2$ до $12^1/_2$ модулей (половина нижняго діаметра) и колонна становится гораздо болѣе приземистой, чѣмъ это допускалось въ ордерахъ коринѳскомъ и іоническомъ (18—20 модулей), которымъ слѣдуютъ капители нашихъ колоннъ. Ни ложковъ, ни энтазиса не было ни въ одной колоннѣ; онѣ съуживались кверху просто коноидально. Самое это съуженіе вверху гораздо меньше античнаго, около $^1/_9$—$^1/_{10}$ нижняго діаметра; однако, пропорціонально большая толщина колонны и малость ея утоненія вполнѣ раціональны, при широкой разстановкѣ колоннъ подъ аркадами. Вверху, колонны заканчиваются, вмѣсто маленькаго астрагала, широкимъ пояскомъ, съ чѣмъ-то въ родѣ очень плоскаго, размазаннаго каблучка; внизу, также широкій поясъ вмѣсто полочки; все это слабо профилевано. Почти на всѣхъ колоннахъ имѣются рельефомъ высѣченные кресты древняго типа, удлиненные, съ расширенными концами (табл. II рис. 7). Базы, подъ колоннами чрезвычайно просто и грубо обдѣланы; таковыя-же находятся повсюду въ Херсонесѣ, хотя иногда и попадаются такъ называемыя аттическія, бывшія въ большомъ употребленіи и у византійцевъ [1]). Постановлены колонны, какъ и во всѣхъ другихъ открытыхъ до сихъ поръ базиликахъ, почти точно одинаково, около 6—$6^1/_2$ діаметровъ ось отъ оси, что указываетъ, до нѣкоторой степени, и на одинаковость ихъ размѣровъ. На нижнихъ колоннахъ (т. е. съ діаметромъ въ 17 д.), находились тѣ коринѳскія капители, изъ которыхъ двѣ представлены на табл. IV рис. 1, въ серединѣ. Коринѳскими я ихъ называю только потому, что на нихъ вокругъ изображено подобіе акантовыхъ листьевъ, въ общемъ же это есть совершенно своеобразный продуктъ чисто византійскаго зодчества. Общій видъ такой капители приземистый, приближающійся къ кубической; верхній рядъ

[1]) Найденныя въ раскопкахъ гр. Уварова, судя по хранящейся въ Эрмитажѣ, тоже аттическія.

листьевъ и волютъ исчезъ совершенно, остались только нижнія два, но и въ нихъ число листьевъ убавилось (только пять) и ихъ очертанія имѣютъ видъ очень мелкаго, плоскаго, расплывчатаго рельефа, скорѣе намѣченнаго, чѣмъ изваяннаго. Подобныя капители, или едва отличающіяся отъ нихъ, находятся, можно сказать, почти исключительно при раскопкахъ въ Херсонесѣ.

На этихъ капителяхъ, въ нашемъ храмѣ, стояли трапецоидальныя надставки (на таблицѣ IV, рис. 1, справа внизу показана простѣйшая), служившія опорою пятамъ арокъ, перекинутыхъ съ колонны на колонну. Такихъ надставокъ было найдено очень много и находятся онѣ въ Херсонесѣ повсюду. Онѣ обыкновенно бываютъ гладкія, но часто попадаются съ рельефнымъ крестомъ на поперечной сторонѣ, а иногда по сторонамъ креста намѣчены акантовые листья, или внизу сохранилось нѣкоторое воспоминаніе объ іоническихъ волютахъ; въ послѣднемъ случаѣ это были уже настоящія капители и ставились прямо на колонны [1]). На колоннахъ второго яруса, судя по найденному матеріалу, повидимому прямо, безъ посредства капителей, стояли трапецоидальныя надставки; по крайней мѣрѣ невѣроятно, чтобы могли исчезнуть всѣ верхнія капители, если только онѣ были.

По серединѣ той-же таблицы (IV, рис. 1), наверху, видна капитель съ бараньими головами, хотя и не вполнѣ хорошо сохранившаяся, но настолько любопытная, что представлена отдѣльно, на прилагаемомъ политипажѣ. Въ этой капители остался только нижній рядъ акантовыхъ листьевъ, а верхній замѣненъ скульптурными изображеніями; по угламъ бараньи головы съ рогами, закручивающимися до среднихъ розетокъ, на мѣстѣ которыхъ, съ двухъ сторонъ, птички, клюющія грозды винограда, а съ другихъ двухъ орелъ, держащій въ когтяхъ зайца. Эти орлы плохо сохранились и первоначально ихъ принимали за сиренъ, вродѣ тѣхъ, напримѣръ, которыя изображены на капителяхъ древняго собора въ Кутаисѣ [2]), и тогда вся капитель представлялась любопытнымъ образцомъ христіанской символики: и птица сиринъ, и птички клюющія виноградъ, и агнцы. Не смотря однако на то, что капитель не вполнѣ хорошо сохранилась, на ней все же ясны изображенія именно птицъ, а не сиренъ; къ тому-же, точь въ точь такія капители, совершенной сохранности, уже извѣстны, поясняя нашу. Сообразивъ все это, мы видимъ, что наша капитель представляетъ хотя и не христіанскую символику, но, быть можетъ, не менѣе любопытный образчикъ того стиля (романскаго), которому время и мѣсто находятъ, обыкновенно, только на западѣ.

На поперечныхъ сѣченіяхъ капителей и базъ нашлись тѣ рабочія мѣтки, часто одинаковыя, которыя были въ такомъ большомъ употребленіи въ древности, у мастеровъ большихъ центровъ, для показанія, кому принадлежитъ работа; до сихъ поръ различныхъ мѣтокъ оказалось семь, онѣ изображены на таблицѣ II, рис. 8-й. Подобныя мѣтки были въ употребленіи повсюду, на востокѣ издавна, а впослѣдствіи и на западѣ [3]).

Пока я не пойду дальше и попробую пріурочить къ извѣстному времени описанныя колонны и капители, что, по счастью, не представляетъ трудности.

---

[1]) Рисунокъ такой капители, нѣсколько прикрашенный, помѣщенъ при описаніи раскопокъ гр. Уварова, въ Извлеченіи изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году. Спб. 1855, стр. 162.

[2]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, Atlas, III série, pl. XVII.

[3]) Vogüé, Syrie Centrale; architecture civile et religieuse, t. II, Paris 1865, p. 65.—De Caumont, Histoire sommaire de l'architecture religieuse, militaire et civile au moyen-âge, Paris 1836, p. 96.—Mothes, Illustrirtes Baulexicon, t. II, p. 878.—Bosc, Dictionnaire raisonné d'architecture, Paris 1883, III, p. 147.—Въ особенности Choisy, L'art de bâtir chez les Byzantins, p. 170—173, гдѣ приведена литература этого вопроса.

Кому, сколько-нибудь занимающемуся византійскимъ искусствомъ, незнакомы древности Равенны, во многомъ такъ хорошо и цѣльно сохранившіяся? Вопросъ о ихъ происхожденіи много разъ подвергался изслѣдованію и византійскій элементъ въ нихъ часто

отрицался совершенно, или допускалось только слабое вліяніе его на чисто мѣстныхъ художниковъ; даже вліяніе Равенны на Византію находило защитниковъ. Этотъ вопросъ слишкомъ сложенъ и имѣетъ огромную литературу; подробно разбирать его здѣсь не-

возможно; но я скажу только, что въ послѣднее время, съ изученіемъ византійскаго художества, въ немъ стали видѣть многое, недоступное прежде. Тѣмъ любопытнѣе будетъ услышать, что всѣ до сихъ поръ описанныя здѣсь колонны и капители, найденныя на востокѣ, въ базиликахъ далекаго Херсонеса, совершенно одинаковы съ находимыми на западѣ, въ базиликахъ Равенны. Одинаковы онѣ не только въ смыслѣ сходства стиля, а просто почти математически тожественны, даже по матеріалу и размѣрамъ. Описаніе равеннскихъ базиликъ можно найти у многихъ, но стиль и детали сохраняетъ только фотографія, а потому я весьма сожалѣю, что не могу представить на одномъ листѣ, одну подъ другою, копіи съ фотографій нашихъ и равеннскихъ, такъ что приходится ограничиться указаніемъ на номера каталога извѣстнаго фотографа въ Равеннѣ Л. Риччи [1]).

Въ Равеннѣ уцѣлѣла аріанская базилика, вначалѣ св. Мартина (S. Martino in Coelo Aureo), а съ IX вѣка, св. Аполлинарія новаго (S. Apollinare Nuovo), построенная въ 520 году, въ особенности извѣстная своими мозаиками [2]). Въ этой базиликѣ два ряда колоннъ, на колоннахъ коринѳскія капители и трапецоидальныя надставки, подъ пяты арокъ; все это, и колонны, и капители, и надставки, точь въ точь какъ описанныя нами, херсонесскія (Ricci n⁰ 79, 81, 83 и въ особ. 91); точно таковы-же нѣкоторыя капители и въ другой маленькой базиликѣ св. Агаты (S. Agata), которая хотя и построена въ 439 г., но впослѣдствіи перестроена, неизвѣстно когда именно, съ наборомъ отовсюду разныхъ колоннъ, базъ и капителей (Ricci n⁰ 315) [3]). Такія-же капители можно видѣть въ правой часовнѣ S. Apollinare in Classe. Ихъ можно видѣть и въ Венеціи въ музеѣ Correr (Muses Civico), къ сожалѣнію неизвѣстно откуда попали капители въ музей; въ такихъ-же условіяхъ я находилъ подобныя капители и въ Ѳессаликѣ, вокругъ церкви св. Димитрія и даже на акрополѣ Аѳинъ, о чемъ скажу еще далѣе.

Точно такая-же капитель, какъ описанная выше съ бараньими головами, находится въ базиликѣ св. Аполлинарія морского (S. Apollinare in Classe), построенной между 534 и 549 годами [4]); тамъ она не на мѣстѣ въ постройкѣ, а сохраняется отдѣльно (Ricci n⁰ 266) подлѣ двери ведущей на колокольню, слѣва отъ алтаря. У насъ такая капитель (діам. 12 дюйм.) была найдена только одна, при послѣднихъ раскопкахъ, и еще раньше, также одна (меньшаго діаметра, 10 дюйм.), въ монастырскомъ саду. Повидимому, эти капители были и у насъ, и въ Равеннѣ рѣдки и имѣли какое-либо особое назначеніе, не требовавшее много одинаковыхъ; ихъ рѣдкость вполнѣ объясняется гораздо большею трудностью выдѣлки, требовавшей очень хорошихъ мастеровъ, почти художниковъ. Не находя въ Равеннѣ зданія, къ которому принадлежала эта капитель, мы не имѣемъ точной данной для опредѣленія ея времени, но, судя по стилю, она должна принадлежать тому-же VI вѣку, чему доказательство находится въ базиликѣ

[1]) Louis Ricci, Catalogue de la photographie de Ravenne, Bologne, 1882.

[2]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, Carlsruhe, 1862, s. 62, 63.—По хроникѣ Агнелла, освящена Унимундомъ въ 23-мъ году царствованія Ѳеодорика, см. Rahn, Ravenna, Leipzig 1869, p. 24—25.

[3]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, p. 63, 64.—Unger, Christlich griechische oder byzantinische Kunst (въ энциклопедіи Эрша и Грубера, т. 84), p. 343.—Rahn, Ravenna, p. 18—Унгеръ говоритъ (на стр. 342, 345), что будто бы капители въ Apollinare Nuovo и нѣкоторыя другія имѣютъ только мраморное ядро, а орнаментъ сдѣланъ изъ особаго состава; не говоря ужъ о техническихъ соображеніяхъ, достаточно видѣть только фотографіи, на которыхъ ясны слѣды рѣзца, чтобы понять ошибочность этого замѣчанія; эти капители сдѣланы цѣликомъ изъ того-же мрамора какъ и другія, въ чемъ я убѣдился послѣ тщательнаго осмотра ихъ прошлою зимою, и мѣстами замѣчаются только починки изъ алебастра.

[4]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, s. 59, 60.

S. Apollinare Nuovo, гдѣ консоли импоста крайнихъ арокъ состоятъ также изъ бараньихъ головъ, какъ и наша капитель (Ricci n⁰ 92). Совершенно такая-же капитель находится на одной изъ колоннъ св. Марка въ Венеціи, только нижній рядъ листьевъ замѣненъ обычнымъ плетеніемъ [1]), а въ лѣвомъ входѣ, съ фасада той-же церкви, находятся нѣсколько капителей, сходныхъ съ нашими, до мелочей; но время и по этимъ образчикамъ не опредѣляется точно, такъ какъ въ этотъ соборъ, построенный въ XI вѣкѣ, многое бралось изъ существовавшихъ зданій, въ томъ числѣ, безъ сомнѣнія, и наши капители. Въ Ѳессалоникѣ, въ базиликѣ св. Димитрія, VI вѣка, я видѣлъ, между другими, пару точно такихъ-же, съ правой стороны, изъ того-же мрамора. Въ самой Равеннѣ, а тѣмъ болѣе на востокѣ, издавна можно указать массу капителей съ разными фигурами животныхъ и птицъ; все это и составляло тотъ самый звѣриный стиль, который, будучи употребляемъ часто на западѣ въ X—XI вѣкѣ, сталъ считаться какъ бы продуктомъ запада и принадлежностью романскаго стиля, гдѣ, впрочемъ, его первые образчики отличаются отъ нашихъ главнымъ образомъ грубо-безобразною работою. Такъ, напримѣръ, въ церкви св. Цельса въ Миланѣ, X вѣка, въ капителяхъ, почти точно наши агнцы и орлы, наши листья, но только гораздо безобразнѣе [2]).

На той-же таблицѣ, (IV, 1) слѣва, представлена плита съ колонкою, вышиною 3 ф. 5 дюйм. на плитѣ крестъ на шарѣ рельефомъ; такія плиты находились и прежде, а въ раскопкахъ гр. Уварова онѣ найдены нѣсколько иного вида [3]). Въ прежнихъ раскопкахъ Херсонеса находили также не мало плитъ, изящно украшенныхъ подборомъ разныхъ гзимсовъ, изъ которыхъ составленъ въ серединѣ плиты параллелограмъ. И тѣ, и другія плиты обыкновенно считаются частями алтарныхъ преградъ, но ихъ назначеніе могло быть и иное. Въ той-же равеннской базиликѣ, S. Apollinare Nuovo, имѣется возвышенный на колоннахъ амвонъ, бока котораго составлены совершенно изъ такихъ-же плитъ, какъ наши (Ricci n⁰ 81—95). Въ Константинополѣ, въ св. Софіи, перила съ колоннами въ гинекеяхъ очень похожи на плиты Херсонеса, съ узоромъ въ параллелограмъ; задѣлка подъ верхними окнами того-же храма св. Софіи, почти точь въ точь такая, какъ плита нашей фототипіи [4]). Весьма сходно съ рисункомъ первыхъ плитъ обдѣланы базы колоннъ S. Apollinare in Classe въ Равеннѣ (Ricci n⁰ 239 и 240), софиты арокъ церкви св. Сергія и Вакха, и бока саркофага неизвѣстнаго лица и времени въ Константинополѣ [5]). Изъ плитъ точно такихъ, какъ найденныя гр. Уваровымъ, сдѣланы въ св. Маркѣ, въ Венеціи, бока амвона, взятаго изъ Константинополя [6]). Плитъ, совершенно подобныхъ херсонесскимъ, много въ Ѳессалоникѣ, въ церкви св. Димитрія: онѣ служили преградами въ гинекеяхъ. Наконецъ, въ музеѣ Одесскаго Общества хранится, къ сожалѣнію небольшой, фрагментъ мраморной плиты изъ Херсонеса, украшенной гзимсами и рельефнымъ изображеніемъ агнца (уцѣлѣла часть), по стилю точь въ точь такому, какъ и на многочисленныхъ равеннскихъ саркофагахъ (Ricci n⁰ 62, 63, 64, 247 и мног. др.;

---

1) Corroyer, L'architecture romane, Paris 1888, p. 257.—Сходныя по стилю капители см. у Lenoir, Architecture monastique t. I, Paris 1852, p. 217, 222.

2) Reusens, Elements d'archéologie chrétienne t. I, Louvin 1872, p. 328.—De Caumont, Histoire sommaire de l'architecture, p. 115, 163, 164.

3) Розысканія въ окрестностяхъ Симферополя и Севастополя, Пропилеи, т. IV, стр. 534; Извлеченіе изъ всепод. отчета, стр. 165.

4) Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel. Berlin, 1854, bl. XI, XIV (5), XVII (8).

5) Pülgher, Les églises byzantines de Constantinople, Vienne, 1880, pl. II, XIV.

6) Lenoir, Architecture monastique, t. I, p. 340.—Извлеченіе изъ всепод. отчета, стр. 165.

эти рисунки обычны во многихъ сочиненіяхъ). Изъ этихъ примѣровъ видно, что наши мраморныя плиты, будучи схожими съ равеннскими и константинопольскими, могутъ относиться къ тому же времени, приблизительно, какъ и капители колоннъ, а употреблялись онѣ не только на алтарныя, но, что всего вѣроятнѣе, на всякія преграды вообще; напр., могли составлять бока амвоновъ, или находиться между колоннъ гинекеевъ; плита нашей таблицы, по техническимъ соображеніямъ, ни въ какомъ случаѣ не могла быть въ алтарной преградѣ. Еще прибавлю, что описываемыхъ плитъ въ послѣднихъ раскопкахъ нашлось только двѣ, изъ чего слѣдуетъ, что остальныя были куда-нибудь вытащены самими херсонесцами, или же нужно предположить, что найденныя теперь занесены въ нашу базилику изъ какой-нибудь другой церкви. Вверху той-же таблицы видѣнъ столбикъ отъ какой-то преграды, сбоку котораго ясно читается имя епископа Θеодора. Съ такимъ именемъ епископъ извѣстенъ въ Херсонесѣ во время Алексѣя Комнена (1081 — 1118) [1], но такъ какъ списокъ херсонесскихъ епископовъ далеко не полонъ, то изъ числа неизвѣстныхъ намъ могло быть много одноименныхъ, что доказываетъ и наша колонка, которая, судя по стилю, не столь поздняго времени.

Для большаго убѣжденія въ сходствѣ мраморовъ равеннскихъ съ херсонесскими укажу еще на капители соборной крещальни въ Равеннѣ, S. Giovanni in Fonte: подобная коринѳской (Ricci n⁰ 153) была найдена въ Херсонесѣ въ раскопкахъ 1861 года, а подобныя находящимся въ верхнемъ ярусѣ той-же крещальни (Ricci n⁰ 142) обычны въ Херсонесѣ и найдены уже гр. Уваровымъ [2]).

При всемъ сходствѣ нашихъ мраморовъ съ равеннскими, есть между ними и незначительная разница, которую, впрочемъ, можно примѣтить только въ однѣхъ колоннахъ; а именно, наши болѣе приземисты, тогда какъ равеннскія (около 15 модулей) стройностью немногимъ отличаются отъ античныхъ. На нашихъ колоннахъ имѣются рельефные кресты, которыхъ не видно на равеннскихъ, но, впрочемъ, самая форма крестовъ очень древняя, попадается повсюду въ Равеннѣ, хотя бы, напримѣръ, въ рукахъ епископа Максиміана, на извѣстной мозаикѣ въ S. Vitale (Ricci n⁰ 12). Кресты на колоннахъ, повидимому, особенность чисто херсонесская; они дѣлались, быть можетъ, на мѣстѣ, или во всякомъ случаѣ послѣ совершеннаго изготовленія колонны, что на многихъ легко замѣчается [3]).

Полное сходство, почти тожество, нашихъ мраморовъ съ равеннскими должно указывать съ совершенной несомнѣнностью на одинаковость происхожденія ихъ, которое къ тому-же можетъ быть точно опредѣлено. Всѣ указанные равеннскіе мраморы, бѣлые или бѣлые съ синеватыми прожилками, происходятъ изъ ломокъ древняго Проконнеса (нынѣ Мармора) на Пропонтидѣ [4]). Мраморныя ломки, которыми славился издревле этотъ островъ, разрабатывались въ большихъ размѣрахъ и, находясь на самомъ берегу моря, давали всѣ

[1]) Le Quien, Oriens Christianus, t. I, p. 1330.

[2]) Извлеченіе изъ всепод. отчета, рис. 62, 63.—Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, s. 29, 30.—Эта крещальня, была построена еп. Неономъ около 425—430 г., но послѣ того, неизвѣстно когда, колонны и капители замѣнены разнымъ сборомъ; во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что указанныя выше колонны и капители этого зданія сдѣланы изъ греческаго мрамора и работы позднѣйшаго времени, никакъ не ранѣе VII вѣка.

[3]) Тщательно осматривая, я нашелъ только на одной колоннѣ въ Равеннѣ, крестъ, въ S. Apollinare. in Classe въ правомъ придѣлѣ, но и то крестъ гораздо болѣе поздняго времени X—XII вѣка, на маленькой колоннѣ.

[4]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, p. 18, 27, прим. 5 (французскаго текста) 47, 52, 59, 62, 94, 95, 100.—Bosc, Dictionnaire d'architecture t. III, p. 134.—Rahn, Ravenna, p. 24, 47, 65.

удобства для вывоза этого камня на судахъ во всѣ страны, поэтому мраморъ отсюда находится не только въ близкихъ къ ломкамъ мѣстахъ (Кизикъ, Константинополь и др.), но и въ столь отдаленныхъ, какъ Италія (Равенна, Венеція съ островами, Торчелло и Мурано, Градо, Паренцо въ Истріи и проч.), гдѣ онъ и до сихъ поръ называется „greco bianco e nero antico". Изъ этого именно мрамора сдѣланы и всѣ описанные мною фрагменты, да и вообще всѣ мраморы, попадающіеся въ Херсонесѣ; изъ него-же и всѣ остатки мраморовъ древнихъ церквей восточнаго побережья Чернаго моря, а эти остатки по стилю своему часто, можно сказать, тожественны съ только что описанными херсонесскими [1]). Не могу не замѣтить, что доставка этого мрамора къ намъ въ Крымъ и на Кавказъ тѣмъ болѣе облегчалась, что суда изъ Пропонтиды, идя къ намъ часто пустыми, брали мраморъ какъ балластъ, чѣмъ и доводили его цѣну до совершенной ничтожности, дѣлая его доступнымъ для бѣднѣйшихъ приморскихъ мѣстностей.

Допустить прямое близкое вліяніе византійскаго художества въ Италіи многимъ казалось невозможнымъ; сходство стилей въ общемъ и въ мелочахъ не признавалось достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ, какъ основанное на субъективномъ пониманіи, а потому и не для всѣхъ одинаковое; матеріальное свидѣтельство мрамора, добытаго въ греческихъ ломкахъ, нельзя было отрицать, но онъ допускался лишь какъ грубый матеріалъ, а обдѣлка его будто бы производилась уже въ Италіи мѣстными художниками и чуть-ли не отъ нихъ поучалась и сама Византія; допускалось новое явленіе—искусство готовъ, видѣлся новый стиль, выработанный въ одряхлѣвшемъ Римѣ, не допускалось только вліянія Византіи [2]). Кто, съ знаніемъ архитектурной техники и безъ предвзятыхъ идей, могъ сравнивать сараеобразныя базилики запада, по остову своему доступныя къ построенію любому невѣждѣ, съ купольными сооруженіями Византіи, по трудности техники и необъятной величавости до сихъ поръ не имѣющими себѣ равныхъ (св. Софія), для того до очевидности ясно, кто изъ строителей могъ быть и былъ учителемъ; но матеріальныхъ доказательствъ, такъ сказать документальныхъ, въ этомъ дѣлѣ немного. Вотъ въ этотъ-то споръ наши бѣдныя херсонесскія раскопки и вносятъ рѣшающее слово. Для Равенны допускалось происхожденіе своей особой школы художества, не зависѣвшей отъ Византіи; но когда мы видимъ у себя въ Крыму точь въ точь тѣ-же мраморы, что и въ Равеннѣ, то приходится, идя тѣмъ-же путемъ, предположить, или что у насъ также возникла своя особая школа, къ тому-же тожественная съ равеннскою, или что къ намъ византійскіе мраморы попадали черезъ Равенну, гдѣ ихъ обдѣлывали. Ничего иного для соглашенія нельзя придумать; но эти оба соображенія до такой степени невозможны, даже нелѣпы, что остается только одно рѣшеніе, уже давно подсказанное обыденнымъ здравымъ смысломъ: мраморныя ломки, принадлежавшія Византіи вообще и въ частности, находившіяся въ Проконнесѣ, посылали во всѣ стороны не грубый необдѣланный матеріалъ, съ которымъ столь-же мало съумѣли бы справиться въ Равеннѣ, какъ и въ Херсонесѣ или въ Абхазіи, а вполнѣ законченныя, художественныя, архитектурныя

[1]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, t. IV p. 79, 229, 363, atlas III-e série, pl. 20. — Кондаковъ Древняя архитектура Грузіи, Древности, Труды Москов. Арх. Общества т. VI, стр. 25.

[2]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, p. 58, 87. — Unger, Christlich griechische Kunst, p. 341, 311. Прекрасная работа R. Cattaneo, L'architecture en Italie du VI au XI siècle, Venise 1891, наглядно убѣдительно представляетъ огромное значеніе Византіи для Италіи и самого Рима; трезвый взглядъ автора, подкрѣпляемый памятниками, сводитъ къ совершенному ничтожеству всѣ фантазіи о развитіи особаго стиля архитектуры на сѣверѣ Италіи послѣ V-го вѣка.

части [1]). Византія, въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, была законодательницею, и являлась не только учителемъ, но и исполнителемъ всего сколько-нибудь художественнаго у своихъ сосѣдей, варваровъ. Отрицая вліяніе Византіи, пришлось допустить въ Равеннѣ особое самостоятельное развитіе архитектуры, которое будто бы приближалось къ Риму, но все-же отличалось отъ него [2]). Гюбшъ подробно излагаетъ эти различія и всѣ они, отъ слова до слова, вполнѣ примѣняются и къ Херсонесу; иными словами говоря, не только въ деталяхъ, но и во всей общности древнихъ христіанскихъ построекъ, между Херсонесомъ и Равенною нѣтъ ни малѣйшей разницы; объ этомъ я еще скажу ниже, опредѣляя основныя начала христіанскаго зодчества въ Херсонесѣ. Въ Херсонесѣ или Абхазіи, конечно, не было особой архитектурной школы, не было ея и въ Равеннѣ: и тамъ, и здѣсь была одна школа — Византія и изъ этой школы развозили не только мраморы, но и художниковъ, не только исполнителей, но и идеи; если все это мало замѣтно въ Римѣ тѣхъ-же временъ (V—VII вѣковъ), то только потому, что сношенія съ Византіею были менѣе удобны, а главное, была возможность существовать чужимъ добромъ, надолго неисчерпаемыми остатками вѣчнаго города [3]).

Сдѣланное выше разсмотрѣніе херсонесскихъ мраморовъ и сравненіе ихъ съ другими позволяетъ намъ рѣшить не только общій вопросъ, но и частный для Херсонеса, а именно, время появленія въ немъ этихъ мраморовъ. Зная точно, что подобные имъ въ Равеннѣ появились въ первой половинѣ VI вѣка, мы можемъ сказать, что къ тому-же времени относятся и херсонесскіе; въ виду, однако, большей приземистости находимыхъ тамъ колоннъ, чѣмъ равеннскихъ и константинопольскихъ того-же времени, я считаю наши постройки нѣсколько болѣе поздними. Конечно, Византію не безъ основанія укоряютъ въ значительной неподвижности и можно было бы думать, что тѣже архитектурныя формы продолжали выдѣлывать и впослѣдствіи, тѣмъ болѣе, что для этого есть даже нѣкоторое основаніе; напр., капители колоннъ въ Текфуръ-Сераѣ (вѣроятно часть Влахернскаго дворца) или въ церкви Богородицы „Лива" (Вефа-джами), значитъ въ постройкахъ IX—X вѣка, имѣютъ значительное сходство, въ стилѣ и числѣ листьевъ, съ нашими въ Херсонесѣ, и гораздо лучше ихъ; но это сходство далеко отъ тожества, а неподвижность формъ — явленіе и сильно преувеличенное и не столь раннее [4]). Къ тому-же, если и допустить, что нѣкоторыя формы повторялись долгое время совершенно безъ измѣненія, то едва-ли это возможно для столь многихъ и разнообразныхъ, какъ указанныя мною выше.

---

[1]) Въ грудѣ обломковъ пентеликскаго мрамора, сваленныхъ отъ раскопокъ аѳинскаго акрополя въ 1886 году, въ сѣверо-восточномъ углу, прошлою зимою, я нашелъ и увидѣлъ съ немалымъ изумленіемъ, между разными церковно-византійскими остатками, капитель до мелочей тожественную съ херсонесскимя, изъ того-же проконнескаго мрамора того-же діаметра, 17 дюймовъ; и это въ Аѳинахъ, такъ сказать, на самой родинѣ и художниковъ и пентеликскаго мрамора; отсюда прекрасно видно какое огромное значеніе имѣли ломки Проконнеса.

[2]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, p. 64.—Unger, Christlich-griechische Kunst, p. 341.

[3]) Замѣтное вліяніе Византіи въ самомъ Римѣ съ V-го вѣка правильно указано у Cattaneo, въ названной выше книгѣ его, L'architecture en Italie, стр. 31—51.

[4]) Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale ,вв. XXXV (4, 5).—Кондаковъ, Византійскія церкви и памятники Константинополя, Одесса, 1887 г., стр. 198—204 и 215—217.—Adamy, Architektonik auf historischer und ästhetischer Grundlage, в. II: Architektonik der Altchristlichen Zeit, Hannover, p. 143.—Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, tab. XXV, fig. II. — Unger, Christlich-griechische Kunst, p. 11 считаетъ капители Богородицы Лива древнѣйшими образцами *равеннскаго* (?) стиля, конечно не основательно. Слѣдуетъ замѣтить, что теперь въ Текфуръ-Сераѣ уже ни одной цѣлой капители не видно; церковь Богородицы Лива я назвалъ Вефа-джами (по г. Кондакову), но она больше извѣстна подъ именемъ Клисе-джами или Клисе-месджидъ; перестроена въ настоящемъ своемъ видѣ она, конечно, не ранѣе конца IX вѣка, но нѣтъ сомнѣнія, что мраморы ея взяты изъ церквей разныхъ эпохъ, а потому капители, подобныя херсонесскимъ, безъ сомнѣнія, сдѣланы ранѣе.

Все это позволяетъ мнѣ полагать, что наши до сихъ поръ описанные мраморы (мраморы, а не зданія, въ которыхъ они найдены) относятся къ VI или, что вѣрнѣе, къ VII вѣку; къ этому-же времени относится большинство архитектурныхъ остатковъ, найденныхъ въ Херсонесѣ, остатковъ почти тождественныхъ съ указанными мною выше.

Въ описываемой древней базиликѣ были найдены не одни мраморы, но также и такъ-называемый мозаичный полъ, вѣрнѣе сказать его остатки. Нѣкоторое понятіе о нихъ могутъ дать маленькіе рисунки на планахъ таблицы I, рис. 2, съ описаніемъ и таблицы V, VI и VII рис. 1. Подобные полы находятся въ Херсонесѣ уже въ третьей базиликѣ настолько въ цѣломъ видѣ, что съ нихъ можно было снять рисунки; отдѣльные куски находились во многихъ церквахъ. Отсюда можно заключить, что такіе полы часто устраивались въ церквахъ Херсонеса. Состоятъ они изъ мелкихъ квадратныхъ или треугольныхъ кусочковъ, около $1-1^1/_2$ дюйм. въ сторонѣ, толщиною въ $^3/_4 - ^1/_2$ дюйма, естественныхъ цвѣтныхъ камней, втиснутыхъ по узору въ слой извести съ толченымъ кирпичемъ; толщина этого слоя отъ 2 до 3 дюймовъ. Называть эти полы мозаикою не совсѣмъ правильно, это не opus musivum римлянъ, а такого рода работа въ которой pavimentum tesselatum и vermiculatum, особенно послѣдній, употреблены одновременно [1]). Какъ видно изъ прилагаемыхъ плановъ, частей пола уцѣлѣло не особенно много, но все-же можно понять, что большею частью употреблялся простѣйшій рисунокъ—пересѣкающіеся круги разнаго цвѣта; онъ значительно усложнялся въ среднихъ отдѣленіяхъ, гдѣ появлялись изящныя комбинаціи разныхъ геометрическихъ фигуръ съ плетеніемъ, перевивающихся жгутовъ; по серединѣ круговъ и мелкихъ отдѣленій выдѣланы павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ и своими цыплятами (очень дурно сохранился), голуби, куропатки, журавль, утки; на свободныхъ мѣстахъ разбросаны плоды—груши и яблоки; въ бордюрахъ разные зубчики и вѣтви вьюнка; наконецъ, у самаго входа въ базилику сдѣлана двустрочная надпись, отъ которой уцѣлѣло только по нѣсколько послѣднихъ буквъ каждой строки. Для всего этого употреблено только четыре цвѣта: бѣлый (мраморъ отъ архитектурныхъ обломковъ), желтый (плотный прослоекъ тутъ-же находимаго мѣстнаго камня), красный (просто кусочки кирпича) и черный (темный песчаникъ изъ окрестностей Балаклавы); въ хвостѣ павлина въ его глазки вставлены кусочки зеленаго стекла. Не смотря на такую бѣдность красокъ, результатъ получается очень хорошій и мѣстами птицы глядятъ живыми. Рисунки и прежде находимыхъ половъ также были хороши, но исполненіе почти всѣхъ ниже всякой критики. Кусочки мозаики дурно пригнаны другъ къ другу, къ тому-же неодинаковой и частью ничтожной крѣпости (кирпичъ), самый слой раствора, въ который втиснуты эти кусочки, лежитъ просто на подсыпкѣ рыхлой земли; все это было причиною быстрой порчи половъ, которые осѣдали, давали трещины, части ихъ выбивались и приходилось полъ замѣнять сплошь, или застилать его мѣстами, какими ни попало обломками или плитами мрамора, что мы и видимъ теперь почти во всѣхъ раскопкахъ [2]). Когда части этихъ половъ, открытыя раскопками, попадаютъ подъ вліяніе дождя, мороза и вѣтра, то они разрушаются совершенно, въ самый короткій срокъ, что и дало поводъ къ несправедливымъ укорамъ посѣтителей въ умышленномъ истребленіи открытыхъ мозаикъ; части теперь описываемыхъ, вновь открытыхъ половъ, окружены стѣнами и покрыты крышами, чѣмъ и предохранены отъ атмосферныхъ вліяній.

---

1) Labarte, Histoire des arts industriels, t. II, p. 334.

2) Гр. Уваровъ, Розысканія.—Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета, стр. 167.—Раскопки 1861 и 1877 годовъ.

На планахъ видно, что части мозаичныхъ половъ найдены не только въ древней базиликѣ, но и внѣ ея, сбоку, на сѣверо-западной сторонѣ, гдѣ, слѣдовательно, во время устройства пола были пристройки, имѣвшія на столько важное назначеніе, что и въ нихъ сдѣланы такіе-же полы, какъ и въ базиликѣ; именно въ такой пристройкѣ и былъ красивѣйшій полъ, къ сожалѣнію, всего хуже сохранившійся. Боковыя пристройки у базиликъ дѣло повсюду обычное, но вездѣ, также и въ Херсонесѣ, во всѣхъ базиликахъ, онѣ являлись впослѣдствіи, а не строились одновременно съ церквами; изъ этого можно, какъ мнѣ кажется, заключить, что тотъ полъ, отъ котораго мы имѣемъ остатки, сдѣланъ позже самой базилики. Такое предположеніе все-же не даетъ намъ возможности сказать, насколько позже онъ сдѣланъ; это могло быть и очень скоро послѣ построенія базилики, т. е. въ VII вѣкѣ, но могло быть и значительно позднѣе. Въ самомъ стилѣ пола я не вижу ничего безусловнаго, и части его рисунка можно указать на пространствѣ IV—X вѣковъ. Такъ,напримѣръ, въ мозаикѣ IV вѣка, въ римскомъ баптистеріи Константина—птицы; въ церкви св. Георгія, въ Ѳессалоникѣ (нынѣ Султанъ-Османъ-джами) IV в.—стѣнная мозаика, съ замѣчательно сходными мотивами птицъ и жгутовъ; наконецъ, такія птицы есть въ миніатюрахъ VI вѣка [1]). Переплетающіеся жгуты, самый обычный мотивъ въ полу многихъ базиликъ Рима (S. Clemente IX в.; S. Maria Magiore V в.; S. Lorenzo fuori le mure VIII в.; S. Maria in Cosmedin VIII в.; S. Giovanni Later. X в.) [2]). Весьма сходные полы, съ птицами, животными, плодами, въ церкви св. Марка и нѣкоторыхъ другихъ въ Венеціи, XI вѣка [3]). Возможно, слѣдовательно, что нашъ полъ близокъ ко времени построенія самой базилики, но также возможно, что онъ изъ тѣхъ временъ иконоборства, когда были въ такомъ ходу изображенія животныхъ, птицъ, плодовъ, деревьевъ [4]). Глядя на то отдѣленіе, отъ котораго уцѣлѣла только часть, и гдѣ съ такимъ стараніемъ выдѣлывался павлинъ съ цыплятами, съ сложнымъ узоромъ жгутовъ, птицъ и плодовъ вокругъ него, мнѣ кажется, что художникъ зналъ и имѣлъ въ виду тотъ полъ въ Кэнургіонѣ императорскаго константинопольскаго дворца, который былъ сдѣланъ при Василіѣ Македонянинѣ и такъ подробно и красиво описанъ его внукомъ [5]). Послѣднее предположеніе, относящее нашъ полъ къ IX—X вѣку, даже и по стилю, мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ [6]). Замѣчательно, что и въ Равеннѣ находятся остатки почти точно такихъ половъ какъ наши; тѣ-же части узора, почти тѣ-же птицы (пѣтухъ, утка, журавль), тѣ-же вѣтки вьюнка; та-же работа и тѣ-же недостатки ея (Ricci n° 551, 552, 554, 355 и особенно 424). Къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить точно времени, когда были сдѣланы равеннскіе полы, найденные, также какъ и наши, при раскопкахъ въ окрестностяхъ Равенны in Classe, подлѣ церкви S. Severo; такъ какъ морской портъ Ра-

[1]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, pl. XXV, fig. 4.—Texier et Pullan, L'architecture byzantine, Londres, 1864, pl. XXXIV. — Кн. Гагаринъ, Собраніе византійскихъ и древнерусскихъ орнаментовъ, Спб. 1887, табл. XVIII.

[2]) Bunzen, Les basiliques chrétiennes de Rome, Paris, 1872, pl. 10, 12, 22, 35. Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, pl. XXVIII. 8.

[3]) Labarte, Histoire des arts industriels. t. II, 371.

[4]) Васильевскій, Житіе св. Стефана Новаго; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1877 г., № 6, стр, 306.—Кондаковъ, Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 53, 60.

[5]) Labarte, Le palais impérial de Constantinople, Paris, 1861, p. 79.—Его-же, Histoire des arts industriels t. I, p. 39.—Кондаковъ, Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 53, 58. — Constantini, De vita Basilii, Theoph. Contin. lib. V, p. 332 333, ed. Bonn.

[6]) Labarte, Histoire des arts industriels, t. I, p. 41, указываетъ на большее распространеніе въ орнаментаціи разныхъ птицъ въ это время.

венны, classis, былъ разрушенъ въ 728 г., то мозаика эта, конечно, не позже VIII вѣка; она теперь находится въ частномъ домѣ, въ Равеннѣ. Тамъ же, въ соборѣ S. Vitale показываютъ кусокъ стараго пола, съ птицами, сходнаго съ нашимъ рисункомъ, но грубой работы; этотъ кусокъ вдѣланъ при входѣ слѣва въ стѣнѣ, но когда былъ сдѣланъ полъ —точно неизвѣстно, быть можетъ вмѣстѣ съ церковью въ VI вѣкѣ; теперешній полъ XV вѣка.

Чтобы покончить съ мраморами, найденными въ базиликѣ, укажу еще на колонну, верхняя половина которой представлена на таблицѣ IV, 1 справа, и вполнѣ на таблицѣ II, рис. 7. Эта колонна была найдена внутри маленькой базилики одна, и къ тому-же разбитая; но такія-же, и притомъ различныхъ размѣровъ, бывали находимы и въ прежнихъ раскопкахъ, что указываетъ на ихъ довольно частое употребленіе, но въ малыхъ количествахъ. Странная форма колонны, почти прямоугольнаго съ закругленными углами сѣченія, невольно заставляетъ искать для нея особаго назначенія, которое, впрочемъ, легко отыскивается: она очевидно подражаетъ парнымъ колоннамъ, близко составленнымъ и какъ бы связаннымъ одна съ другою. Потребность въ такихъ колоннахъ была тамъ, гдѣ на нихъ ложились пяты арокъ въ особенно толстой стѣнѣ, напр., въ многопросвѣтныхъ окнахъ абсидъ, гдѣ по конструктивнымъ причинамъ приходилось всегда утолщать стѣны. Колонны, совершенно точно подобныя нашей, находятся и до сихъ поръ между окнами абсиды, столь извѣстной церкви Богородицы (Вефа-джами) въ Константинополѣ, X вѣка, и многихъ другихъ [1]). Точно такія-же колонны были найдены въ устьѣ Босфора, въ развалинахъ монастыря св. Іоанна Крестителя Страшнаго (τοῦ φοβεροῦ), возобновленнаго въ началѣ XII вѣка [2]). Съ небольшими измѣненіями, но совершенно того-же смысла и назначенія, можно видѣть колонны съ продолговатымъ сѣченіемъ въ очень многихъ церквахъ Аѳинъ и Пелопонеса, церквахъ относительно очень позднихъ, построенныхъ послѣ X вѣка [3]). Какъ по этому, такъ и по малограмотному стремленію вверху самой колонны выдѣлать что-то въ родѣ завитковъ капители, я считаю, что эти колонны не ранѣе X вѣка. Поэтому и не упомянулъ о нихъ выше, вмѣстѣ съ остальными болѣе ранними мраморами.

Я выше сказалъ, что описываемые мраморы, происходящіе изъ древней базилики, относятся къ VI—VII вѣку, но сама базилика едва-ли этого времени. Подобные мраморы находились чуть-ли не во всѣхъ херсонесскихъ церквахъ и, конечно, нѣтъ возможности полагать, что всѣ онѣ построены въ VI вѣкѣ; надо думать, что и позже строились церкви, да и невѣроятно, чтобы уцѣлѣло такъ много церквей столь давняго времени. Несравненно проще и вѣроятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ предположить что въ Херсонесѣ была построена въ концѣ VI-го или началѣ VII-го вѣка большая базилика, (вродѣ открытой графомъ Уваровымъ), впослѣдствіи разрушенная, причемъ мраморы изъ нея пошли во многія маленькія перкви, въ томъ числѣ и въ нашу базилику, которая, надо думать, всего

[1]) Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale, pl. XXXIV. -Lenoir, Architecture monastique t. I, p. 279, 324.—Corroyer, L'architecture Romane, p. 128. Я видѣлъ подобныя колонны въ окнахъ абсиды ц. Апостоловъ въ Ѳессаловикѣ, XI—XII вѣка; въ одной изъ абсидъ ц. Божіей Матери Паммакаристы (Фетхіе-джами) и Пантократоръ Зейекъ-джами), въ Константинополѣ и нѣкоторыхъ другихъ тамъ-же; во многихъ церквахъ Аѳинъ и ихъ окрестностей и даже въ обломкахъ на акрополѣ.

[2]) Papadopoulos-Kerameus, Le Hiéron de Zeus-Urius et le monastère de S-t Jean Baptiste Phobéros, Труды VI археологическаго съѣзда, т. II, Одесса 1888, стр. 142—152, табл. III. Авторъ принимаетъ эту несомнѣнную колонну за родъ надгробной стелы, къ чему нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

[3]) Couchaud, Choix d'églises Byzantines en Grèce, Paris 1882, pl. 9, 12, 15, 18, 27 и особенно 33.

ближе къ IX—X вѣку. Затѣмъ, вслѣдствіе какой-то катастрофы, наша базилика разрушилась, неизвѣстно когда именно. Началомъ разрушенія, вѣроятно, былъ пожаръ, вообще столь губительный для базиликъ, слѣды котораго примѣтны: горитъ и падаетъ деревянное покрытіе, продольныя стѣны отъ жара раздаются, трескаются и рушатся, увлекая за собою всѣ ряды колоннъ, большею частью раздробляющихся при паденіи; отъ базилики остаются только части наружныхъ стѣнъ и груды обломковъ. Разрушеніе нашей базилики, однако, не ограничилось такимъ естественнымъ теченіемъ вещей; ея развалины, безъ сомнѣнія, были, кромѣ того, искусственно разобраны до фундаментовъ. Это я заключаю изъ того, что послѣдующія постройки, хотя и стоятъ точно на мѣстѣ стѣнъ старой базилики, но имѣютъ только фундаменты старые, а стѣны, отъ самыхъ фундаментовъ, выведены вновь. Никакая естественная причина не могла бы такъ основательно разрушить старыя стѣны; ихъ дурное качество также не могло быть причиною замѣны ихъ новыми, какъ потому, что старыя были весьма изрядно сложены на извести, такъ и потому, что хуже новыхъ стѣнъ ничего вообразить себѣ нельзя: онѣ слѣплены на глинѣ кое-какъ, изъ дряннаго мелкаго камня. Нѣтъ сомнѣнія, что сами херсонесцы разбирали стѣны старой базилики, пока, наконецъ, не вздумали воспользоваться послѣдними остатками, для построенія новой на ея мѣстѣ. Трудно сказать, когда это послѣднее случилось, но во всякомъ случаѣ послѣ X вѣка, такъ какъ подъ вымосткою абсиды новой базилики были найдены въ землѣ, обычныя въ Херсонесѣ, истертыя монеты Романа I-го. Судя же по грубости всей работы, по кладкѣ стѣнъ на глинѣ (единственная такимъ способомъ сложенная церковь) и большой ея бѣдности, я полагаю, что это остатки самыхъ позднихъ временъ и совершеннаго упадка города, т. е. не ранѣе XIII вѣка; архитектурныхъ остатковъ, годныхъ для болѣе точнаго опредѣленія времени, въ этой базиликѣ не найдено; все, что находилось, очевидно, набрано изъ другихъ построекъ. По виду и числу найденныхъ колоннъ, могилъ и прочаго, можно заключить, что эта послѣдняя базилика уже не подверглась расхищенію, что также говоритъ за ея существованіе въ самые послѣдніе дни Херсонеса. Расхищеніе я подразумѣваю въ древности, чему подвергались всѣ находимыя до сихъ поръ церкви; о новѣйшемъ же расхищеніи не можетъ быть здѣсь и рѣчи, такъ какъ эти раскопки, также какъ и всѣ прочія, идутъ по совершенно нетронутымъ мѣстамъ.

Что именно было построено на мѣстѣ старой базилики, достаточно видно на планѣ (таблица I, рис. 1-й), къ которому немногое остается прибавить.

Какъ видно изъ этого плана, въ главномъ нефѣ старой базилики помѣстилась цѣликомъ вся новая, съ своими тремя нефами, нартексомъ и абсидою; въ базиликѣ поставлены только по три колонны на каждой сторонѣ, всѣ остальныя обоихъ ярусовъ, разбитыя на куски при паденіи, заложены въ фундаменты новыхъ стѣнъ, подъ ряды колоннъ; лишнія капители, въ особенности трапецоидальныя надставки, частью брошены вокругъ зданія, частію попали въ стѣны, въ видѣ пороговъ, наконецъ, многія употреблены на вымостку пола абсиды, у которой ступень старой солеи осталась съ тѣмъ-же назначеніемъ. Тѣ-же надставки употреблены и какъ сидѣнье для священника въ алтарѣ (табл. I, рис. 1, а). Въ маленькой базиликѣ, судя по совершенному отсутствію камня отъ арокъ и малому количеству наваленнаго камня внутри, не было, надо думать, не только второго яруса, но даже и возвышающихся стѣнъ надъ колоннами, а по колоннамъ были просто положены деревянные брусья въ видѣ архитрава, и на нихъ прямо, или съ надстройкою небольшой стѣны, стропила крыши.

Вся базилика вокругъ застроена маленькими помѣщеніями, часть которыхъ, находящаяся въ связи съ церковью, также какъ и сама церковь, изобилуютъ могилами, выкопанными въ землѣ или возвышающимися цѣликомъ надъ бывшимъ поломъ, даже поставленными прямо на остаткахъ половой мозаики; планъ и разрѣзы по А—В и С—D (табл. II, рис. 6 и 9) показываютъ устройство могилъ. Къ юго-восточному углу базилики пристроена часовня (табл. I, рис. 1, б)—бывшая въ два яруса, изъ коихъ нижній, покрытый сводомъ, служилъ обширною усыпальницею, заваленною костями, наполнявшими родъ каменныхъ ящиковъ подъ сводомъ; все это устройство показано на планѣ и разрѣзѣ по А—В (табл. II, рис. 6). Изъ всѣхъ раскопокъ Херсонеса это первый сводъ, къ-тому же хорошо уцѣлѣвшій; построенъ онъ самымъ грубымъ образомъ изъ обыкновеннаго, даже не притесаннаго, плитоватаго бута, но обычай византійской кладки свода даже и въ немъ соблюденъ: швы камней, для облегченія кружалъ, идутъ не по радіусамъ, а наклонены къ пятамъ. Въ грудѣ костей, кромѣ стеклянныхъ браслетовъ и бусъ да нѣсколькихъ обломковъ перержавленной мѣди, ничего не найдено. По своему расположенію эта часовня могла быть построена только послѣ малой базилики; кладка ея совершенно такая-же.

За алтаремъ внутренней базилики, на мѣстѣ старой абсиды, образовался маленькій дворикъ съ колодцемъ (в, в); за этимъ дворикомъ открыта улица, а за нею рядъ обычныхъ городскихъ построекъ съ маленькою часовнею и могилами; это послѣднее на планѣ не показано.

Съ южной стороны базилики открыты слѣды болѣе древнихъ стѣнъ (на планѣ не зачерчены штрихами), неизвѣстно къ чему относящихся; подлѣ нихъ, въ продолговатой ямѣ (табл. I, рис. 1, г), найдены кости и сбруя лошади, съ золотыми гладкими, круглыми бляшками.

Внутри самой базилики, сверхъ всего описаннаго выше, найдено нѣсколько обломковъ мрамора, какъ архитектурныхъ, такъ и съ изображеніемъ нѣсколькихъ буквъ крупной римской надписи; все это занесено сюда изъ другихъ развалинъ и ничего цѣльнаго изъ себя не представляетъ. До чего велика была бѣдность и неряшливость во время послѣдней перестройки, видно изъ того, что въ самой базиликѣ никакого пола не было, его замѣняла набитая глина. Даже уцѣлѣвшія части стараго мозаичнаго пола не считали нужнымъ утилизировать: это видно изъ того, что поперечныя стѣны въ д, д (табл. I, рис. 1), подъ которыми цѣлый мозаичный полъ, оказались стоявшими не на полу, а на слоѣ мусора, покрывавшемъ мозаичный полъ. Этотъ слой, вершка въ четыре, не сочли нужнымъ выбросить, чтобы имѣть въ помѣщеніяхъ д, д, чистые мозаичные полы *вмѣсто мусора*.

Какъ ни жалки остатки этой, вѣроятно послѣдней по времени, херсонесской базилики, но, однако, и изъ нихъ можно извлечь кое-какія свѣдѣнія. Во-первыхъ, самая форма трехнефной базилики въ столь позднее время показываетъ, что рѣшительныя утвержденія объ исчезновеніи типа базиликъ на востокѣ уже съ VIII вѣка совершенно неосновательны и этотъ типъ держался гораздо дольше [1]). Я уже указывалъ на находящуюся въ Крыму, въ Инкерманѣ, выдолбленную въ скалѣ базилику св. Георгія, нынѣ освященную во имя св. Климента, относимую къ XII или даже вѣроятнѣе XV вѣку: теперь является новая на-

[1]) Bayet, L'art Byzantin, Paris, p. 130.—Vogüé, Les églises de la Terre Sainte, Paris 1860 p. 70.—Многіе другіе косвенно говорятъ тоже.

ходка, приблизительно тѣхъ-же временъ [1]). Причину такого долгаго существованія типа базилики въ Херсонесѣ и близь него я укажу далѣе.

Во-вторыхъ, въ абсидѣ этой базилики, вымощенной капителями, оказалась закопанною колонка, служившая опорою престольной доскѣ; на планѣ она показана и находится такъ близко къ стѣнѣ абсиды (всего полтора фута), что самый престолъ необходимо прислонялся къ стѣнѣ; это показываетъ, до какой степени невѣрно предположеніе, будто престолы, такъ поставленные, были лишь въ первые вѣка христіанства. Наблюденія надъ весьма многими древними церквами въ Крыму, пещерными и обыкновенными, съ несомнѣнностью показываютъ, что мѣсту расположенія престола у насъ въ Крыму не придавали безусловнаго значенія, и признакомъ времени оно быть не можетъ, а зависѣло единственно отъ величины церкви и алтаря: если алтарь достаточно великъ, то и престолъ располагали по серединѣ, и никогда иначе не бываетъ въ достаточно большомъ алтарѣ. Если же, какъ это иногда встрѣчается, алтарь настолько малъ, что въ немъ едва можетъ помѣститься человѣкъ, то престолъ примыкаетъ къ стѣнѣ. Это послѣднее расположеніе если и можетъ на что указывать, такъ скорѣе на весьма позднее время упадка христіанства, въ которое церкви поневолѣ умалялись; въ дѣйствительно же древнихъ церквахъ, если только онѣ достаточно просторны, такое положеніе престола никогда и нигдѣ не встрѣчается. На стоявшей колоннѣ лежала престольная доска, вѣроятно, та самая, которая была найдена тутъ-же, но за абсидою. Это мраморная плита въ семь дюймовъ толщины и площадью въ три съ половиною фута въ квадратѣ; всѣ ея бока обдѣланы крутымъ гуськомъ съ полочкою вверху и внизу; на этихъ-же бокахъ вырубленъ рельефомъ крестъ (табл. III, рис. 25). Полагаю, что эта плита служила престоломъ въ первой базиликѣ, и что такіе престолы были въ большомъ употребленіи, такъ какъ точно такая плита была найдена, вмѣстѣ съ такими-же мраморами, въ другой базиликѣ, о которой скажу сейчасъ [2]).

Неподалеку отъ описанныхъ базиликъ, но нѣсколько южнѣе, найдены въ томъ-же 1889 году еще базилика и двѣ часовни вмѣстѣ; въ базиликѣ, давно извѣстной и раскопанной уже въ 1827 году, ничего не оказалось. Она представлена на табл. III, рис. 17, а часовни на таблицѣ II. рис. 3, 4, 5. Въ этихъ часовняхъ ничего особеннаго нѣтъ; вѣроятно, онѣ принадлежали какой-нибудь семьѣ и служили мѣстомъ погребенія ея членовъ. Рисунки ихъ представляются, какъ образчикъ маленькихъ часовень въ Херсонесѣ. Нѣсколько словъ въ объясненіе чертежей, однако, будутъ не безполезны. Основная часовня лѣвая; правая же пристроена къ ней впослѣдствіи; обращены онѣ почти на сѣверо-востокъ и представляютъ простой прямоугольникъ, съ полукруглою абсидою для алтаря. Абсида бо́льшей часовни была покрыта сводомъ изъ тесаннаго инкерманскаго камня, а въ сводѣ было фресковое изображеніе Богородицы, вѣроятно до пояса, такъ какъ, судя по куску, уцѣлѣвшему на одномъ камнѣ (правая часть головы съ однимъ глазомъ), все изображеніе было гораздо больше натуры (табл. VII, 2). Въ этой часовнѣ

[1]) Остатки древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя, въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XIV, стр. 211—217. Сверхъ приведенныхъ въ этой статьѣ доводовъ, у меня набралось теперь еще очень много другихъ; всѣ они свидѣтельствуютъ о позднемъ (послѣ XII-го вѣка) построеніи этой пещерной церкви.

[2]) Въ Херсонесскій монастырь была передана Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей мраморная плита съ крестами съ обѣихъ сторонъ, которую сочли за древній престолъ, каковымъ она ни въ какомъ случаѣ не могла быть: это просто часть какой-то преграды. Къ тому-же эта плита была найдена княземъ Барятинскимъ не въ Херсонесѣ, а въ монастырѣ на островѣ Камышевой бухты, см. Мурзакевича, Херсонесская церковь св. Василія (Владиміра), въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. V, стр. 997. Объ этомъ монастырѣ будетъ сказано ниже.

также была алтарная преграда, отъ которой сохранились пазы, а въ самой часовнѣ и въ абсидѣ каменныя скамьи по стѣнамъ. Въ толщѣ южной стѣны находятся рядомъ двѣ большія могилы усыпальницы (а, а); изъ нихъ лѣвая покрыта сводикомъ, подобнымъ аркосолію катакомбъ; части сводика и могилы представлены на рис. 5; на этомъ-же рисункѣ показано расположеніе плитъ, покрывавшихъ могилы, изъ котораго видно, что поднять можно было только одну среднюю плиту и тогда образовывалось отверстіе, едва-ли позволявшее вдвинуть въ могилу цѣлый трупъ. Отсюда должно заключить, что эти большіе ящики—могилы были усыпальницами, въ которыя складывались лишь однѣ кости. Правая могильная часовенька заключала въ себѣ только одиночныя могилы въ полу, можетъ быть именно тѣ, въ которыхъ погребались трупы до совершеннаго ихъ истлѣнія, послѣ чего кости перекладывались въ общую усыпальницу, въ данномъ случаѣ, вѣроятно, семейную. Выше описанная могила, указанная на табл. I, рис. 1, подъ букв. *б*, конечно, служила цѣлому приходу. Начальная часовня чистенько построена и фреска, повидимому, была въ ней хороша, если судить по уцѣлѣвшему куску (таблица VI, 2). Къ сожалѣнію, ничего болѣе крупнаго отъ нея не сохранилось.

Близъ только-что указанныхъ раскрытой давно базилики и часовень, мои случайныя раскопки при военныхъ работахъ 1885 года обнаружили толстыя стѣны и начало какого-то большого зданія особенно хорошей для Херсонеса кладки. Я тогда не имѣлъ возможности вскрыть всю эту мѣстность, но думаю, что это слѣдовало бы сдѣлать, такъ какъ здѣсь наиболѣе любопытное мѣсто Херсонеса: именно здѣсь можно предполагать внутреннюю цитадель акрополь, извѣстный по надписямъ и словамъ Помпонія Мелы, а впослѣдствіи, вѣроятно, тутъ-же былъ и замокъ, указываемый Броневскимъ [1]). Здѣсь-же сдѣланъ мною и разрѣзъ стѣны (табл. III, рис. 13).

На западной сторонѣ городища Херсонеса, въ мѣстности почти пустой, былъ примѣтенъ бугоръ съ развалинами: въ 1890 году его раскопали и развалины оказались базиликою. Подробно ее описывать значило бы повторяться, а потому я лишь вкратцѣ укажу ея особенности.

Базилика (табл. III, рис. 23) также въ три нефа, съ нартексомъ и круглою абсидою. Размѣры ея меньше первой, вышеописанной, и колоннъ въ рядахъ было только по четыре. Видно, что базилика первоначально хорошо построена, на извести съ цемянкою, съ прокладкою рядовъ кирпича. Затѣмъ вся она была разрушена, почти до низа, и расхищена, а потомъ опять возобновлена, по тому-же плану. Для этого возобновленія, уже очень небрежнаго, набирались матеріалы изъ разныхъ другихъ построекъ, а колонны неодинаковой высоты исправлялись поднятіемъ и опусканіемъ базъ. Въ видѣ вымостки пола употреблено довольно много фрагментовъ разныхъ мраморныхъ плитъ и карнизовъ, повидимому отъ первоначальной базилики. Ничего цѣльнаго, однако, нельзя изъ нихъ составить. Теперь нашлось очень мало обломковъ колоннъ и ихъ капителей, даже базъ, а это указываетъ на совершенное расхищеніе уже возобновленной базилики въ древности. Найденныя капители совершенно такія, какъ описанныя выше (одинаковыя съ равеннскими въ S. Apollinare nuovo), но такъ какъ онѣ были, очевидно, принесены въ эту базилику изъ другихъ зданій, то и не могутъ служить для опредѣленія времени построенія базилики. По нѣкоторымъ мелкимъ и не вполнѣ точнымъ признакамъ, надо думать, что она была построена около X вѣка, а перестроена и потомъ совершенно разрушена,

---

[1]) Latyschev, Inscriptiones antiquae, t. I, № 185, 186.—Broniovii, Tartariae descriptio, p. 6.—Pomponii Melae, De situ orbis, lib. II c. 1; а въ цитадели нимфей (пещера нимфъ) по словамъ послѣдняго автора; все это возможно найти при раскопкахъ.

гораздо позже. Въ церкви восемь могилъ въ полу; престольная плита (табл. III, рис. 25), найденная внутри, тожественна съ описанною выше; солея также изъ мраморныхъ плитъ въ одну ступень, но эти плиты набраны изъ разныхъ мѣстъ и положены не выступающимъ по серединѣ главнаго нефа прямоугольникомъ, какъ показано на рис. 2, а просто во всю ширину церкви, черезъ средній и боковые нефы. Въ базахъ колоннъ уцѣлѣли желѣзные пироны, залитые свинцомъ для связи съ колоннами.

Я не умѣю сообщить ничего болѣе заслуживающаго вниманія о раскопкахъ послѣднихъ лѣтъ въ самомъ городищѣ, но частью на основаніи сказаннаго выше, а частью извѣстнаго изъ прежнихъ раскопокъ, полагаю возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя общія заключенія о церковномъ зодчествѣ нашего города [1]).

Въ Херсонесѣ. насколько я знаю, всего было открыто, до 1891 года, 27 церквей и часовень; изъ этого числа 8 базиликъ, 2 церкви крестоваго типа, 1 крещальня и 16 часовень [2]). Весьма многія изъ нихъ, въ особенности маленькія, отыскивались лишь въ видѣ одного плана: но въ большинствѣ раскопки были подобны выше описаннымъ. Часть прежнихъ находокъ, сдѣланныхъ въ церквахъ, пропала, но большая доля уцѣлѣла, и если бы всѣ онѣ находились на своихъ мѣстахъ, то ихъ взаимныя связи и архитектурное значеніе навѣрное позволили бы сдѣлать очень много любопытнѣйшихъ заключеній; къ сожалѣнію, все сохранившееся разбросано по разнымъ музеямъ, даже безъ точнаго обозначенія мѣста находки предметовъ. Насколько было то доступно, я старался внимательно все пересмотрѣть и по возможности пріурочить къ мѣсту нахожденія.

Изъ найденныхъ церквей наибольшій интересъ представляютъ базилики (табл. III, рис. 14, 15, 16, 17, 20, 22, 23 и 24), типъ которыхъ замѣчательно простъ и одинаковъ: три нефа, одна полукруглая абсида, узкій внутренній нартэксъ, ничего больше. Всѣ базилики въ планѣ пропорціонально очень коротки, внутри (безъ нартэкса) полная длина равна, или чуть больше, полной ширинѣ. Нѣкоторое исключеніе изъ сказаннаго составляетъ древнѣйшая (почему—скажу далѣе) базилика гр. Уварова, у которой внутренній нартэксъ широкъ, вѣроятно, былъ и внѣшній, а длина внутри имѣетъ полторы ширины. Насколько укорочены наши базилики видно изъ того, что западныя или равеннскія, (послѣднія во всемъ почти тождественны съ нашими), или сирійскія на востокѣ, имѣютъ длину въ полторы и даже двѣ ширины. Короткость нашихъ базиликъ также указываетъ, до нѣкоторой степени, на ихъ позднее построеніе, когда въ общемъ употребленіи были короткія купольныя постройки, чему отдаленнымъ подражаніемъ было и укорачиваніе нашихъ базиликъ. Короткія базилики извѣстны и внѣ Херсонеса издавна, напримѣръ, Студійскаго монастыря, но не какъ постоянное правило [3]). Бо-

---

[1]) Сверхъ прилагаемыхъ рисунковъ надо еще имѣть въ виду: графа Уварова: Розысканія въ окрестностяхъ Симферополя и Севастополя, напечатанныя въ Пропилеяхъ т. IV, стр. 525—537; Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета за 1853 г.; Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. V; Отчеты того-же Общества за 1878, 1883, 1884 г.г.; Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase. Тутъ найдутся планы почти всѣхъ открытыхъ въ Херсонесѣ церквей и часовень; главнѣйшіе представлены у насъ на таблицѣ III, рис. 14—24, въ одномъ масштабѣ, для удобства сравненія.

[2]) Въ 1891 году обнаружено еще около десяти церквей: изъ нихъ одна базилика, остальныя же небольшія часовни; я не могу вводить сюда описаніе этихъ новыхъ раскопокъ, при которыхъ открыто не мало любопытнаго, но, однако, ничего такого, что могло бы измѣнить настоящее описаніе по существу; открываются лишь новыя подробности.

[3]) Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale, bl. II.—Люиксъ, Планы древнихъ церквей Константинополя, въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда, табл. I, рис. 1.

ковые нефы у насъ, какъ и вездѣ, имѣютъ около трети ширины главнаго. Колонны разставлены точно одинаково, около 7—8 футовъ ось отъ оси, кромѣ послѣдней базилики, показанной на табл. I, рис. 1 и табл. III 24, гдѣ, очевидно, избытокъ свободныхъ колоннъ позволилъ не стѣсняться ихъ числомъ. Въ одномъ ряду было отъ 11 до 3 колоннъ; въ двухъ базиликахъ (табл. III, рис. 15 и 16) часть колоннъ замѣнена просто стѣнами, очевидно, по недостатку колоннъ, въ двухъ (табл. III, рис. 17 и 22) нельзя было опредѣлить числа колоннъ. Верхніе ярусы, гинекеи, быть можетъ, были только въ одной описанной выше базиликѣ (табл. I,рис. 2 и табл. III, 20), въ остальныхъ едва-ли. Хотя крышъ и не уцѣлѣло, но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ онѣ состояли изъ деревянныхъ стропилъ, крытыхъ плоскою черепицею, которой очень много находится въ раскопкахъ. Какія были окна и гдѣ—остается совершенно неизвѣстнымъ. Если судить по другимъ мѣстностямъ, можно бы было полагать, что окна закрывались мраморными, фигурно-прорѣзными досками и стеклами, но въ раскопкахъ, до сихъ поръ, не найдено ни одного куска подобнаго мрамора, а обломки стеколъ оконныхъ, попадаются очень рѣдко; поэтому можно думать, что оконъ было мало и тѣ, быть можетъ, ничѣмъ не закрывались.

Внѣшней формѣ абсидъ базиликъ и вообще церквей часто придаютъ рѣшающее значеніе. Не буду говорить о такихъ случаяхъ, когда совершенно незнакомый съ дѣломъ авторъ весьма, впрочемъ, красивыхъ путевыхъ впечатлѣній, увидя развалину старой церкви въ Крыму (XVI вѣка) съ многогранною абсидою, не задумался усмотрѣть въ ней готическій стиль, и возможный слѣдъ готовъ въ Крыму [1]); но и весьма компетентныя лица, какъ напримѣръ, Гибшъ и многіе у насъ, считали возможнымъ въ различіи очертанія абсиды видѣть признакъ различія архитектурныхъ временъ и даже стилей. По мнѣнію Гибша, базилики Равенны продуктъ Рима, но въ числѣ характерныхъ различій онъ находитъ въ Равеннѣ абсиды многогранныя, тогда какъ въ Римѣ круглыя [2]). Въ Константинополѣ, настоящемъ источникѣ равеннскаго зодчества, не только единственная цѣлая базилика Іоанна Крестителя Студійскаго монастыря (нынѣ Имбрахоръ-джами), но и вообще абсиды большинства и самыхъ главныхъ церквей разныхъ временъ многогранныя. Въ Сиріи, вліявшей и на Византію, встрѣчаются одновременно (въ VI вѣкѣ) и тѣ и другія [3]); въ Палестинѣ тоже [4]). Въ Греціи (въ Аѳинахъ, Пелопоннесѣ), въ церквахъ всѣхъ временъ, находимъ мы всякія абсиды [5]). Въ Ѳессалоникѣ тоже самое [6]). У насъ въ Абхазіи и круглыя и гранныя; въ Грузіи и Арменіи многогранныя [7]). Подобныхъ примѣровъ можно набрать очень много и даже не трудно указать въ одной и той-же церкви абсиды обоихъ родовъ. Въ Херсонесѣ, гдѣ базилики, можно сказать, не только продуктъ Византіи, но и почти тождественны въ сущности съ равеннскими, всѣ абсиды снаружи оказываются круглыя, притомъ не только въ базиликахъ, но и во всѣхъ церквахъ и часовняхъ, и только въ двухъ базиликахъ есть пятигранныя. Вообще

---

[1]) Марковъ, Очерки Крыма (2-е изд.) Спб., 1884, стр. 504. — Кеппенъ, Крымскій сборникъ, Спб. 1837, стр. 16, 41.

[2]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, p. 12, 64. Но и въ Римѣ можно указать многогранную абсиду VIII вѣка въ S. Giovanni a Porta Latina, см. Bunsen, Les basiliques de Rome, pl. XV. — Люиксъ, Планы древнихъ церквей, стр. 252.

[3]) Vogüé, Syrie centrale, t. I, pl. 21, 22; t. II, pl. 130.

[4]) Vogüé, Les églises de la Terre Sainte, много примѣровъ.

[5]) Lenoir, Architecture monastique, много примѣровъ.—Couchaud, Choix d'églises Byzantines, pl. 2, 4, 7, 9, 12 и др.

[6]) Texier et Pullan, L'architecture Byzantine, очень много примѣровъ.

[7]) Кондаковъ, Древняя архитектура Грузіи, Древности, т. VI, стр. 38.

же въ Крыму, въ остаткахъ церквей (всѣ очень поздніи), преимущественно круглыя абсиды, но есть и многогранныя. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что эти формы абсидъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить признакомъ времени или мѣста; попадаются онѣ повсюду и составляютъ просто дѣло личнаго вкуса строителя. Можно только замѣтить, что многогранную абсиду строить нѣсколько труднѣе, поэтому вѣ мѣстахъ гдѣ были хорошіе зодчіе и мастера, какъ Константинополь, Сирія, Равенна, или очень легкій и мягкій для обработки камень, какъ нѣкоторыя мѣста Крыма, охотно строили абсиды многогранныя; въ мѣстахъ малограмотныхъ, какъ Римъ или Херсонесъ, въ тоже время, держались абсидъ круглыхъ. Напримѣръ, значительно лучшія по кладкѣ стѣнъ, хотя относительно и поздніи базилики въ Херсонесѣ (табл. III, рис. 15 и 16), или маленькія церкви, стоящія въ Крыму на мягкомъ превосходномъ камнѣ (въ Шюрю и Біясала), имѣютъ многогранныя абсиды. Но и это соображеніе ни въ какомъ случаѣ не должно быть принимаемо, какъ нѣчто безусловное.

Вотъ и всѣ общія замѣчанія по херсонесскимъ базиликамъ, которыя, какъ мнѣ кажется, возможно сдѣлать въ настоящее время.

Двѣ церкви, которыя я для краткости назвалъ крестоваго типа (табл. III, рис. 18 и 19), стоятъ рядомъ; надъ одною изъ нихъ построенъ храмъ въ память крещенія св. Владиміра. Это единственныя церкви въ Херсонесѣ, по плану близкія къ купольнымъ. Изъ нихъ, впрочемъ, только одна была покрыта куполомъ по срединѣ; другая же (св. Владиміра), хотя по плану и подражаетъ купольнымъ, но ни купола, ни сводовъ не имѣла, судя по расположенію и размѣрамъ стѣнъ; планомъ, отсутствіемъ нартэкса и даже размѣрами, она всего болѣе напоминаетъ церковь св. Петра и Марка въ Константинополѣ (теперь мечеть Атикъ-Мустафа-паша), построенную въ XI—XII вѣкѣ [1]). Круглыя абсиды ихъ, конечно, были сводчатыя. Главное отличіе этихъ церквей отъ херсонесскихъ базиликъ состоитъ въ томъ, что, благодаря плану, получилась легкая возможность имѣть отдѣленія по сторонамъ алтаря, жертвенникъ и діаконникъ. Другое отличіе отрицательнаго свойства: обѣ церкви не имѣли нартэкса (подразумѣваю нартэксъ, находившійся въ органической связи съ самою церковью, а не случайную пристройку); это обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, что нартэксы существуютъ во всѣхъ базиликахъ, какъ я сказалъ выше.

Третій отдѣлъ церквей въ Херсонесѣ, вѣрнѣе сказать часовень, найденныхъ въ числѣ 16, составляютъ тѣ маленькія постройки, которыя въ планѣ представляютъ только прямоугольникъ съ полукруглою абсидою. Большая часть этихъ часовень пристроена къ большимъ церквамъ и едва-ли не всѣ онѣ были устроены надъ могилами или киметиріями составляя, быть можетъ, частную собственность, переходившую по наслѣдству [2]). Въ этихъ часовняхъ были, конечно, алтари съ престолами (на мѣстѣ ихъ два раза находили капители колоннъ) и алтарныя преграды, слѣды которыхъ видны въ стѣнѣ, напримѣръ, вышеописанной часовни (табл. II, рис. 3); послѣдняя и можетъ служить лучшимъ образчикомъ этого типа херсонесскихъ церквей-часовень.

---

[1]) Люиксъ, Планы древнихъ церквей, Труды VI арх. съѣзда, т. II, стр. 259. — Кондаковъ, Византійскія церкви Константинополя, стр. 34, 207.— Pülgher, Les églises Byzantines de Constantinople, pl. XV. — Подробные планы раскопокъ этихъ двухъ церквей въ Хероснесѣ помѣщены въ Запискахъ Одескаго Общества Исторіи и Древностей, т. V, стр. 996,

[2]) Шильтбергеръ, Путешествіе по Европѣ, Азіи и Африкѣ съ 1394 по 1427 г. въ переводѣ Бруна. Записки Новороссійскаго университета, т. I, стр. 107.

На берегу моря, въ 1877 году, была открыта (близь базилики гр. Уварова) часовня, нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ другія (30 на 32 фута), скорѣе маленькая церковь; въ ней, кромѣ главной абсиды, оказались еще двѣ боковыя, единственный до сихъ поръ примѣръ въ Херсонесѣ; тутъ же были открыты остатки прекраснаго пола, чистый opus tesselatum, X—XI вѣка, отъ котораго сохранился точный и хорошій рисунокъ [1]). Въ томъ-же году открыта церковь, тѣмъ болѣе любопытная, что она единственная въ своемъ родѣ извѣстная не только въ Крыму, но и въ Россіи; даже вообще на востокѣ сохранилось немного подобныхъ ей. По плану (табл. III, рис. 21) она представляетъ кругъ, діаметромъ 24 фута, съ тремя неравными полукруглыми абсидами, на востокъ (большая), сѣверъ и югъ (меньшія), съ прямоугольною пристройкою на западѣ. Все вмѣстѣ составляетъ родъ крестообразнаго трилистника. По серединѣ сохранился большой круглый бассейнъ, діаметромъ 8 футовъ, имѣющій на половинѣ глубины выступы, дающіе дну форму креста; все это выложено бѣлымъ мраморомъ на цемянкѣ. Постройка находится рядомъ и въ связи съ юго-западнымъ угломъ большой базилики, раскопанной гр. Уваровымъ. Характернѣйшій планъ, расположеніе и детали не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это была крещальня (баптистерій), расположенная, какъ и повсюду, рядомъ съ соборною церковью. Стѣны этого зданія сохранились, болѣе чѣмъ гдѣ либо въ Херсонесѣ, до 4 аршинъ и мѣстами настолько, что въ нихъ нашлись даже слѣды трехъ оконъ въ алтарной абсидѣ. Сложены стѣны изъ бута, съ прокладкою слоевъ кирпича. Внутри онѣ были оштукатурены и расписаны фресками, слабые слѣды которыхъ найдены при раскопкахъ. Всѣ полукруглыя абсиды были, конечно, покрыты сводами, но средняя круглая часть, надо думать, имѣла простую коническую кровлю, на деревянныхъ стропилахъ. Почти невозможно допустить, судя по неправильности плана и размѣрамъ стѣнъ, чтобы она была покрыта куполомъ, отъ котораго никакихъ слѣдовъ не найдено [2]).

По поводу способа кладки стѣнъ нашей крещальни позволю себѣ нѣсколько уклониться въ сторону. Въ Херсонесѣ, кромѣ этой крещальни, слои кирпича между камнемъ въ стѣнахъ зданій найдены еще въ двухъ базиликахъ и вѣроятно употреблялись во многихъ церквахъ. До насъ такія стѣны не дошли, потому что высота сохранившихся ниже перваго слоя кирпича; къ тому-же кирпичъ, какъ гораздо болѣе цѣнный и рѣдкій матеріалъ чѣмъ камень, съ особеннымъ усердіемъ похищался. Кромѣ церквей, этотъ-же способъ кладки замѣтенъ въ одной части городской стѣны и въ одномъ большомъ зданіи, частью только открытомъ, но заслуживающемъ самого тщательнаго разслѣдованія и въ которомъ можно предположить замокъ, цитадель, какъ я говорилъ выше. Правила употребленія слоевъ кирпича въ стѣнахъ были и у насъ тѣ-же, что и во всѣхъ византійскихъ постройкахъ: обыкновенно четыре, пять слоевъ кирпича, положеннаго плашмя, между которыми известковый растворъ, толщиною $2-2^1/_2$ дюйма, т. е. болѣе толстый, чѣмъ самый кирпичъ, имѣвшій всего $1^1/_2$ д., длина и ширина кирпича около $11-10^1/_2$ дюймовъ; между слоевъ кирпича выводились стѣны изъ камня высотою 3—4 фута. Такимъ образомъ, кирпичъ въ Херсонесѣ оказывается нѣсколько меньшаго размѣра, чѣмъ въ Константинополѣ, и очень близокъ къ римскому и равеннскому [3]). Гдѣ выдѣлывался нашъ кирпичъ неизвѣ-

[1]) Каталогъ картъ, плановъ и пр., хранящихся въ музеѣ Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1888 г., IV, 10.—Обычай устройствъ трехъ абсидъ поздній, и распространился, вѣроятно, съ конца IX в. Cattaneo, L'architecture en Italie, p. 157.

[2]) Малый размѣръ плана не дозволяетъ изобразить его мелкія, но существенныя неправильности.

[3]) Choisy, L'art de bâtir, p. 8.—Hübsch, Die altchristlichen Kirchen.

стно, но только не близъ Херсонеса, въ окрестностяхъ котораго нѣтъ подобной глины; быть можетъ, его привозили откуда-нибудь издалека.

Прокладка рядовъ кирпича въ стѣнахъ зданій весьма часто принимается, какъ указаніе на извѣстное время, но это можетъ быть допускаемо только условно и съ осторожностью, такъ какъ подобная кладка употреблялась у византійцевъ, можно сказать, во всѣ времена [1]). Однако, также несомнѣнно, что подобная кладка стѣнъ была особенно въ ходу съ IX—X вѣковъ, когда ее употребляли не только изъ конструктивной необходимости, но и какъ способъ украшенія внѣшности зданій, что составило особую характерную примѣту многихъ дошедшихъ до насъ извѣстныхъ сооруженій [2]).

Возвращаясь къ описанію крещальни, обращу вниманіе на ея планъ, которому подобнаго ему я совершенно не знаю на востокѣ. Очертаніе его почти точно представлено, въ маленькомъ видѣ конечно, въ купелѣ XI—XII вѣка, сдѣланной въ видѣ крестообразнаго трилистника, изъ одного куска мрамора, находящейся подлѣ церкви Петра и Марка (мечеть Атикъ-Мустафа паша) въ Константинополѣ [3]). Совершенно такая же купель представлена на фрескѣ XI—XII вѣка, Кіево-Софійскаго собора, въ изображеніи *крещенія въ домѣ сотника Корнилія* [4]). Дѣйствительныя же зданія крещалень и часовень, съ планами подобными нашей, встрѣчаются лишь на западѣ, въ относительно позднее время, не ранѣе начала такъ называемаго романскаго стиля, т. е. X—XI вѣковъ; такое сходство плановъ представляетъ, конечно, не малый интересъ, но по неопредѣленности времени нашей постройки всякія сопоставленія были бы преждевременны [5]).

Изъ всего сказаннаго можно думать, что и наша крещальня относится къ IX—X вѣку и можетъ быть построена, или перестроена съ основанія, именно въ первой половинѣ X вѣка, когда вполнѣ перестроена или возобновлена и самая каѳедральная церковь, къ которой она принадлежала, какъ это я покажу далѣе. Въ раскопкахъ этой крещальни не найдено ничего, дающаго возможность съ бо̀льшею точностью опредѣлить время ея постройки [6]). Во всякомъ случаѣ, открытіе крещальни въ Херсонесѣ я считаю весьма любопытнымъ для исторіи церковнаго зодчества, тѣмъ болѣе, что оно подкрѣпляется совершенно логичнымъ положеніемъ, наблюдаемымъ во всѣхъ до сихъ поръ открытыхъ тамъ церквахъ и часовняхъ: отсутствіемъ купелей для крещенія,—отсутствіемъ, которое вполнѣ объясняется существованіемъ описанной выше общей крещальни при каѳедральной церкви Херсонеса, и вѣроятнымъ употребленіемъ подъ самый конецъ жизни города переносныхъ купелей, какъ то принято современнымъ церковнымъ обычаемъ. Этотъ вопросъ церковной обрядности весьма мало разработанъ

[1]) Choisy, L'art de bâtir, p. 9; цистерны Константинополя, называемыя Чокуръ-бостанъ, стѣны Ѳессаленикъ и многія другія, ранняго періода.

[2]) Напримѣръ, церковь Богородицы (Мефа-джами) лучшій образчикъ этого способа, Saltzenberg, Altchristliche Baudenkmale, pl. XXXIV и Pülgher, Les églises byzantines, pl. VI; церковь Спаса въ Хорѣ (ахріеджами, Pülgher, ibidem pl. XVI, XXVIII; Текфуръ-серай, вѣроятно часть Влахернскаго дворца, Saltzenberg, Altchristliche Baudenkmale pl. XXXVII; всѣ въ Константинополѣ.

[3]) Pülgher, Les églises byzantines, pl. XIV, fig. 7.—Кондаковъ, Церкви Константинополя, стр. 207.

[4]) Древности Государства Россійскаго, Кіево-Софійскій соборъ. Спб. 1871, л. 37, 12.—Айналовъ и Рѣдинъ, Кіевскій Софійскій соборъ, Записки Имп. Русскаго Археологическаго Общества, т. IV, стр. 315.

[5]) Lenoir, Architecture monastique, t. II, p. 8.—Corroyer, L'architecture romane, p. 166, крещальня въ Біеллѣ (Италіи) IX в., 173; крещальни близъ Арля, XI в.; 169, часовня св. Троицы (Леринскіе острова).—Lübke, Essai d'histoire de l'art, Paris, 1886, t. I, p. 348, церковь св. Апостоловъ въ Кельнѣ.

[6]) Быть можетъ, что-либо и найдется, если раскопать на три четверти нетронутую внѣшность этого замѣчательнаго сооруженія; кончить эти раскопки весьма желательно.

для востока и мнѣ неизвѣстны точно примѣры поздняго построенія крещаленъ или существованія хотя-бы постояннаго обычая крестить въ нихъ въ позднѣйшее время. Но на западѣ, особенно въ Италіи и южной Франціи, такъ много заимствовавшихъ съ востока, обычай крестить въ каѳедральныхъ крещальняхъ держался весьма долго, хотя и попадаются уже съ VI вѣка случаи перенесенія крещаленъ въ нартэксы церквей. Обычай употребленія купелей вмѣсто большихъ крещаленъ, сдѣлался замѣтнымъ позже, съ VIII даже IX вѣка, хотя и послѣ большею частью дѣйствовали крещальни, построеніе которыхъ извѣстно еще и въ XII вѣкѣ; пользованіе ими сохранилось во многихъ мѣстахъ Италіи, даже до нашихъ временъ [1]).

Едва-ли можно сомнѣваться, что востокъ, несравненно дольше и точнѣе хранившій преданія церковной обрядности, чѣмъ западъ, удерживалъ, по крайней мѣрѣ столь-же долго, какъ и послѣдній, обычай крестить въ особыхъ приспособленныхъ къ тому зданіяхъ. Нѣкоторые даже полагаютъ, что это прекратилось на востокѣ лишь со времени господства турокъ, когда поневолѣ приходилось умѣрять всякіе внѣшніе признаки христіанства, хотя, конечно, крещеніе въ малыхъ купеляхъ существовало и раньше [2]). По крайней мѣрѣ теперь не можетъ уже быть никакого сомнѣнія въ долгомъ существованіи этого обычая въ Херсонесѣ, гдѣ открыта наша крещальня, сохранившаяся лучше всѣхъ церквей.

Въ сущности все это могло быть оставлено безъ пространныхъ объясненій, которыя даются лишь потому, что они могутъ послужить для исторіи церковной обрядности крещенія на востокѣ и для выясненія совершенной невозможности существованія устройства той купели, въ которой будто-бы крестился Владиміръ и которую показываютъ въ полу одной изъ развалинъ церквей Херсонеса.

Самое крещеніе Владиміра въ Херсонесѣ подвергается большому сомнѣнію [3]); тѣмъ менѣе возможно указать какія-либо историко-археологическія данныя для пріурочиванія этого событія, къ развалинамъ точно опредѣленной церкви. Сознавая это и оставаясь на общепринятой почвѣ, предполагая крещеніе Св. Владиміра именно въ Херсонесѣ, пришлось избрать тамъ, для сооруженія памятника этого великаго событія, развалину церкви не какъ точное и подлинное мѣсто крещенія, а только какъ его символъ; именно такъ понималъ дѣло Императоръ Николай, который рѣшилъ было, воздвигнуть храмъ въ Севастополѣ; лишь впослѣдствіи вновь обратились къ Херсонесу. Я думаю, что и первые избравшіе эту развалину для возведенія на ней храма, имѣли въ виду то-же символическое ея значеніе [4]). Имъ вспоминались слова лѣтописи: *„есть церква та стоящи въ Корсунѣ*

[1]) Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes, Paris, 1865, p. 86.—Lenoir, Architecture monastique, t. I, p. 243; t. II, 20, 112.—De Caumont, Histoire sommaire de l'architecture, p. 47. — Corroyer, L'architecture romane, p. 54, 175.—Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, p. 40, 63, 100, 110. — Для Кавказа можно найти указанія у Кондакова, Древняя архитектура Грузіи, Древности, т. VI, стр. 37.—Lübke, Histoire de l'art, t. I, p. 359.—Bosc, Dictionnaire de l'archéologie, t. I, p. 202. -Texier et Popplewell Pullan, L'architecture byzantine, p. 105.—Demmin, Encyclopédie des beaux arts plastiques, Paris, 1873, p. 816.—Cattaneo, L'architecture en Italie, p. 54, 93. 196, 236, 241, 284, 285.

[2]) Lenoir, Architecture monastique, t. II, p. 243.

[3]) Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, первая половина. М., 1881, стр. 148 и пр. —Васильевскій, Русско-византійскіе отрывки, Журналъ Мин. Народ. Просвѣщенія, 1876 г. № 3, стр. 156—157. Годъ взятія Корсуня должно отнести къ 989 году, не ранѣе.

[4]) Теперь, кажется, нельзя указать, кто именно счелъ нашу развалину истиннымъ мѣстомъ крещенія св. Владиміра; отъ этой чести всѣ, впослѣдствіи, стали отказываться. Уже Дюбуа, родоначальникъ многочисленныхъ выдумокъ на почвѣ исторіи и археологіи Крыма, всегда и все знавшій, въ точности, по его мнѣнію опредѣлилъ, гдѣ крестился Владиміръ, но онъ указывалъ не нынѣшнюю развалину, а ту базилику (рис. 17), о которой я выше сказалъ, что она вновь была открыта, но ничего въ ней не найдено; Dubois de Montpéreux, Voyage autour

градѣ на мѣстѣ по среди града, идѣже торгъ дѣютъ, корсуняне [1]); а такъ какъ во время выбора мѣста для построенія храма въ Херсонесѣ были извѣстны лишь три церкви, то не имѣя лучшаго, указали среднюю изъ нихъ, по тогдашнему, даже съ нѣкоторымъ основаніемъ. Но первый-же приступъ къ построенію этого храма, разравниваніе мѣста, обнаружилъ тутъ-же рядомъ, значитъ также *„по среди града“*, цѣлую группу церквей и изъ нихъ двѣ большихъ размѣровъ, лучшія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, древнѣйшія избранной [2]). Эта послѣдняя, какъ я указывалъ выше, построена, надо думать, не ранѣе XI вѣка, и слишкомъ мала для того, чтобы быть каѳедральной церковью Херсонеса [3]): въ ней едва-ли могло помѣститься до 300 человѣкъ, тогда какъ рядомъ открытая базилика слишкомъ въ два съ половиною раза больше ея. Теперь, съ открытіемъ многихъ церквей, и особенно вышеописанной крещальни, стало очевиднымъ, что каѳедральною церковью Херсонеса была базилика, открытая гр. Уваровымъ; она, къ тому-же, самая красивая, самая древняя и самая большая изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ церквей, въ шесть разъ больше избранной строителями новаго храма. Именно въ нее попали остатки наиболѣе видныхъ языческихъ храмовъ. Мы рѣшаемся утверждать, что крещеніе Владиміра, если оно было въ Херсонесѣ, могло быть только въ этой каѳедральной церкви, или лучше сказать въ ея крещальнѣ. То обстоятельство, что эта базилика не по *„среди града“*, а на берегу моря, едва-ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе: ошибка нашей лѣтописи въ такомъ второстепенномъ, чисто топографическомъ вопросѣ, какъ нельзя болѣе возможна. Та-же лѣтопись, которая, указывая мѣсто, гдѣ Владиміръ перекопалъ городской водопроводъ, дѣлаетъ физически невозможную, грубую топографическую ошибку, могла ошибаться и въ положеніи храма, тѣмъ легче, что со стороны осады Херсонеса Владиміромъ Уваровская базилика кажется по срединѣ города, хотя она и стоитъ на берегу моря. А что въ извѣстіи лѣтописи вообще было какое-то недоумѣніе, видно изъ того, что не только мѣсто крещенія, или внѣшнее положеніе церкви, остаются подъ сомнѣніемъ, но и ея наименованіе, существенный вопросъ у ревностныхъ христіанъ-лѣтописцевъ, указывается различно. Житіе Владиміра Святого, Тверской и Никоновскій списки лѣтописи называютъ церковь Св. Іакова; Лаврентьевскій и Переяславля Суздальскаго — Св. Василія; Новгородскій — Св. Василиска; Архангелогородскій — Спаса; Львовскій и Радзивиловскій — Св. Богородицы; наконецъ, Ипатскій и Густинскій — Св. Софіи [4]). Послѣднее наимено-

du Caucase, t. VI, p. 142 144.—Первое печатное указаніе на нашу развалину, какъ на мѣсто крещенія Владиміра, было сдѣлано, насколько я знаю, Мурзакевичемъ въ 1837 году (Поѣздка къ Крымъ, Жур. Мин. Народ. Пр. 1837 г. № 3), но въ вопросительной формѣ («не въ этомъ-ли храмѣ принялъ крещеніе св. Владиміръ?»); рѣшительно высказывать тоже мнѣніе сталъ Кене (Дополнительныя изслѣдованія Херсонеса Таврическаго, Записки Спб. Нумизматическаго Общества т. II, стр. 266), не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о мѣстныхъ условіяхъ; окончательно это мнѣніе утверждено Иннокентіемъ, архіеп. Херсонскимъ и Таврическимъ, вѣроятно не безъ вліянія Мурзакевича.

1) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, Спб. 1872, стр. 109.

2) Обѣ эти развалины церквей въ 1891 г. частью уничтожены, а частью поддѣланы иначе и совершенно обезображены, такъ что не только планъ ихъ, но и характеръ кладки, вполнѣ измѣнились; лучше все это уничтожить, чѣмъ сохранять остатки, неимѣющіе никакого подобія того, что было, и способные лишь вводить въ заблужденіе, въ особенности черезъ нѣсколько лѣтъ, когда нельзя будетъ отличить неопытному глазу новыхъ поддѣлокъ отъ старой кладки; достаточно сохранить точные планы такихъ развалинъ. Конечно, не хорошо уничтоженіе древностей, но безобразное уродованіе ихъ въ много разъ хуже.

3) Владиміра крестилъ (или вѣнчалъ) епископъ и, безъ всякаго сомнѣнія, не иначе, какъ въ каѳедральной церкви; крещеніе и вѣнчаніе могущественнаго государя сосѣдней страны не столь обычное дѣло, чтобы могло совершаться не въ главной церкви города.

4) П. С. Р. Л. Тверская лѣтопись т. XV, стр. 104.—Никоновская, т. IX, стр. 54.—Густинская, т. II, стр. 256.—Лаврентьевская, 2 е изд. Спб. 1872 г. стр. 109.—Ипатская, 2-е изд. Спб. 1871 г. стр. 76—Радзивиловская, изд. Спб. 1767 г., стр. 67.—Лейбовичъ, Сводная лѣтопись, стр. 82, 83.

ванiе вполнѣ приличествуетъ каѳедральному собору, вѣроятно существовавшему уже съ VI—VII вѣка (перестроенному впослѣдствiи) и наиболѣе отвѣчаетъ этому времени [1]). Быть можетъ, въ память именно этого собора, а не далекаго Константинопольскаго, созидались во имя Св. Софiи соборы въ Кiевѣ и Новгородѣ.

При постройкѣ новаго храма была сдѣлана еще слѣдующая историко-археологическая ошибка: мы разумѣемъ возстановленiе купели, въ которой будто бы крестился Владимiръ Святой. Произошла эта ошибка слѣдующимъ образомъ. Въ полу церкви, не точно по срединѣ, а ближе къ правой сторонѣ, близъ древней солеи, нашлись двѣ могилы рядомъ, раздѣленныя тонкой стѣнкой. Во всѣхъ старыхъ вышеуказанныхъ рисункахъ этого храма этихъ могилъ не показано, но Дюбуа упоминаетъ о большомъ ихъ количествѣ, найденномъ въ полу при раскопкахъ [2]). На точномъ и тщательномъ, со всѣми мелочами, рисункѣ раскопокъ 1861 года строитель храма, составлявшiй планъ раскопокъ, ихъ не показалъ и только рукою тогдашняго игумена Евгенiя (также подписавшаго планъ) прибавленъ квадратикъ и надписано еще не смѣло только слово — „*водоемъ*“ [3]). По маломъ времени, этотъ якобы водоемъ стали принимать за купель, въ которой крестился Владимiръ. Но кромѣ указаннаго происхожденiя этой купели, прiуроченiю ея къ памяти крещенiя св. Владимiра противорѣчатъ слѣдующiя соображенiя: во-первыхъ, въ Херсонесѣ, какъ я сказалъ выше, нѣтъ постоянныхъ купелей, ни въ одной церкви, и это, вѣроятно, потому, что была общая крещальня при соборѣ; во-вторыхъ, если и дѣлались подобныя купели, то не иначе, какъ и во всемъ христiанскомъ мiрѣ, т. е. никакъ не по срединѣ церкви у солеи, гдѣ подобная купель не только была бы помѣхой служенiю, но и совершенно недопустима по чисто церковнымъ соображенiямъ. Какъ само крещенiе есть второе рожденiе, преддверiе христiанской жизни, такъ и купели или крещальни обязательно располагались подлѣ церквей, въ боковыхъ пристройкахъ, или въ ихъ преддверiи, въ нартэксахъ и притворахъ, обыкновенно у стѣны съ правой стороны, но никогда не могли помѣщаться во главѣ церкви, въ срединѣ ея, у самаго алтаря; ничего подобнаго нигдѣ нѣтъ и никогда быть не могло [4]). Наконецъ, всѣ купели вездѣ имѣютъ, по самому своему назначенiю, форму круглую, квадратную, многоугольную, но никогда и нигдѣ не бывало подобныхъ ваннамъ, прямоугольныхъ, узкихъ и длинныхъ, какъ тѣ углубленiя, о которыхъ я говорю, и которыя видомъ, размѣрами и устройствомъ вполнѣ точныя могилы и ничто иное [5]). Въ нихъ нѣтъ и ступеней для входа и выхода, что всегда бываетъ во всѣхъ купеляхъ и вода, конечно, не могла держаться, потому что стѣнки ямъ просто обложены камнемъ, безъ обычныхъ и не-

[1]) Голубинскiй, Исторiя русской церкви, т. I, стр. 140 и 198. Авторъ находитъ, что каѳедральнымъ храмомъ Херсонеса была церковь во имя св. Софiи и что въ ней именно вѣнчался Владимiръ; хотя, къ сожалѣнiю, и не указаны, обѣщанныя на стр. 140, основанiя этого мнѣнiя, но они, конечно, были, и могутъ служить нѣкоторымъ подтвержденiемъ всего сказаннаго. Г. Голубинскiй предполагаетъ, что при умѣлыхъ раскопкахъ, вѣроятно могли бы быть найдены записи о построенiи церквей въ Херсонесѣ, обычно дѣлаемыя. Что подобная находка была бы дѣломъ огромной важности, нѣтъ сомнѣнiя, но надежду на это надо оставить, такъ какъ во многихъ десяткахъ открытыхъ церквей ничего подобнаго не оказалось, а искали очень усердно, значитъ, если это дѣло и обычное, то не для Херсонеса.

[2]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, t. VI, p. 144.

[3]) Подлинный чертежъ находится въ библiотекѣ Одесскаго Общества Исторiи и Древностей. Каталогъ картъ, отд. IV, 89.

[4]) Мѣстонахожденiя купелей въ церквахъ легко находить и до сихъ поръ у армянъ, гдѣ крещенiе на дому не допускается, или у католиковъ, гдѣ для этого обыкновенно служитъ сакристiя, дiаконникъ.

[5]) Вѣрное назначенiе этихъ ямъ было указано въ замѣткѣ Лебединцева, Остатки церквей на развалинахъ Корсуня, въ Кiевской Старинѣ, 1889 г. № 4.

обходимыхъ для воды приспособленій, а именно кладки на особомъ растворѣ (цемянкѣ), что сдѣлано безъ исключенія во всѣхъ цистернахъ. Нѣтъ надобности указывать общеизвѣстные, многочисленные примѣры устройства настоящихъ постоянныхъ купелей; таковая показана выше даже въ самомъ Херсонесѣ. Но не могу не сказать, что такія купели можно видѣть даже въ Крыму, недалеко отъ Херсонеса, безъ всякихъ раскопокъ, въ пещерныхъ церквахъ, хотя и поздняго, но все-же давняго времени: одна въ Инкерманѣ, въ уцѣлѣвшей половинѣ церкви, а другая въ Тепе-Керманѣ; обѣ, какъ и должно, въ боковыхъ придѣлахъ церквей, а не по серединѣ [1]). Какими были могилы подобныя насъ интересующимъ, до ихъ обращенія въ купель, можно видѣть въ церкви, открытой въ 1891 году на берегу моря на западной сторонѣ города: точь-въ-точь то-же устройство двухъ могилъ рядомъ и на томъ-же мѣстѣ въ церкви [2]).

Затѣмъ, возвращусь опять къ Херсонесскимъ церквамъ для того, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній совершенно общихъ, касающихся всѣхъ типовъ церквей, только что описанныхъ отдѣльно.

Я указывалъ выше направленіе алтарей въ описываемыхъ церквахъ, въ отношеніи къ странамъ свѣта, такъ называемую оріентацію храмовъ. Всѣ онѣ оказывались направленными на чистый сѣверо-востокъ. Мнѣ остается добавить, что таково направленіе и вообще всѣхъ Херсонесскихъ церквей, конечно, съ маленькими, иногда, отступленіями отъ точнаго сѣверовостока, въ ту или другую сторону. Само по себѣ, такое отступленіе отъ общаго древняго правила нашей церкви, направлять алтарь на чистый востокъ, довольно удивительно и покажется совсѣмъ страннымъ, если я прибавлю, что рѣшительно ничто, никакія мѣстныя особенности не имѣли при этомъ значенія. Мѣстность ровная и не могла вліять на направленіе храмовъ. Направленіе улицъ города также, очевидно, не вліяло, ибо почти всѣ храмы стоятъ косо къ улицамъ. Видѣть здѣсь дѣло случая невозможно: слишкомъ много храмовъ открыто и всѣ одинаковы. Предположить, что въ этомъ отношеніи не было правила и алтари направляли куда угодно, тоже невозможно, такъ какъ направленіе всѣхъ церквей довольно однообразно. Остается допустить, что въ Херсонесѣ придерживались правила направлять алтари на сѣверо-востокъ, не смотря на неудобства, происходящія отъ несогласія направленія церквей съ улицами. Такое направленіе храмовъ, опредѣляемое иногда выраженіемъ на *„лѣтній востокъ“*, считалось принадлежностью только западныхъ церквей, дѣломъ мало извѣстнымъ въ древности и вошедшимъ въ употребленіе лишь съ XIII вѣка [3]). Теперь приходится считать и этотъ обычай принадлежащимъ не только западной, но отчасти и восточной церкви. Къ тому-же, надо думать, что ему придерживались въ Херсонесѣ уже съ VI—VII вѣка, и что онъ не былъ придуманъ на мѣстѣ, но откуда-нибудь позаимствованъ. Къ сожалѣнію, въ описаніяхъ церковныхъ памятниковъ этому вопросу не придаютъ надлежащаго значенія, и въ большинствѣ случаевъ не обозначаютъ направленія храмовъ; поэтому я не нахожу возможнымъ указать, откуда именно заимствовалъ Херсонесъ такое правило. Древнія церкви Константинополя и Ѳессалоникъ въ огромномъ большинствѣ,

---

[1]) Изображеніе и описаніе можно видѣть: первой въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XIV, стр. 219, листъ II, фиг. 10, 12, c.; второй у Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, t. VI, p. 312. ser. III, pl. V. fig. 1, 2. — Нѣтъ точныхъ основаній для обозначеніи времени постоенія этихъ церквей; по общимъ соображеніямъ крымскаго церковнаго зодчества онѣ не старше XIV и даже XV вѣка.

[2]) Эта церковь открыта послѣ окончанія настоящаго описанія, а потому въ него и не вошли.

[3]) Покровскій. Происхожденіе древне-христіанской базилики, Спб. 1880, стр. 179, 180.

по моимъ личнымъ наблюденіямъ, оказываются обращенными на *лѣтній востокъ*, т. е. юго-востокъ; слѣдовательно не отсюда взятъ херсонесскій обычай; не могли его заимствовать и съ запада; всего вѣроятнѣе, что онъ идетъ изъ Малой Азіи, откуда, быть можетъ, его досталъ и западъ. Этотъ обычай, повидимому, былъ только въ самомъ Херсонесѣ, и не распространялся вокругъ города, по Крыму, или по крайней мѣрѣ не удержался впослѣдствіи, почему мы и видимъ, что старыя греческія церкви въ юго-западномъ Крыму или относились безразлично къ этому вопросу, или держались настоящаго востока, если только этому не мѣшали естественныя препятствія (какъ, напр., въ пещерныхъ церквахъ). Впрочемъ, уцѣлѣвшія развалины церквей въ Крыму столь поздни, что уже не могли подчиняться вліянію херсонесскихъ обычаевъ. Не могу не замѣтить здѣсь, что кіевскіе соборы, Десятинная, Софійскій и Михайловскій, всѣ направлены на сѣверо-востокъ, тоже безъ необходимости: въ этомъ видно, быть можетъ, херсонесское вліяніе.

Не менѣе общъ для церквей Херсонеса обычай переполнять ихъ могилами, одиночными или общими, усыпальницами (киметиріями). На представленныхъ мною планахъ видно, какъ много могилъ находится въ церквахъ; совершенно такими-же въ этомъ отношеніи оказывались и всѣ вообще открытыя до сихъ поръ церкви. Даже большее количество церквей-часовень прямо и строилось какъ надмогильныя. Обычай погребать въ церквахъ весьма давній, а перенесеніе костей, послѣ истлѣнія труповъ, въ другія отдѣльныя или общія могилы тоже издревле извѣстно, еще до христіанства, и было въ ходу не только на востокѣ, гдѣ и до сихъ поръ удержалось, но и на западѣ. Я не считаю возможнымъ входить здѣсь въ подробности этого вопроса, но не могу не замѣтить, что совершенно тотъ-же обычай погребенія и перенесенія костей господствовалъ и во всѣхъ Крымскихъ церквахъ, а въ особенности во всѣхъ пещерныхъ, гдѣ само свойство скалы, легко обработываемой, такъ сказать, вызывало на такой способъ погребенія, являвшійся наиболѣе легкимъ и простымъ, такъ какъ разъ сдѣланная могила служитъ многимъ поколѣніямъ.

Внутреннія украшенія церквей, въ которыхъ вообще такъ хорошо отражается время и стиль, въ Херсонесѣ, къ сожалѣнію, отсутствуютъ почти вполнѣ. Изрѣдка попадаются кое-какіе фрагменты мраморныхъ обломовъ, быть можетъ отъ алтарныхъ преградъ, но все это такъ мало и неопредѣленно, что трудно дать даже и профиля ихъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ основаній относить ихъ къ какому-либо опредѣленному времени или назначенію; въ видѣ образчика даю профилевку фрагмента какого-то карниза и архитрава, бывшихъ, вѣроятно, надъ алтарной преградой (Табл. III, рис. 27 и 26).

Роспись церквей фресками по штукатуркѣ была, повидимому, въ общемъ употребленіи въ Херсонесѣ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ находили остатки штукатурки (въ двухъ церквахъ— крещальня и часовня, описанныхъ выше) находили и слѣды фресокъ. Стѣнная мозаика, какъ цѣнный способъ украшенія, требовавшій и знанія и денежныхъ средствъ, составляла величайшую рѣдкость въ Херсонесѣ: до сихъ поръ слѣды такой мозаики были найдены только въ каѳедральной базиликѣ (открытой гр. Уваровымъ)[1]. Иногда попадаются на берегу моря кусочки мозаичной смальты, очевидно, изъ той-же базилики. Разсказы о безчисленныхъ мозаикахъ, будто-бы сваливаемыхъ даже въ фундаменты современныхъ построекъ, являются плодомъ необузданной фантазіи, не имѣющей ни малѣйшаго основанія не только въ фактахъ, но даже и въ обыденномъ здравомъ смыслѣ.

[1]) Въ 1891 году была найдена еще одна церковь со слѣдами мозаики.

Обращаясь ко всему сказанному до сихъ поръ и вообще тому, что намъ дали раскопки, мы можемъ выяснить себѣ состояніе церковнаго зодчества въ Херсонесѣ, какъ со стороны художественно-технической, такъ и церковно-обрядовой; повторю вкратцѣ все ставшее извѣстнымъ въ этомъ отношеніи.

Техника и художество церковнаго зодчества въ нашемъ городѣ, очевидно, стояли на низкой ступени развитія, не обнаруживая ни малѣйшей доли самобытности, даже въ самыхъ мелкихъ, такъ сказать, элементарныхъ попыткахъ, напримѣръ, въ орнаментаціи или въ архитектурныхъ деталяхъ. Когда оказывались средства, весьма, впрочемъ, жалкія, покупался *„рѣзной мраморъ"*, шаблонно приготовляемый Византіею на весь христіанскій міръ, добывался не зодчій, а кое-какой еле грамотный мастеръ, натаскивали изъ разваленныхъ построекъ камня и изъ всего этого изображали самую упрощенную сараеобразную базилику, столь-же скоро разрушавшуюся, какъ и строившуюся. Изъ ея развалинъ возникала новая базилика, еще болѣе упрощенная и бѣдная, для которой уже и мрамора не покупали, а набирали и его по развалинамъ. И такъ продолжалось изъ вѣка въ вѣкъ, доходя до самой крайней нищеты, и до постройки стѣнъ базиликъ даже не на извести, а просто на мѣстной грязи.

Подобное состояніе церковнаго зодчества вполнѣ объясняетъ причину долгаго построенія церквей по типу базиликъ и отсутствіе купольныхъ сооруженій. Я показалъ выше, какъ поздни базилики въ Херсонесѣ; прямое матеріальное свидѣтельство монетъ, не только однѣ соображенія стиля, показываютъ, что онѣ строились еще и много послѣ X вѣка. Это обстоятельство, свидѣтельствуя противъ предполагаемаго ранняго прекращенія построенія церквей, по типу базиликъ, вообще на востокѣ, доказываетъ совершенную невозможность только по базиличному плану заключать о большей или меньшей древности строеній.

Вопросъ построенія базиликъ, въ особенности ихъ происхожденія, породилъ не только огромную иностранную литературу, но даже не малую, русскую; возникли самые горячіе споры, всего чаще основанные на взаимномъ недоразумѣніи, на совершенномъ незнаніи архитектуры, или даже на національно религіозныхъ распряхъ. Дѣлались самыя невозможныя предположенія, но почти вовсе не касались чрезвычайно важной, чисто строительной, точки зрѣнія. Здѣсь невозможно излагать этотъ вопросъ даже вкратцѣ, и я скажу лишь только нѣсколько словъ, для выясненія долгаго господства типа базиликъ въ церковностроительствѣ Херсонеса. Не касаясь ни религіозно-обрядовой, ни даже художественной стороны, которая составляетъ, въ значительной мѣрѣ, дѣло личнаго вкуса каждаго, а разсматривая только остовъ базилики, ея сущность, можно удердительно сказать, что со стороны техники базилика есть простой сарай, доступный къ построенію, съ необычайною быстротою, при самыхъ ограниченныхъ матеріальныхъ средствахъ и еще меньшемъ запасѣ строительной грамотности. Базилика могла быть громадна, роскошно и даже красиво убрана, но все-же по существу оставалась сараемъ, который легко строился любымъ невѣждою каменьщикомъ; художникъ требовался уже послѣ, лишь для внутренней декораціи стѣнъ, если на то были средства и желаніе.

Подобныя постройки оказывались какъ нельзя болѣе умѣстными въ моментъ торжества христіанства, когда обширная потребность въ новыхъ зданіяхъ не могла удовлетвориться иначе и по отсутствію достаточныхъ средствъ и, еще болѣе, по отсутствію умѣнья,

совершенно понятному при тогдашнемъ упадкѣ искусства на западѣ [1]). Этотъ упадокъ со временемъ только увеличивался, дойдя, даже въ самомъ Римѣ, чуть-ли не до херсонесскаго состоянія, что съ присоединеніемъ легкой возможности употреблять награбленный въ античныхъ зданіяхъ матеріалъ, удержало тамъ надолго типъ базиликъ, во всей ихъ сараебразной прелести [2]). Потребовалось на западѣ шесть-семь вѣковъ времени и совершенное перерожденіе государствъ и національностей, для того, чтобы вызвать наконецъ къ жизни, въ XI вѣкѣ, органически новый стиль зодчества—романскій, котораго сущность состояла въ сознаніи техническаго безобразія базиликъ, въ пониманіи необходимости нѣкотораго архитектурнаго умѣнья, въ появленіи этого умѣнья, и въ замѣнѣ, наконецъ, древнихъ базиликъ сооруженіями хотя и подобными имъ, но потребовавшими и знанія, и искусства для своего созиданія.

Побѣда христіанства и торопливое построеніе Константинополя, распространили церкви-базилики по всему востоку, гдѣ онѣ встрѣтили совсѣмъ иную, благодарную почву: опытность, знаніе, искусство. Тамъ сразу поняли всю безграмотность, анти-художественность, малую пригодность для культа этихъ дешевыхъ построекъ. Стали ихъ улучшать, видоизмѣнять и, наконецъ, отбросили вовсе. Въ этихъ попыткахъ, вспыхнувшій новымъ блескомъ, геній эллинизма, превзойдя съ технической стороны все сдѣланное кѣмъ-либо и даже имъ самимъ до тѣхъ поръ, создалъ, наконецъ, послѣ многихъ пробъ и колебаній, идеалъ христіанскаго храма, воплотивъ его въ зданіи и по нынѣ оставшемся непревзойденнымъ и даже недосягаемымъ—въ св. Софіи, въ Константинополѣ. Объ этомъ храмѣ много писалось, даже не мало порицаній и еще болѣе непониманія, но теперь, когда, наконецъ, начинаютъ думать, что и къ византійскому должно быть справедливымъ, не трудно указать всяческія похвалы, лучшимъ выраженіемъ которыхъ, все-же остаются слова пословъ Владиміра: *„и не свѣмы, на небѣ-ли есмы были, ли на земли: нѣсть-бо на земли такого вида ни красоты такая“* [3]). Пусть посольство выдумано, но слова несомнѣнно принадлежатъ очевидцу, и не о какой ни на есть базиликѣ ихъ скажутъ. Послѣ св. Софіи христіанское зодчество на востокѣ могло быть только купольнымъ и сводчатымъ, но такъ какъ построеніе самаго обыкновеннаго купола требовало гораздо больше знанія и опытности, чѣмъ всѣхъ базиликъ вмѣстѣ взятыхъ, то новое зодчество было недоступно мѣстностямъ бѣднымъ и невѣжественнымъ. Такимъ медвѣжьимъ угломъ былъ, въ числѣ немногихъ на востокѣ, и нашъ Херсонесъ, вмѣстѣ со всѣмъ Крымомъ [4]).

Вотъ причина, и ничто больше, того обстоятельства, что Херсонесъ удержалъ почти исключительно типъ базиликъ для своихъ церквей, и эту основную, обыкновенно, забы-

---

[1]) Даже самъ Константинъ Великій терпѣлъ большія неудобства отъ недостатка зодчихъ, не говоря уже о ихъ плохихъ качествахъ. Приходилось особенно заботиться объ обученіи зодчихъ и давать имъ всяческія привилегіи (Le Beau, Histoire du Bas Empire, Paris 1757—1786, t. I. p. 378 и особенно, Choisy, L'art de bâtir chez les byzantins, p. 179.—Bayet, Recherches pour servir à l'histoire de la peinture... en Orient, Paris 1879, p. 46), но это, очевидно, не помогало, и константиновскія постройки исчезли уже при ближайшихъ его преемникахъ. Можно себѣ представить, что дѣлалось вдали отъ большихъ городовъ, въ глухихъ провинціяхъ.

[2]) Cattaneo, L'architecture en Italie, p. 33, 63, 69, 71; вполнѣ вѣрныя замѣчанія, интересныя по безпристрастію, мѣткости и чрезвычайно рѣдкому между археологами пониманію техники.

[3]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 2-е изд. Спб. 1872, стр. 166.

[4]) Купольныя постройки въ Крыму распространились лишь съ XIII в., послѣ появленія армянъ вокругъ Кафы; едва-ли, судя по стилю, и церковь св. Іоанна Предтечи въ Крыму древнѣе этого времени, хотя совершенно ошибочно, на шаткомъ основаніи плохо разбираемой надписи на неизвѣстно откуда взятой колоннѣ, ее относятъ къ VII вѣку.

ваемую причину слѣдуетъ твердо помнить, говоря о древности базиликъ гдѣ бы то ни было.

Бѣдность и неумѣлость церковнаго зодчества въ Херсонесѣ отразились въ значительной мѣрѣ и на подробностяхъ, и даже на обрядовой сторонѣ его храмовъ. Почти всѣ церкви, какъ сказано, строились базиликами или мелкими часовнями; но и это все было упрощено до послѣдней возможности. Три нефа въ базиликахъ и одна абсида во всѣхъ храмахъ, за исключеніемъ одной маленькой часовни, въ которой было ихъ три. Всѣ обычныя распространенія церквей, ихъ придаточныя части избѣгаются; жертвенникъ и діаконникъ, въ видѣ особыхъ отдѣленій, находимъ только въ двухъ, и то крестовыхъ, позднѣйшихъ церквахъ. Трансептъ и тріумфальная арка, внѣшніе нартэксы, портики, атріумы, фіалы, отсутствуютъ совершенно. Колоколень также не имѣется ни малѣйшаго слѣда; этотъ придатокъ церквей не попалъ въ Херсонесъ даже и впослѣдствіи, чрезъ вліяніе Кавказа (армянскихъ выходцевъ), конечно, по бѣдности и неумѣлости. Многія изъ этихъ частей базиликъ не всегда бывали и въ другихъ мѣстахъ, особенно на востокѣ (трансепты, крипты, колокольни—западный обычай), но все же бывали, а въ Херсонесѣ ихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака. Солея поднята только на одну ступень и часто довольно значительно выдвигается въ середину церкви; отъ нея выступалъ амвонъ, очень маленькій и узенькій, одной высоты съ солеею, огражденный столбиками, но и это упрощенное устройство нашлось только въ одной каѳедральной церкви и больше нигдѣ. Расположеніе на солеѣ и самое устройство алтарныхъ преградъ остается совершенно неизвѣстнымъ и хотя гр. Уваровъ сказалъ объ этомъ нѣсколько словъ, но это имъ сдѣлано по соображенію съ найденнымъ амвономъ и вообще съ древними преградами, а не по прямымъ находкамъ [1]). Скамьи для сидѣнія въ алтарѣ, горнее мѣсто, сопрестоліе, не полное, ибо нигдѣ не найдено епископскаго престола, извѣстны только въ двухъ, трехъ церквахъ [2]) Престолъ въ алтарѣ вообще располагался по серединѣ абсиды, но если не позволяло мѣсто то и у самой стѣны; довольно часта постановка престола на одной колоннѣ, *единостолпіи*, расположеніе извѣстное на западѣ и востокѣ съ древнѣйшихъ временъ, хотя и не часто употребляемое и удержавшееся въ Херсонесѣ, судя по обломкамъ колоннъ и церквамъ гдѣ найдены подобные престолы, до конца жизни города. Теперь у грековъ это расположеніе наиболѣе употребительно [3]). Отсутствіе постоянныхъ купелей въ церквахъ, объясняющееся каѳедральной крещальнею, и переполненіе церквей могилами уже объяснено подробно [4]).

Таковы главныя черты церковнаго зодчества Херсонеса, но для ихъ пониманія и возможности сравненія необходимо также сказать, къ какому времени онѣ относятся. Вспо-

---

[1]) Извлеченіе изъ всепод. отчета за 1853 г., стр. 165; ср. текстъ и рисунокъ № 69.

[2]) Скамьи для сидѣнія вокругъ абсидъ сохранились во многихъ пещерныхъ церквахъ Крыма, но епископское сѣдалище только въ одной (въ Черкесъ-Керменѣ) навѣрное, и въ другой (въ Инкерманѣ, см. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XIV, рис. 10, 11, 12) вѣроятно; въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ оно замѣняется аналогіемъ для креста или иконъ.

[3]) Martigny, Dictionnaire des antiquités chrétiennes, Paris p. 1865, p. 7.—Красносельцевъ, Очерки храма, стр. 274.—Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, 2-я пол. М. 1880 г., стр. 143. — Веніаминъ, Новая скрижаль, стр. 13, 310. Сверхъ указанныхъ трехъ примѣровъ престоловъ на одной колоннѣ, недавно найдена часовня, хорошей работы, также съ кускомъ колонны, предназначенной быть подпорой престола; колонна оказывается очень древнею, дорическою, изъ мѣстнаго камня.

[4]) Недавно найдена переносная мраморная купель, въ видѣ усѣченной пирамиды съ квадратнымъ основаніемъ въ $2^1/_2 \times 3$ фута; къ сожалѣнію, она найдена на площади, а не въ церкви, хотя кресты по бокамъ и отверстія для спуска воды въ днѣ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что это именно церковная купель.

миная все сказанное выше и вообще всѣ мои наблюденія надъ раскопками, я прихожу въ отношеніи времени созиданія церквей въ Херсонесѣ къ такому заключенію: въ концѣ VI или въ VII вѣкѣ строились въ Херсонесѣ церкви типа базиликъ, на которыя и были употреблены привозныя колонны, капители и вообще мраморы, точно сходные съ равеннскими. Вѣрнѣе относить постройки къ VII вѣку, такъ какъ, конечно, не для Херсонеса изобрѣтали образцы мраморовъ, сходные съ равеннскими и софійскими, а пока мода на нихъ распространилась даже и на Херсонесъ, прошло не мало времени. Слѣдовъ болѣе древнихъ церквей до сихъ поръ не найдено, а отъ указанныхъ остаются только неизвѣстные намъ фундаменты, камень въ стѣнахъ другихъ зданій, да часть мраморовъ, которые по нѣсколько разъ переходя изъ одной церкви въ другую, наконецъ дошли до насъ въ разбросанномъ и разрозненномъ видѣ. Изъ нынѣ открываемыхъ развалинъ церквей ни одну нельзя относить ко времени ранѣе X вѣка, даже самую древнюю базилику—каѳедральную; большая же часть церквей и часовень времени еще болѣе поздняго. Отсюда слѣдуетъ, что указанныя главныя черты херсонесскаго церковнаго зодчества проходятъ, можно сказать, черезъ всю христіанскую жизнь города и начало свое ведутъ, по всѣмъ соображеніямъ, отъ VI—VII вѣковъ: строя вновь, изъ старыхъ матеріаловъ, или перестраивая на старыхъ слѣдахъ, поневолѣ сохранялись и старыя основы. Весьма вѣроятно, что постепенно вводились какія-либо мелкія измѣненія, но мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для ихъ опредѣленія.

Высказанныя положенія о времени построенія дошедшихъ до насъ церквей, быть можетъ, покажутся неожиданными вслѣдствіе обычной склонности приписывать баснословную древностъ нашимъ находкамъ; къ сожалѣнію, я не нашелъ ни самомалѣйшей данной въ подтвержденіе ходячихъ мнѣній, къ которымъ и самъ съ охотою бы присоединился, будь на то доказательства.

Покойный гр. Уваровъ, въ описаніяхъ своихъ херсонесскихъ раскопокъ, относилъ открытую имъ базилику къ IV вѣку, ко времени Константина Великаго [1]). Новѣйшія изслѣдованія даютъ возможность придать этому открытію гр. Уварова гораздо больше значенія, чѣмъ онъ самъ могъ думать. Базилика оказалась, какъ я уже указывалъ, наибольшею, красивѣйшею, древнѣйшею, несомнѣнно каѳедральною, и имѣющею наиболѣе правъ на предположеніе крещенія (или вѣнчанія) Владиміра именно въ ея стѣнахъ. За то, съ другой стороны, тѣ-же изслѣдованія не позволяютъ видѣть въ ней столь древнее зданіе, какимъ ее считалъ гр. Уваровъ по первоначальнымъ признакамъ.

Мнѣніе нашего знаменитаго археолога настолько авторитетно, что я считаю необходимымъ изложить съ нѣкоторою подробностью, почему не могу съ нимъ согласиться. Прежде всего замѣчу, что со времени раскопокъ гр. Уварова прошло почти сорокъ лѣтъ и за это время на столько подвинуто наше знаніе византійскаго искусства, сдѣлана такая масса раскопокъ, даже и въ Херсонесѣ, что теперь и самъ гр. Уваровъ пришелъ бы къ иному заключенію, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе гр. Уварова о принадлежности базилики къ IV вѣку было основано только на слѣдующихъ двухъ признакахъ: открытый храмъ оказался построеннымъ по типу базилики и въ немъ найдены были при раскопкахъ разныя монеты, относящіяся къ IV—X вѣкамъ. Думаю, что и въ свое время этихъ основаній было недостаточно, а теперь и подавно. Отъ Константиновскихъ базиликъ IV вѣка на востокѣ почти ничего и нигдѣ не сохранилось, кромѣ неудобо-

[1]) Извлеченіе изъ всепод. отчета за 1853 г., стр. 173.—Гр. Уваровъ, Розысканія, Пропилеи, т. IV, стр. 537.

понятныхъ описаній. Уже по одному этому невѣроятно сохраненіе столь ранней базилики въ Херсонесѣ, гдѣ, какъ мы видимъ, строили вообще очень дурно. Къ тому-же, можно указать даже и на востокѣ базилики V—VIII вѣковъ, а на западѣ и гораздо болѣе поздняго времени. Въ самомъ Херсонесѣ раскопки обнаружили, какъ я показалъ выше, базилики, почти исключительно относящіяся къ самому позднему времени. Все это, съ присоединеніемъ сказаннаго выше о значеніи формы базиликъ при опредѣленіи времени ихъ построенія, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что сама по себѣ базиличная форма нигдѣ не можетъ служить признакомъ опредѣленнаго, а въ особенности столь ранняго, времени ея постройки, IV вѣка; въ Херсонесѣ же эта форма никакого времени не опредѣляетъ, потому что встрѣчается во всѣ времена.

Еще менѣе могутъ доказывать что-либо, въ настоящемъ случаѣ, находки монетъ при раскопкахъ, если онѣ не сопровождаются особыми обстоятельствами. Монетами, можно сказать, пресыщенъ мусоръ, заваливающій Херсонесъ. Находятся онѣ повсюду и доказываютъ что-либо въ зданіяхъ лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда найдены органически связанными съ сооруженіемъ, напримѣръ, найдены въ кладкѣ зданія, или подъ вымосткою его пола (какъ я показалъ выше и покажу вслѣдъ за симъ), а не попали въ него случайно, со стороны, вмѣстѣ съ мусоромъ, какъ то замѣчается по всему городу. Едва-ли есть кварталъ, или куча мусора въ Херсонесѣ, въ которыхъ не находилось монетъ, указываемыхъ гр. Уваровымъ (Валентиніана, Ѳеодосія, Аркадія и др.), или еще болѣе древнихъ; но относить, по этому случаю, всѣ херсонесскія развалины къ временамъ этихъ монетъ нѣтъ никакой возможности. Итакъ, доводовъ за принадлежность каѳедральной базилики именно IV-му вѣку совершенно не оказывается и остается посмотрѣть, что можно сказать вообще о времени построенія этого храма.

Выше я указывалъ находку фризовыхъ плитъ языческаго храма въ полу этой базилики, плитъ хорошаго стиля I-го вѣка до Р. Х. [1]). Гр. Уваровъ нашелъ тутъ колонны съ надписями II—III в. по Р. Х., и поэтому, а также и по ихъ размѣрамъ, принадлежавшимъ другому языческому храму, а не тому, отъ котораго сохранились фризы. Тогда-же, въ стѣнахъ базилики былъ найденъ кусокъ карниза изъ простого камня, съ надписью, отъ третьяго языческаго храма (Афродиты) [2]). Итакъ, мы видимъ, что въ эту базилику вошли части не менѣе трехъ языческихъ храмовъ, изъ нихъ первый былъ, вѣроятно, лучшій и главный въ Херсонесѣ. Совершенно невозможно, чтобы уже при Константинѣ разрушили всѣ эти языческіе храмы, чего нигдѣ не бывало, а особенно не могло быть въ Херсонесѣ, гдѣ язычество, по отдаленности отъ центра распространенія христіанства и сосѣдству варваровъ, держалось весьма упорно, изгоняя и замучивая посылаемыхъ проповѣдниковъ. Даже самъ Константинъ Великій рѣшился водворить туда епископа Капитона (во время Никейскаго собора), только подъ защитою 500 воиновъ [3]). Да и послѣ язычество исчезало очень медленно, что можно видѣть, напримѣръ, по монетамъ Херсонеса, на которыхъ христіанскій символъ появляется лишь съ царствованія Тиверія-Маврикія (582—602), или со словъ письма папы св. Мартина, который еще въ 655 году, даже и допуская долю преувеличенія, имѣлъ основанія говорить, что въ

---

[1]) Одна изъ этихъ плитъ изображена на табл. IV, рис. 2.

[2]) Гр. Уваровъ, Розысканія, Пропилеи, т. IV, 534, 536. — Latyschev, Inscriptiones antiquae, t. I, p. 200—203.

[3]) Херсонесскіе святители. Страданія св. муч. херсонесскихъ епископовъ: Василевса, Капитона и др. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. VII, стр. 128.

Херсонесѣ, или его близкихъ окрестностяхъ, обитали все язычники и люди, перешедшіе къ языческимъ обычаямъ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что разрушеніе всѣхъ языческихъ храмовъ въ Херсонесѣ могло послѣдовать только гораздо позже Константина, едва-ли раньше V-го и даже VI-го вѣка [2]).

Но и послѣ разрушенія языческихъ храмовъ въ Херсонесѣ ихъ части не прямо попали въ нашу базилику, а прежде подверглись, какъ говорено выше, какому-то иному и различному употребленію; это ясно видно изъ того, что фризовая плита, найденная въ прошломъ году, избита и потерта, хотя и лежала лицемъ къ низу, тогда какъ плита того-же фриза, изъ музея Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, добытая въ томъ-же храмѣ, превосходной сохранности; прошло, слѣдовательно, нѣкоторое время и, вѣроятно, не малое, пока плиты, взятыя изъ разрушеннаго храма, побывали гдѣ-то въ другихъ зданіяхъ и уже оттуда попали въ нашъ храмъ. Базилика построена изъ остатковъ не только указанныхъ языческихъ храмовъ; въ нее попали также остатки разрушенныхъ христіанскихъ церквей, а именно частью колонны, базы и нѣкоторыя капители. Иныя изъ капителей точно такія, какъ я описалъ, тожественныя съ равеннскими; часть этихъ капителей изображена у гр. Уварова [3]) и даже эти рисунки, хотя и нѣсколько прикрашенные, ясно свидѣтельствуютъ, что капители взяты не изъ одной церкви, и что онѣ относятся ко времени не ранѣе конца VI-го или даже къ VII-му вѣку. Если мы примемъ въ соображеніе, что послѣ построенія въ VI—VII вѣкѣ неизвѣстныхъ намъ церквей, отъ которыхъ взяты эти капители, должно было пройти нѣкоторое время, прежде чѣмъ церкви разрушились и ихъ части могли пойти въ другія постройки, то построеніе каѳедральной базилики должно быть значительно отдалено не только отъ IV-го, но даже и отъ VII-го вѣка.

У гр. Уварова указывается, что въ вымощенномъ мраморными плитами алтарѣ, подъ четыреугольною плитою, обозначавшею мѣсто престола открытой базилики, найдена небольшая яма съ 22 мѣдными монетами, изъ нихъ 19—Романа I (920—944), 1—восточная, а двѣ стертыя [4]). По истинѣ можно сказать, что здѣсь или нигдѣ находка монетъ имѣетъ полное значеніе. Совершенно невѣроятно и даже невозможно, чтобы мраморный полъ и престолъ могли разворотить или перестроить, въ цѣлой не разрушившейся церкви, для того, чтобы подсунуть туда нѣсколько ничтожныхъ по цѣнѣ монетъ; слѣдовательно, необходимо допустить, что престолъ перестраивался не позже самой церкви и что это случилось послѣ времени чекана монетъ. Я даже думаю, что безъ особой смѣлости можно сказать, что построеніе церкви произошло именно во время чекана монетъ, которыя туда и положены на память. Иного объясненія нельзя придумать для кучки одинаковыхъ монетъ, почти никакой цѣны не имѣвшихъ и находимыхъ тысячами въ раскопкахъ. Гр. Уваровъ не придалъ значенія столь убѣдительному показанію монетъ въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, только потому, что принадлежность всякихъ бази-

[1]) Migne, Patrologiae Curs. compl. ser. gr. t. LXXXVII, cp. XVII p. 203.—Mas Latrie, Trésor de chronologie, Paris, 1889, p. 1048.

[2]) Въ какой слабой мѣрѣ разрушали языческіе храмы, см. у Allard, L'art payen sous les empereurs chrétiens; еще въ 399 г. Аркадій и Гонорій приказывали беречь языческіе храмы въ городахъ, и только въ деревняхъ повелѣвалось ихъ разрушать и то тихо, безъ возбужденія волненій, ibid. p. 147, 216;—тоже у Красносельцева, Очерки храма, стр. 107 — 111. Но и эта послѣдняя часть повелѣнія исполнялась весьма слабо и дѣйствительное, почти полное разрушеніе языческихъ храмовъ послѣдовало не ранѣе эдиктовъ начала царствованія Юстиніана, направленныхъ противъ язычества и ересей; см. Le Beau, Histoire du Bas-Empire, t. VIII, p. 118—127.

[3]) Извлеченіе изъ всеподд. отчета за 1853 г., рис. 66, 67 и 68.

[4]) Гр. Уваровъ, Розысканія, Пропилеи, т. IV, стр. 165.

ликъ вѣку побѣды христіанства, построеніе ихъ по образцу и близкому примѣру константиновскихъ, считалось имъ въ то время какъ-бы непреложною истиною [1]). Все вышеизложенное не только опредѣляетъ время базилики, но и показываетъ, какой архитектурный винегретъ представляла соборная церковь Херсонеса, въ которую впихивали остатки всѣхъ стилей и временъ, въ теченіи десятка вѣковъ. Этотъ примѣръ служитъ превосходною характеристикою херсонесскаго зодчества. Итакъ, каѳедральная базилика Херсонеса, въ тѣхъ ея развалинахъ, которыя дошли до насъ, строена въ половинѣ X-го вѣка, что доказывается, какъ изслѣдованіемъ употребленныхъ въ нее мраморовъ, такъ и прямымъ свидѣтельствомъ монетъ; все это вполнѣ согласуется со стилемъ ея мозаичнаго пола и съ вѣроятнымъ построеніемъ около того - же времени ея крещальни; даже самое нахожденіе въ этой базиликѣ кусочковъ смальты отъ стѣнной мозаики вполнѣ соотвѣтствуетъ времени большаго развитія этого искусства въ въ IX—X вѣкахъ [2]).

Здѣсь, конечно, не мѣсто подробностямъ, но не могу не замѣтить, что время около X-го вѣка, эпоха императоровъ македонской династіи, такъ много сдѣлавшихъ для византійскаго искусства, отразилось и на Херсонесѣ. Выражается это время въ нашемъ городѣ построеніемъ наилучшихъ изъ дошедшихъ до насъ храмовъ, возобновленіемъ чеканки монетъ въ огромныхъ количествахъ, послѣ перерыва болѣе 270 лѣтъ (отъ Маврикія до Василія I), да и вообще церковнымъ и политико-торговымъ значеніемъ Херсонеса, ставшаго въ это время посредникомъ между Византіею, Хазарами и Русью. Мнѣ думается, что разработка нашими византинистами этого періода жизни Херсонеса дастъ возможность написать не одну любопытнѣйшую страницу.

Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ я и окончу описаніе раскопокъ въ Херсонесѣ и замѣтокъ объ его церковномъ зодчествѣ. Надѣюсь, что мнѣ извинятъ неполноту или неясность, а мѣстами, быть можетъ, излишнія подробности, въ виду того, что это дѣло въ началѣ и что приходилось не только описывать, но и устанавливать извѣстную точку зрѣнія, часто несогласную съ неимѣющимъ основаній господствующимъ теченіемъ.

Раскопки Императорской Археологической Коммиссіи не ограничились однимъ городищемъ Херсонеса. Въ 1890 г. начаты были въ окрестностяхъ поиски такъ называемыхъ катакомбъ, но такъ какъ это дѣло трудное и гадательное, да и находится еще въ началѣ, то и найдено немногое. Пока, въ этомъ дѣлѣ ничего нельзя прибавить къ описанію, сдѣланному еще гр. Уваровымъ [3]).

Къ западу отъ Херсонеса, верстахъ въ трехъ, на землѣ Шверина, существовалъ довольно значительныхъ размѣровъ курганъ (выс. 4, діам. 12½ саженъ), давно интересовавшій археологовъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ единственный въ окрестностяхъ Херсонеса и даже въ юго-западной горной части Крыма, вплоть до степей и Ѳеодосіи. Въ 1873 г. этотъ курганъ прорѣзалъ траншеею самъ владѣлецъ, найдя лишь обломки мѣднаго сосуда и выяснивъ способъ постройки кургана. Нѣкоторыя подробности объ этихъ раскопкахъ и

---

[1]) Извлеченіе изъ всеподд. отчета за 1852 г., стр. 157.—Гр. Уваровъ, Розысканія, Пропилеи, т. IV, стр. 533.
[2]) Кондаковъ, Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 64, 112.
[3]) Извлеченіе изъ всеподд. отчета за 1853 г., стр. 137—157.—Гр. Уваровъ, Розысканія, Пропилеи, т. IV, стр. 527—532.

предположенія о назначеніи кургана помѣщены въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей [1]). Курганъ оказался обдѣланнымъ внизу, въ видѣ кольца, правильною и красивою стѣнкою, въ аршинъ высотою, изъ большихъ штукъ камня. Наружность стѣночки чисто обтесана и обдѣлана рустами, внутренность оставлена безъ отдѣлки. Самый курганъ насыпанъ изъ мелкаго камня, добытаго при очисткѣ окрестныхъ полей. Отъ времени щебень сползъ, заваливъ и нижнюю стѣночку. Ничтожность сдѣланныхъ находокъ побудила къ новымъ раскопкамъ, въ 1890 году. На этотъ разъ всю внутренность кургана, все, что было въ кольцѣ стѣночки, снесли совершенно, даже самый материкъ былъ перекопанъ до скалы и все-же рѣшительно ничего не найдено, кромѣ небольшихъ признаковъ костра въ одномъ мѣстѣ внутри кургана. Есть предположеніе, что доступъ въ могилу былъ съ боку, внѣ кольца стѣны, въ полахъ кургана, гдѣ и засыпанъ сползшимъ щебнемъ. Быть можетъ, и такъ, но трудно сказать, стоитъ-ли предпринимать довольно цѣнную работу сноса полъ кургана, оставшихся еще на мѣстѣ. Какъ бы то ни было, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это самый обыкновенный могильный курганъ и ничего больше. Поперечный разрѣзъ кургана, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ онъ былъ до начала какихъ-либо раскопокъ, показанъ на табл. III, рис. 11; на рис. 12 и 13 представлены камни стѣночки, въ планѣ и фасадѣ. На разрѣзѣ кургана точками показанъ его вѣроятный видъ въ самомъ началѣ; это сдѣлано по общепринятому въ древности правилу египетскаго треугольника (высота $^5/_8$ основанія); камня, около 300 куб. саж. во всемъ курганѣ, по разсчету, хватаетъ на такое сооруженіе.

Намѣреніе Императорской Археологической Коммиссіи распространить свои изслѣдованія на окрестности городища Херсонеса позволило отчасти осуществить и мое давнее желаніе. По просьбѣ Коммиссіи, я указалъ завѣдывающимъ раскопками то мѣсто, къ которому необходимо должно, какъ мнѣ кажется, пріурочить положеніе древнѣйшаго Херсонеса, того, который и во времена Страбона былъ уже покинутъ жителями и разрушенъ.

Общеизвѣстно краткое описаніе Херсонеса, данное Страбономъ, и его указанія мѣстоположенія древнѣйшаго города, уже въ его время лежавшаго въ развалинахъ. Само по себѣ это указаніе, взятое отдѣльно, настолько топографически ясно, что прямо приводило въ глубину Казачьей бухты (верстахъ въ 9-ти къ западу отъ позднѣйшаго Херсонеса [2]). Основываясь на этомъ описаніи, уже и Палласъ, восхищавшійся точностью Страбона, какъ и всѣ въ то время, не смотря на бѣглость своего обзора Крыма, точно указывалъ настоящее положеніе древнѣйшаго городища и даже нашелъ кое-какіе слѣды развалинъ на этомъ мѣстѣ [3]). За Палласомъ многіе повторяли тоже самое. Въ послѣднее время, однако, все это подверглось большому сомнѣнію. Самъ Страбонъ, въ своихъ дальнѣйшихъ разсказахъ, противорѣчитъ первому описанію; на указываемой имъ мѣстности хотя и были слѣды укрѣпленій, но не находилось ни зданій, ни обычныхъ остатковъ эллинскихъ поселеній; наконецъ, большія раскопки въ позднѣйшемъ Херсонесѣ открыли много древнихъ надписей и разныхъ предметовъ, какъ бы указывавшихъ на существованіе издавна города

---

[1]) Т. IX, стр. 403—403; Юргевичъ, Новѣйшія археологическія открытія въ Крыму.
[2]) Географія Страбона, книга 7, гл. 4. § 2, 3.
[3]) Pallas, Bemerkungen, t. II, p. 67–69.

именно здѣсь, а не на иномъ мѣстѣ. Соображая все это, теряли вѣру въ Страбона, и видя въ его словахъ грубую ошибку, начали и вовсе отрицать существованіе древнѣйшаго Херсонеса на иномъ мѣстѣ, чѣмъ на давно извѣстномъ намъ византійскомъ городищѣ. Съ этимъ я не могъ согласиться, не потому, чтобы не допускалъ возможности самыхъ крупныхъ ошибокъ у Страбона, но главнымъ образомъ по военно-инженернымъ соображеніямъ, какъ ни страннымъ покажутся таковыя въ чисто археологическомъ вопросѣ. Дѣло въ томъ, что у Страбона, кромѣ топографическаго указанія мѣстоположенія древняго Херсонеса, есть еще и описаніе осады города скиѳами, сопровождаемое такими подробностями, которыя едва-ли можно выдумать, и которыя возможны лишь въ исключительныхъ условіяхъ мѣстности. Эту осаду всѣ до сихъ поръ всегда искали у мѣста позднѣйшаго византійскаго Херсонеса, не имѣя къ тому ни малѣйшаго основанія въ источникахъ; при этомъ или никакого вниманія не обращали на точный смыслъ словъ Страбона, измѣняя ихъ какъ желалось, или совершенно не стѣснялись мѣстностью, осушая моря, затопляя горы и т. д. Тѣ же, которыя видѣли совершенную, физическую невозможность согласить слова Страбона съ условіями мѣстности позднѣйшаго Херсонеса, этимъ самымъ только еще болѣе убѣждались въ ошибкѣ древняго географа. Однако, Страбонъ не говоритъ къ какому именно городу, древнѣйшему или позднѣйшему, относится описанная имъ осада, и если она совершенно, ни съ какими натяжками, не приложима къ раскапываемому теперь городищу Херсонеса, то за то точь-въ-точь, до малѣйшихъ подробностей, и даже въ мѣрахъ разстояній, подходитъ къ той мѣстности, на которой тѣмъ-же Страбономъ топографически-точно указанъ древнѣйшій Херсонесъ. Подобная точность и совпаденіе показаній, данныхъ Страбономъ въ разныхъ мѣстахъ его географіи и по разному поводу, не могутъ быть дѣломъ случайной ошибки; предполагать же завѣдомый вымыселъ мы не имѣемъ никакого основанія. Но даже если разсказъ осады и вымышленъ, то это сдѣлано лицомъ, превосходно знавшимъ топографію мѣстности и точно подъ нее поддѣлывавшимся, а это все, что намъ нужно въ настоящемъ случаѣ, когда мы обсуждаемъ мѣстоположеніе города, а не исторію его военныхъ подвиговъ. Я не могу входить здѣсь въ бо̀льшія подробности и оставляю объясненія до того времени, когда раскопки будутъ болѣе подвинуты; много всякихъ соображеній о невозможности пріуроченія осады города по Страбону къ византійскому Херсонесу и инымъ мѣстамъ Гераклейскаго полуострова было приведено мною уже давно, въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей [1].

Понятно, что выяснить дѣло и даже рѣшить его окончательно могли только раскопки, къ которымъ и было приступлено въ 1890 году. По невозможности разбрасываться, раскопки могли быть сдѣланы только очень незначительныя и ихъ предполагается продолжать. Пока открыто очень немного и надо подождать съ подробнымъ описаніемъ и планами; однако, уже и теперь могу замѣтить, что раскопки дали больше, чѣмъ я ожидалъ, когда указывалъ ихъ мѣсто. Найдена не только первая, извѣстная и безъ того, но и вторая крѣпостная стѣна съ башнями, точно ограничивавшая городъ и вполнѣ объяснившая бывшее у меня нѣкоторое сомнѣніе относительно способа защиты города при одной стѣнѣ отъ нападенія скиѳовъ съ моря. Найдены несомнѣнные остатки древне-эллинскаго города, какъ-то: монеты, черепки черно-лаковой посуды, зданія, чѣмъ и устраняется главнѣйшее возраженіе противъ

---

[1]) Т. XIV, стр. 253—279, особенно стр. 258 и 268.

нахожденія когда-либо города на этой мѣстности. Прибавлю, что все найденное, хотя его немного, принадлежитъ исключительно древне-языческому періоду: ни малѣйшихъ слѣдовъ христіанскаго времени, переполняющихъ городище византійскаго Херсонеса, здѣсь не оказалось, а стѣны города и зданій даже по способу кладки рѣзко различаются отъ находимыхъ въ византійскомъ Херсонесѣ.

Эти небольшія раскопки не только добыли кое-что, но и неожиданнымъ образомъ выяснили, отчего происходитъ видимое отсутствіе остатковъ древняго поселенія. Вся мѣстность представлялась покрытою нетронутымъ материкомъ желто-красной глины и, какъ свойствомъ, такъ и общимъ видомъ, ничѣмъ рѣшительно не отличалась отъ всѣхъ окрестныхъ полей. Привыкшіе къ особому виду мусора византійскаго городища, никакъ не ожидали найти что-либо подъ такою материковою, повидимому, нетронутою, почвою. Однако, къ немалому изумленію всѣхъ, оказалось, что именно подъ нею и находятся остатки города. Первыя же раскопки открыли стѣны, уцѣлѣвшія на $1^1/_2$ — 2 арш., крѣпостной ограды и маленькаго храмика Діониса, въ которомъ оказался жертвенникъ изъ трехъ плитъ въ видѣ низенькаго стола съ вырѣзаннымъ сбоку верхней плиты однимъ словомъ, ΔΙΩΝΥΣ; за жертвенникомъ —пьедесталъ для статуэтки бога, составленный изъ кусковъ, взятыхъ отъ другихъ зданій, а именно, базы и колонны разныхъ діаметровъ; все это на своихъ мѣстахъ и только не хватало самой статуэтки. Совершенная цѣлость и сохранность такихъ легко сбрасываемыхъ остатковъ столь-же удивительна, какъ и покрытіе всей мѣстности материковою почвою. Можно было бы предположить постепенные наносы почвы дождевыми водами, въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ; но дѣло въ томъ, что тогда части жертвенника не уцѣлѣли бы на мѣстѣ, къ тому-же и описываемое мѣсто лежитъ на высшей точкѣ. Остается думать, что наносъ былъ сдѣланъ сразу, какимъ-нибудь громаднымъ ливнемъ съ части мѣстности, когда-то поднимавшейся выше нашихъ раскопокъ и давшей почву для наноса, а теперь не существующей отъ подмытія ея моремъ. Подобныя предположенія измѣненія мѣстности, вообще, всегда сомнительны, а для меня даже просто противны, до такой степени ими злоупотребляли гг. археологи; но здѣсь ихъ поневолѣ приходится допустить тѣмъ болѣе, что и вся мѣстность возвышается къ морскому берегу, круто и скалисто обрывистому, явно и несомнѣнно постоянно подмываемому моремъ. Вопросъ можетъ быть только въ размѣрахъ этого подмытія. Опредѣлить эти размѣры, конечно, нѣтъ возможности, но времени съ той поры прошло не мало, да и немного нужно прибавить мѣстности, чтобы смываемая съ нея почва могла покрыть открываемыя теперь развалины,—нѣсколькихъ сотенъ квадратныхъ саженъ довольно для этого.

Въ отношеніи найденнаго храмика прибавлю, что онъ, конечно, позднѣйшій, вѣроятно сдѣланный какой-нибудь деревенщиной, уже послѣ запустѣнія города, но остатки зданій, въ него попавшіе, обнаруживаютъ большую древность. База колонны не мраморная, а изъ мѣстнаго камня и по стилю древнѣйшая, чисто іоническая, а не аттическая, которыя попадаются въ византійскомъ Херсонесѣ; обломокъ колонки изъ того-же матеріала и тоже съ іоническими ложками. Замѣчательно это нахожденіе и здѣсь остатковъ іоническаго ордера; то-же самое я уже указалъ выше, для языческихъ остатковъ на почвѣ византійскаго городища. Всѣ дальнѣйшія замѣчанія отлагаю до болѣе подробнаго описанія, которое не премину сдѣлать, если только раскопки будутъ продолжены.

На этой мѣстности древнѣйшаго Херсонеса раскопки были желательны не только для нахожденія слѣдовъ города, но еще и по другому поводу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

занимаясь обслѣдованіемъ и описаніемъ Инкермана, я неизбѣжно долженъ былъ коснуться и обычно допускаемаго пребыванія тамъ св. Климента, папы римскаго. Сама очевидность, однако, вынудила меня считать это дѣломъ совершенной невозможности, что я и показалъ тогда-же [1]). Съ тѣхъ поръ мое убѣжденіе относительно невозможности пріуроченія житія и мученія св. Климента къ Инкерману и мои доводы противъ такого голословнаго предположенія только увеличились. Но, конечно, одного отрицанія недостаточно, а желательны и положительныя указанія, возможность которыхъ нельзя отвергать, такъ какъ пребываніе и мученіе св. Климента гдѣ-то подлѣ Херсонеса подтверждается несомнѣнными доводами. Нѣкоторыя положительныя данныя тогда-же были найдены мною, между уже извѣстными документами и, по странной случайности, привели меня именно къ мѣстности древнѣйшаго Херсонеса.

Явные слѣды крѣпостной ограды этого города идутъ отъ открытаго южнаго берега моря къ началу Казачьей бухты, прикрывая собою значительный и весьма удобный для поселенія полуостровъ, тянущійся къ Херсонесскому маяку. Верховье Казачьей бухты довольно мелко, почему и пришлось стѣну города вдвинуть въ воду до большей глубины, для прикрытія отъ обхода ея непріятелемъ по мелкому мѣсту. Это выдвиганіе стѣны было сдѣлано помощью насыпи камня въ водѣ въ видѣ плотины, на которой была поставлена стѣна, а на уширенномъ концѣ каменной отсыпи крайняя башня. Эта насыпь, со временемъ, приняла видъ полуостровка, соединяемаго съ берегомъ перешейкомъ, затопляемымъ моремъ при нагонахъ воды; тогда это мѣсто становится островомъ. Въ искусственности этого островка не можетъ быть никакого сомнѣнія, къ тому-же онъ единственный во всѣхъ близкихъ и дальнихъ окрестностяхъ Херсонеса [2]). На этомъ островкѣ находились развалины, указанныя еще Палласомъ [3]). Раскопки 1845 года, сдѣланныя здѣсь морякомъ, кн. Барятинскимъ, обнаружили остатки церкви, съ нѣсколькими жилыми помѣщеніями, при чемъ небольшіе найденные здѣсь предметы оказались вполнѣ тожественными съ обычными церковными находками въ Херсонесѣ: мраморная плита съ крестами отъ какой-то преграды (нынѣ въ Херсонесѣ, отдана Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей для престола въ храмъ Св. Владиміра), кое-какіе фрагменты мрамора, монеты Романа I и т. п. [4]) Все это не оставляло во мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ островокъ, образованный сначала крѣпостной оградою Херсонеса, впослѣдствіи былъ занятъ византійско-христіанскими постройками, находившимися въ прямой связи съ открытіемъ мощей св. Климента, какъ то можно показать документальными данными.

Открытіе мощей св. Климента сдѣлано Константиномъ Философомъ, во время пре-

---

[1]) Остатки древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. XIV, стр. 210—217.

[2]) Есть еще маленькій островокъ почти на срединѣ Песочной бухты, но онъ слишкомъ малъ (2—3 сажени), да и способъ его образованія вполнѣ естественный: изъ одного песку, а не камня. Описанный способъ укрѣпленія концовъ крѣпостной стѣны на мелкомъ мѣстѣ былъ обычнымъ въ древности; такъ были, напримѣръ, устроены фланги стѣны, прикрывавшей Херсонесъ Ѳракійскій (нынѣ полуостровъ Галиполи), а польза подобныхъ моловъ выказалась тамъ при осадѣ гуннами въ 559 г., которые для обхода стѣны вынуждены были прибѣгнуть къ особымъ плотамъ, но безъ успѣха. Lebeau, Histoire du Bas Empire, t. IX, p. 416—418.

[3]) Pallas, Bemerkungen, t. II, p. 68, vign. 2.

[4]) Аркасъ, Описаніе Ираклійскаго полуострова, стр. 20. — Мурзакевичъ, Херсонесская церковь св. Василія, Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. V, стр. 997. — Большія подробности у Canale, Della Crimea, Genova, t. I. 1855, p. 281 (изъ письма Муральта).

быванія его въ Херсонесѣ, 30-го декабря, вѣроятно, 862 года. Оно подробно описано въ такъ называемой *Итальянской легендѣ*, составленной очень скоро послѣ событія и, вѣроятно, даже со словъ самого Константина [1]); то-же событіе описано участникомъ его, въ *Словѣ о перенесеніи мощей св. Климента* [2]); эти два разсказа, повидимому, служили основою всѣхъ остальныхъ. Изъ нихъ слѣдуетъ, и въ этомъ всѣ разсказы согласны, что въ то время память о св. Климентѣ уже исчезла у жителей Херсонеса, которые сами про себя говорили, что они не туземцы, а пришельцы изъ разныхъ мѣстъ и что по винѣ ихъ чудеса надъ тѣломъ св. Климента давно прекратились, отъ вторженія варваровъ храмъ, построенный руками ангеловъ, разрушенъ и мѣсто его опустѣло. Однако, кое-какіе слѣды, воспоминанія или описанія нашлись, потому что Константинъ Философъ отправился на поиски мощей на суднѣ, къ совершенно опредѣленному мѣсту, какому-то острову. Прибывъ къ нему, онъ началъ копать и, найдя мощи, перенесъ ихъ въ Херсонесъ. Все это было сдѣлано въ одинъ день. Эта страничка исторіи Херсонеса прямо указываетъ на нашъ островокъ, такъ какъ иного, въ недалекомъ разстояніи отъ Херсонеса, не имѣется, и только нѣсколько дней пути могутъ привести къ ближайшимъ островамъ въ устьяхъ Дуная, Днѣпра или даже въ верховьяхъ Керкинитскаго залива. Вся поѣздка Константина дополняется и уясняется совершенно слѣдующимъ разсказомъ.

Я сказалъ выше, что Константину, вѣроятно, были извѣстны какія-либо старинныя указанія мѣстонахожденія мощей св. Климента. Одно изъ такихъ указаній, значительно близко сходное и съ мѣстностью, и съ поступками Константина, находится въ видѣ случайной вставки въ рукописяхъ VIII—IX вѣковъ, въ которыхъ заключается описаніе Святой Земли, Ѳеодосія, VI вѣка. Въ этомъ описаніи, послѣ разсказа объ Іерусалимѣ, безъ всякой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, говорится: „Также городъ Херсонъ, что у моря Понта; тамъ претерпѣлъ мученіе святый Климентъ; гробница его въ морѣ, гдѣ было брошено его тѣло, этому святому Клименту былъ привязанъ на шею якорь, и теперь, въ день его памяти всѣ, народъ и священники, садятся въ ладьи, и когда приплываютъ туда, море высушиваетъ 6 миль, и на мѣстѣ гдѣ, находится гробница, раскидываются шатры и сооружается алтарь, и въ теченіи восьми дней служатся тамъ литургіи, и Господь совершаетъ тамъ много чудесъ; тамъ изгоняются бѣсы, и если кто изъ одержимыхъ получитъ возможность прикоснуться къ якорю, и прикоснется, то тотчасъ исцѣляется“ [3]). Тяжелый языкъ разсказа и испорченность, быть можетъ, рукописей дѣлаютъ нѣкоторыя мѣста неясными, но въ общемъ все легко понимается. Очевидно, что это описаніе составлено ранѣе Константина, такъ какъ оно помнитъ еще мѣсто гробницы св. Климента и ничего не знаетъ о ея открытіи Константиномъ. Съ другой стороны, это описаніе составлено, конечно, позже „*Мученія св.*

---

[1]) Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій, Спб. 1868, т. I, стр. 62; т. II, стр. 11, 26, 170 и 315.—Acta s. s. m. Martii, t. II, p. 14—19.

[2]) Слово о перенесеніи мощей св. Климента, Погодинъ, Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ, М. 1865 стр. 321.—Открытіе мощей отнесено къ 30 января и вовсе не упоминаетъ о Константинѣ.

[3]) Revue archéologique, 1864, vol. X p. 110. Православный Палестинскій сборникъ, 28-й выпускъ. Спб. 1891, стр. 5—6, 17—18. Прилагаю и подлинникъ этого любопытнаго мѣста: Item civitas Chersona quae est ad mare Pontum ibi dominus Clemens martyrizatus est. in mari memoria eius, ubi corpus missum est, cui domino Clementi anchora ad collum ligata est. et modo in natali eius omnes in barcas ascendunt, populus et sacerdotes, et cum ibi venerint, mare disiccat milia VI, et ubi ipsa arca est, tenduntur super se papiliones et ponitur altare, et per octo dies ibi missae celebrantur et multa mirabilia ibi dominus facit. ibi daemonia excluduntur, si quis vero de vexaciis ad ipsam anchoram attingere potuerit et eam tetigerit, statim liberatur.

Климента" (IV вѣка?), въ которомъ вся легенда основана на осушеніи моря и подводномъ храмѣ. Нашъ разсказъ подводнаго храма не знаетъ, а чудеса видитъ совсѣмъ въ другомъ и хотя упоминаетъ объ осушеніи моря, но это только самому себѣ противорѣчащее воспоминаніе о легендѣ мученія. Все-же дѣло представляется просто: люди плывутъ на ладьяхъ; не только храма, построеннаго подъ водою ангелами, но и вообще никакого храма не оказывается, а есть только *арка*, т.-е., очевидно, *аркосолій*, гробница, покрытая сводикомъ, столь употребительная въ катакомбахъ, особенно для погребенія мучениковъ, и часто встрѣчающаяся въ церквахъ Херсонеса, до самыхъ послѣднихъ временъ [1]). Вообще описаніе не только совершенно реально, но для того, кто знаетъ мѣстность, точно подходитъ къ поѣздкѣ изъ Херсонеса на описываемый мною островокъ. Даже разстояніе, 6 миль (конечно, римскихъ), вполнѣ точно, и Константинъ легко могъ въ одинъ день пройти туда, открыть мощи и вернуться. Подобное этому описаніе могло быть извѣстнымъ Константину и онъ, слѣдуя именно ему, отправился тоже моремъ, быть можетъ, даже и не зная о возможности доѣхать туда-же сухимъ путемъ. Впрочемъ, до нашего островка дорога очень плоха и большему собранію людей, какъ было съ Константиномъ, гораздо легче добраться туда моремъ. Къ тому-же, дорога берегомъ могла быть, какъ говорили херсонесцы, не безопасна отъ варваровъ, вѣроятно, хазаръ, которые держали городъ почти въ осадѣ. Эти причины: дурныя дороги и, въ особенности, опасность отъ набѣга варваровъ на толпу поклонниковъ дѣйствовали, очевидно, и во время написанія вышеизложеннаго разсказа, изъ котораго несомнѣнно, что къ мощамъ предпочитали ѣздить моремъ и, вѣроятно, по причинѣ той-же боязни варваровъ, не имѣли постоянной церкви на мѣстѣ нахожденія мощей св. Климента. Разумѣется, въ нашемъ разсказѣ не преминули бы указать, если бы для достиженія мощей путь моремъ чудесно осушался, но объ этомъ умалчивается и, вѣроятно, самая могила находилась на берегу или около него въ близкомъ, даже точно опредѣленномъ, разстояніи отъ Херсонеса. Не для всѣхъ или не всегда доступная возможность коснуться якоря, какъ на то намекаетъ разсказъ, происходила, вѣроятно, отъ временнаго затопленія якоря нагономъ воды или постояннаго нахожденія его далѣе и глубже мощей. Вообще, судя по этому чрезвычайно важному разсказу, именно въ поѣздкѣ моремъ и въ нашемъ островкѣ, иногда наводняемомъ, и надо искать соглашенія легенды „*мученія*" съ естественными условіями [2]).

Если во время Константина, и даже до него, храмъ на островѣ не существовалъ, то нѣтъ сомнѣнія, что потомъ и, вѣроятно, вскорѣ вслѣдъ за открытіемъ мощей, его возстановили или построили вновь; на это указываютъ монеты X-го вѣка, найденныя при

---

[1]) Вышеуказанная надпись, съ 6692—1184 годомъ, начертана на аркѣ именно такой гробницы.

[2]) Въ «Журн. Мин. Нар. Пр.», за январь 1893 года, помѣщено чрезвычайно важное письмо Анастасія Библіотекаря объ открытіи мощей св. Климента, писанное около 870 года и вполнѣ подтверждающее, со словъ самого Константина и другого очевидца, смирнскаго митрополита Митрофана, бывшаго въ ссылкѣ въ Херсонесѣ, сказанное выше въ видѣ догадокъ (стр. 193—194). Объ отступленіи моря говорится, какъ о чудѣ, бывшемъ однажды, современемъ не только забытомъ, но даже считавшемся невѣроятнымъ и возбуждавшемъ насмѣшки; храмъ, бывшій на берегу моря, разрушился, самая *арка* (т.-е. гробница—употребляется тоже выраженіе) засыпалась землею, а жители даже не помнятъ, гдѣ все это было; самый городъ находился какъ бы въ осадѣ, и граждане не смѣли изъ него выходить. Константинъ, усердно молясь Богу, тщательно перечитывалъ всѣ письменныя свидѣтельства о мѣстоположеніи храма и просилъ помощи у епископа, клира и народа. Всѣ принялись раскапывать берега моря и наконецъ нашли мощи святого мученика, такимъ образомъ какъ о томъ говорилъ самъ Константинъ и какъ то указано въ выше приведенныхъ легендахъ. Все это письмо, не давая ничего безусловно новаго, въ смыслѣ топографическомъ, настолько пополняетъ весь вопросъ, что онъ легко сводится въ совершенно ясное, понятное, естественно-объяснимое цѣлое, едва-ли оставляющее мѣсто сомнѣнію въ даваемомъ мною указаніи.

раскопкахъ на островкѣ. Въ этомъ-же убѣждаютъ и дальнѣйшія свидѣтельства, которыя также доказываютъ, что дѣло идетъ именно о нашемъ островѣ, а не о какомъ-либо другомъ мѣстѣ.

Въ маѣ 1253 года Рюисбрекъ (Guill. de Rubruquis), посланный къ татарамъ, плылъ на суднѣ изъ Константинополя въ Судакъ и, придя на видъ Херсонеса, гдѣ, по его словамъ, замученъ св. Климентъ, но не заходя въ городъ, видѣлъ издали островъ и на немъ церковь, которая, по разсказамъ жителей, выстроена *руками ангеловъ* [1]). По топографическимъ условіямъ мѣстности и путей плаванія это есть совершенно точное указаніе именно нашего островка, къ тому-же въ связи съ св. Климентомъ и легендою о его мученіяхъ и о построеніи храма. Оно показываетъ, что въ то время церковь не была разрушена, такъ какъ иначе ее нельзя было-бы примѣтить съ моря.

Память о значеніи этого островка и церкви на немъ сохранялась весьма продолжительное время, такъ что даже незадолго до покоренія Крыма русскими, несмотря на общее запустѣніе всѣхъ этихъ мѣстъ и упадокъ христіанства въ Крыму вообще, на этомъ островкѣ существовалъ греческій монастырь, настолько хорошо сохранившійся, что показанъ (также какъ и сосѣдній Георгіевскій), на первыхъ инструментальныхъ картахъ Крыма [2]). Въ это время едва-ли монастырь былъ обитаемъ; по крайней мѣрѣ, тогдашній греческій митрополитъ Игнатій, давшій позже списокъ церквей, оставленныхъ греками, выселившимися изъ Крыма въ 1778 году, умолчалъ объ этомъ монастырѣ, хотя и упомянулъ о Георгіевскомъ; тоже молчаніе находимъ и въ оффиціальныхъ спискахъ церквей того времени [3]). Но очевидно, что этотъ монастырь если и былъ покинутъ, то очень незадолго до занятія Крыма, такъ какъ иначе его маленькія постройки обратились бы въ незамѣтную кучу камня ко времени прихода русскихъ, и не попали-бы на наши карты, на которыхъ показанъ не только монастырь, но и особенная существовавшая къ нему дорога, никуда болѣе не ведшая. Нужно замѣтить, что вся эта мѣстность была тогда совершенно пустынна, и если на ней поддерживался монастырь въ такомъ неудобномъ и глухомъ мѣстѣ, въ близкомъ разстояніи (12 верстъ) отъ другого монастыря (Георгіевскаго), то, конечно, на это была какая-то особенная, важная причина, вродѣ воспоминанія о нахожденіи тамъ мощей св. Климента, подъ конецъ, вѣроятно, забытаго.

Всего сказаннаго достаточно для утвержденія съ документальною точностью того, что чудесный храмъ легенды о св. Климентѣ былъ построенъ именно на этомъ островѣ, гдѣ также найдены и мощи этого святого Константиномъ Философомъ. Довольно вѣроятно,

---

[1]) Guil. de Rubruquis, Voyage en Tartarie, p. 3 въ Recueil des voyages de Bergeron, Paris, 1634. Nous vimmes donc au pais de Gazaria, qui est en forme de triangle, ayant à l'occident une ville, appellée Kersona, ou Sain Clement Evesque d'Ancyre fut martyrisé, et passant a la veüe d'icelle, nous apperceusmes une isle, ou est une Eglise, qu'ils disent avoir esté bastie de la main des Anges.

[2]) Такихъ картъ нѣсколько, но всѣ онѣ имѣли въ основѣ русскія съемки сдѣланныя во время первой турецкой войны, около 1772 года. Есть рукописная карта, подъ заглавіемъ: «Карта полуострова Крыма съ показаніемъ на ней крѣпостей город. магомет. и христ. деревень и т. д.» хранится въ библіотекахъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ и Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Есть и нѣсколько печатныхъ картъ, которымъ образцомъ служила Kinsbergen'a Carte de la Crimêe, levée en 1772 г, впервые изданная въ 1776 г. и переизданная съ дополненіями въ 1787 и 1788 гг. (Carte topogr. de la Crimée par Thomas); всѣ ея изданія рѣдки.

[3]) Лашковъ, Статистическія свѣдѣнія о Крымѣ, въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. XIV, стр. 111 и 136.—Впрочемъ, молчаніе можетъ объясняться отсутствіемъ при церкви селенія, такъ какъ перечислялись церкви только въ населенныхъ мѣстахъ, или пропускомъ, каковыхъ вообще очень много въ указываемыхъ спискахъ.

что и ссылка св. Климента и его мученія происходили около этихъ-же мѣстъ, но никакъ не въ Инкерманѣ, куда съ легкой руки Сестренцевича, написавшаго такъ много совершенно бездоказательнаго и выдуманнаго имъ вздора по исторіи Крыма, пріурочили эту церковную легенду и гдѣ даже физическія условія мѣстности тому безусловно противорѣчатъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что легенда о житіи и мученіи св. Климента близь Херсонеса имѣла въ основѣ своей истинныя событія, мѣсто дѣйствія которыхъ, сходное съ легендою, можно найти въ тѣхъ древнихъ каменоломняхъ, слѣды которыхъ и до сихъ поръ видны близь вершинъ балокъ, впадающихъ въ Камышевую и Казачью бухту, или-же еще дальше, на высотахъ между Балаклавою и Чоргуномъ, гдѣ по условію нахожденія мрамора могло находиться подлинное *„дѣло теренія мрамора“* легенды. Только въ этихъ мѣстахъ, а никакъ не въ Инкерманѣ, гдѣ течетъ цѣлая рѣчка, можно найти такое безводіе, какъ описываемое въ мученіи св. Климента, вынуждавшее ходить за 45 стадій, чтобы добыть воды; только здѣсь есть и родники, легко засоряющіеся и исчезающіе, но, будучи расчищены, въ хорошіе годы, вполнѣ отвѣчающіе легендѣ, по которой *„источникъ, еже проліявся, рѣкою сотворися“* [2]).

Если вспомнить, что въ Крыму всѣ безъ исключенія событія церковной исторіи, съ необычайною легкостью пріуроченныя къ разнымъ мѣстамъ, безъ малѣйшаго даже признака какого-либо доказательства, вызвали однако возстановленіе или построеніе мнимыхъ памятниковъ, то нельзя не пожелать, чтобы и нашъ островокъ, единственный обладающій не только логическими но и документальными доказательствами, на вѣроятность мученія здѣсь св. Климента и несомнѣнность нахожденія тутъ его мощей, не остался заброшенной и даже не очищенной развалиной; это мѣсто должно быть священнымъ для насъ.

Все это, давно собранное мною, вспомнилось, когда явилась возможность раскопокъ и я тѣмъ настоятельнѣе указывалъ на нашъ островокъ, что тутъ-же должны были найтись и слѣды самаго важнаго края стѣны древнѣйшаго Херсонеса. Нельзя было, конечно, надѣяться на открытіе затопляемаго подводнаго храма, память о которомъ сохранилась только въ житіяхъ, да въ древней фрескѣ въ Римѣ [3]), но я не сомнѣвался въ томъ, что удастся найти достаточно для составленія понятія о монастырѣ, похожемъ на бывшій въ IX—X вѣкѣ, или даже именно томъ самомъ.

Раскопки пока еще не кончены, но надо надѣяться, что онѣ будутъ доведены до конца, такъ какъ вполнѣ того заслуживаютъ, хотя-бы по священнымъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ изслѣдуемымъ мѣстомъ; тогда только и можно будетъ дать ихъ подроб-

[1]) Siestrzencevicz, Histoire de la Tauride t. I, p. 168. Пріуроченіе легенды о св. Климентѣ къ Инкерману кѣмъ-либо ранѣе Сестренцевича мнѣ неизвѣстно, хотя я тщательно розыскивалъ перваго автора этого предположенія.

[2]) Терновскій, Мученіе св. Климента по русскому списку. Записки Одесскаго Общества Исторія и Древностей, т. X, стр. 167 и слѣд. Родники указываемыхъ балокъ, которые пересохли и стали незамѣтными, послѣ расчистки ихъ и вслѣдствіе нѣсколькихъ дождливыхъ лѣтъ, въ 1879 и 1880 годахъ, превратились въ ручьи и потекли въ море; то-же самое было во время путешествія Палласа (Bemerkungen, t. II, p. 50) и повторилось, по семейнымъ разсказамъ, въ 20-хъ годахъ нашего вѣка.

[3]) Виноградскій, Фрески базилики св. Климента, въ Сборникѣ древне-русскаго искусства за 1866 г., стр. 168, рис. XVIII; его-же, Базилика св. Климента, въ Вѣстникѣ древне-русскаго искусства 1876 г. Эти фрески, изображающія чудо св. Климента въ подводномъ храмѣ, очевидно, написаны по житію святого, и представляютъ, конечно, вымышленный, а не дѣйствительный видъ этого храма. Росси относитъ ихъ къ XI в. Впрочемъ, и на этихъ фрескахъ изображенъ не храмъ, а родъ киворія надъ престоломъ; ясно, что художнику, писавшему фрески, были извѣстны разсказы, подобные вышеприведенному. Сохранилась эта фреска, до сихъ поръ, очень порядочно.

ное описаніе. Пока представляю на таб. III, рис. 10, небольшой планъ островка и открытыхъ на немъ стѣнъ, на-скоро составленный, но могущій дать достаточное понятіе о найденныхъ постройкахъ [1]). На островкѣ, какъ видио, оказалась цѣлая группа мелкихъ зданій, окружающихъ небольшой дворъ и маленькую церковь, похожую въ планѣ на церкви-часовни византійскаго городища; въ общемъ все это несомнѣнно составляло монастырекъ. Нѣкоторые признаки, да и самый планъ построекъ, позволяютъ утверждать, что церковь имѣла подпольный ярусъ, родъ крипты, низъ котораго уцѣлѣлъ, на высоту 1—$1^1/_2$ аршинъ, верхняя-же часть церкви исчезла совсѣмъ. Въ одно изъ отдѣленій низа (означено буквою А на табл. III, рис. 10), очень узенькое, продѣланъ широкій ходъ сбоку и стѣна церкви тутъ поддержана столбомъ и аркою. Подходъ къ этому мѣсту состоялъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ помѣщеній, составлявшихъ родъ корридора. Безъ особой натяжки можно предположить, что устройство особаго отдѣленія, доступнаго извнѣ церкви по отдѣльному боковому ходу, вызвано какимъ-либо особымъ обстоятельствомъ; ни въ Херсонесѣ, ни гдѣ-либо въ Крыму ничто подобное не встрѣчалось [2]). Можно не безъ основанія думать, что этимъ особымъ обстоятельствомъ и было желаніе сдѣлать удободоступною именно самую могилу, въ которой найдены мощи св. Климента, бывшую подъ поломъ церкви. Я высказываю такое предположеніе только потому, что оно основано не на простомъ вымыслѣ, а на несомнѣнномъ фактѣ нахожденія мощей св. Климента именно здѣсь въ гробницѣ, самое устройство которой не только не противорѣчитъ церковной обрядности, но вполнѣ отвѣчаетъ общераспространенному обычаю погребать тѣла мучениковъ въ особыхъ криптахъ подъ церквами, съ отдѣльнымъ къ нимъ ходомъ. Иное объясненіе особенностей отдѣленій подполья нашей церкви трудно придумать. Дворъ монастыря и полъ крипты находятся почти на уровнѣ моря и даже покрываются водою при большихъ ея нагонахъ; это обстоятельство, конечно, и указало на необходимость поднять самую церковь во второй ярусъ; оно-же показываетъ, до какой степени неудобно было построеніе чего-либо на этомъ мѣстѣ, и рѣшились на такую постройку, надо думать, только подъ вліяніемъ особыхъ причинъ, которыми и могли быть нахожденіе и погребеніе тѣла, вѣроятно, тутъ-же утопленнаго св. Климента. Заливаніе моремъ двора и могилы отчасти объясняетъ легенду о подводномъ храмѣ, построенномъ ангелами; но также возможно и обратное, т.-е., что и самая могила нашлась именно здѣсь подъ вліяніемъ легенды и нѣкотораго сходства съ нею мѣстности.

Пока, какъ я уже сказалъ, раскопки островка еще далеко не кончены, но все-же онѣ открыли, кромѣ построекъ монастыря, еще и остатки стѣнъ, толщиною до $7^1/_2$ футовъ, совершенно особенной кладки. Нѣтъ сомнѣнія, что это остатки крѣпостной стѣны древнѣйшаго Херсонеса и къ тому-же самой любопытной ея части и самой трудной для обороны. Именно здѣсь, на низинѣ, и надо искать ровъ и мѣсто приступа скиѳовъ, забрасывавшихъ ровъ камышемъ. Но еще разъ замѣчу, что необходимы полныя раскопки, прежде чѣмъ обо всемъ этомъ можно будетъ говорить подробно.

[1]) Вслѣдствіе неоконченности раскопокъ, я самъ только провѣрилъ планъ, которымъ обязанъ любезности завѣдывающаго раскопками, К. К. Косцюшкѣ-Валюжиничу, по замѣткамъ котораго онъ составленъ; быть можетъ, по окончаніи раскопокъ, придется дополнить этотъ планъ и исправить его въ подробностяхъ.

[2]) Двухъ-ярусная церковь, вѣроятно, XV в., почти вполнѣ сохранившаяся, находится въ Крыму въ дер. Демерджи; но тамъ нижній ярусъ имѣлъ, очевидно, особенное назначеніе — быть входомъ въ крѣпость и казармою; довольно вѣрные рисунки этой церкви помѣщены у Кеппена, Крымскій Сборникъ, Спб., 1837 г., стр. 18, 19 и 152.

Находокъ въ этихъ уже прежде раскопанныхъ мѣстахъ нельзя было ожидать, но все-же нашлись двѣ мраморныя плиты, языческаго времени, употребленныя на стѣну и полъ позднѣйшихъ построекъ. На одной трудно разбираемыя изображенія варваровъ-всадниковъ; другая—надгробная стела, съ двумя фигурами вверху и длинной поэтической надписью, въ которой мать оплакиваетъ дочь, безвременно умершую. Сохранность надписи довольно хороша, а время ея написанія, надо думать, позднѣе II вѣка по Р. Х. [1]).

Описываемый теперь островокъ, какъ указано выше, былъ не только извѣстенъ Палласу, но этотъ послѣдній даже далъ его подробный планъ, припявъ церковныя позднія постройки за крѣпостцу Скилура, увидѣвъ и здѣсь тесанную крупную плиту, которой вовсе не было и, наконецъ, умудрившсь насчитать и начертить цѣлыхъ четыре башни на протяженіи только 12 саженъ. Все это показаніе считалось, въ виду авторитета Палласа, непреложнымъ и послѣдующіе изслѣдователи, ничего не видя, разражались лишь обычными сѣтованіями на варварское уничтоженіе всего указаннаго еще Палласомъ [2]). Настоящія раскопки служатъ весьма характерною иллюстраціею, какъ старинныхъ описаній, такъ и всѣхъ этихъ совершенно безпочвенныхъ сожалѣній: всѣ развалины оказываются на мѣстѣ, не смотря даже на то, что ихъ уже разъ раскапывали и обыскивали, а отсутствіе видѣннаго Палласомъ объясняется столь-же простымъ, какъ и неожиданнымъ образомъ — его планчикъ, якобы крѣпостцы съ башнями, не имѣетъ ни малѣйшаго, даже самаго отдаленнаго подобія, съ дѣйствительностью. Для облегченія сравненія и мой планъ составленъ въ томъ-же масштабѣ, что и Палласа. Сознаюсь, что подобное отсутствіе малѣйшаго сходства съ дѣйствительностью, не то чтобы въ размѣрахъ, но хотя бы въ единой чертѣ, у такого умнаго, добросовѣстнаго ученаго какъ Палласъ, не мало удивляетъ даже и меня, привыкшаго видѣть до неузнаваемости вздорные рисунки и описанія Крыма. Объяснить такое дѣло можно только тѣмъ, что недоступныя и не дѣлавшіяся изысканія считали возможнымъ, въ доброе старое время, замѣнять простымъ кратковременнымъ обзоромъ и кабинетными умствованіями, къ тому-же не имѣвшими никакихъ основаній. Какъ бы то ни было, это обстоятельство весьма характерно и отлично показываетъ, какъ мало вѣры заслуживаютъ даже наилучшія старинныя описанія: тогда съ налета, въ нѣсколько часовъ, находили возможнымъ все увидѣть, все рѣшить, все въ точности описать.

Я начиналъ эти замѣтки указаніемъ на ошибочность старинныхъ описаній и случай даетъ мнѣ возможность окончить ихъ превосходнымъ, несомнѣннымъ образчикомъ не только такой ошибочности, но и слабаго пониманія дѣла встарь [3]).

Одесса, 1891 г.

---

[1]) Латышевъ, Греческія и Латинскія надписи, найденныя въ 1889—91 годахъ, Спб. 1892, стр. 26 -30.

[2]) Муравьевъ, Путешествіе по Тавридѣ стр. 76.—Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, t. VI, p. 132.—Аркасъ, Описаніе Ираклійскаго полуострова, стр. 20.—Муравьевъ, однако, дерзнулъ уже усумниться въ возможности существованія крѣпостцы Скилура на этомъ островкѣ, впрочемъ, не по явной несообразности такого предположенія, а лишь по общимъ топографическимъ соображеніямъ.

[3]) Тяжкая болѣзнь автора замедлила печатаніе этого труда, не позволивъ пополнить его свѣдѣніями о раскопкахъ послѣднихъ двухъ лѣтъ.

I

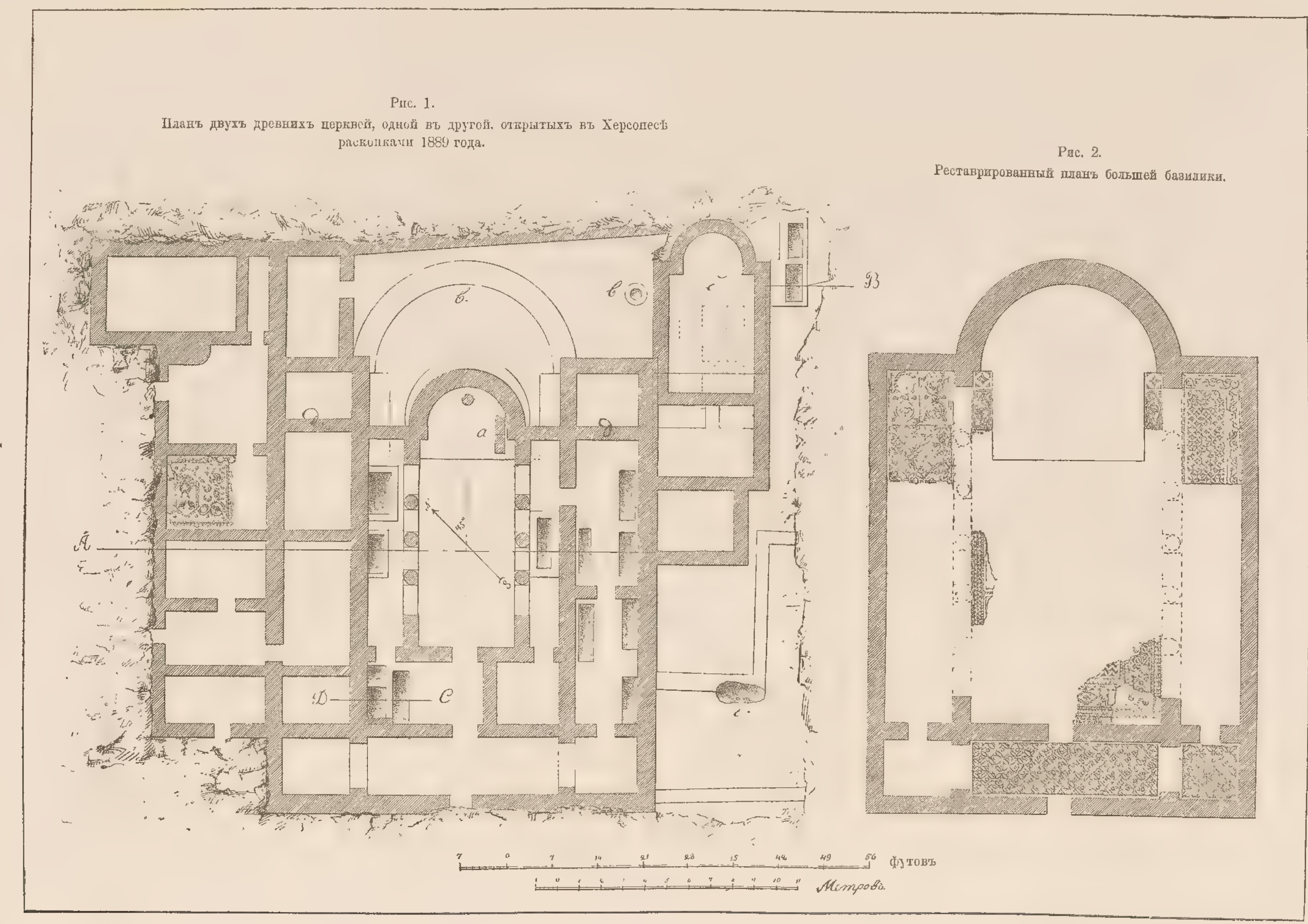
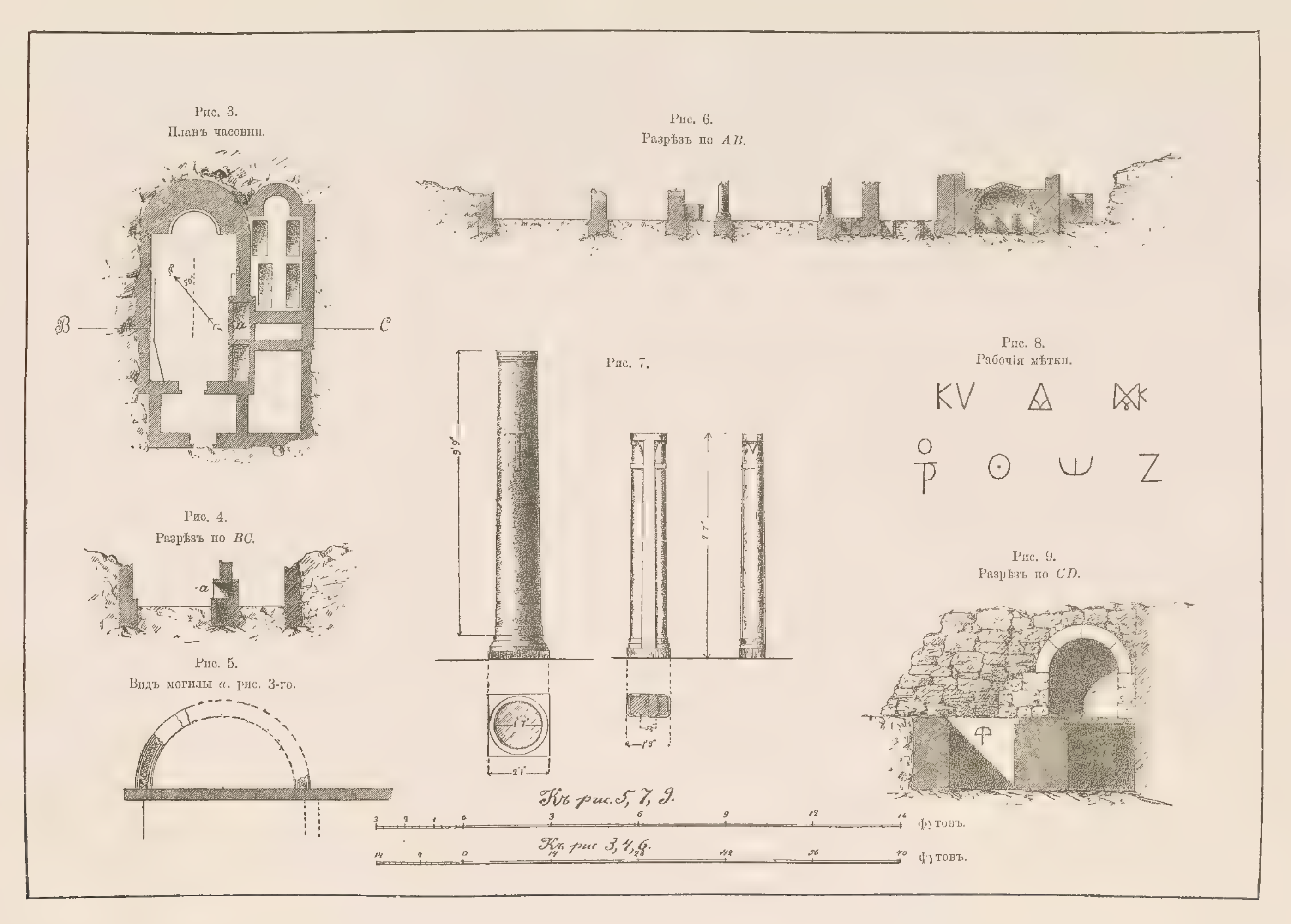

Рис. 1.
Планъ двухъ древнихъ церквей, одной въ другой, открытыхъ въ Херсонесѣ раскопками 1889 года.

Рис. 2.
Реставрированный планъ большей базилики.

Рис. 3.
Планъ часовни.
B
C
a
50°
Рис. 6.
Разрѣзъ по AB.
Рис. 7.
9'9"
2'1"
1'7"
7'7"
1'5"
Рис. 8.
Рабочія мѣтки.
KV
Z
Рис. 4.
Разрѣзъ по BC.
a
Рис. 5.
Видъ могилы a. рис. 3-го.
Рис. 9.
Разрѣзъ по CD.
Къ рис. 5, 7, 9.
3 2 1 0 3 6 9 12 16 футовъ.
Къ рис 3, 4, 6.
14 7 0 14 28 42 56 70 футовъ.

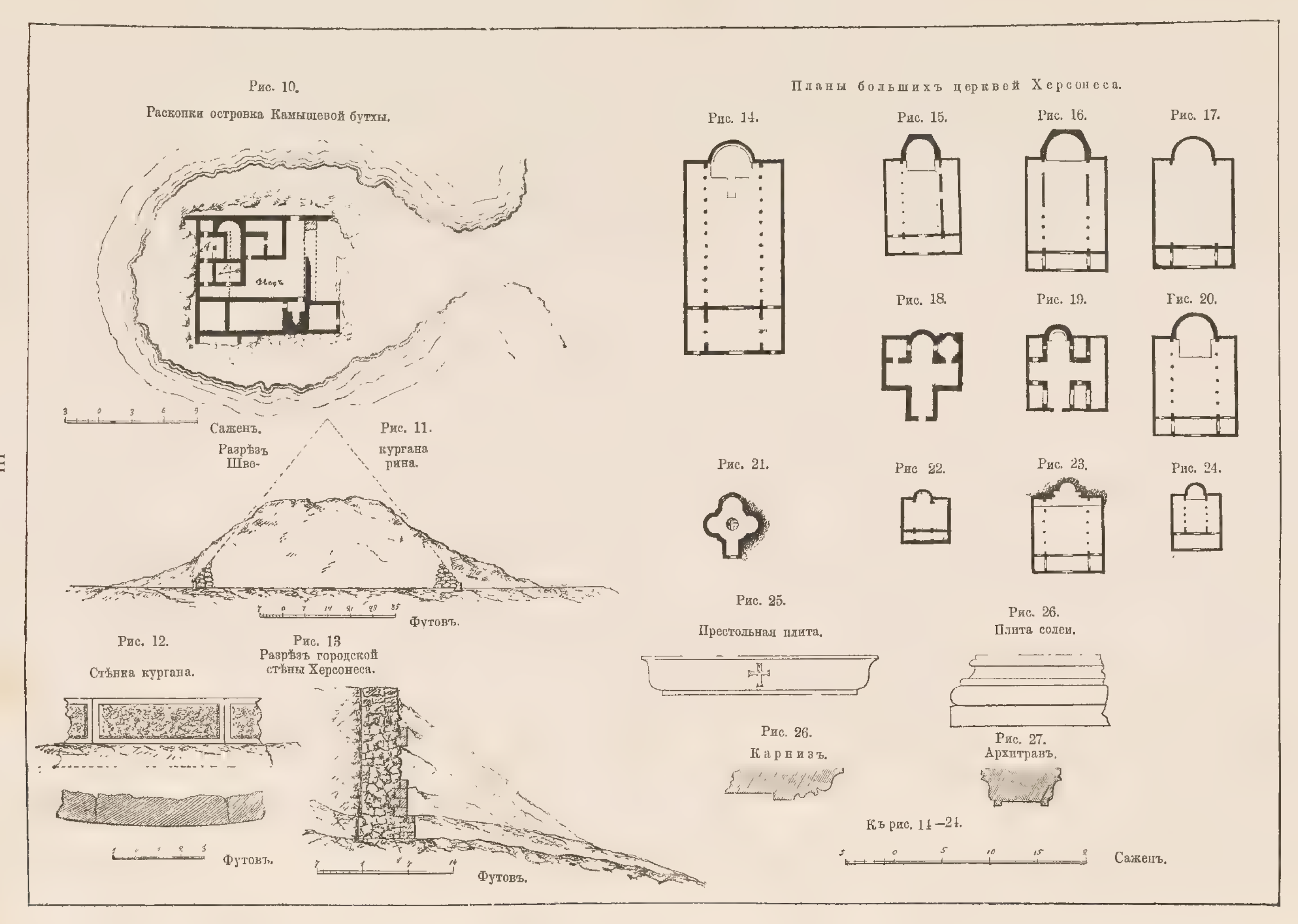

Рис. 10.
Раскопки островка Камышевой бухты.

Рис. 11.
Разрѣзъ кургана Шве-рина.

Рис. 12.
Стѣнка кургана.

Рис. 13
Разрѣзъ городской стѣны Херсонеса.

Планы большихъ церквей Херсонеса.

Рис. 14. Рис. 15. Рис. 16. Рис. 17.

Рис. 18. Рис. 19. Гис. 20.

Рис. 21. Рис 22. Рис. 23. Рис. 24.

Рис. 25.
Престольная плита.

Рис. 26.
Плита солеи.

Рис. 26.
Карнизъ.

Рис. 27.
Архитравъ.

IV.

1

2.

Худож. фототипія А И. Вильборгъ, Мѣщ. 19 Спб.

ΩΔΟΥ

VI

Лит К. де Кастелли В.О.11 д № 22 С.П.Б.

